И. БУНИЧ
ЗОЛОТО ПАРТИИ
КЕЙС ПРЕЗИДЕНТА
ИСТОРИЧЕСКИЕ ХРОНИКИ

И. БУНИЧ

ЗОЛОТО ПАРТИИ

КЕЙС ПРЕЗИДЕНТА

ИСТОРИЧЕСКИЕ ХРОНИКИ

МИНСК
«АЛКИОНА»
1994

500

Игорь Бунич

ЗОЛОТО ПАРТИИ

часть I

НАШЕСТВИЕ

Владимир Ильич Ленин в своих страстных мечтах о мировой революции сознавал, что первым шагом к осуществлению этой мечты должен стать вооруженный захват какого-либо государства с его ресурсами, экономическим потенциалом и, естественно, с золотым запасом. Надо сказать, что при этом он вовсе не имел в виду Россию с ее вечным экономическим дефицитом, огромным государственным долгом и пустой казной. Ленин присматривался к Швейцарии, считая эту маленькую страну идеальной для осуществления своих планов мирового господства. Расположенная в центре Европы, многоязычная (готовый Интернационал!), опутавшая своими золотыми щупальцами весь мир через международную систему банков, именно Швейцария, по замыслу вождя, должна была стать той базой, откуда революция начнет победный марш по всей Европе, пробивая себе дорогу, как тараном, тысячами тонн швейцарского золота. Специалисты считают, что «цюрихские» мечты Ленина были вызваны собственным безденежьем, поскольку после смерти матери денежные переводы из России перестали поступать, а зарабатывать себе на жизнь он не умел — что и вызвало у него обострение шизофрении со сладкими видениями, принимавшими вид бронированных сейфов швейцарских банков. Однако в лапы вождя пролетариата попала не Швейцария, а, к сожалению, Россия, быстро и эффективно превращенная в плацдарм для всемирной революции.

Политика Ленина была простой, как и все гениальное. В основу ее, о чем Ильич не уставал повторять в своих бесчисленных речах, статьях, тезисах и записках, была положена провозглашенная в «Коммунистическом манифесте К. Марксом основная идея социализма, заключающаяся в том, что «рабочие не имеют отечества», а потому социалисты никогда и ни при каких обстоятельствах не должны защищать интересы государства. Подобная постановка вопроса мгновенно дала блестящие результаты. Сегодня мы, отбросив шелуху бредовых идеологических теорий и заклинаний, глядя на события с семидесятипятилетнего расстояния возможно впервые попытаемся простым и доступным языком объяснить, что произошло в России в октябре 1917-го года. И тогда гораздо понятнее станет то, что произошло три четверти века спустя — в августе 1991-го...

А произошло тогда следующее. Воспользовавшись демократическим хаосом после свержения монархии, власть в стране захватила международная террористическая организация, финансируемая во имя собственного спасения

Германией. Такого в истории человечества еще не было. И то, что это удалось, явилось для мира полной неожиданностью, не меньшей, впрочем, чем и для самих его участников — кучки разноплеменных авантюристов, собравшихся вокруг своего полубезумного лидера. Менее всего в свой успех верили именно они, а потому и вели себя соответственно. Держа наготове заграничные паспорта, готовые в любую минуту исчезнуть из России так же неожиданно, как они в ней н появились, большевики началн грабеж национального достояния страны, растаскивая его по темным углам и переправляя за границу. Вначале это делалось тороплнво н неумело. Ннкто не знал, удастся ли завтра продолжить разбой, а потому все, что можно, нужно было взять сегодня. Параллельно необходимо было избавиться от конкуренции со стороны уголовных элементов, не желавших делнться добычей с новой властью, чей лозунг «Грабь награбленное!» — нашел немедленный отклик у многомиллионной российской черни. Однако этот лозунг призывал к грабежам вовсе не их, в чем они быстро сумели убеднться, т. к. безжалостно расстреливались без суда и следствня на месте. Новая власть, будучи лучше организованной и вооруженной бандой, совершенно не желала терять драгоценное время на какое-либо юрндическое обоснование своих действий. Тем не менее идеологнческое обоснование было необходимо и оно, роднвшись в безумно-гениальной больной голове вождя, своей беспредельной утопичностью ужаснула даже его ближайших сообщников. Все ценности, награбленные царизмом н эксплуататорами у народа, отбираются большевикам с единственной целью — распределить впоследствин их поровну среди всех трудящихся, освобожденных отныне от каких-либо видов эксплуатации. «Боже мой! — восклицал труслнво наивный Бухарин,— неужели в это можно поверить?» «Поверят, пся крев!» — успокаивал его Дзержинский, и его глаза наркотически блестели, как бриллианты, конфнскованные для «днктатуры пролетарната». Действнтельно, поверނлн! Возможно потому, что вера в сказки, где добрый Иван-дурак, став царем, раздает всю свою казну и казну казненных бояр всему народу поровну, устраивая по этому случаю трехнедельный пнр-горой, слишком глубоко жила в душе доброго, наивного и вечно обманываемого народа. Тех же, кто в эту «сказку — липу» не поверил, расстреливали, топнлн в баржах, сжигали в церквах, травили газами в подвалах без суда и следствия. «Будьте образцово беспощадны!» — учил Ильич.— «Расстреливать, никого не спрашивая и не допуская идиотской

волокнты!». Массовые убнйства, впервые в мнре иоваторскн примененные большевнкамн протнв собствеииого народа, конечно, сыгралн свою роль, дав возможность банде ублюдков удержать власть, н это поразнло весь мнр, легкомысленно предсказывавший неминуемое н скорое крушенне кровавого режнма. Мнр просто не знал этих новых «большевнстскнх» методов, а если н знал, то никогда бы не повернл, что подобные методы можно применить на практике в XX веке, да еще в стране, совсем недавно счнтавшей себя европейской. Но страшнее чекнстскнх пуль оказалась выпущеиная большевнками бацилла всеобщего равенства. Именно оиа повлекла под зиамена междуиародиых террорнстов многомиллнонные российскне массы, нменно во нмя всеобщего равенства осуществлялнсь бесчнслеииые экспропрнацни, конфискацнн, иацноиалнзации, именно на ее алтарь прнноснлнсь иеисчислимые жертвы, нмеиио она позволнла большевнкам удержаться у властн н нменно нз-за иее потерпелн поражение их протнвинкн, пытавшиеся снлой логикн н разума остановить охватившее страиу массовое безумне. Безумне большевизма — это болезнь, что-то вроде бешенства нации; этот днагиоз, к сожалеиию, соцнологн поставят слишком поздио, считая что дальше должны уже работать пснхнатры. Соцналнзм — это ндеологня зависти — еще в 1918 году определил Бердяев, ио его, к счастью, ннкто ие услышал, иначе бы уинчтожилн на месте. Бацнлла бешенства нлн ндеологня завнстн, или то н другое. Пусть ученые будущего разберутся, как на такую грубую прнманку удалось поймать народы огромной страны, поверившне в возможность построення Царства Божьего иа кровн и разбое. Пока же иарод, истекая кровью н кровавым потом, ждал, когда же его новые вождн иачнут наконец раздавать захваченные богатства так, чтобы нарком н прачка получилн свои одниаково равиые доли, событня развнвались, как говорнтся совсем по другому сценарию.

Мало кто поннмает сегодня, что «созданное» в октябре 1918 года Лениным первое в мнре Соцналнстическое государство рабочнх н крестьяи, было по сутн своей германскнм протекторатом до самого крушення Германнн, т. е. до ноября 1918 года. Немцы, благодарные Леннну за развал Восточиого фронта, а равно н за последующнй развал Российской нмпернн, обеспечнвалн новорожденному первеицу всех режнмов военную и моральиую поддержку. Немцы ие только помогали миллионнымн субснднямн иемецкого генштаба заговору большевиков протнв юной н наивной

российской демократии, они приняли и непосредственное участие в октябрьском перевороте, обеспечив отрядами своих «военнопленных» оборону Петрограда от казаков генерала Краснова и руководя бомбардировкой и взятием московского Кремля. Отблагодарив благодетелей Брестским миром, отдавшим под немецкую оккупацию чуть ли не половину европейской части бывшей Российской империи, Ленин получил взамен полную свободу рук на контролируемой его бандой территории. Однако они понятия не имели, сколько на этот контроль отпущено времени. Немцы постепенно начинали понимать, что за компанию они привели к власти в России, с ужасом взирая на методы большевиков по внедрению обещанного счастья попавшему под их гнет населению, и стали подумывать, а не заменить ли этот страшный режим каким-нибудь другим, поприличнее. В принципе это сделать было очень легко: от 48 до 72 часов требовалось немецким войскам для оккупации Петрограда и Москвы. Однако, получив неслыханный подарок в виде Брестского договора, который им не снился даже в самом прекрасном сне, ведя переговоры с представителями различных политических группировок добольшевистской России, с уцелевшими членами императорского дома, Временного правительства и генералитета и предлагая свою помощь в свержении большевиков, немцы ставили единственное условие: подтверждение статей Брестского договора! Все с ужасом открещивались от этого условия, а немцы ни на какие уступки не шли. Одних губила жадность, других — честность. Ленин знал о немецких интригах за своей спиной и нервничал, со страхом ожидая ежедневно, что немецкие штыки сбросят его со всероссийского трона так же быстро, как и возвели. Обстановка не позволяла терять времени, и надо отдать должное Ленину как «пахану» с железными нервами, который не дал сразу разбежаться умирающим от страха и впадающим в панику сообщникам из своего ближайшего окружения. Позднее в искреннем частном письме Николай Бухарин с восторгом вспоминал: «Кто, как не Ленин, обокрав сначала эсеров, а потом и меньшевиков, стукнул им всем по голове, взял в руки дубинку и даже с ними разговаривал лишь после того, как он сам все решит. И мы молчали и подчинялись и все, вопреки теории и программе, получалось великолепно! Деникин под Тулой, мы укладывали чемоданы, в карманах уже лежали фальшивые паспорта и «пети-мети», причем я, большой любитель птиц, серьезно собирался в Аргентину ловить попугаев. Но кто, как не Ленин, был совершенно спокоен и

сказал, н предсказал: «Положение — хуже не бывало. Но иам всегда везло н будет везти!»

Что же это за «пети-метн», которые большевики готовили к вывозу нз страиы, прокладывая маршруты аж до Аргентины?

Едва обосновавшись в Петрограде после переворота, когда немецкие «интернационалисты» еще окапывалнсь иа Пулковских высотах, а линейный корабль «Заря Свободы» (*б.* «Император Александр II») стерег своими двеиадцатндюймовками подступы к Петербургу с юга, Ленин, еще ие зная как обериется дело, с присущим ему цинизмом уже объявил «атаку красногвардейцев на капнтал». Были разграблены дворцы, включая Зимний [1], захвачеиы баикн, ювелириые магазииы, кассы крупиых торговых предприятий, частные кассы взаимопомощи, банковские фнлиалы иа заводах.

Не все поиачалу получалось так гладко, как хотелось. Где-то еще отстрелнвалась вооруженная охраиа, где-то оказывали сопротивление частные лица, где-то невозможио было иайти сами храиилища золота и драгоцеиностей или ключи от сейфов, где-то, ие думая о последствнях, отважно сопротнвлялнсь безоружиые банковские служащне н чиновники миииистерства финансов — люди, как правило, пожилые, ибо всю молодежь съела война. Но это было только вначале. Отдышавшнсь, оглядевшись н поняв, что нм никто всерьез не помешает и не окажет оргаинзоваиного сопротнвлення, большевикн сталн действовать более методнчио, но ие меиее целеустремлеино. 13 ноября 1917 года Леиин отдает следующий приказ: «Служащие Государственного баика, отказавшиеся признать Правительство рабочих и крестьян — Совет Народных Комнссаров — н сдать дела по банку, должиы быть арестоваиы. (Подписалн) Председатель Совета Народиых Комиссаров: Вл. Ульянов (Ленин); Секретарь Совета Народных Комнссаров: Н. Горбуиов». Сутью конфлнкта были два обстоятельства. Во-первых, иежелаиие баика открыть место своего храинлища золота, а во-вторых, иевыполиеине предпнсаиия Ленина немедлеиио открыть для него лицевой счет и перевести на него из активов банка пять миллионов золотых рублей с последующим востре-

---

[1] Если кто-нибудь в этом еще сомиевается, то могу сообщить, что в распоряжеиии НПП «Облик» имеются около 50 фотосиимков, сделаиных в Зимием дворце 26 октября и хорошо иллюстрирующих устроеный там погром. Готовится к изданию альбом «Зимний дворец утром, 26 октября 1917 г.»

бованием на этот счет любых сумм без какого-либо права отказа. Деньги с этого счета мог снимать только сам Ленин или Горбунов. Вместе со служащими Государственного банка были схвачены сотрудники всех коммерческих и частных банков столицы. Надо отдать должное мужеству простых русских финансовых служащих, чьи имена по большей части остались безвестными. Находясь под арестом и подвергаясь пыткам и издевательствам, они до конца боролись за создаваемую десятилетиями русскую финансовую систему, но ни один финансист в мире не может лично противостоять вооруженному разбою, организованному на самом высоком государственном уровне. Полная безнаказанность и глобальная безответственность позволили расширить размах грабежа. В декабре объявляется о «национализации» Государственного банка России, а также об экспроприации всех частных и коммерческих банков. Дополнительным указом от 23 декабря 1917 г. прекращаются платежи дивидендов по акциям и паям частных предприятий, а также все сделки с ценными бумаги. Все российские банки ликвидируются, банковское дело объявляется монополией партии в лице единого так называемого «народного банка». Представителям исполнительной власти на контролируемой большевиками территории «предоставляется право конфискации, реквизиции, секвестра, принудительного синдицирования различных отраслей промышленности и торговли и прочих мероприятий в области производства, распределения и государственного финансирования».

С ноября 1917 г. началась конфискация «в пользу народа» промышленных предприятий. Она началась с конфискации Ликинской мануфактуры. 9 декабря 1917 года на заседании Совета Народных Комиссаров под председательством Ленина принято решение о конфискации имущества Симского Акционерного общества горных заводов, 27 декабря принят указ о конфискации имущества акционерных обществ Сергинско-Уфалейского и Каштынского горных округов, аэропланного завода Антара и о переходе Путиловского завода в собственность «народа». Разграбление национального достояния страны шло быстро, с возрастающей эффективностью и не ограничивалось уровнем крупных банков и акционерных обществ с мировой известностью. В азарте охотника, стремящегося не упустить добычу, пусть даже мелкую, Ленин предписывает Дзержинскому срочно взять на учет всех лиц, у кого потенциально могут иметься какие-либо фамильные ценности и сбережения.
К таким относились:

«1. Лица, принадлежавшие в богатым классам, т. е. имеющие доход в 500 руб. в месяц и выше; владельцы городских недвижимостей, акций и денежных сумм свыше 1000 руб., а равно служащие в банках, акционерных предприятиях, государственных и общественных учреждениях, обязаны в течение 24-х часов (Ленину не терпелось, хотя даже шеф только что созданной политической полиции вынужден был заменить этот срок на трехдневный) представить в домовые комитеты в трех экземплярах заявления за своей подписью и с указанием адреса о своих доходах, службе и занятиях.

2. Домовые комитеты скрепляют эти заявления своей подписью, сохраняя один экземпляр у себя и представляя два остальных экземпляра в Городскую управу и в Народный Комиссариат внутренних дел (НКВД).

3. Лица, виновные в неисполнении настоящего закона (в непредставлении заявлений или в подаче ложных сведений)... наказываются денежным штрафом до 5000 руб. [1] за каждое уклонение, тюрьмой до одного года или отправкой на фронт, смотря по степени вины.

4. Лица, указанные в п. 1, обязаны постоянно иметь при себе копии с вышеуказанных заявлений, снабженные удостоверением домовых комитетов, а равно начальства или выборных учреждений.

5. Эти лица обязаны в недельный срок со дня издания настоящего закона обзавестись потребительскими рабочими карточками (образец прилагается) для ведения еженедельных записей приходов и расходов и для внесения в книжки удостоверений от комитетов и учреждений...»

Как и все ленинские документы, этот составлен в полном соответствии с поставленной задачей. Доход от 500 рублей в месяц и выше бьет по купечеству, начиная от очень среднего, и по интеллигенции, особенно по ее творческой части — адвокатуре, журналистам, издателям. А вот недвижимость в 1000 рублей сразу охватывает всю мелкоту — владельцев крошечных лавок, охтинских огородов, домов на Выборгской. Этот документ по духу и содержанию напоминает приказы немецких оккупационных властей по регистрации евреев [2]. От него веет бесспорным доказательством

[1] Зачеркнуто, переправлено на 10 000 — вдохновение приходит во время творчества.

[2] Но Гитлер для этой цели имел аппарат, а сам не оставил ни единой визы на документах подобного рода. А вождь мирового пролетариата не брезговал писать подобные бумаги собственноручно с неизменным комприветом в конце.

того, что страна была оккупирована бесстыдными и беспощадными завоевателями, хотя мало кто тогда мог это понять. Но на этом ленинский порыв не закончился. А как же быть с теми, у кого доход меньше, а недвижимости не на 1000 рублей, а, скажем, на 25? И вождь заканчивает свое знаменитое послание товарищу Дзержинскому знаменитым пунктом 7, с обычным блеском подтвердив свою легендарную гениальность:

«7. Лица, не подходящие под условия п. 1, представляют в домовые комитеты в одном экземпляре заявления о своем доходе и месте работы, обязуясь иметь при себе копию этого заявления, удостоверенную домовым комитетом». Что там разбираться! Грабить — так всех поголовно. К тем, кто имел глупость зарегистрироваться, а не бежать среди ночи по льду Финского залива или на юг, что было совсем не просто, сразу же вламывались с обысками. Эти обыски иногда продолжались месяцами как, например, у ювелира Николаева или инженера Куравского. Взламывались стены, поднимались полы, потрошилась мебель, хозяев избивали, пытали, насиловали на их глазах дочерей и жен, истязали детей. А если что-нибудь в итоге и находили, хотя бы золотую медаль за отличное окончание гимназии, то главу семьи увозили в тюрьму (часто навсегда), а семью выкидывали на улицу...

В России, как и во всех других странах, сотни тысяч людей привыкли держать свои сбережения в банках, пользуясь индивидуальными сейфами или, как их тогда называли, стальными ящиками. В эти ящики перечислялись гонорары, дивиденды с акций, проценты с капитала и т. п. Поскольку тайна вкладов — основа банковского дела, фамилии владельцев стальных ящиков часто не были известны служащим банков. Номер шифра и номер ключа — вот все, что было известно. При захвате банков большевики, конечно, могли бы все эти ящики взломать и вычистить, но это было примитивно. Куда интереснее было выловить и всех владельцев индивидуальных сейфов, поскольку естественно было предположить, что там хранятся далеко не все деньги их владельцев. В результате, 14 декабря 1917 года Ленин утвердил решение ВЦИК «О ревизии стальных ящиков», где говорилось:

«1. Все деньги, хранящиеся в банковских стальных ящиках, должны быть внесены на текущий счет клиента в Государственном банке.

Примечание. Золото в монетах и слитках конфискуется и передается в общегосударственный золотой фонд.

2. Все владельцы стальных ящиков обязаны немедленно

по вызову явиться в банк с ключами для присутствия при производстве ревизии стальных ящиков.

3. Все владельцы, не явившиеся в трехдневный срок, считаются злонамеренно уклонившимися от ревизии.

4. Ящики, принадлежавшие злонамеренно уклонившимся лицам, подлежат вскрытию следственными комиссиями, назначенными комиссарами Государственного банка, и все содержащееся в них имущество конфискуется Государственным банком в собственность народа.» Явившихся на ревизию немедленно арестовывали и выбивали из них оставшееся состояние вместе с душой.

Параллельно с ограблением страны принимались меры, чтобы никто этому процессу не мог помешать. Разумеется, основную тревогу вызывали офицеры, которых в одном Петрограде насчитывалось до 50 тысяч. После развала армии и подоспевшего указа о ее роспуске, они жили по домам, мечтая только пересидеть это страшное время и не думая, в подавляющем большинстве, о какой-либо активной деятельности. Четырех лет мировой войны было для них вполне достаточно. Но не тут-то было. Вышел указ, предлагавший под страхом расстрела на месте всем офицерам пройти регистрацию. Явившиеся на регистрацию были погружены в баржи, которые вывели в залив, и там все утоплены. Именно тогда и родилось знаменитое понятие «гидра контрреволюции». Создавалась «гидра» таким образом. Трех или четырех офицеров ставили спиной друг к другу, связывали веревками, затем бросали в воду. Но это, конечно, были исключительные случаи, когда чекистам очень хотелось повеселиться. Обычно просто топили или расстреливали как классово опасных особ, ни на минуту не отвлекаясь от главной задачи — ободрать Россию до костей. Перепуганные жители северных и центральных губерний России тысячами ринулись в бегство на юг, стремясь прорваться на Украину, чья самостоятельность была гарантирована Брестским договором и обеспечивалась немецкими войсками, стоявшими кордоном вдоль границы с РСФСР от Украины до Прибалтики, охраняя с одной стороны большевиков от вторжения извне и не давая им самим расширить границы собственной территории. Беженцев не пропускали, заворачивали назад, прорвавшихся выдавали, а уже действовал ленинский декрет «о незаконном переходе границы», предусматривавший, как и водится, расстрел. Родственники и друзья многих людей, оставшихся на оккупированной большевиками территории, в отчаянии бомбардировали петициями гетмановское правительство Украины, умоляя

вмешаться и помочь их родным вырваться из коммунистического «рая». Правительство Украины с просьбой о помощи обратилось к немцам. Те прозондировали почву в Москве через своего посла Мирбаха. К удивлению немцев, Ленин воспринял это предложение чуть ли не с восторгом. Если гетманское правительство так заботится о «паразитирующих классах», то советское правительство ничего не имеет против того, чтобы выслать на Украину сколько угодно человек, но ... не бесплатно. Пусть в Киеве составят списки с указанием фамилий и адресов и перешлют их в Москву. За каждого беженца необходимо будет уплатить 2000 фунтов стерлингов или золотом. Впрочем, махнул рукой Ленин, можно и зерном, черт с вами. Только поспешите, время уходит. В последних словах вождя содержался столь прозрачный намек, что очень скоро на север с Украины потянулись эшелоны с хлебом, известные тогда всей России как «гетманские эшелоны». Они несли свободу и жизнь многим обреченным. На юг двинулись поезда, набитые беженцами, у которых были родные и друзья на Украине. На пограничных станциях беженцев обыскивали, обирая до нитки. Поезда стояли сутками. Никаких гарантий не было. Кого угодно могли неожиданно арестовать, а то и расстрелять прямо на перроне.

Но это, как говорится, были еще цветочки. Очень богатых людей в России было не так уж много, и все они были на виду. Людей среднего достатка, о которых с таким вожделением писал Ленин Дзержинскому, было побольше но и они составляли весьма малый процент от общего числа населения. Поэтому их ограбить и уничтожить было легко, да и надо признаться, что они не имели почти никакой общественной поддержки, ибо идеология зависти делала свое дело.

Но существовали десятки миллионов мелких собственников-тружеников: шорники, овчинники, кожевники, сапожники, воскобои, плотники, столяры, краснодеревщики, чеканщики, стеклодувы, кровельщики, печники, офени, пильщики, переплетчики, златошвейки, кружевницы, фотографы, иконописцы — короче говоря, все самодеятельное население страны. Огромным трудолюбием и для наших дней совершенно невероятным мастерством (возьмите хотя бы старинные переплеты или кружева) в условиях жесткой конкуренции им удалось за долгие годы скопить кое-какие деньги. Все они вполне справедливо считали себя трудящимися, от лица и во имя которых вещала большевистская банда. В отличие от заводских рабочих, имеющих пусть длинный,

ио фиксироваииый рабочий деиь, оин труднлнсь дин и иочи напролет, позволяя себе выходные разве что иа Рождество и иа Пасху. Кто же были трудящиеся, если не оии? Оии так считали и, как выяснилось, совершеино напрасио. Большевики не могли чувствовать себя удовлетвореииыми, ие обобрав их. Слишком много было трудящихся иа Руси, и все вместе оин моглн добавнть в партийиую казиу почти половииу того, что удалось вытрясти из крупиой буржуазии и ннтеллигеиции. Интересио, что имеиио эти мелкие собствеиники-тружеиики, вызывали почему-то у Леиииа гораздо большую ненависть, чем крупиые капиталисты. Это происходнло потому, что «вождь мирового пролетариата», будучн умнее и хитрее всех своих сообщников вместе взятых, смотрел несколько дальше своего окружеиия. Если те, выполияя возложеииую иа иих задачу разграбить Россию до иитки и быть в постояииой готовности немедлеино исчезиуть со своей фаитастической добычей, именно этому и посвящали свою энергию н «революциоииый задор», то Лении, виимательио отслеживавший положеине в страие н мнре, увидел уже теоретическую возможиость удержаться у власти. Вступлеиие в войну Соедииеииых Штатов с каждым дием делало положеиие кайзеровской Германии, несмотря иа отсутствие восточиого фроита, все более отчаяииым, приближая ее к экономической и воениой катастрофе, а следовательно — к капитуляции. Это, в свою очередь, означало аннулирование Брестского договора н превращение «Республики Советов» нз иемецкого протектората в иечто совершенио самостоятельиое и иепредсказуемое. К этому дию иужио было придтн соответствеиио подготовлеииым, для чего было совершеиио иедостаточно ликвидировать только буржуазию и интеллигенцию. Это было легко н просто. Теперь задача была посложиее, ио, как известио, иет таких задач, которые были бы ие по плечу большевикам. «Главным врагом социализма,— изрек Лении,— является мелкобуржуазиая стнхия» и продолжал: «Мелкие буржуи имеют запас деиьжонок в несколько тысяч иакоплеииых «правдамн» н особеиио «иеправдамн»... Деиьгн — это свидетельство иа получение общественного богатства, и миогомиллиоиный слой мелких собствеиииков крепко держит это свидетельство, пряча его от государства, ии в какой социализм и коммунизм не веря. Мелкий буржуа, храиящий тысчонки, враг ... н этн тысчонки ои желает реализовать непременно иа себя.» Нет, ие дают Ленину покоя деиьжоикн в чужнх карманах! И дело тут было ие только в деньгах, хотя деньгн безусловно необходнмо было отобрать в первую очередь. Ведь мелкне собственинки

(включая н земледельцев) — это все самодеятельное населенне огромной страны. Самодеятельное, а потому н самостоятельное. А дальняя задача вождя «мнрового пролетарната» состояла не только в том, чтобы нх обобрать, но н полностью лншнть самостоятельностн, превратнв в рабов, в послушный механнзм выполнення его волн. Леннн, не стесняясь, поучал свонх сообщннков, как воплотнть в жнзнь свон грандиозные планы:

«Хлебная монополня, хлебная карточка, всеобщая трудовая повнннность является в руках пролетарского государства, в руках полновластных советов самым могучнм средством учета н контроля... Это средство контроля н прннуждення к труду поснльнее законов конвента н его гнльотнны. Гнльотнна только запугнвала, только сламывала актнвное сопротнвленне. НАМ ЭТОГО МАЛО. Нам надо не только запугать капнталнстов в том смысле, чтобы чувствовали всеснлне пролетарского государства н забылн думать об актнвном сопротнвленнн ему. Нам надо сломать н пасснвное, несомненно еще более опасное н вредное сопротнвленне. Нам надо не только сломать какое-лнбо сопротнвленне. Нам надо заставнть работать в новых органнзацнонных государственных рамках. И мы нмеем средство для этого... Это средство — хлебная монополня, хлебная карточка, всеобщая трудовая повнннность.»

Яснее не скажешь. Еслн удастся удержаться у властн (н для того, чтобы удержаться), необходнмо сосредоточнть в руках все богатства страны (что уже н делалось), весь хлеб, все продукты, все жнлье, в общем все, от чего завнснт просто выжнванне, а затем распределять это так, чтобы всего только за хлебную карточку нзголодавшнйся н уннженный голодом человек пошел бы работать н вообще делать все, что прнкажут. Геннально н просто. Хотя еще не совсем ясно, на кого все-такн этот блестящнй прннцнп распространяется? Слово капнталнст, буржуй, кулак — понятня какне-то неопределенные, да н сам Леннн, запутавшнсь в ярлыках, ннкак не мог этн понятня четко обозначнть с точкн зрення дохода, жаловання, общего состояння, опустнв ннжнюю граннцу определення «богатые классы» до дохода в 100 рублей в месяц. И чтобы нн у кого не оставалось сомнення, кто же все-такн является главным объектом грабежа н насnлня, Леннн без всякнх недомолвок разъясняет:

«От трудовой повнннностн в прнмененнн к богатым власть должна перейтн, а вернее одновременно должна поставнть на очередь прнмененне соответствующнх прннцнпов (хлебная карточка, трудовая повнннность н прннуждение)

к большинству трудящихся рабочих и крестьян... Следует добиваться подчинения, и притом беспрекословного, единоличным распоряжениям советских руководителей, диктаторов, выбранных или назначенных, снабженных диктаторскими полномочиями...»

У членов ЦК от страха белели губы. Это уже не классовая борьба, это — война, объявленная всему народу. Во-первых, это опасно, а во-вторых... «Но что же останется от России? — в ужасе лепечет верный Бонч-Бруевич.— Ведь это означает полное уничтожение России в том виде, в каком она существовала 1000 лет...»

Резким движением Ленин засовывает большие пальцы рук за проймы жилетки, пиджак распахивается, щелочки глаз колюче и недобро смотрят на Управляющего делами СНК. Остальные молчат.

«Запомните, батенька,— говорит Ленин, обращаясь к Бонч-Бруевичу, но так, чтобы слышали все,— запомните. НА РОССИЮ МНЕ НАПЛЕВАТЬ, ИБО Я — БОЛЬШЕВИК!» Это любимое выражение Ленина стало девизом его сообщников, которые любили повторять его и к месту, и не к месту, пока Иосиф Виссарионович не заткнул им глотки пулями, поскольку эта страшная фраза Ленина никак не стыковалась со сталинской «еретической» теорией о возможности «построения социализма в одной стране». Итак, война была объявлена. Одним мигом была порушена вся, складывавшаяся десятилетиями, инфраструктура городов, замерли все виды торговли, прекратила существовать сфера обслуживания. Домовладельцы и хозяева гостиниц, кому не удалось бежать, были либо убиты, либо арестованы, либо, в лучшем случае, выброшены на улицу. Разбитыми или забитыми фанерой витринами смотрели на пустынные заснеженные улицы некогда известные всей Европе магазины и рестораны, первоклассные отели, гостиницы и клубы. Но не только они. Магазинчики, лавки, постоялые дворы, мастерские и ателье, меблированные комнаты и пансионаты — все прекратило свое существование. Естественно, что из продажи мгновенно исчезло все, и прежде всего — хлеб.

«Что такое подавление буржуазии? — разъяснял Ленин.— Помещика можно подавить и уничтожить тем, что уничтожено помещичье землевладение и земля передана крестьянам. Но можно ли буржуазию подавить и уничтожить тем, что уничтожен крупный капитал? Всякий, кто учился азбуке марксизма, знает, что так подавить буржуазию нельзя, что буржуазия рождается из товарного производства; в этих условиях товарного производства крестьянин,

который имеет сотин пудов хлеба лишних, которые ои ие сдает государству, н спекулирует — это что? Это не буржуазия?.. Вот что страшио, вот где опасиость для социальной революции.» И, конечио, уиичтожив всю систему торговлн в страие, любую продажу продовольствия иемедлеиио объявили спекуляцией (прекрасное слово, которое победиым маршем шло к коммуиизму все 74 года существования режима, пережив сам режим и, кажется, обеспечив себе бессмертие в нашей страие).

Уже 10 иоября 1917 года спекуляиты объявляются врагами иарода, через три месяца в декрете, подписаииом Ленииым, дается ясное указаиие: «спекуляиты... расстреливаются иа месте преступлеиия».

И на домах, на заборах, иа фонариых столбах — повсюду забелели прнказы: «Коифискацня всего имущества и расстрел ждет тех, кто вздумает обойти существующне н издаиные Советской властью закоиы об обмене, продаже и купле...»

Блестящее перо Зииаиды Гиппиус доиесло до иас кошмарную реальиость той страшной эпохи:

«... в силу бесчнсленных (ииогда противоречивых и спутанных, но всегда угрожающих) декретов, все было «иациоиалнзироваиио» — «большевизироваио». Все счнталось прииадлежащим «государству» (большевикам). Не говоря об еще оставшихся фабриках и заводах,— ио и все лавкн, все магазины, все предприятия н учреждения, все дома, все недвнжимости, почти все двнжимости (крупные) — все это по ндее переходнло в ведеиье н собствеииость государства. Декреты и иаправлялись в сторону воплощеиия этой идеи. Нельзя сказать, чтобы воплощение шло стройио. В конце концов это просто было желаиие прнбрать все к своим рукам. И большею частью коичалось разрушеиием н уннчтожением того, что объявлялось «нацноиализироваииым». Захвачеииые магазнны, предприятня и заводы закрывались; захват частиой торговли привел к прекращенню вообще всякой торговлн, к закрытию в с е х магазииов н к страшиому развитню торговли иелегальной, спекулятнвной, воровской. На нее большевнкам поневоле приходилось смотреть сквозь пальцы н лншь перноднческн громнть н хватать покупающнх — продающнх на улнцах, в частных помещеииях, на рыиках; рынкн, еднственный источиик питаиия решительио для всех, тоже былн иелегальщииой. Террористическне налеты иа рыики, со стрельбой и смертоубнйствамн, кончались просто разграблеиием продовольствия в пользу отряда, который совершал иалет. Продовольствие прежде всего, ио так как иет вещи, которой нельзя

встретить иа рыике,— то забиралось и остальиое,— ручки от дверей, броизовые подсвечиики, древиее бархатиое еваигелие... обивка мебели... Мебель тоже считалась собствеииостью государства, а так как под полой диваиа тащить иельзя, то люди сдирали обивку и иоровили сбыть ее хоть за полфуита соломеииого хлеба... Надо было видеть, как с визгами, воплями и стоиами кидались торгующие врассыпиую при слухе, что близки красиоармейцы! Всякий хватал свою рухлядь... бежали, толкались, лезли в пустые подвалы, в разбитые окиа... Туда же спешили и покупатели,— ведь покупать в Совдепии ие меиее преступио, чем продавать хотя сам Зииовьев отличио зиает, что без этого преступлеиия Совдепия коичилась бы, за иеимеиием поддаииых, дией через 10... Россией сейчас распоряжается иичтожиая кучка людей, к которой вся остальиая часть иаселеиия, в грамотиом большиистве, отиосится отрицательио и даже враждебио. Получается истиииая картииа чужеземиого завоеваиия. Латышские, иемецкие, австрийские, веигерские и китайские полки дорисовывают эту картииу. Из латышей и моиголов составлеиа личиая охраиа большевиков. Китайцы расстреливают арестоваииых, захвачеииых. (Чуть ие иаписала «осуждеииых», ио осуждеииых иет, ибо иет суда иад захвачеииыми. Их просто так расстреливают)... Чем ие моигольское иго?»

Так обстояли дела в оккупироваииых городах. Но Россия — страиа аграриая и подавляющее большиинство ее иаселеиия, ее кормильцы — миогомиллиоииая армия крестьяи,— ие могли быть ие ограблеиы и ие раздавлеиы, ибо помимо золотых моиет в кубышках, что, как помиится, постояиио вызывало раздражеиие Ильича и ие давало ему покоя, владели и мощиым эквивалеитом золота — хлебом. А без хлебиой моиополии вождь мирового пролетариата просто ие зиал, что ему делать дальше, «если большевикам удастся удержать власть». И хотя в этот период возможиость удержаиия власти выглядела весьма сомиительиой, оставлять иеограблеииым столь большой процеит захвачеииого иаселеиия было совершеиио иевозможио.

Эиергия массового безумия, излучаемая Лениииым, подсказала оптимальиые решеиия. «Нашей важиейшей задачей,— декларировал вождь,— это задача иатравить сиачала крестьяи иа помещиков, а затем, и даже ие затем, а в то же самое время иатравить рабочих иа крестьяи!».

Но иадо было ие просто иатравить друг иа друга разиые категории иаселеиия, что иа языке большевиков изывалось классовой борьбой, а под шумок этой борьбы обчистить до

нитки все участвующие в этой «борьбе» стороны. Потому что вопрос, как ни крути, ставился вполне откровенно: следовало лишить крестьянина права продавать свое зерно и просто захватить его от имени государства, не заплатив, естественно, ни копейки. Сделать это можно было только одним путем — силой, ибо никто и не предполагал, что крестьяне так просто — даром отдадут свой хлеб. Поэтому быстро начали формировать продовольственные реквизиционные отряды для конфискации хлеба (а равно и других ценностей) у сельского населения. Но в сельской местности дело не пошло так гладко, как в городах. Крестьяне немедленно начали оказывать яростное сопротивление. 245 крупных крестьянских восстаний вспыхнуло в 1918 году только в 20 районах центральной России. В селах и деревнях разыгрывались настоящие сражения. Суть ленинского плана заключалась в обеспечении любой ценой «хлебной монополии», т. к. без нее невозможно было превратить в рабов двухсотмиллионное население огромной страны. «Ни один пуд хлеба — указывал вождь,— не должен оставаться в руках держателей... Объявить всех, имеющих излишек хлеба и не вывозящих его на ссыпные пункты, врагами народа, предавать их революционному суду с тем, чтобы виновные приговаривались к тюремному заключению на срок не менее 10 лет, изгонялись навсегда из общины, а все их имущество подвергалось конфискации...» Но «не менее 10 лет» с конфискацией всего имущества — это было только началом. Спустя некоторое время, в ярости от сопротивления повальным грабежам, Ленин будет отдавать направо и налево приказы следующего содержания: «... Прекрасный план. Доработайте его с т. Дзержинским. Замаскируйтесь под «зеленых» (а позднее мы на них это и свалим!), проскачите 10—20 верст и перевешайте всех кулаков, священников и помещиков. Премия 100 000 рублей (видимо с собственного лицевого счета — И. Б.) за каждого повешенного».

Разбой в деревнях был пострашнее, чем в городах. Крестьянские дома подвергались обыскам. Вместе с хлебом конфисковывались любые ценности, которые удавалось обнаружить в нехитрой обстановке деревенских изб. Не говоря уже о деньгах, отбирались даже дешевые женские украшения из «дутого» золота, оклады икон, разная мелочь, купленная в свое время на уездных ярмарках. Хлеб, как правило, никуда не шел дальше уездного центра, где ссыпался как попало и в большинстве своем пропадал и гнил. Озверевшие крестьяне с дубьем и вилами шли на пулеметы.

«Несмотря иа горы трупов,— докладывал в Москву один из исполителей,— их ярость не поддается описанию». Миогие продовольствеииые отряды истреблялись еще иа пути в деревию. Вслед за этим в деревню направлялась карательная экспедиция, которая, публично расстреляв десятка два крестьяи, арестовывала и угоияла в город остальных. Прибывал иовый отряд, но его сиова истребляли в деиь прибытия. Следовала иовая карательиая экспедиция и все иачииалось сиачала, постепеиио прииимая формы страшной иародиой войны. Летом 1918 года Леиии предложил брать по деревиям заложников, главным образом женщии и детей, чтобы подавнть крестьяиское сопротнвление. «Взять 25—30 заложинков из чнсла богатых крестьяи,— с пылом инструктировал свою баиду Ильич,— которые отвечали бы жнзнью за сбор н отгрузку зериа». А ведь «красиый террор» еще ие был объявлен. Но русские крестьяие ие чувствовалн себя столь беспомощиыми, как буржуазия и нителлнгенция городов. Деревию такими методами было ие сломать. Первой и совершенно естествеиной реакцией крестьяи было прекращение посевов. Наивные русские крестьяне и ие подозревали, что такой поворот событнй только иа руку правящей банде. Создать в стране искусствеииый голод, свалнть вниу иа крестьяи, а затем за это истребить десяток — другой миллионов иепослушиых. Под защитным кордоном иемецких штыков Леину была предоставлена свобода действий иа захвачеииой территории с четкой устаиовкой: за это время большевистское правительство (а иемцы в своем вековом самомиеиии считали, что время иахождеиия большевнков у власти определено ими и закоичится, когда оии этого пожелают) должио провести ряд мероприятий, после осуществления которых Россия, подвергнутая небывалому разграблеиию и кровопускаиию, раз и иавсегда прекратнт свое существование как великая империя, представляющая угрозу для Германского рейха. Немцы играли свою игру, большевнки — свою. Но играли, постоянно взаимодействуя. После подавлеиия первого крупиого восстаиия крестьян Ярославской губерииии, чудом уцелевшие от бойии сдались иемцам, имевшим свои комендатуры во всех губерииях «Советской России». Эти комеидатуры назывались Германскими Комиссиями и были созданы в рамках секретных протоколов к Брестскому договору. Председатель Германской Комиссии в Ярославской губериин иемецкий лейтенант Балк прнказом от 21 июля 1918 г. (№ 4) объявнл граждаискому иаселению города Ярославля, что отряд Севериой добровольческой крестьяиской армии сдался Германской Комнссни. Сдав-

шиеся были выданы большевистской власти. Все выданные 428 человек были немедленно расстреляны на глазах у немцев. Лейтенант Балк с чисто немецкой педантичностью вел картотеку лиц, проходивших через его комендатуру, выдаваемых большевикам и немедленно расстреливаемых. На основании картотеки он докладывал своему командованию, что большевики свято выполняют все обязательства перед Германией. К моменту эвакуации Комиссии (комендатуры) из Ярославской губернии у лейтенанта Балка имелась картотека на 50 247 расстрелянных с марта по ноябрь 1918 года. Причем именно тех, кто имел глупость искать защиты у германского командования!

Но война продолжала разгораться, диктуя свою тактику. Реквизиционные отряды, базируясь в уездных городах и опираясь на интернациональные гарнизоны, начали совершать неприкрытые бандитские рейды на села, грабя и убивая крестьян по собственному усмотрению. Пылали хлеба, выгорали деревни, уничтожались люди. В ответ крестьяне организовали комитеты обороны, истребляя реквизиционные отряды, часто захватывая уездные города, грабя их в свою очередь и уничтожая всех представителей ненавистной власти с жестокостью пугачевских и разинских времен. Обе стороны применяли средневековые методы казни — сжигали заживо, сажали на кол, разрывали деревьями. Разгоралась милая сердцу Ленина гражданская война, а Россия стремительно дичала. Что, впрочем, было обещано при проезде Ульянова в марте 1917 года через Германию. «Пролетарская» пресса с упоением вела прямые репортажи из отбитых у восставших крестьян уездных городков. Корреспондент «Правды» передал сообщение о разгроме крестьянского восстания в Ливнах: «Город сравнительно пострадал мало. Сейчас на улицах города убирают убитых и раненых. Среди прибывших позднее подкреплений потерь сравнительно мало. Только доблестные интернационалисты понесли жестокие потери. Зато буквально накрошили горы кулацких трупов, усеяв ими все улицы».

Кто же эти «доблестные интернационалисты», которые огнем и мечом прошлись по внутренним губерниям России, куда даже во время татарского нашествия не ступала нога захватчика, превратив в пепел и безжизненную пустыню богатейшие русские житницы? История их создания такова. Еще в марте 1917 года, когда решался вопрос о пропуске Ленина и его сообщников в Россию и оговаривались предварительные условия будущего Брестского договора, германское командование, наряду с выделением большевикам

иеобходимых для их подрывной деятельности денежных средств, прнняло решение и об оказаинн нм немедлениой военной помощн в случае захвата власти. Для этой цели в апреле 1917 года с фальшнвым шведскнм паспортом в Петроград прибыл полковиик германского геиеральиого штаба Генрих фои Рупперт, доставивший секретные приказы немецким и австрийским военнопленным оказать вооружеиную поддержку большевикам, которые, в свою очередь, должны были обеспечнть нх оружнем. Этн приказы, подписаииые иачальинками геиеральиых штабов Германин н Австро-Венгрии, были обиаружены американцами в немецкнх архнвах после второй мировой войны, ио наверняка нх можно обнаружнть н в архнвах ЦК КПСС.

Под Петроградом находилось иесколько лагерей с германскимн н австрнйскнмн военнопленными, в том чнсле из весьма элитных частей. В частиостн, вблизи села Колтушн, фактнчески рядом с Большой Охтой, почти в полиом составе сидел в лагере 3-й Кнраснрскнй императора Вильгельма полк, захвачениый в свое время в плен казакамн генерала Ренненкампфа. Неподалеку коротал время 142-й Бранденбургскнй полк. Нет смысла перечислять немецкне н австро-венгерскне вонискне частн, находившиеся в лагере военноплеииых, хотя сделать это не так уж сложно. Благодаря демократическому беспределу Временного правительства военнопленных удалось ознакомить с предстоящей задачей и достаточио тщательно к ней подготовнть. Все было продумано до мелочей, даже то, что немцы плохо знакомы с русскимн трехлннейнымн виитовками, наганами и прочим оружием. В связи с этнм «большевистский» сторожевой корабль «Ястреб» спецнальио ходнл в Фридрихсхафен, откуда доставнл 12 000 иемецкнх вннтовок н миллноиы патроиов прямо к 25 октября, за что и попал иавекн в список «кораблей Великого Октября». Кроме того, «Ястреб» привел за собой иа буксире судио раза в два больше его самого. Самые честиые советские историки призиаются, что им так и ие удалось выясинть, что же было иа этом судие. Другие просто о ием молчат, а третьи уверяют, что там был «десант революционных матросов». Откуда они взялись в Фридрихсхафеие — никто не уточняет, хотя никакой особой тайны здесь иет. «Ястреб», помимо винтовок, доставил в Петроград н иемецкие полевые орудия. Если кто-иибудь еще остается иаивиым до такой степени, что полагает возможиость взятия под контроль такого огромиого города, как Петроград, двумя тысячамн матросов, прнбывшнх на «Амуре» из Кроиштадта, илн совершеиио иеобучеииыми рабочимн

дружииамн, которые, как ныне выясняется, встретили переворот враждебно, то даже не будем с ними спорить. Да, теоретически, прн полном развале гарннзона и органов правопорядка это представляется возможным. Но прн этом власть большевнков не просуществовала бы н суток, поскольку буквально на следующий день к городу уже подходнла коиннца генерала Краснова. Рассеяв двумя иепрнцельиымн шрапиельнымн залпамн «красиогвардейцев» в Павловске н Царском Селе, казакн Краснова начали продвигаться к столице со стороны Пулковских высот. Выдвинутая вперед сотня уральских казаков пыталась сходу овладеть высотами, но вынуждена была отступнть под велнколепио координируемым н управляемым огием. Казачьи офнцеры, прошедшие через годы войны, быстро понялн по «почерку», кто заиял обороиу на высотах. Немцы! Не поверивший им генерал Краснов сам выехал в сторожевое охранеине. Сомнений ие было. Немецкая пехота н артнллерня преградилн путь к «революциоиному» Петрограду.

Немецкие и австрнйские солдаты с большим удовольствием и без особого труда подавили восстание воеиных учнлищ в Петрограде, нстерзав картечью и переколов штыкамн иесчастиых русских мальчншек, чей благородно-самоубнйствеиный порыв протнв чериой тнраннн в обстановке общего развала н апатни никем ие был поддержаи.

Леннн 29 октября решнл провестн смотр немецкнх батальоиов. По замыслу вождя мнрового пролетариата «иитериациоиалисты» должиы были пройти парадиым маршем мимо стоящего на ступеиьках Смольного Леннна и члеиов «рабоче-крестьянского» правительства. Поравиявшнсь с иими, вчерашине военнопленные должиы были хором прокрнчать: «Да здравствует мировая революция!». По-немецки, конечио, который и сам вождь, и его окружеиие зиали отлнчно, порой гораздо лучше русского. Но получился коифуз. Блесиув старой выправкой, держа равнеиие и печатая шаг, как это умеют делать только иемцы, солдаты, проходя мимо революцнониых вождей, хором прооралн: «Да здравствует кайзер Вильгельм!», тем самым велнколепио продемоистрнровав глубоко оскорблениому Леииiу свое совершенно правильное понимаине пронсходящего.

Заключенный вскоре Брестский договор предусматривал репатрнацню военнопленных, однако за иим последовал секретиый прнказ генерала фон Людендорфа, предпнсавший иемецким н австрнйским[1] военнопленным сформнровать

[1] Приказ, виднмо, был согласован с австро-венгерским комаидоваиием.

отряды для поддержкн большевнстского правнтельства. Приказ был составлеи таким образом, что предполагалось как бы добровольиое желаиие солдат и офицеров вступать в подобные отряды, ио зная порядки в иемецкой армии и методы комплектования «добровольческих» частей, можно ие сомиеваться, что в даииом случае действовал, по меньшей мере иа начальиом периоде, просто приказ.

Члеиы германской миссии по перемирию н заключеиию мира генерал Гофман и знакомый уже иам полковинк Рупперт посетнлн несколько лагерей военнопленных, разъясияя им задачу. Возможиость послужить фатерлянду, а заодно пограбнть на чужой террнторнн вдохновнло многнх, и буквально, как по мановеиню волшебиой палочкн, большевики при полиом развале прочнх воинских структур ощетнннлнсь прекрасио обучеииой и оргаинзованной армней, иасчитывавшей более трехсот тысяч человек.

Чо-либо противопоставить такой воеииой силе в те дии ие мог иикто[1]. В те годы инкто из этого особых тайн ие делал. Немецкие солдаты н офицеры, свободные от службы, разгуливали по Петрограду и Москве, работали казино для иемецких офицеров, издавалнсь газеты. И чтобы ин у кого не было ннкакнх сомиеиий, немецкнй генерал Кирхбах, давая в Пскове интервью корреспондеиту еще не запрещенной газеты «Речь», на вопрос, «возможно ли занятие немецкими войсками Петрограда и Москвы?» с «нордической» прямотой ответил: «Да, если возникнет угроза большевнстскому режиму».

Итак, триста тысяч «вониов-нитернационалистов», обрастая по ходу дела подоикамн нз местиого населеиия, эффективио обеспечнвали уиичтожеине русского государства. Числеино они даже превосходилн иемецкне оккупацноннные силы, которые смогло выделить германское комаидование для контроля над уступлеииыми по Брестскому договору территориями. Эти силы составляли примерно 280 тысяч человек, сведеииые в 43 пехотных и семь кавалерийских дивизий с артиллерийским парком в 108 тяжелых и 1614 полевых орудий. Около 2000 моряков должиы былн взять под контроль бывшнй русский флот, осиовиая часть

[1] Так называемые «ннтериациональные» войска показалн себя особо надежнымн прн массовых арестах в городах, прн подавлеинн крестьяиских восстаннй н рабочнх выступлений. Из ннх формнровалнсь зиаменнтые «части особого назначення», заградотряды, отряды по пресеченню дезертирства нз Красиой Армнн, спецотряды ЧК. Столь огромное колнчество нностраицев в армнн «суверениой» страны более всего говорнт о том, иасколько «Советская республнка» была суверенна.

которого по договору передавалась немцам. Адмирал Щастиый увел флот из Гельсннгфорса в Кронштадт, поставив Леиина в совершеиио иднотское положеиие перед своими хозяевамн, за что и был расстреляи.

Одессу и прнлегающие к ней райоиы заияла 2-я восточиая австро-веигерская армия под командованием геиерала Бем-Эрмолит. Три корпуса этой армин развернули оккупацноиные штабы в Одессе, Херсоие и Камеиец-Подольске. Немецкая группа армий «Киев» под комаидоваинем сначала геиерала Лннзиигена, а потом геиерал-фельдмаршала Эйхгориа, взявшего затем общее командоваиие иад всеми оккупациоииымн силами, заняла огромиую территорню, охватывающую всю Укранну, Крым, область Войска Доиского, южную часть Белорусснн н прнбрежные райоиы Грузнн. Шесть корпусов группы армий «Кнев» развернули оккупациоиные штабы в Гомеле, Новоград-Волыиске, Кневе, Харькове, Таганроге н Снмферополе. К северу от Полесья оккупацию осуществляли 10-я армия, армейская группа «Д» н 8-я армия со штабамн в Мииске, Двниске, Риге, Ревеле и Выборге. Комаидовал немецкими войскамн иа северо-западиом направлении знаменитый генерал фон дер Гольц, в прошлом командир днвизнн «железных гренадер». 25 мая 1918 г. иемцы высаднли трехтысячный десаит в Поти, а 10 июня германскне войска вошлн в Тнфлнс. Через иесколько дией 58-й Берлинский пехотный полк форсировал Керченский пролив, захватив Тамань. Уже существовалн плаиы захвата Снбирской железной дороги и «целесообразной органнзацни в германских интересах» Хивы, Бухары, Туркестаиа и Мерва. Немецким войскам открывался прямой путь в Индию. От перспектив захватывало дух. Казалось бы, исполнялись самые иеобузданные мечты, иалнцо была новая всемирная нмперня, которая ие снилась даже Наполеону, да к тому же с центром ие в Париже, а в Берлиие. Но ие хватало сил, чтобы освоить все отдаииые большевнкамн районы бывшей Росснйской Империн. Мясорубка Западного фронта полностью нстощила резервы, а имеющихся в иалични 280 тысяч воеииослужащнх явио было недостаточио. В штабе фельдмаршала Эйхгориа часто возиикал искус отозвать с контролируемой большевиками территории сотии тысяч своих солдат, смеиивших кайзеровские каски иа иечто, похожее по стилю на «будеиовки». Они тем более были иужиы, что подиаторели в грабежах н конфискациях. Но искус прнходилось подавлять. Лениискнмн методамн немцы действовать ие решались, да н кайзеровская Ставка не давала разрешеиия иа использование

«интернационалистов». Не решаясь действовать по-большевистски, немцы тем не менее действовали собственными методами, которые хотя и не были столь «разбойными», но достаточно настойчивыми, последовательными и безоговорочными. Только до 31 июля 1918 г. немцы вывезли из оккупированных областей 60 миллионов пудов зерна и продуктов его переработки, фуража и семян масличных культур, 500 миллионов штук яиц, 2 миллиона 750 тысяч пудов рогатого скота живым весом, полтора миллиона пудов картофеля и овощей. Кроме этого, в задыхающийся от английской блокады рейх было отправлено 35,5 миллионов пудов железной руды, 42 миллиона пудов марганцевой руды и ежемесячно по 300 вагонов специальных сортов леса. Вывозились даже тряпье и металлолом. Вывозить было что.

Бомбардировка Севастополя немецким линейным крейсером «Гебен», втянувшего тем самым Турцию в войну против России на стороне Германии, почти наглухо отрезала Россию от союзников, т. к. следствием стало закрытие проливов. Русской внешней торговле был нанесен страшный удар: русский экспорт упал на 98 процентов, импорт — на 95 процентов, что явилось одной из главных причин военного перенапряжения России и ее конечного крушения в крови и хаосе. Продукция, предназначенная для вывоза, в течение трех лет оседала на складах, и была теперь захвачена немцами и большевиками. «Еще никогда с момента изобретения корабельного компаса,— вспоминал Черчилль,— действия одного боевого корабля не приводили к столь грандиозным и страшным последствиям, как действия немецкого крейсера «Гебен» в августе-октябре 1914 года». Доблестный «Гебен» все годы войны, не имея дока и даже причала, держал в напряжении русский Черноморский флот и, как бы демонстрируя свой триумф, пришел летом 1918 года в захваченный немецкими войсками Севастополь, где и прошел впервые за всю войну доковый ремонт, ибо немцам было передано все оборудование базы в целости и сохранности. Кто бы мог это представить хотя бы в 1917 году?!

С территории, захваченной большевиками, таким же потоком шли в Германию эшелоны. К причалам Петроградского порта подходили немецкие торговые суда, таинственные шведские и норвежские пароходы, какие-то непонятные транспорты под флагами частных владельцев из Дании, США и Аргентины, «липовые» госпитальные суда под флагами Красного Креста Швейцарии. Район порта был наглухо оцеплен ЧОНом. За излишнее любопытство полагался расстрел на месте. Загнанный в Северном море на свои базы

и не решавшийся высунуться оттуда в страхе перед англичанами, немецкий флот господствовал на Балтике, обеспечивая перевозки, хотя кишащее минами море (обе стороны за годы войны выставили на Балтике более 120 тысяч мин) было очень опасно и только весьма веские причины могли заставить судовладельцев посылать свои транспорты в полумертвый порт Петрограда.

Зато бесперебойно действовали железные дороги, связывая республику «Советов и пролетарской диктатуры» с Германией через захваченные немецкими войсками территории Польши, Белоруссии и Прибалтики. Действовала и северная железнодорожная ветка до Гельсингфорса и далее на Скандинавские страны. Чтобы обеспечить бесперебойное действие железных дорог немцы вынуждены были поставить большевикам 50 тысяч тонн угля. Вечером 18 апреля 1918 г. на «пограничной» станции Орша встретились два поезда: один двигался в Москву с персоналом германского посольства во главе с графом Мирбахом, другой вез в Берлин сотрудников «полпредства рабоче-крестьянского правительства». Состав «полпредства» был очень интересным. Возглавлял его А. А. Иоффе — личность, мягко говоря, весьма любопытная. Родившись в 1883 году, он в начале 1900-х г. попал под гипнотическое обаяние знаменитого Парвуса и, пройдя школу своего великого учителя, отлично понял весьма простую истину, что прежде чем совершить мировую революцию нужно сначала собрать достаточно денег на ее проведение. Вместе с Троцким, Урицким, Володарским и Ганецким Иоффе представлял «гвардию» Парвуса при Ленине, осуществляя до октября 1917 г. прямую связь с немцами, а затем фактически возглавляя «советскую» делегацию на мирных переговорах в Брест-Литовске. И, естественно, именно он был послан в Берлин, где помимо всего прочего, его ждала встреча с любимым учителем — Парвусом.

Вместе с ним в составе «полпредства» ехал Я. С. Ганецкий — правая рука Ленина в годы прозябания «вождя» в Кракове, где его, как известно, арестовали в первые дни войны как русского шпиона. Именно Ганецкий, бросившись в Берлин, поднял на ноги «социал-демократов» в германской столице и Вене, добившись не только освобождения Ленина, но и его переброски в Цюрих экстренным поездом [1]. В 1915 г. Ганецкий был вызван Парвусом в

[1] Железнодорожная связь между Австро-Венгрией и Швейцарией была прервана с началом военных действий.

Стокгольм, откуда направлялась вся подрывная деятельность немецкой разведки против России. В марте 1917 г. по договоренности Ленина с Парвусом Ганецкий временно остается в Стокгольме в составе так называемого «заграничного бюро ЦК», в чью задачу входил бесперебойный перевод денежных средств от немцев в Россию — большевикам. С помощью Парвуса Ганецкий завязывал многочисленные контакты с иностранными банками. После октябрьского переворота он был назначен главным комиссаром банков и членом коллегии Народного комиссариата финансов, т. е. входил в руководство учреждений, которые командовали грабежами и принимали награбленное, ведя его учет на контролируемой территории. («Социализм — это учет».)

Третьим в состав полпредства входил знаменитый Красин, которого, казалось бы не надо представлять, если бы о нем за последние 75 лет было написано хоть одно слово правды. Одаренный инженер, он имел душу и навыки профессионального преступника, а потому чутьем и интуицией тянулся к большевикам. Во время революции 1905 года совместно с людьми Парвуса он участвовал в ограблении Петербургского отделения Волжско-Камского банка, присвоив значительную сумму денег, что вызвало неудовольствие Парвуса. Однако Парвусу вскоре пришлось срочно бежать за границу, а Красин остался в России, развив между двумя революциями кипучую деятельность. Диапазон его увлечений мог бы составить несколько томов уголовного дела: от организации налетов на банковские фургоны и подготовки к выводу из строя всей столичной кабельной электрической сети до изготовления фальшивых денег и тривиального убийства полицейских. Дерзкий и решительный авантюрист, любивший рискованные действия, Красин разочаровался в Ленине, открыто издеваясь над приходящими из Цюриха его статейками, призывавшими к революции в Швейцарии. Когда в Петроград прибыл известный Георгий Соломон с целью собрать средства для бедствующего в эмиграции вождя мирового пролетариата (Парвус специально ограничивал Ленина в средствах, чтобы злее был в нужный момент), Красин, выслушав Соломона, вынул бумажник и протянул тому две пятирублевых бумажки. Соломон с возмущением отказался, заявив Красину, что обойдутся и без него. «Как хотите,— пожал плечами Красин, пряча банкноты обратно в бумажник, дружелюбно при этом заметив Соломону.— Не сердитесь, Георгий, Ленин не заслуживает помощи. Он охвачен манией разрушения и непредсказуем. Никто не знает,

какая мысль родится завтра в его татарской башке. Шел бы он к черту. Давайте лучше пообедаем».

Одиако Леини после переворота, уиичтожнв всю торговлю в стране, Наркомом торговли почему-то назначнл нменио Красииа. В наркомат Красииа стекались конфнскоиаииые деньги и товары как из крупиых купеческнх фнрм с мнллнонными оборотами, так н нз мелких лавок н мастерскнх, успевшнх наторговать всего рублей на 300. Деньгн н ценностн передавалнсь в Народный баик н осиоваиный прн нем «золотой фонд», а товары — на склады, переполненные до крыш нз-за вызваиного войиой застоя во виешией торговле. Красни был одиим из соавторов снстемы «закрытых складов», которая заключалась в том, что даже когда, казалось бы, в стране есть все иеобходимое, ннчего не продавалось, а только распределялось. Эта снстема жнва н в иашн дин, действуя с той же эффектнвностью. Разинца только в том, что в те годы доведенные голодом и иуждой до отчаяиья люди решались на штурм складов, во время которого их безжалостио расстрелнвали из пулеметов, после чего расстрел каждого в отдельиостн оформлялся как прнговор ревтрнбунала. Правда, склады былн ие безразмериы. Время от временн нспортнвшнеся продукты прнходнлось под покровом иочн и под строгой охраиой вывозить на свалку, где нх залнвали нзвестью, чтобы, не дай Бог, кто-иибудь нми не воспользовался. По дороге кое-что, коиечно, разворовывалось и появлялось иа чериом рыике. От гнилых продуктов вспыхивалн эпндемнн, в которых, естествеино, обвниялн спекулянтов.

Впрочем, склады иадеялись вскоре разгрузнть, для чего Красин н направлялся в Германню.

Самой замечательиой личностью нз всех, направляемых в Берлнн, был четвертый сотрудник «полпредства» — Вячеслав Менжииский. По лнчному указанию Ленина он должеи был занять пост генерального консула РСФСР в иемецкой столице. Вячеслав Меижииский — иаиболее зловещая фигура в большевистской верхушке. Первый заместнтель «железиого Феликса», однн нз нанболее кровожадиых вампнров из коллегни ВЧК, он вместе с тем заннмал пост Наркома фннансов н был однным нз главиых комиссаров «народного банка». Интересиое сочетаине должностей, не правда лн? Одной рукой грабим н убнваем, второй — опрнходуем н прячем. И важиымн, видимо, былн причины, заставнвшне Меижнского бросить в России свои многотрудиые н прнбыльиые дела и отправиться в Берлнн [1]. На Силезском вокзале Берлнна делегацию вместе с какнмн-то

мелкимн клерками из Германского МИДа встречал сам великий Парвус.

Зиачеиие этого человека в судьбе Россин столь велико, а зиают о ием настолько мало, что это даже обндио, поскольку имеиио Парвус был учнтелем н иаставником Леииа, первым гениально угадавший в Ильнче имеиио того человека, чья безумиая эиергия сокрушеиия позволит осуществить его, Парвуса, глобальиые плаиы фаитастического обогащения. Ибо, иадо честио признать, чериой работы Парвус ие любнл, хотя ему и пришлось ею как-то заниматься в 1905 г. Считается, что иастоящая фамилия Парвуса — Гельфаид, хотя последиие даииые заставляют в этом усомннться. У междуиародных авантюристов такого масштаба очеиь трудно докопаться до иастоящей фамилии. Ои был иа три года старше Леииа, родился в 1867 г. в городе Березиио Миской губерии. Детство свое провел в Одессе, где в 1885 г. окоичил гимиазию, а затем уехал в Германию для продолження образовання. В 1891 г. Парвус закончнл Базельский униерситет по курсу экоиомики и фниаисов, после чего иесколько лет проработал в различиых баиках Германии и Швейцарии. Увлекся Марксом. Видимо, первым понял возможность нспользоваиия марксистской н псевдомарксистской фразеологии для прнкрытия каких угодно политических н воеииых преступлеиий. С упоеиием изучал историю России, состояиие ее хозяйства и фииаисов. Обратил внимаиие иа глубокий антагонизм, раздирающий все слон русского общества, и предвндел полиую беспомощность и беззащитиость этого общества, если оио лишнтся очень тоикого образоваииого слоя, состоящего нз дворянства н интеллнгеиции; ои произвел огромиое впечатлеине на Леииа.

Парвус был единствениым человеком в «социал-демократической» среде, с которым Леннн не решался полемнзировать, хотя на всех прочих иалетал боевым петухом, если они осмелнвались как-то иначе, чем он, трактовать

[1] В июле 1916 г. Менжииский опубликовал в парижской эмиграитской газете «Наше Эхо» весьма интересную статью о Леиине, в которой писал: «Леиии — это политнческий иезуит, который в теченне миогнх лет лепит из маркснзма все, что ему иужио для даииого момеита. Ныие ои уж совершеиио запутался в своих теориях... Леиии — это иезакоииорождеииое дитя русского абсолютизма, счнтающнй себя еднственным претендентом на русскнй престол, когда тот стаиет вакаитным... Если ои когда-ибудь получит власть, то наделает глупостей не меньше, чем Павел I... Леиииисты это даже не фракция, а какая-то секта илн клаи партнйиых конокрадов, пытающихся щелкаиьем своих кнутов заглушнть голос пролетариата». Страииая компання собралась в Кремле!

марксизм, иикогда ие стесияясь при этом в выражеииях. «Холуй, лакей, иаймит, подоиок, проститутка, предатель» — вот осиовиой иабор леиииских литературио-полемических приемов в спорах с правыми, и с виноватыми. Одиако Парвуса, которого вождь иеиавидел пожалуй больше всех других вместе взятых, ои ие осмеливался задеть иикогда ии устио, ии в печати. Напротив, виимательио прислушиваясь, часто восклицал: «Вздор! Архиреакциоиио! Но если посмотреть диалектически, то это и есть практический марксизм!» Практический марксизм по Парвусу сводился к следующему: достижеиие мирового господства, изываемого иа марксистском жаргоие «мировой революцией», возможио только одиим способом — взятием под коитроль мировой фииаисовой системы. Ои считал, что для этого совсем ие обязательио ломать старую, т. е. существующую фииаисовую систему, а достаточио только, виедрившись в иее, взять ее постепеиио под собствеииый коитроль и обратить иа осуществлеиие своих целей. Это возможио только при условии захвата какой-иибудь более-меиее богатой страиы и, обратив в деиьги все ее богатства, все движимое и иедвижимое имущество, иавязать ее иароду чистый платоиовский социализм (т. е. худший вид рабства), а получеииые таким образом средства вложить в мировую фииаисовую систему. И если сумма будет достаточио большой, с ее помощью иавязать миру и соответствующую идеологию. («Архиреакциоиио!»). Естествеиио, будет иеобходим массовый и беспощадиый террор, ио широчайший простор для его маскировки дает умелое использоваиие таких выражеиий, как «пролетарская диктатура», «классовая борьба», «отживающие классы», «всеобщее равеиство» «полиая свобода» и продумаииая тактика действий по простой схеме: «достижеиие успеха, закреплеиие успеха, развитие успеха». В своих рядах иеобходима строжайшая дисциплииа, ии малейшей теии раскола, абсолютиая тайиа жизии руководящего звеиа и его постепеииое обожествлеиие. («Архиреакциоиио! Но если посмотреть диалектически...»).

Это еще ие были постаиовлеиия и директивы, указы и декреты, секретиые и совершеиио секретиые ииструкции с угрозами смертиой казии в случае разглашеиия. Это были разговоры в уютиых кафе или иа вечерииках, где высшим героизмом считалось сыграть иа фортепьяио «варшавяику» или декларировать общие фразы типа «Долой самодержавие!» Но «сцеиарий» уже иаговаривался. Расхождеиия возиикли сразу. Если Парвус считал, что лучшей страиы для первоиачальиого осуществлеиия плаиа, чем Россия даже

придумать невозможно, то Ленин был категорически против. Ленин считал, что в России ничего невозможно, а Парвус, напротив, был убежден, что в России возможно все, даже невозможное. И когда тысячелетний русский дуб закачался, подрубленный жестокими и унизительными поражениями русско-японской войны, Парвус сразу же оценил обстановку: народ, веками воспитываемый имперскими лозунгами блистательных побед и легкомысленной воинственности, не простит режиму столь постыдного военного разгрома, полностью поглотившего гордость империи — ее огромный флот, половина которого попала в плен и красовалась под японскими флагами. Тут не нужно было быть марксистом. Достаточно было помнить слова Герцена: «Благословенны поражения в войнах, а не победы в них... Ибо самые крепкие цепи для народа куются из победных мечей».

Получив от японцев первые два миллиона фунтов стерлингов, Парвус, не теряя времени, стал духовным вождем и руководителем революции 1905 г. (Из японских денег и Ленину кое-что досталось: на организацию 3-го съезда РСДРП и газету «Вперед»). Но Ленин, не веря в Россию, наблюдал из-за границы за действиями Парвуса, ругая его вслух и восхищаясь в душе. Методика Парвуса была четкой: революция в стране — это революция в столице. Окраины детонируют. Он создал «Советы», взяв на себя пост Председателя Петербургского совета. Чего стоит один его финансовый манифест! А лозунги, разжигающие антивоенные и пораженческие настроения! А авария «Орла», задержавшая выход 2-й Тихоокеанской эскадры! А организация шествия 9 января 1905 г., когда парвусовские боевики с деревьев Александровского парка начали стрелять по солдатам из оцепления Зимнего дворца и привели к знаменитому Кровавому воскресенью! Налеты на банки! Кронштадт, Севастополь, Свеаборг! «Потемкин» и «Очаков»! Все было сделано замечательно, кроме одного. Не начали сразу массовый террор и все проиграли в итоге. Ленин, хотя сам ни в чем не участвовал, внимательно следил, подмечая ошибки. И еще раз убедился: в России можно организовать бунт, беспорядки, погромы и стачки, но построить то, что им задумано — никогда. Не та страна. Нужно начинать с Западной Европы.

Арестованный и приговоренный к каторге Парвус сбежал с Сибирского этапа и объявился... в Турции, став экономическим и финансовым советником правительства младотурок. Заработав на этом поприще не один миллион, завязав отношения со всемирным клубом международных банков и картелей, Парвус ни на минуту не забывал и своего

главного плана-сокрушения России. Не забывал, но и не отвлекался от бурной экономической деятельности. Его финансовый гений, по меткому выражению Троцкого, превратился из топора, подрубающего русский дуб, в лопату садовника, подпитывающего турецкий кипарис, спасая разваливающуюся Оттоманскую империю от экономического краха. При этом Парвус не забывал и себя. Он основывал банки и торговые предприятия, ворочал гигантскими суммами, когда Ленин и кучка верных ему сторонников в буквальном смысле слова прозябали в эмиграции. Ленин жил то на «экспроприированные» деньги (пока не посадили Камо и Кобу), то на мамины переводы (пока она была жива), то на пожертвования друзей (пока всем не надоел), то на иждивении добрых швейцарских социалистов, постепенно впадая в полную прострацию.

Но Парвус никогда его не забывал, ибо понимал, что никто не сможет осуществить его план лучше Ленина.

Сараевский выстрел прозвучал для Парвуса зовущим набатом. Он мгновенно увидел и вычислил, чем кончится для России вступление Турции в войну на стороне Германии. С пылом страстного оратора он убеждал решительного, но недалекого Энвера-Пашу и его «младотурков», что только воюя на стороне Германии, Турция снова сможет возродиться как великая империя, смыв с себя позор бесконечных поражений и капитуляций, грубых унижений и оскорблений последних двадцати лет ее истории. За кофе и сигарами он беседует с германским послом в Турции фон Вангенгеймом, и из далекого Константинополя летит радиограмма, заставившая адмирала Сушона, планировавшего самоубийственный прорыв из Средиземного моря в Северное, развернуть «Гебен» и полным ходом спешить в Дарданеллы. Он нажимает на свои тайные кнопки — и в Турцию идут поставки зерна, проката, станков и боеприпасов, часть груза по дороге сгружается в Болгарии. Гений Парвуса уже сделал невозможное: против России выступают два кровных вековых врага — Болгария и Турция, круша все идеи панславизма и панисламизма. Недаром друг Парвуса Энвер-Паша — военный министр и глава военного кабинета Турции — в итоге сбреет свои усы «а ля кайзер», вступит в Коминтерн и сложит свою буйную голову на советско-афганской границе в 1922 году во время какой-то очередной из бесчисленных и бессмысленных операций ОГПУ во имя мировой революции.

Но это было только началом. Обеспечив блокаду России на юге, Парвус снова неожиданно появляется среди «социал-

демократии», ослепляя блеском брнльянтовых запонок и золотых перстией иищую русскую эмнграцню.

Его зиамеинтая брошюра «За демократию! Против царнзма!» уже успела иаделать шума, поскольку долго молчавший Парвус осмелился виовь появнться на нНве партийиой публицистики с совершеиио иовой трактовкой очередных задач «социалистического» двнжеиня, которая заставила оиеметь от ужаса подавляющее большннство его бывших товарищей по партии. Суть иовой «теорнн» заключалась в следующем: ие иадо ставнть вопрос о виновинках войны и выискивать «кто иапал первым». Это иеважио. Кто-то должеи был иапасть, поскольку мировой нмпернализм десятилетия готовил мировую бойню. Не следует терять время иа поиски иикому ие иужиых причии, иадо учнться мыслить социалистически: как и а м, м и р о в о м у п р о л е т а р н а т у, использовать войну и определнть на чьей стороне сражаться? Всем известио, что самая мощная в мире социал-демократия — это социал-демократия Германни. Если социализм будет разбит в Германин — ои будет разбит везде. Путь к победе мирового соцналнзма — это всестороииая поддержка военииых усилнй Германин. А то, что русскнй царизм дерется иа сторoие Аитаиты, яснее ясного показывает иам, кто истинный враг социалнзма. Итак, рабочне всего мнра должиы воевать против русского царнзма. Задача мирового пролетариата — уиичтожающнй разгром Россни и революция в ией! Если Россия не будет децентрализована и демократизироваиа — опасиость грозит всему миру. А поскольку Германиия иесет главную тяжесть борьбы против московского империализма, то легко сделать едииствеино верный вывод: ПОБЕДА ГЕРМАНИИ — ПОБЕДА СОЦИАЛИЗМА!

Как говорил Леиии, «архиреакциоиио, но еслн посмотреть диалектически...»

Да, как бы ии относился Леиии к Парвусу, ои выиуждеи был призиать, что это — прекрасное, стройиое и диалектическое развитие его собствеиной теории «пораженчества».

Чего всегда ие хватало Ленину — это широты парвусовского размаха, поскольку Леннн не был экономистом. А Парвус, быстро перейдя от слов к делу, прнбыл в Берлии н выложил иемцам плаи уиичтожения России «путем прихода к властн крайие левых экстремнстов». План был по-военииому четким. На первом этапе необходнмо свергнуть царя. Антнцарская кампаиия уже ведется, но с помощью деиег буквальио с завтрашиего дня в нее можно подключнть не только социалистическую прессу всего мнра, но и всю либеральиую, которая вовлечет в водоворот событий и

разнофланговую либеральную оппозицию в России. Схема простая. Царь — виновник войны, миллионных жертв, военных неудач. Императрица — немка, а значит шпионка. Немного примитивно, конечно, но в России сработает. Наследник неизлечимо болен, а значит династия обречена. Государственная дума, состоявшая почти поголовно из буржуазных либералов, с радостью проглотит крючок с такой наживкой. И как только будет свергнут царь, централизованная Россия рухнет. Рухнет навсегда. Потому что эта империя не сможет существовать в условиях демократии, как не может существовать рыба на суше. Слишком остры противоречия сословные, межнациональные общинные. И главное — перенапряжена экономика, и ее можно вообще добить стачечной войной. На втором этапе действовать будет гораздо легче. Такой простой лозунг, как «Землю — крестьянам!» приведет к тому, что крестьяне начнут силой отбирать землю у помещиков, а солдаты, перестреляв офицеров, толпами побегут из окопов, чтобы принять участие в разделе земли. Армия будет парализована, промышленность — разрушена, сельское хозяйство — приведено в хаос. И в этот момент левые экстремисты захватывают власть, заключают с Германией мир и законодательными актами закрепляют развал империи. При этом они, естественно, рассчитывают на помощь германского оружия, чтобы избежать разных неожиданностей, которые сейчас предусмотреть невозможно.

Конечно, немцам была показана лишь та часть плана, которая касалась их. Очень много немцам было знать не положено, но и от того, что сообщил Парвус, захватывало дух. Вскормленная Клаузевицем и Фридрихом Великим стратегия Мольтке-старшего и Мольтке-младшего, выверенный до минут великолепный план А. Шлиффена, предлагавший закончить европейскую войну за 2 месяца (30 суток на Францию, 30 — на Россию), лучшие в мире дредноуты и линейные крейсеры, выросшие как грибы на лозунге «Боже, покарай Англию!», непревзойденная четкость штабов и стальная дисциплина армии — все это уже оказалось фикцией и не работало. Мясорубка на западном и восточном фронтах, все туже затягивающаяся удавка английской морской блокады, быстрое истощение резервов и ресурсов, ожидание со дня на день вступления в войну Соединенных Штатов — отчетливо демонстрировали немцам их весьма жуткое будущее. Узким прусским лбам не дано было постичь всего размаха замысла, но они увидели в нем то, что их занимало более всего — возможность выбить

из войны н нз Антанты своего самого мощного н грозного протнвннка. И план этот предлагал не какой-то заезжнй мошенник, а хорошо нзвестный им человек Парвус — Отец Первой Русской Революцнн, умевшнй органнзовывать и стачкн, н улнчные шествия, и кровавые беспорядкн. Немцы еще хорошо помнили, как за мизерную оплату он организовал знаменитую Обуховскую стачку, когда удалось надолго вывести нз строя всю технологнческую лннню пронзводства новых 14-дюймовых орудий для вооружения русскнх лннейных крейсеров. А потому с готовностью ухватились за план Парвуса, спросив, сколько это все будет стонть? 50 мнллнонов — ответнл уже давно все подсчнтавшнй Парвус, надеясь положить по меньше мере половнну в собственный карман. Торговаться было неуместно. Да что такое 50 миллионов золотых марок? Один недостроенный лннкор. Смешно!

(Одна только взорванная в Севастополе «Императрнца Мария» с лнхвой окупнла все расходы до 1919-го года включительно!).

Немцев беспокоило другое — не собирается лн сам Парвус вскарабкаться на всероссийскнй престол, когда тот, как и предусмотрено планом, станет вакантным? Вопросы задавалнсь в исключительно вежливой форме, но нз глаз спрашнвающнх струнлся холодный немецкнй антнсемнтнзм. Вряд лн общественное мненне Россин, как бы революцноннзнровано оно ни было, смнрнтся, что высшнй пост в стране занимает человек, как бы это помягче сказать, «неправославного веронсповедання». О, Парвус был выше этого! Во-первых, у него было собственное мнение о русском обществе, во-вторых, та часть плана, в которую немцы не были посвящены, предусматрнвала быструю и решнтельную лнквидацию какого-лнбо общественного мнения в стране, а, в-третьих, н это было самым главным, Парвус вовсе не собнрался возвращаться в Россню, а тем более становнться русскнм царем, даже еслн бы весь народ стал с плачем и стенаньем звать его на престол, как Борнса Годунова. За этн годы он стал слншком богатым н респектабельным (дом в Берлине, особняк в Берне, особняк в Стокгольме, внлла в Швейцарскнх Альпах, четыре собственных банка и акцнонерное участне в шестн других, нмпортно-экспортная контора в Копенгагене, контрольные пакеты акцнй железных дорог н судоходных компаний), чтобы брать на себя такую черную н неблагодарную работу, как сндение на престоле. Для этого у него был другой кандидат, с которого он все этн годы не спускал глаз. Давно ушло в прошлое нх былое сотрудничество, годамн не виделись они, но ни на секунду не

забывал Парвус этого едииствеииого в своей иеповторимости «социалиста», охваченного манией власти и мирового господства, совершенно иепредвзятого, полностью свободиого от предрассудков, от «чистоплюйства», готового на самые чудовищные средства ради достижеиия целн и способиого оправдать любую, самую иизмеииую цель потоками демагогии, заклииаинй, лжи и полулжи, которыми так богата марксистская и псевдомарксистская риторика. В то время его огромиая, поистине вулкаиическая эиергия расходовалась попусту иа дробление, отмежеваиие, мелкое газетиое склочнничество, на бессильиую ярость из-за осознавания своей полной незначимостн для Европы и непонимания места, где должен иаиосигься главный удар. Но его выдающиеся качества гибкого реалиста, беспринципного и жестокого, наряду с потрясающей работоспособностью и маииакальной гипнотической силой притяжения к себе самых кровожадных подоиков, безумная жажда власти и чисто азиатские диктаторские замашки — все это, по мнению Парвуса, делало Лениина просто иезаменимым для действий именно в Россни и только в России. Для мирового масштаба он был слишком мелок, но если так уж нравилось ему считаться «вождем мирового пролетарната», то уж кто-кто, а Парвус возражать не будет. Главное — чтобы сделал дело [1]. Кто же, кроме Ленина, мог лучше оценить блестящий замысел! Оии сидели на замызгаииой кухие бедиой ленинской квартиры в Цюрихе, почти касаясь гигаитскими лбами друг друга, два великих и страшных гения, иеизвестио какими силами посланные иа землю, чтобы навсегда погубить Россию и чуть не погубить всю человеческую цивилизацию. Появившись с разиицей в три года (1867 и 1870 г.), они покииули землю одиовремеиио в 1924 г., зловещие и иепоиятые...

Одиако, если Лении лучше любого другого мог оценить замысел Парвуса, то ои вовсе ие пришел в восторг от предложения принять в нем личное участие. Что Россия? Россия — говно! Надо начинать ие с России! Так ведь никто и не ставит задачу строить в России социализм по Марксу! Россия просто даст средства для организации всего дела в мировом масштабе. Вздор! Россия бедна и вся в долгах!

[1] Сам Парвус, иадо заметить, иикогда ие заиимал иикаких партийных постов, ни на одном съезде ие имел даже права голоса. Но более 20 лет он, по меткому выражению Солженицына, «рассыпал идеи» для своей мачехи-партии, которые были слишком глубоки, чтобы их кто-то мог правильио поиять, кроме самого Лениина, сумевшего их не только правильио поиять, ио и блестяще переработать для массовой агитации.

Вас что, кто-нибудь будет заставлять платить царские долги? А насчет бедности... Если вывернуть все карманы, то не так уж мало и получится. А немцы? Что вам немцы? Вы думаете мне их деньги нужны? Я бы эти деньги и без немцев достал. Даже больше достал бы и быстрее. Я этими деньгами немцев к плану пристегнул, потому что без немцев не обойтись. Армию развалим, а сами с чем останемся? Нужна армия, но не русская армия. Иначе стихия нас сметет. Понимаете? Под прикрытием немцев мы сделаем свое дело и под их прикрытием и уйдем. А потом? А потом с деньгами, которые мы возьмем в России, мы просто купим всю Европу. Вот вам и мировая революция! Если без шуток, то все можно будет сделать двумя простыми лозунгами: мир и земля...

У Ленина, как правильно понимал Парвус, стратегической широты действительно не хватало. Был он сжат тисками собственных предрассудков, аксиом и безумных идей, но надо отдать ему должное, тактик он был отличный и увидел в замысле Парвуса даже больше, чем сам Парвус. Встреча на Силезском вокзале была радостная, но без особых эмоций. Вежливо приподнятые шляпы, крепкие рукопожатия, короткие, гортанные фразы на немецком языке. Только светились глаза: план удался и выполняется. Пока, тьфу, тьфу, тьфу, все идет гладко. На широкой, обсаженной с двух сторон липами, центральной улице Берлина Унтер ден Линден вновь ожило, построенное с имперской солидностью еще в конце XIX века, здание бывшего русского посольства, пустовавшее с 1914 г. Это произошло 20 апреля 1918 г. (в день рождения Гитлера, который будущий фюрер отмечал в траншеях западного фронта).

В огромном пустом здании, за глухими шторами кабинета бывшего посла, обставленного в стиле «модерн», началась работа. Дымились сигары в мраморных пепельницах, стыл кофе в чашках саксонского фарфора, играл богемский хрусталь красно-зелеными искрами дорогих ликеров. При всей своей требовательности и жесткости в делах Парвус не мог не восхититься той огромной и трудоемкой работой проделанной Наркоматом финансов и Народным банком всего за шесть месяцев, прошедших после октябрьского переворота. Вереницы ведомостей и цифр, описей и инвентарных списков, счетов, накладных, закладных, сертификатов на займы. Все сведено в итоговые таблицы и систематизировано. В 1897 году (год начала чеканки золотых монет) Государственным казначейством выпущено: золотых монет 15-рублевого достоинства 11 миллионов 900 тысяч штук

иа общую сумму 178 миллиоиов 500 тысяч рублей. На 10 апреля 1918 г. захвачеио и оприходовано 9 мнллиоиов 500 тысяч моиет на общую сумму 142 мнллиона 500 тысяч рублей.

Золотых монет достоинством 7 рублей 50 копеек отчеканеио 16 мнллнонов 829 тысяч штук иа общую сумму 126 миллиоиов 217 тысяч 500 рублей. На 10 апреля 1918 г. захвачеио 14 мнллнонов 850 тысяч моиет иа общую сумму 111 миллиоиов 375 тысяч рублей.

Золотых монет достоииством 5 рублей отчеканено 5 миллионов 372 тысячн штук иа общую сумму 26 мнллиоиов 860 тысяч рублей. На 10 апреля 1918 г. захвачено 2 мнллиона 100 тысяч монет иа общую сумму 10 мнллиоиов 500 тысяч рублей.

1898 год... 1899 год... Мелькают годы, а вместе с иими и миллионы золотых монет, золотой поток, золотая речка, переходящая в море. Золотые французскне франкн пяти-, десяти-, двадцати-, пятидесяти- и стофранкового достоннства, золотые швейцарские франки, золотые гннен н полусовереиы с изображеиием королевы Внкторнн, Эдуарда VII н Георга V. Ассигнации фуитов, фраиков, марок, североамериканскнх долларов. Цениые бумагн, обязательства по займам, облнгации. Даиные о иалнчин, перемещениях; золотые актнвы ниостраиных государств, хранящнеся в русскнх баиках; русское золото обеспечення нностранных займов; золотые перстнн, содранные с рук расстрелянных; золотые серьги, вырванные нз ушей гнмиазнсток; золотые браслетки, найденные за нконами крестьяиских изб. Серебряные монеты, серебро в слнтках, нзделня из драгоценных металлов, произведення нскусства из серебра и бронзы (в тысячах пудов). Коллекцнн музеев, частиых собраннй, государственных храннлнщ пока ие оприходовались. Не было времеин. Но в блнжайшем будущем это будет сделано...

Всего 2,5 миллиарда золотых рублей по курсу 1913 г. Из них: на лнчные счета, на «общее дело», немцам по пуиктам:

а) за фниаисироваиие; б) за оказаине военной помощи; в) за содержанне армнн; г) арестованные немецкне депозиты; д) конфнскованиые товары; е) убытки частных лиц и собствениостн в результате сорваииых коитрактов, аитиıемецкнх погромов и прочих причии.

Итого: в банки Германии, в баики Швейцарии, в баики Скаидннавии и в прочие баики; траиспортные расходы; процент потерь из-за корысти исполинтелей. Итого... На личиые лнцевые счета... Шифры... Ключн... В акции немец-

кой промышлениости и промышленностн иейтральных стран.

Шевеля толстыми губами, Парвус своими водяиистыми глазами пробегает колоики цифр, мрачиея иа глазах. М а л о!

Было недостаточно времени. Это, коиечио, еще ие все. Вот данные по запасам пушнниы, зерна, леса, руды, цветных металлов. После удовлетвореиня всех иемецких претензнй... мы бы хотели иачать с их н получать. Да, мы понимаем, что иемцы сейчас могут взять все сами — силой. Но вот собствениоручиое письмо Леииа, которое ои просил довести до сведения немецких коллег: «... войиой с иас инчего не возьмешь, в с е сожжем!» Леннн — есть Ленни. Экстремист в каждом проявлеиии. Можио было даже удивиться, еслн бы в конце послаиия ие стояла его суть: «Сырье немцам дать сможем».

Не иадо ссориться. Все уладим как цивилнзоваиные людн. Мало, просто потому что мало. Должно быть раз в пять больше. Это мииимум. Все потому что экспроприация идет иа эмоцнях и бессистемио. Слишком много прнлипает к рукам нсполнителей. Надо действовать более жестко, обеспечнвать коитроль. Настоящий контроль. Создание ВЧК — идея превосходиая, ио слишком много там ворья. Поиятно, что времеии у вас было мало, но сколько его осталось — тоже ннкто не может сказать. Начинте действовать еще круче н жестче.

Поучая, Парвус продолжал изучать докумеиты, с необыкновеиной легкостью оперируя девятизначными цифрами. Неожндаиио нз уст великого фннансиста вырвалось междометне — некая смесь иедоумення, сбывшегося непрнятного ожидання и возмущеиия. Н е д о с т а ч а!

Цифры не сходятся. Не может быть! Не может быть? Извольте взглянуть. Хорошеиькое дело! Семьдесят пять... иет, простнте... семьдесят восемь мнллионов золотом. Следствие иачалось иемедлеиио. Полетели шифрограммы. Дзержннский в Москве (с выездами в Швейцарню), Менжииский — в Берлине. Результаты оказались сеисацноииыми. Воруют в Петрограде, посылая «груз» куда-то иалево через частиые банкн Скандинавии. Быстро иашли н вииовиых: Урицкий, Володарскнй н председатель Кроиштадтского ЧК Аидроннииков [1]. Парвусу иичего не оставалось, как тяжело вздохнуть.

[1] Киязь Аидроиииков, друг Распутииа, бывший чииовник особых поручеиий при обер-прокуроре Сиода, имевший доступ к царской семье, столь сочио воспетый Пикулем в «Нечистой силе» и кииорежиссером Климовым в «Агоиии». Интересиый состав исполиителей был у «мирового пролетариата»! Тех кто сомиевался в том, что Аидроиииков после октября стал главой кровавого Кроиштадтского ЧК, мы отсылаем к работе «Леиии и ВЧК», Москва, 1975 г., стр. 229.

Урицкий и Володарский — его любимые ученики, казалось бы, более других проникнутые великой идеей происходящего, специально приставленные к Ленину (в числе многих других), чтобы тот не преподнес каких-либо непрогнозируемых сюрпризов. Обещали разобраться. И действительно, разобрались достаточно быстро. Буквально через месяц ликвидировали Володарского.

Переговоры в Берлине проходили гладко. Ганецкий не зря учился финансовому делу в Берлинском, Гейдельбергском и Цюрихском университетах. Он знал как, где и на каких условиях нужно размещать огромные суммы в твердой валюте. В своих восхищенных воспоминаниях о Ленине (еще бы, на счету самого Ганецкого только в одном из швейцарских банков ГПУ в 1932 году обнаружило 60 миллионов франков) Ганецкий с удовольствием вспоминает эти дни. «Хотя перспектива встретиться за зеленым столом с немецкими тузами-банковиками Мендельсоном, Глазенапом и другими не особенно радовала меня, делегация наша не так уж плохо вела переговоры. Их результатом было подписание дополнительных соглашений к Брест-Литовскому договору, которые точно определяли размер выплаты по финансовым претензиям Германии, но в то же время обеспечивали полную независимость Советской России в области внутренней экономической политики». Чувствительные немецкие банкиры и их швейцарские коллеги пытались что-то бурчать о методах добычи денег. «Но мы им прямо сказали — не лезьте в наши дела, господа хорошие!» (Одно удовольствие цитировать воспоминания «старых большевиков»).

Пока Ганецкий обрабатывал банкиров, Красин занимался промышленниками. Знаменитый Сименс, потерявший так много собственности в России и жаждавший компенсации, пригласил на встречу с Красиным, по его же собственным словам, «целый полк» магнатов германской индустрии. Магнаты — люди серьезные и весьма оберегающие свою международную репутацию (в отличие от менее щепетильных банкиров) — держались настороженно. Они не поленились ознакомиться с досье новоявленного наркома торговли и его слишком явное уголовное прошлое их отнюдь не вдохновило. Но выбирать не приходилось. Зажатая сухопутными фронтами с суши и английской блокадой с моря, Германия агонизировала, несмотря на то, что ее войска занимали добрую половину Франции на западе и маршировали по Тифлису на востоке. Морская торговля прекратилась еще в 1914 г., а гордость Германии и предмет особого обожания

Кайзера — флот открытого моря — сделал за всю войну всего лишь одну робкую попытку сбросить со страны английскую удавку. Необходимо было возрождение промышленности. А Красин предлагает сырье, причем в количествах, о которых и мечтать уже немцы не смели. Количество предложенного сырья они сверяют с агентурными сводками о наличии запасов стратегического сырья у России на начало 1917 года. О, Боже! Им предлагают вымести под метелку все, что с трудом накапливала русская промышленность в годы великой войны. Можно ли воспринимать это серьезно? Что же это за люди, которые пришли там к власти? Нет ли здесь какого-либо мошенничества? Может ли кто-нибудь подтвердить эти предложения? Пожалуйста! «По всем вопросам, касающимся покупок и продажи товаров Германии, обращаться непосредственно в Генеральное консульство к господину Менжинскому В. Р.», человеку, как говорил Ленин, безупречной репутации... А в это же время Иоффе и Менжинский, не покладая рук, занимались приемом многочисленных грузов, идущих сухопутным и морским путем в адрес полпредства и генерального консульства. Некоторые ящики и контейнеры с ходу переправлялись в Швейцарию. Парвус мог быть довольным, если бы знал все. Но знал он далеко не все. Выскочивший из-под его опеки Ленин вовсе не собирался делиться всеми своими планами с бывшим наставником. Некоторые ящики, увешанные дипломатическими пломбами, содержали вовсе не золото в монетах, слитках, ювелирных украшениях и произведениях искусства, не платину и драгоценные камни, вывозимые большевиками за границу, а неряшливо отпечатанные на немецком языке брошюры и листовки, призывающие рабочих и крестьян Германии привести свою страну в состояние того же кровавого хаоса, в которое уже была приведена Россия. А в некоторых уже были и винтовки. Страшная бацилла разрасталась, пытаясь распространить эпидемию на весь мир. «Если представить возможность так же поступить с Германией, как и с Россией, то мы от этого никак не откажемся»,— говаривал циник Радек.

А чем же занимался Менжинский и что вынудило его шефа — Дзержинского, бросив дела на Лубянке, неожиданно появиться в Швейцарии. Дело не в том, а вернее не только в том, что проворовались Урицкий и Володарский, а как позднее выяснилось, и Зиновьев. Дело было в том, что Ленина начал тяготить Парвус. Не то, чтобы он претендовал на роль вождя мирового пролетариата или осмеливался теоретически полемизировать с Ильичем в печати (Парвус,

естествеиио, и думать давио забыл о таком маразме, как «партийиая публицистика»), ио Леиии иикогда ие забывал, чем ои обязаи Парвусу, а равио и о том, какие обязательства ои взял, пересекая воюющую Германию в запломбироваиом вагоне, и не без осиоваиия считал Парвуса весьма опасиым свидетелем. Кроме того, автором ПЛАНА был Парвус, а поскольку ПЛАН удался, его автором хотелось стать самому Леииу. Но и эта причииа была ие самой главиой. Главиое заключалось в том, что Парвус своей жириой тушей перекрывал все «иитимиые» коитакты с разветвлеииой системой западиых баиков, ведя при этом какую-то свою игру и иеизвестио сколько отстегивая в собствеииый кармаи. В подвалах Лубяики иакопилось достаточиое количество старых и опытных фииаисистов с междуиародиым опытом, которые под пыткой (а чаще даже и без пыток) выдали миожество глобальиых фииаисовых секретов и связей, позволявших вести дело в обход Германии с гораздо большим размахом, чем предусматривалось Парвусом. Но это было будущее, а в иастоящем Парвус был еще необходим. Поэтому вопрос о его ликвидации хотя и был подият, ио призиаи иесвоевремеииым и отложеи. Чтобы быть совершеино объективиым, надо призиать, что иа том совещании в Кремле 19 июля 1918 г., когда весь мир облетели первые сведеиия о расстреле Николая II и его семьи, если часто и произиосилась фамилия Парвуса, то вовсе ие в связи с его ликвидацией, а скорее с его зиамеиитой репликой: «Мало!» и совершеиио справедливыми замечаниями о бессистемиой и бескоитрольиой экспроприации (или иациоиализации), т. к. сам Леиии, выкииув свой зиамеиитый дозуиг «Грабь иаграблеииое», призиал иеуместиым в таких призывах примеиеиие иерусских слов. Слушали... Постаиовили... А затем гряиул КРАСНЫЙ ТЕРРОР.

Приказав ликвидировать Урицкого (было за что!) и иисцеиировав покушеиия иа самого себя [1], Леиии впервые в истории человечества саикциоиирует массовое истреблеиие целых групп иаселеиия захвачеииой русской, определив социальное положеиие обречеииых тумаииым ярлыком «буржуй» [1]. Списки потеициальиых жертв стали составляться сразу же после переворота, когда по личиому приказу Леииа была проведеиа регистрация по месту жительства лиц, прииадлежащих к «богатым классам», охватывающая практически все без исключеиия иаселеиие страиы. Крылатая

[1] Даже иаша официальиая история уже близко подошла к разоблачеиию мифа о «выстреле Каплаи в сердце революции».

фраза Леиина: пусть 90 процеитов русского иарода погибнет, лишь бы 10 процентов дожило до мировой революции, фраза, приводившая в восторг его сообщников, считавших, правда ее гиперболой, стала осуществляться с иевиданным размахом. К этому времеии уже вся контролируемая большевиками территория была покрыта такой густой сетью разных уездиых, губериских и волостных ЧК, что даже газета «Правда», отдавая должиое проделаниой работе, с восхищеиием отмечала фактическую замеиу «власти советов» «властью чрезвычаек». Имеиио в эту зловещую паутину, опутавшую страиу, полетели из Москвы инструкции, разъясияющие смысл объявленного террора: «Мы ие ведем войны против отдельных лиц. МЫ ИСТРЕБЛЯЕМ БУРЖУАЗИЮ КАК КЛАСС. Не ищите иа следствии материала и доказательств того, что обвиияемый действовал делом или словом против советской власти. Первый вопрос, который вы должны ему предложить, какого ои происхождения, воспитания, образования или профессии. Эти вопросы и должиы определить судьбу обвиияемого. В этом смысл и сущность „красиого террора“».

Но смысл был гораздо глубже, иежели это было возможио вместить в казеиный текст официальной инструкции. «Для расстрела иам ие иужно ни доказательств, ии допросов, ни подозрений. Мы находим нужиым и расстреливаем, вот и все»,— учил своих подчииеиных Дзержинский, явио давая понять, что мероприятие иадо рассматривать гораздо шире, чем простое уиичтожеиие «богатых классов». Речь шла о всем народе вообще. Параллельио с объявлеиием «красного террора» издается знамеиитый Приказ о заложииках, гласящий: «...из буржуазии и офицерства должны быть взяты зиачительные количества заложников. При малейших попытках сопротивлеиия или малейшем движеиии в белогвардейской среде должен примеияться безоговорочно массовой расстрел». Террор сразу же приият формы разнузданной и кровавой бойни. В стране на долгие годы закладывался тот страшный и многогранный беспредел, плоды которого мы пожииаем сегодня.

[1] Если сравнить этн события с гитлеровским геиоцидом против евреев, то надо призиать, что иацисты были гораздо гуманиее в собственной стране. Враг был определеи четко. Если ты еврей — ты враг, если иет, то иет. Как повезло родиться. Такие же ярлыкн как «буржуй», «враг иарода», «кулак», «подкулачник» н прочне моглн быть иавешеиы на кого угодно н в любом количестве. В этом и заключается главное отлнчне гения от подражателя, а также массового террора от террора избранного. У Гитлера стояла задача сплотить нацию, у Леинна — уинчтожить как можио больше свидетелей, предварительио нх обобрав.

Но если посмотреть еще глубже, то «красный террор» был просто очередным финансовым мероприятием большевиков, изнывавших от того, что на руках у населения остались кое-какие деньги, еще не оприходованные народным банком и наркомфином. Ночью во все квартиры, населенные лицами, имевшими несчастье до революции числиться дворянами, купцами, почетными гражданами, адвокатами, офицерами, а в данное время «буржуями», врывались вооруженные с ног до головы большевики, производили тщательный обыск, отбирая деньги и ценные вещи, вытаскивали в одном носильном платье жильцов, не разбирая ни пола, ни возраста, ни даже состояния здоровья, иногда даже умирающих тифозных сажали под конвоем в приготовленные подводы и вывозили за город. Часть, в основном молодых и здоровых мужчин, расстреливали на месте, остальных распихивали по тюрьмам и концлагерям, молодых женщин насиловали и часто затем убивали. Имущество «буржуев» конфисковывалось якобы «для раздачи рабочим». Но что получили рабочие тогда, когда массовые расстрелы бастующих уже бушевали по всей стране, и что они получили позднее — говорить не приходится. Золото и драгоценности сдавались (к рукам исполнителей прилипало в среднем не больше 15 процентов), книги, рукописи, талантливые проекты, бесценные архивы — просто выбрасывались, а остальное частично присваивалось, частично перепродавалось спекулянтам, которых после реализации ловили и также расстреливали, зачастую вместе с покупателями. Все это с теми или иными вариациями происходило по всей стране. Но это был нижний уровень. Уровнем выше дело шло на более «солидной» основе. Человеку, у которого предполагались хорошие деньги, иногда спрятанные в заграничном банке, говорилось совершенно открыто, что поскольку он подлежит ликвидации в силу своего происхождения, воспитания или профессии и деваться ему некуда, то гуманная власть, наступая на горло собственной песне, все-таки предлагает ему жизнь и свободу с выездом за границу в обмен на ничтожную сумму в 400 тысяч рублей золотом или в их эквиваленте в любой другой валюте. Тех, кто сразу соглашался и указывал место хранения денег и ценностей, расстреливали за их укрывательство, тех, кто упирался, подвергали средневековым пыткам, пытали на его глазах и членов семьи, а затем — независимо от результата — расстреливали со всей семьей. Тех же, кто сдавался постепенно, держали в тюрьмах вплоть до 1934 г., потихоньку выжимая из них миллионы. Но, будем объективны, некоторых и отпускали,

ибо суммы были фаитастическими, а коррупция уже иастолько охватила «рыцарей революции», что они часто были не в силах побороть искус. Особеиио отличились в этом отношеиии Петроградская ЧК и ее революциоииый Кроиштадтский филиал, возглавляемый уже зиакомым иам киязем Аидроиииковым. После ликвидации Урицкого в «колыбели революции» орудовал Глеб Бокий. Любимец Дзержииского он, после мастерски оргаиизоваииого покушеиия иа своего бывшего шефа Урицкого, стал быстро продвигаться по служебиой лестиице. Его умеиие выкачивать деньги из заложииков вызывало зависть и восхищеиие в Москве. Имеиио ему прииадлежит блестящая идея кормить зверей в столичиом зоопарке мясом расстреляииых. Экзотические звери стоили дорого и их еще иадеялись кому-нибудь иапоследок продать. Но главиое, коиечно, было не в этом. Главиое было в том, что из Петрограда за деиьги иачали отпускать заложииков. В Москве узиали об этом из секретиого доиесения зиамеиитой Яковлевой — одиой из заместительииц Бокия. Выяснилось, что в бывшей столице империи проводятся тайиые операции. Заложииков арестовывают тайио, содержат где-то иа коиспиративиых квартирах, договариваются об астроиомических суммах выкупа, а затем тайио переправляют через фиискую граиицу. Полученные деиьги иикуда ие поступают и ие оприходуются. Таким образом удалось спастись ряду лиц, которых никак иельзя было выпускать за пределы страиы. В иастоящее время, доиосила Яковлева, ведутся секретиые переговоры с содержащимися в Петропавловской крепости бывшими великими киязьями Николаем Михайловичем, Георгий Михайловичем, Дмитрием Коистаитииовичем и Павлом Александровичем, которым за огромиый выкуп обещаиа свобода и выезд за граиицу. Уже получеиа значительная сумма, в счет которой за рубеж переправлеиа семья бывшего великого киязя Алексаидра Михайловича с жеиой Ксенией Алексаидровиой (сестрой бывшего царя) и шестью детьми. Братья определили, что как миогодетиый ои должеи спастись первым[1]. Из доиоса следовало: в Петрограде реализуется коитрреволюциоииый сговор с целью личиой иаживы. Разразился страшиый скаидал. Всех великих князей быстро рас-

[1] Великий киязь Николай Михайлович — историк с мировым имеием. За иего ходатайствовал М. Горький. Лении ответил бесподобно: «Революции историки ие иужиы!». Великий киязь Георгий Михайлович — археолог также с мировым имеием, автор большого количества фуидамеитальиых иаучиых трудов.

стреляли, от греха подальше. Следствие, быстро проведенное по прямому указанию Ленина, установило причастность к «тайной операции» верхушки ЧК во главе с Дзержинским. Дзержинский, Бокий и еще ряд лиц были временно отстранены от занимаемых должностей. Ленин орал на Дзержинского и грозил разогнать ЧК. Дзержинский криво улыбался. Он понимал шутки. Все удалось свалить на «стрелочников». В Петрограде с шумом и гамом был арестован начальник одного из райотделов ЧК некто Козырев. Арестован в тот момент, когда на конспиративной квартире обменивал у каких-то иностранцев ювелирные изделия на фунты стерлингов. Судили революционным судом публично. В обвинительном заключении перечислялись многочисленные преступления Козырева. Оказывается, «товарищ Козырев опустился настолько, что позволял себе воровать золотые тарелки, ложки и вилки из столовой ЧК». Как в столовую ЧК попали «золотые тарелки, ложки и вилки», никто в обвинительном заключении, конечно, не уточнял, и никто не осмеливался задать этот вопрос.

Поток ценностей в столицу Германии продолжался. Выкачиваемые из страны вместе с кровью богатства шли на запад, в разветвленную паутину международных банков. Кровь, только кровь оставалась в России. А главное национальное богатство страны — ее инициативный, предприимчивый, талантливый и трудолюбивый народ сбрасывался десятками тысяч в братские могилы. Пусть кто-нибудь попробует возразить, что у преступной банды, захватившей страну, были какие-либо другие намерения, кроме как ограбить и уничтожить эту страну. Педантичные немцы точно учитывали весь вывоз из «совдепии» до самого своего крушения в ноябре 1918 года: 2 миллиона пудов сахара, 9132 вагона хлеба, 841 вагон лесоматериалов, 2 миллиона пудов льноволокна, 1218 вагонов мяса, 294 вагона пушнины и т. д.

В благодарность немцы открыли дорогу интернациональной армии на Дон. Обеспеченная на флангах немцами, армия интернационалистов вторглась в область Войска Донского, имея четкую, подписанную Лениным и Свердловым инструкцию: «Решить проблему казачества... путем поголовного их истребления... Провести массовый террор против богатых (опять! — И. Б.) казаков, истребив их поголовно... Расстреливать каждого, у кого будет обнаружено оружие (у казаков оружие было в каждом доме.— И. Б.)... Все деньги и ценные вещи конфисковывать, оприходовать и сдавать...». А ведь бедняга Гитлер еще валялся тогда в госпитале, приходя в себя от газовой атаки англичан...

В ноябре 1918 года рухнула н капитулировала Германия. Еще до этого советский посол Иоффе попался на распространеиии листовок и был выслаи. Вскоре ои, правда, вернулся, ио раздавал уже ие листовки, а винтовки прямо во дворе советского посольства. Условия капнтуляции, жестко продиктованные западными союзиикамн, требовали быстрого отвода иемецких войск со всех захваченных территорий в Германию. Глубокой ночью 3 ноября 1918 года германский коисул в Петрограде ианес прощальный визит Зиновьеву. Оии вдвоем неплохо потрудились в течение прошедшего года. Только вмешательство Лениина, не желавшего «междуиародного» скандала, т. к. Зиновьев был председателем Коминтерна,— помогло тому выпутаться нз петроградских афер с Андрониииковым, Урицким и Володарским, в которых Зиновьев завяз по уши. Прощание иосило несколько нервный характер. Завершалась глобальная, великолепио скоордииированиая операция, принесшая обеим сторонам фантастические барыши. Еще существовала лииия связи через Прибалтику, удерживаемая «железными гренадерами» фон дер Гольца, но иллюзий уже ни у кого не было. Даже фон дер Гольц в таких условиях не мог удержаться. Будущее Германии и ее судьба виделись в тусклом, но весьма мрачиом свете. Еще более неопределенной выглядела судьба большевиков. Что оии смогут сделать, лишенные немецкой поддержки? Немцы проделали гигантскую работу, срывая все попытки организовать выступления против большевиков каких-либо сил ошеломлеииого русского общества, эффективио разрушив, в частиости, зарождающийся мощный союз Донского и Кубаиского казачества с Добровольческой армией. Немцы, однако, намеревались терпеть эту банду в Кремле только до окончания войны, которую они все-таки надеялись завершить если не победой, то вполне приемлемым миром. С другой стороны, в Кремле уже имели гарантии от Либкиехта и Люксембург, что Германия ие сегодня-завтра будет сброшена в ту же пропасть, что и Россия. Поэтому план бегства в Германию (а там, мол, посмотрим!) оставался почти неизменным. Отработанный еще в 1917 году, ои предполагал почти мистически быстрое исчезновение и уже дважды чуть ие был приведен в действие. Первый раз, когда после убийства иемецкого посла Мирбаха ожидался захват немцами Москвы, поскольку совершенио справедливо считалось, что терпению иемцев пришел конец. Второй, когда стало известно о высадке англичан в Архангельске, т. к. никаких сил для противодействия им ие было. Но англичане, ие ведая какую

паиику оии вызвали в Кремле, иаступать иикуда ие собирались. Их задачей было взять под контроль горы оружия, иакопившиеся за годы войны в Архангельском порту, из-за опасеиия, что большевики передадут это оружие немцам. Теперь в третий раз был объявлеи «предупреднтельиый пернод», поскольку обстаиовка после ухода иемцев была иепрогиозируемой.

Немецкий коисул, как и положеио дипломату, перед отъездом выразнл Зниовьеву сожалеиие, что наступил коиец столь плодотвориому сотрудиичеству, каковое имело место между правнтельствами Германии н РСФСР за истекший год. Нахальный Зииовьев, ие считая нужным держаться в рамках дипломатического этикета, которого он и не зиал, ответнл коисулу иа языке херсоиских лавочииков, некогда давшнх главе Комиитерна начальное революциоиное образование: «Чего там сожалеть! Вы столько иахапали по Брестскому миру, что могли бы быть и довольиы!».

Старая школа кайзеровской дипломатии более всего цеиила в своих представителях железную выдержку. Коисул сдержался, ио все-таки не мог не выйти за рамки протокола, ответнв Зииовьеву: «Еще иеизвестно, кому этот Брестский мир больше пошел на пользу: вам или иам». На том и расстались.

Уход иемцев воодушевил иациоиальные силы аитибольшевистского сопротнвлеиия. Слабые н разобщеиные, практнческн иевооруженные, сдерживаемые иемецкими штыками и иепониманием союзников, они все-таки предприияли отчаянную попытку сбросить с Россни это страшиое, иеизвестно откуда взявшееся иго. Смело маиеврируя своими малочнслеиными войсками, горстка старших офицеров бывшей нмператорской армии начала стремительиое наступлеиие на захвачеииые цеитральиые и восточиые райоиы Росснн.

К сожалению, бацилла большевизма разложила уже и тылы белой армии н в большей степеии саму армию. Эта бацнлла, так точио выраженная леннискнмн словамн «иа Россию мне наплевать, ибо я — большевик» в сочетании с заклниаииями о всеобщем равеистве, охватнла и те слои русского общества, которые уже были объявлеиы леиинскими декретами «враждебными классами» и беспощадио уиичтожались. Генерал Деникии с горечью вспомииает: «Спекуляция достигла размеров иеобычайиых, захватывая в свой порочный круг людей самых разиообразиых кругов, партий и профессий... Несомненно, что не в людях, а в общих явлеииях иародной жизии и хозяйства кореиились

прнчины бездействия — дороговнзиа и неразрывно связанная с ней спекуляция. Их вызывало общее расстройство денежиого обращения и товарообмеиа, снльное падеине труда н миожество других материальиых и моральиых факторов, привиесеииых войиой н революцней... Казиокрадство, хищеиия и взяточиичество стали явлеииями обычиыми, целые корпорацин страдали этим иедугом. Ничтожиость содержаиия и задержка в его получеиии были одиой из причин этих явлеиий. Так железиодорожиый траиспорт стал буквально оброчной статьей персоиала. Проехать и отправнть груз нормальным путем зачастую стало иевозможиым. В злоупотреблении проездными «литерами» прнннмали участие весьма шнрокие слон иаселеиия. В ием, иапример, изобличеиы были в свое время и состав редакции столь демократической «Родной Земли» Шрейдера, и одна большая благотворнтельиая органнзация, которая распродавала купцам, предоставлеииые для ее иужд «литеры» по договору, обусловливавшему ее участие в 25-процеитиой чнстой прибыли. Доиское правительство, отчаявшись в получении хлеба с Кубанн (иа Доиу ие стало хлеба за иеполные полгода большевистской оккупации. На Дону, который кормнл полмира! — И. Б.), поручило закупку его крупному дельцу Молдавскому. Хлеб, действнтельио, стал поступать массами, хотя н обошелся донской казие чрезвычайио дорого. При этом вся Кубаиь н все железиые дороги края были перекрыты коитрагеитамн Молдавского, которые по таксе и по чииу совершеиио открыто платили попудиую дань всей адмиинстрацни от станичиого писаря и смазчика до... пределов ие зиаю. В Кубаиской раде был даже подият вопрос о том, что Молдавскнй развратил всю адмиинстрацню. Мие кажется, однако, что сетования Рады были не совсем осиовательны: лиходатели и лихоимцы только дополияли друг друга на общем фоие безвремеиья. Традиция беззакоиия проинзывала народную жнзнь, вызывая появлеиие миожества аваитюристов, самозванцев — крупиых и мелких... В городах шел разврат, разгул, пьяиство и кутежн, в которые очертя голову, бросалось н офицерство, приезжавшее с фроита. «Жнзии — грош цеиа. Хоть деиь, да мой!.. Шел пир во время чумы...»

Но даже в таких условнях талаитлнвейший русский полководец начала века стремительио вел свои войска на Москву. Армия геиерала Деникииа даже иа пике своего могущества никогда не превышала 150 тысяч человек, но в течение иесколькнх месяцев она очистила от большевнков огромиую террнторию, освободив Харьков, Полтаву, Киев

(которые иемцы любезио отдали Ленииу при отходе), овладев Вороиежем и Орлом. Остаиовившись, чтобы перегруппировать силы, Деиикии бросил в рейд иа Москву коииый корпус казачьего геиерала Мамоитова числеииостью в 7000 сабель. В приказе Мамоитову была четко поставлеиа задача: «Вам иадлежит, пополияя силы за счет аитибольшевистски иастроеииых слоев иаселеиия, развить иаступлеиие иа Москву, опустошая тылы противиика и коитролируя осиовные пути сообщеиия в иаправлеиии иа Москву в целях обеспечеиия общего удара армии в указаииом иаправлеиии.»

Без труда прорвав фроит красиых иитериациоиалистов, коииица Мамоитова устремилась к древией столице России. Но ее иаступательиый порыв сразу же иссяк. В каждом городке, в любом иаселеииом пуикте подвалы местиых чрезвычаек и ревкомов открывались перед казаками сказочиыми пещерами Али-Бабы. Золото, драгоцеииые камии, ювелириые украшеиия, моиеты, слитки, произведеиия искусства... Казаков охватила золотая лихорадка. Все воеииые задачи были иемедлеиио забыты. Вместо похода иа Москву Мамоитов, почти ие встречая оргаиизоваииого сопротивлеиия, чистил подвалы ЧК и РВК. На 60 верст, по свидетельству очевидцев, растяиулся мамоитовский обоз, когда отягощеииые добычей казаки повериули иазад, ио ие иа соедииеиие с армией Деиикииа, а домой — иа Дои. Казалось, что вериулись славиые времеиа тихого Доиа, времеиа XVI и XVII веков, когда доиская вольиица совершала лихие иабеги и с богатой добычей возвращалась к родиым куреиям. Обиажая флаиг армии, корпус Мамоитова вступил в родиую область Всевеликого войска Доиского. Казаки разбегались по родиым стаиицам и хуторам. В Новочеркасске радостио гудели колокола кафедральиого собора, встречая корпус Мамоитова после иабегов. 2000 казаков привел с собой лихой геиерал, пять тысяч разбежалось по дороге. Радость стояла иеописуемая. Геиерал Мамоитов только из личиой доли добычи пожертвовал иа купола и кресты Новочеркасских соборов и церквей 90 пудов золота! (Ох, отзовется это золото стаиичиикам! До 1941 года чрезвычайиая следствеииая комиссия ГПУ и НКВД будет выдавливать из бывших мамоитовцев это золото вместе с кишками. Все оии будут взяты иа учет. Миогих достаиут даже за граиицей. Мамоитову здорово повезло что ои вскоре умер, так и ие осозиав, что ои погубил Белое дело, подияв руку иа Золото партии!)

В Казаии около 8 месяцев свирепствовал красиый тер-

рор, пополняя партийную казну. Но бежать из Казани пришлось так стремительно, что ничего, конечно, вывезти не успели. Едва хватило времени, чтобы перестрелять арестованных заложников. Золото складировалось в обширных подвалах местного банка, т. к. подвалы чрезвычайки были забиты трупами. Почти четыре часа, после того, как большевики уже ушли, а белые еще не вошли, лихая толпа громила банк. Ломая двери и кости друг другу, визжа, крича, давясь и убивая всех, попадавшихся на узкой винтовой лестнице, ведущей в хранилище банка, озверелая толпа накинулась на груды золота и драгоценных камней. Золотые монеты и драгоценности тащили в ведрах, в котелках, в сапогах, в узлах из рубашек, в пригоршнях. Но стихийный грабеж тем и отличается от того систематического ленинского, что много таким образом не утащишь. Белые войска, разогнав выстрелами толпу, взяли под охрану здание банка, золотой запас которого составил основу печально-знаменитого колчаковского золота, следы которого не могут найти до сих пор. В тех немногих городах, которые заняла армия Колчака, адмирал собрал 8878 пудов, т. е. 142 тонны золота. Часть его была истрачена на закупки оружия, а часть, жертвуя собою, Колчак вывез за границу, где его попросту украли.

В Москве царила паника, но не меньшая паника царила и в Петрограде, к которому с юга приближался с крохотной армией, наполовину составленной из гимназистов, генерал Юденич. В спешке расстреливались те, кого еще не успели расстрелять. Расстреливались и семьи. «Пусть надолго нас запомнят, если победят». Зиновьев умирал от страха и Ленин слал ему бодрящие телеграммы: вооружить рабочих и бросить на Юденича, поставив сзади пулеметы «интернационалистов», чтобы не думали об отступлении. У мобилизованных офицеров взять в заложники семьи, предупредив их, что все семьи будут расстреляны, если Юденич не будет остановлен. Расстреливать всех. Особенно всех бывших крупных военных и чиновников, невзирая на возраст. Денег у них нет, а потенциальная опасность есть. В вихре массовых убийств погибли замечательные русские флотоводцы, ученые: адмирал Скрыдлов, Иессен, Штакельберг, Бахирев и Развозов. Но перспектива крушения не могла быть компенсирована только массовыми убийствами. Принимались и другие меры. Сначала все делалось, как обычно, по-дилетантски. К богатому когда-то заложнику, дрожавшему в ожидании расстрела, приходили с предложением о продаже недвижимости другому лицу, как

правило, иностранному подданному. Оформлялись соответствующие документы, скрепленные подписями сторон и личными печатями. То, что эта недвнжимость (заводы, магазины, пароходы, железные дорогн, нздательства и пр.) уже национализирована, никто не вспоминал, а заложник-смертник, естественно, никаких лишних вопросов не задавал, если ему обещали жизнь за продажу уже национализированного нмущества. Затем заложника расстреливали, все документы о нем изымались, и он как бы пропадал без вести. А все права на его имущество переходнли к другому лицу. Таким образом большевикн планнровали, говоря современным языком, войти в рынок путем приватизации чужого имущества. Еслн, скажем, белым удалось победить, то они в первую очередь были бы заинтересованы в быстрейшем налаживании хозяйственной жизни. Какой-нибудь завод, находящийся в частном владении, имн бы только прнветствовался. Владельцем завода оказывался никому ранее не известный господин Н. Но все помнили, что этот завод принадлежал купцу Парамонову. Господин Н. показывал купчую, согласно которой купец Парамонов продал ему завод еще в 1916 г. Почему об этом никто не знал? Коммерческая тайна. Дело в том, что бывший владелец попал в очень трудное финансовое положение и не хотел огласки. А где он сейчас? Неизвестно. Господин Н. заявляет, что после заключения сделкн он уехал из России и не видел г. Парамонова с 16-го года. Известно, какое время было. Куда всех раскидало. «Есть, однако, данные, что Парамонов был схвачен и убнт большевиками со всей семьей». «Боже мой! Какие изверги! Какой был прекрасный человек!»...

Конечно, тут неизбежно могли быть проколы, частные разоблачения. Возможно, что пронырливые журналисты выдвинули бы смелую версню о проведении подобной операцин, находили бы свндетелей, выдвигали бы предположения, что вся экономика страны находится в руках большевистских агентов. Но доказательств в большинстве случаев найти не удалось бы. Да и не разрушать же нз-за этого собственную экономику! Все работает н прекрасно. А полнтические убеждения владельцев — это дело второстепенное.

Чуть позднее, когда в ЧК появился отдел графологов и фальшнвомонетчиков, заложников уже не беспокоили предложениями, а просто расстреливали, оформляя все нужные документы самостоятельно и на высоком уровне. Было изготовлено огромное количество фальшивых банковских книг, векселей, заемных писем, купчих с пометками, начиная с 1912 г., с подписями известнейших лиц, часть из которых уже

успела умереть своей смертью, а часть была уничтожена. Причем часто такие люди уничтожались не только со всей семьей, но и с ближайшими сотрудниками, если таковых удавалось схватить. Все это предусматривалось на случай бегства из страны и крушения режима, а поскольку большевики никогда за все время своего 74-летнего правления не были уверены в завтрашнем дне, удивляясь больше всех, что их еще не скинули, то план, естественно модернизируясь и корректируясь, существовал всегда и дожил до наших дней. Однако, к сожалению, режим не рухнул. «Почитай, нет в России ни одного дома, у которого мы прямо или косвенно не убили мать, отца, брата, дочь, сына или вообще близкого человека,— удивлялся Бухарин,— и все-таки Феликс спокойно, почти без всякой охраны пешком разгуливает (даже по ночам...) по Москве; а когда мы ему запрещаем подобные променады, он только смеется презрительно и заявляет: «Что? Не посмеют, пся крев!» И он прав: не посмеют... Удивительная страна!» И вещи в ней происходили поистине удивительные! Из-за границы в Москву приходили шифровки следующего содержания: «Удалось расшифровать счет в банке Кройза и Функа (Берн) за номером В — латинское, С — латинское, триста сорок восемь пятнадцать девяносто шесть ноль ноль семнадцать, Зет — латинское, Т. Счет в 1 миллион 800 тысяч швейцарских франков принадлежит Парфенову Никодиму Пантелеевичу — акционеру об-ва «Кавказ и Меркурий». Девиз счета выяснить не удалось. Керд».

Не зря Дзержинский ездил в Швейцарию, не зря старался и Парвус. Банки не только принимали не отмытое от крови золото, но и наводили на своих клиентов ЧК, поскольку подобную шифровку мог прислать только банковский служащий. К шифровке подколота справка: «Парфенов Никодим Пантелеевич, инженер-мостовик и промышленник, акционер Волго-Каспийских компаний речного судоходства. В настоящее время находится в Киеве у белых». Ничего, подождем. Никуда ты, голубчик, не денешься. Сам нам скажешь и девиз, и все остальное, необходимое для снятия денег. И за границей тебя достанем, если надо.

Естественно, что уже все, кто хоть как-то контактировал с главарями новой власти, ходили с карманами, набитыми валютой и золотыми монетами. Почему-то в те времена было еще не совсем ясно, кому это можно, а кому нет. С иностранной валютой попался даже знаменитый машинист «легендарного» паровоза № 293 Финляндской железной дороги Ялава, доставивший Ленина в Петроград накануне пере-

ворота. За хранение иностраиной валюты н золота многочисленные, дублирующие друг друга декреты и указы предусматривали расстрел без суда и следствия. Если же очеиь повезет, то коифнскацию. Спасать машиниста пришлось лично Лениину. В запнске известиому чекисту-палачу Уншлихту вождь мирового пролетарната пишет: «Личио зная тов. Ялаву с 1917 г., я подтверждаю его иесомиенную честиость н прошу распорядиться о иемедлеииой выдаче ему отобраниых у иего деиег. Прошу прислать мие копию распоряжения Вашего с указанием имеии ответствеииого за исполнение лнца.

Второе: прошу затребовать все документы об обыске у т. Ялавы и прислать их мие. Прилагаемое прошу вериуть. С ком. приветом Леннн».

«Товарищу Леннну,— срочно телеграфнрует Уншлихт.— По существующнм положениям иностраиная валюта подлежнт коифнскацни, что, вероятно, и сделала Петгубчека. Время н место ареста Ялавы не указано, что влияет иа срочиость нсполнения Вашего распоряжения. С коммуинстнческим прнветом Уншлихт».

На телеграмме Ленин пишет резолюцню: «Т. Н. Горбунов!.. скажнте мне нтог: 1) Возвращены лн деньги? 2) Какое наказанне отбыл Ялава и когда окоичил? 11.VI. Леннн». На запрос управделами ВЧК ответила, что Ялаве возвращено «все, кроме золотой, серебряной и иностранной валюты».

Такнм образом «золотой курьер» Ялава, вывозивший золото в Скаидннавские банкн, попался, т. к., коиечно, кое-что у него «прнлипло к карманам». И, естественно, было обиаружено н нзъято.

Но ие все, нмевшне старые заслуги, отделывались так легко, т. е. простой коифискацней. «Сгорел» и председатель Кронштадтского ЧК, легеидарный киязь Аидроиииков. Воровал князь крупио, ио и работу делал гигантскую. Помимо отправки грузов в Германию и Скаидиiавию и дальше — в Соедниенные Штаты через Кронштадт, он еще н обрабатывал заключеииых в зиамеиитых кроиштадтских тюрьмах, куда иаправляли особо упориых, ие желавших ии под какнм видом отдавать свои состояния, подписывать купчие н иазывать шнфры своих счетов. Бывшнй князь с каждым работал иидивидуальио, выжимал нз них все, но далеко не все докладывал иачальству, составляя собствеииую шифроваииую картотеку. Дважды выкручивался ои и от дела Урнцкого, н от дела Бокня, ловко перекидывал деньги иа собственные секретные счета в двух баиках в Швейцарии и Швеции, да ие знал по наивности, что из банков идет

секретная информация в Кремль. «Архиважные» и «конспнратнвиые» задання выполиял князь-чекнст как до переворота, так н после иего. Назиачеиный в ЧК Кроиштадта по рекомеидацин Леннна и Дзержннского, Андроиников прекрасио зиал, куда и с какнм грузом уходят от кронштадтских причалов в тумаиную мглу Балтики таниствеиные пароходы под иепоиятыми флагами, а то и вовсе без флага. А потому, после крушеиия Германнн иастал и его час. Но такого человека, как князь Андроинков убрать было не так легко. Слншком высок был его авторитет в ЧК. И действовать надо было «архиделикатно». На такой случай Леиин нмел прн себе иебольшую команду нсполннтелей, чнслнвшнхся прн Управленин СНК н не нмевшнх к ЧК никакого отиошеиия. Занималась комаида виутрипартнйными разборкамн; когда дело касалось большевнков с большим дореволюционным стажем. Нечто вроде комнссни партконтроля, ио с гораздо большими полиомочиями. И все дело князя шло не по чекистской, а нмеино по партнйной линнн, для чего Леиин направил секретиое пнсьмо Зниовьеву в Петроград следующего содержания: «Тов. Зиновьев. Прошу назначнть — исключительно партнйных, опытиых, абсолютно иадежных товарищей для расследовання поведеиия... б. князя Аидронинкова (друга Распутнна, Дубровииа н т. д.), служащего в ЧК в Кроиштадте. Пред. Совета Народиых Комиссаров. В. Ульянов (Леини)».

Все припомнили бывшему князю: н дружбу с Распутнным н Дубровнным, и службу в Синоде, и дела с царскнм двором, ио расстреляли за шпнонаж в пользу Германии. Заиятно!

1 марта 1919 г. в Москве открылся международный съезд «левых социал-демократнческнх партнй», который 4 марта объявил себя Первым коигрессом Комиитерна. Раздираемые завнстью н восхищеиием, аваитюрнсты всего мира рнинулись в Москву в надежде урвать для себя какую-то долю от иебывалого в человеческой нсторнн разбоя и получить методику для подобиого же уинчтожеиия собственных страи. Лении инкогда ие скрывал своих планов мирового господства и был в ударе: «Мы никогда не скрывали, что иаша революция только иачало, что она приведет к победоиосному концу только тогда, когда мы весь свет зажжем таким огнем революции... Осуществив советскую власть, мы нащупалн международную всемириую форму днктатуры пролетариата... Наше дело есть дело всемирной пролетарской революции, дело создання всемнрной Советской республики... Борьба междуиародиого пролетарната

против буржуазии носит, и должна носить характер бешеной, отчаянно-жестокой классовой борьбы... Не понять даже теперь (в 1919 г.), что в России идет (и во всем мире начинается и зреет) гражданская война пролетариата с буржуазией, мог лишь круглый идиот, ибо в гражданской войне угнетаемый класс направляет усилия к тому, чтобы уничтожить угнетающий класс до конца, уничтожить экономические условия существования этого класса!» Ну как было не слететься в Москву на подобные призывы к мировому разбою?

5 марта 1919 г. в Большом Кремлевском Дворце состоялся прием в честь делегатов конгресса. Яркий электрический свет заливал старинную лепку дворцовых стен — творение архитектора Тона. Столы ломились от яств. Резные блюда с икрой, целиком варенные осетры, огромная белуга, занимавшая треть стола, молочные поросята, ананасы и виноград, старинные вина, еще сохранившие на этикетках штампы частных коллекций (включая и царскую). Ленин лично подписал разнарядку, указав Горбунову доставить к столу из запасов Совета Народных Комиссаров «икру — 110 пудов, поросят молочных — 800, рыбы красной — 200 пудов». Элегантные костюмы делегатов и обнаженные плечи женщин, одетых по последней европейской моде, хотя и контрастировали со строгими френчами «народных» комиссаров, но создавали дополнительную экзотику, давая понять всем присутствующим, что мировая революция не такое уж плохое дело и за нее стоит пойти на известный риск, коль уже это проверено на России. В обескровленной и разграбленной стране свирепствовал голод, начиналось людоедство, шли массовые убийства без суда и следствия, в Бутырскую тюрьму свозились дети «богатых классов» для поголовного истребления, свирепствовали эпидемии сыпного и брюшного тифа, заживо гнили заложники, черными громадами торчали из заснеженных улиц мертвые дома без отопления и электричества, а здесь уже было создано то самое знаменитое «зазеркалье» — маленькое государство, с уже построенным коммунизмом посреди уничтоженной России, засекреченное и охраняемое более тщательно, чем все государственные и военные тайны вместе взятые. И чтобы ни у кого не оставалось никаких сомнений, что борьба за счастье рабочего

---

[1] Как раз в это время — в марте 1919 года — обманутые дешевой демагогией рабочие, влача голодное и беспросветное существование, превращенные фактически в рабов, делали робкие попытки обратить вни-

класса [1], а равно и всех прочих угнетенных классов, приносит свои плоды, гостей сводили в Гохран. Эта организация, созданная Лениным еще в 1917 году, была тем центральным складом, куда свозились и откуда направлялись куда-то в опломбированных ящиках награбленные ценности, создавая неиссякаемый золотой и бриллиантовый поток. Никакая фантазия Шахерезады не могла представить себе ничего более впечатляющего, чем это хранилище, где сконцентрировались все ценности, накопленные страной и ее жителями за несколько веков. Жалким выглядит Иван Грозный, который хвастался своими несметными, как ему казалось, сокровищами английскому послу, присланному в Москву королевой Елизаветой. Увидел бы он, чем владел Ленин! Делегатам становилось плохо. С одним из коминтерновцев произошла истерика, которой он выдал всю свою мелкобуржуазную сущность; последовал арест. Но выслан он был только в 1922 году. Разбирались.

мание «рабочего» правительства на свое положение, прибегая к мирным забастовкам. Это происходило во многих городах и везде был один и тот же результат — забастовку топили в крови рабочих. В Астрахани собрался десятитысячный митинг, на котором рабочие местных заводов и рыбных промыслов (вспомните белугу и осетров на кремлевском банкете) обсуждали свое тяжелейшее материальное положение. Не успели выступить первые ораторы, как площадь была оцеплена войсками ЧК. Почти без предупреждения по рабочим был открыт огонь из пулеметов и винтовок, площадь забросана ручными гранатами. Рабочие бросились бежать, оставив на площади 2000 человек убитыми и ранеными (которых тут же добили выстрелами из наганов). Почти все участники митинга были арестованы и размещены по шести комендатурам ЧК в подвалах, на баржах и в трюме, стоящего на приколе парохода «Гоголь». В Москву сообщили о восстании. Из Москвы немедленно пришел лаконичный ответ: «Расправиться беспощадно». Работа закипела. Рабочих расстреливали в подвалах чрезвычаек, связанными бросали с баржи в Волгу. Трупы едва успевали свозить на кладбище, где они грудами сваливались прямо на землю: полураздетые, залитые кровью. 13—14 марта расстреливали только рабочих, но потом власти спохватились и, видимо, чтобы свалить вину на «буржуев-подстрекателей», начали повальные аресты интеллигенции, бывших домовладельцев, купцов, рыбопромышленников и лавочников, которые чудом уцелели от предыдущих расправ. Списки расстрелянных «буржуев» публиковались сотнями. Рабочих расстреливали без всякой публикации, но их расстрелы продолжались до середины апреля. Было такое впечатление, что на астраханских рабочих большевики решили выместить свою злобу за все забастовки, которые волной прокатились по стране в марте 1919 года. Не менее крупные расстрелы забастовщиков имели место в Петрограде, Туле и Брянске. Опубликованные в Англии данные говорят о том, что за первые три месяца 1919 года было расстреляно 138 тысяч человек. «Однако эта цифра,— отмечает самый беспристрастный исследователь большевистских зверств С. Мельгунов,— в действительности дает лишь бледное представление о том, что происходило в России». Рабочие могли «смело» смотреть в будущее, откуда надвигалась мировая пролетарская революция!

Делегаты разъехались по домам радостные и возбужденные. Хозяева в Москве не были скупы: каждый из членов конгресса увез с собой достаточно средств, чтобы создать в своих странах «большевистские организации» и подготовить мировую революцию. Как говорилось — «Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем!..»

Не все, конечно, проходило гладко. Финские пограничники поймали знаменитого Отто Куусинена, пытавшегося провезти в Финляндию контрабандой полученные в Москве бриллианты, некоторые из которых были занесены в международные каталоги и их владельцы были хорошо известны. Разразившийся скандал, хотя и не был услышан в Москве, но имел достаточный резонанс в мире. Вскоре (в феврале 1920 г.) оскандалившемуся вождю финского рабочего движения пришлось бежать от полиции по льду Финского залива и навсегда поселиться в Москве, где благодарный Ленин сделал его секретарем исполкома Коминтерна, а Сталин даже хотел сделать президентом Финляндии.

Подобные проколы случались и с делегатами некоторых других стран, но это было несущественно, поскольку Москва никаких претензий не принимала и не выслушивала, но довольно потирала руки: большевистские партии стали везде вырастать как поганки в лесу. Почва была хорошо удобрена военной депрессией. Одно только вызывало беспокойство — нигде, кроме Венгрии, никто активных действий не предпринимал. Правда и в Венгрии все это продолжалось недолго. Бела Куну пришлось сбежать в Москву, однако часть венгерского золота все-таки удалось украсть и перекинуть за границу, создав для этого собственный канал. Ленин уже тогда стал с некоторым подозрением поглядывать на слишком шустрого венгра, но сердце вождя тешилось тем террором, который Бела Кун начал в Венгрии, но, увы, не успел закончить. Не хватило времени. Утешение было особенно необходимо, т. к. страшно подвели немецкие товарищи со своей пролетарской революцией. Уж, казалось, им-то все было разложено по полочкам. Ан, нет. Трусливые социал-демократы не решились применить в Германии ленинские методы, когда пришли к власти после падения монархии. Более того, они позволили кайзеру бежать в Голландию и, подавив вооруженной силой коммунистический мятеж, выслали вон из Германии советского полпреда Радека, посланного в Берлин для «углубления» немецкой революции. Дипломатические отношения с Москвой были разорваны. При этом убиты ленинские агенты К. Либкнехт и Р. Люксембург, арестован ряд банковских счетов, столь

легкомыслеиио размещенных в Германнн по совету Парвуса. Кто же мог подумать, что так оно оберится!

Разъяреииый Ленин, как всегда ие стесияясь в выражеииях, обрушился со страшной руганью в адрес своих вчерашиих дружков: «Во главе всемнрно-образцовой марксистской рабочей партии Германнн оказалась кучка отъявленных мерзавцев, самой грязной продавшейся капиталистической сволочн... самых отвратительных палачей нз рабочих на службе у моиархии и контрреволюцнонной буржуазнн». Отношеиня с Германией были восстановлеиы только после того, как там снова пришли к властн «буржуазиые» партии. Леинн был злопамятен.

В нюле 1920 г. открылся сначала в Петрограде, а затем в Москве II Коигресс Комиитериа. Если иа Первом конгрессе выбнрали руководство Комиитериа и нзбрали Зиновьева его председателем, всласть поелн, попнлн, покутнли, отоварились золотом и бриллиантами, то на Втором конгрессе началн уже говорить по существу. Да н обстановка уже была совсем другой. Донскне и кубанские казаки, бросившие иа пронзвол судьбы добровольческую армню, положили начало развалу Белого двнження, чей лозунг «За Россню еднную и неделимую» ие иашел отклика у многоиацнонального населения умирающей нмперии. Полякн, собравшнеся выступать вместе с Деникиным, отчаянно нуждавшимся в любых подкреплениях, потребовали признания своей иезавнснмости. То же самое требовалн финны от Юденича иа переговорах о совместном походе на Петроград. «Мы Россией не торгуем»,— неизменно отвечали вождн Белого дела, предпочитая неизбежное поражеине отказу от своих священных патрнотнческнх прннцнпов.

Россией торговалн другие и довольио бойко.

Развал белого двнжеиия открывал радужные перспектнвы проведения октябрьского переворота в мнровом масштабе. Поэтому в центре внимания II Конгресса стоялн основиые вопросы программы, стратегнн, тактики и оргаинзации Коминтериа. Решения II Коигресса по всем этнм вопросам, выработаииые под иепосредственным руководством Леиниа, легли в осиову программы и всей работы Коминтерна. Открывая конгресс, Леннн продекламировал свой любимый тезис: «Наше дело — есть дело всемирной пролетарской революцнн, дело создання всемирной Советской республики» (долгие аплодисмеиты, оркестр нграет «Интериационал»).

Ленинскую мысль развил председатель Коминтерна Зиновьев, поучая иа нескольких заседаниях делегатов, как

иадо оргаиизовать дело, чтобы прямиком пройти к мировому господству: «Решающим средством борьбы для иас является вооружеииое восстаиие, а для этого требуется оргаиизация революциоииых сил иа воеииую иогу, а следовательио цеитрализоваииая партия».

В соответствии с поставлеииой задачей Коигресс прииял устав Комиитериа как едииой междуиародиой коммуиистической партии с иациоиальиыми «секциями» в разиых страиах. В результате совершеиио естествеииым было создаиие Воеииого отдела Комиитериа, который свою задачу определил следующим образом: «Самим ходом исторического революциоииого процесса рабочий класс будет выиуждеи перейти к иападеиию, когда для этого сложится благоприятиая обстаиовка... Красиая Армия, главиое оружие рабочего класса, должиа быть подготовлеиа так, чтобы выполиить свою иаступательиую миссию иа любом участке будущего фроита... Граиицы же этого фроита в ближайшую очередь определяются пределами всего материка Старого Света». Вот такие были аппетиты.

Прииятая коигрессом резолюция об осиовиых задачах Коммуиистического иитериациоиала гласила: «Только иасильствеииое свержеиие буржуазии, коифискация ее собствеииости, разрушеиие всего буржуазиого государствеииого аппарата сиизу доверху, парламеитского, судебиого, воеииого, адмииистративиого, муииципальиого и пр. могут обеспечить торжество пролетарской революции». Для ее успеха междуиародиая коммуиистическая партия должиа быть построеиа «иа осиове железиого пролетарского цеитрализма» и «воеииой дисциплииы».

Кроме того, коигресс прииял еще весьма миогословиый и агрессивиый маиифест ко всем трудящимся всего мира с призывом «убить империализм». Одиако для эффективиых действий подобиой междуиародиой воеиио-террористической оргаиизации, кроме марксизма, бесприиципиого эитузиазма, нечеловеческой жестокости, резолюций, уставов и маиифестов — иужиы были еще и иемалые деиьги, а где же их было взять, если ие в столице будущей всемириой пролетарской империи, где и проходил коигресс, т. е. в Москве. Поэтому «было решеио обратиться к Российской коммуиистической партии с предложеиием времеиио (?) взять иа себя главиое бремя материальиых издержек по работе Исполиительиого комитета Комиитериа».

Награблеииые деиьги тратятся легко. Последовало сразу два ответа: одии от Лeииıа, второй — от Зииовьева.

Леиии, с ие свойствеииой ему иежиостью, писал: «Рос-

сийская коммунистическая партия, разумеется, сочла долгом чести для себя пойти навстречу этому предложению Исполнительного Комитета».

Ему вторил Зиновьев: «Российская коммунистическая партия считает долгом величайшей чести прийти на помощь братским партиям всем, чем она может» [1]. Получив из Москвы огромные суммы, представители «братских» партий лихо принялись за дело. Создавались фирмы и акционерные общества — липовые и настоящие, скупалась недвижимость, подкупались государственные деятели, организовывались стачки и даже акты саботажа. Как цунами, обрушились на обескровленную войной Европу всевозможные коммунистические газеты и журналы, предрекающие неизбежную гибель европейской цивилизации, порождая самые разнообразные побочные течения вроде фашизма и нацизма. Не дремал и военный отдел, создавая по всей Европе боевые «отряды пролетариата» вроде Ротфронткампфбунда, где помимо многих других начинал свою карьеру будущий президент Чили — Альенде. Им шили форму, закупали оружие, которое, при необходимости, можно было получить и

[1] В эти дни полным ходом идет контрнаступление Красной Армии на всех фронтах. Начал применяться новый метод изъятия ценностей и денег. При занятии города «красными» на него накладывалась контрибуция в зависимости от величины города. Например, от Киева было потребовано 400 миллионов золотых рублей, от Одессы — 500 миллионов, от Харькова почему-то всего 100 миллионов. Контрибуция принималась любыми золотыми монетами, слитками золота, ювелирными украшениями, драгоценными камнями, иногда картинами. В случае неуплаты контрибуции в срок (обычно 2—3 дня) власти обещали расстрелять каждого пятого жителя. Какая-то контрибуция вносилась, затем начинались повальные обыски. Причем не делалось никакого исключения для рабочих. В их жилищах (а большинство жило в собственных домах в предместьях) все переворачивалось вверх дном, а затем часто дома поджигались. Продолжались и массовые убийства. В Киеве в один день были убиты 2000 бывших офицеров, вызванных для регистрации в городской театр. В Петрограде за три месяца (июль, август, сентябрь) расстреляно 5000 человек. В Кронштадте неожиданно расстреляли 20 врачей «за слишком большую популярность среди рабочих». В Екатеринославле расстреляно 100 железнодорожников за попытку организовать забастовку. В Иваново-Вознесенске под страхом расстрела РВК приказал всем жителям сдать швейные машинки (?!). В Архангельске сразу же после прихода «красных» расстреляно 800 офицеров, служащих у генерала Миллера. Туда же немедленно стали приходить этапы с офицерами и казаками, взятыми в плен на юге. Прибывших поголовно расстреливали под Холмогорами, где спешно развертывались первые лагеря смерти. Знаменитый Кедров лично руководит потоплением двух барж, заперев в них 1200 офицеров. В Москве вспыхивает эпидемия сапа. Всех выявленных больных расстреливают на месте. Заодно и больных тифом. По секретному приказу ЧК выявляет и уничтожает больных сифилисом. Столица будущей империи должна быть стерильной.

даром в любом советском полпредстве или торгпредстве. Зрела «всеевропейская пролетарская» революция. Но как бы это ни радовало, превращение Европы в огромное поле опустошительной гражданской войны требовало заблаговременного принятия мер по размещению выкачанного из России золота где-нибудь в более безопасном месте. Швейцария и Швеция, а тем более, управляемая «мерзавцами и предателями», Германия для этой цели не годились. Особенно Швейцария, где существовал хорошо продуманный план эвакуации содержимого банковских сейфов в такие альпийские хранилища, где бы даже «всемирная ЧК» не нашла бы их и за сотню лет. Поэтому и было решено заранее, с соблюдением всех правил, начать перевод денег в банки Соединенных Штатов. Америка была далеко и в ближайшие планы Ленина не входила, а с ее ведущими финансистами было даже приятнее иметь дело, чем с молчаливыми швейцарскими гномами. Беда была только в том, что по американским законам крупные вклады в банки США можно было осуществлять только при наличии широких торговых отношений с американскими фирмами, одобренных правительством. В отличие от Швейцарии, американские банки никогда не были простыми хранилищами, а были скорее сердцем, направляющим золото в артерии национальной экономики. Речь идет именно о том времени, когда еще не существовало ни Международного валютного фонда, ни экономических союзов, ни международных банковских систем. Швейцарские банки, в отличие от настоящего времени, не были еще подключены в мировую экономику, которой просто не существовало, и занимались, грубо говоря, простым накопительством и ростовщичеством. Империализм только рождался, а не умирал. Именно его младенческий крик Ленин ошибочно принял за предсмертный стон и вдохновленный этим открытием стал радостно копать могилу империализму, в которую в итоге пришлось лечь самому вместе со своим бредовым «учением».

А Америка всегда была Америкой. Она не понимала Европу XIX века, а тем более Россию. Где ей было понять тот кровавый и человеконенавистнический режим, которого еще не знала за 50 веков человеческая история?! Американский посол Фрэнсис, еще в 1917 году понявший, что произошло в России, напрасно слал депеши в госдепартамент, призывая вмешаться и сбросить эту «кровавую тиранию международных гангстеров». Но президент Вильсон твердо стоял на позиции «невмешательства во внутренние дела России». В сентябре 1918 года американский консул в Моск-

ве Д. Пул официально протестовал против массовых убийств ни в чем не повинных людей. Этот протест поддержали представители нескольких нейтральных стран. Ленин через Чичерина ответил, что эти протесты «представляют собой недопустимое вмешательство во внутренние дела России», гневно обличая при этом тот террор, которому «буржуазия» в иных странах подвергает «трудящиеся массы». В октябре 1918 г. Ленин послал президенту Вильсону ноту с замечательным «предложением», «чтобы в основу союза народов положена была экспроприация капиталов у капиталистов всех стран».

Но Ленин не был бы Лениным, если бы на каждое выступление, документ или послание у него не было бы выступления, документа или послания совершенно противоположного содержания, что свидетельствует скорее о прогрессирующей шизофрении, чем о «гениальной гибкости». Недаром историки уже скоро 75 лет лупят друг друга, как дубинами, ленинскими цитатами, пытаясь выяснить, какая из них лучше всего отражает «гениальные замыслы вождя мирового пролетариата».

Почти сразу вслед за этой нелепой нотой президенту Вильсону отправляется льстивое послание, преисполненное миролюбия и дружелюбия. Нота уверяла Вильсона, что «большинство пунктов Вашей мирной программы входит в более далеко идущую и обширную программу русских рабочих и крестьян», что «так называемый «красный террор», который за границей грубо преувеличивается и не понимается», был «прямым результатом и последствием вторжения союзников на русскую территорию и что продолжение борьбы и «интервенция» могут инспирировать «полное истребление русской буржуазии отчаявшимися массами». Нота подчеркивала, что «рабочие и крестьяне России не желают ничего, кроме своего собственного счастья и международного братства, не представляющего угрозы для других наций». Президент Вильсон проектировал созыв мирной конференции на острове Принкипо в Мраморном море, где надеялся, не зная с кем имеем дело, посадить большевиков за стол переговоров с белыми, чтобы те пришли хоть к какому-то соглашению. Ничего, конечно, не вышло. Тогда президент решил получить информацию «из первых рук» о том, что собственно происходит в России и откомандировал в Москву из Парижа сотрудника госдепартамента Уильяма Буллита, которому было поручено «войти в непосредственный контакт с большевистскими вождями с тем, чтобы представить

в Госдепартамент подробный доклад о политическом и экономическом положении в России».

В марте 1919 г. Буллит прибыл в Москву, где пробыл неделю. Попивая «Мартини» и закусывая «превосходным русским шоколадом», несколько килограммов которого вместе в двумя шкурками горностая он прихватил с собой в Америку, Буллит имел «продолжительные и приятные беседы» с Лениным, Чичериным и Литвиновым, нашел их «интеллигентнейшими, цивилизованными людьми в лучшем смысле этого слова». А потому в своем докладе в Госдепартамент он доверчиво повторил рассказанные ему «под шоколад» басни: коммунистическая партия сильна политически и морально. В Петрограде и Москве царит полный порядок. Никакого террора нет. О голоде вообще говорить смешно. (Еще бы!). В области образования достигнуты большие успехи. У Госсекретаря Лансинга хватило ума сразу отправить этот бред в архив, а Буллита — на пенсию.

Как раз в это же время, когда Буллит попивал «Мартини» с Лениным, слушая его сказки, в Нью-Йорке, как театральный черт из люка, появился некий Л. Мартенс — одна из наиболее темных личностей среди ленинского окружения, член партии с 1893 г. Нисколько не смущаясь тем, что между Соединенными Штатами и РСФСР нет никаких дипломатических отношений, Мартенс объявил себя «представителем РСФСР в США», купил дом, открыл там свое бюро и послал в государственный департамент обширный меморандум, где разъяснял положение в России и сущность своей миссии. Отметив, что советское правительство «является правительством, контролируемым и ответственным перед всеми слоями населения, которые хотят заниматься полезным трудом», что «90% взрослого населения России обладает всеми политическими и гражданскими правами, непосредственно участвуя в управлении «обществом», Мартенс в резюме своего меморандума открыто объявляет об истинной цели своего появления в США: «Российское правительство готово немедленно разместить в банках Америки золото на сумму в 200 миллионов долларов для оплаты стоимости первых закупок».

200 миллионов долларов в качестве первого вклада, чтобы не нарушать федерального закона Соединенных Штатов и закрепиться в их банковской системе. По закону «крупным иностранным вкладом» является сумма в 5 миллионов долларов, а тут целых 200! (Примерно 4 миллиарда по нынешнему курсу доллара). В Госдепартаменте не поверили, долго отмалчивались, а затем опубликовали со-

общение, где подчеркивалось, что правительство США не признает «так называемого советского правительства» и рекомендует «крайнюю осторожность» в обращении с теми, кто выдает себя за представителей «большевистского правительства».

Другими словами, делайте ребята, что хотите, но имейте в виду, что эти парни из Москвы могут оказаться большими мошенниками. Тем более, что правительство США продолжало признавать представительством России русского посла Б. Бахметьева, назначенного на этот пост еще Временным правительством.

Но такими методами самозваного ленинского полпреда было не смутить. Людвиг Карл Мартенс — немец по происхождению и по подданству — видел и не такое. Еще до революции его дважды арестовывали, высылали в Германию за попытки организовать беспорядки на русских заводах. Подозревался в шпионаже. Вернулся с Лениным в Россию в апреле 1917 г., продолжая осуществлять связь со своими соотечественниками. Под горячую руку был арестован и чуть было не расстрелян в январе 1919 г., когда обнаружилось «предательство» немецких социалистов. Освобожден по указанию Ленина как «совершенно надежный товарищ».

Невзирая на свое нелегальное положение, Мартенс начинает вести обширные переговоры с американскими банками и фирмами, размещая в них деньги и заказы примерно на 8 миллиардов долларов. Москва торопит. 27 мая 1919 г. Мартенс получает телеграмму за подписью Литвинова, руководящего подобной же операцией в Англии: «Через всю нашу внешнюю политику за последний год красной нитью проходит стремление к сближению с Америкой... Мы не упускали случая отмечать наше особенное желание войти в контакт с Америкой... Мы готовы давать всяческие экономические концессии американцам преимущественно перед другими иностранцами». Делалась отчаянная попытка крепко привязать к себе Америку перед планируемым вторжением в Европу. Но пытаясь обеспечить деньгами и концессиями симпатии Соединенных Штатов, о своих интересах тоже не забывали. Хотя Мартенс из кожи лез вон, чтобы убедить американские власти в полном миролюбии «советского» правительства и о его полном нежелании вмешиваться во внутренние дела США, полиция, произведшая обыск в здании «советского представительства», обнаружила там целые пачки листовок недвусмысленного содержания. «Рабочим Америки! — призывно вещали листовки.— Борьба рабочих против империализма есть гражданская война, ко-

торая переходит в открытую вооруженную борьбу за власть. Коммунистический Интернационал — это генеральный штаб такой гражданской войны и мировой революции. Мы обращаемся прямо к вам, рабочие Америки, потому что ваша задача является наиболее важной задачей для мировой революции. Только в а ш а победа может обеспечить окончательную победу мировой революции. Ниспровержение американского империализма — самого сильного и самого свирепого во всем мире, последнего оплота интернационального капитализма — рабочими Соединенных Штатов и Латинской Америки будет решающим фазисом мировой революции. Это является в а ш е й и, вместе с тем, н а ш е й задачей!»

Мартенс был выслан из США. Картотека агентов «Коминтерна», обнаруженная при обыске, позволила американским властям арестовать 249 человек и выслать из США как «нежелательных иностранцев». Всех их погрузили на пароход и отправили в Россию. Кроме картотеки, которую Мартенс легкомысленно держал в «представительстве», убедив сам себя, что имеет, несмотря на нелегальное положение, дипломатическую неприкосновенность, которой у него никогда не было, власти США обнаружили еще массу финансовых документов, доказывающих, что «полпред» Москвы был не более чем посредником между банками Европы и Америки. «Похоже,— писала газета «Нью-Йорк Геральд Трибун»,— что происходящая в России большевистская революция является на самом деле гигантской финансовой операцией, цель которой переместить огромные денежные средства из-под русского контроля под контроль европейских и американских банков. Истинная причина подобных действий, видимо, известна только в Кремле, но уже сейчас можно сказать определенно: какие бы воинственные речи о мировой большевистской революции и неизбежном крушении капитализма не произносились мистером Лениным и Ко, они, возможно сами того не сознавая, делают все, чтобы на долгие годы обеспечить процветание и стремительный рост нашей экономики и стабильность доллара. Мистер Людвиг Мартенс был выслан из Соединенных Штатов, хотя по справедливости ему должен был быть поставлен памятник ничуть не меньший, чем мемориал Линкольну». (24 января 1821 года, «Самозваный посол выслан из США»). Пробыв почти два года в США, Мартенс, по меньшей мере одну часть своей задачи выполнил. Из нестабильной Европы в банки США было перекачано огромное количество золота, завязаны контакты с банками, а не-

которые из них просто куплены, созданы совместные фирмы (конечно, через подставных лиц, используя либеральные законы США), налажен выпуск ряда газет и создано целые две коммунистические партии США (в последствии они объединились).

А между тем в России события развивались стремительно. Остатки белой армии отступали в Крым, где были блокированы с суши и их уничтожение было уже вопросом времени. Ленин имел полное право с гордостью заявить: «В настоящее время задача преодоления и подавления сопротивления в России окончена в своих главных чертах. РОССИЯ ЗАВОЕВАНА БОЛЬШЕВИКАМИ». (В сентябре 1941 г. Гитлер, выступая перед командующими группами армии, с не меньшей откровенностью определил свою позицию: «Мы не освобождаем Россию от большевистского режима. Мы ее ЗАВОЕВЫВАЕМ. А потому оккупационный режим должен быть строжайшим»).[1]

Итак, Россия завоевана. Что же делать дальше. Какое строить государство? Выяснилось, что никто об этом толком и не думал, поскольку завоевать Россию и не надеялся. В голову ничего не приходило кроме старой, как мир, «социалистической» схемы Платона, разработанной 2000 лет назад, ЭЛИТА—СТРАЖА—РАБЫ. Стража стоит между элитой

[1] Оккупационный режим, установленный Лениным в завоеванной стране, если и отличается от гитлеровского, то гораздо большей свирепостью. Вот приказ комендатуры с ссылкой на решение ВЦИК от 11 июня 1921 г.:

«1. Граждан, отказывающихся назвать свое имя, расстреливают на месте без суда.

2. Селянам, у которых скрывается оружие, объявлять приговор о взятии заложников и расстреливать таковых в случае не сдачи оружия.

3. Семья, в доме которой укрылся бандит (т. е. ограбленный до нитки крестьянин, осмелившийся сопротивляться — И. Б.), подлежит аресту и высылке, имущество ее конфисковывается, старший работник в этой семье расстреливается на месте без суда.

4. Семьи, укрывшие членов семьи или имущество бандитов, рассматривать как бандитские, и старшего работника этой семьи расстреливать без суда.

5. В случае бегства семьи бандита... оставленные дома сжигать.

6. Настоящий приказ проводить в жизнь сурово и беспощадно.»

Другой приказ:

«1. Станицы и селения, которые укрывают белых и зеленых, будут уничтожены, в с е взрослое население — расстреляно, все имущество — конфисковано.

2. Все лица, оказавшие бандитам содействие — немедленно будут расстреляны...».

Примерно в это же время Ленин, теоретизируя в области права, писал, наркому юстиции Д. Курскому: «т. Курский! По-моему надо расширить применение расстрела» который, по мнению вождя, должен охватывать лиц «содействующих и «способных содействовать». Т. е., «кого угодно».

и рабами, у стражи есть шансы попасть в элиту или в рабы, в зависимости от служебного рвения. Для воспитания стражей необходимы мифы, рабы ничего не должны знать об элите и т. п. у Платона это называлось «Идеальное государство». Античный философ при этом правильно указывал, что социализм невозможно построить ни в каком другом обществе, кроме рабовладельческого...

С крестьянами уже все было ясно. Хлеб они должны отдавать бесплатно, оставляя себе только на полуголодный прокорм, а на следующий посев зерно им будет выдавать государство. «Легко сказать: хлебная монополия,— поучал Ленин,— но надо подумать, что это значит. Это значит, что все излишки хлеба принадлежат государству..., что каждый лишний пуд хлеба должен отбираться в руки государства. Надо, чтобы каждый лишний пуд хлеба был найден и привезен». Подобная продовольственная диктатура, какой бы разбойной и бесчеловечной она ни была, конечно, не являлась самоцелью, поскольку надо было кормить не только элиту и стражу, но и рабов. А рабы должны были всегда помнить, что их кормят только пока они послушны. Поэтому просто необходимо было держать в руках весь хлеб и распределять его по своему усмотрению. «Потому что, распределяя его,— смотрел в будущее вождь мирового пролетариата,— мы будем господствовать над всеми областями труда!» Нет, нельзя было бы отказать Ленину в гениальности, если бы все это не придумал Платон.

С крестьянами вроде разобрались. А что делать с рабочими? С тем самым пролетариатом, от имени и во имя которого действовала эта банда. Безуспешно, влача полуголодное существование на своих заводах и умирая от тифа и в огне террора и гражданской войны, они ждали, когда все будет разделено поровну и, наконец, начнет осуществляться замечательный проект объединения рабочих в трудармии с подразделением на полки и батальоны со строжайшей военной дисциплиной. Авторство этого проекта отдают Троцкому, но если у Троцкого по этому поводу и были какие-то расхождения с Лениным, то только в деталях. Троцкий предлагал в трудармии ограничиться военной дисциплиной и военными взысканиями, но Ленин, покачивая мудрой головой, постоянно поучал: «Надо шире применять расстрелы». Иначе ничего не получится. Но не настаивал. Жизнь сама покажет его оппонентам, что прав был он, Ленин, а не они. «Волынщиков» (так на языке большевиков стали называться рабочие-забастовщики), разумеется, надо расстреливать без суда. Тут уж были согласны все. И хотя все эти задачи

последовательио и беспощадио проводились в жизиь, одиако считались в высшей степеии второстепеиными.

Россия завоевана, а теперь, как образио заявил Леиии, «пришла пора пощупать Европу штыком!».

Вторжеиие Красиой Армии в Польшу явилось осуществлеиием первого этапа всемириой Революции. Равиовесие европейских страи, аиализировал Леиии, зиждется иа хрупкой осиове Версальского договора. «Еще иесколько дией победоиосиого иаступлеиия Красиой Армии,— вещал в боевом запале вождь,— и ие только Варшава будет взята (это было ие так важио), ио разрушеи Версальский мир...» Польша это только мост иа пути Красиой Армии в Европу! Через польский мост иа помощь пролетариату Гермаиии!

Комаидующий советскими войсками М. Тухачевский иаправляет зиамеиитое письмо Зииовьеву. Впервые выступая иа иище военной теории, будущий маршал Советского Союза пишет, что иеобходимо созвать геиеральиый штаб Комиитерна, который бы после окоичательиого разгоиа поляков срочио разработал плаи вторжеиия в Европу. Для этого иадо комплектовать Красиую Армию пролетариями всего мира, чтобы «создать себе достаточиые силы для завоеваиия буржуазиых государств всего мира».

Разгои Красиой Армии под Варшавой, ее стремительиое отступлеиие (Обидио! Ведь коииица Гая уже вошла в Гермаиию) холодиым душем окатил аваитюристов в Кремле. Гром двеиадцатидюймовок восставшего Кроиштадта стал погребальиым иабатом по безумиым леииискимиавязчивым идеям мирового господства. Страна была охвачеиа огием восстаиий. 13 августа 1920 г. иачалось зиамеиитое восстаиие Аитоиова, охватившее всю Тамбовскую губериию и часть смежиых райоиов. 40 тысяч крестьяи и рабочих взялись за оружие. Съезд тамбовских повстаицев объявил советскую власть изложеииой и потребовал иовых выборов в Учредительиое собраиие.

В яиваре 1921 г. запылало восстаиие в Западиой Сибири, охватившее 20 уездов. 60 тысяч крестьяи сформировали иародиую армию, перерезав все коммуиикации и захватив иесколько городов, включая Тобольск.

Широко известиое восстаиие Григорьева иа Украиие, где повстаицы имели даже собствеииую артиллерию и броиепоезда, имело междуиародиое зиачеиие. Из-за иего Красиой Армии ие удалось вторгиуться в Веигрию через Румыиию и восстаиовить преступиый режим Бела Куиа. Бела Куи бежал обратио в Москву. В дальиейшем ему еще предстояло миого работы в оккупироваииой страие.

В Ижевске прокатилась всеобщая забастовка, в ходе которой была сформироваиа тридцатитысячная «Ижевская Народная Армия». Причем рабочие, иа удивление, выступали с чисто крестьяискими требованиями: прекратить продразверстку и коифискацию крестьяиского имущества. Росла и иенадежность Красиой Армии. Дезертирство и уклонение от службы в средием составило 20%, доходя в некоторых райоиах до 90%. Только по лесам цеитральных губерний бродило 250 тысяч вооружеииых дезертиров. Одиа пехотная бригада, составлеииая из тульских крестьяи, подияла мятеж в Белоруссии, соедииилась с местными крестьяиами-повтаицами, основав «Народиую Республику без коммуиистов, расстрелов и грабежей».

В июле 1920 г. красный командир Сапожииков подиял иа мятеж собствеиную часть из 2700 красиоармейцев. Восстание охватило огромиые райоиы Поволжья и пережило самого Сапожникова. После его гибели восстаиие возглавил Серов, действовавший активно до яиваря 1922 г.

В декабре 1920 г. другой красный командир Вакулин подиял мятеж на Доиу. После гибели Вакулииа его преемник Попов к марту 1921 г. имел под ружьем мощиое кавалерийское соедииение в 6000 человек. В яиваре 1921 г. красный комбриг Маслак увел из 1-й Коииой армии свою бригаду к легендариому крестьянскому вождю Нестору Махио.

И, конечно, мятеж достиг кульминации в марте 1921 г., когда восстала военно-морская база в Кроиштадте, мощно загрохотав орудиями лиииейиых кораблей. Циник Троцкий правильно заметил, что в Кронштадте «крестьянин побеседовал с Лениным, используя в качестве рупора, чтобы быть услышаиным, тяжелую корабельную артиллерию».

Ленин услышал. Перепуганный, он призиает 15 марта 1921 г.: «Мы едва удержались у власти». Страх и инстиикт самосохраиения подсказывал едииствеиио возможный выход — НЭП.

Бухарин вспомииает: «Когда все мы, как бараиы, стояли за крайиий военный коммуиизм и расстрелами заставляли проклятых крестьяи отдавать нам весь их хлеб, кто как ие Ленин, увидев, что мы не сегодня-завтра загремим и негодяй Пахом отвинтит нам голову, закричал иам: «Стой! Хватит, болваиы, воротите оглобли!» и в последиюю мииуту заставил иас перейти к «продиалогу», как, между прочим, и называлась изруганиая мною брошюрка Леиина, в теоретическом отношении совершеиио бездарная... Кто, как не Леиии, осмелился, к ужасу «чистых» коммуиистов (а следова-

тельно н к моему ужасу), провозгласить «НЭП» и тем самым спас положение всей партии?» Все свидетельствует о том, что Ленин в этот период был охвачен паникой и разочарованием. Введение «НЭПа» лучше любого другого доказательства говорит о том, что нн у кого из этих преступных авантюристов никогда, ни до, ни после 1917 г., не было даже в теории плана какого-лнбо государственного строительства (кроме схемы Платона, по образцу которой Сталин н построил позднее свою империю). Мотивировка их действий была однозначна — разграбить н уничтожить Россню, ее народ и ее культуру. Никакого четкого н продуманного плана мнровой революцнн также не было. Все было нмпровизацией на ходу. Четкий план мирового господства будет также позднее составлен Сталнным и почти удастся, но будет сорван Гитлером и Рузвельтом.

Паника, охватившая Ленина, понявшего всю шаткость положения своей банды, нашла отражение в резком уснлении террора. В Петрограде спешно, белыми нитками, шьется дело Таганцева, в котором погибнет Гумнлев, хотя дело было направлено против уцелевших еще морских офицеров. Флот без офнцеров существовать не может, поэтому на кораблях еще было немало комсостава, состоявшего из бывших гардемарин, мичманов и лейтенантов. Всех их схватилн чуть лн не в один день. Это была месть за Кронштадтскнй мятеж, в котором онн не участвовали. Те, кто принимал участие, ушли по льду в Финляндию. Такова (н не только на этом примере) была чнсто азиатская мстительность Ленина, который тут же объявил, что флот Советской республике не нужен и его следует заменнть морскимн частями ВЧК [1]. У Ленина были все причины для самого скверного

[1] В ноябре 1920 г. белые эвакуировалн Крым. Именио в это время в Крыму появляется бежавшнй из родной Венгрии Бела Куи со знаменитой Землячкой — той самой, которую Сталин поздиее, чтобы приструнить иадоевшую ему Крупскую, серьезио рассматривал в качестве каидидатки иа роль вдовы Леиина. По традиции все началось с регистрации офицеров, которым Фруизе торжествеиио гарантнровал амиистию. Расстрелы начались мгиовеиио и быстро перешли в массовую бойию. Убитых бросали в старые Геиуэзские колодцы, а когда те заполиились, заставляли обреченных рыть общие могилы. Переполиеииые баржи выводилн в море н топилн. Семьи также уничтожались. Беспощадио расстреливались даже жеиіцииы с грудиыми детьми. Врывались в госпиталн и больннцы, расстреливая всех подряд, ие обращая иикакого виимаиия иа флаги Междуиародиого Красного Креста, под защиту которого Врангель оставил в Крыму своих раиеных. Затем последовал приказ всем жителям Крыма, под страхом расстрела, заполнять анкеты и сдавать их в местные ЧК. Леиии, коисультируя Троцкого по проведеиию необходнмых мероприятий в Крыму, мудро заметил, что «Крым отстал иа три года в своем революциоиином движении. Его иадо быстро подтяиуть к общему революциоино-

настроения. Проклятый «НЭП» озлобил все его окружение, большая часть которого вовсе не собиралась надолго задерживаться в России, а поделив добычу, исчезнуть так же неожиданно, как и появилась. Те, кто мечтал здесь поцарствовать пока это возможно, тоже были недовольны. Свобода торговли и рынка неизбежно должна была подрывать их троны. Разве не сам Ленин, чуть ли не в день Кронштадтского восстания, ораторствовал с трибуны X съезда, убеждая своих сообщников, что введение свободной торговли «неизбежно приведет к власти белогвардейцев, к триумфу капитализма, к полной реставрации старого режима. И я повторяю: необходимо ясно осознавать эту политическую опасность». Ленин успокаивал их, как мог, в основном рас-

---

му уровню России». Более всего расстрелы свирепствовали в Севастополе, Ялте, Балаклаве и Керчи. В Севастополе первым делом расстреляли более 500 портовых рабочих за то, что они работали на погрузке уходящих транспортов генерала Врангеля. Списки расстрелянных не стеснялись публиковать. Уже 28 ноября был опубликован первый список расстрелянных в Севастополе: 1634 человека, включая 278 женщин. 30 ноября был опубликован второй список: 1202 человека, включая 88 женщин. Только за первую неделю в Севастополе опубликованы списки расстрелянных 8364 человек. Помимо расстрелов происходили массовые казни через повешенье. «Нахимовский проспект,— вспоминает очевидец,— увешан трупами офицеров, солдат и гражданских лиц, арестованных на улице и тут же казненных бе суда. Офицеров вешали обязательно в форме с погонами. Невоенные болтались полураздетыми. Вешали «для назидания». Были использованы все столбы, деревья, даже памятники. Исторический бульвар весь разукрасился качающимися в воздухе трупами. То же самое было на Нахимовском проспекте, на Большой Морской, и Екатерининской и на Приморском бульваре». Исполнителями, разумеется, были «интернационалисты», которыми командовал бывший офицер кайзеровской армии Бемер (в 1918 г. он был немецким комендантом Севастополя). Его первым приказом в качестве советского коменданта было объяснение гражданскому населению, что оно «не имеет права жаловаться на исполнителей советской власти, поскольку оно содействовало белогвардейцам». С чудовищной легкостью Бемер подписывал приказы о расстреле. В частности, сохранился его приказ о расстреле 23 медсестер одного из госпиталей «за укрывательство офицеров» и 18 работников Международного Красного Креста за то же самое «преступление». Те, кому удалось уцелеть, направлялись тысячами в концлагеря — предвестники великого ГУЛАГА, который пышно стал расцветать в Архангельской губернии.

А чем же занимались Бела Кун и Землячка? Рассказывают, что Землячка иногда лично участвовала в расстрелах и пытках, но это было, конечно, «хобби», а не выполнение должностных обязанностей. Она и Бела Кун ночи напролет занимались сбором, учетом и транспортировкой золота и прочих ценностей, обнаруженных в Крыму. Террор, как всегда, был прикрытием. С офицеров, конечно, много не возьмешь. Но кое с кого брали немало. Но вот, чтобы кого-нибудь потом отпустили, сведений нет. Может быть, кого-нибудь и отпускали, но на западе из таких не объявился никто. Выкуп брали, а потом расстреливали. Ценности шли двумя путями: на Запад (ответственный Бела Кун) и на север — в Москву, в Гохран (ответственный т. Землячка).

сылкой личиых писем трафаретиого содержаиия: «Мы осуществляем стратегическое отступлеиие, которое даст иам возможность в самом ближайшем будущем иачать иаступлеиие на широком фроите. Было бы большой ошибкой думать, что НЭП положил коиец террору. Мы должны вскоре вернуться к террору как политическому, так и экоиомическому». Обострялась болезиь мозга[1].

Умерла Иисесса Армаид — едииственная женщина, которую любил Леиин.

В стране иачииался страшный голод, иа Волге — случаи людоедства. И, как-будто всего этого было мало, пришел донос, что из Гохрана куда-то уплывают ящики с золотом. Донос написал 16 мая 1921 г. зиамеиитый Яков Юровский, тот самый Юровский, который в июле 1918 г. руководил убийством царской семьи в Екатеринбурге, а затем доставил прииадлежавшие им цеиности в Москву. За этот двойиой подвиг Юровский был удостоеи работы в Гохраие, святаясвятых большевиков. Леиин немедленно вызвал Юровского и после почти трехчасовой беседы с иим узиал, что какие-то иеизвестиые машииы вывозят из Гохрана золото чуть ли ие тоииами, имея приказы, подписанные управделами СНК и завизироваииые самим Лениииым. Юровский сообщил, что приказы были якобы фальшивыми и что в это дело были замешаны некоторые работники Гохраиа, которых арестовало ЧК и расстреляло еще в апреле. Об этом, как выяснилось, Леиии иичего ие зиал. Одиако и после этого вывоз золота и бриллиаитов продолжался. Юровский, якобы саикциоиировал иовые аресты, ио тут ему стал мешать Бокий, который после скаидала с великими киязьями в Петрограде, был переведеи в Москву и курировал Гохран в качестве сотрудиика коллегии ВЧК. В гневе Леиии потребовал от Бокия объясиеиий. Ои уже хорошо зиал Глеба Бокия и как крупно тот работает. Но его иужно было время от времеии хватать за руку, чтобы заставить делиться ие только со своими иепосредствеиными иачальниками, ио и с высшими. Интересио, что доиос Юровского Леиии переслал имеиио Бокию и приказал доложить, что это все зиачит? Бокий отреагировал вяло, отделавшись телефонограммой.

[1] На вскрытнн Леннна врачн к велнкому своему ужасу обиаружили, что одио полушарне леннинского мозга не работало с рождения. Второе полушарне было покрыто нзвестковыми образованиямн в такой степени, что было совершенно непонятно, как вождь мнрового пролетариата жил не только последнне годы, но н вообще, поскольку должен был умереть еще в детстве. Врачн счнталн, что с такнм мозгом человек жнть ие может. Так был ли это человек?

23 мая он сообщил, что сведения Юровского, мягко говоря, сильно преувеличены. Что хищения действительно имели место, но были настолько мелкими, что и говорить о них не стоит. Что касается документов, о которых говорит Юровский, то все они подлинные, имеются в секретной документации и, если угодно, Ленин сам может в этом убедиться. Впрочем, уже приняты меры, чтобы мелкие хищения в Гохране довести до минимума. И вообще, как бы между прочим замечает Бокий, кражи в Гохране при нынешнем персонале полностью прекратить невозможно, явно делая намек на Юровского.

Ленин повел себя в этом деле несколько странно. Даже не упомянув о том, что по словам Юровского в деле фигурируют якобы фальшивые документы с подписями его и Горбунова, он 24 мая 1921 г. посылает Бокию нервное письмо:

«т. Бокий!

Получил Вашу телефонограмму. Совершенно не удовлетворен. Так нельзя. Вы должны расследовать дело детально и дать мне точные сведения, а не такой «взгляд в нечто»: «преувеличены», «полное прекращение кражи невозможно» (??!!). Это безобразие, а не доклад.

1) назвать мне в с е х ответственных лиц;

2) описать организацию дела;

3) перечислить к р а ж и все, точно; время, сумма;

4) сколько в с е х работающих (... их состав? стаж? и т. п.);

5) какие именно меры т а м принимаются для прекращения хищений? Точно указать меры;

6) когда был суд и расправа там (IV.1920)? Все случаи крупных судов? Итого наказанных?

Известите меня о получении этого и сроке и с п о л н е н и я.

Пред. СНК В. Ульянов (Ленин).

Не дождаясь расследования ВЧК, Ленин 29 мая пишет секретное указание заместителю наркома финансов Альскому, недавно переведенному на этот пост с должности заведующего Учетно-распределительным отделом ЧК. Альский (он же Мальский) вполне «свой» человек, прошел школу Парвуса, прибыл с Лениным в Россию в апреле 1917 г., службу знает. Ленин шлет ему лично составленную инструкцию по укреплению порядка в Гохране, перемежая ее откровенными угрозами и намеками, которых Альский, по мнению Ленина, не может не понять: «т. Альский! Обращаю Ваше внимание на этот доклад, представленный мне спе-

циально уполномоченным мной по соглашению с тов. Дзержинским товарищем из ВЧК. В Гохране неладно.

Обращаю Ваше самое серьезное вннмание на это. Вы в первую голову, затем весь состав членов коллегин Наркомфина и т. Баша специально должны уделить Гохрану вдесятеро больше работы. Если в кратчайший срок дело в Гохране не будет переорганизовано так, чтобы вполне исключнть возможность хищений, а вместе с тем ускорить всю работу и увеличить ее размеры, то замнарком и все члены коллегии Наркомфина будут привлечены не только к партийной, но и к уголовной ответственности. От промедления с работой Гохрана (зимой работать трудно, до зимы надо *много*[1] сделать), от хищений в нем Республика несет *гигантские* потери, ибо именно теперь, в трудные дни, нам нужно *быстро* получить *максимум* ценностей для товарообмена с заграницей». (Запомнnте этн слова, к ним мы еще вернемся.— И. Б.).

Необходимо:

1) организовать правильные и частые совещания с Бокием для быстрейшей реорганизации Гохрана;

2) охрану и надзор довести до совершенства (особые загородки, шкафы или загородки для переодевания; внезапные обыски; системы двойных и тройных внезапных проверок по всем правилам уголовно-розыскного искусства и т. д., и т. д. н т. п.);

3) привлечь в случае надобности, десяткн н сотни ответственных и безусловно честных коммунистов Москвы для участия (скажем 1 раз в месяц илн в 2 месяца) во внезапных дневных *и ночных* ревизиях. Инструкция и работающим, и *ревизорам* должна быть *архидетальна*;

4) *все* без изъятия члены коллегни Наркомфина обязаны не менее одного раза в месяц внезапно, днем и ночью, *лично* производить ревизию Гохрана на месте работы и везде, где могут быть хищения. Замнаркома обязан вести лично секретный журнал этих ревизнй.

Ввиду *секретного* характера этой бумаги, прошу Вас *вернуть* немедленно мне ее, с тем чтобы здесь же расписались лично все члены коллегин Наркомфнна.

29.V Пред. СНК В. Ульянов (Леннн).

(P. S. Если Чуцкаев еще не уехал, пусть н он прочтет: на нем внны не мало!)»

О каких *гигантских* потерях говорит в этом до-

[1] Разрядка Ленина

кументе Ленин, специально подчеркивая это слово? Неужели хищение мелких служащих (грузчиков, оценщиков, сортировщиков) могли вызвать «гигантские» потери в Гохране, где все лица технического персонала работали под ежеминутным страхом ареста и последующего расстрела без суда? Какие еще нужны были проверки, когда практически все работающие в Гохране были сотрудниками ВЧК? И, наконец, какой товарообмен тогда велся с заграницей, о котором упомянул Ленин, намекая Альскому, что для этого понадобится максимум ценностей? Ответы на эти вопросы, как бы интригующе они не выглядели, лежат почти на поверхности. Еще в октябре 1920 г., почувствовав себя более менее уверенно, Ленин подписал декрет (26 октября) «О продаже антикварных ценностей за границу», имея в виду легализировать, насколько это возможно, перемещение за рубеж национального достояния России, поскольку проводимые до этого тайные операции были в известной степени рискованными и требовали немалых расходов. В Европу была послана так называемая «экспертная комиссия», возглавляемая Ракитским — человеком «архинадежным». В Париже, Лондоне и Флоренции были организованы первые аукционы, вызвавшие сенсацию и страшный скандал, т. к. многие знали владельцев выставленных на аукцион вещей. Знали также, что бывшие их владельцы расстреляны или пропали без вести. Однако никто не мог предъявить никаких документов, необходимых для демократического суда, доказывающих незаконность продажи антиквариата. Аукционы, благодаря низким ценам и уникальности выставленных на них предметов, имели большой успех, суля фантастические барыши. Сотни фирм ринулись к ленинским «экспертам», предлагая сотрудничество в разбое. К этому времени количество конфискованных ценностей в России измерялось тысячами тонн, а часто и кубометрами. На что сразу обратили внимание все участвующие в «легальных» сделках (и о чем поначалу с удивлением писали европейские газеты), это то обстоятельство, что деньги, вырученные на аукционах, советские эксперты просили переводить не в Россию, а на счета в банках Европы и Америки. Некоторые эксперты брали вырученные суммы наличными, набивая чемоданы купюрами. Дело принимало всемирный размах.

К этому времени вполне оформилось «зазеркалье» ленинской номенклатуры, которая сразу же показала свою беспредельную распущенность и жадность. Члены ленинского ЦК жили, как правило, в старинных особняках, проявив

болезненную слабость к дорогой мебели, столовому золоту и серебру, драгоценным сервизам и коврам, а также к картинам старых мастеров в массивных золотых рамах. Шинели и косоворотки были у них чем-то вроде спецодежды. В особняках даже был сохранен старый вымуштрованный штат прислуги, дворецкие и повара. В подмосковном Юсуповском особняке, где обосновался Троцкий, сохранились даже юные адъютанты из бывших корнетов, лихо берущие под козырек, щелкающие каблуками и умеющие почтительно склонять голову с безукоризненным старорежимным пробором.

Ленин, хотя и посмеивался, но никак всему этому не препятствовал, поскольку и сам ушел не очень далеко. Ежедневно подписывая разнарядки и требования для столовой ЦК и для различных кремлевских служб, он внимательно следил за ассортиментом продуктов, куда обязательно входили три сорта паюсной икры, разнообразные сорта мяса, колбас, сыров, деликатесных рыб, особенно любимые им соленые огурчики, маринованные и соленые (когда не было свежих) грибы и три сорта кофе. Ленин был гурман и в разгар небывалого голода, уносящего в день десятки тысяч человек, мог выговаривать Горбунову, что «икра вчера имела странный запашок», «грибы были в безобразном маринаде» и что «неплохо бы повара посадить на недельку в тюрьму». Имение великого князя Сергея Александровича в подмосковной деревне Горки перешло к Ленину. Все население деревни было выселено. В опустевших домах жили охранники-интернационалисты, которых обобщенно ныне называют почему-то «латышскими стрелками», хотя латышей там было всего около 20 человек.

Подобная жизнь, конечно, очень нравилась и расставаться с ней не хотелось. Поэтому, зная о ленинском первоначальном плане перевода всех ценностей за границу во имя «мировой революции» и последующем бегстве, номенклатура постоянно давила на вождя, что для бегства нет никаких оснований. Надо продолжать строить «социализм» в России по прекрасно отработанной методике: конфискации и расстрелы. Ленин неизменно соглашался, громогласно уверяя еще в марте 1921 г. своих сообщников, что не будет никаких послаблений и изменений в доктринах и политике партии.

Объявление «НЭПа», т. е. перевод страны на рельсы более или менее цивилизованной жизни, был многими воспринят как капитуляция, предательство и сигнал «подготовиться к бегству». Как ни пытался Ленин доказать обратное, все

уже очень хорошо знали его беспринципность, азиатскую хитрость и коварство. По лабиринтам ЦК шипящей змеей поползло «мнение»: «Ильича надо убрать». ВЧК начала операцию по вывозу ценностей Гохрана в свои секретные хранилища. Другими словами, те, кто хотел остаться, брали свою долю у тех, кто хотел бежать. Однако власть Ленина была еще достаточно сильна, да и в самих ЧК и ЦК не было единства, в результате чего и последовал донос Юровского, вызвавший столь бурную реакцию у Ленина[1]. Глеб Бокий, как ему и было приказано, начал следствие. Сразу же был арестован и обвинен в хищениях оценщик Гохрана Яков Шелехес — друг Юровского, который до революции, как и Шелехес, был ювелиром и часовщиком. Из Шелехеса быстро начали выколачивать нужные показания. Юровский кинулся к Ленину, и Ленин сразу же попытался вытащить Шелехеса из лап ЧК. 8 августа 1921 г. он шлет секретную записку Уншлихту — заместителю Дзержинского и непосредственному начальнику Бокия:

«В ВЧК тов. Уншлихту. Прошу сообщить о причинах ареста гр. Шелехеса Якова Савельевича и возможно ли его освобождение до суда на поруки партийных товарищей или

[1] Подобно королю Людовику XIV, Ленин считал себя хозяином не только над жизнью, но и над имуществом своих подданных. Но в отличие от «короля-солнца», он действовал исключительно по личному усмотрению, поскольку никаких законов в стране не было. Решать надо было один вопрос: буржуй или не буржуй. Известный профессор-почвовед А. Ярилов, известный Ленину еще по революции 1905 года и эмиграции, подвергся, из-за неосведомленности исполнителей, экспроприации, т. е. у него, как у буржуя, было конфисковано все имущество, включая и постельное белье. Профессор пожаловался Ленину. Дело было в Краснодаре. Ленин тут же дал туда телеграмму: «Кавказ, Краснодар, Предисполкома. Прошу вернуть семье Арсена Ярилова все имущество, платье, белье и другие домашние вещи, реквизированные у нее 24 марта в Краснодаре. В случае невозможности вернуть конфискованное, предлагаю возместить натурой. Подтверждаю, что Ярилов ни по имущественным признакам, ни по идеологии не может быть отнесен к классу буржуазии. Предсовнаркома Ленин. 30 мая 1921 г. В связи с телеграммой Ленина президиум Кубанско-Черноморского областного исполнительного комитета вынес постановление возвратить вещи семье профессора Ярилова. Ленин часто указывал, что в некоторых случаях, только он может решать, кто буржуй, а кто — нет. Поневоле вспоминается один характерный эпизод, происшедший несколько позже в нацистской Германии. К всесильному рейхсмаршалу Герингу прибыли офицеры гестапо с документами, неопровержимо доказывающими, что ряд офицеров штаба Геринга, включая его помощника генерала Мильха, являются евреями по происхождению. Геринг ознакомился с документами и сказал гестаповцам: «В своем штабе я сам решаю, кто у меня еврей, а кто — нет». Ни в коем случае не желая сравнивать Геринга с такой масштабной фигурой как Ленин, я просто хочу отметить одинаковую методику произвола.

переводе из мест заключения ВЧК в Бутырскую тюрьму. Председатель СНК В. Ульянов (Ленин).»

Ну, уж теперь, дудки! Арест Шелехеса вызвал настоящий переполох в рядах большевиков-ленинцев. Но ВЧК, возможно впервые с момента своего создания, сделала вид, что не слышит воплей перепуганных вождей. На ленинской записке Уншлихт начертал резолюцию: «т. Бокий, пришлите мне срочно справку.» На этой же записке Бокий написал Ленину целое послание. Напоминая Ленину, что тот сам приказал начать следствие, Бокий выражал недоумение, почему же Ленин сейчас, когда виновник хищений изобличен, арестован и называет сообщников, оказывает на него, Бокия, столь неприкрытое давление с тем, чтобы вывести Шелехеса из-под удара. О Шелехесе, раздраженно подчеркнул Бокий, его запрашивают по десять раз в день, мешая работать. Может быть, откровенно издеваясь, спрашивал Бокий, между Лениным и Шелехесом существуют какие-то неизвестные ему, Бокию, отношения, что Ленин так горячо за него ходатайствует и хлопочет? В конце письма Бокий «убедительно просит Ленина разрешить ему не обращать внимания на всякие ходатайства и давления по делу о Гохране», отвечая Ленину и по существу: «Освобождение до суда, по ходу следствия, не нахожу возможным».

Ленин приходит в бешенство, пытаясь воздействовать на обнаглевших исполнителей через самого председателя ВЧК Феликса Дзержинского. Но Дзержинский и Бокий — это старая и закаленная команда. Выпускник иезуитского колледжа, отлично понимал, чего от него хотят, тем не менее пьет из Ленина кровь: «Но вы же сами приказали, Владимир Ильич... И почему вы так уверены, что этот Шелехес не виновен?» Получив от Дзержинского заверения, что показания Шелехеса умрут (вместе с ним!) в ЧК, Ленин понимает, что сообщника не спасти и что ЧК уже давно собирает материалы на него самого. В смятении он пишет ответ Бокию, пытаясь, не очень удачно объяснить свое участие в ходатайствах за Шелехеса:

«9 августа 1921 года.

Т. Бокий!

В письме о Шелехесе (Якове Савельевиче) Вы говорите: «за его хлопочут в п л о т ь до Ленина» и просите разрешить Вам не обращать никакого внимания на всякие ходатайства и давления по делу о Гохране.

Не могу разрешить этого.

З а п р о с, посланный мной н е е с т ь н и «хлопоты», ни «давление», ни «ходатайство».

Я обязан запросить, раз мне указывают на *сомнения* в правильности.

Вы обязаны мне *по существу* ответить: доводы или улики серьезны, *такие то*. Я против «освобождения», против «смягчения» и т. д. и т. п.

Так именно, *по существу*, Вы мне и должны ответить.

Ходатайства и «хлопоты» можете *отклонить*; «давление» есть *незаконное действие*. Но, повторяю, Ваше смешение *запроса* от Председателя СНК с *ходатайством*, хлопотами и давлением *ошибочно*.

Пред. СНК В. Ульянов (Ленин)».

Ну, хорошо, хорошо. Извините, Владимир Ильич. Мы вовсе не собираемся вас подводить. Только и вы, пожалуйста, тоже не лезьте в наши дела. Ведь, вы хорошо знаете в чем дело. Разве не вы еще в апреле 1921 г. прислали нам следующую записку.

«С. секретно.

Т. Уншлихту и Бокию!

Это *безобразие*, а не работа! Так работать нельзя. Полюбуйтесь, что там пишут. Немедленно найдите, если потребуется, вместе с Наркомфином и т. Баша *утечку*.

Ввиду секретности бумаги, прошу немедленно мне вернуть ее вместе с прилагаемым и вашим мнением.

24. IV. Пред. СНК Ленин».

«Прилагаемым» была вырезка из газеты «Нью Йорк Таймс» с уже сделанным (лично Лениным, судя по почерку) переводом:

«Целью «рабочих» лидеров большевистской России, видимо, является максимальное желание стать вторыми Гарун-аль-Рашидами с той лишь разницей, что легендарный калиф держал свои сокровища в подвалах, принадлежащего ему дворца в Багдаде, в то время как большевики, напротив, предпочитают хранить свои богатства в банках Европы и Америки. Только за минувший год, как нам стало известно, на счета большевистских лидеров поступило:

от Троцкого 11 миллионов долларов в один только банк США.

90 миллионов швейц. франков в Швейцарский банк.

от Зиновьева 80 миллионов швейц. франков в Швейцарский банк.

от Урицкого 85 миллионов швейц. франков в Швейцарский банк.

от Дзержинского 80 миллионов швейц. франков.

от Ганецкого 60 миллионов швейц. франков и 10 миллионов долларов США.

от Ленина 75 миллионов швейц. франков.

Кажется, что «мировую революцию» правильнее было назвать «мировой финансовой революцией», вся идея которой заключается в том, чтобы собрать на лицевых счетах двух десятков человек все деньги мира. Из всего этого мы, однако, делаем скверный вывод о том, что Швейцарский банк все-таки выглядел с точки зрения большевиков гораздо более надежным, нежели американские банки. Даже покойный Урицкий продолжает держать свои деньги там. Не следует ли из этого, что нам необходимо пересмотреть свою финансовую политику под углом ее большей федерализации?»

Следствие началось лихо. В Москве по обвинению в шпионаже была арестована американская корреспондентка агентства «Ассошиэйтед Пресс» Маргарита Гаррисон, а несколько позднее — американский журналист Адольф Карм, прибывший в Москву в качестве делегата на III Конгресс Коминтерна от Американской социалистической рабочей партии. Было схвачено еще несколько американских граждан. Всем им предъявили стандартное обвинение в сборе разведывательной информации военного и политического характера. «Нью-Йорк Таймс» — американская газета, значит и отвечать должны американцы. Несмотря на железную логику подобного утверждения, у Ленина все-таки появилась мысль, что в данном случае ВЧК ищет не «утечку», а просто таким нехитрым способом старается сорвать его предстоящие переговоры с американским сенатором Френсом, инженером Вандербильдом, которого Ленин, кстати, по справке ВЧК, ошибочно считал миллиардером Вандербильдом, и дельцом Хаммером. В гениальной голове вождя возникла мысль продать и русские недра, и он начал усиленно пропагандировать свою идею о «концессиях». Американцы, которые всегда делали все возможное, чтобы выручить своих граждан, попавших в тюрьму за границей, больше говорили с Лениным об освобождении Гаррисон и Карма, чем о сути дела, хотя эта «суть» была для них крайне интересна и фантастически выгодна. Оказалось, что Маргарита Гаррисон является сестрой губернатора штата Мэриленд, а ведущий переговоры Франс — сенатором от этого штата. Все это заставило Ленина взять следствие под свой личный контроль и быстро убедиться, что чекисты гонят «туфту». Американцев освободили, и Ленину стало ясно, что разыскиваемая «утечка» идет из недр самого ЧК. Теперь в качестве «утечки» ему подсовывали Шелехеса. Золото и власть уплывали из рук

Ильича. Партия и ее боевой отряд ВЧК, обтекая Леииuа, зримо раскололись иа два лагеря, группируясь вокруг двух мощиых фигур — Троцкого и иабирающего силу Сталиuа, олицетворявших две противоположиые теидеиции: сбежать с добычей и остаться, чтобы строить социалистическое государство, из которого выжаты далеко еще ие все возможиости. Противииков объедиияло только одио: резкое иеприятие «НЭПа». Леиии все это прекрасио видел и делал постояииые попытки, если ие примирить, то по крайией мере сиова объедиииь враждующие клаиы вокруг себя. Но дело Шелехеса явио выбило вождя из колеи. Ои иервиичает, требует, чтобы ему прислали протоколы допросов, ио ЧК явио ие спешит выполиять указаиия вождя. Леиии теряет терпеиие и 19 августа шлет Уишлихту следующее послаиие:

«19.VIII.

Совершеиио секретио.

т. Уишлихт!

Прошу Вас поручить кому следует представить мие:

1) точиые справки, к а к о в ы улики и

2) копию д о п р о с а или допросов по делу... Шелехеса.

Я уже об этом писал. Поставьте кому следует иа вид, чтобы ие опаздывали впредь. С ком. приветом Леиии».

Но золото продолжает уплывать двумя путями: за граиицу и в тайиые храиилища ВЧК. Обе стороиы делают все возможное, чтобы разоблачить друг друга, оргаиизовывая утечку в западиую прессу.

Газета «Нью-Йорк Таймс» в иомере от 23 августа 1921 г. пишет: «Баик «Куи, Лейба и К°», субсидировавший через свои иемецкие филиалы переворот в России 1917 г., ие остался виакладе от своих благодариых клиеитов. Только за первое полугодие текущего года баик получил от Советов золота иа сумму 102 миллиоиа 290 тысяч долларов. Вожди революции продолжают увеличивать вклады иа своих счетах в баиках США. Так, счет Троцкого всего в двух америкаиских баиках за последиее время возрос до 80 миллиоиов долларов. Что касается самого Леииuа, то ои упорио продолжает храиить свои «сбережеиия» в Швейцарском баике, иесмотря иа более высокий процеит годовых иа иашем свободиом коитиееите».

В октябре 1921 г. Шелехеса расстреляли. Судила «бедиого ювелира» Воеииая коллегия Верховиого трибуиала при ВЦИК, как будто ои был одиим из вождей революции или классик марксизма.

Но Леиии пытается продолжать борьбу. 18 иоября 1921 г. ои шлет приказ в ВЧК, МЧК и Наркомфии:

«В целях сосредоточения в одном месте всех ценностей, храиящихся в настоящее время в различных государствеиных учреждениях, предлагаю в трехдиевный срок, со времеин получения сего, сдать в Гохран все ценные вещн, находящиеся ныие в распоряжеинн ВЧК.

Пред. Совета Народных Комнссаров В. Ульяиов (Леинн)».

Никто не реагнрует. Более того, к Лениину перестает поступать ннформация нз Гохрана, которую заменяют лозунги тнпа «Гохраиу — ударный труд». Дескать, Владимир Ильич, заинмайтесь свонм «НЭПом», а мы вам больше не доверяем. Мы тоже хотнм быть в доле.

2 декабря 1921 г. Леннн посылает своего верного Горбуиова с секретиой миссией в ВЧК к самому Меижинскому. Горбуиов вручает ему записку от Леннна:

«С. секретно.

Прошу прислать мие секретио через тов. Горбунова доклад о том, в каком положеннн иаходнтся дело в Гохране. Пред. Совета Народных Комиссаров В. Ульянов (Леннн).»

«В Гохране все идет по удариому», отвечает Меижннский н, сославшись на дела, выпроваживает Горбунова.

Логнка действнй подсказывает Леннну, что объедниить сообщннков вокруг себя ои может только однмм способом — поднять их на новый массовый разбой.

В стране продолжал свирепствовать страшный голод, охвативший огромные районы Поволжья и Украииы. Прнмерио над 20 мнллионами людей, включая и детей, иависла угроза голодной смертн. Практически иикакой помощн правительство в Кремле им не оказывало, ссылаясь иа бездеиежье.

«У нас нет денег!» — не уставал повторять Ленин и с трибун, н в частных беседах с Алексеем Максимовичем Горькнм, и амернкаисннми бнзнесмеиамн. Денег нет, а голодиые буиты беспощадио подавляются массовымн расстрелами. В июне 1921 г. объявилн забастовку голодиые железнодорожники Екатеринослава. Толпу рабочих-пролетариев расстреляли пулеметным огнем. На месте было схвачено 240 человек. Из иих 53 были немедлено расстреляны на берегу Днепра и сброшены в воду. Остальиых потребовала на расправу Всеукраинская ЧК в Харькове, где тогда иаходилась столица Украииы.

Части особого назначения врываются в голодающне деревии, расстреливая всех поголовно и оформляя потом документы, что в деревне имел место «эсеро-меньшевистскнй заговор». По страие толпамн бродят мнллионы бездомных н голодных детей, потерявшие родителей во время больше-

вистской мясорубки. Голод распространяется, охватывая все новые территории с 35 миллионами потенциальных жертв.

А у элеваторов Петрограда, Одессы и Николаева грузятся зерном пароходы иностранных компаний, увозящие хлеб за границу в обмен на золото. Ленин зондирует почву на иностранных биржах о возможности продажи только одного русского леса на миллиард золотых рублей. Американские «концессионеры» выясняют с вождем подробности купли русских недр. Выясняются даже мелкие детали: сколько нужно платить русским рабочим на шахтах, рудниках и приисках? Американцы предлагают платить по полтора доллара в день. Ленин приходит в ужас. Ни в коем случае! Ни цента! Мы сами заплатим! Вы, господа, не беспокойтесь. Американцы чувствуют какой-то подвох. Там, где денег никаких не берут, там явно пахнет каким-то мошенничеством. А страна продолжает вымирать от голода. Гениальное предвиденье Ленина о «хлебной монополии» дает самые блестящие результаты. Создается возможность полностью выморить голодом основу мелкобуржуазной идеологии — крестьянство. Это даже эффективнее расстрелов. Обезумевшие от голода толпы штурмуют хлебные склады. С вышек без предупреждения бьют пулеметы, расстреливая всех без всякой пощады. Всего через несколько лет этот гениальный метод будет повторен Сталиным, но с гораздо большей эффективностью.

Размах и последствия голода 20-х годов по некоторым параметрам даже хуже предстоявшего искусственного голода 1932—33 г. Однако разница, и весьма существенная, была. Если голод 1932—33 г. полностью скрывался от мира, то «ленинский» голод, наоборот, всячески рекламировался в большевистской печати, которая, подчеркивая полную беспомощность правительства, взывала к гуманитарной помощи с Запада. Хотя партия не собиралась тратить из своих фантастических богатств ни копейки, ее отдельные представители, демонстрируя низкую классовую сознательность, пытались добиться открытия складов с продовольствием и золотых кладовых для помощи вымирающей России. Старый друг Ленина Владимир Бонч-Бруевич, так и не усвоивший «ленинской науки» пытался убедить кремлевских властителей пожертвовать какой-то частью добычи в пользу народа. Если мы государство, убеждал он (что с него взять: сын царского сановника, брат царского генерала), то и конфискованная собственность ныне является государственной и, следовательно, должна и может быть использована для народа. Ему терпеливо разъясняли, что у государства нет денег, а те

ценности, которые он имеет в виду, являются «золотом партии», принадлежат партии и только партии, являясь стратегическим оружием будущей борьбы труда и капитала. Нет, не поинмал, хотели было посадить, чтобы стал понятливее, но Ленин вступился за старого друга («Я сам решаю кто «буржуй»!). Выгнали на «научную работу»...

Горький — «буревестник революции» с подрезанными и ощипанными крыльями — пробился к Ленину, взывая о помощи голодающим. «У нас нет денег помочь голодающим,— отрезал Ленин.— В наследство от буржуазии мы получили разорение, нужду, обнищание!» Но разрешил Горькому собрать комитет помощи голодающим из недорезаных интеллигентов и попросить помощи с Запада.

Конечно, первой откликнулась Америка, уже создавшая к тому времени гуманитарную Администрацию Помощи (АРА) и оказывавшая помощь послевоенной Европе. В декабре 1921 года конгресс Соединенных Штатов выделил на помощь голодающей России 20 миллионов, а граждане США были призваны жертвовать для голодной России личные средства. Всего же в распоряжение АРА, возглавляемой будущим президентом США Гувером, было передано правительством и от частных лиц 45 миллионов долларов. В дело подключились и другие международные организации, которые строго следя через своих представителей за распределением помощи, спасли от голодной смерти 22 миллиона 700 тысяч человек, израсходовав в общей сложности 137 миллионов долларов [1]. То, что у Ленина не хватило духу довести

---

[1] Американцы настаивали, чтобы их эксперты могли наблюдать за распределением помощи голодающим, т. к. в западную печать уже проникли слухи о том, что большевики для того и взывают к иностранной помощи, чтобы, получив бесплатно, тут же перепродать ее обратно на Запад. Было так задумано или нет, сказать трудно, но услышав об экспертах, Ленин вышел из себя. Комиссию экспертов вождь сразу же объявил «комиссией шпиков», а об американской помощи высказал следующее: «Подлость Америки, Гувера и Совета Лиги наций сугубая. Гувер и Браун наглецы и лгуны».

Чекисты, чтобы отвлечь внимание Ленина от собственных делишек, подсовывали вождю мирового пролетариата тонны всевозможной «липы», где утверждалось, что АРА военно-шпионская организация, ставящая перед собой единственную задачу — свержение большевистского строя. «Находящееся в Барановичах объединение Американского Красного Креста по оказанию помощи голодающим,— докладывал Ленину Уншлихт,— снабжает прибывающих с советской территории бандитов обмундированием, продовольствием и оружием и направляет их на Украину». Газета «Правда» с удовольствием писала (23.04.1922 г.), что агентурой АРА был подожжен элеватор в Николаевском порту.

В пространном докладе на имя Ленина от 6 сентября 1921 г. Уншлихт писал, что «директором АРА в Советской России является полковник

прекрасио задуманную операцию «Голод» до конца (умерло от глода «всего» 6 миллионов человек), еще раз подтвердило мрачиые опасеиия его сообщников, что Ильич как вождь мирового пролетариата больше не годится. Каково же было удивлеиие всех, и справа и слева, когда Лении снова блеснул своим иеувядающим геиием. Видя полное бездействне «советского правительства» в борьбе с эпндемией голода, не выдержала Русская Православиая церковь, возглавляемая патриархом Тихоиом. Начиная с 1917 г., когда «интериациоиалисты», охваченные золотой лихорадкой, начали вскрывать императорские гробницы, царскне усыпальиицы, кладбищеиские склепы и даже мавзолеи святых старцев, отиошеиия церкви с иовой властью стали открыто враждебными. Ленин с первого дня начал открытую атаку на православиую церковь, нздав ряд декретов о лишеиии церкви статуса «государствеииой», о коифискации церковных и моиастырских земель, о запрещеиии церкви какой-либо другой деятельностн кроме «отправлеиия культа». Одиако до поры до временн, пока шла открытая вооружеииая борьба с белыми, Леииу прншлось сдерживать н свои порывы, н своих людей. Церковь пользовалась огромиым авторитетом у большииства русского народа, и этот авторитет тяжелой гирей мог упасть иа колеблющиеся весы противостояния в граждаиской войне. Правда, и тогда расстреливали священников, грабили и сжнгали церкви н соборы, но все это носило бессистемный характер, хотя Ленин ии на секунду не забывал о самом главном. За более чем 900 лет своего существования Церковь накопила иесметиые богатства. Царн и императоры, аристократы и богатые купцы жертвовали церкви огромные суммы и цеиности, одевали икоиы

У. Н. Хаскель, его секретарем — бывший америкаиский коисул в Петрограде, разведчик Д. Лерс, а его помощииком — разведчик М. Филипп». Целью их разведывательиой деятельиости, помимо сбора воеииой и политической иiформации, является «изображеиие ярких страданий, переиосимых русским иародом». Американцам мешали работать, ие допускали их в иаиболее пораженные голодом районы, а уж о «горьковском» комитете помощи голодающим и говорить иечего. Всех арестовали и сорганизовали дело, где члеиы комитета обвииялись в связях с иностранными разведками, белогвардейской эмиграцией и даже со штабом повстаица Аитонова. Только резкий демарш правительства США и личное вмешательство Гувера спасло члеиов «горьковского» комитета от расстрела, замеиеииого высылкой за границу, куда заранее выехал сам Алексей Максимович. Память об АРА сохранена иа страницах Большой Советской Энциклопедии, где говорится, что АРА использовала своих сотрудииков «для шпиоиской деятельиости и поддержки коитрреволюциоиных элементов. Коитрреволюциоиная деятельиость АРА вызывала эиергичиые протесты трудящихся масс». Вот такие мы гордые!

в золотые н серебряные оклады, украшенные сверкающей россыпью драгоценных камней. Священные кннги заковывалнсь в золотые переплеты. Драгоценная церковная утварь, выполненная искуснейшими ювелнрамн целых поколений, составляла гордость храмов, лавр, монастырей н их прнхожан. Церковь вела большую общественную работу, стронла бесплатные больницы, приюты, богадельнн, дома призрення, школы, учнлнща и многое другое. Христианская нравственность в дореволюцнонной России была не пустыми словами: бытовое убийство к началу XX века стало такой редкостью, что если оно происходило в каком-нибудь маленьком уездном городке, о нем с удивлением писалн все столичные газеты.

Церковь понимала, что в данной обстановке ей надо вести себя тнхо и незаметно, но не выдержала, вндя, что «рабоче-крестьянское правнтельство» с хладнокровием Нерона взнрает на голодное вымиране рабочих и крестьян. Патрнарх Тнхон направнл Ленину письмо, где предложнл передать часть церковных ценностей для закупкн хлеба в помощь голодающнм. Не будем говорить о некоторой нанвности Патриарха, полагавшего, что правнтельство, даже приняв эту помощь, использует ее для нужд голодающих.

Леннн прншел в сильное возбужденне. Пнсьмо Патриарха он воспринял как возмутительный вызов, сделанный церковью. В нзвращенном мозгу вождя не было места для понимания благородных и жертвенных порывов. Любое действне он оценнвал только с точки зрения беспощадного политического фехтования насмерть. Вызов был очевиден. Правнтельство бездействует, а потому церковь, чтобы «уннзить нас, подчеркнуть свое влияние» вылезает с подобными предложеннями. Она как бы нас контролирует и укоряет. Но не выйдет, хитрые попы! Не выйдет! Мы пойдем другим путем!

Спешно собрав Политбюро, Ленин зачитал послание Патриарха и заявил, что настало время покончнть с церковниками. Необходнмо обвннить церковь в нежелании поступиться своими богатствами для помощн голодающим, что прннуждает советское правительство конфнсковать все церковные ценностн. Полнтбюро было в восторге. Тем более, что Ленин подчеркнул цель предстоящего меропрнятия: пополннть партийный фонд огромной суммой «в несколько сотен мнллнонов золотых рублей (а может быть и несколько миллиардов)». Никто не знал точной суммы, что создавало дополнительный азарт, столь необходимый для решнтельных действий.

Пока патрнарх Тихон ожндал ответа от советского прави-

тельства иа свое благородное предложеине, Леини 23 февраля 1922 г. подписал декрет «Об изъятни церковных цениостей в пользу голодающих». Этот шаг восхитил всех, уже было разочаровавшихся в Ильиче, даже Сталина. Работа предстояла «адова». По страие насчнтывалось около 80 тысяч хрнстнанских церквей, главиым образом православных. Отряды ГПУ (так теперь изазывались ВЧК) рииулнсь к воротам храмов и моиастырей. Верующне пытались своими теламн защитить драгоцеииые святынн. Нападавшие без какнх-лнбо колебаинй открывали огоиь. С нкон срывались драгоцеииые оклады, золотая и серебряная утварь, включая дароиосны н паникаднла XV—XVII в., лнтые золотые кресты времеи Иоанна Грозиого и первых Романовых складывались в ящнкн н мешкн. Выковырнвались драгоцеииые камии, срывались переплеты с библий, конфисковывались все иайденные золотые и серебряиые монеты. Пылали костры из древних икон, горели рукописные инкунабулы, Библии XIII века, крушнлись алтари. Но это было только начало. Опомиившись от шока, вызванного леннинским декретом, патриарх Тихон обратился с воззваием ко всем «верующим чадам Россиѝской Православиой церкви» (28 февраля): «С точки зрения церкви подобный акт является актом святотатства. Мы не можем одобрить нзъятня нз храмов, хотя бы н через добровольиые пожертвования, освященных предметов, употребленне коих ие для богослужебных целей воспрещается канонами вселенской церквн н карается ею как святотатство». Воззванне святейшего патрнарха объявлялось с амвонов церквей, передавалось нз уст в уста, расклеивалось иа стенах домов, прнзывая иарод к сопротнвлеиию. По всей стране у храмов происходили настоящие побоища. Но безоружиые верующие ие могли оказать какого-либо органнзованного сопротнвлення вооруженным до зубов «чоиовцам». Во миогнх местах толпу просто рассеивали пулеметамн, а арестованных расстреливали в тот же день.

Поннмая, однако, сколь велик авторнтет церкви среди простых русских людей и побанваясь всенародного восстаиия, власти, как всегда, прибегали к лицемерным н лживым прнзывам, апеллнруя к «иароду» и «трудящнмся массам». 28 марта 1922 года было опубликовано правнтельствеииое сообщенне:

«Правительству чужда мысль о каких бы то ии было преследоваииях против верующих и против церкви... Ценности созданы трудом народа и прииадлежат народу. Совершение религиозиых обрядов ие потерпит иикакого ущерба от замеиы драгоцеиных предметов другими, более простыми. На драго-

ценности же возможно купить достаточное количество хлеба, семян, рабочего скота и орудий, чтобы спасти не только жизнь, но и хозяйство крестьян Поволжья и всех других голодающих мест Советской Федерации... Только клика князей церкви, привыкших к роскоши, золоту, шелкам и драгоценным камням, не хочет отдавать эти сокровища на дело спасения миллионов погибающих. В жадном стремлении удержать в своих руках ценности любой ценой церковная привилегированная клика не останавливается перед преступными заговорами и провокацией открытых мятежей. Сохраняя по-прежнему полное внимание и терпимость к верующим, Советское правительство не потерпит, однако, ни единого часа, чтобы привилегированные заправилы церкви, облеченные в шелка и бриллианты, создавали особое государство церковных князей в государстве рабочих и крестьян».

Опубликованное обращение, пытаясь расколоть церковь и массы верующих, содержало недвусмысленные угрозы в адрес руководства Православной Церкви, как обычно являясь лишь отголоском уже принятых в Кремле секретных решений.

Ленин был в ударе. Вернулись его былая энергия и боевой задор. Глаза блестели, как во времена выкинутого им гениального лозунга «Грабь награбленное!»

19 марта 1922 г. он направляет секретное директивное письмо членам Политбюро, руководству ГПУ, Наркомата юстиции и Ревтрибунала, готовившихся к совещанию по поводу оптимизации и координации действий различных служб в выполнении Декрета об изъятии церковных ценностей:

«На этом совещании,— указывает Владимир Ильич,— провести секретное решение съезда о том, что изъятие ценностей, в особенности самых богатых лавр, монастырей и церквей, должно быть произведено с беспощадной решительностью, безусловно ни перед чем не останавливаясь и в самый кратчайший срок. Чем большее число представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства удастся нам поэтому расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать.

19.III.22 г. Пред. Совнаркома В. Ульянов (Ленин).»

Еще никогда, даже во времена древних деспотий, глава государства не решался ставить свою подпись на документах подобного рода. Решительность Ленина, в подавляющем большинстве случаев лично санкционировавшего все преступления своего режима, служила предметом зависти и у

Сталнна, и у Гитлера. Сталин всегда с восхищеиием отзывался о ленииской решительиостн, явио подчеркивая собствеиную иерешительиость: сам ои боялся ставнть свою подпись даже на прнказе о взрыве мостов Ленинграда и предприятнй Москвы, хотя это н диктовалось военной необходнмостью.

Решительиость вождя, берущего своей подпнсью ответствеиность за преступлення подчниеиных, нмеющнх право сослаться иа получеиный прнказ, ие могла ие вызывать у иих уважения с долей восхищеиня. В даииом случае оказалнсь довольны все: и те, кто группируясь вокруг Троцкого, подумывали о бегстве из страны и могли этой акцией еще более округлнть свои многомнллионные счета в западиых баиках, и те, кто группируясь вокруг входившего в снлу Сталниа, предполагали остаться, чтобы безбедио жнвя в завоеваииой России, превратить ее в базу для своих предстоящих авантюр, ндеологню разбоя — в государствеииую религию, а самого Ленина — в языческого идола новой религнн. А иовая релнгня всегда предполагает уинчтожение старой.

Церкви были разграблеиы, как н прнказал Леини «с беспощадиой решительностью» и «в кратчайшнй срок». Расстреляио 40 тысяч священннков, дьякоиов и монахов, а также около 100 тысяч верующих, входнвшнх в церковиые «двадцатки» и общнны. Чнстая прнбыль составила два с половииой миллиарда золотых рублей (по очень скромиой оценке робких нсторнков эпохи перестройкн и гласиостн). По мнеиию западных спецналнстов эту цифру следовало бы увелнчить раза в трн. Все-такн храмов и монастырей было очень много, а существовалн онн в среднем лет по 300. Помнится, что АРА, истратнв 137 мнллноиов долларов, иакормила и спасла от смертн более 20 миллнонов обреченных. Советская статнстнка указывает, что в 1922—23 г. хлеба за граинцей было закуплено на 1 (одии) миллнои рублей и то на семеиа. Что касается закупок скота н сельскохозяйствеиных орудий, то их не было вообще. Куда же пошлн эти иесметиые сокровища? Ведь, еслн бы разделилн поровиу, как было обещаио, только их, то даже разореиная Россня смогла бы быстро превратнться в иечто богатое н цветущее, вроде Кувейта. Но иичего подобного, естественно, не пронзошло, нбо цель была прямо противоположная. Нnколай Бухарин, самый инчтожный н труслнвый нз большевистскнх главарей, а потому громче всех искреиие восхнщавшнйся удалью вождя революцнн с восторгом вспомннал этн героическне днн: «...Мы ободрали церковь, как лнпку, н иа ее

«святые ценности» ведем свою мировую пропаганду, не дав из них ни шиша голодающим; при ГПУ мы воздвигли свою «церковь» при помощи православных попов, и уж доподлинно врата ада не одолеют ее; мы заменили требуху филаретовского катехизиса любезной моему сердцу «Азбукой коммунизма», закон божий — политграмотой, посрывали с детей крестики да ладанки, вместо икон повесили «вождей», и постараемся для Пахома и «низов» открыть мощи Ильича под коммунистическим соусом... Дурацкая страна!» В мае 1922 г. патриарх Тихон был арестован вместе со всеми членами Священного Синода. 32 митрополита и архиепископа были расстреляны. Но под официальным словом «расстрел» часто скрывалось зверское изощренное убийство. Киевский митрополит Владимир изуродован, оскоплен, застрелен и голым брошен на поругание; Петербургский митрополит Вениамин, который должен был заменить патриарха в случае его смерти, превращен в ледяной столб холодной водой на морозе, а затем утоплен: Тобольский епископ Гермоген, в свое время добровольно поехавший с царем в ссылку, был живым привязан к колесу парохода и измочален лопастями. Пермский Архиепископ Андроник, знаменитый в прошлом миссионер в Японии, закопан живым в землю. Черниговский архиепископ Василий распят на кресте и сожжен. «Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать. Ленин».

«Лихорадка на мировых биржах, вызванная резким падением цен на золото, связывается специалистами с поступлением на мировой рынок больших партий этого металла из России. Партию большевиков, правящую ныне в этой несчастной стране, вполне можно назвать «партией желтого дьявола»,— писала английская газета «Гардиан» в марте 1923 г. Ей вторила газета «Тайм»: «Покупка левыми социалистами двух шестиэтажных домов в деловой части Лондона по аукционной цене в 6 миллионов фунтов стерлингов за дом и установка за четыре миллиона фунтов стерлингов помпезного памятника Карлу Марксу на месте его погребения свидетельствует о том, что большевикам в Москве есть куда тратить деньги, конфискованные у церкви, якобы для помощи голодающим. Мы только сейчас начали понимать какой богатой страной была уничтоженная Россия».

Средняя Азия после нашествия монголов, Европа после тридцатилетней войны, Франция после продолжавшейся 10 лет эпидемии чумы — все это, даже вместе взятое, не идет

ни в какое сравнение с тем, что из себя представляла Россия после семи неполных лет власти Ленина. Подавляющая часть русского образованного общества исчезла, погибнув или в ужасе бежав из страны. Многомиллионные массы людей, выбитые с насиженных мест террором, военными действиями и голодом рассеялись по стране. Дореволюционный немногочисленный пролетариат был полностью уничтожен. Наиболее передовые аграрники, ведущие свои хозяйства на уровне европейских стандартов, были либо перебиты, либо бежали неизвестно куда. Экономика развалилась. Некогда самый могучий в мире речной флот погиб. Гордость России — ее железные дороги были разрушены, подвижной состав фактически уничтожен. Разрушенные церкви высились среди пепелища памятниками погибшей цивилизации.

Россия превратилась в поле, усеянное лишь мертвыми костями: нет ни протеста, ни возмущения. Все устало, все принижено и подавлено. И главное — все было разворовано и разграблено. От вывернутых наизнанку императорских усыпальниц до вывернутых карманов всех живых и мертвых. Великая афера всех веков под условным наименованием «Мировая революция» практически завершилась. Не существует цифры, способной в какой-то мере подвести денежный итог этого «мероприятия». Все национальное достояние огромной и богатой страны, которая называлась Россией, ушло в один гигантский слиток «ЗОЛОТА ПАРТИИ». Однако это был еще не конец. Впереди черной тучей шло еще более страшное будущее.

В декабре 1922 г. случилась мало приятная неожиданность. Швейцарский банк объявил ленинскому поручителю Ротштейну, что деньги основного капитала представляемой им фирмы (а представлял Ротштейн партию большевиков) по указанию владельцев (или уполномоченных ими лиц), знавших сложную комбинацию девизов и шифров, переведены на три отдельных счета с новыми девизами и шифровыми комбинациями. Деньги на личных счетах остались нетронутыми. Старик Парвус снова продемонстрировал Ленину, что никакое дело, особенно финансовое, не терпит дилетантизма. Ленина хватил удар.

Едва оправившись от него, Ленин, вопреки протестам врачей и родных, приказывает, чтобы его отвезли в Кремль, где убеждается, что все его худшие опасения подтвердились. В кабинете произведен тщательный обыск. Вскрыт сейф, откуда изъяты все «архисекретные» документы, включая банковские поручительства, чековые книжки и целая коллекция заграничных паспортов. Исчез и верный Горбунов...

Воины-интернационалисты круглосуточно неслн караул вокруг роскошного двухэтажного особияка, бывшего загородиого дворца великого князя Сергея Александровича, в Горках. В морозную рождествеискую иочь 1923 г. оии услышали страшиый вой, доиосящийся, казалось, прямо из-под дома. Стояла глубокая иочь, в иебе светила полиая луиа. Щелкиув затворами своих испытаиных австрийских карабииов, часовые стали сходиться на источиик воя, решив, что к особияку подошли из леса волки. Но волков ие было. На застеклеииой веранде первого этажа в кресле-каталке сидел Леиии, одетый в телогрейку и валеики. Подияв измождеиное лицо к луне, он протяжно и дико выл. Злой дух взывал к своих собратьям в космосе, просясь на волю. Ои сделал свое дело...

В трескучие морозы яиваря 1924 г. рабочие заступами и ломамн копалн котлован под времеииый мавзолей. Ломом была пробита каиализационная труба, ио пробоииа, схвачеиная морозом ие была замечеиа. В первую же оттепель труба лопнула, залнв свонм содержимым мавзолей. Узиав об этом, томившнйся под домашиим арестом патриарх Тихои, скорбио заметил: «По мощам н елей».

часть II

ОККУПАЦИЯ

Мрачно обозревая доставшееся ему ленинское наследство, Иосиф Виссарионович Сталин имел все причины быть недовольным. Во-первых, как никто другой, он чувствовал себя обворованным. В самом деле, он — член ЦК, член самого первого ленинского правительства, делавший, можно сказать, самую грязную работу, мотаясь по фронтам гражданской войны, рискуя каждую минуту быть застреленным, поднятым на штыки, разорванным в клочья, был обманут. Оказывается, пока он, утопая по колено в крови, тифозном дерьме и разбираясь попутно в непролазной грязи нововизантийских интриг, посылал в Москву со всех концов страны эшелоны с золотом и хлебом (который был временами дороже золота), все это за его спиной разворовывалось, перекидывалось за границу, переводилось на личные счета, на счета активных акционерных обществ и благоприобретенных банков. Нельзя сказать, что он об этом вообще ничего не знал. Знал, конечно. Но об истинном размахе не догадывался, как не догадывался и о том, что его доля (его законная доля!) будет столь до смешного мала. Оттесненный с «кремлевской кухни» и от Коминтерна на должность наркома национальностей и председателя бутафорского Рабкрина, Сталин далеко не сразу стал понимать, что же происходит в завоеванной большевиками России. Впрочем, ему только казалось, что он что-то понимает, поскольку каждый день, преподнося ему новые сюрпризы, убеждал, что понять что-либо очень трудно, если не сказать — просто невозможно. Кончилась гражданская война, и миллионы глаз с немым вопросом глядели на Ленина: когда же будем делить «награбленное», как и договаривались, поровну? Ленин, эффектно выворачивая пустые карманы, давал понять, что делить нечего — проклятые буржуи бежали и все с собой увезли до последней копейки. Даже гвозди из стен повыдергивали и всю соль вывезли пароходами. А о другом и говорить нечего. Многие, оглядываясь по сторонам, верили. Многие — нет, подозревая глобальный обман. Сталин верил, потому что знал — казна пуста как лунный кратер. Догадывался, что деньги не в казне. А где же? Этот вопрос интересовал и его самого. Но не меньше его интересовал и вопрос: а что же делать дальше? Как выяснилось, ни у кого, включая Ленина, никаких четких планов на этот счет не было и, что более всего удивительно,— никто об этом всерьез и не думал. Дело было сделано, и настала пора исчезнуть, раствориться, сменить клички и жить, не тужа, под шум атлантического или тихоокеанского прибоя. Это была точ-

ка зрения тех, кто умел хорошо хапнуть. А таких было человек тридцать. А что делать остальным?

Объявили НЭП, чтобы перевести дух и подумать. И тут Ленин из вождя международного пролетариата неожиданно превратился в российского великодержавника и стал мечтать не о мировой революции, а о восстановлении Российской Империи в границах 1914 года. Сначала не поверили и записи его речей секретно посылали на психиатрическую экспертизу — не рехнулся ли вождь? Там ответили, что похоже: слишком эмоционален и импульсивен в высказываниях, фразы обрываются, кругом противоречия, последовательного смысла нет. Но смысл был. И Сталин его сразу понял. Мировая революция не получилась, а следовательно, как и пророчествовал Ильич, «мы погибли». А чтобы не погибнуть, нужно построить мощнейшее государство (которое по ленинской теории должно было уже отмереть) и именно этим мощнейшим государством как инструментом осуществить мировую революцию. Хорошенькое дело! А где взять на все это денег, если ваша команда, Владимир Ильич, распихала все национальное достояние богатейшей страны по своим карманам, которые оказались бездонными. Если ваш НЭП разлагает страну, превращая ее из депо мировой революции в огромный блошиный рынок! Если ваша хваленая гвардия «старых большевиков» погрязла в роскоши и уже решительно ничем не интересуется, кроме цен на недвижимость и акции в странах капитала, любовно рассматривая заграничные паспорта, выписанные каждому на дюжину разных фамилий!

Постепенно сосредоточивая власть в своих руках, Сталин с удивлением заметил, что никто, собственно, ему и не мешал. Никто о будущем не думал, все были довольны настоящим. Работала только ЧК, переименованная в ГПУ, лениво без прежнего задора, расстреливая человек по двести в день. Чекисты тоже чувствовали себя обманутыми. Где те несметные сокровища, которые они с дымящимися маузерами в руках пять лет свозили в центр, надеясь на свою, равную со всеми, долю. А получили дулю... Сталин отлично использовал это обстоятельство, захватывая контроль над тайной полицией, понимая, что никакого другого органа исполнительной власти просто невозможно придумать. То, что Ленин любовно называл «большевиками», выродилось уже неизвестно во что. И как быстро — всего за шесть неполных лет!

Нельзя сказать, чтобы Ленин всего этого не видел и совсем не понимал. Еще как понимал! Но осаживал оппо-

иеитов. Не в деиьгах счастье! Куда что подевалось — партия зиает. А брожеиие общее идет, потому что мало стали расстреливать. Надо шире примеиять расстрелы, товарищи! Охвачеииый идеей создаиия СССР, Леиии более всего думает о правовой осиове будущего государства «рабочих и крестьяи». Оио будет тем сильиее, искреиие считал ои, чем шире будут примеияться расстрелы.

В разгар НЭПа в середиие 1922 года, Леиии, собрав последиие силы, сиова пытается вериуть себе былой авторитет и сплотить вокруг себя стороииикоv, подияв их иа иовый разбой, чтобы продолжать удерживать в слабеющих руках столь сладкие бразды иеограиичеииой власти. Это как-то уже ие вяжется с мечтами о мощиом социалистическом государстве, ио иепоследовательиость вождя уже даже перестала раздражать, а стала предметом анекдотов. Да, кроме того, кого еще грабить? Страиа и так превращеиа в мертвую пустыию. Но это только кажется исполиителям, а геиий всегда смотрит вперед и видит гораздо лучше своих поддаииых. Изучая проект будущего уголовиого кодекса великой социалистической державы, представлеииый ему разжиревшими от НЭПа чииовииками, Владимир Ильич последиий раз в своей жизии почувствовал мощиый прилив творческих сил и искромсал проект красиым караидашом.

Какое слюитяйство! Где революциоииый задор!

«т. Курский,— в раздражеиии пишет Леиии своему иаркому юстиции,— по-моему, иадо расширить примеиеиие расстрела... ко всем видам деятельиости меиьшевиков, с.-р. и т. п.; иайти формулировку, ставящую эти деяиия в связь с междуиародиой буржуазией и ее борьбой с иами (подкупом печати и агеитств, подготовкой войиы и т. п.). Прошу срочио вериуть с Вашим отзывом. Леиии. 15 мая 1922 года». Нет! ие поймет Курский. Еще решит, что дело касается только меиьшевиков и эссеров. Надо ему разъясиить подробиее.

Через деиь, 17 мая 1922 года, Леиии иаправляет Курскому иовое письмо: «т. Курский!.. посылаю Вам иабросок дополиительиого параграфа Уголовиого кодекса. Набросок чериовой, который, коиечио, иуждается во всяческой отделке и переделке. Осиовиая мысль, иадеюсь, ясиа, несмотря на все иедостатки черияка: открыто выставить прииципиальиое и политически правдивое (а ие только юридически-узкое) положеиие, мотивирующее суть и оправдаиие террора, его иеобходимость, его пределы.

Суд должен не устранять террор; обещать это было бы самообманом или обманом, а обосновать и *узаконить* его принципиально, ясно, без фальши и без прикрас. *Формулировать надо как можно шире*, ибо только революционное правосознание и революционная совесть поставят условия применения на деле, более или менее широкого.

С коммунистическим приветом Ленин».

Далее Ленин, юрист по образованию, посылает собственноручно написанные три варианта новой статьи уголовного кодекса РСФСР:

«Вариант 1:
Пропаганда, или агитация, или участие в организации, или содействие организациям, действующие (пропаганда и агитация) в направлении помощи той части международной буржуазии, которая не признает равноправия приходящей на смену капитализма коммунистической системы собственности и стремится к насильственному ее свержению, путем ли интервенции, или блокады, или шпионажа, или финансирования прессы и т. под. средствами, карается высшей мерой наказания, с заменой, в случае смягчающих вину обстоятельств, лишением свободы или высылкой за границу.

Вариант 2:
а) Пропаганда или агитация, объективно содействующие той части международной буржуазии, которая и т. д. до конца.
б) Такому же наказанию подвергаются виновные в участии в организациях или в содействии организациям или лицам, ведущим деятельность, имеющую вышеуказанный характер (деятельность коих имеет вышеуказанный характер).» Как всегда, ленинское перо, обгоняя мысли вождя, пытается как можно шире охватить расстрельной петлей население завоеванной страны, принявшей, по своей извечной наивности, Новую экономическую политику большевиков за нечто серьезное и долговечное, в то время как это был очередной капкан, поставленный оккупационными властями. Сомневаясь, что Курский все поймет правильно, Ленин добавляет:

«Вариант 2б:
содействующие или способные содействовать» и жирно обводит этот вариант чернилами. Теперь, кажется, все правильно. Весь народ будущего государства подведен под расстрельную статью по усмотрению властей.

На следующий день, 18 мая 1922 года, на специальном заседании Политбюро ЦК РКП(б) принимается решение об увеличении примерно в три раза денежных окладов работ-

никам ГПУ и перевод их на спецпайки специальной закрытой сети продовольственного распределения. Вместе с тем, разъясняя суть новых подрасстрельных статей уголовного кодекса, в ГПУ с ленинской визой спускаются секретные директивы следующего содержания:

«ОГПУ в настоящее время из-за проведения Новой экономической политики и правительственных соображений высшего порядка вынуждено проявлять известную пассивность. Но каждому сотруднику ГПУ должно быть ясно, что подобная ситуация может быть только временной. Поэтому ОГПУ в настоящее время должно приложить максимум усилий для выявления и регистрации наших врагов, чтобы нанести по ним, когда придет время, сокрушительный удар». Что означает со стороны ОГПУ сокрушительный удар по врагам никому уже разъяснять, казалось бы, и нужды не было. 17 декабря 1922 года «легендарный» чекист Петерс публикует в «Известиях» статью, где, призывая к высокой бдительности, отмечает:

«Мы не должны забывать и в условиях НЭПа, что нас окружают со всех сторон злейшие враги».

Но кто же эти злейшие враги, которых надо регистрировать и выявлять поименно, чтобы, «когда придет время», уничтожить всех поголовно, предварительно снова обобрав до нитки. Секретный циркуляр от февраля 1923 года подробно перечисляет обреченных в самом ближайшем будущем на поголовное физическое истребление:

«Политические партии и организации

1. Все бывшие члены дореволюционных политических партий.
2. Все бывшие члены монархических союзов и организаций.
3. Все бывшие члены Союза Независимых Земледельцев, а равно члены Союза Независимых Хлеборобов в период Центральной Рады на Украине.
4. Все бывшие представители старой аристократии и дворянства.
5. Все бывшие члены молодежных организаций (бойскауты и другие).
6. Все националисты любых оттенков.

Сотрудники царских учреждений

1. Все сотрудники бывшего Министерства Внутренних Дел; все сотрудники охранки, полиции и жандармерии, все секретные агенты охранки и полиции, все чины пограничной стражи и т. д.
2. Все сотрудники бывшего Министерства Юстиции: все члены окружных судов, судьи, прокуроры всех рангов, миро-

вые судьи, судебные следователи, судебные исполнители, главы сельских судов и т. д.
3. Все без исключения офицеры и унтер-офицеры царских армий и флота.

Тайные враги советского режима

1. Все офицеры, унтер-офицеры и рядовые Белой армии, иррегулярных белогвардейских формирований, петлюровских соединений, различных повстанческих подразделений и банд, активно боровшиеся с Советской властью. Лица, амнистированные советскими властями, не являются исключением.
2. Все гражданские сотрудники центральных и местных органов и ведомств Белогвардейских правительств, армии Центральной Рады, Гетмановской администрации и т. д.
3. Все религиозные деятели: епископы, священники православной и католической церкви, раввины, дьяконы, монахи, хормейстеры, церковные старосты и т. д.
4. Все бывшие купцы, владельцы магазинов и лавок, а также «нэпманы».
5. Все бывшие землевладельцы, крупные арендаторы, богатые крестьяне, использовавшие в прошлом наемную силу. Все бывшие владельцы промышленных предприятий и мастерских.
6. Все лица, чьи близкие родственники находятся на нелегальном положении или продолжают вооруженное сопротивление советскому режиму в рядах антисоветских банд.
7. Все иностранцы независимо от национальности.
8. Все лица, имеющие родственников и знакомых за границей.
9. Все члены религиозных сект и общин (особенно баптисты).
10. Все ученые и специалисты старой школы, особенно те, чья политическая ориентация не выяснена до сего дня.
11. Все лица, ранее подозреваемые или осужденные за контрабанду, шпионаж и т. д.».

Именно эти документы, а не жалкую записку, рекомендовавшую не выбирать Сталина «генеральным секретарем», нужно считать настоящим политическим завещанием Ленина. Если уж решили оставаться и строить Союз социалистических государств, то вот вам единственная методика по которой вы можете этот Союз построить. Тысячелетняя Российская Империя, страдающая легкомысленной воинственностью, столь свойственной всем престарелым империям, не выдержала добровольно взятых на себя нагрузок и непредусмотренных перегрузок, рухнула и развалилась. Реанимировать ее невозможно, но можно окончательно добить и превратить в управляемый труп, скованный стальными

обручами непрерывиого террора н гальваинзнрующий с помощью иехнтрого иабора псевдомарксистскнх заклннанний, пронзиоснмых круглосуточно от рождення до смерти каждого нндивндуума, которому по какнм-то причннам удалось избежать уинчтожеиия. Энергню управляемого трупа можио иаправнть иа что угодно: на поворот рек вспять, иа завоеваиие мира, иа электрнфнкацню всей страиы. Прн этом н денег-то ннкакнх не понадобнтся, поскольку все будут работать за «пайку», которую можно соответствеино отрегулнровать в завнснмостн от объема н качества пронзводимой работы и выполияемых заданий. Это дает возможность создать огромные трудармнн н несметные полчища «пролетарских батальоиов», которые просто затопят Европу и весь мир, обеспечнв победу соцналнзма в мнровом масштабе. Все это просто н понятио. Но для осуществлеиия подобиой схемы понадобнтся огромиая армня «управляющнх», а практика уже показала, как быстро эта «армня», разлагаясь от роскошн, перестает вообще чем-лнбо заинматься, пуская все дела на самотек, без всякого сопротнвлеиня все глубже погружаясь в сладкое болото коррупции. Следовательио надо создать иовую армню «управляющнх», своего рода штаб «оккупациоиной адмнннстрацни», огражденных от работ непроннцаемой завесой секретиостн, иепреодолимой стеиой лнчных прнвнлегнй, ио отвечающих головой за свои действня, слова и даже мысли перед вождем. Но на все это тоже иужиы деиьгн н немалые. А где онн?

Еще с 1922 года Сталнн пытается расследовать путн ухода нз Россни иа запад огромных сумм, составляющих иекогда иациональиое достояине Росснн. Но аппарат бывшего ЧК еще не в его руках. Следствне ведется тайно н сверхосторожно, не прннося фактнчески инкаких результатов. Найдеиные коичикн золотых ннток быстро обрываются в фантастическнх лабнрнтах междуиародиых банков. Еслн и удается иайтн каиал, который некогда всасывал русское золото, то тот каиал, который выкннул это золото на мировой рынок уже иайтн иевозможио. И нет такнх людей, которые моглн бы разобраться во всех движеинях миогнх тысяч банковских щупалец, охватнвшнх свонмй объятнямн весь мнр. Пока в Москве бнлн в барабан всемирной пролетарской, тнхо н незаметно произошла всемнрная фииаисовая революцня, подготавлнвающая мнровую гегемоиию той страны или группы стран, которые более разумио нспользуют предоставленные этой революцией политические н экономнческне возможиостн. Знали ли об этом те, кто захватил власть в Росснн в октябре 1917-го года? Сталнн был среди

них, но он ничего не знал, хотя нутром старого уголовника чувствовал что-то неладное. Отсутствие самого элементарного политического н экономнческого образовання не давало ему возможности провести хотя бы поверхностный анализ происходящего. Да н времени не было. А остальные? Знали или нет? Что знал сам Леннн? Скорее всего не более остальных, став жертвой тех, кто ловко сыграл на его болезненных фантазнях. Ленин, да и никто из его блнжайшего окружения ннкогда не был откровенен со Сталиным. Презрительные взгляды и снисходительные ухмылки — вот все, что он от них получал. Еще хорошо, что с неимоверными усилнями и рнском удалось перебазировать и укрыть часть ценностей Гохрана, нспользуя при этом резкие противоречия в верхушке ГПУ. Но ГПУ — это организация, которой доверять нельзя. Найдет ли ГПУ то, что спрятано? Это еще вопрос.

Смерть Ленина развязала рукн. То что Ильич унес с собой в могилу, то пусть остается на его совести. Но с его ближайшими сообщникамн мы разберемся. Разбираться пришлось в смертельном клубке кремлевских ннтриг, где ничего нельзя было загадывать даже на половину дня. Казалось, что могущественные соперники из старой большевистской гвардии сотрут «недоучку семинариста», как говаривал Троцкнй, в пыль, да так, что о нем никто и не вспомнит. Теоретнчески так оно и должно было случиться, но на практике оказалось, что все онн уже давно не бойцы. Не только от борьбы отвыкли, но даже и работать отучились. И в России оставаться не хотели, в Европу ехать опасались. Не та стала Европа, которую они знaлн до первой мировой войны, совсем не та. Не сладко бы им там пришлось с привычками, приобретенными за семь лет российского беспредела. Только Троцкий еще проявил какую-то твердость. Решил уехать. Устал от пустых дискуссий, кого следует уничтожить в первую очередь, а кого затем. Следует ли бойцам трудармий что-то платить или просто держать на пайке? По ленинскому плану предстояла такая долгая н кровавая работа, что дух захватывало, а сил уже не было. Лучше спокойно жить на Западе, тратя от душн награбленные миллионы долларов. Сталин только обрадовался подобным настроенням потенциально самого опасного соперника. Оформили ему высылку за границу за уклонение от генеральной лнннн партни и с удовольствием выпустили вместе со всем архивом. Пусть себе тнхо спокойно работает над теорией перманентной революции. Но глаз с него уже не спускали. Меченный атом может и приведет к следам похи-

щенных драгоценностей. А когда поняли, что не приведет, то и прихлопнули как муху. К моменту высылки Троцкого шеф ОГПУ Генрих Ягода уже представил Иосифу Виссарионовичу номера личных счетов и сумм, находящихся иа этих счетах, всех тех, кто нагрел руки на небывалом в истории разбое, именуемом Великая Октябрьская Социалистическая Революция. Только номера своего собственного счета Ягода не назвал, наивно полагая, что он у товарища Сталина является единственным источником информации. Позднее Ягода его назовет, но будет уже поздно. Все выжмет из них Сталин до последнего цента. Харкая кровью отбитых легких, выплевывая выбитые зубы, все они прежде чем получить пулю в затылок «добровольно» переведут деньги из западных банков в Москву. Зиновьев, Каменев, Бухарин, Менжинский, Ганецкий, Уншлихт, Бокий — всех не перечесть, но Сталин не забыл никого. Даже Ленина. Лично объяснил Надежде Константиновне, что ее ждет, если не вынет деньги вождя мирового пролетариата из швейцарского банка. На завтра же все забудут, что она была женой Ленина и является его вдовой, а будут считать вдовой Землячку — ту самую Землячку, которая с Бела Куном вывозила золото из Севастополя. Сломалась Надежда Константиновна, все сдала. А вот Землячка молодец. Все сделала добровольно и о Бела Куне напомнила. Ох, как тому не хотелось деньги-то отдавать! Три дня били, но выбили все до последнего гроша, а затем пристрелили. Со всеми «интернационалистами», пребывающими в иллюзии полной безнаказанности, быстро разобрались, не церемонясь. Достали и тех, кто думал отсидеться за границей, тратя на себя деньги, предназначенные для мировой революции. Только нескольким американцам удалось скрыться, но о них так потом никто и не слышал. Стекались деньги в Москву, но, увы, только с личных счетов. А это была капля в море. Мало было. На великие сталинские планы строительства новой империи нужно было гораздо больше. Рыскало по миру ОГПУ и ее приемница НКВД в поисках несметных сокровищ, названных Лениным «Золотом Партии». Искало «Золото Партии» и гестапо, выбивая душу из арестованных банкиров. Душу выбивали, но золота не нашли. Куда же оно делось? На что пошло? Трудно сказать точно, но ряд исследователей полагает, что именно «золото партии» вывело Соединенные Штаты из глубочайшего экономического кризиса 20-х годов, обеспечив экономический бум последующих лет «Нового курса» президента Рузвельта. Еще никем не написана финансовая история мира, поскольку финансовые

тайны, в отличие от государственных и военных, не раскрываются в ходе истории, а становятся еще более непроницаемыми...

Методы, с помощью которых товарищ Сталин строил свою державу на пепелище уничтоженной России, общеизвестны. Не было, казалось, преступления, на которое не способен был бы «вождь всех народов». Миллионы и миллионы расстрелянных и превращенных в лагерную пыль. Педантичное и последовательное выполнение всех заветов Ленина. Достаточно взглянуть еще раз на список обреченных (стр. 7—9), чтобы убедиться в том, насколько Иосиф Виссарионович был верным учеником Ленина, следуя духу и букве заветов своего учителя и не позволяя себе в сущности никаких импровизаций и отсебятины. Он был слаб в теории социализма и сознавал это. Поэтому к началу 40-х годов, если кто-нибудь из указанных в списке категорий населения и был еще жив, то только за колючей проволокой.

Можно бесконечно говорить о кровавых делах Сталина, но надо отдать ему и должное. В отличие от Ленина, который умел только разрушать, а жизнь показала, что созидательной работы вождь мирового пролетариата не знал и не умел, тяготился ею и умер так ничего и не создав, товарищ Сталин всю свою энергию направил как раз на созидание. Он не разрушал государство, а создавал его. И, следовательно, был заинтересован в притоке ценностей в страну, а не наоборот. Прежде всего он создал коммунистическую партию большевиков или ВКП(б), поскольку та партия, которую создал Ленин, Сталина совершенно не устраивала. Крикливая лохмато-бородатая банда в кожанках, жадная и вечно пререкающаяся с руководством, связанная бесчисленными нитями с не менее темными зарубежными организациями, постоянно мечтающая перенести центр мировой революции из такого некультурного и грязного места, как Москва, куда-нибудь в Берлин или Париж, куда они под тем или иным предлогом катались по два-три раза в год — такая партия могла уничтожать и грабить, но построить что-либо серьезное — даже концлагерь — не могла. А потому должна была уйти со сцены и уйти быстро, оставив только кусочек своего названия новой партии, которую товарищ Сталин мыслил создать наподобие ордена меченосцев, но с гораздо более строгой дисциплиной.

Быстрый уход одной партии и замена ее другой мог осуществиться и осуществился единственно возможным способом: ленинская «гвардия» молниеносно улетела в небытие через трубу крематория, напоследок сказав о себе всю

правду на открытых московских процессах, продемонстрировав на весь мир свою высокую принципиальность и бойцовские качества. Места ушедших заняли новые, специально и тщательно подобранные Сталиным люди. Работу по сколачиванию своей орденской элиты Сталин начал еще при жизни Ленина, возглавляя секретариат ЦК. Если в 1924 году в сталинской картотеке числилось около 3500 должностей, замещение которых должно было осуществляться через ЦК и около 1500 должностей, замещаемых ведомствами с уведомлением Учраспреда ЦК, то 1925 году таких должностей было уже около 25 тысяч, представляющих платный, освобожденный партийный аппарат: по одному освобожденному парторгу на каждые сорок коммунистов. В том же 1924 году Учраспред слился с Оргинструкторским отделом ЦК, образовав Орграспредотдел, ставший фактически главным отделом в аппарате ЦК. Этот новый отдел, во главе которого Сталин поставил Кагановича, стал формировать не только партийную, но и государственную номенклатуру, произведя с конца 1925 года по 1927 год 8761 назначение. В 1930 году Орграспред был снова разделен на два отдела: Оргинструкторский, занимавшийся назначениями и перемещениями в партийном аппарате, и Отдел назначений с рядом секторов (тяжелой промышленности, легкой промышленности, транспорта, сельского хозяйства, советских учреждений, загранкадров и пр.), ведавший вопросами формирования номенклатуры в аппарате создаваемой империи.

Если настольной книгой Ленина была монография Густава Лебона «Психология толпы», которую вождь мирового пролетариата всю исчеркал своими пометками и восклицательными знаками, то Сталин толпой уже не интересовался, разделив свои интересы между классическим исследованием Никколо Макьявелли «Государь» и фундаментальной работой адмирала Мэхэна «Господство на море». Увлечение именно этими книгами уже погубило кайзера Вильгельма и императора Николая, но развило в них умение мыслить военными категориями, чего, видимо, добивался и Сталин, впервые применив термин «командный состав партии». «В составе нашей партии,— указывал вождь всех народов,— если иметь в виду ее руководящие слои, имеется около 3—4 тысяч высших руководителей. Это, я бы сказал,— генералитет нашей партии. Далее идут 30—40 тысяч средних руководителей. Это — наше партийное офицерство. Дальше идут около 100—150 тысяч низшего партийного командного состава. Это, так сказать, наше партийное унтер-офицерство». Военно-иерархическое мышление будущего Генералис-

симуса пронизывало сверху донизу весь процесс создания новой номенклатуры, скованной железной дисциплиной и готовой на все по одному движению бровей или усов своего вождя. От ленинской «гвардии» у новой элиты, если что и осталось, то только полное презрение к народу и его интересам, но зато появились и качества, которые, как ни крути, а следует признать положительными. Если ленинскую «гвардию» более всего интересовали вопросы личного обогащения, и она занималась ограблением страны, демонстрируя исключительный беспредел и не неся по существу никакой ответственности ни перед законом (которого просто не существовало), ни перед вождем (который подобное поведение просто поощрял), то сталинская номенклатура была сразу же поставлена совершенно в другие рамки. Вознесенная продуманной системой привилегий на уровень жизни, немыслимый для народа, превращенного ленинскими грабежами поголовно в нищий пролетариат, имея над этим народом фактически неограниченную власть, сталинская элита прекрасно осознавала собственное ничтожество, ибо в любой момент все: от секретаря захолустного райкома до члена Политбюро, Генерального комиссара госбезопасности или маршала мог быть застрелен прямо в кабинете, забит сапогами в подвале НКВД или превращен в «петуха» на каком-нибудь из бесчисленных островов ГУЛАГа. Понимание подобных вещей по простой схеме «сегодня жив, завтра — нет» очень ограничивало аппетиты номенклатуры, сводя к минимуму коррупцию и алчность, направляя энергию на нужды государства и партии. Под понятием «государство и партия» имелась в виду опять же номенклатура, которая именно так себя и ощущала, чего в конечном итоге и добивался Иосиф Виссарионович. Закалка номенклатуры началась еще в эпоху страшного голода, порожденного коллективизацией. Около райкомов партии, где находились спецстоловые, собирались умирающие от голода крестьяне и опухшие, кричащие от нестерпимого голода дети. Входы в райкомы, естественно, круглосуточно охранялись милицией и солдатами ГПУ, но через открытые окна столовой неслись запахи, сводящие с ума умирающих от голода людей. В этих столовых по исключительно низким, почти символическим ценам продавались: белый хлеб, мясо, птица, экзотические фрукты и различные деликатесы, сами наименования которых народ забыл с 1917 года. Даже обслуживающему персоналу этих столовых полагался так называемый «Микояновский паек», содержащий двадцать наименований различных продуктов. А вокруг этих спецоазисов

роскошн свнрепствовалн голод н смерть. Поначалу многне работннкн партаппарата не выдержнвалн н нз фондов райкомовских столовых начнналн кормнть, собнравшнхся у окон спецстоловых погнбающнх людей, главным образом, конечно, детей. Столь мягкотелых немедленно сннмалн с должностей н онн нсчезалн неизвестно куда, но нз номенклатуры — навсегда. С высот ЦК до уровня райкомов была спущена совершенно секретная ннструкцня, где говорнлось: «Самое страшное, если вы, вдруг, почувствуете жалость н потеряете твердость. **Вы должны научиться есть, даже когда кругом все будут умнрать от голода.** Иначе некому будет вернуть урожай стране. Не поддавайтесь чувствам н **думайте только о себе»**. Однако н подобную ннструкцию следовало поннмать правнльно. Но не все былн способны это понять. В районных н областных центрах в разгар голода местные партийные секретарн и прочне номенклатурные деятелн сталн закатывать непрнкрытые оргнн с фонтанамн шампанского н прочнмн старымн купеческнмн шуткамн вроде: кто за однн прнсест съест годовалого барашка, нашпнгованного перепеламн. Такнх, правда без особого шума, арестовывалн н расстрелнвалн для назндання прочнм. Кого за это не расстрелялн сразу, тому этн оргнн прнпомнилн в 1937 н последующнх годах. Воспнтываемая в подобном духе номенклатура, хотя н осознавала свон потенцнально беспредельные возможностн, но, сжав зубы, старалась держаться в установленных Сталнным рамках. Исключеннй почтн не было. Жена Калнннна по ннерцнн леннннского беспредела взяла нз Гохрана соболью шубу, прннадлежавшую расстрелянной нмператрице, и в нтоге получнла возможность хорошо подумать о своем поступке в теченне долгнх лет, проведенных в заключеннн. Жена Молотова счнтала, что она вполне нмеет право взять нз Гохрана свадебную корону Екатерины II н подарнть ее жене амернканского посла, но тоже оказалась в тюрьме. Могущественные мужья, находящнеся на самой вершине партнйно-государственной элнты, ннчем не моглн помочь свонм женам, вся беда которых была не столько в нх алчностн, сколько в неправнльном поннманнн обстановкн. Все, что онн счнталн свонмн законнымн трофеямн, Сталнн счнтал прннадлежащнм государству, н каждому члену номенклатуры постепенно становнлось ясно на что он нмеет право в соответствнн со свонм статусом, за пределамн которого был уже смертельный рнск. Даже всеснльный Лаврентнй Берня, охотнвшнйся за девочками прямо на московскнх улнцах, не подозревал, что на него уже открыто уголовное дело, все его жертвы фнксируются, н в нтоге,

если, что и удалось предъявить арестованному шефу тайной полиции, то уже готовое дело по многочисленным эпизодам изнасилования. За что и расстреляли. И хотя это произошло уже после смерти Сталина, дело явно было готово еще при жизни генералиссимуса. Ленин как-то в порыве вдохновения сказал: «Все наши планы говно! Главное — подбор кадров!» Видимо, вождь мирового пролетариата, обдумывая в последние годы жизни возможность построения социалистического государства, также хорошо понял, что с теми кадрами, которые его кружали построить ничего не удастся. А грабить уже было некого. Разве, что нэпманов, но те еще недостаточно обросли жирком, чтобы представлять интерес для ненасытной ленинской «гвардии». Только Сталин сумел правильно понять все гениальные задумки Ильича, блестяще в течение всего своего тридцатилетнего правления используя ленинское наследие в качестве плахи для своего топора. Но если вдуматься, что оставил ему Ленин, кроме методики построения первого в мире социалистического государства и туманных пророчеств о неизбежности войн в эпоху империализма — постоянного детонатора всемирной пролетарской? Пустую казну, дезорганизованную и совершенно небоеспособную армию, расколотую, разложенную и на глазах деградирующую партию, разоренную, разграбленную и распятую страну с темным, забитым, децимированным и, что возможно самое главное, неграмотным населением, у которого уже тогда само слово социализм ассоциировалось с пулей в затылок. Разрушенная до основания промышленность, приведенная в полный хаос финансовая система, парализованный транспорт, почти полностью уничтоженная квалифицированная рабочая сила и частично уничтоженная, частично рассеянная по всему миру интеллигенция. Мертвые фабричные трубы, проржавевшие, оледенелые паровозы, брошенные, полузатонувшие корабли, легионы бродяг в лохмотьях, уголовный террор в городах, спокойно сосуществующий с террором государственным. НЭП немного оживил торговлю и сферу обслуживания. Но кому нужна сфера обслуживания в такой обстановке? И только ЧК-ГПУ как основная опора режима еще сохранила более-менее хорошую форму, с удовольствием выполняя завет Ильича о перманентном государственном терроре, понимая, что и новый вождь не оставит их без работы. Новый вождь хорошо обеспечил их работой, но и срок жизни положил каждому не более 10 лет. Ибо задуманное Сталиным государство превратилось в неизвестно куда идущий корабль, котлы которого способны были вырабатывать энергию только от постоянно бросаемых

в топку человеческих жизней — тысяч, миллионов, десятков миллионов. И кочегары — чекисты, работая у топок круглосуточно с упоением и энтузиазмом, окончив вахту, также превращались в топливо для котлов огромного корабля, несущего на своих бортах неповторимо великолепный лозунг: «Учение Ленина бессмертно, ибо оно верно!» Сколько их, сверкая золотом погон, синевой петлиц, хромом начищенных сапог, скрипя новыми портупеями, спускались в страшную кочегарку, не понимая, что им уже никогда не выйти на верхнюю палубу, что они сами не более, чем топливо для котлов. Все топливо. В этом и заключалась неземная мудрость как вождя мирового пролетариата, так и его скромного ученика — вождя всех народов. Но топки пылали, котлы давали пар, и корабль шел, хотя и не известно куда, но набирая скорость.

5 декабря 1931 года в самом центре Москвы был торжественно взорван величественный Храм Христа Спасителя — символ старой России, ее наиболее почитаемая святыня, строившийся более 40 лет в царствование четырех императоров. Гром этого взрыва должен был показать всему миру, что тысячелетняя Российская Империя уничтожена навсегда, и что уже поднялся на ноги и стал действовать ее оживленный труп, получивший название Союз Советских Социалистических Республик. Именно эту дату можно считать началом самостоятельной деятельности Сталина, когда он, стряхнув с себя «ленинскую гвардию», НЭП и все прочее, доставшееся в наследство от великой смуты 1917 года, повел реанимированный труп по начертанному им пути. Прошло 10 лет — микросекунда в масштабе истории — и ошеломленный мир с ужасом, смешанным с восхищением, вынужден был признать, что стал свидетелем чуда. И хотя это чудо было очень милитаризировано, но от этого оно отнюдь не становилось менее впечатляющим.

В это время 303 дивизии уже находились под ружьем. 23 тысячи танков, включая невиданные еще в мире бронированные чудовища с дизельными, а не бензиновыми моторами, сводились в стальные, всесокрушающие армады. 17 тысяч самолетов, включая модели по меньшей мере не уступающие лучшим западным образцам, плотными строями бесчисленных эскадрилий бороздили небо, элегантно перестраиваясь на лету в огромный лозунг: «Слава великому Сталину!» 40 тысяч артиллерийских стволов и секретные реактивные минометы готовы были смести все, что лежит на дороге к победе коммунизма в мировом масштабе. 220 подводных лодок — больше, чем у всех стран в мире вместе

взятых, эскадры новейших эсминцев и крейсеров, строящнеся в лнхорадочной спешке суперлинкоры иаглядно давали понять стареющим морским державам, что солнце нх славы давно прошло свой зенит. Заводы, выплавляющие сталн и чугуна на душу иаселения больше всех в мире, бесчнслеиные конструкторские бюро, лаборатории, научио-нсследовательские иинституты, разрабатывающие новые виды оружия, вплотиую подошедшне к ядерному огию и реактивному двнженню. Откуда все это началось? Откуда появились сотни тысяч, миллионы инженеров, исследователей, конструкторов, летчиков, штурманов, мехаииков, водителей таиков, командиров кораблей, флотских штурманов, электриков, минеров, артиллеристов, нняженеров-механиков надводиого и подводного флота, спецналистов по металлургнн сверхпрочных сплавов, сверхпроводимостн, плазме, радиотехнике н радиолокации? Оии же не выросли на деревьях. И на 1913 год ни одного нз подобной категорин военных н гражданских специалнстов не было н в помине. Почти иикого, не считая единиц, не было и в 1930 году. И вот, всего за 10 лет, они появились и в таком количестве, что составили инфраструктуру мощной воеино-иидустриальной империи. А всего 10 лет назад миогне из ннх даже не зналн грамоты. Речь идет не о том, какой ценой н для чего все это создавалось, а о том, как это возможио было создать за столь короткий срок! Подобно былииному богатырю, бросающему горсть землн с крнком: «Встань, рать несметная!» и наблюдающему, как нз-под землн вырастают миллиоиы уже обученных, экипированных и вооруженных воинов, Сталин мог с явным удовлетворением поверить в свою способность творнть чудеса. Энергия от мнллионов сожженных в топке социализма человеческих существ траисформировалась в кипучую работу. Сталнн н созданная им партия иовых «меченосцев» продемонстрнровали свою организациониую мощь и невероятную работоспособность. В теченне этого времени было взорвано н уннчтожено более 60 тысяч храмов, но построено прнмерно такое же колнчество стадионов н домов культуры. Постоянно набнрающнй снлу террор оттачнвал дисциплнну работы н быта. Почтн все партнйное «офнцерство», включая и «генералитет», методично уннчтожалось или бросалось в жернова ГУЛАГа, заменяясь иовым, еще более беспощадным н предаиным вождю. Номеиклатура цементировалась, возводя непроиицаемую стену между собой и уничтожаемым народом. Секретность жнзии номенклатуры уже была возведена в ранг ианболее охраияемой государственной тайны. Простое любопытство по по-

воду того, как живут, едят и работают «вожди», как правило, заканчивалось для простого человека расстрелом, поскольку единственным побудительным мотивом для подобного любопытства считалось желание организовать теракт на жизнь какого-либо руководителя. Диктатура пролетариата, о которой очень невнятно говорил Маркс, превратилась в диктатуру номенклатуры над народом, поголовно превращенным в пролетариат в самом прямом смысле этого слова — лишенный собственности и юридических прав, делающий работу по усмотрению хозяина и получающий за работу ровно столько, чтобы не умереть с голоду или умереть с голоду, если так решит хозяин. В принципе, в подобном воспитании рабов ничего хитрого не было. Как мы уже упоминали, методику разработали еще в глубокой античной древности. Хитрость была совершенно в другом — заставить рабов хором да еще с упоением петь песню: «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек!» И в этом отношении была проведена такая гигантская работа, по сравнению с которой строительство пирамид выглядит игрой в детской песочнице. Но на какие же средства и во имя чего была проделана подобная, космическая по масштабам, работа?

Получив от Ленина в наследство пустую казну [1], Сталин приложил немало сил, чтобы ее наполнить. Еще в 1919 году Ленин создал «алмазный» и «золотой» фонд Политбюро, распределенный поровну между его членами. Назначение «фонда» было таково: в случае военной катастрофы члены Политбюро, захватив свою долю, пробиваются за границу и используют «фонд» для обустройства на первое время. Обстановка могла быть непредсказуемой: невозможность связаться с банками и друг с другом, враждебная агрессивность местных властей и тому подобное. Ведь речь шла не о Западной Европе или США, где, возможно, не удалось бы скрыться, а о разных экзотических странах вроде Аргентины, куда собирался Бухарин. Однако сразу же стало ясно, что золота с собою много не увезешь — тяжелое, а вот алмазов и бриллиантов можно было захватить много больше и на гораздо большую сумму. Поэтому золото постепенно перекочевывало в западные банки, а бриллианты оставались в «фонде». Еще при жизни Ленина Сталин, став секретарем ЦК, изъял из фонда все алмазы и передал их на хранение

[1] Все советские историки с этим согласны. Сталин принял страну в тяжелейшее время — казна была пуста. Эти историки только почему-то помалкивают: а куда же подевались захваченные Лениным несметные сокровища старой России?

вдове Свердлова Клавдин Новгородцевой, которая и набила ими четыре огромных ящика массивиого старииного комода и сундук средних размеров. Вдова жила тихо, незаметно н нигде не работала. Другие люди, знавшне о перемещенни, ие прожили и суток. Члены Политбюро попробовали устронть скандал, обвиняя Сталина чуть ли ие в трнвиальном воровстве. Будущий вождь всех народов, пряча усмешку в своих знаменитых усах, объяснял, что алмазы перемещены в целях гарантирования нх сохранности — уж больно здорово воруют в Гохраие, не уследишь. Это, во-первых. А во-вторых, никаких объективных предпосылок на то, что в обозримом времени придется бежать за границу и развертывать там подпольную или иную деятельность, не существует. Если кто-нибудь из товарищей желает выехать за границу «на постоянное место жительства», то пусть, как и положено, объявит об этом на Политбюро, вопрос будет обсужден и в случае принятия положительного решения уезжающий получит свою долю. Хотя лично он, Сталин, против. Поскольку свою долю они уже получили и спрятали, где хотели, а фонд «Политбюро» не является личным, а существует для конкретной организационной работы в условиях подполья. На вопрос: «Кто так приказал?», Сталин, пыхнув трубкой в лицо вопрошавшего Зиновьева, ответил: «Я приказал!» Желтые огоньки в сталинских глазах вызвали у Зиновьева сильное сердцебиение, от которого шефу Коминтерна не удалось избавиться до самого расстрела.

Спровадив для начала в могилу Ленина, Дзержинского и Фрунзе и заместив вакантные посты собой, Ягодой и Ворошиловым, Сталин в ходе осуществления своих грандиозных замыслов постоянно думал о золоте. И как все остальные, мысли Иосифа Виссарионовича немедленно воплощались в конкретные дела. По линии ЦК номинальный шеф ГПУ Менжинский был вызван в Центральную Контрольную Комиссию, где ему был задан ряд вопросов, касающихся его многогранной деятельности на чекистском и дипломатическом поприще с 1917-го по 1920 год. Вопросы начались с пустяков, связанных со спартаковским движением в Германии, но как-то незаметно перешли на огромные суммы, которые прошли в западные банки через руки заместителя «железного Феликса». У Менжинского случился сердечный приступ. Это было очень кстати, так как позволило упрятать его без лишнего шума — по состоянию здоровья — под домашний арест, где следствие перешло непосредственно к Ягоде и подчиненным ему лечащим врачам. Была устроена для освежения памяти и очная ставка с Иоффе, которому

порекомеидовали иавестить «старого, больного друга». Навестнв друга, Иоффе вернулся домой н застрелился. Это было явное упущенне в работе ГПУ, о чем Иоснф Внссарноновнч с укорнзной заметнл Ягоде. Тот пообещал, что подобиые проколы больше ие повторятся н даже сам не застрелнлся, когда прншел его черед. Только Гаиецкнй выразил конкретиое желанне смыться за рубеж. Ему уже было разрешнлн, но неожидаино его жеиа оказалась арестованной, а затем н сын. Гаиецкий, между тем, чуть ли ие каждую неделю навещал своего «старого, партнйного товарнща», содержащегося иа подмосковной даче, все подступы к которой стереглн его собственные подчнненные, поскольку Меижииский оставался главой ГПУ, а Ягода числился однНм нз его заместнтелей. За четыре месяца подобиых посещеннй Ганецкого было ие узнать: ои стал совершеино седым, здоровье его иадломнлось н когда его расстрелялн вместе со всей семьей, то все деньгн с лнчных счетов, как его самого, так и всех его друзей, включая Леннна, были уже сняты и возвращеиы в Москву. Вместе с тем ГПУ пыталось найтн Парвуса. В 1924 году пришло известне о его смерти в Швейцарии, ио в это инкто не желал верить, поскольку существовало слишком миого свндетельств, говорящнх о том, что Парвус просто еще раз смеиил имя и исчез. Чтобы облегчнть понскн отца, был арестован сын Парвуса, работавшнй в НКИДе под фамилней Гнеднн. Папу так и ие иашли, что спасло сына. Его ие хотелн расстрелнвать до очиой ставки с отцом, а потому ему удалось просидеть в тюрьме до самой смертн Сталина. В то же время Ягода запустнл иебывалую по своей многослойностн глобальную операцню, шнроко известную под кодовым нанмеиоваинем «Трест». Что в действнтельностн представлял из себя «Трест», ие разобраться до сих пор. Покойиый Василий Шульгии, ие любнвшнй говорить иа эту тему, как-то все-таки заметнл, что «Трест» — это измеиа, подиявшаяся в такие верхн, о которых вы даже ие можете и помыслить». В операцню были задействоваиы все иаличиые оперативиые силы ОГПУ, как внутрн страиы, так н за рубежом. Шла иепонятная тайная и жестокая война между разиымн отделами сталниской тайиой полиции с внедреиием в структуры смежиых отделов (которые территориальио иаходились на одном этаже, через коридор или, в крайнем случае, иа соседием этаже одного здания) своих сотруднников, с выдачей засветившихся «смежииков» белой коитрразведке или европейским органам правопорядка, с безжалостиым унячтожением коикурентов в миогочнслениых разборках от

Москвы до Парижа, с иастоящими н фальшивыми окиами на граиице, с немыслнмой чехардой двойиых, тройных и четверных агентов. Видимо руководство ОГПУ само запуталось в этой игре, поскольку не однн из участииков этой операции ие пережил 1937-го года, если ие считать двух английских и одиого иемецкого разведчика, которым под крышей «Треста» удалось виедриться в НКВД и оставить интересные воспомииання. Целей у «Треста», судя по всему, было иесколько. Не все оии очевидны, а некоторые пока даже трудио сформулировать. Но одиа из целей совершеино ясиа: выйтн на белогвардейское золото и иа нсточники фииансирования с подключеннем групп «Треста» к этим источникам. Параллельио шел поиск золота левых эсеров, которые в течеиие прнмерно 15 лет грабили баики Россни н Европы. Похнщения Бориса Савинкова и генерала Кутепова, происшедшие почти в одно время, говорят сами за себя. В это же время агентура ОГПУ через француза-посредника приобрела в Париже частиый банк, который быстро разросся и стал знаменитым «Евробанком» — самым крупиым иностраниым баиком в столнце Франции. Самое пикаитное в этой истории то, что этот баик первоиачальио был основаи русскими эмиграитами и иа его счетах фактически лежало все золото белого движеиия, постепенно перекачиваемое в Москву. Меиее ромаитичиые, ио ие меиее серьезиые мероприятия проводнлнсь н внутри страиы. Еще по ннерцнн леиинских времеи перемещались иа запад ценности из богатейших музеев Россин, ио вскоре этому был положеи коиец. Очевидная реверсивиость сталииской политики в свете выдвниутого лозуига о возможиости построения социализма в одиой страие, если и не меияла, то значительно совершеиствовала старые леннинские методы грабежа населеиия. Давио ушли в прошлое повальные обыски, когда вооружеиные отряды врывались в квартнры в поисках золота и драгоценностей. Весь этот шум со стрельбой и криками уже не мог дать нужиых результатов, поскольку подавляющее большииство людей уже было обчищеио до ниткн, а если у кого что еще и оставалось, то было запрятаио так, что иикаким обыском зарытых в землю и замуроваиных в стеиы цеииостей обнаружить было невозможио. Все было проделаио просто и элегаитно. Инспирировав в страие страшиый голод, уиесший в могилу миллиоиы людей, властн открыли во миогих городах так иазываемые «Торгснны» [1], где можио было купить кое-какие продукты (не Бог весть

[1] Торговый синдикат.

что: макароны, жиры, крупу и пр.), но только за золото и иностранную валюту. Люди сами отрывали свои клады и несли в торгсины, где уже ждали сотрудники ГПУ с вопросами откуда у них золото или валюта, когда и то и другое давно было приказано сдать. Визит в «торгсин», как правило, означал обыск в тот же день и арест с последующим освобождением в случае добровольной сдачи золота и валюты. В разгар этих событий окончательно прихлопнули и НЭП. Во всех крупных городах страны «нэпманов» вызвали в ГПУ и сделали им сообщение, видимо директивно согласованное, а потому и попавшее в историю: «Господа, вы копили золото на черный день. Черный день настал! Сдавайте его государству». Некоторые, поняв серьезность момента, по принципу «жизнь дороже», сдали все сразу. Колеблющихся в разных местах убеждали по разному. Некоторым даже читали лекции по политэкономии социализма, уверяя, что каждый гражданин станет богаче, сильнее и свободнее, если единственным владельцем золота в стране станет могучее социалистическое государство. Хотя эти лекции, само собой разумеется, читались в тюрьмах, где содержались колеблющиеся, убедить удалось немногих. Большинство продолжало откровенно не верить в экономическую рентабельность социализма. Не убедив словом, стали убеждать делом. Там, где это было возможно, держали несчастных «нэпманов» в камерах, где воздух был нагрет до 60 градусов, не давая им воды, в других местах использовались камеры с нулевой температурой и водой по щиколотку, а там, где подобные сложные методы не умели или не хотели применять, просто били смертным боем. Лишь немногие предпочли умереть, не отдав ничего. Большинство сдалось и отдало все, что удалось накопить за краткий период Новой экономической политики. Но было уже слишком поздно, поскольку подобное упорство вызвало у работников ГПУ вполне справедливое подозрение в искренности их подопечных: а все ли сдано? Даже если было и все сдано, доказать это было совсем непросто, если не сказать — невозможно. Изощрялись методы пыток и ручейки золота продолжали литься в социалистическую казну. В завещании-инструкции, оставленной Лениным родным органам ГПУ, помнится, в разделе «Тайные враги советского режима» в разделах 4 и 5 значились: все бывшие купцы, владельцы магазинов и лавок; все бывшие владельцы промышленных предприятий и мастерских; все бывшие землевладельцы, крупные арендаторы, богатые крестьяне. С этими категориями подданных социалистического государства разбирались примерно та-

кимн же методамн, что и с «нэпмаиами», только лекцнн по политэкономнн социализма им не чнтали. На уверения, что «у меня, мол, все отобралн еще в 1918 году», посменвалнсь: «Так уж все отобрали? А если подумать? Вспоминте-ка, чего где спряталн, закопали, замуровали? Не помиите? Вспомиите! Время есть». Вспомииали и гиблн. Держались до конца — тоже гнбли. Ибо иа гибель оии были обречеиы, а еслн что при этом еще и государству сдавали, то это было просто прекрасно. Хуже было другое. Не было иикакого контроля над огромной армией следователей н дознавателей из ГПУ, и сколько при этих операциях прнлнпало к нх рукам оставалось иеизвестиым. Это иервировало руководство, ио поскольку весь личиый состав ГПУ и раниего НКВД было решено, от греха подальше, перемолоть в их же собствеиных жерновах, то тех, кто вел подобиые дела с «нэпманами» и разиыми бывшими, проводнлн через особое следствие. «Вы вот велн дело Сабашннкова. Сколько ои в результате сдал золота н валюты? А может сдал больше? Вспомниай, гад!» И дуло иагаиа между глаз (иногда уже выбитых). Вспомииали все точио. Методика была эффектнвной и ие зря постояино оттачнвалась с 1917 года. А сколько ромаитики в этом было! Вспомннть хотя бы дело с царскими драгоцеиностямн. То что прнвез Юровский из Екатериибурга в Москву была капля в море. Оказалось, что император, еще будучи в Тобольске, через предаииого ему начальнника конвоя полковиика Кобылянского переправил иа волю иесколько десятков запаяиных в шестилитровые металлическне банкн из-под фраицузского олнвкового масла несметиые сокровища, собранные семьей Романовых за 300 лет правлення Русью н Империей Россннской. Полковиика Кобылянского выкрали с территории Китая (поздиее стали врать, что его нашли в каком-то сибнрском леспромхозе, где бывшнй полковннк работал то лн бухгалтером, то ли сторожем). И закрутнлось дело. С лихнмн погонямн по сибирским перепуткам, с перестрелкамн на заброшенных таежных хуторах, с арестами от Москвы до самых до окраии. С ордеиамн Боевого красного знамеии и пулямн в затылок. Самого полковиика запытали до смертн, но нашлн всего пять банок нз-под французского оливкового масла, а было их 37. Остальиые ищут до снх пор.

[1] Эта ромаитическая охота иа золото, меияя формы, продолжалась годами и дожнла до иаших дией. Даже сегодия прн любом обыске, скажем, в поисках самогоиного аппарата, ие говоря уже о какнх-лнбо более серьезиых прнчннах (а причину можно найтн всегда), властн прежде всего предлагают дрожащему от страха «совку» «добровольио сдать золото, бриллиаиты и оружие, поясияя, что добровольиая сдача смягчит вину,

А золото эмира бухарского? А хаиа хивииского? Золото Бакииского баика? Золото мусаватистов? Алмазы хаиа Нахичеваиского? Да и всего ие перечесть. До миогого Леиии ие успел дотяиуться, до чего дотяиулся Сталии. Годы следствия, таииствеииые убийства свидетелей и следователей, целые вырезаииые села, аулы и кишлаки, примеиеиие боевых газов с самолетов иад ущельями в попытке остаиовить таииствеииые караваны, идущие иеизвестио куда, и таииствеииое исчезиовеиие сотеи верблюдов и людей из этих ущелий, где оии по всем закоиам природы должиы были лежать мертвыми. Золото вывезеииое из Испаиии, захвачеииое в Прибалтике и Бессарабии, смелые плаиы захвата всего европейского золота в плаиируемом походе в Европу. Тысячи секретиых папок, десятки тысяч сводок, отчетов, разработок проектов. Боевые ордеиа и безымяииые могилы, спецпайки и лагериая балаида, тигрииые глаза Сталииа и подземиые тюрьмы Тегераиа. Сотии сюжетов для самых захватывающих ромаиов и киисфильмов...

Одиако глобальиые плаиы товарища Сталииа, разумеется, иикак ие могли быть обеспечены материальио с помощью подобиых детективио-красивых, ио, к сожалеиию, кустариых и иепрогиозируемых методов. Действительио, гоияясь за золотом эмира бухарского по гориым кишлакам, иикто ие мог предсказать каков будет результат. Найдут ли в какой-иибудь сакле три-четыре золотых персидских дииара или весь отряд погибиет, загиаииый в ловушку лабириитами гориых троп и уиичтожеииый там свирепыми духами чериых ущелий? Плаиы товарища Сталииа ие могли зависеть от подобиых событий как и от того — пожелает ли полковиик Кобыляиский помочь следствию, либо захочет умереть молча. И оии от всего этого, естествеиио, ие зависели.

В старые времеиа Россия иамывала иа сибирских приисках примерио 30 тоии золота в год. Старые прииски, благодаря миоголетией эксплуатации, были почти полиостью вымыты, а годы лихолетья привели эти прииски в состояиие полиого запустеиия. Да и старый старатель с виитовкой в одиой руке и с киркой — в другой, меияющей золотой песок иа патроиы и шкурки соболей, свободиый и сильиый — совер-

ио ие освободит от уголовиой ответствеииости. Начииая с первых декретов СНК, подтверждеииых миогими последующими, граждаиииу соцдержавы под страхом смерти запрещалось владеть золотом и прочими драгметаллами в слитках (причем к слиткам приравиивались золотые моиеты любой чекаики, ордеиа из драгметаллов любой страиы и любого времеии и изделия, представляющие «культурио-историческую цеииость» (по усмотреиию властей)), а равио бриллиаитами россыпью и в изделиях с камиями весом более пяти карат.

шение не вписывался в структуру нового государства. Новые времена рождали и новые методы. Еще в начале века геологоразведка обнаружила большие пласты золота в долине реки Колыма, впадающей в Ледовитый океан на крайнем северо-востоке Якутии. Пустынный край вечной мерзлоты, где реки 285 дней в году были скованы льдом, а первобытное местное население — немногочисленное и кочевое — занималось главным образом рыболовством, поскольку даже олени не могли выжить в тамошних условиях, не привлек внимания ни русского правительства, ни частных лиц. Эксплуатация недр в таких условиях считалась нерентабельной и просто невозможной. Но большевики именно для того и появились на исторической сцене, чтобы сделать «сказку былью». Летом 1932 года 12000 заключенных, бывших зажиточных крестьян с Украины, Дона и центральных областей России, были высажены в Магадане под конвоем 2500 солдат ГПУ при двухстах овчарках. Целью «экспедиции» было немедленное начало эксплуатации золотых россыпей, обнаруженных на Колыме. Неизвестно, кто задумал и планировал эту операцию, но заключенные были доставлены в одних рубахах, конвой — в гимнастерках и только овчарки имели шубы, но это и их не спасло. Грянувшие в сентябре морозы погубили всех. Вымерли все до единого человека, включая охрану и сторожевых собак. Летом 1933 года в Магадан было доставлено 32 тысячи заключенных, экипированных немного лучше. Зимой удалось выжить одному из пятидесяти. Летом 1934 года прибыло еще 48 тысяч человек. Зимой 1934—35 гг. снова вымерли все заключенные, но уцелела охрана. Летом 1935 года доставлено было 38 тысяч человек. В этом и заключалась основа экономики социализма. Бессчетный расход людей, которые, как считалось, оправдывали свою гибель двухмесячным рабским каторжным трудом, был главным двигателем сталинской экономики и всего, как мы уже говорили, государственного прогресса. Золотые прииски работали и давали продукцию. Из Москвы был спущен жесткий план по добыче, невыполнение которого беспощадно каралось. Все руководство системы колымских лагерей держало головы на кону. Уже в 1934 году добыча золота достигла уровня 1913 года. В 1936 году этот уровень был превышен вдвое. К началу войны добыча золота достигала 250 тонн. За это время только на колымских рудниках погибло более 600 тысяч человек. Особенно страшными были четыре предвоенных года, когда на прииски стало массами поступать население крупных городов. Их жизнь на приисках редко продолжалась более пяти недель. Вместе с тем несметные богатства были

обиаружены иа севере Красноярского края, где в 1935 году началось строительство Норильского обогатительиого комбината. Норильская руда, которую до сих пор продают за валюту, пользовалась огромиым спросом в страие и в мире. Здесь все развнвалось по колымской методнке. Заключеиных, кто в чем был взят, летом доставляли иа баржах в порт Дудинка, где к началу сентября температура воздуха достигала —45 градусов по Цельсию. На комбииат людей гиалн либо колониой, либо на открытых платформах знаменитой железиой дороги Дудинка-Норильск. К месту работ прнбывала десятая часть. Остальиые гибли в пути. Прибывшим выдавали ломы и кирки и заставлялн иа морозе н убнвающем ветру копать себе землянкн. К утру следующего дия погибали все. Работу продолжали виовь прибывшне н так шло до бесконечиости, но уже в 1936 году первые суда с иорильской рудой появилнсь в европейских портах, давая Сталниу устойчивую прибыль в твердой валюте.

Так было везде. Люди гнблн мнллнонами, и в 1939 году у Сталниа были все основання сказать, что «социализм в СССР в общих чертах уже построен». Он мог быть доволен. Прндуманная и разработаиная нм снстема работала н по вертикали, и по горизоитали. Творились просто чудеса. За тюремной решеткой коиструкторы н ннженеры создавали проекты нового оружия, получая при этом в качестве привилегии иеиормированиый хлеб и полстакана сметаны. Заключеииый Туполев создавал иовые, невидаииые по дальности полета самолеты, способиые перелететь через Севериый полюс в Америку. Заключеииый Рамзин создавал новые прямоточные котлы для боевых кораблей, а заключеиный Королев уже разрабатывал ракетную технику, предвосхищая выход в космос. И они былн довольны, они ценили свои привилегин, ибо мнллноиы другнх заключеных труднлись в шахтах, на рудииках и на приисках за «пайку», которая могла поддержать силы в течение ие более двух недель, еще не понимая, что их смерть заплаиирована так же, как н нх двухнедельная работа, когда на смену нм придут другне заключеииые. Армня, невиданиая по снле и чнсленности, готовилась к походу, ожидая как в песие, «когда нас в бой пошлет товарищ Сталин, и первый маршал в бой нас поведет!»

Сталии любовался своей армией и смертельно боялся ее. Оиа была создана им практнческн из инчего и могла превратить его самого в инчто. Огромиый воеиио-промышлеиный комплекс, ежедиевио иаращивая обороты, затоплял страиу новейшимн системами вооружения. Огромный маховик, набирая скорость, грознл сокрушнть все иа своем путн, вклю-

чая и своего создателя. Подобно чернокннжннкам из легенд, вложнвшнм огромиое колнчество золота н жнзиеиных сил для ожнвлеиия камениого гнгаита в иадежде захватнть с его помощью власть иад всем мнром, вождь ощущал закоииую гордость создателя и трепет живого существа из плоти и крови перед создаииым его руками монстром. Золото партии н океаи иародиой кровн создалн чудовищный сплав, отлнвшийся в огромный стальиой кулак, заиесеииый над всем человечеством. На каком-то этапе Сталии сам пришел в ужас от созданного нм чудовнща н пытался уинчтожить его своими рукамн. В 1937-м году Сталнн попытался морямн крови, залившей страиу, освободнться от стальных объятий воеиио-промышлеиного комплекса и набравшей силу номенклатуры. Чередой летели головы маршалов, комаидармов, комкоров, комдивов, иаркомов, членов ЦК, секретарей обкомов, крайкомов, райкомов, иаркомов, и, разумеется, у мнллноиов простых людей, в который раз угодивших в очередиую иомеиклатуриую мясорубку. Сталин сражался как былнниый богатырь, ио в отлнчие от последнего, пронграл. Созданиое нм уинчтожить ему уже было ие под силу. Сплав золота и крови оказался слишком прочиым. Золото партии и иародиая кровь создали иепобедимую номеиклатуру в партии, армии н индустрии, у которой на месте отрубленной головы вырастало трн новых. Но еслн вождь ие смог победить иомеиклатуру, то и иомеиклатура ие смогла победить вождя. 1937-й год хорошо показал противоборствующим сторонам, что все номенклатурные компоиеиты системы связаиы как сиамскне блнзнецы. Попытка уинчтожнть хоть один компоиеит может прнвестн к гнбели всей системы как таковой. Поиеся тяжелые потери в беспощадиой войие 1937—39 гг., иомеиклатура вышла нз этой войиы более снльиой, н Стални это отличио поиимал. Поскольку уинчтожнть друг друга ие удалось, иеобходимо было наладнть взаимоотношеиия между иомеиклатуриой иерархней и ее творцом — Сталиным. Эти отиошеиия уже потеряли былой лирическнй характер, а стали вполие реалистическими и далеко ие исчерпывалнсь вндимой предаииостью аппаратчиков своему вождю. Сталиская иомеиклатура была создаиа Сталнным, но н ои был создаиием иомеиклатуры, чего до поры до времеин четко ие осозиавал. Номенклатура создала соцнальиую опору его диктатуры, но не из трогательиой любвн и божествеииой преданности к днктатору-грузиму, а для обеспечеиия собственной коллективиой диктатуры в стране. Подобострастио выполняя приказы вождя, иоменклатура исходила из того, что эти

приказы отдаются в ее интересах. Конечно, Сталин мог любого из них **в отдельности** уничтожить, выгнать, сжечь живьем, если понадобится, но пойти против всего слоя номенклатуры он не мог, но так и не понял этого достаточно четко до конца жизни. Все в его капризной душе восточного деспота восставало против этого. Он не мог смириться с мыслью, что не все подвластно его воле и желанию, время от времени начиная новые войны против номенклатуры. Но это уже были не войны, а скорее вылазки, каждая из которых делала номенклатуру сильнее, а самого Сталина — все слабее и слабее. Волей-неволей ему приходилось все больше заботиться об интересах номенклатуры, об укреплении ее власти, авторитета, о расширении ее привилегий. Ибо был он не более, чем ставленником своих ставленников, готовых неуклонно выполнять его волю, лишь пока он выполняет их волю. А воля созданной Сталиным номенклатуры уже ясно просматривалась. Она желала обеспечить себе безраздельное и прочное господство в стране. Господство, не зависящее от произвола и капризов вождя, а напротив, господство, в котором вождь не имел бы прав на имущество, а уж тем более на жизнь любого из членов номенклатуры. Таким в легендах сохранился образ Ленина. Своим он прощал все, любой беспредел, позволяя творить в стране все, что заблагорассудится во имя личного обогащения и коллективного благоденствия. Это был настоящий вождь. И в недрах номенклатуры стало вызревать подспудное желание «вернуться к ленинским нормам партийной жизни».

Сталин знал об этом. На пике своего могущества был у него искус публично объявить Ильича немецким шпионом и стереть в пыль даже память о нем. Уже арестованный Фриц Платтен дал нужные показания, да в последний момент не хватило у Сталина духу. Все-таки «Сталин — это Ленин сегодня». С ленинским наследием боролся он всю жизнь, как мог. «Ленинскую гвардию» уничтожил всю под корень. Отрекся от ленинской пропагандистской теории о непременном всеобщем равенстве. Чтобы его, это равенство, никто и не ждал. Напротив, подчеркнул, что «каждый коммунист, если он настоящий коммунист, должен понимать, что равенство в сфере потребления и индивидуальной жизни является жалким, мелкобуржуазным вздором. Номенклатура аплодировала стоя. Он отказался от ленинского вздора о возможности построения социализма только в мировом масштабе, ибо создаваемая им номенклатура, уже однажды обманутая надеждами на мировую пролетарскую революцию и раздраженная троцкистскими умствованиями о «перма-

нентной революции», хотела усесться прочно, не желая ставить свое будущее в зависимость от новых событий, слабо поддающихся их контролю. И получили с восторгом то, что ждали: «возможность построения социализма в одной стране». С точки зрения марксизма эта сталинская формула была совершенно бессмысленной. Да мало ли что Маркс и Ленин мололи, кому надо искать в их изречениях какой-то смысл. Но все-таки было очевидно, что бесклассовое общество не может быть создано как остров в море капитализма. Однако, сталинская номенклатура воем восторга приветствовала новую формулу, освещающую их власть словом «социализм». Их не смущало то обстоятельство, что, по словам Сталина, победа социализма в одной стране могла быть «полной, но не окончательной». Цель тезиса о неокончательности победы социализма в СССР была не в том, чтобы возбуждать какие-то нездоровые и несбыточные надежды у истребляемого народа. А в том, чтобы использовать тезис неокончательности победы социализма в связи с «угрозой реставрации капитализма» как обоснование сталинской внутренней, военной и внешней политики. А утверждение, что победа социализма в СССР может быть полной, как раз и означало признание стабильности и окончательного характера режима. И вот эта самая номенклатура, для которой он, Сталин, сделал все, что было в его силах, стала мечтать о каких-то там «ленинских нормах». Сколько волка ни корми!.. Он спустил на них своего кровожадного пса Ежова, дав своему «железному наркому» и его подручным вдоволь попить номенклатурной крови. Но ничего не получилось. Ежова тихо отстранили от всех должностей и также без лишнего шума расстреляли. Но всем бросилось в глаза, что ликвидация Ежова была осуществлена с какой-то непонятной мягкостью, совсем не в духе времени. Можно сказать, с нежностью. Не было ни проклятий в газетах, ни всенародных митингов с требованиями «уничтожить гадину», ни процессов с признаниями, ни стандартных обвинений в стремлении к реставрации капитализма, ни даже обычного сообщения о расстреле. (Об этом стало известно лишь в 1988 году. А в те времена по линии НКВД было распущено о судьбе Ежова два слуха. Первый, что он сошел с ума и сидит на цепи в сумасшедшем доме; и второй, что он повесился, нацепив на грудь табличку «Я — говно». Оба слуха замечательны, если вдуматься). Более того, не было никаких, даже самых элементарных, репрессий в отношении родственников самого Ежова, что весьма странно, если сравнить с существующей практикой, когда, скажем,

у маршала Тухачевского былн арестованы н погнблн не только все родственннкн, но даже н любовннцы. Что же касается родственннков Ежова, то онн преспокойно продолжалн жнть в Москве, а родной брат «железного наркома» еще после войны заннмал номенклатурный пост заммнннстра просвещення РСФСР. Еслн сам Ежов был устранен столь делнкатно, то его подручные не только ннкак не пострадалн, но н круто пошлн в гору. Заместнтель Ежова Шкнрятов сразу после падения своего шефа был нзбран в члены ЦК н занял важнейшнй номенклатурный пост председателя Комиссни партнйного контроля прн ЦК. Был осыпан почестямн н знаменнтый Вышннскнй, став членом ЦК, заместнтелем председателя Совнаркома СССР н мнннстром ннострнанных дел СССР, а также академнком. И уж говорнть нечего о том, что уцелелн такне деятелн эпохн кровавого безумня, как Молотов, Жданов, Кагановнч н многне другне [1]. Это была безусловная победа но не полная, н не окончательная. Страна находилась в состояннн глубокого экономнческого н полнтнческого крнзнса. Перебон в снабженнн н кнлометровые очередн наблюдалнсь даже в Москве. Промышленность, работающая только на войну, как бы была нсключена нз государственной экономнкн, подобно змее, закуснвшей собственный хвост. Рабскнй труд на всех уровнях от проектнровання ракет до добычн золота оказался, к велнкому удивленню возомннвшнх себя экономнстамн партнйных ндеологов, совершенно не рентабельным, ежемесячно расшнряя бездонную пропасть платежного дефнцнта. Пропасть, в которую готова была рухнуть вся, стянутая колючей проволокой, сталннская нмперня. И помнмо всего прочего, даже стороннему наблюдателю было очевндно, что вождь н его номенклатура усталн друг от друга. Но еслн Сталнн был не в снлах уннчтожнть номенклатуру, в чем он совсем недавно мог убеднться, то номенклатура, залнзав раны,

[1] Хрущеву пришлось здорово потрудиться, чтобы уже после смерти Сталина исключить из партии Молотова и Кагановича, чья роль в массовом истреблеиии людей общеизвестна. Но беспвртийный Молотов, как, впрочем, и остальные, продолжал спокойио пользоваться всеми привилегиями, живя в огромной квартире иа ул. Грановского в Доме правительства, отдыхая в роскошим санатории ЦК «Лесные дали» и работая в Ленинской библиотеке в читальиом зале № 1, предназиачеином для академиков и иностраиных ученых, хотя ии тем, ии другим кровавый старец иикогда ие был. Как иедавно выясиилось, вплоть до наших дией Управлеиие Делами ЦК КПСС распространяло привилегии, включая пользоваиие машинами, дачами, спецпайками и прочим спецобслуживанием, иа родственников Сталина, Жданова, Берия и многих других, кого в политических целях пришлось публичио призиать палачами и убийцами. В номенклатуриом зазеркалье свои законы и свои традицин.

иаиесеииые ежовщииой, вполие могла предприиять иовую попытку замеиы вождя и иа этот раз успешиую. Тоикий слой граиитиой облицовки вокруг моиумеитальио-величест-веииого фасада возведеииого иа могиле Российской империи сталииского здаиия стал осыпаться, обиажая готовую вот-вот рассыпаться иеровиую кирпичиую кладку, скреплеииую вместо цемеитиого раствора засохшей человеческой кровью. Нужио было искать выход. Памятуя о лениской методике, который в периоды политических кризисов сплачивал вокруг себя сообщииков, подиимая и вдохиовляя их иа какой-иибудь иовый разбой, Сталии разработал беспроигрышиый, как ему казалось плаи поэтапиого всеевропейского, а затем всемириого кризиса с использоваиием в качестве «ледокола» своей политики эмоциоиальиого и ие в меру агрессивиого Адольфа Гитлера. У сталииского окружеиия захватило дух от открывающихся перспектив. Истощеиие и самоуиичтожеиие круп-иых европейских держав, завязавшихся в тугой узел старых обид и иепримиримых противоречий, открывал дорогу сталииской армии в обессилеииую и беззащитиую Европу, давая возможиость подтвердить пророчество Леиииа о иеизбежиости вофициальной в эпоху империализма и осуществить «всемириую пролетарскую», иаиболее быстрым и эффектиым методом воеииого вторжеиия. И без всякого марксистско-леииического маразма. Перспективы действительио открывались захватывающие. Кроме подтверждеиия мертвых и уже смердящих чуть ли ие иа весь мир идеологических догм, создавалась прекрасиая возможиость коисолидировать положеиие в страие, еще более оболваиить иарод и сплотить вокруг себя вечио иедовольиых сообщииков, списать иа войиу массовые убийства и иищету, обосиовать иеобходимость рабского труда и иебывалых полицейско-террорических закоиов. Победиый марш к Атлаитике мог стать иидульгеицией иа миогие годы за все прошлые, иыиешиие и будущие преступлеиия. Ломая все вехи прошлых виешиеполитических устаиовок, Сталии резко повериул государствеииый корабль иа сближеиие с Гитлером, иадеясь пристроиться в кильватер браво марширующему по Европе фашистскому фюреру, урвать свою долю, а в подходящий момеит, усыпив бдительиость сообщиика своей безграиичиой предаииостью, обрушиться иа его спииу, уиичтожить и воспользоваться плодами его блистательиых побед, получив в качестве трофея окровавлеииую и разрушеииую Европу. И сиова буйиый восторг иомеиклатуры, давио уже моральио подготовлеииой еще с леииских времеи к тому, что самим Провидеиием (или марксистско-леиииискими закоиами исторического

развития) ей предначертано править всем мнром, превратив его в огромный концлагерь, построенный на гигантской братской могиле. Убежденный в своей неземной мудростн и сверхазнатской хитрости, малограмотный «вождь всех народов», лихо вел страну в непроходнмый тупик и смертельный капкан, в котором до снх пор бьется, разваливаясь на куски наша несчастная страна...

Петляя в сложнейших лабирннтах международных интриг, искренне полагая, что играет свою нгру, Сталин и подумать не мог, что был марнонеткой тех самых мощных и динамичных сил, чей младенческнй крнк Ленин ошибочно принял за предсмертный хрип. Он представнть себе не мог, что предстоящая его схватка с Гнтлером давно задумана и запланирована в тишине чужих кабннетов с тем, чтобы дать выход этим силам для осуществления их плана мирового господства — господства экономнческого, по сравнению с которым блекли, становясь устаревшнми и не эффектнвными, все ранее применяемые для этого методы: военный и идеологический. План этот, поначалу предусматривал примат военного над экономнческим, постепенно уменьшая военную составляющую до минимума, отдавая весь приорнтет глобальному экономическому наступленню. План был рассчитан примерно на 100 лет, предусматрнвая экономнческое объеднненне Соеднненных Штатов в Европе. План предусматривал резкое первоначальное экономическое ослабление Европы, в первую очередь Германнн, с последующнм восстановлением их по новому образцу. Вместе с тем, в качестве обязательного условия, план предполагал окончательный развал Британской импернн н всей арханчной колоннальной системы. Что касается Росснн, то помимо роли, отведенной ей в грядущей схватке с Гнтлером, план предусматривал ее нзоляцию в дальнейшем с нскусственным подогреванием ее агрессивности для сплочення всего остального мира перед лнцом «русской опасности». Находясь в экономической и культурной изоляции, полагалн авторы плана, Россия настолько отстанет от остального мира, что рано или поздно (где-то к концу века) вынуждена будет безоговорочно капитулировать без всякого военного воздействия, будучи не в силах противостоять экономической оккупаций. Понятно, что этот план не мог предусмотреть всего истинного хода развития событий, оставляя много простора для корректировки его на ходу. Понятно также, что примитивный и неграмотный государственный деятель, каким был Иосиф Виссарионович Сталин, был такой же находкой для этого плана, как и Гитлер. Если кто-нибудь, по стерео-

типу иашего российского мышлеиня думает, что этот плаи существовал в одном экземпляре со всеми мыслимыми и иемыслнмымн грнфами секретиостн, что озиакомиться с этим плаиом за прошедшие 60 лет могли только лица рангом не ииже президента США или Великого Архитектора «жидомасонов», то он жестоко ошибается. Об этом плаие открыто писали и пншут до сих пор амернкаиские газеты. Родила этот плаи бюджетиая комиссия коигресса США, которая в 1938 году, обсуждая возможность резкого увеличеиия расходов на оборону, пришла к выводу, что «обстаиовка в Европе и иа всем евроазиатском коитииеите дает уиикальиый шаис правительству Соедииеииых Штатов регулировать уровеиь мирового кризиса по собствеииому усмотрению одиим перемещеиием, иаходящихся в распоряжеиии правительства финансовых средств, не обремеияя налогоплательщнков резкнм повышеиие расходов на вооружеииые снлы. Для осуществлеиия задумаиной экономической экспансии вполие достаточно тех вооружеииых сил, которые мы нмеем. С выводом бюджетиой комисснн, одиако, не согласилась «деловая Амернка». «Уолл-стрит Джориел» в редакцнонной статье за июль 1939 года писал: «Каждый миллион долларов должны охранять трое: один моряк, одии летчик и одии солдат. Как бы ии был замаичив план экономической экспаисии, выполиять его с иашей опереточной стодвадцатнтысячной армней смешио. А динамика развития событий в мире говорит о том, что у нас слншком мало времеии, чтобы успеть за этнмн событнямн. Как бы быстро ие катился доллар, время летит быстрее...» Время шло очень быстро и в сеитябре 1944 года газета «Чикаго Геральд Трибуи» с удовольствием коистатировала: «Сегодия, когда десятки тысяч кораблей и самолетов обеспечили вторжеине иашей миогомиллноииой армин иа фроите, охватывающем весь земиой шар от Нормаидии, Африки и Италии до Филиппни и Окниавы, когда мы стали свидетелями невндаииых доселе по масштабу н мастерству исполиеиия воеииых операцнй, мы должиы вспомиить радн чего мы создали самую мощиую и эффективную воеииую машииу в истории человечества. Еще в 1911 г. президеит Тафт предсказал, что «дипломатия канонерок» уходит в прошлое, открывая дорогу «дипломатин доллара». «Доллары будут разить иаших врагов с гораздо большей эффективиостью, чем пули н снаряды, обеспечив нашей великой республнке мировую гегемонню иа совершенно иовой осиове, которая и не сиилась иикакому Наполеоиу... Сейчас, когда крушеиие Германии и Японии является уже вопросом ближайшего

времеии, когда огромная Россия лежит в крови и руннах, мы можем с увереиностью заявить: «Час доллара иастал!» Цитировать подобные вещн можио до бескоиечности, н забегая вперед, приведем еще одну выдержку нз газеты «Крнсчеи сайенс моинтор» от 15 августа 1989 года: «Великое долларовое иаступлеиие иа Советский Союз успешио развивается. 30 тысяч ядерных боеголовок и оснащеиная по последнему слову техники самая большая армия в мире оказалась ие в состоянии прнкрыть террнторню своей страны от всепроиикающего доллара, который уже иаполовнну уннчтожил русскую промышлениость, добил коммуиистическую идеологию и разъел советское общество. СССР уже не в состояиии сопротивляться и его крушение специалнсты предсказывают в течеиие ближайших двух-трех лет... Нам же следует отдать должиое тому великому плану, который вчерне разработал еще президент Тафт, отшлнфовал презндеит Рузвельт и последовательио выполняли все америкаиские презндеиты, осуществив его всего за 50 лет вместо отпущениых ста...»

Зиали ли об этом в Москве? Безусловно, да. Посмеялись и не придалн никакого значеиия? Вовсе нет. Напротнв, отнеслись к этой америкаиской затее с полиой серьезиостью, хотя и без достаточиого понимаиия. Вспомним с какнм ужасом Сталии отшатиулся от плаиа Маршалла. Вспомним также, что в разгар «холодной войны» мы ие столько боролись с Соедннеиными Штатами, сколько с «кликой Уолл-стрита». Пролистаем все советские газеты того времеии и убедимся, что имеино «Уолл-стрит» стремнтся к мнровому господству и порабощеиню всех миролюбнвых иародов. Несмотря иа свон зачаточные позиаиия в мнровой экоиомнке, Сталии хорошо поиимал опасиость и всемн снлами пытался с иею бороться. Увы, как говаривал Бисмарк, ошибкн в полнтике подобны туберкулезу. Когда их можно вылечить, оии иезаметиы. Когда же оин заметиы, нх вылечить уже иельзя. Запутавшись в своих расчетах н став жертвой иевидаииого по масштабу потока дезииформации, которую обрушили иа него ие только будущне врагн, ио н будущне союзиики, Сталии подставил страиу под удар виезапиого иападеиия и в очередиой раз чуть ее ие уничтожил. Слишком миого для одиой страиы в столь короткий период времеии. Испепеляющий вал немецкого вторжеиия докатился до Москвы, Волги и Кавказа, смеиившись еще более испепеляющим валом иашего контриаступлеиия. Гигаитский паровой каток сиова отутюжнл разграбленную, распятую, кровоточащую, голодиую страиу. 26 миллиоиов убитых,

тысячи снесенных с лица земли городов, поселков и деревень, десятки тысяч уничтоженных промышленных предприятий, полностью обезлюдевшие обширные сельскохозяйственные районы, сотни тысяч километров уничтоженных железных дорог, 2 триллиона 500 миллиардов рублей прямого материального убытка, 3 триллиона золотых рублей военных расходов. Миллионы искалеченных, бездомных и перемещенных лиц. Знамя победы над рейхстагом и захват стран Восточной Европы мог служить некоторой компенсацией за очередную национальную катастрофу, если бы не породил новых проблем, гораздо более зловещих и трудноразрешимых [1].

---

[1] В связи с нападением Германии на Советский Союз представляется любопытным следующий эпизод. Поставленная Сталиным задача концентрации всего золота, платины и драгоценных камней в руках государства продолжала энергично выполняться. География поисков постоянно расширялась. Если в самой России и на Украине к середине 30-х годов были уже перепаханы даже все кладбища и вскрыты практически все могилы в надежде найти золотые часы или вставную челюсть, то на территориях среднеазиатских республик подобные мероприятия до поры до времени не проводились. Осквернение могил и мавзолеев по законам ислама является одним из самых страшных преступлений. А поскольку освободительная война в Средней Азии, вспыхнувшая еще в 20-х годах, бушевала не утихая и была подавлена только к 1939 году, получив романтическое название «борьбы с басмачеством», то у самого Сталина и его сатрапов на местах все-таки хватило ума не давать лишнего повода для раздражения местного населения. Но затем наступил черед и среднеазиатских святынь. Особенно привлекал алчные взоры номенклатуры прекрасный и величественный мавзолей Тамерлана в Самарканде. По легендам, подтвержденным архивными документами, великий азиатский завоеватель средневековья в своих походах награбил сказочные, несметные сокровища, большую часть которых приказал положить с собой в гробницу. В мае 1941 года большая команда московского НКВД, сопровождаемая экспертами ленинградского Эрмитажа, выехала в Самарканд для вскрытия гробницы. Хранитель мемориала восьмидесятилетний Масуд Алаев, придя в ужас, показал приезжим предостерегающую надпись, выбитую на гробнице еще в 1405 году — в год смерти легендарного Тимура. Надпись предупреждала, что тот, кто осмелится потревожить покой усопшего властелина и вскрыть гробницу, выпустит на свою страну страшных демонов опустошительной войны. На всякий случай, чтобы перестраховаться, об этом доложили в Москву. Оттуда быстро пришел приказ: Алаева арестовать за распространение ложных и панических слухов, гробницу вскрыть незамедлительно. 19 июня 1941 года огромная плита из зеленого нефрита, закрывающая саркофаг Тамерлана, была поднята, о чем на весь мир поведало сообщение ТАСС. В сообщении, в частности, с иронией говорилось: «Популярная легенда, существующая поныне, уверяет, что под плитой гробницы скрывался дух ужасной, опустошительной войны, который не следовало бы выпускать на волю». Это сообщение перепечатали многие газеты, включая «Ленинградскую правду» от 21 июня 1941 года. Если это совпадение, то весьма странное. Во всяком случае, охотясь на золото, всегда нужно быть осторожным и иметь чувство меры. Но раз вкусившие «беспредел» уже никогда не могут от него отказаться.

Внезапное нападение Гитлера на СССР по иронии судьбы бросило впавшего в прострацию Сталина в объятия Соединенных Штатов и Англии, создавших так называемую «Союзную антигитлеровскую коалицию». Впрочем, так и было задумано, правда, не Сталиным[1]. Пока на необъятных просторах России вермахт и Красная армия перемалывали друг друга в непрерывных пехотно-артиллерийских мясорубках, Соединенные Штаты, подставив свои старые линкоры под японские бомбы в Перл-Харборе, эффектно вступили во вторую мировую войну и стали вести ее по собственному сценарию, имея в виду свои глобальные планы. Конечно, не следует забывать, что и в войне, и в политике еще никому никогда не удавалось (и не удастся) осуществить задуманный сценарий даже при самых благоприятных обстоятельствах на все сто процентов. Не удалось это и американцам. Но примерно на 60% они осуществили все, что задумали.

---

[1] В мае 1941 года в американском городе Сан-Диего состоялся семинар по перспективным вопросам военно-морского строительства. Семинар был организован руководителями крупных концернов, связанных заказами с флотом США. На этом семинаре адмирал Ричардсон, недавно покинувший пост командующего Тихоокеанским флотом, выступил с большой лекцией, официальной темой которой должен был стать вопрос о необходимости быстрейшей модернизации инфраструктуры военно-морских баз флота. Однако вместо этого адмирал прочел лекцию о международном положении. Заявив без тени сомнения что схватка между Гитлером и Сталиным дело самого ближайшего будущего, адмирал Ричардсон сделал теоретический анализ будущего развития событий. «Безусловно,— заметил он, крупного успеха достигнет тот, кто первым начнет наступление, поскольку и вермахт, и Красная армия обучены на идее блицкрига, а обороняться, мало того что не любят, но просто не умеют. Из этого вытекает дилемма: что в большей степени соответствует нашим планам, чтобы первый ход сделал мистер Гитлер или чтобы его сделал мистер Сталин?.. Дилемма решается очень просто. Достаточно взглянуть на карту Европы и убедиться, что если Сталин бросит неожиданно на Гитлера свои 200 дивизий и 10 тысяч танков (адмирал сильно преуменьшил силы Сталина — И. Б.), то вермахт будет раздавлен, и через пару месяцев сталинская армия будет стоять на побережье Канала и в Гибралтаре. Если же начнет Гитлер, то где он окажется через два месяца известно только Всевышнему, ибо он неизбежно завязнет на просторах России и Сталину придется истратить уйму времени, чтобы выбить его оттуда. Подобный сценарий, отбирая инициативу в войне и от Гитлера, и от Сталина, неизбежно передаст эту инициативу более свободной и динамичной силе, которая неизбежно возникнет, когда русские и немцы сцепятся между собой, отдавая на милость этой новой силе весь мир. Так что отдадим, господа, право первого хода Гитлеру». К этому времени адмирал был частным лицом и мог, в принципе, говорить, что хотел. Однако, присутствовавший на семинаре министр ВМС Нокс, в начале собственного выступления сказал: «Адмирал Ричардсон весьма точно сформулировал именно то, что мы (кто мы? Кабинет Рузвельта? — И. Б.) ожидаем от дальнейшего развития событий в мире...»

И Гитлер начал первым!

Перестала существовать Британская империя, рухнула, раздавленная американской военной мощью, Японская империя, затрещала по швам и вскоре прекратила свое существование Французская империя. Перепуганная, опустошенная Европа в страхе, как больное дитя, прижалась к могучей американской груди, видя в великой заокеанской республике единственный гарант своего быстрого восстановления и будущей безопасности. Огромные регионы Тихого, Атлантического и Индийских океанов безраздельно контролировались гигантским американским флотом. Американская армия оккупировала огромные территории в Европе, Африке и Азии. Цепь военных баз на всех континентах витками огромных спиралей, напоминающих кольца удава, опоясала земной шар. И все это было добыто ценою 400 тысяч убитых и 535 миллиардов долларов. А в вакуум, образовавшийся на месте рухнувших и рушившихся империй, стертых с лица земли стран и дымящихся развалин городов, ринулся доллар, зализывая и врачуя кровавые раны войны и закладывая прочный фундамент следующего шага к полной мировой гегемонии. А гарантом незыблемости достигнутого стали атомные грибы, поднявшиеся в конце войны над Хиросимой и Нагасаки...

Если не считать страшных потерь и в очередной раз разоренной до тла страны, то и у Сталина были все основания считать, что свои предвоенные планы он выполнил по меньшей мере на пятьдесят процентов. Добрая половина Германии, Польша, Чехословакия, Венгрия, Румыния, Югославия, северная часть Кореи были не только захвачены советскими войсками, но и юридически закреплены Потсдамской конференцией в качестве советской сферы влияния. Почти немедленно там были установлены коммунистические режимы, во главе которых Сталин поставил старых коминтерновцев, уцелевших в предвоенных чистках или сознательно сохраненных предусмотрительным «вождем всех народов» на подобный случай. Отдавая в лапы Сталину Восточную Европу, американцы рассматривали ее уже тогда как мину замедленного действия, которая взорвавшись, разнесет и Советский Союз. Это был очередной продуманный ход. Однако, большим сюрпризом, который Иосиф Виссарионович преподнес слишком много возомнившим о себе союзникам, был захват коммунистами власти в Китае, поставивший под сталинские знамена практически безграничные людские резервы. Более того, из Пекина коммунистическая зараза стала быстро распространяться сначала по юго-восточной Азии, а затем пошла дальше — в Индию, страны Ближнего Восто-

ка и Африки. Зашумели коммунистические мятежи в Иране, Турции и Греции, застав американцев врасплох. Только временное отсутствие у Сталина ядерного оружия позволило американцам стабилизировать обстановку в этих странах и вынудить Красную армию убраться из северного Ирана. Но пока они занимались этими делами, коммунисты захватили власть в Албании, отдав под власть Сталина большую часть Балкан и стратегические выходы в Средиземное море. Американские генералы, вошедшие во вкус глобальных наступательных операций времен войны, с пеной у рта доказывали правительству необходимость «умиротворения» СССР с помощью атомного оружия пока Америка владеет этим оружием единолично. Президенту Трумэну был представлен подробно разработанный план, где были отмечены цели для атомных бомбардировок на территории СССР, а сам Союз — поделен на оккупационные зоны. После победоносных войн в любой стране генералы становятся силой, с которой невозможно не считаться, а сдерживать их натиск очень трудно. Но то, что предлагали генералы, настолько шло вразрез с разработанным планом «наступления доллара», что пришлось несколько остудить их пыл, фактически передав Сталину по линии разведки секрет атомного оружия [1]. В мире всегда должен быть баланс, чтобы не впасть в искушение. Но если американские генералы вошли во вкус решения всех проблем стратегическими операциями, то и Сталин был введен в неменьшее искушение своей огромной военной машиной, созданной к 1945-у году. Никогда не служа в армии, будучи забракованным медицинской комиссией в 1915 году, Сталин начал свою военную карьеру сразу со звания маршала, а через пару лет стал генералиссимусом, как Франко и Чан-Кай-Ши. Из войны он вышел еще большим милитаристом, чем был в тридцатые годы, готовя свой знаменитый марш в Европу. «Мы люди военные,— говорил он, хлопая по плечу фельдмаршала Монтгомери,— и как люди военные хорошо поймем друг друга». Многие полагают, что Сталин после войны стал просто солдафоном. Когда Гарриман как-то сказал ему, что самым мощным госу-

[1] Дело об атомном шпионаже является очень темным. Сейчас известно, что фактически все советские «атомные» агенты были засвечены американцами, которые терпеливо ожидая окончания их работы, не трогали никого, и только, когда СССР официально объявил о наличии у него атомной бомбы, неожиданно арестовали почти всех. Группа знаменитого Абеля почти полностью состояла из работников ФБР и военной контрразведки, которые, работая связниками Абеля, и передали лично все секреты атомного оружия в СССР. А это означает, что подобное решение было принято на очень высоком уровне.

дарством в Европе является Ватикан, Сталин, усмехнувшись, спросил его: «А сколько у Ватикана танковых дивизий?» Создавалось впечатление, что охваченный манией мирового господства, Сталин действительно мерит мощь и влияние стран только числом танковых и прочих дивизий. Это было совсем не так. Война, пребывание в течение двух первых ее лет в постоянном ожидании военной катастрофы, общение с Черчиллем, Рузвельтом и другими государственными и военными деятелями Америки и Европы, сильно изменили Сталина, дав ему возможность понять многие вещи, совершенно непостижимые для него в предвоенные годы. До войны Сталин действительно все измерял мощью вооруженных сил. Подобно Ричарду III, который, по легенде, с наслаждением бросал в камин восковые фигурки убитых им претендентов на престол, продвигая собственную фигурку все ближе и ближе к трону, Сталин в предвоенные годы с таким же удовольствием «бросал в огонь», уничтоженные не им, европейские армии: польскую, французскую, голландскую, бельгийскую, норвежскую, югославскую, греческую. И, наконец, в Европе, фактически не осталось больше никаких армий кроме немецкой. Оставалось прихлопнуть ее — и Европа вся, как наливное яблочко, свалится ему на ладонь. По его мнению английскую армию можно было не принимать во внимание, равно как и американскую, так как своими линкорами и авианосцами англо-американцы никак не могут помешать его планам. Не получилось. А когда показалось снова, что получится, перед ним, как фантом, появилась пятнадцатимиллионная американская армия, прекрасно подготовленная, сытая, молодая, да еще с атомной бомбой. Но самое главное, эта армия стояла на огромном долларовом валу, готовом немедленно накрыть и затопить нищую, лежащую в руинах сталинскую империю. И Сталин это отлично понимал. С лязгом захлопнулся железный занавес, изолировав страну от внешнего мира, одновременно закрыв девственный советский рынок от какого-либо проникновения доллара. Последовала серия новых указов о запрещении населению иметь какие-либо суммы в валюте или в золотой монете. Начиналось гигантское противостояние с самой мощной и самой богатой страной в мире. Зная о плане «доллара», возможно не разбираясь в некоторых его чисто финансовых тонкостях, Сталин просто инстинктом самосохранения понял, что необходимо заставить Запад пускать как можно больше долларов на ветер, чтобы предотвратить прорыв валютного вала через железный занавес, ослабить давление на СССР и тем самым выиграть время.

Едва получив в свои руки атомное оружие, Сталин развязал войну в Корее, а когда эта авантюра чуть не кончилась для Северной Кореи катастрофой, подключил к войне и миллионы китайцев, сумевших завалить американцев трупами своих соотечественников и кое-как свести конфликт вничью. Американцам удалось сохранить суверенитет Южной Кореи, как всегда, потеряв в 100 раз меньше людей и техники, но истратив на ведение войны в сто раз больше своих противников, что и было задумано в Москве. Но если Москва истратила на корейскую авантюру много меньше, чем США, послевоенные расходы становились немыслимыми. На линии противостояния в центральной Европе концентрировались огромные армии, постоянно насыщаясь современным вооружением. Охваченная ужасом Европа объединялась вокруг Америки, создав оборонительный союз НАТО. В ответ Сталин согнал подвластные ему страны Восточной Европы в Варшавский пакт. Патовая ситуация в Европе время от времени порождала кризисы, когда Сталин, будучи не в духе, неожиданно объявлял, прощупывая боеготовность Запада, что-нибудь вроде очередной блокады Западного Берлина. Гудел через территорию, занятую советскими войсками, американский воздушный мост, грозно ворочали орудиями танки на линии раздела, прогревали моторы бомбардировщики и истребители, слетали маскировочные сети с тысяч артиллерийских стволов. Но огня никто не открывал. Призрак Хиросимы и Нагасаки стоял перед всеми. Но деньги тратились огромные. И хотя у Советского Союза их, как обычно, катастрофически не хватало, Сталин подумывал уже о том, как в этой глобальной конфронтации перехватить инициативу. Пути было два. Первым был путь создания подавляющего военного превосходства над противником. Вторым — разрушение противника изнутри старыми ленинскими методами, используя в качестве инструмента пятую колонну из легальных, полулегальных и нелегальных коммунистических партий, способных вызывать социальные взрывы в западном мире всякий раз, когда это будет нужно Москве. А если понадобиться, то не только социальные взрывы, но и взрывы настоящие. На военных базах, на боевых кораблях и в правительственных учреждениях, да и просто на многолюдных улицах. Оба пути требовали огромных расходов. Была задумана и начала осуществляться гигантская программа военного кораблестроения, ибо без сокрушения американской морской мощи представлялось совершенно невероятной возможность захвата мировой гегемонии. Те стратегические возможности, которые флот Соеди-

ненных Штатов продемоистрнровал в годы войны, сначала прнвели Сталина в трепет (пока у него не было атомной бомбы вождь со страхом чуть ли не ежедневио ожидал амернкаиского десанта в Крыму), а затем сталн предметом для подражання. История закладкн и строительства чудовнщиых лииейных крейсеров тнпа «Сталниград» до снх пор ие может найтн разумного объяснеиня. То ли вождь всех народов совсем рехнулся после войны, то ли в этнх мастодонтах был заключен какой-то уж очень глубокнй, иепостижимый для простых смертиых смысл, нбо строить лииейные крейсера (каждый стонмостью почтн в 2 мнллиарда рублей) в послевоенные годы было столь же оправдаино, как н стронтельство весельных галер. Параллельио создавалась и стратегнческая авнацня, фактнческое отсутствие которой в годы войны очень иервировало вождя. Действия амернкаискнх летающнх крепостей над Германней и Японней, когда в одном налете участвовало до тысячи машнн, когда меркло солнце, а бомбы сыпалнсь в буквальном смысле слова как дождь, оказалн огромиое влняние на впечатлнтельного по натуре товарнща Сталниа. Он решил нметь такую же воздушную мощь н прнказал выпущеииому из тюрьмы Туполеву создать равиый по силе стратегнческнй бомбардировщик. На подмосковиый аэродром был доставлен амернкаискнй стратегнческнй бомбарднровщнк Б-29, совершнвшнй в 1944 году вынужденную посадку под Хабаровском, н Туполеву было прнказано взять его за основу. Чтобы оправдать доверие вождя, Туполев снял с трофея чертежи и запустил модель в серню под более элегаитным иазванием Ту-4. Талантлнвый авнаконструктор не хотел терять временн на копнрованне. В его конструкторском бюро уже полным ходом шла проработка реактнвного стратегического бомбарднровщнка Ту-16 н морского торпедоиосца Ту-14. Не отставалн н другне КБ. Проходнл испытания стратегнческнй бомбарднровщнк Мятнщева, первые реактивиые МИГн уже испытывалнсь в воздушиых боях с америкаискнми «Сейбрамн» в небе Корен.

А выпущениый нз тюрьмы Королев уже готовнл амернканцам новый сюрприз, создавая на базе трофейиой ракеты ФАУ-2, прннцнпиально иовое ракетное оружне, которому будет суждено всего через несколько лет полностью нзменить воеино-стратегнческую ситуацию в мнре, заставив американцев впервые почувствовать себя фронтовой страиой и нстратнть иовые мнллнарды долларов иа этот раз ие на глобальные плаиы передела мнра, а иа собственную обороиу. Вместе с тем, макснмально нспользуя демократнческнй

уклад жизни в странах Западной Европы и США, разрабатывался, постоянно корректировался и настойчиво проводился в жизнь план дестабилизации общественной жизни в этих странах путем непосредственного подчинения тамошних компартий Москве, что собственно и имел в виду Сталин, разгоняя Коминтерн. Основной удар делался на самую модную в тогдашней Европе коммунистическую партию Франции, возглавляемую Морисом Торезом. В те годы Франция была ключевой страной НАТО. Все штабы и центральные учреждения этой оргаиизации находились в Париже. В идеале план предусматривал организацию компартией всенародного вооруженного восстания в указанный Москвой момент с призывом на помощь Красной армии — по старой методике, отработанной еще в годы польской и финской войн. Пока же этот момент не настал, Торез должен был в соответствии с инструкцией всячески срывать планы союзников, организовывая рабочие стачки, уличные шествия и беспорядки с призывами борьбы за мир, против поджигателей войны, ведя яростную пропаганду в средствах массовой информации, прославляя Советский Союз, его миролюбивую внешнюю политику и гений Вождя всех народов, победителя фашизма, генералиссимуса Сталина. При этом, по возможиости, втягивать в орбиту компартии другие партии и общественные группы Франции. Ставка на компартию Франции делалась еще и потому, что в годы войны она создала довольно сильные вооруженные формирования в движении Сопротивления и даже пыталась с помощью этих формирований захватить власть в стране после вторжения союзииков в Нормандию. Ныне эти отряды, хотя и были официально распущены, сохранили подпольно все свои структуры и вооружение, ожидая часа, определенного в Кремле. Морис Торез, будучи членом Исполкома Коминтерна с 1928 года, дело свое знал и безоговорочно подчинялся Москве. Еще в начале второй мировой войны он и его партия, выполияя инструкцию из Кремля, сделали все возможное, чтобы разложить французскую армию и общество, сделав Францию легкой добычей Гитлера. Сам Торез, дезертировав из армии, перешел на нелегальное положение, а дождавшись немецкой оккупации, призвал французских рабочих добровольно ехать на работы в Германию, чтобы помочь немецкому народу отразить «англо-французскую» агрессию. После 22 июия 1941 года, получив новую инструкцию из Москвы, Торез стал организовывать движение сопротивления, чтобы помочь советскому народу отразить немецкую агрессию. Ни дня, ни часа без приказа.

После войны, запрещенная в 1939 году компартия, снова стала легальной, а сам Торез — членом правительства, что создавало великолепные возможности для его деятельности. Но все это требовало гигантских расходов. Не говоря уже о необходимости содержания громадного партаппарата, издания газет (толстых и убыточных, как «Юманите»), журналов, листовок и прокламаций, необходимы были средства для организации забастовок, так как профсоюзы требовали всем рабочим компенсации зарплаты за невыход на работу, на организацию демонстраций, маршей и митингов, когда приходилось чуть ли не каждому участнику платить по 300 франков, все это вместе требовало ежегодно многомиллионных расходов. Один эффектный прыжок на рельсы знаменитой Раймонды Дьен, остановившей поезд с боеприпасами, обошелся партии в 10 тысяч франков (гонорар Раймонды) плюс еще 30 тысяч франков штрафа за срыв графика железнодорожных перевозок. *И, естественно, все эти деньги платила Москва.*

В Париже на бульваре Османн еще эмигрантами первой волны было приобретено здание, где разместился основанный ими Евробанк. В этом банке, в частности, хранился золотой запас Белого движения и депозиты РОВСа. В эйфории победного окончания второй мировой войны и при виде золотых погон на плечах офицеров Красной армии, дряхлеющие руководители Белого движения и многочисленных эмигрантских общественных организаций, насквозь профильтрованные сталинской агентурой, сбитые с толку всевозможными комитетами возвращения на родину и ловкой пропагандой старого агента еще ГПУ графа Игнатьева, вознамерились передать этот банк Советскому Союзу. Что касается «белого» золота, то с его передачей в руки Сталина больших трудностей не возникало: владельцы золота сами вольны им распоряжаться. Однако, с самим банком возникли трудности, поскольку французский закон запрещал существование на территории страны банка, не возглавляемого гражданином Франции. Однако эта трудность была легко преодолима. Примерно 0,3% капитала банка передали французской компартии, которая выделила из своего ЦК человека, формально возглавившего банк. А 99,7% капитала поделили между собой Госбанк и Внешторгбанк СССР. Используя льготные проценты Евробанк или Народный банк, как его иногда называли, быстро охватывал своими щупальцами все доступные ему общественные структуры Франции. Помимо постоянного финансирования Французской компартии и всех причастных к ней организаций, банк

начал открывать счета и оргаинзацням, ннкакого отношения к компартии ие нмеющим. Всевозможиые профсоюзиые, женские, молодежиые н спортивиые организации открыли свои счета в столь льготном банке. Даже Всеобщая Коифедерация труда (ВТК), созданная на частных предприятнях обороиного зиачеиия, попала в сетн Евробанка. Кроме того, все посольства «братских страи» во Фраиции обязаиы былн храиить деиьги иа счетах Евробаика. Там же храиились и деиьги советской разведывательиой резидентуры во Фраиции: МГБ н ГРУ. Счета были отдельные, нбо нзвечные сопериики ие любилн и не хотели иметь друг с другом дело, даже за рубежом. Помнмо банковскнх счетов у резндентов спецслужб, действующих под прикрытием дипломатических паспортов, хранились и большие суммы иаличными для экстреииых нужд и оплаты агентуры, которой ие было смысла открывать счета в банке. Эти суммы составлялн примерно около миллиоиа фраиков и постоянио пополнялись. В случае экстреииой необходимости нз Москвы посылались «золотые» курьеры-офнцеры МГБ нли ГРУ, которые везлн под видом дипломатнческой почты иаличные деньгн в разной иностраиной валюте. В те годы чаще всего в фунтах стерлиигов. Так обстояло дело во Францнн, ио подобное — в большей нлн меньшей степени — пронсходнло н во всех остальных странах мнра, оказавшихся по ту сторону Железиого занавеса. Появлялнсь на свет «народные банки» в Лоидоне, Берие, Бонне, Веие, Люксембурге, Тегеране, создавая мощиую банковскую структуру ВКП(б).

Перспективы открывались поистине безграничные. Кроме возможиостн совершеино безопасного н легального фииансироваиия иужиых партий, общественных органнзаций н людей, создавалась возможность финансового проникновеиия в международную банковскую структуру, участня в биржевых играх, вложения денег в недвнжимость, в нужные отраслн западиой промышлеиности и даже контроля за теми или нными ключевымн предпрнятиями, за их процветаннем нли баикротством в зависимости от иеобходимостн. Только строгие инструкцин из Москвы несколько сковывали творческую мысль советских дипломатов н разведчиков, трудящихся иа международном фннансовом поприще. За невидимым фасадом постоянно вспыхивали разномасштабные скаидалы. То иеожнданно проворовалась наша резндентура в Брюсселе, надеясь скрыться в Европе. Все быстро были выловлены н доставлеиы в Москву на суд н расправу. Сумев доказать, что действовалн нз чнсто корыстных, а не полнтических побуждеинй, отделалнсь двадцатипятнлетними сро-

ками. То золотой курьер капитан Седаков скрывается с чемоданом, хранящим 300 тысяч фунтов, дав повод для захватывающей двухлетней одиссеи с погонями, перестрелками, фальшивыми паспортами и таинственными убийствами. Отважный авантюрист все-таки был настигнут в Монтевидео и доставлен в Москву, где и был расстрелян за «бандитизм». То выясняется, что отделение «народного банка» в Неаполе на корню перекуплено американцами и фактически превратилось в филиал ЦРУ. Арест виновных повлек гигантские финансовые потери. Но на них пришлось пойти, главным образом из-за того, чтобы никому не было повадно впредь. Товарищ Сталин любил порядок в делах и со всех требовал отчета до копейки, беспощадно карая виновных, невзирая на лица. Денежными скандалами переполнены все секретные судебные разбирательства и оперативно-розыскные действия короткого послевоенного сталинского периода. Выяснилось, кстати, что ни один из крупных резидентов нашей разведки после войны не сумел отчитаться по расходам в валюте и все были примерно наказаны. Пройдут годы, и эти резиденты будут писать в мемуарах, что у них были какие-то идеологические разногласия со своим руководством, а то и с самим Сталиным. В действительности их главным образом обвиняли в растрате. Так, лидер «Красной капеллы», знаменитый Леопольд Треппер никак не мог вспомнить в каком банке у него осело 80 тысяч швейцарских франков, отсидел в Гулаге и только после смерти Сталина, оказавшись сначала в Польше, а затем в Израиле, вспомнил номер счета, почему-то забыв, что деньги казенные. А знаменитый резидент советской разведки в Швейцарии Радо, легендарный Радо, герой бесчисленных боевиков и телесериалов, был схвачен после войны в Каире и доставлен в Москву, где выяснилось, что в течение всей войны он, Радо, получая деньги на оплату услуг своего уникального агента Рудольфа Рослера, преспокойно клал эти деньги на свой текущий счет, не дав самому агенту ни гроша. Радо отделался двадцатипятилетним сроком, только сдав все до последнего франка. Многомиллиардные ежегодные траты на заграничные операции и многомиллиардные траты на вооружение поневоле поднимали вопрос: откуда у разоренной Москвы появились деньги, чтобы жить на столь широкую ногу. Этот вопрос впервые подняли американские газеты в связи с крупным скандалом, связанным с компартией Соединенных Штатов. Скандал разгорелся в 1949 году, когда федеральные налоговые органы США выяснили, что маленькая и ничтожная группа людей, именующая себя американской коммунистической партией, по-

лучила неизвестно откуда 20 миллионов долларов, приобрела крупную недвижимость, не уплатив ни цента в федеральную казну и казну трех штатов. Начавшееся следствие быстро выявило цепочку, протянувшуюся от Нью-Йорка до Москвы. Национальный секретарь компартии США Гесс Хол («Газовая камера», как его называли некоторые газеты по созвучию произношения его имени и фамилии) попал на 5 лет в тюрьму за мошенничество. Заодно всплыл эпизод, как Гесс Холл уклонялся от призыва в армию в годы войны, бежав в Мексику. Этот факт наряду с признанием коммунистами факта получения денег от главного потенциального противника США на мировой арене привел к дебатам, а не следует ли считать коммунистов «агентами иностранного государства» со всеми вытекающими отсюда последствиями, включая и обязательную регистрацию в полиции. Поистине безразмерная американская демократия не прощает своим гражданам только одного — уклонения от уплаты налогов. Верховный суд признал право коммунистов на существование, обязав их только впредь быть более аккуратными с деньгами, поступающими из-за границы. В итоге коммунисты оказались под жестким финансовым контролем правительства. Все это сопровождалось диким визгом советских газет о «травле американских коммунистов», «разгула фашизма в США», «об охоте на ведьм», «об ужасах маккартизма» (по фамилии сенатора Маккарти, председателя следственной комиссии конгресса США, расследовавшего финансовые и политические махинации компартии) и было связано как раз с этим скандалом. Пришлось деньги американским коммунистам доставлять по всем правилам доставки спиртного в годы «сухого» закона в США. Курьеров ловили, начинались новые громкие скандалы с высылкой советских дипломатов, с арестом партийных функционеров, с закрытием совершенно убыточной коммунистической газеты «Дейли Уоркер», тираж которой временами печатался и распространялся исключительно в СССР и «братских странах». Постепенно выяснилось сколько Москва тратит ежегодно на подобные глупости и, естественно, всплыл вопрос: где она берет эти деньги? Появилась смутная информация о нацистском золоте, захваченном сталинской разведкой после войны. Бывший гитлеровский генерал Гелен возглавлявший в годы войны «восточный» отдел абвера, давая секретные показания американской следственной комиссии, сделал сенсационное заявление, подкрепленное якобы неопровержимыми доказательствами, суть которых сводилась к тому, что заместитель фюрера по партии Мартин Борман, будучи агентом

коминтерна, передал после войны Сталину все ключн от золота нацистской партин, а сам преспокойно смылся в Москву, где н прожнвает в настоящее время, посмеиваясь над смертным прнговором, вынесенным ему заочно Нюрнбергским трнбуналом. Возможно, что все оно так н было, как уверял амердержавцев Гелен, однако это не пронзвело особого впечатления главным образом потому, что нацистского золота, наплавленного нз золотых коронок и обручальных колец замученных в концлагерях евреев, было, как говорнтся, кот наплакал. Уже к середнне 1942 года, как правнльно сообщала амернканская разведка, Гнтлер был фннансовым банкротом, н того золота, которое якобы досталось Сталину, едва бы хватнло на полгода глобальных фннансовых операцнй, которые с такой непрннужденностью вела Москва.

В 1950 году разгорелся знаменнтый «нумнзматнческнй» скандал. Средн нумнзматов Европы особым спросом пользовались золотые франко-нспанскне пнстолн н французскне лундоры — монеты, чеканка которых пронзводнлась в Испанин и Францнн в относнтельно короткнй пернод первой половнны XVII столетня. Цена каждой монеты по каталогу составляла прнмерно 30—50 тысяч долларов, в то время как цена золота, содержащегося в монете не превышала 200 долларов. Найтн однпарный нлн двойной пнстоль в хорошем состоянин счнталось большой удачей нумнзмата. И вдруг эти монеты сталн появляться в разных странах в специальных магазинах, на аукцнонах н на черном рынке в таком колнчестве, что вскоре нх каталожная цена резко пошла вниз, с трудом удержавшнсь где-то на рубеже в 800 долларов. Появнвшиеся на рынке монеты выборочно были подвергнуты экспертнзе. Все оказались фальшивыми. Попутно выяснилось, что два сохранившихся станка для чеканки этнх монет хранились в Лувре н в 1940 году были вывезены немцамн в Берлин, где н попали в 1945 году в рукн Москвы. Переждав с гордым молчанием пернод наибольшего накала страстей, Москва, как н водится, объявнла всю эту «шумиху» гнусной клеветой н «очередной разнузданной антнсоветской кампанией». Никто уже другого ответа и не ждал, хотя это был далеко не первый случай, когда «рука Москвы» выступала в качестве фальшнвомонетчнка. Еще в героическне ленннские времена была сделана первая попытка наладнть пронзводство фальшнвых пятн- н десятнфунтовых банкнот «для подрыва экономнческой мощн нмперналнзма». Тогда эта попытка, проведенная на чнсто любнтельском уровне нз-за недостатка опытных специалистов, с треском провалнлась н обошлась очень дорого, прнведя к аресту н конфнскацни

очень важных счетов партии в западных банках. Но если во времена Ленина подобная акция имела чисто диверсионное значение, то для Сталина она начала быстро приобретать значение жизненно важное. Валюта была нужна постоянно, а ее вечно не хватало. Поэтому, основанная во времена Ленина, секретная лаборатория в недрах НКВД продолжала действовать, постоянно совершенствуясь и обрастая высококвалифицированными специалистами. Известно, что Гитлер работал в том же направлении, но с гораздо меньшим успехом. Фальшивые фунты немецкого производства быстро распознавались и изымались из обращения. На пике советско-германской дружбы в 1939—40 гг. Сталин даже посылал к Гитлеру своих экспертов-фальшивомонетчиков, чтобы помочь своему незадачливому дружку «подорвать экономическую мощь империализма». В послевоенные годы в распоряжении секретного отдела НКВД — МГБ уже находились подлинные клише всех западных валют и был полностью известен технологический процесс их изготовления. Но к чести товарища Сталина надо сказать, что он так и не решился на широкое применение потенциальных возможностей секретной лаборатории[1]. Старые скандалы сделали осторожного по натуре Сталина еще более осторожным. Несколько крупных разоблачений в начале 50-х годов попыток сбыта фальшивых долларовых купюр на общую сумму примерно в 500 миллионов долларов относятся скорее к международным организациям фальшивомонетчиков, но послужили для Москвы хорошим уроком. За всеми этими событиями внимательно наблюдали западные финансовые и контрразведывательные органы. Ну хорошо, допускали они, на фальшивых французских монетах Москва заработала чуть больше 700 миллионов долларов. Если и существует доля Москвы в сбыте фальшивых банкнот, то она весьма незначительна и не превышает пару миллионов долларов в год. Все это — копейки. СССР не ведет фактически никакой внешней торговли. Государственная денежная еди-

[1] Эта секретная лаборатория просуществовала до наших дней и нет никаких доказательств того, что она ныне не существует. Всем памятны недавние разоблачения, когда при обыске в здании ЦК КПСС после провала августовского путча были обнаружены сотни фальшивых паспортов всех стран, фальшивые печати различного назначения от таможенных до банковских, горы фальшивых бланков, чековых книжек и т. п. Судя по готовой продукции, секретная лаборатория ГПУ ленинских времени ныне превратилась в громадное предприятие никак не меньше Печатного двора. А огромное количество долларов, затопивших территорию бывшего СССР, невольно ставит вопрос: а не перешла ли эта лаборатория на обеспечение внутреннего рынка?

ница, не конвертируемая и чисто условная, оторванная от международной валютной системы. На чем же основана мощь коммунистнческой империи? И тут необходимо заметить, что если в СССР очень плохо в те годы знали Соединенные Штаты, постоянно влетая в разные скандальные нстории из-за элементарного незнания простейших основ американского законодательства, то и Соединенные Штаты знали Советский Союз, мягко говоря, не лучше. Все предвоенные годы американская политология тщательно изучала Германию, Японню и свою старую маму — Англию. Нн американская днпломатня, нн амернканская разведка не предпринимали серьезных попыток пронннкнуть за тот помпезно-величественный, украшенный серпами, молотами и пшеничными снопами фасад, долженствовавший представлять созданное Сталнным государство. Еще не появилась на свет огромная армия советологов, еще не загудели компьютерамн бесчнсленные научные центры по изучению всех аспектов советской жизни и мотивнровок советской внешней и внутренней политикн. Еще не повалила толпамн из СССР эмиграция, неся бесценную информацию, а потому Москва, сияя рубиновыми звездами, оставалась загадкой. Первые же перебежчики либо храннлн гробовое молчание, дрожа от страха за свою жизнь и жизнь своих близких, а если и пытались говорить, то их никто и не слушал. Было не до них. Непосредственная конфронтация со Сталиным еще не началась. Напротив, он выполнял свою часть глобального амернканского плана, мостя миллионами трупов широкую дорогу для будущего наступления доллара. Империя, которую построил товарнщ Сталин, была уннкальной для своего времени, а потому и представлялась неразрешимой загадкой для всех, кто жил за пределами Советского Союза, даже для «братских» стран. Это был средневековый анклав, причудой истории н судьбы вкрапленный на шестую часть суши в мир двадцатого столетия. По административной структуре СССР почти ннчем не отлнчался от деспотии древности с неограннченным властью владыкой в столице и сатрапами в провинции. Основу экономики страны, как и всюду, составляла добывающая промышленность, обслуживаемая исключнтельно заключенными, число которых к 1953 году составляло примерно 12 миллнонов человек. Гулаг, как правильно заметил Солженицын, по численности своего «населения» равнялся среднему европейскому государству, обеспечивая страну всеми необходимыми видами сырья, включая и золото, причем практически бесплатно. Аграрный сектор империи обеспечивала многомиллионная армия колхозников,

иизведеииая иiже уровия крепостиых крестьяи старых времен российского абсолютизма. Крестьяие ие имели паспортов, иикуда из своих деревеиь уезжать ие имели права без специальиого разрешеиия местного «помещика» — председателя (даже на рынок), за свой труд фактически ничего ие получали, если ие считать знамеиитых «палочек-трудодней», служа при этом резервом для пополнения Гулага и армии. Так шло обеспечение страиы продовольствием и другими сельскохозяйствеииыми продуктами, фактически тоже бесплатио. В строительиых работах иа всех иулевых и иачальиых циклах трудились заключеииые, составляя 60% от общего числа строительиых рабочих, превышая даже долю строительиых батальонов армии, представляющих еще одии вид рабского труда. В обрабатывающей промышлеииости и иа траиспорте также трудились заключенные, ио их доля была отиосительио низкой. Одиако «вольные» рабочие, даже высокой квалификации, получали нищенскую зарплату, влача полуживотиое существоваиие, рискуя при этом за малейшую провииность оказаться по другую сторону колючей проволоки. Восемь миллиоиов человек иаходились под ружьем в вооружеииых силах мириого времеии. Так существовал иарод, протащенный через мясорубки бескоиечиого террора и самой страшной в истории человечества войиы.

Итак:

12 миллиоиов в Гулаге,

8 миллиоиов в армии,

30 миллиоиов в колхозах,

40 миллиоиов в промышлениости...

И все рабы примерио одиого уровия. Заключеииых можио было безиаказаиио расстреливать, морить голодом, убивать иепосильиой работой. Прав у иих иикаких ие было и даже само их существоваиие, несмотря на количество, было государствеииой тайиой, о которой запрещалось даже говорить вслух. А уж тем более запрещалось говорить вслух об армии, кроме того, что оиа «иепобедимая и легендариая». Но прав у воеииослужащих было еще меиьше, чем у заключенных. Не моргиув глазом, можно было иа живых солдатах провести натуриые испытаиия атомного взрыва, а затем бросить уцелевших без всякой медициискoй помощи, взяв у них, правда, строжайшую расписку «о иеразглашении». Даже

умирая от лучевой болезии, оии боялись рассказать сбитым с толку врачам, что с инми произошло. Не было ннчего хуже, чем вериуться из армии иивалидом. Все еще хорошо помнили миогомиллиоиную армию инвалидов сразу после войны. Звеня многочислеииыми орденами и медалями, они собирались в крупиых городах вокруг рыиков и вокзалов, прося подаяние или пытаясь в меру своих сил как-то подработать. Все это были главиым образом молодые парни возрастом до 30 лет. Буквально в одни день все они исчезли. По всем городам были проведены коордиинрованиые облавы. Всех безногих и безруких покидали в машины и увезли. А было их несколько миллионов. Куда оии все делись? Не то что говорить, ио и думать об этом не полагалось. Любой генерал, а то и маршал мог точио также исчезнуть и иикто ие имел права о нем вспомииать. Если уж в годы войны били смертиым боем и мочились иа голову генерала армии Мерецкова, то и после войны с иемеиьшим энтузиазмом делали то же самое с маршалом Новиковым, генералом Телегиным, маршалом Яковлевым и миогими другими. С крестьянами вообще можно было делать что угодно. Им ие полагалось ии пенсий, ни пособий, но при потере трудоспособиости разрешалось кормиться с крошечиого приусадебиого участка, который, кстати, могли в любой момеит отобрать, дом снести бульдозером, а самого либо посадить, либо выбросить умирать куда-нибудь в чистое поле. Методика уже давно была отработана. С рабочими, от имени которых как «класса-гегемоиа» и творились все преступления, также иикто не церемоиился. Никаких средств борьбы за свои права рабочие ие имели. За само слово «забастовка», произнесенное вслух, вполие можно было поплатиться жизнью. Безопасность труда находилась иа первобытном уровне, работа шла иа износ, условия работы были подчас каторжиыми, оборудование старое и изиошеииое, условия жизни просто немыслимыми, так что очень малый процеит рабочих вообще доживал до своей иищенской пеисии. Страна жила в иеописуемой нищете. Мужчины доиашивали военную форму и ватиики, женщины тридцати лет уже выглядели старухами в платках и валенках. Человек в костюме считался справедливо либо большим начальником, либо шпионом, либо крупиым уголовником. Модно одетая женщина, если она ие была женой или любовницей какого-нибудь крупного функционера, рисковала попасть в зону за «низкопоклоиство перед западиой модой». В иесколько лучшем положении иаходилась иемногочисленная техническая интеллигенция, выпущенная из тюрем и шарашек, увешанная лауреатскими ме-

далямн за проектнрованне н созданне образцов нового оружня в годы войны н ныне. Ей н платнли получше, н кормнлн посытнее, создав даже для канднматов наук и полковников сеть так называемых лнмнтных магазинов с гораздо лучшнм выбором товаров, чем для простого народа, дав им такнм образом почувствовать сладостное чувство собственного прнвнлегнрованного положення и временно забыть о своем собственном полном рабском бесправнн. Такнм образом при самом поверхностном анализе легко выявлялась прнмнтивная схема рабовладельческого государства, где весь национальный доход присваивался и по собственному усмотрению распределялся самим Сталиным и его всемогущей номенклатурой. Номенклатура вышла из войны еще более могущественной, чем была. В годы войны она надела на себя высшне знаки воинского отличия, что дало ей возможность еще более осознать свое значенне в государстве, которое счнталось государством «нового тнпа», хотя было столь же архаичным, что и государство Урарту. И если такое государство вообще могло существовать, то только потому, что оно по всем швам сцементировано нменно номенклатурой, использовавшей в качестве едниственного механнзма нсполнительной властн огромный аппарат тайной полнции, снова переименованный после войны нз НКВД в МГБ. Но сутн дела это не меняло. Тайная политнческая полиция контролировала каждый вздох гигантского концлагеря от далекнх лагпунктов Гулага до кремлевских кабинетов. Срослнсь своей верхушкой с сердцем номенклатуры, тайная полиция простерла свои щупальца по всем континентам, постепенно становясь мечом, щитом н плотью номенклатуры. Номенклатура, отягощенная золотом погон н высшнх боевых наград, прекрасно осознавала прочность своего господствующего положення в захваченной стране, свои возможности и беспредельные перспективы. Она прекрасно понимала, что партия большевиков, которую эта номенклатура представляла, уже срослась с понятнем «государство», а само понятие «государство» давно стало снонимом партнн. А потому она, номенклатура, стала непобедимой н неистребимой, искренне рассматривая всю государственную собственность, включая население, как свою, принадлежащую ей по праву рождения. И такой вождь, как Сталнн, был номенклатуре уже совершенно не нужен. Более того, он ей мешал, не давая развернуться во всем блеске импровнзацнн. Он мешал, поскольку постоянно заставлял задумываться о личной безопасности, об ответственности, ограничивая аппетнты н держа почтн круглые суткн на ра-

бочих местах в кабинетах. А в этот кабинет в любую минуту могли ворваться люди с синими околышами на фуражках, избить до полусмерти, вытащить за ноги во двор, бросить в машину и в тот же вечер расстрелять в каком-нибудь подвале. Все это нервировало, порождая мечты о новом, «своем» вожде. Но, как известно, мечты никогда не воплощаются в жизнь сами по себе, требуя для своего воплощения в жизнь тяжелой и рискованной работы. Французская газета «Монд» как-то опубликовала карикатуру, желая показать читателям структуру управления Советским Союзом. На карикатуре был изображен Сталин, у которого из каждого кармана, из отворотов мундира, из голенищ сапог выглядывали маленькие Сталины. Это было правдой, но сильно упрощенной правдой. Маленькие Сталины стремительно объединялись, создавая нечто гораздо более мощное, чем «великий вождь всех народов». Номенклатура объединялась в собственное государство с весьма четкими и строго охраняемыми границами. Этот процесс был настолько очевиден, что его не смогла игнорировать даже многотомная «История КПСС». «В 1946 году была разработана и утверждена номенклатура должностей ЦК ВКП(б),— сухо сообщает официальная история партии.— В работу с руководящими кадрами вносились плановость, систематическое изучение и проверка их политических и деловых качеств, обеспечивалось создание резерва для выдвижения и строгий порядок в назначении и освобождении номенклатурных работников. Расширялась номенклатура должностей ЦК компартий союзных республик, крайкомов, обкомов, горкомов и райкомов». О чем не сообщает официальная история, так это о том новом витке смертельной борьбы, которая развернулась между номенклатурой и Сталиным, сразу же, как смолкли последние залпы второй мировой войны. Разница с предыдущими этапами борьбы заключалась лишь в том, что номенклатура стала более могущественной, а Сталин сильно сдал, постепенно впадая в состояние полного маразма и становясь легкой добычей для окружавших его волков и шакалов. Еще во время войны номенклатура получила несколько сигналов, говорящих о том, что вождь слабеет. После взятия немцами станции Мга под Ленинградом, что позволило противнику замкнуть кольцо окружения вокруг города, все считали, что песенка Ворошилова спета. Пикантность ситуации заключалась не только в его дико бездарном командовании, а в том, что после взятия Мги, Ворошилов, потеряв голову от страха, не доложил об этом в Москву, и Сталин узнал об очередной военной катастрофе из сообщения немецкого радио. Сам

Ворошилов был уверен, что его расстреляют или превратят в лагерную пыль, что по законам военного времени было бы вполне справедливо. Расстрел всего командования Западного фронта во главе с генералом армии Павловым был еще у всех очень свеж в памяти. Но ничего подобного не произошло. Ворошилов отделался легким испугом. Номенклатура отметила это обстоятельство как первый шаг на пути к собственной полной безответственности, что и составляло ее самую светлую мечту.

Еще более характерной была история со Ждановым. На стол Сталина постоянно ложились документы, изобличающие его ближайшего сатрапа во всех смертных грехах. Алкоголик, пьет с утра до вечера, никакими делами не занимается. Изменник. Договаривался с немцами о сдаче города. Настроил против Сталина всю ленинградскую парторганизацию, мечтая отделить Ленинградскую область от СССР, создать на базе области самостоятельное государство и стать в нем вождем. Во исполнение этого плана, в Ленинграде на каждый портрет товарища Сталина приходилось четыре портрета самого Жданова. Вор. Еще в годы присоединения Прибалтики, он присвоил и переправил в западные (скандинавские) банки около 400 тысяч фунтов стерлингов. В годы блокады Ленинграда специально созданная им команда обшаривала пустые дома, собирая в подвалах Смольного все представляющее хоть какую-то ценность, не брезгуя даже обручальными кольцами, сдернутыми с пальцев умерших от голода старух. В настоящее время указанные ценности примерно на 7 миллионов рублей хранятся в тайниках на трех дачах и у ряда доверенных лиц. Вождь молчал, не принимая никаких мер. Правда, после неожиданной смерти Жданова, обросшей легендами именно из-за того, что многим была известна эта информация, на дачах и в охотничьих домиках покойного копошились какие-то комиссии, что-то вывозилось на крытых армейских грузовиках, а во время знаменитого Ленинградского дела, в ходе которого была расстреляна вся бывшая ждановская команда, помимо прочих обвинений, всем было предъявлено обвинение «в моральном падении в виде стремления к личному обогащению». На суде демонстрировались пригоршни золотых монет, бриллиантов, ювелирных изделий и старинных орденов. Таким образом, ответственность была также тщательно иерархирована, как и вся жизнь в стране. То что могло быть прощено Жданову, не прощалось номенклатуре более низкого уровня. А именно это ее не устраивало. Сталину было совершенно ясно, что номенклатура, подобно подпольному мил-

лионеру Корейко, с упоеиием ждет лучших времеи, заранее вместе с коисолидацней собствеиной власти, иакаплнвая материальные богатства, чтобы окунуться в роскошь настоящей вельможной жизии правящего класса, имеющего иеограннченные возможности и безграиичные претензии. И, уж коиечно, было понятно, что все с надеждой ждут того момента, когда тнгриные глаза вождя всех народов закроются иавсегда. Поннмая, что его могут убнть в любой момент, Сталин, порой, впадал в иерешительиость, которая сменялась приступами безумия, ие давая возможиости разработать четкую и эффективиую стратегию коитрборьбы. Сталиская иоменклатура, уже задыхающаяся и изиывающая в тех рамках, в которые ее загнал свирепый и кровожадный вождь, была тем ие меиее чисто сталинской. Раздираемая вечнымн нитрнгами и взаимиыми доносамн, она сама предоставляла Сталину велнколепные возможиости для победы в этом иовом витке борьбы. И может быть, будь вождь помоложе, ои бы сиова, если и ие победил, то и ие проиграл бы, как это произошло в 1937 году. Но Сталии был уже слишком стар н утратил свой былой блеск иепревзойденного мастера партнйиой иитрнгн.

А доносы продолжали поступать.

Молотов. Еще будучи в 1939 году в Гермаиии, получил крупную взятку от гнтлеровского правительства, которую положил на секретиый счет в Швейцарском банке. В годы войиы иеодиократио получал крупиые взятки от союзников, которые разместил в ряде баиков США и Англии. Через свою жену был связаи со всесильными еврейскнми фннансовыми кругамн, каковыми н был завербоваи во время поездки иа поезде нз Нью-Йорка в Вашингтон, дав обязательство «изменнть» существующнй строй в СССР в пользу мнрового капнтала.

Берия. Еще в молодостн в эпоху днкнх конфискаций н красного террора награбнл несметные богатства, которые тогда же переправил за граиицу. Его тяга к роскоши и драгоценностям не только не угасла со временем, ио стала еще более острой. Во времена террора, став после устранения Ежова во главе НКВД, бесконтрольио присваивал себе конфискованное у мнллионов жертв нмущество, ие брезгуя получать за него деньги через сеть комиссиоиных магазиов. Постояиио нмея выходы за рубеж, поддержнвая в течение войны постояниую связь с противннком, сумел перевести крупные цеииостн в западиую валюту иа секретные счета в Швейцарском банке и в королевском баике Швеции. В 1951 году нмел секретную встречу в Сухуми с резидентом

аиглийской разведки, в которой прозрачио намекал иа скорые измененния в Советском Союзе н полную смеиу руководства.

И далее потоком подобные доносы: Булганин, Маленков, Микояи, Хрущев, Ворошилов, Вышииский... Это высшнй эшелои. А чуть иаже уже творится иечто совершеино иевообразимое.

«Совершеиио секретно.

Комиссия партконтроля прн ЦК ВКП(б).

Государственной важности. Особая папка.

...26 июия 1948 года в 01.30 на железиодорожиую станцию Виттеиберг (в советской зоие оккупации Германии) был подаи советскнй воинский эшелон № В-640-07 с задаинем погрузки и вывоза на территорию СССР техннческого оборудоваиия в рамках соглашеиия по послевоенным репарацням. К эшелоиу был прицеплен спецвагон, охраняемый офнцерами «Смерш», которымн командовал подполковиик Степанов Иваи Гераснмович, комаидироваииый из Москвы. Согласио секретиой иакладиой, находящейся у подполковника Степаиова, в спецвагон былн погружены трофейные дела нз местиого архнва нацистской партии и гестапо. Однако нам удалось получить иеопровержимые доказательства того, что в вагон были погружеиы 45 (сорок пять) оцинковаииых ящиков с изделиями нз драгметаллов, золотого лома, моиет, золота и платииы в слнтках без указання адреса получателя в СССР... Эшелон должеи был следовать по обычному маршруту через Варшаву и Брест далее иа Москву. 29 июля в 2 часа иочи эшелон прибыл на пограиичиую станцию Брест, где прн проверке эшелона военным комендантом стаиции майором погранвойск Сухоруковым выясинлось исчезновение спецвагоиа вместе с охраиой. Проверка, проведеииая по линнн следоваиия эшелоиа, показала, что указаииого вагона не было уже на пограничной с Польшей станции Фраикфурт-на-Одере. Все попытки выяснить подробности исчезиовеиия спецвагоиа пока ие дали результатов, т. к. оргаиы не содействуют в проведеиии расследоваиия...» Винзу корявая подпись Шкирятова, а еще иияже разолюция Сталина: «Что значнт не содействуют?!! т. Абакумов! Арестовать пп. Степаиова н доложнть!»

На ваш исх. № 1884-48Б от 14 сентября 1948 г.

Секретио. В ЦКК при ЦК ВКП(б)

т. Шкирятову М. Ф.

Подполковник Степанов Иван Гераснмович в кадрах Министерства не числится...»
«Сов. Секретно. Министерство Государственной

Государственной Важности. Безопасностн.
Члену Политбюро ЦК ВКП(б),
маршалу СССР (так в тексте И. Б.) 15 мая 1949 года
т. Л. П. Берия

Международный отдел ЦК ВКП(б) через Управление Делами ЦК в феврале текущего года, используя нелегальную агентуру, открыл ряд крупных счетов в Швейцарских банках на вымышленные фамилии-псевдонимы. Для открытия депознтивов использованы золото, драгоценные камни и платина, вывезенные из СССР, Германии и Чехословакии с грузами, спецназначенными в качестве безвозмездной помощи коммунистическим партиям стран Восточной Европы... Установлены фамилии-псевдонимы владельцев счетов.
Клнмов Владлен Николаевич — 800 тысяч швейцарских франков.
Николаев Иван Федорович — 500 тысяч швейцарских франков.
(И далее еще семь фальшивых фамилий)... Как показала проверка, все перечисленные лица являются работниками ЦКК при ЦК ВКП(б)...
Климов Владлен Николаевнч является псевдонимом тов. Шкнрятова Матвея Федоровича...» Подпись: В. Деканозов. Пометка Берии: «Доложить на политбюро».

Что было дальше — неизвестно, но совершенно очевидно, что партня и госбезопасность не раз и не два обменивались богатырскими ударами, с однинаковым упоением воруя все, что плохо лежит. И при этом «закладывали» друг друга без всяких угрызенннй совестн, апеллнруя к Сталину с чувством самого искреннего возмущения, как бы подчеркивающего собственную безукоризненную честность. Но дело было даже не в этом. Органы безопасностн, забыв о том, что они являются всего-навсего боевым отрядом ВКП(б), неожиданно встали в прямую оппозицию к родной партии, нагло демонстрнруя полную независнмость и желание действовать полностью самостоятельно. Создавалось впечатленне, что в СССР, где вся политнческая система основывалась на однопартийности, неожиданно образовались две политические партии, обе крайне левого толка и демонстративно враждебные друг другу. У более динамичных и лучше органнзованных органов безопасности, казалось, были хорошие

шаисы подмять под себя партию, а затем или полиостью ее уиичтожить, или растворить в себе. Чекистам уже ничего ие стоило схватить какого-иибудь секретаря райкома, вытрясти у него из сейфа иностраииую валюту, а то и что-нибудь более иитересное, увезти к себе, выбить любые показаиия, и, положив эти показаиия на стол Сталиму, иаиести коикуреитам иовый сокрушительиый удар. Два мощных клаиа партийиой и чекистской иомеиклатуры открыто боролись за иеограниченную власть в страие, лиорадочно переправляя иа запад и превращая в валюту все, что только можио — иа случай своего поражеиия.

Говорят, что Сталин в годы войны совершил всего две ошибки: показал своей иомеиклатуре Европу и показал Европе свою номенклатуру. Европа в ужасе шарахнулась, ио иомеиклатура, иапротив, быстро почуя выгоду и осознав в каком чериом теле ее держал все эти годы любимый вождь, стала стремиться иа запад, самостоятельио пробивая первые дырки в Железиом заиавесе, который уже шатался и вибрировал под иатиском доллара с другой стороиы. Алчиая и продажиая партократия, уже разграбившая богатейшую страиу и присвоившая себе плоды каторжиого труда истребляемого ею иарода, рвалась к более высокому уровию роскоши. Ей уже было тесио иа одиой шестой части суши. Она хотела проводить время иа Лазурном берегу Франции, иа пляжах Италии, иа курортах Майами, в шикариых виллах и отелях под разиоцветиый блеск реклам и мягкий шум средиземиоморского прибоя. Она хотела западиого обслуживаиия и западиого комфорта, который и иа западе доступеи далеко ие всем, отчего делался еще более желаииым и притягательиым. А потому партократия с алчностью глядела иа 12 тысяч тоии золота, составляющие государственный золотой запас СССР[1], иакопленный Сталииым цеиою жизией миллионов заключеииых и предназиаченный для осуществлеиия своих глобальных плаиов. Да, это золото принадлежит государству. Но разве партия и государство это ие одио и то же? Зиачит это золото партии, и только партия может им распоряжаться. Оиа с вожделением глядела на богатейшие иедра страны, переполнеииые столь ценимой на западе иефтью и другим драгоцеииым сырьем, мыслеиио пересчитывая его иа доллары и фуиты стерлингов. В уже

[1] В тот пернод золотой запас США составлял 14 тысяч тонн. Немногнм больше, чем в СССР, чего нельзя сказать об уровне жнзни. Расходами золотого запаса гласно н открыто распоряжался народ, держа под контролем правнтельственные траты до последнего цента. Именно в этом контроле заключается основа мощи США.

оформившемся «зазеркалье» — страиы, где весь СССР считался ие более, чем источииком самой дешевой в мире рабочей силы и дарового пушечиого мяса, иомеиклатура искреиие иачала считать все иациоиальиое богатство, включая иаселеиие, своей частиой собствеииостью. За это и шла борьба. Можио без преувеличеиия сказать, что как только иомеиклатура оформилась в государство, в ием, как и во всяком молодом государстве, вспыхиула граждаиская война за власть и право распоряжаться богатством.

Миогие считают, что Сталии сам разжег граждаискую войну в иомеиклатуре, готовя ее очередиой показательный погром. Скорее всего это так и есть, ио вождь иа это раз явио переоцеиил свои силы, готовя очередиую резию по старой схеме 1937-го года. В делах подобиого рода повторяться смертельио опасио. Номеиклатура виесла в плаи вождя оригииальиое иовшество, которое раиее ие использовалось. Над страиой повисла чериая дымовая завеса аитисемитизма, закрыв иа какое-то время поле битвы. А когда завеса рассеялась, Сталии был уже мертв, госбезопасиость разгромлеиа, ее руководство во главе с Берией безжалостио расстреляио, а партия, подобио сказочиому герою, выскочила из кипящего котла еще более сильной и помолодевшей, демоистративио отбросив старое свое иазваиие ВКП(б) и придумав себе иовое — КПСС [1].

Переведя дух после столь тяжелой победы в ходе почти двадцатилетней войны, партиомеиклатура стала готовиться к иовой жизни, о которой мечтала все последиие годы. На роль иового руководителя партии и государства был выдвииут иаиболее иичтожиый, трусливый и покладистый из всех члеиов бывшего сталииского политбюро — Никита Хрущев, которого иомеиклатура видела простой марионеткой, полиостью послушиой ее воле. Это был тот самый Хрущев, который по приказу Сталииа, обливаясь потом и тяжело дыша,

[1] Этот интересиейший период советской историн с 1949 по 1953 гг. достоии миоготомиого исследоваиия, которое под хорошим пером может превратнться в иебывало захватывающее повествованне. Задуманная в иедрах ЦК ВКП(б) кампаиия по борьбе с космополитизмом была, в сущиости, ннчем нным, как звонкой пощечнной госбезопасностн. Пока на Лубяике приходнли в себя, нм было подброшеио зиамеинтое «Дело врачей», в которое чекнсты вцепнлнсь, как голодный пес в кость, увндев в этом деле велнколепную возможиость пустнть под нож полным составом все Политбюро н Центральный Комнтет партнн. Пока чекнсты в азарте от открывшнхся возможностей выбнвалн нз иесчастных меднков показаиня об их преступных связях с правнтельственной н партнйиой верхушкой, в самый разгар нх работы по прнказу Сталнна был неожнданно снят с должиостн н немедлеино арестоваи всемогущнй миннстр госбезопасности Внктор Абакумов, а иа его пост назначен профессиональный партаппартчнк

плясал гопака прямо на совещаниях политбюро, а все хохотали и хлопали ладошками в такт. Сам Сталин смеялся до слез. Однако надежда на то, что Хрущев также послушно будет плясать под дудку номенклатуры, не оправдалась. Войдя во вкус неограниченной власти, опираясь на армию, Хрущев, не только не осуществил розовых грез номенклатуры, но даже сделал попытку еще более ущемить ее права. Однако он сделал главное, что от него хотела номенклатура. Отныне был заключен«священный» договор, гарантировавший личную безопасность и свободу граждан «зазеркалья», их фактическую неподсудность перед лицом закона, открывая дорогу именно к тому беспределу, к которому номенклатура и стремилась. И надо заметить, что этот договор нникогда и ни при каких обстоятельствах не нарушался вплоть до августа 1991 г., когда несколько высших номенклатурщиков угодили в тюрьму, дав возможность раствориться остальным.

Даже наиболее одиозные фигуры сталинского времени были без лишнего шума (или с небольшим шумом, как Молотов, Маленков и Кагановнч) выдворены на пенсию, продолжая пользоваться всеми благами и прнвнлегнями своего былого положения. Даже предание гласности кошмарных сталинских преступлений ннсколько не отразилось на статусе семьи покойного диктатора, продолжающей числится в номенклатуре ЦК и пользоваться всемн вытекающими отсюда благами. Исключенне составлял разве что сын Сталина — Василий. Став в 25 лет генерал-лейтенантом, с детства окруженный подхалимамн и лакеями, он действнтельно возомнил себя наследным принцем и вел себя, как таковой. Попав в горнило государственного переворота он открыто говорил об убийстве своего отца, называя новых вождей узурпаторами власти, которая, по его мненню, после смертн отца должна была достаться ему в силу старых днпастнче-

Игиатьев. Первое, что выясиил новый мииистр, была связь с междуиародиым сиоиизмом миоголетиего личиого секретаря Сталнна — Поскребышева, которого уволокли прямо из приемиой вождя в наручииках, ио повезли ие иа Лубяику, а в специальиую тюрьму в здаиии ЦК ВКП(б). На допросе Поскребышев рассказал, что Сталии прииял решеиие уиичтожить весь старый состав Политбюро и руководство МГБ, замеиив его иовыми людьми, личио составил иовый список так иазываемого расширениого Политбюро из 25 человек (куда, кстатн говоря, был включеи Брежнев, произведший иа вождя впечатлеиие своим молодцеватым виешиим видом). Через несколько дней, 28 февраля 1953 г. (а ие 5 марта, как было объявлено) Сталииа иашли мертвым на его даче в Куицево. Затем армня раздавила таиками госбезопасность, которая в пылу борьбы забыла об этой третьей реальной силе «социалнстического общества». А мудрая партня вспомнила...

ских традиций. Он так надоел всем своими криками, что его пришлось арестовать и дать 8 лет, обвииив в ложном доносе на маршала авиации Новикова. Вскоре его однако выпустили, оформили генеральскую пенсию и поселили в Казани, где через полгода его обнаружили мертвым в собственной постели. Видимо, он продолжал говорить много лишнего.

Дочь же Сталина — Светлана, памятуя о судьбе брата, предпочла сбежать за границу, где в окружении телекамер публично сожгла советский паспорт, и поселилась в Соедииеиных Штатах. Она разыскала и отсудила счет Сталина в Швейцарском банке, написала несколько книг, ярко показав звериную сущиость своего папаши и всей коммунистической системы, прогорела в биржевой игре и неожиданно снова вернулась в СССР. Хотя к этому моменту в лагерях сидело немало людей за чтеиие и распространение ее книг, сама Светлана была приията как принцесса крови: немедленно получила персональную пенсию, квартиру, машину с шофером и прочее. Гражданин «зазеркалья» получает все свои права пожизиеино и никогда не лишается гражданства. Однако даже привилегированная жизнь в СССР не могла идти ии в какое сравнение со скромной жизнью в США, к которой Светлана уже привыкла. Так же неожиданно она уехала обратио. Никто не препятствовал. Принцесса крови может делать, что угодно. Именно об этом и мечтала номенклатура, ликвидируя ее отца...

Но и Хрущев явно не оправдал возложенных на него иадежд. Вернув домой и частично реабилитировав миллионы заключеиных из сталинских лагерей, публично иа весь свет заявив о сталинских преступлениях против номенклатуры и о возвращеиии, наконец, к старым, добрым ленинским нормам партийной жизни, Хрущев со своей стороны пытался набросить иа номенклатуру собствеиную узду, нещадно смещая, перемещая, отстраняя и приближая руководителей всех уровней, и снова создавая в «зазеркалье» нервозную обстановку. Не имея опыта ни во внешней, ни во внутренней политике, он чуть ие развязал третью мировую войну, спровоцировав Карибский кризис, расколол всемирную коммунистическую империю, вдрызг переругавшись с Мао-цзедуном, выкинул Сталина из мавзолея и в довершение всего пригрозил номенклатуре, что закроет все спецраспределители и переведет все «зазеркалье» на общее обслуживание через обычную торговую сеть. Разъяренная номенклатура сделала попытку сбросить такого лихого руководителя еще в 1958 году, когда Хрущева спасла только преданность мар-

шала Жук›ва, чей авторнтет прн еще не оправившейся от разгрома 1954-го года госбезопасностн был непререкаемым. Попутно выяснилось, что государственный корабль, чьи топкн перестали получать в внде топлнва новые мнллионы жертв, еще идет по инерцнн, грозя вот-вот остаиовнться. Лишенные даровой рабочей снлы грознлн остаиовиться шахты н руднники. Получнв, наконец, паспорта разбегалнсь нз деревень колхознники, переполняя города и ставя сельское хозяйство страны на грань катастрофы. Все ждали каких-то решнтельных действнй, но получнлн незабываемую по своему цниизму зиамеинтую хрущевскую программу партии, которая открывалась словамн: «Нынешнее поколеиие советскнх людей будет жнть прн коммуннзме!», который обещалн полностью постронть к 1980 году. Последовавшне затем катастрофнческне иеурожан вынуднлн Хрущева иачать тратнть иакоплениое Сталнным золото, то самое золото, к которому тянула свон жадные лапы номенклатура, на амернканское зерно. Хрущев сам съезднл в Амернку, откуда вериулся потрясенным, сказав Микояну: «Онн уже построили коммуиизм». Микояи, который счнтал, что давио построил коммунизм в своем огромиом поместье, не очеиь был удивлен, н только лнчио съезднв в США, убеднлся, что жнвет на уровне среднего американского фермера. Это удручало, заставляя лихорадочио думать о валютном заработке, поскольку нмпотентность обрезаииого хрущевского рубля была иалнцо даже на столь высоком уровне послесталинской номенклатуры. Настроенне иоменклатуры было ннсколько не лучше. Годамн обманывая народ, она впервые почувствовала, что была обманута тоже. Получнв возможность беспрепятствеиного выезда за граннцу, номенклатура мгиовеиио растеряла последнне фнговые лнсточкн марксnзма-леиниизма, которые еще прнкрывали ее алчную сущность н стала откровенно обклеиваться долларамн.

К велнкому уднвленню жнтелей крупиых городов иачала 60-х годов было появленне сетн магазннов «Березка», торгующих дефицнтными и нностраннымн товарами за твердую западную валюту. Это было тем более уднвнтельно, что прн совершенно четком ндеологнческом определении Соединенных Штатов н нх союзннков в качестве основного потенциального протнвиика в грядущей войне н вполне реальиого протнвннка в войне холодной, магазнны «Березка» открыто торговалн нменно на деньгн потенциального протнвника. Для тех, кто умел вндеть, это означало иачало оккупацнн. Крупные долларовые отряды уже прорвалнсь через железный занавес н рассыпались по стране, подрывая н без того

хилую экономику, и что самое главное, разруша› труп уже фактически мертвой идеологии.

«Секретио
27.01.1963 г.

Управлеиие Делами ЦК КПСС
В ЦК Республикаиских компартий,
в крайкомы и обкомы КПСС.

О расходовании валютиых средств, полученных от реализации товаров через сеть магазинов «Березка».

Согласно постановлению ЦК КПСС от 10.11.1962 года средства в иивалюте, получеиные в результате реализации товаров повышенного спроса через торговую сеть «Березка», распределяются следующим образом:

1. 50% получеиных сумм перечисляются в распоряжение УД ЦК КПСС после обязательной ежемесячной проверки поступления специальиой финансовой комиссией при ЦК КПСС.

2. Оставшиеся 50% поступают в распоряжение крайкомов и обкомов КПСС, где расходуются с обязательным ежемесяным отчетом по установлеииой форме.

Примечаиие: ЦК КПСС рекомендует использовать инвалютиые средства, получеииые через торговую сеть «Березка» следующим образом:

1. 30% — иа развитие приоритетных отраслей промышлениости области (края).

2. 40% — на создание валютного фонда области (края) в общем фоиде резерва.

3. 30% — на создаиие поощрительного фонда, предусматривающего частичную выплату заработной платы (см. Приложение 1) руководящему составу партийных комитетов (до секретарей райкомов включительно) с диффереициацией по должиостиому положению; едиииоразовые премии для поездки за рубеж; и по усмотрению первого секретаря обкома (крайкома) с обязательиой ежемесячной отчетиостью».

Пометка Хрущева: «А не миого ли 30% иа поощрение?» Цифра зачеркиута и переправлена иа 10, а потом на 15%. Видимо, имел место «острый» обмеи миеииями, по-партийиому принципиальиый. Доллары взбудоражили страиу. Резкое возрастаиие количества иностраиных туристов потребовало столь же резкого увеличения численности работников КГБ и смежных организаций, ибо ии одного иностраица не положено было оставлять иа территории СССР без присмотра. Однако еще не набравший былой силы КГБ был не в состоянии контролировать даже крупиые города, ие говоря уже о всей стране. В результате в приобретение валюты включился главный враг существующего в стране режима — его собствеиный народ, возомнивший на волне некоторой внутри-

политической оттепели себя полиостью свободиым. Это была опасиая иллюзия, от которой иаселеиие иеобходимо было быстро и решительио отучить. Действительио, это была иллюзия. Народ по-прежиему ие имел иикаких прав и жил в полиой власти партийио-полицейского произвола. Колючие проволоки граииц иадежио отгораживали его от виешиего мира, паспортиая система прикрепляла к месту жительства, реальиый жизиеииый уровеиь, хотя и иесколько повысился со сталиисках времеи, был еще ужасающе иизким, а то, что иомеиклатура стала постояиио кататься иа запад, еще усугубило положеиие простых людей. Увидев реальиую жизиь западиых страи, иомеиклатура прежде всего пришла в ужас, что об этом стаиет известио иаселеиию страиы и прилагала огромиые усилия и иемалые средства, чтобы ииформация о жизии за рубежом иикоим образом ие стала достояиием широких масс ограблеииого иарода. Великая ииформациоииая войиа, начатая еще при Сталиие, когда за слушаиие передач западиых радиостаиций давали 10 лет лагерей, продолжалась, прииимая иовые, порой весьма причудливые формы. Любые проявлеиия иародиого протеста подавлялись самым беспощадиым образом. Безжалостио были расстреляиы рабочие демоистрации в Новочеркасске, Воркуте, Тбилиси и во миогих других городах страиы, с иеимовериой легкостью выиосились смертиые приговоры за любые проступки, где хотя бы отдалеиио просматривалось желаиие иасильствеииого свержеиия существующего режима. Таиковыми гусеиицами были раздавлеиы иародиые восстаиия в Веигрии, Гермаиии и Польше... И вдруг выясияется, что этот самый иарод, с которым большевики мучились с 1917 года, отучая от человеческой жизии, оболваиивая его, истребляя миллиоиами, все-таки вкуса к человеческой жизии ие потерял и постояиио к ией тяиется. В том числе и к долларам.

Во миожестве стали появляться люди, главным образом молодежь, которых пресса иемедлеиио окрестила «фарцовщиками» и «валютчиками». Бесстрашио идя иа иесаикциоиироваииые коитакты с западиыми туристами, преиебрегая риском возможиого обвииеиия в шпиоиаже, что было проще простого, эти безвестиые флибустьеры иепрекращающейся войиы коммуиистов с собствеииым иародом, первыми иачали разиосить по страие западиую идеологию в виде валюты и предметов иностраииого ширпотреба. Им была объявлеиа беспощадиая войиа. Гиды Иитуриста, давио уже превращеииого в филиал службы безопасиости, иа глазах у изумлеииых западиых туристов, бесстрашио бросались врукопашиую иа фарцовщиков, пытаясь их скрутить и отправить в

k

милицию. Завязывались безобразные драки, иногда с трагическим исходом. После одного из подобных инцидентов был арестован, протащен через показательный процесс и расстрелян двадцатилетний Игорь Кузьмин.

Но еще больший общественный резонанс имел первый «валютный» процесс, вошедший в историю как процесс «Рокотова и Файбищенко». Эти двое молодых людей (первому было около сорока, второму 25 лет) были арестованы за скупку долларов у туристов. Будучи весьма незаурядными в своем деле людьми Рокотов и Файбищенко всего года за два заработали около 300 тысяч долларов и полтора миллиона советских рублей, постоянно увеличивая свое состояние продуманным оборотом. В тот момент, когда оба были арестованы, соответствующая статья УК РСФСР предусматривала за незаконные валютные операции всего 5 лет тюрьмы. Эта статья пришла из сталинских времен, когда никто, кроме высших представителей номенклатуры, и помыслить не мог заняться подобным промыслом, а номенклатура решила на всякий случай обезопасить себя. Однако сейчас возмущению номенклатуры не было предела. Совершенно простая методика, с помощью которой арестованные парни зарабатывали свои доллары, их потрясла, заставив с ужасом думать, что вот так запросто весь советский народ бросит работать на родную партию и станет работать на себя с немыслимой эффективностью. А материальная независимость — это всегда и политическая независимость, о чем предупреждал еще Ильич в своих гениальных статьях о хлебной монополии. Народ должен получать свою пайку хлеба только из рук партии и целовать эту руку за то, что та не дает ему умереть с голоду. Хотя даже советская юстиция признавала, что «закон не имеет обратной силы», и арестованным в качестве обвинения была уже представлена статья, предусматривавшая пять лет лишения свободы, прямо в разгар следствия статья была изменена сначала на 8, а потом на 15 лет лишения свободы и дважды снова предъявлена арестованным. Но и это сочли недостаточным. Когда следствие уже подходило к концу, статью снова переделали, сделав ее подрасстрельной. И обоих несчастных парней расстреляли. Подобный произвол, с какой точки зрения на него не смотри, произошел в разгар хрущевской оттепели, великолепно демонстрируя проходящие в Кремле процессы. Один за другим посыпались, проштампованные Верховным Советом, новые законы «Об уголовной ответственности за незаконные валютные операции», «Об ответственности за мелкие валютные операции», «О повышении ответственности за не-

законное хранение валюты». Таким образом, законным хранение валюты становилось только в руках номенклатуры. Хотя все эти новые законы что-то говорили о «незаконных операциях», но сводились они к простому запрещению просто иметь на руках иностранную валюту. При любых обысках обнаруженная валюта котировалась куда выше, чем разные шпионские атрибуты вроде шифров и радиостанций, подчеркивая махровость преступника, и немедленно подлежала конфискации как правило вкупе со всем прочим имуществом. Простой обыватель, получивший, скажем, от какого-нибудь родственника 10 долларов в письме, и рискнувший сунуться с этими деньгами в «Березку», немедленно там задерживался, поскольку отличить советского подданного от иностранца было до смешного легко, деньги отнимались, составлялся протокол, о криминальном факте сообщалось на работу бедолаги, а сам он, если его в итоге отпускали домой, искренне радовался, что дешево отделался. И чтобы окончательно все поставить на свои места, в эти же годы был принят знаменитый закон «О борьбе с тунеядцами», каковыми объявлялись все граждане страны, не желающие работать на государство и подлежащие за это уголовной ответственности. Этот закон можно считать жемчужиной советской юриспруденции, дававший в руки номенклатуры исключительные легальные возможности расправы со всеми неугодными. Достаточно вспомнить, что одним из первых под этот закон попал поэт Иосиф Бродский, будущий лауреат Нобелевской премии по литературе, чьи стихи не понравились инструктору райкома партии. В дальнейшем неугодного выгоняли с работы, никуда не брали, а затем объявляли тунеядцем и на «законном» основании отправляли либо в тюрьму, либо в ссылку. В это же время в деревнях крушили частные теплицы крестьян, снова отбирали скот и даже разрешенные Сталиным приусадебные участки, засевая все пространство страны кукурузой, поскольку именно в этой культуре Хрущев увидел основу мощи Соединенных Штатов. Никита Хрущев, который никогда не стыдился, а, напротив, всячески подчеркивал с гордостью свое пятиклассное образование, выброшенный наверх номенклатурной фрондой, оказался человеком совершенно неприспособленным к руководящей государственной деятельности. Сталин держал его на второстепенных ролях и близко не подпуская к большой политике как внешней, так и внутренней. Поэтому, оказавшись на самом верху партийно-государственной пирамиды, Хрущев повел себя, как Алиса в стране чудес: постоянно удивляясь и разочаровываясь. Его попытка что-то изменить или сломать в

сталинской империи приводили к хаосу, неразберихе, к финансовой чехарде, а в итоге — к полной невозможности разобраться, что же происходит в стране и каково ее место в современном мире. Номенклатура, опомнившись от синдрома страха первых послесталинских лет, продолжая одной рукой держать народ за горло, другой стала лихорадочно разворовывать страну, забыв в азарте всякое приличие и даже осторожность. Никита Хрущев громко ругался матом у себя в кабинете, читая совершенно секретные сводки о делах своих приближенных. Валютная выручка от нефтяного экспорта за два года пропала бесследно. Выяснилось, деньги положены на текущие счета через подставных лиц в западные банки. Все следы ведут в Кремль к ближайшим сотрудникам генсека. Однако, договор, скрепленный на могиле Сталина и Берии, делает этих людей неподсудными. Но нефть — это капля в море. Эти люди уже рассматривают всю государственную собственность как свою частную и переубедить их словами уже не представляется возможным. «Переубедим делами!» — рычит в бешенстве Хрущев. Начинается волна арестов, но сразу же выясняется, что жертвами стали «стрелочники» — заместители начальников главков, трестов, министерств. Умелые дирижеры ловко направляют показания арестованных в нужное русло, но закусивший удила Хрущев, быстро развязывает им языки, проведя новый закон о смертной казни за хищения и получение взяток в особо крупных размерах. Новые показания арестованных привели к самоубийству первых секретарей Рязанского, Кемеровского и Ростовского обкомов партии. Работники прокуратуры вытряхивают из личных сейфов, замурованных в стены особняков, пачки долларов, золотые слитки, россыпи алмазов, чековые книжки крупнейших банков мира, иностранные паспорта. Хрущев готовится сделать следующий шаг. В проскрипционном списке — фамилии его ближайших коллег: Брежнева, Подгорного, Шелеста, Кириченко и многих других. Фактически он задумывает то же, что и Сталин в последние месяцы своей жизни — уничтожить собственное политбюро. А как же быть со священным договором. Но Хрущев уже нарушил его, развязав эту гнусную кампанию, вызвав самоубийство столь высоких деятелей партии и приведя в прединфарктное состояние многих других... 14 октября 1964 года в результате тихого «дворцового» переворота Хрущев отстраняется от власти. Заговорщики верны договору: Хрущеву сохраняется жизнь, назначается пенсия и оставляется дача, но его имя на долгие годы вычеркивается из истории. «Все же я немножко переделал эту страну,—

не без гордости вспоминал Хрущев, копаясь в огороде на своем участке,— меня и не расстреляли, и не посадили, а просто выпихнули на пенсию. Это уже очень много».

Начиналась восемнадцатилетняя эпоха Леоннда Ильнча Брежнева, эпоха, о которой все эти годы страстно мечтала номенклатура. Эпоха полного беспредела и безнаказанности. Возвращение к ленинским нормам партийной жнзнн совершилось...

Между тем запад во главе с США, с интересом наблюдая за событнями в СССР, видя производственный хаос н неутолимую тягу партнйно-государственной элиты к воровству нацнонального достояния страны, уже к 1970 году готовился сокрушить Советский Союз лавиной долларового наступления. Доклады ЦРУ не оставляли сомнения в успехе задуманного плана. Созданная Сталиным советская промышленность работает фактически только на военные нужды, пожирая государственный бюджет и оставляя с каждым годом все меньше н меньше средств на другие отраслн государственного хозяйства, включая и аграрный сектор. Элнта почти полностью перешла на западное обслужнванне товарами ширпотреба, остальное населенне страны не стремнтся бороться с элнтой, а подражает ей. Существует реальная возможность окончательно погубить все невоенные отраслн советской промышленности путем втягивания СССР во все новые внтки гонки дорогостоящих вооружений, связанных с новейшнмн высокими технологиями. Еще два-трн витка и с коммуннстнческой империей будет покончено. Она сама рухнет под непоснльным гнетом собственного вооруження и мировых амбиций. Это тем более вероятно, что в своем стремленин к коммуннзму СССР фактическн проспал две революции: научно-техническую и электронную. Этому в немалой степени способствовал еще Сталин, изначально объявивший кнбернетнку «чуждой марксизму жндовской лженаукой», обеспечнв тем самым советской армии вечное отставание от мнровых стандартов. Карибский крнзис выявил, что системы связн, контроля и управления советской армии находятся на столь элементарном уровне, что в условиях реальной электронной войны с применением неядерных видов оружня, советскую армию легко превратнть в огромную, неуправляемую, а следовательно, небоеспособную толпу. В Москве это отлнчно виделн н в понсках спасення от неминуемой гнбелн нашлн способ, который поначалу многим показался совершенно негодным. Речь шла о вовлеченнн Соединенных Штатов в войну где-нибудь на пернферии, чтобы те мнллнарды долларов, которые предназначены для

сокрушения СССР, были выброшены на ветер. Споры, однако, быстро смолкли, так как все понимали, что другого выхода нет. В Москву был срочно вызван Хо-ши-мин, президент Северного Вьетнама, герой бесконечной партизанской войны, в результате которой из Индо-Китая были изгнаны французы, а Вьетнам, как и Корея, разделен на два государства: коммунистическое на Севере и якобы демократическое на Юге. Южный Вьетнам, фактически не имеющий армии, как ее не имела когда-то и Южная Корея, был связан с США договором безопасности. Хо-ши-мину предлагалось быстро разжечь войну за воссоединение родины. В сущности, это было повторение старого сталинского плана, осуществленного в Корее, с той же идеей перенацеливания мощи США с Советского Союза в пустоту. Хо-ши-мин согласился за два миллиарда долларов в год и по миллиарду премиальных за каждый последующий год эскалации войны. Причем не скрывал, что четверть этой суммы намерен положить в собственный карман. Это было его личное дело. Беспокоило другое. Клюнут ли на это американцы? Ведь их план был основан на принципе «вместо пуль врага разят доллары». Может быть плюнут на Южный Вьетнам. Куда они все денутся, когда рухнет Советский Союз? Но американцы клюнули. В азарте ожидаемой глобальной победы, они решили мимоходом прихлопнуть Северный Вьетнам, как назойливую муху, мешающую заниматься важными делами. И втянулись в десятилетнюю кровопролитную, дорогостоящую войну. Имея полное господство в воздухе, на море и на суше, превратив Северный Вьетнам в груду развалин, американцы так и не сумели этой войны выиграть, эвакуировав в итоге свои войска и позорно оставив Южный Вьетнам на милость победителей с Севера. План полностью удался. Вьетнамская подножка дорого обошлась американцам. Не говоря уже о 40 тысячах убитых и пропавших без вести, она свела почти на нет престиж Соединенных Штатов, подорвала доллар и расколола американское общество. Можно с уверенностью заявить, что Хо-ши-мин, угробив 2 миллиона своих подданных, продлил на добрые 20 лет существование Советского Союза, а потому с полным основанием увековечен памятником в центре Москвы на площади своего имени. Политическая инициатива на короткое время перешла к Советскому Союзу и могла бы при других обстоятельствах использована очень оптимально. Увы, у СССР за душой никогда не было ничего кроме оружия, нефти, газа, железной руды, леса, пушнины, а также черной и красной икры. Все перечисленное шло на экспорт, принося, если не считать оружия, твер-

дую валюту в государственную казну, где она разворовывалась с ужасающей быстротой. Поэтому для эффективных действий на международной арене оставалось только оружие, которое Советский Союз поставлял своим странам-клиентам либо совсем бесплатно, либо в долг, даже и не надеясь этот долг когда-нибудь получить. После того, как американцев удалось втянуть во Вьетнамскую авантюру, в Москве решили послать соперника еще в нокдаун, нанеся удар по союзнику США на ближнем Востоке — Израилю, делая опять же ставку на то, что Соединенные Штаты не оставят своего союзника в беде и прогрязнут в тугой удавке перманентных локальных войн. Вызванный в Москву президент Египта Насер, награжденный золотой звездой героя Советского Союза еще Никитой Хрущевым, высоко оценил план Москвы, тем более, что этот план соответствовал и замыслам самого Насера, и решению секретного совещания лидеров арабских стран в Хартуме, предусматривающем уничтожение Израиля как государства. Со стороны Москвы это была крупная стратегическая ошибка, практически сведшая на нет почти половину тех преимуществ, которые удалось приобрести благодаря вьетнамской войне. Не говоря уже о том, что второй раз за короткий период, прошедший после Карибского кризиса, СССР был поставлен в унизительное положение военной несостоятельности, что он вряд ли мог себе позволить. А закрытие Суэцкого канала, на побережье которого, после быстрого разгрома египетской армии, вышли израильские войска, породило массу чисто материальных проблем. Советским судам, снабжающих всем необходимым Северный Вьетнам, теперь приходилось идти вокруг Африки, почти не имея пунктов для бункеровки. Неизвестно, был ли это контрудар американской разведки в отместку за Вьетнам, но та легкомысленность, с которой Советский Союз шел на разжигание вооруженных конфликтов в мире, не осталась незамеченной и была очень хорошо использована на последней стадии борьбы в Афганистане. Именно в это время, в 1967 году, на пост председателя КГБ был назначен Юрий Владимирович Андропов. В сталинские времена он занимался комсомольской работой, а во время войны принимал в северных портах грузы от союзников по лендлизу, где пристрастился к виски «Джони Уокер» и американской консервированной колбасе. Андропову удалось обратить на себя внимание во время всенародного восстания в Венгрии в 1958 году, где он был послом. Вместе со своим помощником Крючковым, он заманил на территорию посольства, а затем отправил на виселицу Имре Надя, что в нема-

лой·степени способствовало поражению восстання. Андропов был переведен в аппарат ЦК КПСС, а после смещеиня Хрущева прнмкнул к сторонинкам Брежиева, объявившего себя главой партии. Пнкаитность ситуации заключалась в том, что на этот пост претендовал Александр Шелепин — «железный Шурнк», как раз и заиимавший пост председателя КГБ. К этому времеин КГБ, хотя еще и ие достнг былой мощи сталинского МГБ, ио уже достаточно окреп, расширился и даже восстаиовнл свой зиамеиитый «лнквидотдел», занимающийся полнтнческнмн убнйствамн как дома, так и за рубежом. В частности, в ФРГ был убнт лидер украиискнх иационалистов знамеиитый Степаи Баидера. И хотя, коиечно, это было сделано по приказу и с одобреиия полнтбюро, убийство Баидеры было использоваио для того, чтобы свалить «железиого Шурнка». Именно Андропов подготовнл н передал на запад пакет документов, доказывающих, что Шелепин сам (вопрекн воле партии) сплаиировал и осуществил убийство чуть ли не в корыстных целях, поскольку ему не давал покоя валютиый счет Баидеры в мюижеиском баике. На волие начавшегося международного скандала Шелепнна выпихнули сиачала на какой-то незначительный пост, а потом — на пеисню, н его место занял Андропов. Стать шефом тайной полиции в полнцейском государстве — это зиачнт занять самый важный пост, с высоты которого открывается истниное положение дел в государстве и далеко за его пределами, как по вертнкалн, так н по горизонтали. Андропов огляделся, и то, что ои увндел прнвело его в ужас. За 14 неполных лет, прошедшнх со дия смертн Сталнна, страиа превратнлась в огромное коррумпироваиное болото, которое дышало н колыхалось, грозя в любой момеит поглотнть в своей трясине н идеологию, и государство. В тщеславиой голове Андропова зароднлась мысль, что положенне еще можно спасти, но ие с поста шефа КГБ, а с поста главы партни н государства, до которого ему было еще очеиь далеко. Поэтому с первых мниут своего пребывания на посту шефа КГБ Андропов стал готовить государственный переворот, моральио оправдывая свою деятельиость желаиием спасти партню н прочнмн благими намереииями, которымн былн вымощены вдоль н поперек все подвалы Лубяикн. Ои пытался форснровать события, будучи главным иициатором подавлеиня таикамн «Пражской весиы», иадеясь вызвать катаклизм в стране и в мире и прорваться к вершинам власти на его волне. На этот раз ие получнлось. Чехн не оказали никакого сопротнвлеиня, а Соедниеииые Штаты, завязшие во Вьетнаме, отреагнровалн вяло, сославшнсь на

Потсдамскую конференцию о послевоеиных «сферах влияння». Однако онн заметнлн аидроповскую методнку и прнняли ее к сведеиню, чтобы нспользовать позднее. Что же так встревожнло Аидропова, заставляя действовать столь грубо и прямолннейно? А то, что он с ужасом осознал, что временн для спасения страны от немииуемой гибели уже почти ие осталось н иет уже былого простора для маиеврирования. Пропасть приблнжалась стремительно, требуя быстрых н решительных действий. Но какие быстрые н решнтельные действия возможны, стоя уже по горло в трясиие? И Аидропов иачал действовать, иапоминая былнниого богатыря, сражающегося с гндрой, у которой на месте отрубленной головы вырастают три иовых. По спецканалам КГБ, внбрируя от секретности н напряження, круглосуточно шла ннформацня, прошнбающая холодным потом тех иемногих людей нз ближайшего окружеиия Андропова, кто был к этой нинформации допущен. В большинстве союзных республик все партийные и государственные должностн свободио покупаются и продаются за наличные деньгн. В частности, в Азербайджаие должиость районного прокурора стонт 30 тысяч рублей, должиость иачальннка районного отделення милицнн — 50 тысяч рублей. Должиости этн можно купить у секретаря райкома, внеся деньгн наличными. Должиость директора колхоза (хотя н считалась иомииальио выборной) стоила 80 тысяч рублей, нбо счнталась должностью иоменклатуры райкома, открывающей широкие возможиостн в дальиейшем продвиженни по номенклатурной лестинце. Должность самого секретаря райкома стонла много дороже — 200 тысяч рублей, второго секретаря — 100 тысяч. Деньгн платилнсь секретарям ЦК компартни Азербайджаиа, так как это уже былн должности иомеиклатуры ЦК. В ЦК продавали почти все государствениые посты и не только государствеииые. Пост днректора театра стоил 30 тысяч рублей, директора НИИ — 50 тысяч, звание академика — 50 тысяч. Очеиь высокой по стоимости, равной стоимостн поста секретаря райкома, была должность ректора любого ВУЗа в республнке — 200 тысяч рублей. Одиако этн деньгн очеиь быстро окупались, поскольку за зачнслеиие, скажем, в Институт иностранных языков взималась плата в 10 000 рублей, в Бакииский Уииверситет — 20 тысяч, в Медиинститут — 30 тысяч, в Инстнтут народного хозяйства — 35 тысяч рублей (по ценам 1970 г.). Хорошо просчнтанный н обоснованый прейскурант был установлен не только для должностей районных руководнтелей н деятелей науки и культуры, но и для членов правительства н ЦК Азербайджана. Пост

министра социального обеспечения стоил 120 тысяч рублей, а пост министра торговли — 250 тысяч рублей. А за членство в ЦК компартии необходимо было выложить полмиллиона. Подобная практика давала возможность дельцам, стремительно развившейся теневой экономики посадить на ключевые посты сверху донизу своих людей, срастись с партийной номенклатурой и диктовать ей свою политику. Но даже не это было самое страшное. Огромные средства, стекавшиеся в ЦК компартии и в руки его первого секретаря Ахундова прямым путем уходили за границу, оседая на счетах в зарубежных банках. Азербайджан считался основным источником нефти СССР — главного предмета советского экспорта, приносящего миллиардные прибыли в знаменитых нефтедолларах. И из этих барышей в госказну практически не поступало ничего. Но Ахундов имел только свою долю. Остальные нити вели в Кремль, куда Андропов, если уже и мог добраться, то только не задавая никаких вопросов и демонстрируя полную лояльность. Однако Азербайджан не только не был исключением, но и не был самым худшим из коррумпированных областей страны. В соседней Грузии, где первым секретарем был кандидат в члены Политбюро Мжаванадзе, а вторым — Альберт Чуркин, события развивались еще круче. Все должности стоили еще дороже, чем в Азербайджане, но число желающих эти должности купить было столь велико, что устраивались своего рода аукционы. В роли аукционеров выступали секретари ЦК и члены бюро ЦК, беря плату в основном драгоценностями и валютой, также отчисляя процент в Москву. Партаппарат поделил республику на сферы своего влияния, почти полностью восстановив порядки феодального вассалитета. А сообщения, приходящие из Среднеазиатских республик, казались невероятными, как сказки Шехерезады: пещеры, набитые золотом и драгоценностями, подземные тюрьмы с сидящими на цепях рабами, сказочные дворцы с гаремами, седовласые аксакалы, лежащие ниц перед дворцом первого секретаря ЦК компартии Рашидова, как перед Каабой. И опять нити, ведущие в Москву и за рубеж, включая наркотическую тропу с секретных маковых плантаций, которая, петляя по странам Балкан и Ближнего Востока, обрывалась на Кубе, втекая в мировой наркобизнес. Хлопок, наркотики — миллиарды долларов, уплывающие в бездонный карман КПСС. Но это окраины. А что творится в Москве и России? Коррупция охватила все отрасли государственного управления, начиная от министерства обороны и кончая министерством мясо-молочной промышленности. И все, за свою безнаказанность, разворовы-

вая государство, платили дань КПСС. Андропов стал разрабатывать план действий. Поначалу он оценивал свои силы достаточно трезво, но и не преуменьшал их. В конце концов он был представителем высшего слоя номенклатуры и вовсе не собирался что-то в корне менять. Он стремился пресечь очень опасные процессы, зародившиеся в недрах ЦК КПСС и неуклонно, последовательно проводимые в жизнь. Присваивая себе огромную часть национального дохода, КПСС переводила несметные ценности за границу, как бы готовясь к эвакуации. Создавалось впечатление, что верхушка партии собирается эмигрировать из СССР полным составом и заранее желает обеспечить себе на западе сносную жизнь. И мотивы этого процесса Андропов долго не мог понять, как не может понять человек мотивов многих собственных поступков. Ведь он сам был плоть от плоти номенклатуры. Это было тем более непонятно, что советское «зазеркалье», солнечная страна Номенклатурия, охраняемая чекистскими кордонами и непроницаемой завесой секретности, расцветала, крепла и богатела с каждым днем. Коммунизм в общих чертах там был уже построен, хотя полного равенства там не было и в помине. Это создавало стимул для дальнейшей деятельности. Миллионы каторжных трудяг спецлагерей и спецпоселений, удобривших своими телами шестую часть суши, дали возможность создать маленькую Спецстрану. Где все было специальное: специальные жилые дома, возводимые специальными строительно-монтажными управлениями, где отсутствие бассейна считалось столь же диким, как и отсутствие окон в обычной квартире; специальные дачи, пансионаты, санатории, больницы и поликлиники; спецпродукты, продаваемые в спецмагазинах, спецстоловые, спецбуфеты и спецпарикмахерские; спецавтобазы, бензоколонки и номера на автомашинах; разветвленная система специнформации, специальная телефонная сеть, специальные детские учреждения, специальные клубы и кинотеатры, специальные залы ожидания на вокзалах и в аэропортах; специальные роддома и даже кладбище. Эта спецстрана жила, отдыхала, питалась, покупала, путешествовала, развлекалась, училась и лечилась, никогда не соприкасаясь с народом, на ограблении которого зиждилось все ее благополучие. Отгороженные глухими заборами и вооруженной охраной, утопали в зелени роскошные особняки, коттеджи, «охотничьи домики», парки, сады, теннисные корты, бассейны, ажурные беседки, оранжереи, парники, конюшни с дорогими элитными скакунами. Ветераны номенклатуры, вроде Микояна, обставляли свои загородные дворцы и огромные поместья еще с 1919 го-

да. Старинные гобелены, разноцветные витражи на окнах, личные кинозалы, персидские ковры, старинное оружие, золотые и серебряные статуэтки и безделушки, дорогой фарфор, вазы из яшмы, резные украшения из слоновой кости, индийские шелка, погреба с коллекционными винами. Поместья и особняки были окружены солидными каменными заборами обустроены домиками охраны и обслуживающего персонала, дававшего строжайшую подписку о неразглашении и поощрявшегося огромными окладами (даже рядовая уборщица в «зазеркалье» получала больше, чем армейский полковник). Это был образ жизни, учрежденный Лениным, возведенный в ранг закона Сталиным и поддерживаемый всеми его преемниками. Хрущев, которому показалось мало дач, доставшихся ему в наследство от Сталина, едва дорвавшись до высшей власти, приказал строить себе новую дачу в Пицунде, которая поразила воображение своим гигантским плавательным бассейном со стеклянной крышей и стеклянными стенами даже западногерманского посла Кроля. Все это было у номенклатуры на совершенно законном основании и никто никогда не собирался с этим бороться. Возмущение Хрущева и тревогу Андропова вызвало то, что номенклатура оказалась ненасытной. Тех привилегий, которые не могли присниться и в самом сладком сне простому советскому человеку, ей было до смешного мало. Номенклатура тихо и незаметно перешла на западную валюту, а поскольку ее постоянно не хватало, пускалась на все, чтобы эту валюту заработать. Постоянные поездки на запад вызывали у нее все новые приступы алчности. Не давал покоя образ жизни миллиардеров. Западная электронная аппаратура, западное бытовое оборудование, мебель, сервис — все это, стремительно меняющееся и чуть ли не каждый месяц совершенствующееся, столь вожделенно выглядящее на сером отечественном фоне притягивало к себе жадные взгляды, заставляя мечтать о долларах как о вершине человеческого счастья. Сафари, сексшоу, первоклассные отели, Багамские, Канарские и Бермудские острова, яркое солнце, голубое небо, загорелые девушки из студенческих кэмпингов, роскошные рестораны — все это настолько отличалось даже от имеющегося в «зазеркалье», что делало даже спецстрану серой и противной. Хотелось на Запад. Многое было еще недоступно: белоснежные яхты нефтяных и финансовых королей, супердорогие казино и курорты, привилегированные клубы миллионеров — вся эта кипучая и сказочно красивая жизнь. Всего не перечислишь, а хотелось в с е г о. Награбленные дедами в эпоху «красного террора» итальянские ста-

туи и французские гобелены вытеснялись современной французской и финской мебелью, кухонными западногерманскими комплексами знаменитой фирмы Куппербуш [1], аудио и видеосистемами «Сони», «Панасоник» и многими другими, голубыми бельгийскими ваннами и нежнопалевыми итальянскими унитазами. Но через месяц это все устаревало, и это сводило номенклатуру с ума. Все приходилось начинать сначала: от новых марок джинсов до новых видеосистем. Денег не хватало. И зарабатывать их с каждым днем становилось все труднее. Падали темпы производства, нищий народ явно устал, вконец изнашивалось оборудование добывающей промышленности, а современные заводы продолжали заваливать страну танками, ракетами, бомбардировщиками и атомными подводными лодками, которые постепенно переставали пользоваться спросом даже в странах третьего мира, так как все более и более отставали по эффективности от американских моделей. Разграбление страны продолжалось, истощая недра, губя экономику и приближая гибель. Американский доллар, минуя нищие просторы СССР, прорвался напрямую в «зазеркалье» и фактически страна Номенклатурия оказалась оккупированной противником, который все грубее и грубее диктовал свою волю.

Сам Андропов, естественно, пользовался всеми благами номенклатуры. Отпуск проводил в Ницце на Лазурном берегу (когда еще были силы, то и с какими-то таинственными длинноногими блондинками), его трое детей, как было принято, учились за границей, и делали дипломатическую карьеру. Но он ясно видел, что если не остановить этот беспредел номенклатурной алчности, то погибнет все, включая и саму номенклатуру. Суровые лица его чекистов на секретных оперативных совещаниях, их готовность, рискуя собой, проникать в любые поры и дыры, принося все более жуткую информацию, создали у Андропова иллюзию того, что дело еще можно спасти, уничтожив старую номенклатуру и заменив ее новой, состоящей исключительно из сотрудников госбезопасности. Социалистический круг замкнулся. Андропов встал на неверный путь Лаврентия Павловича Берия, забыв о его печальном конце.

Между тем, все более жалкое экономическое положение

[1] Достаточно сложное кухонное оборудование фирмы Куппербуш требовало специального техобслуживания. Целый выпуск одного из училищ КГБ был послан в ФРГ на заводы фирмы и получил квалификацию механиков по обслуживанию кухонного оборудования. Вернувшись в СССР они стали обслуживать квартиры номенклатуры, сохранив при этом офицерские звания в системе КГБ.

страны вообще и номенклатуры в частности, вынудили партийное руководство объявить политику разрядки напряженности с западом и вытолкнуть своего впадающего в маразм вождя — Брежнева — на запад в поисках иностранных кредитов, без которых номенклатура просто уже не могла существовать. Кризис усиливался резким понижением мировых цен на нефть и прочее сырье, а также значительным повышением цен на золото. Брежнев отправился просить у Запада долгосрочный кредит на модернизацию нефтедобывающего оборудования и на поставки зерна. Уже в течение многих лет поставки американского и канадского зерна не давали в придачу ко всем прочим бедам разразиться в стране обыкновенному голоду. Страна и система на глазах всего мира становились нерентабельными, но еще не желали этого признавать [1]. Андропов начал действовать. Воспользовавшись как-то совместным отдыхом с Брежневым на курорте в Крыму, он, как бы между прочим, сообщил вождю, что имеет информацию о том, что в Азербайджане Ахундов выплачивает в Москву далеко не полную дань, тайно переправляя за границу огромные суммы, полученные им от незаконной продажи нефти и в виде гигантских взяток. Документы, собранные Андроповым, были столь убедительны, что Брежнев, оскорбившись тем, что его столь грубо обворовали, даже без консультации с членами Политбюро, дал шефу тайной полиции разрешение на проведение в Азербайджане крупномасштабной акции «по смене партхозактива».

Война, давно задуманная Андроповым, началась. Всю ночь Андропов говорил по ВЧ с председателем КГБ Азербайджана Гейдаром Алиевым. Хотя и против Алиева в сейфе Андропова лежало немало компромата, что уже стоило жизни трем чекистам из Москвы, положиться в том деле было больше не на кого. Алиев пришел в восторг от перспективы стать первым секретарем компартии Азербайджана и стал действовать с безжалостной решительностью. По всему Азербайджану началась волна арестов, обысков, проверок, смещений. В помощь Алиеву были приданы специальные бригады КГБ и Прокуратуры. Алиев заняв пост первого секратеря компартии республики, заменил примерно 2000 (1983 чел.) чекистами ставшие вакантными номенклатурные

---

[1] Во время дебатов в конгрессе США по поводу очередных поставок в СССР зерна как-то началась полемика: где логика? СССР тратит все свои деньги на танки против нас, а мы его должны за это кормить. Тогдашний госсекретарь США Генри Киссинджер на это ответил: «Пусть уж они лучше сытыми сидят в своих танках. Так будет надежнее. А то стрельба может помешать наступлению доллара».

должиости разиого уровия. Результатом предпрниятых акций стала богатая добыча, впрочем, как и прн всяком набеге. Бесстрастные объективы видео- и кииокамер фиксировали тайиики, иабитые выше человеческого роста пачками деиежиых купюр, металлические бочки, забитые золотыми моиетами и ювелириыми украшеннями, трехлнтровые баики сверкающих алмазов, зловеще поблескнвающне золотые и платиновые слитки. При прнближеиии объектнвов к денежным купюрам можио было отчетлнво разглядеть седые букли, кружевное жабо н суровый лик Джорджа Вашингтоиа. Доллары! Та самая валюта, за само владеиие которой уже около двухсот тысяч человек иаходились за колючей проволокой возрождеииого Гулага. Ахуидов мрачно улыбался. «Этот пес,— говорил ои, имея в виду ие то Алиева, ие то кого-то повыше,— украл мои деньги, которые я честио заработал. Слава Аллаху, ои иашел одиу мелочь. Пусть оии сделают его счастливее, а его дом светлее. Но так деиьгн не зарабатывают». Еще мрачиее был сам Андропов. Во-первых, он поимал и зиал, что удалось схватить только мелочь, прнпрятаииую иа текущие и экстренные расходы. Все наворованиое за долгие годы уже надежно было спрятано за иеприступиыми стальными стенами западных баиков. Во-вторых, Ахундов оставлял себе чуть более третн иаграблеиного, а две трети уходило в Москву. Оио и понятио. Непоиятио другое — почему это так удивило Аидропова, что он сказал генерал-полковинику Пирожкову, своему заместителю: «Все иити тяиутся в Москву. К кому?» Пирожков удивлеиио взгляиул иа своего шефа и позволил себе засмеяться. «Н а в е р и о е, к и а м». Но был прав лишь отчасти.

Следующий удар был ианесеи в Грузии, где в результате был отстранен от власти Мжаванадзе, а первым секретарем ЦК стал геиерал Эдуард Шеварднадзе. Добыча была еще большей, чем в Азербайджане, поскольку Шеварднадзе дал своим людям указанне, не стесняться примеиять к схвачеиным аппаратчикам все методы устрашения вплоть до физического. И били бледиых от ужаса вчерашннх райкомовских секретарей, выбивая нз иих места тайннков со спрятаииымн сокровищами. Результат получнлся орнгиальиым. Было выявлено иемало доказательств прямой причастиостн ко всем этим делам цеитральиого аппарата КПСС, ио часть этих доказательств, проплыв мимо Шевардиадзе и Андропова, где-то бесследно испарилась.

И снова оперативные видеокамеры фнкснруют горы денежиых пачек, где мирно уживаются н уиылый профнль вождя мирового пролетарната, н строгнй облнк Вашннгто-

на, и надменные лица британских королей. Ослепительный блеск золота и бриллиантов на фоне восточных ковровых орнаментов создавал обстановку какой-то сказочной неправдоподобности. Что-то подобное мы уже видели в голливудских фильмах о сокровищах капитана Флинта и капитана Моргана — знаменитых пиратов, праотцев-основателей известных на весь мир династий миллиардеров.

Итак, первые шаги были сделаны. КГБ захватил власть в двух союзных республиках и развернул боевые действия в Средней Азии, где набеговая тактика не принесла успеха. Единым фронтом на пути московских оперативно-следственных бригад стали намертво сросшиеся с мафией местные партийные и чекистские структуры. Феодально-патриархальная этика не позволила быстро найти в этих республиках своих Алиевых и Шеварднадзе. «Чужие деньги не принесут счастья,— сказал генерал Ниязов, которому предложили по кавказскому варианту занять место Рашидова,— да и заработала эта семья их честно». Партструктуры делились на кланы — семьи, создавая чисто феодальные группировки, рассматривающие весь народ в качестве своих рабов, независимо от выполняемой работы. Веками самым грубым нарушением этики в этих местах считалось интересоваться у бая, хана или эмира, как он обращается со своими рабами. В тех краях тогда произошел знаменательный случай. Довольно известный журналист Анвар Рахимов, имея крепкие, как ему казалось, связи в Москве, опубликовал в ряде центральных газет статьи, очень осторожно рассказывающие о том, что творится в Узбекистане и в соседних с ним республиках. В частности, было задето имя Ядгар Насриддиновой, члена ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета Узбекской ССР. Речь шла вовсе не о том, что Насриддинова, имея право помилования осужденных берет за каждое помилование взятку до 100 тысяч рублей, и не о том, что она санкционировала рабский труд детей на хлопковых плантациях, и не о том, какие сцены происходят за стенами ее дворца, где на огромных террасах кричат павлины и трехметровые осетры плавают в светло-изумрудных водах сказочных бассейнов, и не о самом дворце, как бы возникшем из сказок Шехерезады. Речь шла дословно о том, «что товарищу Насриддиновой следует поставить руководство республикой на уровень выдвинутых партией современных задач». После этого призыва Рахимов исчез. В отличие от многих других, его стали искать. И не частные лица, а целая бригада КГБ, чьим агентом Рахимов и был. Выяснилось, что журналист родился в кишлаке Джарнак в Бухарской области. Предсе-

датель КГБ в Ташкенте, разводя руками, сказал: «Мы тут не причем. Местные традиции. Это дело семьи Каримовых. Он их человек». Каримов — представитель мощного бухарского клана, занявшего все места в местном обкоме партии, искренне возмутился. Рахимов? А зачем вам знать, где Рахимов? Распоряжайтесь в Москве! Только много позднее выяснилось, что журналист содержался в специальной тюрьме, которые были во множестве разбросаны на территориях различных поместий, будучи личными тюрьмами местных могущественных владык, ставших партсекретарями и членами ЦК, но превзошедших в произволе ханов старых времен. Рахимов содержался в цепях и с колодкой на шее, подвергаясь избиениям и издевательствам. В итоге он сошел с ума и вскоре после освобождения, умер. Но его трагическая судьба даже не фигурировала в многотомной истории знаменитого «узбекского» дела.

Набег на Среднюю Азию не удался и Андропов вынужден был это признать. Посланные им туда чекисты сразу вляпались в громкие скандалы. Одного неожиданно схватили прямо в собственном автомобиле, где в присутствии понятых был обнаружен «дипломат», набитый деньгами. Заранее было готово заявление от взяткодателя. Другого обвинили в попытке изнасилования несовершеннолетней, третьего — после какого-то обеда увезли в больницу, где едва откачали. А три следователя по особо важным делам Прокуратуры СССР вообще пропали (кстати, не найдены и до сих пор). Высокие должностные лица, на которых рассчитывал Андропов, расплывались в елейных азиатских улыбках, демонстрируя полное непонимание того, чего от них хотят: разве мы не платим бакшиш в Москву большому брату точно и аккуратно? Или большому брату мало? Так, надо так и сказать, а не морочить нам головы и обижать высокопочтенных людей подозрениями в отсутствии печати честности на их лицах...

В результате на Андропова повеяло таким холодом из Кремля, что шефа КГБ пробил озноб. Он понял, что для столь глобальной операции у него еще недостаточно сил. Ясно стало и другое: бессмысленно наводить порядок в республиках, если все дороги ведут в Москву. Бессмысленно тоннами вывозить из республик дензнаки и ценности, если даже он, шеф КГБ, толком не может сказать, куда они затем идут? В доход государства. Это известно каждому школьнику. А что означают эти чеканные слова «в доход государства»? А они всего-навсего означают: в доход КПСС, ибо партия с той же непререкаемостью, но с гораздо большим

основанием, давно повторила знаменитые слова Людовика: «Государство — это я!» Значит все акции, проведенные с таким энтузиазмом Андроповым и его чекистами, были по существу перераспределением партийного богатства в пользу центральных органов КПСС. Понимал ли это Андропов? Конечно. Ведь он сам был представителем тех самых центральных органов и, если он чего и добился этими акциями, то только того, что посадил на два ключевых места в республиках своих людей — потенциальных союзников в будущей борьбе за верховную власть, к которой он сделал первый шаг. А конфискованные его людьми сокровища скрылись в недрах Госбанка и даже он теряет над ними контроль. Это золото партии, а он всего лишь один из ее солдат. Но на лицах чекистов сквозили обида и разочарование.

Вот в МВД, например, и не думают все конфискованное сдавать «государству». Министр Внутренних Дел — всемогущий соперник Андропова генерал Армии Щелоков — открыл в системе МВД целую сеть закрытых магазинов, где за бесценок даже для рядовых сотрудников (разных полковников и подполковников) продают великолепные товары: джинсы, дубленки, электронику, всевозможный антиквариат, полученный в результате вынесения приговоров с конфискацией имущества сотням тысяч жителей страны ежегодно. А уж о руководстве и говорить нечего!

Андропов знает об этом, как знает и о том, что МВД ведет не такую крупную игру, какую задумал он сам. МВД шерстит население страны, имея инструкцию, запрещающую подниматься даже на уровень замминистров. А что касается партийных структур, то ни одного сотрудника МВД, независимо от ранга, не пускают даже на порог райкомов КПСС, какие бы нити туда не вели — даже следы чисто бытовых убийств. Но МВД никуда и не лезет, давно найдя свою «золотую» жилу. Обстановка в стране такова, что можно с закрытыми глазами брать любого хозяйственника, представителя торговли или снабжения, выкачивать из них наворованное, сдавая, что надлежит в доход «государства», не забывая и себя. На Западе никогда не падал интерес к прекрасному дореволюционному русскому антиквариату, а ныне интерес к нему, а следовательно, и цена, резко повысились. МВД быстро выявило подпольный канал ухода антиквариата за кордон и вместе с тем наладило собственные каналы его добычи. Все антикварные магазины превратились в филиалы оганов МВД. Все коллекционеры антиквариата были взяты на учет и их медленно, но верно, проводили через судебные дела с обязательной конфискацией имущества.

Если нет, что крайне редко, но случалось, коллекциоиер доказывал свою кристальиую честность и заручался поддержкой влнятельных людей (на уровие не инже Галины Брежиевой), то получнть от МВД что-либо, изъятое при обыске (а все, коиечио, отбиралось предварнтельио, так как результат считался предрешеииым), было так трудио, что едва ли иаберется десяток человек, которым это удавалось... Коифисковаииые предметы антиквариата выставлялись в специальиом закрытом выставочиом зале МВД в Москве иа ул. Огарева, 6. Вельможные особы из партаппарата отбирали кое-какие вещи себе, а остальиое мнлостнво разрешали реалнзовать иа западиом рынке, естествеиио, за валюту. И МВД, используя свои каналы и каналы уголовиого мира, бесперебойно пополняла активы золота партии. Если уж было необходимо, уголовинков наводилн н иа музен, где в иужиый момеит умелые руки отключали сигиализацию и усыпляли (а то и убивали) охраиу, похищая цеииостн исторического значения. (Как миого прекрасиого успел создать русский иарод, если в процессе непрерывного более чем семидесятилетнего разграбления его богатства так и не смогли выкачать до диа!) Такие нсторнн уже мало кого удивляли. Ведь приказал же первый секретарь Леиинградского обкома КПСС Романов доставнть к себе, храиящийся в Эрмитаже сервиз Екатерииы II н перебил его вдребезги, гуляя иа свадьбе собствеииой дочери. И инчего. Никто даже нн пикиул!

Весь антикварный мир зиал о фигурке обезьянки, вырезаниой из огромного цельного куска янтаря и выставленной в витриие московского магазина «Опал», обслуживающего ниостраицев. Богатые турнсты иеодиократио прицеинвалнсь к стоящему иа витрине янтариому чуду, но иензмеиио получали ответ, что вещь является иациональиым достоянием н не продается. В одио прекрасиое утро обезьяика нз внтрииы исчезла. Слетевшиеся на эту новость аккредитоваииые в Москве амернкаиснe корреспондеиты засыпали вопросами продавщиц н админиcтрацию ювелириого магазниа. Продавщицы стереотипио отвечали: «Вещь продана», а админнстрация таиинственно закатывая глаза, разводила руками. Не могли же оин рассказать, что по приказу генерала МВД Чурбанова — зятя Брежнева и заместителя Щелокова — ночью был поднят с постели директор магазина, и янтарное чудо исчезло. Чурбанов, если верить его словам, выполнял каприз своей жены Галнины Леонидовны, но, несмотря на все ухабы судьбы, отправнвшей самого Чурбаиова за решетку, несмотря иа миогочнслеиные обыскн, совершенные на многочнслеииых квартирах и дачах дочери генсека, обезьянку

так и не нашли. Переплавленная в доллары она заняла место в частной коллекции на западе. Не осталось незамеченным и уникальное бриллиантовое колье старинной работы, принадлежавшее известной советской кинозвезде Зое Федоровой. Колье было в свое время преподнесено актрисе ее мужем, американским адмиралом, находившемся в годы войны с дипломатической миссией в Москве. После войны, по всем правилам насаждаемых Сталиным нормам социалистического образа жизни, адмирала выслали, а Зою Федорову отправили в концлагерь. Видимо предчувствуя свою судьбу, актриса отдала на хранение колье друзьям и тем самым сохранила его. Ныне, на волне объявленной Брежневым из-за недостатка твердой валюты и надвигающейся экономической катастрофы политики разрядки, актриса попыталась выехать к мужу в Соединенные Штаты и получила разрешение. Однако колье через границу не пропустили, объявив Федоровой, что на такую ценную вещь необходимо специальное разрешение. Федорова решила задержаться в Москве, чтобы получить такое разрешение. Она бы бросила колье на таможне, если бы оно не было памятью об ее единственной яркой любви юных лет. Любви, которая стоила актрисе так дорого. Через несколько дней Зою Федорову нашли убитой выстрелом в затылок в собственной квартире, а колье обнаружилось гораздо позднее среди вещей застрелившегося генерала Щелокова. И не только это колье. Обо всем этом Андропов знал. Он сделал попытку подключить КГБ к делам МВД, отобрав себе дела по вещам, «имеющим высокую историческо-художественную ценность». МВД яростно сопротивлялось, не желая пускать соперников в свою богатую житницу, но все-таки нехотя согласилось «на проведение в исключительных случаях совместных операций». Еще до этого Андропову удалось внедрить часть своих офицеров в систему ОБХСС и взять под некоторый контроль так называемую «спецмилицию», занимающуюся мелкими и средними валютчиками. Однако, выяснилось, что антикварные дела совсем не такие простые и легкие, как это казалось на первый взгляд. В квартиру академика Чудновского среди бела дня вломилась банда грабителей, чья «кавказская национальность», если говорить официальным языком, ярко бросалась в глаза. Преступников интересовали картины из коллекции академика. С академиками было сложно. Им нельзя было инкриминировать, как всем прочим коллекционерам, приобретение коллекции на «нетрудовые доходы», а потому и доказать законность конфискации ее в «доход государства». К академикам поэтому применялись другие

методы. Связав хозяина, грабители стали извлекать из рам несколько чрезвычайно дорогих полотен Матисса, как раз входящего в большую моду на Западе. Один из преступников, отжимая ножом гвозди рамы, в спешке всадил лезвие себе в кисть руки и довольно основательно ее поранил. Сделав свое дело, «кавказцы» скрылись. За дело взялся КГБ. Описания потерпевшего были точны, и опытные оперативники быстро поняли, что речь идет о преступной группе из Баку, не раз «светившейся» на делах подобного рода. Прямая спецсвязь с Баку работала отлично и уже через час в КГБ Азербайджана был передан приказ из Москвы об аресте группы с именами и фамилиями для верности. Каково же было разочарование в Москве, когда в Баку, внимательно выслушав поступившую из Москвы информацию, ответили: «Да, эта группа хорошо известна, но, к сожалению, тут, видимо, какая-то ошибка, поскольку перечисленные люди уже скоро год, как выехали за границу по израильской визе». Но КГБ не был бы КГБ, если бы даже сам себе верил на слово и пользовался бы только официальными каналами. Связались с агентурой и выяснили, что вся банда преспокойно находится в Баку, никуда не собирается уезжать, а, напротив, недавно вернулась из поездки в Италию, привезя «кучу» валюты.

Андропов почувствовал себя оскорбленным. Специальная команда оперативников инкогнито, соблюдая все меры конспирации, вылетела в Баку. На одной из военных баз под городом оперативников ждал готовый к немедленному вылету самолет. Банду быстро и без шума повязали в городе, запихнули в автомобили и, не сказав даже «здрасте» местному КГБ, доставили в Москву. Опознание преступников прошло без сучка и задоринки. Характерные лица, шрам на руке — все сходилось. Полковник КГБ, пожимая руку академику, поздравлял его и себя с успехом, уверяя, что дальнейшее следствие не займет и месяца. Через неделю академика снова вызвали к следователю. Глядя куда-то поверх его головы на портрет Дзержинского, полковник, с видимым усилием подбирая слова, сообщил, что дело закрыто, преступники освобождены за недостатком улик. Академик не стал тратить время на «охи» и удивление, а сразу же спросил, где можно обжаловать подобное решение. Полковник, помолчав, ответил: «Видимо, обжаловать можно, если сразу пожалуетесь лично товарищу Брежневу». Полковник делал то, что ему приказали. Академик слег в больницу, не выдержав столь динамичного развития непрогнозируемых событий. Но оба они были бы потрясены еще сильнее, если бы

узналн, что благодаря этому делу Андропов подвергся униженню, какого не нспытывал со сталннскх времен, когда генералнссимус вспомннл о его контактах с союзииками во время войны и чуть было ие ликвидировал, так как был искренне убежден: любой коитакт с иностраицами всегда заканчнвается для советского человека вербовкой в нмперналнстнческую разведку.

Андропова вызвал к себе Суслов — член Политбюро и главный партийный идеолог, в кабинете которого находнлся Борнс Пономарев — заведующий междуиародным отделом ЦК КПСС. Суслов сухо поинтересовался почему люди Андропова позволяют себе бандитские акции в столицах союзных республик, даже ие ставя об этом в известиость местное партийное руководство. Андропов пытался объяснить, что речь идет об опасных преступниках, можно сказать, о бандформированин, на ликвидацию которого было отпущено так мало времени, что было совершенно невозможно затевать волокиту межреспубликанских согласований. На это Суслов заметил, что только суд определяет, является ли какое-либо лицо преступником или бандитом, а отнюдь не органы безопасности, о чем нмеется целый ряд партийных документов н решений съездов, которые Андропову неплохо было бы изучить. Еще не совсем понимая суть разворачнвающейся интригн, шеф КГБ с недоумением взглянул на главного партнйного идеолога, но тут в разговор вмешался Пономарев. Борис Пономарев был наиболее влиятельной фнгурой в аппарате ЦК КПСС, настолько влиятельной, что о делах возглавляемого им международного отдела ЦК даже Андропов знал только то, что ему было положено знать, а все попытки узнать больше, либо наталкивались на глухую стену непроницаемой секретности, либо рассеивались в лабирннтах контрверсий, умело пущенных слухов н искусного легендирования. Люди Андропова обслужнвали международный отдел ЦК, рыская по мнру с чемоданамн нностранной валюты, передавая ее в укромных местах нз рук в рукн представителям разных братских компартий, левацким группнровкам н многочисленным террористнческим организациям — единственным представнтелям выроднвшегося коммуннстического рабочего движения. Из мозаичных рапортов этнх курьеров трудно было составить полную картину происходящего. Работала старая конспиратнвная схема, родившаяся еще в гениальных головах Парвуса и Ленина — самых талантливых преступников XX века. Маленький, худой и подвижный, как сперматозоид, Пономарев отличался небывалой для номенклатурного деятеля

работоспособиостью, личио колеся по странам мира и имея доступ ко всем партийным генсекам плаиеты, включая и Брежнева, в любое время дия и иочи. Глядя иа Аидропова через толстые стекла западногерманских очков, Поиомарев скучным и скрипучим голосом иеожидаиио стал читать ему лекцию о текущих проблемах социалистического строительства. Построеиие коммуиистического общества, отметил заведующий междуиародным отделом ЦК, иаталкивается в настоящее время иа препятствия в виде отрицания социалистической государствеииости со стороны отдельных лиц и, ие будем скрывать, известиых категорий иаселеиия, попавших под воздействие западиой пропаганды и в силу этого переродившихся. Кому-кому, а уж Андропову наверияка известио сколько сил и средств тратит ЦРУ на эти цели, культивируя среди советских людей мещаискую идеологию, тягу к роскоши и иеуемиому потребительству.
Все больше удивляясь, Аидропов виимательио слушал. Ои и сам, коиечио, умел говорить иа партийном «иовоязе», но, как и все, поиимал его плохо. Поэтому политика иашей партии, продолжал Поиомарев, в сфере коммуиистического строительства, как и прежде, осиована иа бессмертиых идеях Маркса и Ленина о всеобщем равеистве в рамках едииого социалистического отечества. Не выдержав, Аидропов поиитересовался, какое отношеиие ко всем этим, разумеется, бесспорным истииам имеет вооруженный разбой, в результате которого похищеиы картины Матисса стоимостью в иесколько миллионов долларов. А такое, пояснил Поиомарев, что картииы Матисса стоимостью в несколько миллиоиов долларов, ие висят в каждой квартире, а потому создают иервозиую обстаиовку классового неравенства в бесклассовом обществе. Есть вещи, которые вообще ие могут храииться в частиых коллекциях, как по идеологическим соображеииям, так и по соображеииям безопасиости самих вещей, что указаииый случай очеиь характерио подчеркиул. Суслов согласно кивал, глядя в простраиство.
«Так где же эти картины?» — сквозь зубы процедил Аидропов, исподлобья взирая иа заведующего международиым отделом ЦК.
Поиомарев чуть не подпрыгнул.
Да разве речь идет о картииах? — почти закричал он.— Речь идет о людях, которых вы схватили в Баку с иарушением всех норм социалистической закониости. Товарищ Алиев (Аидропов вздохиул и закрыл глаза) с возмущеиием звоиил лично Леониду Ильичу, и тот намерен поставить этот вопрос на Политбюро. Партия всегда боролась и будет

бороться против произвола и беззакоиия!» Поиомарев, помимо всего прочего, был еще и академиком, так что спорить с иим было трудио... Отдавая приказ иачальиику следствеииого управлеиия КГБ геиерал-лейтеиаиту Курбаиову освободить бакиицев, Аидропов, криво улыбаясь заметил: «Ни к кому больше ие буду ходить в гости. Боюсь увидеть эти картииы в чьей-иибудь коллекции».

«Я могу сказать в чьей»,— ухмыльиулся Курбаиов.

«Пока ие иадо,— остаиовил его Аидропов,— скажете, когда я спрошу...» Ои сам коллекциоиировал картииы, собирал фраицузскую эротическую броизу прошлого века, музицировал и даже баловался стихами, как Мао-цзе-дуи. А потому был вдвойие уязвлеи.

Под «действием иепреодолимых сил» ои сдал уже миогие позиции. Часть его людей стала получать жаловаиие в долларах и сертификатах. Ои ие только разрешил, ио добивался этого, составляя секретиые докладиые записки в ЦК о иеобходимости прикрыть КГБ от всепроиикающей, как иаправлеииая радиация, коррупции. А случаев уже было столько, что можио было иасторожиться. Некоторых чекистов пришлось даже расстрелять за взятки. Причем та быстрота, с которой эти приговоры выиосились и приводились в исполиеиие, явио говорила о том, что к делу причастиы и миогие иачальиики казиеииых. Одиако, выплата иекоторым подразделеииям жаловаиия в валюте, мгиовеиио расколола и без того уже ие моиолитиые ряды потомков железиого Феликса. Подразделеиия, которые обошли, стали глухо роптать, явио демоистрируя свое иедовольство. Некоторых уволили из оргаиов, других иаказали в дисциплииариом порядке. Чекистам читали лекции и проводили беседы, идиотские как по форме, так и по содержаиию. Люди сидели, откровеиио скучая, и даже дремали. Пришлось по воеиторговской сети срочио открывать по управлеииям сеть закрытых магазииов за рубли. Было в этих магазииах, предиазиачеииых для младшего и средиего офицерского состава, ие Бог весть что, ио все же: разиые там дешевые джиисы, бельгийские костюмы, рубашки «сафари», импортиые сигареты, продовольствеииые заказы. Люди взбодрились. Аидропов личио выбивал по округам льготиую очередь иа жилье для своих людей, преодолевая явиое иепоиимаиие обкомов и горкомов и яростиое сопротивлеиие чиновииков горисполкомов, теряющих свой закоииый «заработок» иа льготиом предоставлеиии жилплощади. Все это помогало мало. Секретариат Аидропова был забит заявлеииями иа предоставлеиие или улучшеиие жилплощади. Все вместе дико завидовали

Первому Главному Управлению (ПГУ), занимавшемуся внешней разведкой. «Кадровая засоренность» там была потрясающей, что неоднократно подчеркивал в своих секретных рапортах на имя Андропова начальник управления кадров КГБ генерал Чебриков. Разные «папенькины» сынки и элитарные детки из потомственной номенклатуры рвались в кадры разведчиков, поскольку к этому времени столь героическая профессия неожиданно стала совершенно безопасной, но по-прежнему высоко престижной и очень выгодной. Проводя большую часть времени на западе под прикрытием дипломатических паспортов и под крышей разных ведомств от АПН и Аэрофлота до Госконцерта, получая зарплату в валюте и деньги на оперативные расходы, разведчики, балдея от своей сказочной жизни и рискуя разве что быть высланными, занимались за рубежом откровенной «чернухой», порой переводя статьи из открытых западных журналов и посылая их в центр в качестве добытой секретной информации. При этом они легко перевербовывались западными контрразведками, иногда даже не подозревая об этом. В Москву шли такие потоки информации и дезинформации, что обработать ее с помощью тех примитивных средств, которые были в наличии, стало немыслимым. Назревал информационный хаос. Тысячи и тысячи кассет с подслушанными разговорами от министерских канцелярий в Вашингтоне до коммунальных кухонь в собственной стране лежали необработанными. Миллионы справок, отчетов, досье уходили в архив непрочитанными. Сказывался и постоянно увеличивающийся разрыв в уровнях образования и технической подготовки на западе и в СССР. Одному резиденту в США за большие деньги американцы подбросили чертежи гидролокатора образца 1942 года. Но в этом в Москве быстро разобрались. А были случаи и посложнее. Полученные якобы секретные американские технические разработки и расчеты направлялись в соответствующие НИИ, приказывая им работать в данном направлении. Многотысячные коллективы трудились годами, приходя к выводу, что направление бесперспективно и ведет в тупик. Но это еще нужно было доказать чиновникам. А доказать это было трудно,— в многотомные компьютерные расчеты американцы сознательно вводили ошибки. Понимать это начинали, когда разбивался очередной самолет, взрывалась ракета или разлетался на куски испытательный стенд. Но и это было не самое страшное. Страшной была обреченность, о которой, не подозревая этого, докладывала разведка.

На западе удалось купнть без особого труда н за четверть цены (трн мнллнона долларов) американский нстребитель-бомбардnровщнк «Фантом». Советскне спецналнсты, осмотрев машнны, былн поражены ее электронной насыщенностью. Имея примерно равные с советскими машннамн подобного класса аэродннамнческне н маневренные характерnстнкн, «Фантом», благодаря своей электроннке, нмел возможность обнаружнть н уннчтожнть советскне самолеты намного раньше н на гораздо большей днстанцин. И ни одного узла нз его аппаратуры обнаруження, электронного протнводействня и поражения советская промышленность была не в состояннн даже скопнровать. Старая болезнь, начавшаяся от нсторнческнх сталннскнх слов об электронике как «о чуждой марксnзму жидовской лженауке», оказалась хроннческой и неизлечнмой.
Поражающая своей эффектнвностью амерnканская ракета воздушного боя «Скайуиндер» была тоже без особого труда прнобретена на западе за полцены (позднее выяснnлось, что н еще дешевле — разведчнкн тоже всегда «выкранвалн» себе на черный день). А две другне ракеты вообще досталнсь почтн даром — от вьетнамскнх партнзан, укравших нх прямо нз-под крыльев амерnканскнх нстребнтелей на какой-то базе в Южном Вьетнаме. Советскне спецналнсты, которые постоянно мечтали посмотреть схему наведення этой ракеты, осуществнв свою мечту, скорбно поджали губы. Да, схема была простой, как грабли. Амерnканцы вообще ннкогда не любнлн сложностей, породнв даже нацнональную поговорку «он недостаточно умен, чтобы делать простые вещн». Все это было так. Но в основу схемы наведения входили микролампы, которые Советскнй Союз прн всем своем желаннн пронзводнть не мог. Для этого понадобнлось бы на два порядка повысить вакуум на заводах, построенных в свое время заключенными и стройбатовцамн.
А амерnканцы, как бы нздеваясь, продают советской разведке весь комплект чертежей (вагон) н все технологнческне карты пронзводства атомных подводных лодок-ракетоносцев тнпа «Джордж Вашннгтон». Стройте, ребята, веселнтесь. Ах, как все тогда былн возбуждены. На каждом лнсте амерnканскнй гриф «Топ снкрет!» н два нашнх: «Совершенно секретно! Особой Важностн», фнолетовые штампы с двумя нулями н прочая экзотнка. Сам Брежнев прнннмал двух парней нз ПГУ, которые купнлн н дотащнлн всю эту гору макулатуры до Москвы, н вручнл нм по звезде Героя. На проверку оказалось, что даже н говорить об этом не стонло. Достаточно только вспомннть, что е д н н с т в е н-

ным в мире погибшим ракетоносцем оказался ракетоносец именно этой серии, которую в судостроительных кругах так и прозвали «Иван Вашингтон».

Все эти игры стоили громадных денег, не принося либо никаких результатов, либо откровенный вред. Это уже была традиция. Сильно ли помогло стране, что разведка в свое время точно установила дату нападения на СССР — 22 июня? Скверным во всем деле было то, что разведчики так привыкали к жизни на западе, что возвращались домой с огромной неохотой, надеясь, что период пребывания на родине будет кратковременным, а если такой надежды не было, то просто отказывались возвращаться. При этом либо скрывались, либо шли сдаваться. Трудно назвать страну, где бы подобное не произошло в андроповские и постандроповские времена. Но, как ни странно, все это никак не отразилось ни на карьере самого Андропова, ни на карьере начальника ПГУ генерала Крючкова, которого Андропов тащил за собой по служебной лестнице со времен подавления венгерского восстания в 1956 году. Это, видимо, происходило, во-первых, потому, что бегство на запад номенклатурных сынков, составляющих основную массу сотрудников внешней разведки, не очень беспокоило саму номенклатуру, уже морально готовую последовать их примеру, а, во-вторых, еще и потому, что фронт тайной войны на западе, несмотря на всю его романтичность, все-таки считался вспомогательным по сравнению с глобальным фронтом тайной войны, бушевавшей внутри страны. В своем неугомонном желании спасти родину и в упоении от успехов на Кавказе Андропов решил сделать следующий шаг. В качестве цели для следующего удара, он выбрал Московский Горком Партии, возглавляемый членом Политбюро ЦК Гришиным [1]. МГК превратился в гнездо коррупции, казнокрадства и разных прочих темных делишек, до мелочей напоминая гангстерский синдикат где-нибудь в Чикаго в начале 20-х годов. Разница была лишь

---

[1] Предшествеииком Гришнна иа посту первого секретаря МГК был иекий Егорычев, также погрязший по уши в коррупции, ио мечтавший подияться на уровень большой политики. А потому ои регулярио слушал лекции о козиях мирового сиоиизма и постояиио коисультировался иа эту тему с КГБ, который, в свою очередь искал способа свалить Егорычева и посадить иа его место аидроповского человека. Имеино на борьбе с мировым сиоиизмом Егорычев и сгорел. Как-то иа совещаиии в Политбюро в присутствии Брежиева, когда иа Ближием Востоке бушевала в 1973 году очередиая войиа, Егорычев, хлебиув коньяка больше обычиого, предложил десаитировать иа Сииайский полуостров советскую морскую пехоту и иачать марш иа Тель-Авив.

Брови Брежиева изумлеиио взметиулись, а миоистр обороиы побледиел,

в том, что гангстерский сииднкат платил иалоги и побаивался полиции, в то время как МГК и иалогов не платил, и милиция вытягивалась в струику и брала под козырек при виде даже мелких клерков из этого могуществеииого заведения. Наглея от безнаказаииости, МГК стал совершать ошибки. Члеи бюро горкома и первый секретарь Куйбышевского райкома города Москвы — Галушко, получил взятку в полтора миллиона рублей (частичио драгоцеииыми камнями) за предоставление четырех квартир каким-то темиым личностям из Тбилиси. Одиако, взяв деньги, клиеитов обмаиул. Разъяренные, они не пожалели дальнейших расходов и вышли на весьма замкиутый и влиятельиый круг аваитюристов, близких к дочери Брежиева — Галине. Неизвестно, какие пружины нажала дочь генсека, но в спецдом к товарищу Галушко пожаловала бригада ОБХСС во главе с самим геиералом Гришииым (по ироиии судьбы одиофамильцем первого секретаря МГК) и произвела обыск, коифисковав золота и ценностей, а также деизиаков на сумму в 4 миллиоиа рублей. Галушко был арестоваи. На следующий день дело было передаио в КГБ. Аидропов сам допрашивал потерявшего от страха голову секретаря райкома и добился от него признаиия, что ои был всего лишь «шестеркой» у деятелей горкома.

Андропов стал обдумывать как бы все это получше доложить Брежиеву, чтобы одиим молодецким ударом свалить весь горком, сделать его филиалом Лубяики и иачать иаступлеиие иа Кремль.

Но иабат тревоги уже звучал в Московском Горкоме Партии. Упрятав часть своих сотрудииков иа дачах и в спецбольиицах, Гришии кииулся к Брежиеву.

Галушко был освобождеи, а геиерал Гришии отдаи под суд «за злоупотребление служебным положеиием» и осуждеи. Аидропова вызвали к Генеральиому Секретарю.

Брежиев смотрел иа него с укором. Присутствовавшие Суслов, Гришин, Черненко и оказавшийся по какому-то случаю в Москве Рашидов иабросились иа шефа КГБ, как свора

поскольку почувствовал в этом лихом призыве иитригу против себя. В 1973 году высаживать еще было нечего и ие иа чем.

«Товарнщ Егорычев,— поинтересовался Брежнев,— чье миеиие вы высказываете?»

«Миеиие Московского горкома партии»,— ответил первый секретарь МГК.

«Значит вы подобные вопросы обсуждаете иа горкоме»,— со зловещими нотками в голосе спросил геисек.

Наступило тягостное молчание, в результате которого первым секретарем МГК стал Гришии — человек Суслова.

Андропов был еще слишком слаб.

охотничьих псов. Ему напомнили, что главной задачей КГБ является охрана номенклатуры, а не надзор над ее нравственностью. Для этого существует комиссия партийного контроля, у которой могут найтись вопросы и к самому Андропову. Скажем, известно ли Юрию Владимировичу, что происходит ежедневно на тех многочисленных и роскошных квартирах, которые переданы ему из драгоценного спецфонда столнцы в качестве конспиратнвных. Хорошн конспиративные квартиры о дебошах в которых знает весь дом, а то и весь район! Кому и сколько валюты сдают простнтуткн, работающие под надзором 5-го управления КГБ? На какие деньги и зачем организуются непонятные боевые подразделения КГБ? И главное: КГБ совершенно распустнл своего основного противника, ради которого партия и терпнт на своем балансе столь огромный карательный аппарат. Речь идет о населении страны, которое уже позволяет себе черт-те что! Страна наполнена антнсоветской литературой, по всем каналам передается какая-то ндеологически вредная музыка, печатаются черт знает какие книги. Молодежь не желает ни работать, ни служить в армии. Имеет место ннзкопоклонство перед западом и восхваленне западного образа жизни. Вот с чем должен бороться КГБ, а не рыскать по райкомам в понсках добычи. Андропов пробовал возражать. Разве не сама партия затеяла зангрывание со Штатамн и в ответ на креднты открыла еврейскую эмнграцию нз страны, получая деньги с каждого выпущенного еврея? Разве не он, Андропов, всегда был против и заигрывания с потенциальным противником, и против разрешения какой-лнбо эмиграции нз страны? Он даже напнсал специальный меморандум по этому поводу. Разве не он организовал высылку из страны клеветника и отщепенца Солженицына и ведет непрекращающуюся кампанию по шельмованию Сахарова и ему подобных, потихоньку выпихнвая их за рубеж нли сажая за решетку? Он и его ведомство, еслн не считать армнн, единственный работающий в настоящее время государственный институт, в то время как многне товарищн просто самоустранились от дел за высокнми заборамн н дубовыми дверями, занимаясь при этом, мягко говоря, неизвестно чем. Если партия не будет бороться с перерожденцами и взяточниками в своих рядах, она погибнет н погубит страну. Все несколько успокоилнсь и разговор пошел в более мнролюбивых тонах. Нет, никто не сомневается в преданности товарища Андропова делу партин и ее ндеалам. К сожаленню, реалии современного мира днктуют именно такую полнтнку партии на данном этапе. То, что необходимо в стране навести

порядок, никто не возражает, но разве у товарища Андропова, у нашего дорогого Юрия Владимировича, такой избыток сил и такой узкий фронт работ, что он начинает вести огонь по своим, по ветеранам партии и революции? В этой фразе, взятой почти дословно из выступления Хрущева на XX съезде партии, заключался глубокий смысл. Начатая Хрущевым и одобренная номенклатурой десталинизация, ставила своей целью не разоблачение преступлений режима против страны и небывалого в истории геноцида против собственного народа, а разоблачение методов Сталина в его непрекращающейся войне против номенклатуры [1]. «Сталин стрелял по своим,— ревел в микрофон Никита Хрущев,— по ветеранам революции! Вот за этот произвол мы его осуждаем... В истории человечества было немало жестоких тиранов, но все они погибли так же от топора, как сами власть свою поддерживали топором...» Хрущев сказал даже гораздо больше, чем хотел. Признав в ораторском угаре, что Сталин был убит своими верными учениками (чуть ли не топором по голове), Никита Сергеевич предупредил все грядущие поколения партноменклатуры о главной опасности: Не стреляйте по своим! Или погибнете от топора. Андропов молчал.

Итог подвел Брежнев. Впадающий в прострацию вождь КПСС не любил подобных разборок, которые мешали ему наслаждаться жизнью в его роскошных особняках и охот-

[1] Поэтому такой общественный резонанс вызвало неожиданное появление книг А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» и «Архипелаг Гулаг», где впервые было открыто заявлено, что на каждого убитого партсекретаря приходилось миллионы и миллионы убитых и замученных простых людей. Что надо поминать не 1937 год, когда Сталин сводил счеты с номенклатурой, а все десятилетия коммунистического режима, последовательно и беспощадно истреблявшего собственный народ.

За чтение «Архипелага» давали срок — до 7 лет лагерей и 5 лет ссылки вплоть до 1985 года. Это общеизвестно. Интересно другое: книга была впервые издана на западе на средства... КГБ (даже без ведома автора). Взрыв общественного мнения в мире был страшным, как успех самой книги, мгновенно переведенной на все существующие языки. Название СССР исчезло и было заменено на «Архипелаг Гулаг». Один советский журналист как-то «проголосовал» на пустынном аргентинском шоссе грузовику, на котором собирался добраться до соседнего городка. Шофер грузовика, индеец средних лет, поняв, что везет иностранца, поинтересовался откуда тот.

«Из России»,— ответил журналист.

«А-а,— протянул шофер,— я знаю. Я читал „Архипелаг Гулаг“». Циники говорят, что КГБ сделал это специально, чтобы обеспечить себя работой на долгие годы, чтобы всегда было кого и за что сажать. Но неисповедимы пути тайной войны, особенно, когда шеф КГБ стремится к верховной власти.

ннчьнх замках, разбросанных по всей стране н по многнм странам Европы.
«Я внжу, что товарнщн понялн друг друга, н это очень хорошо». И торжественно расцеловал Андропова в обе щеки, прослезясь. Но в тот же день первым заместнтелем Андропова был назначен генерал Цвнгун — шурнн Брежнева, женатый на родной сестре жены генерального секретаря. Намек был более чем ясен. Борьба обострялась.
Андропов знал гораздо больше того, что высказал перед разволновавшнмнся номенклатурщнкамн, но н он еще всего не знал.
Амернканскнй грнф «Доступ огранnчен», забнтый советскнм штампом «Секретно» н регнстрацнонным штампом секретного делопронзводства: «Доклад ЦРУ об экономнческом и внутриполнтнческом положеннн в СССР. Аналнтнческнй отчет для Презндента, Правнтельства н Конгресса Соедненных Штатов на 1978 год». Подлнннк н почему-то на русском языке. Почему? Да чтобы в КГБ не тратнлн время на перевод, а чнталн сразу, как только двухсотстранччный отчет будет передан (якобы от агентуры) советской разведке н переслан в Москву. Очень любезно со стороны амернканцев, что онн взялн на себя часть забот огромного аппарата советской тайной полнцнн. «А чего это онн сталн печатать свон отчеты на русском языке?» — спроснл уднвленный начальннк ПГУ Крючков Андропова, хотя об этом Андропов должен был спроснть Крючкова. «Да будь я н негром преклонных годов, н то без уснлья н лени я русскнй бы выучнл»,— процнтнровал Андропов, любнвшнй блеснуть ннтеллектом перед подчнненнымн. Крючков ушел в недоуменнн от того, что подобная деталь его шефа ннсколько не заннтересовала...
«...В настоящее время в центральном аппарате КПСС н в руководящем аппарате компартнй Союзных республнк совершенно отчетлнво наметнлась тенденцня к расколу. Главной прнчнной этого является постоянно ухудшающееся экономнческое положенне страны. Стагнацня всех вндов промышленностн, устойчнвый спад пронзводства, катастрофнческое паденне пронзводительностн труда, хроннческне неурожан еще более усугубнлнсь паденнем мнровых цен на траднцнонные товары советского экспорта: нефть, газ н необработанную древеснну. Огромное по объему, совершенно несбаланснрованное военное пронзводство, ежегодно расширяясь, губнт все другне отраслн промышленностн, ставя страну во все увелнчнвающуюся завнснмость от нмпорта шнрокого ассортнмента товаров первой необходнмостн,

включая продовольствие. Между тем, престарелое руководство СССР не только не видит гибельности пути, но, напротив, втягивает страну в спирали новых глобальных расходов, которые та ни теоретически, ни практически уже выдержать не может... Финансовая поддержка компартий во всем мире, помощь развивающимся странам, с надеждой, что они выберут т. н. «социалистический путь», спасение от банкротства стран-сателлитов Восточной Европы, конфронтация с цивилизованным миром, весь этот многолетний путь, как уже совершенно очевидно, ведет в никуда, но Кремль продолжает с упорством обреченного по нему идти... Страны-сателлиты Восточной Европы, которые многие наши политики давно называли «минами замедленного действия», действительно становятся таковыми, загоняя Москву в безвыходный тупик перед страхом неизбежного взрыва. В условиях коммунистической экономики, когда царит сильный товарный голод и господствуют автарктические тенденции, а чисто условные деньги имеют лишь относительную ценность, абсолютной ценностью являются только товары... Поставляя товары странам-клиентам, советское правительство отрывает у своей же страны и экономики самое необходимое. Завышенные цены не уравнивают положения, так как продукция, которую страны «народной демократии» дают взамен, значительно более низкого качества, чем западная, что создает постоянный товарный вакуум в СССР... Для поддержания же хоть на каком-то уровне торговых отношений с Западом Советский Союз вынужден разрабатывать нерентабельные шахты и рудники, требующие миллиардов государственных субсидий, добывать низкокачественную нефть в отдаленных, труднодоступных районах страны, где ее себестоимость очень высока, загнав самого себя в своего рода экономический заколдованный круг, из которого нет выхода... Брежнев, посетивший Индию, подписал соглашение о предоставлении правительству Ганди кредита в размере 820 миллионов долларов. Кроме того, он обещал увеличить поставку Индии нефти на 1 миллион тонн (сейчас поставляется 1,9 миллиона тонн). Было подписано также секретное соглашение о поставках вооружения, в частности 25 самолетов МИГ-25 — на общую сумму в 1,6 миллиарда долларов. Как всегда, льготный кредит на поставку вооружений составлен таким образом, что непонятно, собирается ли Индия его когда-либо гасить... Во что обходятся СССР ежегодно страны-сателлиты в поставках сырья и готовой продукции существуют лишь оценочные данные. Однако СССР ежегодно тратит на указанные стра-

иы и твердую валюту, увеличивая постояиио растущую собствеииую задолжеииость западу, составляющую в иастоящее время 17 миллиардов 900 миллиоиов долларов. Кроме того, Кремль взял иа себя обязаииости гараита западиых кредитов в страиы Восточиой Европы потеициальио взвалив иа свои плечи долг еще в 60 миллиардов долларов.

Отиосительио ежегодиых долларовых субсидий в страиы-сателлиты существуют точиые даииые, приведеииые в иижеследующей таблице:

	Советские субсидии в миллиоиах долларов	**Задолженность Западу** в миллиоиах долларов
ГДР	292	11 500
Куба	1860	—
Чехословакия	344	4 500
Польша	1 900	23 000
Моиголия	86	—
Румыиия	460	9 500
Веигрия	167	8 900
Вьетиам	1 040	—
Болгария	127	4 500

За последиие 10 лет Советский Союз истратил таким образом 85,8 миллиарда долларов, распределив эти огромиые средства следующим образом:
Куба — 15,4906 миллиарда долларов,
Вьетиам — 9,1312 миллиарда долларов,
Сирия — 7,426 миллиарда долларов,
Ирак — 3,7656 миллиарда долларов,
Эфиопия — 2,8605 миллиарда долларов,
Севериая Корея — 2,2341 миллиарда долларов,
Моиголия — 9,5427 миллиарда долларов,
Иидия — 8,9075 миллиарда долларов,
Польша — 4 миллиарда 955 миллиоиов,
Афгаиистаи — 3,055 миллиарда долларов,
Алжир — 2,5193 миллиарда долларов,
Аигола — 2,0289 миллиарда долларов.
Все эти расходы, имея ежегодио теидеицию к увеличеиию, ие прииосят Советскому Союзу решительио иикакой выгоды и в термииах реальиых межгосударствеиных отиошеиий ие могут быть объясиеиы. Политические выгоды, достигаемые при этом Кремлем, иичтожиы, а их перспектива выглядит весьма сомиительиой. Так, иапример, в Аиголе, иесмотря иа массироваииые поставки МПЛА советского вооружеиия,

на террнториях, коитролируемых марксистскнми группировками, нашн иефтяные кампаннн продолжают добывать нефть, а южио-амернканские — алмазы иа еще более льготиых условиях, чем до советского проиикиовения...
Гигаитские суммы расходов Кремля складываются главиым образом нз массированиых поставок вооружения и сырья (в осиовном иефти н нефтепродуктов) страиам-клиеитам с едииствеииой виднмой целью — поддержки местиых коммуиистических или прокоммуиистических правителей. Однако в этом потоке присутствуют и прямые перемещения золотых фоидов и иаличиых деиег по системе коитролируемых Москвой банковских структур, а также и через междуиародиую баиковскую сеть. При этом деньги, перечислеииые, скажем, Кубе, оседают в банках Испаинн и Фраиции иа фиктнвиых счетах подставиых лнц или фирм, составляя, с одной стороиы, личные фоиды семьи Кастро, а с другой — капитал, якобы полиостью принадлежащий местиым компартиям. Но это ие совсем так, поскольку Москва с легкостью сиимает деиьги с этих счетов, тратя нх по своему усмотреиию. Так, во время иедавиего пребываиия неофицальиых советских делегацнй в Моите-Карло и Кеиии, где иа различиые товары и услугн (рулетка н сафари) былн соответствеиио истрачены 240 н 285 тысяч долларов, деиьги иа покрытне этих расходов были сияты со счетов нспаиской компартии... Более того, деньгн Кремля вкладываются в капиталы известиых фирм н кампаиий, которые ие только не имеют ннкакого отиошеиия к мировому коммуинстическому движению, ио, напротив, официальио клеймятся Москвой, как входящие в воеиио-промышлеииый комплекс Запада. Создается парадоксальная картина вкладываиия Москвой деиег в иашу обороиную систему вместо того, чтобы истратить их иа собствеииую больиую экономику. В иастоящее время имеются даииые о иаличии деиег Москвы в алмазообрабатывающем бизиесе (фирмы ЮАР, Израиля н Голлаидии), в игорном бизиесе (Моите-Карло, Лас-Вегас, Гоикоиг), в приобретеиии через подставиых лиц около дюжииы казиио, игориых н публичиых домов в различных коицах мира, в иаркобизиесе (связь через Кубу с иаркокартелями Латииской Америки и через Афгаиистаи и собствеииые мусульмаиские республнкн с иаркосиндикатамн центральиой н юго-восточной Азии)... В ходе последних коитактов советского руководства (поездки Брежиева и Громыко) с руководством США н стран Западной Европы Москва иеоднократио заявляла как главную цель указанных контактов — острую необходнмость получеиия западиых кредитов для модерни-

зации всей добывающей индустрии и сельского хозяйства. Однако предложения западных стран о поставках соответствующего оборудования в счет предоставляемых креднтов было отвергнуто и высказано желание получения чисто денежного кредита, поскольку советская сторона еще не выбрала поставщиков и намерена организовать конкурс фирм. Почти полностью полученные креднты осели на счетах в западных банках и фактически перераспределяются на личные счета высших партийных чиновников... Создается впечатление, что какая-то часть руководства КПСС, гораздо отчетливее видя изнутри, чем мы извне, надвигающуюся на страну катастрофу и ее неизбежность, заранее готовилась к исходу на запад, создавая для этого материальную базу. Именно созданием материальной базы будущего исхода, видимо, и определяется вся внешняя и внутренняя полнтика СССР, не имеющая никакого другого объяснения. В результате подобной политики золотой запас СССР уменьшился примерно втрое за последние 30 лет и продолжает стремительно уменьшаться. Постоянно прогрессирующий промышленный спад грозит выйти нз-под контроля и привести к полному экономическому хаосу, что создает уникальную возможность уничтожения Советского Союза как великой мировой державы, не прибегая к военным средствам... Представляется целесообразным в ближайшее время попытаться расширить количество стран-клнентов СССР увеличивая объем его непомерных расходов (а еще лучше — его прямого вовлечения в какой-лнбо крупный регнональный конфликт) и продуманной кредитной политикой, расширяя раскол в кремлевском руководстве...» Далее шло пространное исследование вопроса, где лучше всего втянуть СССР в региональный конфликт. Рассматривались Куба, Ближний Восток, Ангола и даже возможность провоцирования войны с Китаем. Приводились бесчисленные доводы за и против, говоря больше об огромной информированности авторов доклада, нежели об их намерениях... Доклад ЦРУ недаром попал к Андропову на русском языке. В нем не было ничего, чего бы не знал шеф КГБ. Разве что многие положения были сформулированы более четко и с меньшей словесной шелухой, чем в совершенно секретных справках самого КБ, где все-таки многие вещи боялись называть собственными именами, но зато назывались конкретные фамнлии. Только крутые реформы могли спасти страну, но даже начать эти реформы не представлялось возможным в тех условиях, в которых СССР находился. Только разгромив и уничтожив существующую номенклатуру — и это ясно ви-

дел Андропов — можно было прнступнть к наведению порядка в стране, а затем и к коренным преобразованням. Но где взять людей для осуществлення столь прекрасных замыслов. Где взять те кадры, которые «решая все», спасут страну? Его смелая мысль заменнть номенклатуру своими чекистамн, хотя еще н нмелась в внду, но уже успела прннестн немалые разочаровання. Азербайджанскнй экспернмент продемонстрнровал, что чекнсты, дорвавшись до хлебных номенклатурных постов, ведут себя, благодаря прнсущей нм храбростн н решнтельностн, еще более нагло, чем нх предшественники. Сам Алнев, быстро войдя во вкус открывшнхся возможностей на посту Первого секретаря ЦК компартнн республнкн, превратнл Азербайджан в нечто весьма напомннающее Багдадскнй Халифат времен легендарного халнфа Гаруна-аль-Рашнда. Алнева так уже и звали в Баку — «Гарун-аль-Рашнд» н с ностальгией вспомннали времена Ахундова. В настоящее время, по сведенням Андропова, Алнев лнхорадочно готовнтся к предстоящему внзнту в Баку самого Брежнева, отлнвая по этому случаю золотой бюст генерального секретаря весом 15 килограмм, подбирая бриллнанты и антиквариат, поскольку слабость к этнм предметам, как самого Брежнева, так и членов его семьн была общензвестна. А время для действнй стремнтельно уходило. Земляк Андропова по Ставрополью, член Политбюро ЦК КПСС Федор Кулаков, отвечающий в Полнтбюро за сельское хозяйство, разделял все взгляды шефа тайной полиции и был тем практическн едннственным человеком, на которого Андропов не только рассчитывал, но н мог действнтельно положиться. Энергичный и решнтельный, Кулаков был значительно моложе большннства престарелых кремлевскнх владык. Будучн еще в состояннн работать много и плодотворно, Кулаков был решнтельным сторонником раднкальных реформ. Его звезда стремнтельно взошла во времена Хрущева, но также стремнтельно н закатнлась. Хрущев отправнл его в почетную «ссылку» в Ставрополь, где у того и произошло знакомство с Андроповым. Суть кулаковских предложеннй по спасению страны заключалась в раднкальной реформе государственно-партнйного аппарата, замены номенклатуры нниститутом чиновников с легальными привилегнями государственных служащнх и строжайшим контролем за нх доходамн. Это было в свое время мечтой самого Хрущева, но он не только не решнлся на какне-то резкне шаги, но н испугавшнсь возможных последствнй, отстраннл от себя Кулакова. Кулаков приннмал актнвное участне в заговоре, прнведшем к отстра-

иению Хрущева от властн в 1964 году, собрав в охотничьем домике Тебердннского заповеднника в Ставрополье всех осиовиых участииков переворота и отшлифовав его последине деталн. Вскоре возвращеииый обратио в Москву, Кулаков поиял, что был обмаиут заговорщиками. Онн ие только ие желали ннкакнх реформ, но, напротив, быстро свериули даже то иемногое, что успел начать Хрущев. Обнаружнв в Андропове единомышленннка, Кулаков воспряиул духом. Оба поимали, что ннкакне реформы невозможны, пока в нх руках не сойдутся все нити верховной власти. «Если человеку выпадает бесконечно редкая судьба,— считал Кулаков,— то надо показаться достойиым ее. Не попытаться нспользовать ее — это уже преступленне!» Андропов был с иим полностью согласен. Оба былн убеждениымн коммунистами н свято верилн в свой плаи, хотя он был столь же утопнчеи, как н все коммуиистнческне нден, которые на практнке могли привести только к тому, к чему прнвели.

План состоял в следующем: в стране наводнтся железиая днсциплииа сверху донизу. Одновремеино и коордннированно ндет разгром всяческого ннакомыслия, мафиозиых структур н номеиклатуры. Пронсходнт некоторое перераспределенне благ сверху вннз, но под строгим централнзованиым контролем, н в зависимостн от повышення пронзводнтельиости труда. В сельском хозяйстве повсеместно внедряется зиаменитый «ипатовскнй метод», иа котором Кулаков сделал себе имя. После беспощадной партийиой чнсткн реорганизуется и КПСС, в которой предусматрнвалось нметь не одного, а двух генеральных секретарей, уменьшениый втрое ЦК и уполовиненный аппарат... Кремлевские мечтателн, как заметил когда-то, правда по другому поводу, Герберт Уэллс. Но оин ие были мечтателями. Онн просто ие хотелн потерять всего. Составлениый ими в двух экземплярах план содержал на свонх четырех машииопнсных страницах 42 упомннання «железной днсциплииы», которую еще иадеялись навестн в разложеиной до предела стране. Третьим «мечтателем», сочувствеино относившимся к разрабатываемому плану, оказался Петр Машеров — партнйный босс Белорусснн, канднат в члены Полнтбюро. В случае успеха ему была обещана должность премьер-мнннстра н полное члеиство в Полнтбюро. Целью следующего удара по номенклатурной твердыне был намечен Сергей Медунов — партийный владыка Краснодарского края, личный друг Брежнева, открыто рассматрнвавший вверенный ему край как свою феодальную вотчнну. Уверенный в полной безиаказанностн, Медунов потерял всякую осторожность,

открыто брал взятки, переводил богатства края в доллары, откровенно хвастался своими счетами в нескольких западных банках, казнил и миловал своих «вассалов», полностью игнорируя какие-либо законы и правила. Досье на Медунова Кулаков и Андропов собрали в течение нескольких лет. Большую услугу в этом деле оказывал им молодой секретарь Ставропольского крайкома, оставленный Кулаковым в Ставрополе после отъезда в Москву — Михаил Горбачев. Благо Краснодарский край был по-соседству. На молодого партсекретаря Андропов и Кулаков возлагали большие надежды. Андропов сам часто беседовал с Горбачевым и убедился, что тот полностью разделяет его взгляды, предан ему лично и имеет давнишние прочные связи с возглавляемой Андроповым службой.

В Ставропольском крае находилась главная курортная зона страны — район Кавказских минеральных вод. В этом благодатном крае с мягкой сухой зимой и нежарким летом были сосредоточены номенклатурные дачи, санатории и лечебницы, естественно, недоступные простым людям. По старинному обычаю еще русской дореволюционной аристократии — уезжать с семьями «на воды» — сюда постоянно наезжали поправить здоровье с супругами и детьми кремлевские руководители, аппаратчики из ЦК, министры, партийные боссы крупных городов и обкомов, редакторы центральных газет и генералы. Горбачев — партийный губернатор края — лично встречал самых важных гостей, сопровождал в их роскошные особняки, навещал время от времени, постепенно завязывая самые близкие отношения с высшими руководителями страны. Он собирал бесценную информацию, поскольку встречаться с высшими представителями на отдыхе, где ты играешь роль гостеприимного хозяина, совсем не одно и то же, что встречаться с ними в Москве на заседаниях ЦК в безликой массе областных секретарей. Здесь можно узнать много больше и много больше осторожно подсказать. В одну из лечебниц для высшей партийной элиты, в «Красные Камни» под Кисловодском, время от времени наезжал и Андропов, предпочитая этот курорт многим остальным. Это была его «малая родина». Могущественный шеф КГБ родился (15 июня 1914 года) неподалеку — на станции Нагутская. Андропов жил в «Красных Камнях» в уединенном, строго охраняемом особняке, никого не принимая, кроме прилетавших из Москвы генералов КГБ и... Михаила Горбачева, чью машину охрана всегда беспрепятственно пропускала к шефу. Одной из главных задач Горбачева, как уже упоминалось, был сбор

компромата на Медунова. Досье Медунова пухло от собранных Горбачевым документальных и свидетельскнх показаний. Выясннлось, что в Краснодарском крае, а особенно в сказочной зоне причерноморскнх курортов в районе Сочи, коррупция н взяточничество в партийно-государственном аппарате получнлн совершенно офнциальный статус. Чтобы купнть машину, получить квартнру, добиться повышения по службе, поступить в учебное заведение, быть принятым в партию и даже получить на ночь номер в гостинице, требовалось дать взятку. Причем каждый чиновник знал, сколько он должен оставить себе, а сколько перечнслить в райком. Там тоже знали, сколько перечислить наверх. Денежные ручейки сливались в полноводную реку в кармане у Медунова. Более того, именно Краснодарский край оказался транзитной зоной многомнллионной валютной операцнн по тайной продаже за границу черной икры в банках из-под тихоокеанской селедки. Нити отчетливо вели в Москву в кабинеты министров, а оттуда — в Кремль. Однако от количества и точности доказательств, изобличающих Медунова в преступной деятельностн, завнсело очень мало. Партийный босс Краснодарского края принадлежал к уровню неподсудной и неприкасаемой номенклатуры. Договор, заключенный после десятилетнй кровавого сталинского кошмара, продолжал действовать, и Брежнев не собирался его не только менять, но и вносить в этот договор какие-либо коррективы. Оберегая своих назначенцев, генсек оберегал себя н только на этом знждилась вся снла его власти. Да и всем было очевидно, что Медунов интересует Андропова именно своим близким положением к Брежневу. Свалив Медунова, Андропов рассчнтывал свалить н Брежнева. А иначе какой смысл было вообще связываться именно с Медуновым. Можно было взять любого из 181 секретаря обкомов нли крайкомов, чтобы получнть такой же букет преступлений, хотя бы того же Горбачева. Андропову было лучше других известно о делах молодого ставропольского секретаря. Например, когда Шеварднадзе по приказу Андропова, наводил порядок в своей родной Грузии, заменив снизу доверху всех должностных лиц своими чекистамн и набив грузинские тюрьмы бывшими сановниками и подпольными миллионерами, он громогласно обещал до костей «прочнстить капиталистический свинарннк республики». Однако, большей части дельцов так называемой «теневой экономики» удалось бежать и даже эвакуировать свои предприятня. Бежали они недалеко — практнчески в соседний Ставропольский край. В подавляющем большинстве это были юве-

лиры, изготавлнвавшне кольца, браслеты, цепочки и т. п. по заказу разгромленной номенклатуры и захватившие с собой все свое сырье — золото, серебро, платину, бриллианты и другие драгоценные камнн. Многие вывезли и доверенные нм «золотые запасы» номенклатуры, т. е. «золото партин». Однако проследить, куда они бежалн из Грузии, было несложно. Основавшись по другую сторону Кавказского хребта, «беженцы» из Грузии стали успешно развивать «теневую экономику» в Ставрополье. Шеварднадзе, который вылавливал своих врагов чуть ли не в приемной Брежнева и отправлял спецрейсамн обратно в Тбилиси на суд и расправу, и в данном случае стал действовать со свойственной ему решительностью, надеясь, как всегда, на поддержку Андропова. Он позвонил Горбачеву и потребовал немедленного ареста н высылки в Грузию всех лиц, перечисленных в специальном списке, посланном в прокуратуру края. Став первым секретарем ЦК компартнн Грузии, Шеварднадзе настолько вернл в свое могущество, что даже ввел в республнке в качестве государственного языка русский язык, оправдав доверие Москвы и вызвав целую бурю, особенно в среде грузинской интеллигенции. Поэтому звонок какому-то там областному секретарю был для Шеварднадзе скорее актом бюрократического этикета, чем необходимостью. А потому можно представить изумленне Тбилисского властелина получившего твердый отказ Горбачева [1].

Разъяренный Шеварднадзе, напомнив Горбачеву о ничтожности его положения («Подумай, кто — ты, н кто — я»), немедленно пожаловался Андропову. Однако, к великому удивлению Шеварднадзе, ничего не получилось. Секретарь крайкома, которого Шеварднадзе совершенно справедливо считал ниже себя по рангу в строжайшей «табели» партийной номенклатуры, оказался на самом деле могущественнее н влиятельнее его, хотя речь в данном случае шла о прямом нарушении закона. А покровнтель у них был один и тот же — Андропов. В предстоящей борьбе Горбачев был ему гораздо нужнее, чем грузин Шеварднадзе. К этому временн

[1] Льстецы утверждают, что подобиая твердость Горбачева была вызвана тем, что уже тогда будущий генсек иасаждал в Ставрополье товарно-рыночные капиталистические отиошения. Злые языки, напротив, уверяют, что Горбачев взял под защиту грузинских «теневиков» потому, что онн уже успели преподиести его жеие Раисе Максимовие бесценное бриллиантовое колье. Нам же кажется, что дело здесь гораздо серьезнее. Готовя заговор против Брежнева, Аидропов нуждался в средствах и пытался заручиться временной поддержкой воротил «теневой экономики», скрывая от них тот факт, что в его плаиах предусмотрено их полное истреблеиие.

Брежнев был уже тяжело болен. В 1976 году он перенес тяжелый ннсульт и врачам с трудом удалось вывести генсека из состояния клинической смерти. Время от времени руководитель партии и государства впадал в совершенно сенильное состояние, демонстрируя, на потеху всему миру, свою чисто детскую любовь к орденам, побрякушкам и ярким западным наклейкам. Номенклатура, которая всегда мечтала именно о таком, впавшем в детство, генеральном секретаре, делало все возможное, чтобы за Брежневым сохранились все его посты, ибо лучшего прикрытия для глобального разворовывания страны было трудно себе придумать. Брежневу присвоили звание маршала Советского Союза, наградили орденом «Победы». Трагическая история страны оборачивалась дичайшим фарсом. Правда, у Сталина было даже два ордена Победы, и он был не маршалом, а генералиссимусом. Но время еще было... Несколько попыток Андропова спровадить Брежнева на пенсию, а при выборах нового генсека провести на этот пост Кулакова успеха не имели. Номенклатура готовилась защищать Брежнева до последнего. Применяя силовые приемы и отработанные методы партийных интриг, ловко оперируя накопленным на каждого из членов Политбюро и ЦК компроматом, Андропов и Кулаков добились компромиссного варианта: за Брежневым остается недавно обретенный им номинальный пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР, а пост генерального секретаря партии переходит к Кулакову. Вопрос этот считался решенным и к нему загодя стали готовить страну и мир, сперва организовав «утечку» информации в западные газеты, а затем начав открыто говорить об этом на закрытых партсобраниях и лекциях инструкторов ЦК. Андропов и Кулаков уже составили секретные списки номенклатурных работников, подлежащих немедленному снятию с должности и отдаче под суд сразу же после занятия Кулаковым поста генерального секретаря ЦК КПСС.

В ночь с 16 на 17 июня 1978 года Андропов был поднят с постели резким звонком телефона спецсвязи. Взволнованный голос его заместителя генерала Пирожкова доложил, что Кулаков мертв. Ошеломленный Андропов через сорок минут прибыл на дачу Кулакова с двумя оперативными группами КГБ. Растерянные, бледные лица охраны. Разъяренный лай, рвущейся с поводка любимой овчарки покойного. Безумные глаза жены. Кулаков был обнаружен со вскрытыми венами в своей личной сауне. В луже крови поблескивал медицинский скальпель. В ЦК почти никак не отреагировали на смерть Кулакова, а скорее отреагнровали

с пониманием. Накануне, на пленуме, Кулакова сильно критиковали за положение дел в сельском хозяйстве. Вот он понервничал и... Официально было объявлено, что «член Политбюро ЦК КПСС Федор Давыдович Кулаков скоропостижно скончался от острой сердечной недостаточности». Путанный медицинский отчет о его смерти, подписанный начальником 4-го «кремлевского» медицинского управления Евгением Чазовым не решились даже опубликовать. Кулакова хоронили на Красной площади. Бросилось в глаза, что ни Брежнев, ни Суслов, ни Косыгин, ни Черненко на похороны не явились. Это было более чем странно, поскольку хоронили члена Политбюро и нарушался непререкаемый, разработанный до мелочей и до сих пор не нарушаемый ни разу протокол захоронения «вождей» столь высокого ранга. И почти никто не обратил внимание на выступавшего с трибуны Мавзолея, относительно еще молодого человека с красным родимым пятном на лбу, прилетевшим на похороны из Ставрополя. Этим человеком был Михаил Горбачев. Старший судмедэксперт КГБ генерал-майор Липатский в личном докладе Андропову высказал твердое мнение, что вены у Кулакова были вскрыты, когда тот находился без сознания. Андропов внутренне верил в это, хотя и не понимал, зачем кому-то понадобилось, убив Кулакова, вскрывать ему вены. Хотя и помнил не раз сказанные Кулаковым слова: «Если мы проиграем, я вскрою себе вены». Кто-то понял его слова буквально. А вскоре Машеров погиб в автомобильной катастрофе. Погиб при столкновении своего бронированного лимузина с самосвалом, хотя при следовании куда бы то ни было партийного босса республики на трассе немедленно останавливалось все движение. Откуда взялся самосвал? Пьяный шофер рассказывал, как он появился на трассе, вывернув с проселка из какого-то колхоза как раз между постами. Но посты непременно должны были стоять именно на всех возможных выездах на шоссе. А чуть позже рухнул на землю в районе Витебска личный самолет Андропова, на котором шеф КГБ в самый последний момент почему-то не полетел. Война была объявлена.

Кто-то за спиной Брежнева открыто нарушил номенклатурный «договор» 1954 года, начав целую серию убийств. Целый район в центре Москвы занимает комплекс массивных зданий, выходящих на Старую площадь, где размещается Центральный Комитет Коммунистической Партии Советского Союза. Сюда сходятся все нити творящихся в стране и большинство творящихся в мире преступлений. Отсюда тянутся бесчисленные щупальца, высасывающие все

соки из огромной страны, перекачивая ее богатства в личные сейфы и заграничные банки. Здесь разрабатываются страшные программы идеологического и физического оболванивания собственного народа и лелеется мечта распространить свое владычество на весь мир. Здесь играют судьбами миллионов людей и целых государств. Ни на минуту не затихает работа в Международном отделе ЦК, возглавляемом Борисом Пономаревым.

Здесь составляются инструкции и методики, направляемые во все страны мира. Отсюда идут громадные суммы на финансирование легальных и нелегальных компартий, повстанческих группировок, террористических организаций, коммунистических, левых и националистических газет, избирательных компаний и государственных деятелей, берущих взятки, и профессиональных преступников, желающих стать государственными деятелями. По старой ленинской методике коммунисты, захватив власть в Камбодже и войдя в революционный раж, уничтожили ровно половину населения — 3 миллиона из шести. Террор голодом и расстрелы свирепствуют в Эфиопии, в разгар которых в Адис-Абебе возводится Дворец съездов и местные коммунистические царьки, не скрываясь, ведут роскошный образ жизни в покоях свергнутого императора. В Анголу для спасения коммунистического режима бросается армия Фиделя Кастро, что увеличивает финансовую помощь Кубе до 10 миллионов долларов в день. Потоком идет русское золото за границу. Им знают, как распорядиться. Недаром в крупнейшем банке КПСС за рубежом фактическим руководителем сидит родной сын Бориса Пономарева — Владимир Пономарев. Номенклатура давно уже сделала наследственными свою власть и богатство. Ощетинившись ядерными ракетами и огородившись по линии европейского раздела атомными минными полями, она продолжает безумное дело своего основателя, не видя и не желая видеть, что проваливается вместе со всеми своими идеями в то самое болото, в которое по их милости была превращена самая большая и богатая в мире страна... Это видел Андропов. Он вовсе не был ни либералом, ни сторонником демократии. Напротив, он считал коммунистическую систему наилучшей в мире, свято верил в грядущую победу коммунизма во всем мире, а потому и пытался спасти эту систему от гибели в болоте роскоши и коррупции. Он прекрасно видел не только то, что происходит в первой в мире «стране развитого социализма», как гордо именовал СССР Брежнев, но и что творится с коммунистическим движением в мире.

Компартия Францин ежегодио получает из СССР 2 миллиоиа долларов через Евробаик непосредствению н 4 миллиоиа долларов через счета так называемых «доверенных лиц», подставных предприятнй и оргаиизаций. Указанные деньги давно уже не ндут ин на коммуиистическое, ии на рабочее двнжеиие, как было во времена Тореза. Ныиешиий геиеральиый секретарь КПФ Марше — в глубиие сердца убежденный нацнст, главный казначей партнн — Госна, главный редактор «Юмаиите» — Андрне н другне «вожди фраицузского пролетариата» давно уже превратнли компартию в иечто среднее между биржей н воровскнм прнтоном. По образцу своих советскнх коллег оии иакупнлн вилл и особияков, живя в довольстве и роскоши. Им даже леиь распространять свою собствениую «Юмаиите», трн четверти тнража которой с воскресиыми приложеннямн, иаправляется для реалнзацнн в Москву, где, пролежав какое-то время в кносках, сдается в макулатуру. Но н это еще не все. Получая доллары из Москвы, руководнтелн французской компартнн закупают на этн деньги акцнн иаиболее солндных французскнх и ие только фраицузских компаннй, получают огромные дивидеиды, часть которых делят между собой, а часть переводят на коикретные счета своих благодетелей нз СССР. Получеиные таким образом деньги оии сиова вкладывают в акции, укрепляя таким образом экоиомнку страи запада. Часть денег французы откровеиио вкладывают в игорный и пориобизнес, получая огромные барышн, и опять же распределяя их среди своих и советскнх номеиклатурщиков. «За последние 30 лет,— сообщали ниформаторы из Парижа,— через личиый счет г-иа Госиа прошли десяткн и десятки м н л л и а р д о в долларов. Прнчем, прошлн в двух направлеинях, одно нз которых «Евробанк», прннадлежащнй КПСС». Сам Госиа попал в газеты, когда, построив иа Лазурном берегу шикариую вншлу, приказал огородить глухнм забором н прнлегающнй к внлле участок пляжа. Огороженные пляжн он постояиио вндел в СССР и это произвело иа его иензгладимое впечатлеине. Так и должиа жить, отгорожеиной от иарода, иастоящая марксистская партия — коммуиистическая зиать. Одиако Фраиция еще ие стала коммуиистической, и власти потребовали убрать забор. Госиа отказался. Дело попало в суд, где казначей компартнн, пылая пролетарской яростью, требовал предъявить ему тот закон, согласно которому он, пролетарнй, ие нмеет права владеть всего четвертью мили средиземноморского пляжа (ведь в стране «победнвшего пролетарната» пляжи вокруг партнйиых особияков ие только огорожеиы,

но и охраняются с суши и с моря).
Нашли закон, подписанный еще Людовиком XIV, гласящий, что все пляжи страны являются общественной собственностью.
И при этом у французских коммунистов хватало наглости требовать у Москвы дополнительных ассигнований на любое мало-мальски относящиеся к делу мероприятие, будь то забастовка, демонстрация или праздник газеты «Юманите», на котором пытаются продать остатки не отправленного в СССР тиража. И бумагу, и краску на эту газету присылают из Москвы. Причем краску сначала закупают в ФРГ, хотя французам гораздо легче это сделать самим. Но они хоть сами выпускают «Юманите», и то слава Богу!

А американская компартия даже не собиралась печатать у себя две свои газетки. Их печатают (и пишут) в Москве в типографии ЦК КПСС, да и продают в основном тоже в СССР. Главные покупатели — кафедры иностранных языков ВУЗов и студенты, которые по этим газетам сдают языковые «тысячи». Сама компартия США давно уже превратилась в какую-то шайку профессиональных тунеядцев которая решительно ничего не делает, но ежегодно аккуратно выдаивает из Москвы 2 миллиона долларов. При этом бесстыдно дезинформирует Москву о каких-то своих успехах в общественной жизни США, каждый раз обещая победу своего кандидата — Гесса Холла — на очередных президентских выборах и требуя себе под это дело еще пару миллионов на проведение избирательной кампании. Видимо, Холл изловчился сунуть кому-то взятку в московском «Институте США и Канады», поскольку все рекомендации этого академического заведения по поводу возможности коммунистов провести своего кандидата в президенты на очередных выборах звучали примерно так: «Авторитет компартии США, несмотря на репрессивную политику правящих кругов, постоянно растет, сплачивая вокруг авангарда рабочего класса США миллионы простых американцев. И мощный голос пролетариата на выборах может быть услышан». То, что западные компартии, исправно получая из Москвы деньги, часть этих денег тратят на взятки советской партийной номенклатуре, было общеизвестно. Но компартия США побила все рекорды. Гесс Холл за какие-то свои неведомые заслуги выбил себе из Москвы ежегодное пособие в 100 тысяч долларов, истратив для этого в Москве тысяч пятьдесят. Это пособие год от года росло, по-видимому из-за инфляции, а однажды достигло аж двух миллионов. И хотя всем было ясно, что Гесс Холл покупает для аппарата

ЦК какую-то недвижимость в США, по традиции не платя налоги, ничего сделать было нельзя, разве что выдать его налоговым органам. Андропова часто подмывало именно так и поступить.
Вести через компартию США какую-то разведывательную деятельность оказалось совершенно невозможным, поскольку выяснилось, что она с одной стороны профильтрована информаторами ФБР, а с другой — израильской разведкой. Фактически компартия получала деньги за сам факт своего существования, что подкреплялось при помощи взяток, получаемых кем-то в аппарате ЦК КПСС.

Компартия ФРГ хоть приносила некоторую пользу, служа передаточным звеном в снабжении деньгами террористических группировок вроде «Фракции Красной Армии» и ей подобных. По этому каналу снабжались и итальянские «Красные бригады», и даже ближневосточные террористы. Никакой другой деятельностью компартия себя не обременяла, иногда предоставляя крышу провалившимся агентам ШТАЗИ из ГДР.

Компартия Финляндии получала из Москвы ежегодно от полутора до двух миллионов долларов. Тут были особые интересы, также никак не связанные с марксизмом-ленинизмом. Партия как бы служила посредником между коммерческими структурами страны Суоми и аппаратом КПСС в распределении финских товаров по необъятной территории страны развитого социализма, снабжая номенклатуру и связанных с нею спекулянтов финскими холодильниками, мебелью, коттеджами, саунами и подержанными западными автомобилями. У себя же в стране партия занималась распределением советских заказов по судостроительным фирмам, полиграфическим и бумагоделочным предприятиям, а также поставками советской древесины, в общем, честно отрабатывая выделяемые ей деньги, немного подрабатывая на взятках и на предоставлении своих счетов для хранения и отмывания уж особенно лихих денег КПСС, беря при этом с Москвы по-божески — 7%.

Около миллиона выделялось ежегодно компартии Израиля, где местные коммунисты, в подавляющем большинстве вчерашние выходцы из СССР и Польши, откровенно клали полученные деньги в свои карманы, отрабатывая их скандалами в кнессете и призывами к арабскому населению о гражданском неповиновении. Но это было не самое главное. Руководящая верхушка партии в лице ее генсека Вильнера имела связи в правительстве и в мировой финансовой системе, выполняя в отсутствие прерванных в 1967 году диплома-

тических отношений, роль просоветского лобби, принимая участие в алмазном бизнесе и организовывая регулярные поездки советской номенклатуры в знаменитые израильские центры раковой профилактики. За отдельную плату, конечно.

Так можно было идти по списку стран мира, удивляясь, восхищаясь, негодуя по поводу глобальной финансовой деятельности КПСС и одной ее исключительной особенностью: все шло из страны. Создавалось впечатление, что КПСС давно приватизировала Советский Союз и поставила перед собой цель, помимо собственного обогащения, всячески укреплять мировую капиталистическую систему. И как всякая преступная организация, партия большевиков настолько продумала собственную безопасность, что не подступиться к ней было ни с какой стороны. И гибель Кулакова с Машеровым была лучшим тому подтверждением. Андропов все это прекрасно понимал. Не понимал он только одного: почему никто из партийных бонз не видит (и не желает видеть), что фундамент величественного партийного здания проседает и разваливается, грозя обрушить все здание, похоронив под его обломками и саму партию, и ее утопические идеи, вылившиеся на практике в создание преступного синдиката убийц, воров и спекулянтов.

Может быть уже где-то задумано, чтобы здание рухнуло? Но где?

После гибели Кулакова Андропов понял, что времени у него уже нет. Или он быстро предпримет какие-то неожиданные шаги, или погибнет. По его приказу стали тайно формировать боевые группы КГБ особого назначения, якобы для антитеррористической деятельности. Группы получили наименования «Альфа», «Гамма» и «Дельта». Каждая состояла примерно из трехсот великолепно обученных и не рассуждающих головорезов, способных выполнить любой приказ. Кроме того, удалось уговорить Брежнева передать в подчинение КГБ парочку воздушно-десантных и одну танковую дивизию. Армия вынесла это оскорбление молча. Отношения армии и КГБ всегда сознательно строились на взаимной ненависти. Армия хорошо помнила 1938-й год, когда чекистами были уничтожены почти все армейские командные кадры, включая трех маршалов. Чекисты же со своей стороны хорошо помнили 1954-й год, когда армия взяла реванш, с удовольствием перестреляв всю верхушку МГБ, и раздавив танками всех, пытавшихся оказать сопротивление. Однако ныне армия была в очень плохой форме. Ее верхушка разлагалась в неуемной роскоши, что особенно

поощрялось мииистром обороиы Устииовым — человеком штатским, иеумело иосившим маршальский мундир, но получившим хорошую закалку еще в сталинской иомеиклатуре. На этот пост его выдвинул сам Брежиев, который став маршалом иачал ко всем прочим маршалам отиоситься с иедоверием, а потому и решил поставить во главе вооруженных сил штатского партийиого иомеиклатурщика, плохо разбирающегося в воеииых вопросах, ио зато личио преданиого. Пока армейская верхушка с удовольствием разлагалась иа иомеиклатуриом Олимпе, армейские иизы разлагались ие меиее стремительно, ио по-своему. Огромиый сталииский ГУЛАГ давио уже выплесиул уголовиую этику и уголовный язык на все советское общество. Даже академики сбивались иа «феню», не замечая этого. И первой жертвой, естествеиио, стала армия, где процветали и культивировались обычаи самых диких уголовиых зои, заменив собой и боевые традиции, и воинскую дисциплииу. Солдаты с удовольствием издевались друг иад другом и с дикой жестокостью друг друга убивали. Офицеры пьяиствовали, подавая таким образом жизни страшиый пример подчииеииым. Они издевались иад солдатами, в свою очередь служа объектом издевательств со стороиы своих иачальииков. Процветало кумовство, а воровство и взяточиичество достигало размеров, немыслимых в граждаиской жизии. Со всем этим еще можио было смириться, если бы в армии ие вызревали весьма опасные иастроеиия, вылившиеся в целую серию чрезвычайиых происшествий, казалось бы, невозможиых в вооружеииых силах ядериой сверхдержавы. Воеииый летчик старший лейтеиант Беленко угнал иовейший истребитель в Японию и попросил политического убежища в Соединеииых Штатах. Замполит эскадреииого миноиосца «Сторожевой», арестовав комаидира, подиял иа корабле мятеж и сделал попытку уйти в Швецию. Корабль был перехвачеи в море, остаиовлеи ударами авиации, взят на абордаж пограиичными катерами. Все офицеры пошли под суд, а герой — замполит, капитаи 2-го раига Саблии — расстрелян. Группа офицеров-таикистов приияла решение во время очередиого парада иа Красиой площади бросить свои танки на Мавзолей и иачать всенародное восстание. Их удалось арестовать в самый последний момеит. В тот деиь таики по Красиой площади ие шли. И таких случаев было ие перечесть, так что Брежиев и его окружеиие ие мешали Андропову создавать параллельиые вооружеиные силы под флагом КГБ. Главиое же обосноваиие, которое представил Аидропов в оправдаиие своих действий, было весьма серь-

езным и не имело прямого отношения к разложению армии. На очередном заседании Политбюро шеф КГБ представил целый пакет документов, неопровержимо свидетельствующих о резком росте сепаратизма в союзных республиках. Причем этот сепаратизм умело и последовательно насаждался сверху из Центральных Комитетов республиканских компартий. Причина была простой. Республиканская номенклатура не желала более платить дань в Москву, мечтая о полной самостоятельности и безотчетности перед кем бы то ни было. Если их вовремя не одернуть, Союз будет тем или иным способом развален. Откровенный страх засветился в слезящихся глазах кремлевских старцев. Они с надеждой смотрели на Андропова, ожидая, что он предложит для их спасения. А Андропов продолжал своим ровным и невыразительным голосом перечислять беды страны. Полный развал сельского хозяйства. Если бы не поставки американского и канадского зерна, в СССР давно бы пришлось снова вводить карточную систему на продовольствие. Брежнев, услышав это, неожиданно открыл глаза и, с трудом двигая полупарализованной челюстью, изрек:

«Когда же, наконец, у нас в Политбюро появится настоящий специалист по сельскому хозяйству, а не интриган-политикан?»

Намек был на покойного Кулакова.

Андропов немедленно заверил генерального секретаря, что такого человека он уже нашел и готов немедленно представить его товарищам — членам Политбюро.

Старцы удивленно переглянулись и вопросительно уставились на шефа тайной полиции. Кого он имеет в виду? Андропов назвал Горбачева.

В глазах старцев засветилась симпатия. Фамилия Горбачева ассоциировалась у всех с приятными и полезными неделями наслаждения в элитарных здравницах Ставрополья. Все помнили обходительность, предупредительность, застенчивость и даже некоторую робость тамошнего первого секретаря. И его исключительную молодость. Каждому из них он годился в сыновья. Он не опасен. Его можно брать в Москву. Пусть поднимает сельское хозяйство, раз специалист. (Многие не без основания считают, что секретарствуй Горбачев в любом другом месте, скажем в Воронежском обкоме, Андропову никогда бы не удалось так быстро и просто перетащить его в Москву. Трудно сказать, но если бы Андропов захотел, то перетащил. Весь вопрос в том: захотел бы?). Вечером 19 сентября 1978 года поезд специального назначения, в котором следовал в Баку генеральный

секретарь ЦК КПСС и Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Брежиев, сделал иеожиданную остановку иа железиодорожиой станции Мииеральиые воды. На оцеплениый сотрудииками КГБ перрои курортиого городка вышел, опираясь на руку иачальиика своей личной охраны геиерала Жарова, сам Леонид Ильич Брежиев, сопровождаемый своим помощииком Коистаитииом Чернеико. Их встречали Андропов и Горбачев. Это была историческая встреча. На маленькой северо-кавказской железнодорожиой стаиции сошлись четыре человека, которым суждеио было в дальиейшем смеиять друг друга иа посту главы партии и государства, а одиому из иих судьба предиачертала уиичтожить и КПСС, и огромную сверхдержаву, именуемую Союз Советских Социалистических Республик. Среди трех совершеиио очевидиых посредствеииостей появился геиий политической интриги, которых история не зиала со времеи средиевековья. В течеиие иескольких мииут вопрос о переводе Горбачева в Москву был решеи. Пожимая руку молодому ставропольскому секретарю, Брежиев прошамкал: «Сельское хозяйство — это очеиь важно. Ты специалист. Спаси страиу». «Я спасу страиу»,— ответил Горбачев, почтительио склоняя голову перед партийиым властелииом. Кровавое пятио иа лысеющем лбу Горбачева резануло по глазам геиеральиого секретаря. Но оно было красным, а это было хорошим предзиамеиоваиием... Брежнев ехал в Баку, чтобы убедиться иа деле, как андроповские люди наводят порядок в национальиых республиках, с корием выкорчевывая коррупцию и все мысли о сепаратизме. (Пройдет совсем немиого времени и «человек Андропова» Гейдар Алиев, встречавший Брежиева в Баку, попытается даже отколоть от Азербайджаиа и объявить суверенной Нахичеваискую область. Все устали от дани).

Аидропов надеялся, что после визита в Баку, Брежиев даст ему «карт-блаиш» иа проведеиие по кавказскому образцу подобиых же операций в Средией Азии с последующим ударом оттуда по Украиие, где иепотопляемым сатрапом сидел ставлениик Брежиева — Щербицкий.

Всем своим нутром, отточеииым в партийиых интригах и иа многолетнем полицейском поприще, Аидропов чувствовал, что его час приближается. И чтобы ускорить этот час, иеобходимо было тряхануть огромиую империю, вывести ее из спячки и, воспользовавшись дряхлостью партийиого руководства, взять все бразды правлеиия в свои руки. Для этого требовалась та самая чрезвычайиая обстаиовка, на которую иадеялся Аидропов с самого иачала пребываиия иа посту

шефа КГБ, еще когда давал рекомендации на ввод войск в Чехословакию. Струсившие чехи сорвали его плаи. Теперь ему предоставлялась иовая возможность. После свержения шаха в Ираие, когда к власти пришли исламские фундамеиталисты, весь средиевосточный региои оказался дестабилизироваииым. Волиы исламского фуидаментализма, стремительио распростраияясь, иакатывались иа советские среднеазиатские республики, побуждая тамошнее партийное руководство, по уши погрязшее в воровстве, все более и более думать о разрыве с Москвой и о присоедииеиии к миру ислама.

В республиках умело подогревались иациоиалистические и аитирусские иастроения. Пока без всякого антикоммуиизма. Этот потрясеииый и разобщеиный региои сам напрашивался иа советское вмешательство. Главиый стабилизирующий фактор региона — богатый и сильиый в воениом отиошеиии и еще более сильный своим союзом с США — Ираи перестал существовать в крови и хаосе исламской революции. США были объявлеиы главиым врагом ислама, американское посольство в Тегеране разгромлеио, ио вместе с тем была разгромлеиа и местиая компартия, а ее лидеры публично повешены. Начииались волиеиия и в Афганистане.

Искус был огромным. Короткий удар через Афгаиистаи по Ираиу и Пакистаиу мгновеино выводил СССР к иезамерзающим водам Индийского океана и к мировым запасам иефти.

Короткая, победоиосиая воеииая операция дала бы помимо всех других выгод, возможность навести порядок в стране, прервать губящую страну политику разрядки и разиых там «хельсиикских процессов», уиичтожить инакомыслие, прекратить тлетвориое влияиие запада, укрепить производствеииую и бытовую дисциплиину, сплотить партию и сиова вывести ее на боевой курс под собствеииым руководством. Для осуществлеиия этого плаиа Аидропов не видел лучшего места, чем Афгаиистаи.

27 апреля 1978 года в Афгаиистаие произошел коммуиистический переворот, который люди Аидропова готовили в течеиие иескольких лет. Демократическое правительство Мухамеда Дауда было свергнуто одиой из коммуиистических фракций под иазваиием «Демократическая Народиая Партия Афгаиистаиа», и президентом стал прямой агеит Москвы Тараки. Немедлеиио последовала массированная экоиомическая и фииаисовая помощь из СССР. В Афгаиистаи хлыиули тысячи советских «советииков». Коммуиистическое правительство Тараки, действуя по методике «едииствеиио

верного учения», сразу же приступило к расстрелам, сносу мечетей и массовой экспроприации. Ответом было всенародное восстание. Только идиот мог бросить подобный вызов мусульманской стране. Восстание расширялось и скорое падение коммунистического режима становилось предрешенным. Запад никак не реагировал. Там затаили дыхание, чтобы не спугнуть Москву. Естественно, тут же началась грызня в коммунистической верхушке Кабула. 14 сентября 1979 года премьер-министр нового режима Амин пристрелил президента Тараки и объявил Президентом самого себя. Тараки был убит в тот момент, когда готовился подписать призыв к Советскому Союзу прислать на помощь войска для усмирения восставшего народа. Амин был против, пытаясь убедить Москву, что ввод войск в Афганистан был бы огромной ошибкой, которая даст только гибельные последствия. Что с восстанием он справится сам. Восстания в Афганистане дело привычное. Недаром еще искони король Абдулла говаривал: «Афганистан — это улей, где много пчел, а меду нет». Москва просто не понимает обстановку. Подобное настроение Амина срывало все планы Андропова. В Москве на заседании Политбюро Андропов предъявил документы, свидетельствующие о том, что Амин давнишний агент ЦРУ. Он не зовет СССР на помощь, потому что намерен позвать на помощь американцев. Обученная и перевооруженная американцами афганская армия тут же начнет провокации на наших границах, опираясь при этом на американские ракетные базы и аэродромы, которые мгновенно возникнут на афганской земле. Последствия даже трудно себе представить.
Присутствовавший на совещании министр иностранных дел СССР Громыко подтвердил, что и по линии его министерства существуют данные, что Амин готовит призыв к американцам о помощи (жена Громыко вляпалась на контрабанде бриллиантов и перечить в чем-либо Андропову Громыко не мог). По сообщению советского резидента в Кабуле, Амин якобы даже сказал: «Хвала Аллаху, скоро сюда придут американцы и наведут порядок у нас!» Это восклицание советской разведке удалось даже записать на пленку. Все это была чистейшая ложь. Резидент в Кабуле слал сообщение за сообщением, пытаясь предотвратить ввод советских войск. В руки советской резидентуры попали материалы, доказывающие, что и Тараки, и вся его партия были марионетками, деятельность которых была направлена на прямое вовлечение СССР в крупный региональный конфликт. За это Тараки получил 40 миллионов долларов, которыми должен

был поделнться со свонми сообщииками, ио, естествеино, не сделал этого, а потому н погнб. Хафнзулла Амин — едннственный в этой банде нацнонально настроеииый деятель. Он более всего бонтся прямого столкиовения СССР и США на земле Афганнстана. Этим документам иикто ие предал значеиия, хотя оин докладывалнсь Андропову. Аидропов ннкогда не был в Америке даже инкогинто, а Брежиев бывал и ие просто так, а со всемн церемоииями официальиого визита. Ему там понравилось. Он первый ввел моду держать за стеклянныmн створкамн дорогой финской «стеикн» бутылки с яркнмн амернканскнмн иаклейками и пнрамндкн нз блоков (нлн пачек) америкаискнх снгарет. Эта мода стремительио разошлась по номеиклатуре (образ жнзнн вождя — образ жнзнн эпохн), от иее попала в торговую арнстократню н далее ко всем, кто мог себе это позволнть. Поэтому, услышав слова «прндут американцы и иаведут порядок», генсек устало вздохиул. А затем обратнлся к маршалу Устннову с вопросом: за какой срок армня гараитирует иаведенне порядка в Афганнстаие? Устииов, видимо перепутав Афганнстан с Чехословакией, твердо пообещал, что через две неделн порядок будет полный. «Ну, от снлы через месяц,— добавил Аидропов,— и мы верием войска домой». Хотя ие собнрался этого делать никогда.

«А как же с разрядкой? — спроснл Чериеико.— Оии заморозят иам креднты, Леоинд Ильнч!» Брежиев взглянул иа Громыко. Тот улыбнулся своей застеичивой, грустной улыбкой: «Какая же это разрядка, Леоинд Ильич, если онн планнруют шаитажировать нас свонмн ракетамн с террнтории суверенного Афгаиистана?»

Брежиев сидел с закрытыми глазамн. На его пиджаке тускло поблескивалн пять золотых звезд Героя. Не открывая глаз, генсек сказал: «Чтобы обязательно было обращеиие к иам с призывом о военной помощи. Все». Подскочившие телохраннтелн поднялн генсека с кресла и увели в соседиее помещенне. Пора было делать уколы, иа которых и держался властелии шестой части суши. Но Амии был иеумолнм. Ои ннчего и слышать ие хотел о вводе какой-либо иностранной армнн на террнторию своей страны, а уж тем более прнзывать вторженне.

2 декабря 1979 года в Кабул вылетел лнчный представнтель Андропова генерал-лейтенант КГБ Папутнн. Его задачей было уговорнть Амиіа. Если бы это ие удалось, Папутни должен был оргаинзовать похнщеине Амнна и его доставку в Москву. Тут с иим говорить было бы проще. Амни стоял твердо. Он ие допустнт вторжеиия.

22 декабря группа каких-то молодчиков в чалмах и халатах иапала иа дом, где жнли сотрудники многочислеиных советских миссий и представительств. Убив десятка два граждаи СССР, экстремисты отрезали им головы и пронесли их на пиках по улицам Кабула. Полнция открыла огонь. Бросив головы на землю, убийцы скрылись. Полицейские заметилн, что у большииства чалма повязана иеправильно. 23 декабря Амииу была передана иота, что «Советское правительство выиуждено взять под охрану своих граждан, поскольку афганская стороиа с этой задачей ие справляется, о чем свидетельствует кровавый иицидеит 22 декабря». Пока Амии обдумывал ответ, вторженне началось. Оно явио было сплаиированио по чехословацкому образцу. 24 декабря иа аэродром Баграм в 50 километрах к северу от Кабула высадились части 105-й гвардейской воздушно-десантной дивизии. Одновремеиио советские «советиики» иейтрализовалн афгаиские части, оргаиизовав парковый день в таиковых подразделеииях, блокировав связь и задержав на баикете все высшее руководство афгаиской армии. Боевые машииы десантииков с ходу ворвались в Кабул, беря под коитроль стратегические пуикты столицы. Специальиое подразделенне КГБ («Дельта») окружило дворец Даруломан южнее Кабула, где иаходился президеит Амии. Пока «Дельта» окружала президеитский дворец, геиерал Папутни все еще пытался уговорнть Амина официально обратиться к СССР за воеииой помощью илн подать в отставку, уступив свой пост прямому ставлеииику Аидропова — Бабраку Кармалю, иаходившемуся в Чехословакии.

Видя, что его дворец окружен, Амин пристрелил Папутииа[1] и, собрав телохранителей, прииял иеравиый бой с ворвавшнмися во дворец парашютистами. Труп Амииа был обиаружен в одиом нз коридоров дворца. План сорвался. Амии погиб, ио ие поддался иа андроповскую провокацию. Это уже был скандал, который так иикогда и ие удалось замазать. Советские войска вторглись иа территорию суверениого государства, убили президента н оккупнровали страну. Мир ахнул. Запоздалые призывы Кармаля уже иикого ие могли обмануть. Но отступать уже было некуда. Через Кушку н другие погранннчные пункты в Афганнстан вступили 357-я и 66-я моторизованные стрелковые дивнзнн. Они занялн города Герат и Фарах иа западе страны. В то же время 360-я и 201-я дивизии, наступая иа Термез, форси-

[1] По другой версии Папутии застрелился сам, поскольку ие смог выполиить приказа о захвате Амииа и знал, что его ждет.

ровали Аму-Дарью и захватили стратегический туииель Салаиг. Советский Союз в течение десяти лет строил в Афгаиистаие шоссе, которому дали иазваиие «Дружба». Не прошло и месяца после завершеиия работ, как иа шоссе уже появились советские таики. Но сцеиарий сразу же стал резко отличаться от чехословацкого. Народиое восстание прииял иевидаииые доселе формы. За оружие взялись даже жеищииы и дети. В Афгаиистаи срочно были переброшены еще четыре дивизии. Числеиность оккупационных войск достигала 150 тысяч человек. Советский Союз вляпался в самую длительиую и в самую тяжелую по последствиям военииую авантюру, которая в итоге явилась одной из основиых причии его собствеииой гибели.
В Вашиигтоие царило ликоваиие. Ловушка сработала. Американские и европейские ежеиедельиики вышли в красочных обложках с изображеиием лохматого, озверевшего медведя с окровавлеииыми клыками и горящими глазами, идущего по растерзаииым трупам, но угодившего лапой в смертельиый капкан. На капкаие была иадпись «Афгаиистаи». Но и это было еще ие все. Для обеспечения афгаиской авантюры было решено иа всякий случай нейтрализовать и Иран, так как от иего можио было ожидать в даииой обстаиовке любых иеожидаииостей. Потеряв США в качестве союзника, ослаблеииый революциоииой ломкой вековых структур, Ираи был иамечеи следующей после Афгаиистаиа жертвой. А пока иеобходимо было отвлечь виимаиие вождей исламской революции от Афгаиистаиа. В Москву был срочно вызваи президеит Ирака Саддам Хуссейи — «прогрессивиый лидер социалистической ориеитации». Ему прямо заявили, что иастал момеит, когда ои может решить все старые пограиичные споры с Ираиом самым простым способом — путем военного захвата спориых территорий. Оружием, топливом и всем прочим, иеобходимым для ведения войиы, Советский Союз пообещал сиабжать Багдад столько, сколько поиадобится и в любых количествах. Хуссейи согласился, но потребовал за каждый год войиы переводить иа его личиый счет в Швейцарском банке 500 миллиоиов долларов с учетом иифляции. Дорого? Дороже будет, когда Ираи ударит по Афгаиистаиу и подиимет газават в Средней Азии. И иракские войска вторглись в Ираи, начав страшиую, кровопролитиую восьмилетнюю войиу, очеиь иапомииающую по количеству жертв и тактическим приемам первую мировую. Два смертельных врага Израиля сцепились между собой иа глазах изумлеииого мира. «Такого подарка,— заявил премьер-мииистр Израиля — Бегин,— Господь ие

посылал иам со времеи «маииы иебесиой». А уж мы постараемся, чтобы эта войиа иикогда ие коичилась». И отдал приказ израильским ВВС иа всякий случай разбомбить ядериый реактор под Багдадом, что и было сделаио. Ругая иа чем свет стоит сиоиизм, Хуссейи послал свои самолеты бомбить Тегераи. Ираиская тяжелая артиллерия обстреливала Басру — жемчужииу Персидского залива, откуда в свои плаваиия уходил еще Сиидбад-Мореход. Под гром этой каиоиады Израиль вторгся в Ливаи, уиичтожив всю воеииую иифраструктуру Оргаиизации Освобождеиия Палестииы, включая склады с огромиым количеством советского оружия, иа создаиие которой (ООП) Советский Союз вбухал за последиие десять лет полтора миллиарда долларов.

А похороики и цииковые гробы уже шли из Афгаиистаиа в СССР, обгоияя эшелоиы с раиеиыми и искалечеииыми. Армия, в который уже раз, оказалась ие готовой к ведеиию боевых действий. Под сеиью мегатоииых ядериых боеголовок, иа которые уповали московские стратеги, армия, как и вся страиа, стремительио отставала от мировых стаидартов. Связь была иеиадежиой, обмуидироваиие и сиаряжеиие иикуда ие годиыми. О полевых устаиовках для переливаиия крови или о флягах-холодильииках иикто вообще ие слышал. Не было приличиого боевого вертолета, способиого действовать в высокогориых условиях. Продовольствие было иизкокачествеииым. В частях вспыхиула эпидемия гепатита. Никто ие мог разобраться в итальяиских, америкаиских и израильских мииах, которые десятками тысяч ставили партизаиы иа каждом шагу. Молодые парии с оторваииыми иогами заполиили советские госпитали. Оказалось, что иикто ие в состояиии обеспечить их ие только иивалидиыми колясками, ио даже и простыми протезами.

«Агоиия коммуиизма,— коистатировала «Нью-Йорк Таймс» все происходящее.— Ныиешиие лидеры Кремля делают все, чтобы погубить свою собствеииую империю. Какую же цель оии при этом преследуют?»

Так иа кого же работал Юрий Владимирович Аидропов? Если бы ои был агеитом ЦРУ, Иителлиджеис Сервис или Моссад или всех западиых спецслужб вместе взятых, то вряд ли бы ои смог сделать для Запада больше, чем сделал. Коиечио, ои ие был америкаиским агеитом, завербоваииым еще в годы войиы, как ие был аиглийским агеитом его предшествеииик Берия. Но ныие совершеиио очевидио, что Аидропова, прекрасио его изучив, западиые спецслужбы великолепио использовали «втемиую». Имеется уже огромиое

количество материалов, показывающих, как кропотливо трудилась американская разведка, готовя нам ловушку в Афганистане. В КГБ были переданы горы дезинформации. Прекрасно использовались противоречия, раздирающие разные управления КГБ, а также и тот факт, что основные силы КГБ были брошены на традиционную борьбу против собственного народа. Такие условия всегда считались идеальными для деятельности иностранных разведок, особенно в таких государствах, как СССР, чье общее отставание от цивилизованного мира сильнее всего выразилось в исключительно низкой разведывательной культуре. Впрочем, это особая тема.

Если американцам было непонятно какие цели преследует Андропов, то для самого Андропова они были совершенно ясными.

Боевые машины десанта еще выкатывались из огромных люков военно-транспортных самолетов на аэродроме Баграм, когда целая бригада оперативников уже вломилась в квартиру академика Андрея Сахарова, и не предъявляя никаких ордеров или постановлений, схватила отца русской водородной бомбы, запихала в автомобиль и доставила в закрытый для иностранцев город Горький. Как выяснилось позднее, главным образом для того, чтобы он не смог прокомментировать вторжение в Афганистан. В тот же вечер пронзительно взвыли глушилки, забивая западные радиостанции, вещающие на русском языке. По стране прокатилась волна арестов, таинственных покушений, поджогов и убийств. Жертвами были совершенно невинные люди: разные непризнанные поэты, художники и музыканты авангардного направления, которых Андропов считал наиболее опасными для существующего режима. Суды и трибуналы, трудясь в поте лица стали выносить стандартные приговоры «семь лет тюрьмы и пять лет ссылки за антисоветскую агитацию; за хранение и распространение антисоветской литературы; за иную деятельность, направленную на ослабление советского строя...» Причиной могло быть все, что угодно: написанные в стол стихи, американский журнал, книга Солженицына, портрет Сахарова...

Великое дело очищения нации от скверны началось!

В этой тщательно созданной обстановке Андропов, наконец, почувствовал свою силу. Почувствовала ее и вся страна от студента, печатающего по ночам с негативов произведения Солженицына или Авторханова до влиятельного номенклатурщика из ЦК, принимающего взятки из Узбекистана.

Одним махом арестовываются все темные личности из

окружения Галины Брежневой. На их показаниях раскручивается огромное дело по контрабанде бриллиантами, рубинами и изумрудами. Показания арестованных представляют дочь генерального секретаря как организатора преступлений, а ее мужа — генерала-полковника Чурбанова как активного участника преступной банды и крупнейшего взяточника. От Чурбанова, занимающего пост заместителя министра внутренних дел, ведет прямой след к министру внутренних дел генералу армии Щелокову и главному партийному идеологу Суслову. А за ними уже маячит силуэт самого генерального секретаря.
Операция проводилась с такой стремительностью, что никто поначалу не успел среагировать. Заместитель Андропова, брежневский свояк генерал армии Цвигун, опомнившись от шока, начал прилагать все усилия, чтобы сорвать следствие. Двое важных свидетелей исчезли, один из арестованных повесился в камере, следователь КГБ подполковник Ляхов был сброшен под поезд метро, его портфель похищен. Генерал Цвигун на то и был приставлен к Андропову, чтобы не допускать подобных безобразий... Но шутки кончились. 19 января 1982 года генерала армии Цвигуна находят на одной из служебных квартир с простреленной головой. Обыск на личной квартире Цвигуна, проведенный под предлогом изъятия секретных документов, ошеломил и видавших виды оперативников. В тайниках были обнаружены шесть трехлитровых банок с драгоценными камнями, бриллиантами оказались заполнены все полые части старой железной двуспальной кровати с массивными металлическими шарами. Золотые слитки общим весом 35 килограмм. Полтора миллиона долларов купюрами в 100 долларов и выше. «Советский народ понес тяжелую утрату,— писала «Правда» от 22 января 1982 года,— 19 января 1982 года, после продолжительной и серьезной болезни скончался генерал армии Семен Кузьмич Цвигун, член ЦК КПСС, депутат Верховного Совета, Герой Социалистического Труда, первый заместитель председателя КГБ СССР. Более 40 лет товарищ Цвигун С. К. работал по обеспечению безопасности нашего отечества... В 1939 году он был послан партией на работу в органы государственной безопасности и с тех пор вся его жизнь была связана с нелегкой работой чекиста... Память о Семене Кузьмиче Цвигуне навсегда остается в сердцах всего советского народа. Андропов, Горбачев, Устинов, Черненко, Алиев, Бугаев, Щелоков и др.» Всем бросилось в глаза отсутствие под некрологом подписей Брежнева и Суслова. А также и то, что сразу за фамилией

Аидропова стоит подпись Горбачева. Стоит впереди Устииова, Черненко и Алиева.
Цвигуи — свояк Брежиева. Их жеиы — родиые сестры. Вера Цвигуи после обыска пыталась дозвоииться до своей сестры — Виктории. Тщетио. Узиав о гибели Цвигуиа, Суслов, потеряв голову от страха, приказал подиять по тревоге Таманскую и Каитемировскую дивизии и бросить их иа Москву, ие поставив при этом в известность ни Устииова, ни Огаркова. Подиятые по тревоге дивизии пытались получить подтверждеиие приказа в Геиеральиом Штабе. Там иичего ие зиали, иазванивали в ЦК. Там тоже иичего не зиали. Пытались дозвоииться Суслову в Кремль. Приемная отвечала, что товарищ Суслов у себя в кабииете и, видимо, работает, отключив телефои. Кабииет был заперт изнутри. Когда дверь вскрыли, то увидели, что главный идеолог партии лежит на полу без созиаиия. Прибывшие врачи быстро поставили диагиоз: диабетический коллапс. У Суслова был хроиический диабет, время от времеии обострявшийся от кремлевских интриг. Евгеиий Чазов лично сделал Суслову укол. На следующий деиь Суслов умер, ие приходя в созиаиие.
Западиые корреспонденты в Москве строили всевозможные версии происходящего, видя, как с каждым днем обостряется борьба за власть. События развивались стремительно в духе самого захватывающего западиого боевика. Недаром любимыми кингами Аидропова, сиосио знающего аиглийский язык был «Деиь Шакала» Форсайта, «Парк Горького» Мартиил Смита и «Большой террор» Роберта Конквиста, а любимой газетой «Вашингтон пост».
Корреспондеит «Вашиигтои пост» Боб Кайзер сообщал из Москвы: «ТАСС объявило вчера о смерти в возрасте 79 лет главного кремлевского идеолога, секретаря ЦК КПСС Михаила Суслова. Интересно отметить, что это вторая внезапная смерть в Кремле за последиие несколько дней. 19 яиваря также было объявлено о смерти свояка Брежнева — первого заместителя председателя КГБ геиерала Семеиа Цвигуиа. Иностраииые корреспоидеиты в Москве связывают смерть Цвигуиа с массовыми арестами лидеров так иазываемой «подпольиой экономики» в Советском Союзе, которые повсеместио продолжаются в страие. Имеются сообщеиия, что близкие друзья дочери Брежиева Галииы — работиики и артисты цирка — арестоваиы, а сама Галииа была подвергиута допросу. Сыи Брежнева, Юрий, заиимающий пост заместителя министра внешней торговли, уже несколько диеи ие появляется иа работе. Предполагается, что брат и сестра были тесно связаны с деятельностью подполь-

иой экоиомической мафии, и что геиерал КГБ Цвигуи пытался прикрыть их своей властью и авторитетом. В Москве циркулируют слухи, что после острого разговора иа эту тему с Михаилом Сусловым, Цвигуи покоичил с собой. Его поведеиие вызвало гиев Суслова и самого Брежиева. Эти слухи косвеиио подтверждаются тем фактом, что ии Брежиев, ии Суслов ие подписались под иекрологом Цвигуиа, хотя покойиый член ЦК КПСС и близкий родствеииик Брежиева. Более того, тело Цвигуиа, первого заместителя председателя КГБ и члеиа правительства ие было похороиеио иа официальиом правительствеииом кладбище. Раскрыл ли Суслов все это дело или сам в ием участвовал — в любом случае ои ие мог прожить долго, как ие живет долго любой, пытающийся делать резкие движеиия в коррумпироваииой трясиие высшего советского руководства...»

Рамки КГБ уже ие устраивали Аидропова. Номииальио оставив «коитору» иа иикому иеизвестиого геиерала Федорчука, ои перебирается в секретариат ЦК КПСС иа место покойиого Суслова. В политбюро переполох. Аидропов вызывает к себе своих коллег Мазурова и Кирилеико, показывает им материалы, касающиеся иекоторых аспектов их миоготрудиой деятельиости и предлагает подумать о дальиейшей жизии. Жаловаться уже иекому. После скаидала с дочерью, сыиом и братом и гибели свояка, Брежиев ии с кем ие желает разговаривать. Здоровье его резко ухудшается. Мазуров послушио подает в отставку. Кирилеико, ие поияв серьезиости момеита, является иа очередиое заседаиие Политбюро. Охраиа грубо его остаиавливает, отбирает пропуск в Кремль и передает приказ Аидропова отправляться иа дачу и сидеть там до особого распоряжеиия.

Аидропов и Горбачев работают чуть ли ие круглосуточио. Оии пытаются сиова провести в жизиь тот плаи, который был сорваи гибелью Кулакова и Машерова. Но теперь Аидропов хозяии в политбюро. В страхе затихла Старая площадь. Небывалое со времеи смерти Сталииа иапряжеиие охватило все «зазеркалье» — сказочиую страиу Номеиклатурию. Ее вожди иемощиы и стары и не в силах уже оказать сопротивлеиие прорвавшемуся к вершииам власти «громиле из госбезопасиости». Для страха были все осиоваиия. В Москву из Баку переводится Гейдар Алиев. Все помият его беспощадиые расстрелы в Азербайджаие и чудовищиые сроки заключеиия, которые ои отваливал иомеиклатурщикам. Теперь, отработаииые в Азербайджаие методы ои будет примеиять во всесоюзиом масштабе.

Следующий удар, иакоиец, обрушивается иа Медуиова. Его

вызывают в Москву якобы иа совещаине в ЦК. Андропов объявляет ему об освобождеиии с поста первого секретаря Красиодарского крайкома. В доме Медуиова в Краснодаре проводится обыск под предлогом ремонта перед въездом туда нового партнйиого босса. Четыре коитейнера конфискованиых цеииостей доставляют в Москву. Только лнчиое вмешательство Брежиева спасает Медунова. Ему с трудом удается выхлопотать себе пост миннстра плодоовощной промышлениости. Но он поиимает, что карьера его погублена, а дии сочтеиы...

В Москве иеожиданно арестовывается мииистр рыбной промышлеиности Ишков и его заместитель Рыков. При обыске у каждого обиаружено более 6 миллиоиов рублей н более миллиона долларов.

Идет прямая атака иа номенклатуру.

В ужасе «зазеркалье» кидается к Брежиеву. Ведь геисек еще жив. Разве ие был ои в течеиие 18 лет нх благодетелем и гарантом? Что случилось?!

Брежнев н сам не может поиять, что происходит. Аидропов с полиой почтительностью чуть ли ие еженедельно кладет иа стол геиерального секретаря оперативные сводкн весьма интересиого для престарелого вождя содержання: «...В ходе операцнн былн вскрыты миогочисленные связн между дельцами «подпольной экоиомнки» и членамн семьн Генеральиого Секретаря ЦК КПСС товарища Брежнева Л. И. По самым скромиым оценкам члены семьн товарища Брежнева Л. И. только последиие три года получили в виде прямых взяток деньгамн, подношеинй драгоценнымн камнямн, мехами, предметами антнкварната, похищеииыми нз музеев ценностямн иа общую сумму:

Брежиева-Чурбанова Галина Леонидовна	3,1 миллиона рублей н 600 тысяч долларов,
Брежиев Юрнй Леонндович —	3,4 мнллнона рублей и 450 тысяч долларов,
Брежнев Яков Ильич —	1,4 миллиоиа рублей и 500 тысяч долларов,
Цвигуи Семен Кузьмич —	4,2 миллнона рублей и 1,5 миллиона долларов.

Вышеназванные лнца из семьи тов. Брежнева Л. И., втянутые в преступную деятельиость, обеспечивалн дельцам подпольиой экономнкн протекцию различных министерств и должностных лиц для получеиия из государственных фондов сырья, оборудовання н машии, а также способствовали проиикновенню преступиых элемеитов иа высокне партийные и государствеиные посты...»

Прочтя подобные сводки, Брежнев долго молчал, а потом, как правило, спрашивал Андропова, когда же закончится война в Афганистане, длящаяся уже третий год без каких-либо видов на победу. Ведь Андропов обещал закончить эту войну в течение месяца. «Для этого нужно сначала навести порядок в стране»,— отвечал Андропов.
Хотя то, что приходилось Брежневу читать с подачи Андропова, отнимало у больного старика последние жизненные силы, то что приходилось читать самому Андропову, тоже, как говорится, жизни не прибавляло. А ведь Юрию Владимировичу было уже 68 лет.
А то, что он читал было еще страшнее, чем разоблачение заворовавшихся членов семьи вождя партии и государства. Разваливается Варшавский пакт. Польская «Солидарность» успела развратить все страны Восточного блока. После введения в Польше военного положения, когда к власти пришла «хунта» во главе с генералом Ярузельским, странные вещи стали твориться в армии. Маршалы, униженные Афганистаном, где армия сверхдержавы не может победить диких горцев, третий год истекая кровью, кажется, увидели спасение в введении во всех странах Варшавского пакта, включая и СССР, военного положения по образцу Польши. Материалы постоянно накапливаются, заставляя быть чрезвычайно осторожным. С армией шутки плохи, но и с ней не церемонятся. Железная хватка Особых отделов КГБ, подчиненных Андропову, прослеживает каждое движение мысли военачальников. При малейшем подозрении с ними разговор короткий. «Скоропостижно скончался» и все [1]. Сейчас что-то забегали курьеры и порученцы маршала Устинова по Поль-

[1] О том, что армия готовила военный переворот во всем социалистическом лагере, существует немало свидетельств. Неизвестно, было бы это так уж плохо, поскольку, как показывает опыт других стран, нет пути от тоталитаризма к демократии, кроме как через временную автократию военной диктатуры. Заговор не удался, поскольку КГБ был на высоте. Это произошло сразу после смерти Андропова. Здесь не место приводить подробности. Ограничимся официальными сообщениями.

«2 декабря 1984 года в результате острой сердечной недостаточности скончался член Политбюро ЦК СЕПГ, министр национальной обороны ГДР генерал армии Гофман».
«15 декабря. На 59-м году жизни в результате сердечной недостаточности скоропостижно скончался член ЦК ВСРП, министр обороны ВНР генерал армии Олах».
«16 декабря. На 66-м году жизни в результате сердечной недостаточности скоропостижно скончался министр национальной обороны ЧССР, член ЦК КПЧ, генерал армии Дзур».
«20 декабря скончался член Политбюро ЦК КПСС, министр обороны СССР, маршал Советского Союза Устинов». Что за мор напал на министров обороны? Интересно, не правда ли?

ше, ГДР, Венгрии и даже Монголии. Координируют действия дружественных армий на случай?.. Но есть и другие данные.

Кредиты, которые Брежнев худо-бедно насобирал на западе под евреев-эмигрантов и диссидентов-предателей, прекратились. Хорошо, больше никого не выпустим, а кто пикнет — посадим. А если кого посадить нельзя, то вышлем и лишим гражданства. Весь мир ахнул, когда лишили советского гражданства великого музыканта, первую виолончель мира Мстислава Ростроповича и его жену — выдающуюся оперную певицу Галину Вишневскую. Сам президент США встречал их в аэропорту, сказав, что для Америки это великая честь приобрести таких граждан. А в Советском Союзе незаменимых людей нет, как любил говаривать покойный Иосиф Виссарионович. А на западе идет просто вакханалия, истерия антикоммунизма и антисоветизма. Компартии западной Европы придумали какой-то «еврокоммунизм», чтобы хоть как-то дистанцироваться от Москвы и ее преступлений. Забыли, наверное, кто их кормил 65 лет и продолжает кормить. А на какие деньги? Даже будучи председателем КГБ Андропов так и не мог толком узнать, каков золотой запас страны и сколько золота добывается ежегодно. Шесть разных ведомств дали разные справки под грифом «совершенно секретно». Данные варьировались от 1 тысячи до 10 тысяч тонн. Никто не мог сказать толком, сколько его ежегодно тратится и куда. Сведения Госбанка и Внешэкономбанка были какими-то туманными, Международный отдел и Управление Делами ЦК ссылались на отсутствие сводных данных, финансовая комиссия Верховного Совета испуганно моргала глазами, а Министерство Финансов, ссылаясь на собственные источники, заявило, что золотой запас страны составляет 2100 тонн. И не покраснело. Было ясно, что остальное можно было обнаружить только с помощью обысков.

Не лучше обстояло дело и с драгоценными камнями. Заместитель председателя Совета министров Якутии Степан Платонов инициативно вышел на Андропова, желая доложить положение в алмазодобывающей промышленности, сводные цифры ежегодной добычи необработанных алмазов и их таинственное исчезновение. Платонов непосредственно курировал алмазодобывающую промышленность и знал, если не все, то много. Через два дня он был убит на охоте выстрелом в упор. Убийство взял на себя первый секретарь Якутского горкома партии Соломов. Суд признал Соломова невменяемым и направил в «психушку», откуда тот вышел

через два месяца и был иаправлеи завотделом в Магадаиский обком партии. КГБ провел свое расследоваıие и выясиил, что Платоиова застрелил ответствеиный работиик ЦК КПСС, в честь которого местиое партийиое иачальство и устроило охоту. Платоиов, как попутио выясиилось, иа эту охоту ие собирался, ио был вызваи иа иее приказом первого секретаря обкома КПСС Якутии Чиряева. Ответствеииый работиик ЦК КПСС преспокойио вериулся в Москву. Все, что мог сделать Аидропов, это полиостью смеиить охраиу ПНО «Якуталмаз» и иазиачить директором по режиму геиерала Васильева, которому доверял личио. 21 яиваря 1981 года в служебиом кабииете замполита управлеиия спецмилиции по охраие объектов алмазодобывающей промышлеииости геиерал Васильев был убит в упор выстрелом из пистолета Макарова. Стрелял сам замполит — полковиик Целуйко. Целуйко уверял, что Васильев покоичил с собой. В кабииете Васильева произвели обыск и изъяли секретиые материалы о воровстве алмазов, приготовлеииые для отправки в Москву. Последовала еще вереиица убийств, самоубийств, таииствеииых падеиий в лестиичиые пролеты, ио Аидропов так и ие узиал, куда уплывают алмазы. «Найдем иа обысках»,— подбадривал ои своих подчииеииых. Да что там алмазы! Куда-то иалево уходили миллиоиы тоии иефти и коицов было ие иайти. Но уж совершеиио точиые цифры говорили о том, что производительиость труда в страие продолжает стремительио падать, а рубль обесцеииваться. Неурожаи с каждым годом прииимают все более угрожающий характер, ио другу Горбачеву пока прощается все. У иего иет времеии курировать сельское хозяйство. Есть дела поважиее.

Кремлевская иитрига выходит иа решающий этап. Необходимо устраиить последиюю преграду, отделяющую Аидропова от вершииы власти — самого Брежиева.

Аидропов и Горбачев готовились собрать экстреииое совещаиие Политбюро и поставить иа повестку дия вопрос «О иегативиых последствиях для страиы культа личиости Брежиева». С докладом должеи был выступить сам Аидропов, а Горбачев — поддержать его в преииях. На старого, больиого геисека решеио было списать и Афгаиистаи, и польскую «Солидариость», и ослаблеиие позиции СССР иа Ближием Востоке, и развал коммуиистического движеиия в мире, и либерализм во виутреиией политике, «выразившийся в разрешеиии еврейской, армяиской и иемецкой эмиграции, ведущей к пробуждеиию иациоиалистических иастроеиий в союзиых республиках и теидеиции к выходу из СССР», и

коррупцию, а также «ослабление идеологического воспитания трудящихся, почти полное уничтожение их веры в идеи коммунизма и поголовного критического отношения к существующему строю». Исходя из этого, Брежнева предлагалось отправить на пенсию со всеми почестями и резко повернуть страну на новый курс. Политбюро должно было утвердить следующий долгосрочный план государственной политики:

«В области внешней политики:

1. Завершение войны в Афганистане полной и безусловной военной победой.

2. Полное и окончательное уничтожение польской «Солидарности».

3. Полное использование преимуществ, вытекающих из нерешительности западных стран противостоять активным действиям Советского Союза, что видно на примере Польши и Афганистана. Оказать максимальную военную поддержку народно-освободительным движениям во всем мире, коммунистическим и антиимпериалистическим силам в странах Ближнего Востока, Латинской Америки и Африки. В течение ближайших двух лет после окончательной советизации Афганистана обеспечить контроль над всем регионом Среднего Востока, включая и контроль над нефтяными запасами Персидского залива.

4. Использовать все преимущества от возникающих трений между США и странами НАТО, провоцировать их раскол и добиться полной изоляции США в капиталистическом мире.

Во внутренней политике:

1. Жесточайшее подавление диссидентского движения, религиозных сект и духовных общин.

2. Прекращение всех форм эмиграции.

3. Полный учет всего работоспособного населения и постоянное закрепление рабочих и служащих на их предприятиях, колхозах и совхозах. Это позволит резко улучшить экономическое положение и позволит гарантировать распределение продуктов питания через сеть промышленных распределителей исключительно для трудящегося населения.

4. Полное уничтожение «подпольной экономики» и других проявлений антисоветских и капиталистических настроений. Для этой цели провести серию показательных процессов со смертными приговорами и их публичным приведением в исполнение.

5. В связи с задачами новой внешней и внутренней политики предусмотреть увеличение численности советской армии

путем увеличения периода срочной службы от 2 до 5 лет в сухопутных войсках и от 3 до 7 лет в военно-морском флоте...» Ознакомившись с этим проектом, Горбачев осторожно заметил Андропову, что для осуществления столь глобальных замыслов не плохо было бы получить у США хороший кредит. Иначе проект не осуществить. Денег нет.

Андропов усмехнулся: «Деньги найдем. Главное внезапность. И проведение всего намеченного в жизнь твердо, последовательно и беспощадно».

«Конечно,— согласился Горбачев,— главное начать, и тогда процесс пойдет. Но проект надо доработать, показать экспертам. Словом, не торопиться. Мне кажется, что через нынешнее политбюро его не провести».

«Брежнев.— проговорил Андропов.— Конечно, это не для Брежнева». *Решили подождать.*

Через неделю этот проект был опубликован в американской печати.

Разразился скандал.

Публикацию объявили гнусной фальсификацией ЦРУ, чтобы вызвать очередную волну антисоветской истерии.

Проект был отпечатан на машинке в четырех экземплярах. Все четыре хранились у Андропова. Ознакомить с ним он успел четырех человек. Кто передал его на запад? Знал бы Андропов, что его личный секретарь, который и печатал проект, является агентом французской разведки!

Брежнев, еще живой Брежнев, вызвал Андропова и спросил, что это значит?

Андропов ответил, что не может отвечать за все утки империалистической прессы.

«Мне нельзя умирать,— неожиданно твердо сказал Брежнев.— Нельзя умирать, если кто-то после моей смерти будет претворять в жизнь такие безумные планы. Они погубят страну окончательно».

Андропов промолчал.

А Брежнев не только не умирал, но, напротив, почувствовал себя гораздо лучше. Настолько лучше, что задумал съездить в Ташкент к своему другу Рашидову. Старика пытались отговорить, но тот твердо решил ехать. Конечно, это была не просто прихоть, но зачем, так и осталось неизвестным. Шараф Рашидов встретил своего друга, защитника и благодетеля с великими почестями. Брежнев желал говорить с народом. В огромном цехе местного авиационного завода собрали митинг «актива». Оборудовали трибуну, на которую с помощью генерала Жарова с трудом забрался генеральный секретарь ЦК КПСС. В тот момент, когда

Брежнев начал свое выступление, по привычке медленно и невнятно, читая заготовленную речь по бумажке, в цехе разорвало магистраль сжатого воздуха. Раздался громовой раскат, сменившийся пронзительным свистом. Это было принято за взрыв. «Актив» и охрана в панике заметались по цеху. Один из телохранителей силой уложил Брежнева на пол и лег на него, прикрывая генсека своим телом. Потрясение от случившегося и легкая травма от слишком резких действий телохранителя привели к очередному инсульту. В больницу Брежнева доставили уже в состоянии клинической смерти. Реанимационная бригада, в течение многих лет ни на шаг не отходившая от больного вождя, снова вернула Брежнева к жизни, но он не мог ни двигаться, ни говорить. Но умирать все не хотел. Снова стал поправляться и даже отстоял положенное на трибуне Мавзолея 7 ноября 1982 года.
Через два дня кортеж главы партии и государства выехал из Боровицких ворот Кремля, направляясь в район подмосковного селения Жуковка, где находился комплекс правительственных дач. Впереди кортежа, как всегда, включив сирены и мигая световыми сигналами, мчались машины спецотряда ГАИ. За ними черные машины с охраной и лимузин самого Брежнева. Далее, за двумя машинами охраны, следовала верная реанимационная бригада, которой Брежнев был обязан жизнью в течение всех последних шести лет. Кортеж еще мчался по городу, когда у машины реаниматоров лопнуло колесо. На большой скорости машину занесло, и она чуть не врезалась в какое-то здание. Инструкция предусматривала немедленную остановку всех машин кортежа, но этого почему-то не произошло. Не снижая скорости, вся вереница машин продолжала мчаться к выезду из Москвы. Неожиданно у Брежнева начался приступ головокружения и позывы к рвоте. Перед выездом он выпил стакан молока и съел диабетическую булочку. Черненко слышал, как генсек пожаловался на какой-то странный привкус молока. Но капризность Брежнева в еде была известна, и никто не обратил на это внимания. Брежневу становилось все хуже. Колонна остановилась. И тут выяснилось, что машины с реаниматорами нет. Оказывается об аварии даже не сообщили по радиотелефону. Находящийся в машине генсека дежурный врач имел при себе только чемоданчик с неотложной помощью. Говорят, что он сделал все, что мог. На дачу Брежнева привезли уже мертвым.

Новым генеральным секретарем ЦК КПСС единогласно выбрали Андропова. По стране, как обычно с быстротой

света, пронесся анекдот о том, как эти выборы проходили: «Товарищи! Кто за избрание товарища Андропова генеральным секретарем — может отойти от стены, опустить руки и повернуться к нам лицом!» Подобно Сталину, Андропов болезненно переносил разные анекдоты и слухи о себе. Народная молва приписывала ему убийство Кулакова и Машерова, само собой и убийство Цвигуна, смерть Брежнева, покушение на Римского папу, убийство Маркова, покушение на Рейгана и многие другие злодейства. И хотя доказательств не было никаких, никто в этом ни минуты не сомневался. Но что бы там ни было, он достиг своей цели. Впервые с 1917-го года власть в стране захватил шеф тайной полиции. Этого смертельно боялся Ленин, постоянно косо поглядывая на своего друга Феликса, этого боялся и Сталин, считая за благо после определенного срока просто расстреливать шефов тайной полиции вместе с их аппаратом и женами, как случилось с Ягодой и Ежовым. О власти мечтал и незабвенный Лаврентий Павлович Берия, заплатив за свое тщеславие головой. Об этом осмеливался мечтать даже «железный Шурик» — Шелепин, но поскольку он попал под «номенклатурный» договор — не убивать друг друга,— не был расстрелян, а просто со скандалом выкинут на пенсию. Ибо, как говаривал легендарный министр госбезопасности Виктор Абакумов, арестованный по приказу Сталина и расстрелянный по приказу Хрущева, «государство вести — это вам не м...и трясти!» Тени расстрелянных предшественников собрались вокруг Андропова, вдохновляя и призывая к действию...

Первым открытым указом Андропова был указ «О запрещении гражданам держать и разводить плотоядных пушных зверей». Указ касался нутрий и соболей (пушнина — это тоже золото партии), но был составлен таким образом, что было непонятно распространяется ли он на кошек или нет. А по городам и весям огромной страны уже летели шифровки: «Провести аресты всех ранее профилактируемых КГБ лиц за...

1. Антисоветскую агитацию и пропаганду в письменной, устной и иной форме.

2. За хранение и распространение печатных изданий антисоветского содержания, видеоматериалов, предметов наглядной агитации и иных, направленных на ослабление советского государственного и общественного строя.

3. За распространение клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй.

4. За религиозную пропаганду вне отведенных для этого

специальных мест, обратив особое вннмание на баптнстов, адвентистов и кришнантов...
5. За валютные операцин и контрабанду предметамн антикварната...»
Р а б о т а з а к н п е л а. Вооруженные патрули стали задерживать прохожих на улицах, врываться в банн н парикмахерские, оцеплять пнвные точки, выясняя у граждан, почему онн не на работе. Так укреплялась трудовая дисциплина. Все новые дивнзии бросались в огонь Афганской войны. У афганскнх партизан, которые начинали войну со старымн англнйскими винтовками времен первой мировой, уже появнлась тяжелая артиллерня, безоткатные пушки, крупнокалиберные пулеметы и у всех поголовно автоматы Калашникова. Все вооружение было советского производства. Такое количество оружия просто невозможно было захватить в боях. Его можно было только купить. Но у кого? Следы прнвели в посольство СССР в Кабуле. Первый секретарь посольства Раджебов, в прошлом министр юстицни Таджикистана и второй секретарь Саидов, действуя в контакте с богатыми афганскими купцами, получали от ннх золото в таком количестве, что на него можно было скупить вообще все вооружение действовавшей в Афганистане 40-й армин. Дело было поставлено на широкую ногу с привлеченнем многих работников тыла 40-й армии. Вооружение поступало прямо со складов. Наши солдаты тряслись над каждым патроном, в то время как они миллионами продавались противнику. В дело подключились и иностранные «спонсоры» партизан. Из Саудовской Аравии в адрес Саидова была послана посылка, содержащая 13 килограмм золота. Саудовские купцы привыкли действовать открыто. Посылка была случайно обнаружена таможней в аэропорту Шереметьево. Раджебов и Саидов были схвачены и расстреляны. Но дело их продолжало жить до самого конца Афганской войны. Не менее интересная посылка пришла двум старикам в тихое Украинское село от сына, служившего начальником заставы на границе с Афганистаном. Посылка была оценена в 15 рублей. Когда же ее вскрыли, то в ней оказалось 40 тысяч рублей. Расследование дало потрясающие результаты: все заставы получают взятки от контрабандистов в рублях и валюте, беспрепятственно пропуская в обе стороны караваны верблюдов и колонны грузовиков, любезно подсвечивая прожекторами путь, если дело происходило ночью. Какие грузы везли грузовики, под тяжестью каких тюков сгибалнсь верблюды? Арестованные пограничннкн не могли

на это ответнть. Не зналн. Какне людн проходили с караванамн туда н обратно, расплачнваясь долларамн? Не знали. Но онн же платнли долларамн. Неудобно было спрашнвать.

В Москве были схвачены руководнтелн государственного Импортно-коммерческого управления — Павлов н Смеляков. Оба работали с размахом. При заключенин контрактов с представителямн ннострацных фнрм онн бралн взятки в размере 1% от стонмости каждого контракта. Иностранцы платилн охотно и с удовольствнем, поскольку за это моглн беспрепятственно составлять контракты максимально выгодные для себя н крайне невыгодные для СССР. За особую плату оба руководнтеля снабжалн ннострацев лицензиями «Об ослабленном пограннчном досмотре». Подобные лнцензин полагалнсь только для грузов, отправляемых н получаемых ЦК КПСС (в адрес этой органнзацнн *ежедневно* прнбывалн со всего мнра контейнеры, набнтые, главным образом, ннострацным шнрпотребом н отправлялнсь обратно, заполненные государственным достояннем). Пограничникн н таможенннкн не имелн права даже прнкасаться к этнм контейнерам. Оказалось, что подобные лнцензни не так уж сложно прнобрести за валюту у работннков аппарата ЦК: одна лицензия — 1 000 долларов. Смешно. Иностранцы покупалн лнцензнн пачкамн н получали возможность ввозить н вывознть нз СССР все, что хотелн (включая свонх проваленвшнхся нлн отзываемых агентов). Прн обыске у Павлова был обнаружен мнллнон рублей н полмиллнона долларов, целый склад западного «шмотья» н аппаратуры, а также пачкн драгоценных лицензнй. У Смелякова было поскромнее — всего 300 тысяч долларов. Обонх расстрелялн в назндание остальным. Андропов прнказал отменить лнцензнн, и все их запасы уннчтожнть немедленно. ЦК загудел, как встревоженный улей. Управделами ЦК Павлов горячо доказывал Андропову, что отменять лнцензнн нельзя. Их надо просто взять на более строгнй учет. «Ни пограннчникн, нн таможенннкн не должны знать, что мы посылаем нашнм западным товарнщам и что получаем от ннх». Это была железная логнка. Андропову ответить было нечего.

Дело арестованного мнннстра рыбной промышленностн Ишкова н его заместнтеля Рыкова выявнло целую преступную сеть, в которую оказалнсь вовлеченнымн целые регионы страны с обкомами, горкомамн н управленнямн внутренних дел. С дальнего Востока нкру н ценные сорта рыбы разнымн путями доставляли в Ростов-на-Дону, где существовала под патронажем горкома и местной милицнн огромная подполь-

ная перевалочная база. Продукты шли за границу, миллионы долларов делились соответственно рангам преступников. Спецназ КГБ захватил управление МВД Ростова. Начались аресты среди работников торговли и горкома. Золото и валюта вывозились вагонами. В дело оказались замешанными работники Министерства речного флота. Оказалось, что суда речного флота, помимо доставки к местам назначения икры и дорогой рыбы, занимались и собственными прибыльными делами. По Сыр-Дарье через афганскую границу на судах речного флота доставлялись товары, идущие из Японии, Индии и других экзотических восточных стран: тончайшие шелка, батисты, электроника. Хищения были в огромных размерах. На территории СССР и Афганистана была целая сеть тайных хранилищ, откуда товары перепродавались за границу на валюту.

Медуновское дело раскрутило такую преступную сеть по всему Союзу, что пришлось арестовать полным составом все Министерство мясо-молочной и плодоовощной промышленности. Одним махом были арестованы директора ликеро-водочных заводов. В Ленинграде у директора одного из таких заводов при обыске, помимо наличных и золота, было обнаружено 8 тысяч бутылок с коньяком различных марок. Был арестован начальник Управления торговли Москвы — Трегубов со 130-ю своими сотрудниками. Их взяли по показаниям ранее арестованного и позднее расстрелянного директора московского «Елисеевского» гастронома — Соколова.

Андропов бьет почти вслепую и всегда попадает. Промахнуться невозможно.

В Москве арестован директор и 17 сотрудников овощной базы Дзержинского района. Хищения на 300 тысяч. Директор расстрелян.

В Белокаменске схвачен директор «Межколхозстроя», похитивший 200 тысяч рублей и построивший себе двухэтажный каменный дом. Расстрелян.

На московском заводе по переработке вторичного сырья драгметаллов обнаруживается хищение золотой и серебряной стружки на миллионы рублей. Директор, главный инженер и главный технолог расстреляны.

На Кишиневском заводе по производству сахара обнаружено хищение на четыре миллиона рублей. Директор, его заместитель и главный технолог расстреляны.

Снимается с должности министр внутренних дел Щелоков и его заместитель — Чурбанов — зять покойного Брежнева. Оба временно содержатся под домашним арестом. Тонны

конфискованных ценностей руководители министерства не сдавали государству, а присваивали. Перед арестом и отправкой в тюрьму Щелоков успел застрелиться.
Министром внутренних дел Андропов назначает Федорчука, а на освободившееся место председателя КГБ — своего верного заместителя — генерала Чебрикова. В Москву вызываются, казалось бы, проверенные долгими годами кадры: Шеварднадзе, Лигачев, Рыжков. Вместе с Горбачевым они формируют аппарат личной власти Андропова.
Борьба только начинается. Раскрытие многочисленных преступлений ясно показывает, что все нити ведут в ЦК КПСС, в самое сердце «зазеркалья». Там насторожились. Андропов уже вторгся в заповедные пределы «зазеркалья», пока что орудуя на уровне министров, начальников управлений, секретарей райкомов. На его действия смотрят настороженно, но с некоторым даже чувством одобрения. В конце концов он возвращает партии ее золото, отбирая его у людей, которые по их рангу не имели права либо владеть им вообще, либо в таком количестве.

Остановись Андропов на этом уровне, он бы безусловно попал в классики марксизма. Но его погубила гордыня. Он не только задумал вернуть партии ее золото, но и сделать так, чтобы никто, кроме него, этим золотом не пользовался. Такое было не под силу даже товарищу Сталину и опять являлось резким отходом от ленинских норм партийной жизни... И, наконец, Андропов нанес удар, к которому готовился давно, еще с начала 70-х годов. Удар по Средней Азии. Теплым апрельским днем 1983 года прямо на улице Бухары был схвачен начальник УБХСС города — Ахат Музафаров. Прибывшая из Москвы бригада КГБ, без всяких церемоний надела на него наручники и отправила самолетом в столицу. Одновременно было арестовано еще шесть человек из руководства местной милиции и торговой аристократии. Расследование быстро привело к резиденции бухарского обкома, «Красной даче», прямо в кабинет первого секретаря компартии Абдурахида Каримова. Начиналось прогремевшее на весь мир знаменитое Узбекское дело.
Музаффаров, долго не запираясь, быстро дал показания на своих соучастников по мздоимству и казнокрадству, в частности, на первого замминистра внутренних дел Давыдова. Не дождавшись допроса, тот покончил жизнь «самоубийством», правда, несколько странным способом — выстрелив себе в голову три раза из пистолета. Серия подобных «самоубийств» прокатилась по всему Узбекистану. От Музаффарова и Каримова следы шли к министру внутренних дел

Узбекистана Эргашеву и дальше от него к Щелокову, Чурбанову, к членам Политбюро и к покойному Брежневу. От этого дела отпочковалось другое «дело века» — о хищениях в хлопкообрабатывающей промышленности. Арестован был весь аппарат министерства и все начальники главков. Всего за четыре года сумма хищений составила четыре миллиарда рублей, большая часть которых осела в карманах министра Усманова. Дело принял к производству следователь по особо важным делам при генеральном прокуроре СССР Гдлян и его помощник Николай Иванов. Их лично успел проинструктировать Андропов, предоставив полную свободу действий. И зря. В деле сразу замелькала фамилия самого Рашидова его преемника на посту первого секретаря ЦК компартии Узбекистана — Усманходжаева, попавшего на этот пост по рекомендации Андропова. Серия обысков дала ошеломляющие результаты. У одного из секретарей райкомов при аресте было изъято 19 миллионов рублей и 200 килограммов золота слитками, монетами, браслетами, серьгами и кольцами. В Кашкардарьинской области другой секретарь райкома сдал 5 400 тысяч рублей и 500 тысяч облигациями «Золотого займа». Не поверили, что сдал все и нашли во время обыска еще 10 миллионов рублей, 300 тысяч долларов и 80 килограммов золота. В деле всплывали все новые и новые фамилии: Лигачев, Соломенцев, Рекунков (генеральный прокурор!), Теребилов, Гусев, Афанасьев, Георгадзе. У Андропова голова шла кругом. Всплывшие фамилии были для него, готового ко всему, большим сюрпризом.

Теперь он стоял перед дилеммой: или наносить удар в самое сердце «зазеркалья», или на этом остановиться. Но тогда вся борьба бесполезна, если сохранить главный штаб и мозг коррупции.

Был тщательно составлен последовательный список производства обысков и арестов высших руководителей партноменклатуры.

Начать решили с Георгадзе. Долгое время он занимал достаточно высокую должность секретаря Президиума Верховного Совета СССР, но не был даже членом ЦК, проходив всю жизнь в кандидатах.

Операция готовилась в глубочайшей тайне, ибо Георгадзе, если и не находится в сердце номенклатуры, то и периферийным деятелем его никак нельзя было назвать. Он сидел в Кремле со времен товарища Сталина, и вождь ему даже покровительствовал, ни разу не посадив. Следователи вымели из сейфов и тайников дома Георгадзе 8 килограммов

бриллиантов и алмазов, 100 золотых слитков (по 20 кг), 40 миллионов рублей, 2 миллиона долларов, груды перстней, серег, колец, кулонов, картины Леонардо да Винчи, Рубенса, Ван-Дейка, Айвазовского. Всего на 6 миллиардов рублей. Захватывало дух от мысли, что можно обнаружить у тех, кто рангом повыше такой относительно мелкой сошки, как Георгадзе. Ведь он даже не был членом ЦК! Убедиться в этом не удалось.

Почти сразу после этого Андропов... исчез.

Стране и миру долго морочили голову, что он простудился, и показали снова Юрия Владимировича всенародно уже в гробу. Михаил Сергеевич Горбачев держал под руку безутешную вдову. Никто не удивился — ведь он был правой рукой и другом покойного.

ЧАСТЬ III

БЕГСТВО С ДОБЫЧЕЙ

Злые языки утверждали, что Аидропова убили демоны Кореи, поскольку по его приказу был сбит южио-корейский «Боииг» почти с тремя сотиямн пассажнров. Демоны пробудились и, уиичтожив Аидропова, решнли заодно уиичтожить и государство, получившее с легкой руки американского президента Рейгаиа, прозвище «Империя зла». Так, по крайией мере, с полиой серьезиостью писалн сеульские газеты. Старая статистнка утверждает, что в 1913 году Россия по разным показателям жизнеииого уровия среди других страи занимала с 3-го по 12-е место, а по приросту промышлеииого продукта — абсолютиое п е р в о е, причем с достаточно солидиым отрывом. В 1985 году СССР по производству валового внутреннего продукта на душу населеиия заиимал 68-е место в мире, а по уровию лнчиого потреблеиия — 77-е, опережая все страиы в мнре по детской смертиости, количеству абортов, разводов н потреблеиия алкоголя. Непрерывиая истребительиая войиа, которую коммуиистический режим вел против иарода, прнвел ие только к физическому уничтожеиию или к бегству из страиы самой лучшей, работящей и талаитливой части иаселеиия, но сказался и на геиофоиде иации, резко сннзив уровеиь духовиой и иравствениой культуры. Возможно нмеино такую цель коммуиисты и ставили, проводя свой чудовнщиый семидесятилетний эксперимеит над Россией, создав в итоге общество, где, по словам одного известного фнлософа, «господствующим психологическим типом стал человек равиодушный». И следует добавить — совершеиио безиравствеииый, с полностью потерянным понятием об «обществениом благе» илн граждаиском долге, который если н проявлялся, то лишь в доиосах. В прииципе это было ие так уж плохо. «Человек равиодушиый» ие задает иенужиых вопросов, ие лезет не в свое дело, поддается легкому виушеиию н еще более легкому управлеиию, иичем особенно не нитересуется, рад своей «пайке» дающей возможность выжить, и даже по-своему счастлив. Против этого человека велись все известиые в мире типы войн: война на физнческое нстребление; пснхологнческая войиа в невероятиых размерах, ежемииутно подвергая его оболваннванию чудовищными дозами лжи и дезииформации; электронная война — эта иовника современиого воеииого искусства, иесмотря

на необходимые для ее ведения огромные затраты, круглосуточно бушевала в эфире, чтобы отрезать его от каких-либо других источников информации, кроме официальных. Биологическая война велась последовательно и продуманно в надежде мутировать человека с помощью недоброкачественных продуктов, спаивая его продуманными рецептами различных «бормотух». Химическая война может быть велась и несознательно, но семидесятилетнее полное пренебрежение экологией превратило целые районы страны в зоны, совершенно непригодные для обитания, с отравленными водой и воздухом, где дети рождались либо мертвыми, либо уродами, а взрослые не доживали до 40 лет. Не хватало только атомной войны. Но и она уже была не за горами. Все это было хорошо. Ведь подобный человек вполне устраивал разложившуюся и коррумпированную партийно-государственную номенклатуру, так как, не причиняя особых хлопот, позволял ей делать, что угодно, наслаждаясь жизнью в «зазеркалье». Но вот беда. Этот человек перестал работать. Все методы воздействия на него дали такой неожиданный побочный эффект. И заставить его работать уже было невозможно никакими силами. Человек стал слишком равнодушным. Вплоть до того, что матери послушно давали подписку не разглашать факта гибели своих детей в Афганистане или в результате бушующей в армии «дедовщины». До 1985 года ни одна мать фактически не протестовала ни против того, ни против другого.
Чудом сохранившаяся совесть нации была загнана в тюрьмы и лагеря или агонизировала в эмиграции. А сохранившаяся энергия нации целеустремленно стремясь к привилегиям, отчаянно искала пути в «зазеркалье» по партийным, чекистским, научным, культурным и даже спортивным каналам, либо перемещалась в торговлю, намертво сросшуюся с мафией и теневой экономикой, в свою очередь нагло и открыто сросшуюся с партийной номенклатурой. Общество превратилось в змею, пожирающую собственный хвост. Как нигде в мире, в стране победившей номенклатуры было несколько валют, лучше всех других показателей отражавших катастрофическое положение агонизирующей империи зла. Официальный рубль, предназначенный для рабов, был фактически ничем не обеспечен, на мировом рынке не признан и стремительно терял свое значение на рынке внутреннем. Мифический инвалютный рубль, придуманный номенклатурой, существовал только в ее воображении и был изобретен с единственной целью наворовать как можно больше иностранной валюты. По стране ходили всевозмож-

ные чеки и сертификаты, выпускаемые Внешторгбанком для выдачи зарплаты номенклатурщикам низшего ранга и морякам торгового флота, которые можно было отоварить через сеть закрытых магазинов и распределителей. Получать даже часть зарплаты в чеках и сертификатах считалось большой честью и значительно поднимало социальный вес получателя. Но, потроша и сметая все эти бутафорские валюты, властно и твердо подминая под себя хилую социалистическую экономику и мертвую идеологию, пробуждая сознание людей по стране уже шествовал ДОЛЛАР — денежная единица «потенциального и вероятного противника» империи. Он уже давно, не встречая никакого сопротивления, оккупировал страну Номенклатурию, прорвавшись через нее в каналы теневой экономики и торговли, в систему снабжения и материально-технического обеспечения, в армию и в органы безопасности.
Доллары требовала промышленность, задыхающаяся от отсталости.
Доллары требовала наука и медицина.
Доллары требовал военно-промышленный комплекс.
Доллар уже одел всю страну в джинсы «Левис» и «Монтана», в спортивные костюмы «Адидас», в модные куртки и сапоги.
Доллар забрасывал в самые глухие деревушки радиоприемники «Сони» и «Грюндиг», а затем и видеомагнитофоны с информационными кассетами, которые невозможно было заглушить и очень сложно отобрать.
Доллар забил коммунистическую «культуру» водопадом западных кинофильмов и шоу, с которыми никто не мог конкурировать в нищей стране.
Все ведомства громко и настойчиво требовали у правительства долларов, грозя неминуемым крахом. И уж нечего говорить, как любила доллар номенклатура!
Беда была в том, что, в отличие от рублей, доллар необходимо было зарабатывать. А работать номенклатура давно уже отвыкла и не умела. Она еще умела продавать, так как все в стране, включая население, еще принадлежало ей, но все, что можно было продать за доллары, уже было продано. А народ не хотел больше работать на номенклатуру. В результате уровень жизни в «зазеркалье» понизился до постыдного уровня: в спецраспределителях высшего ранга зимою начались перебои со свежей клубникой и арбузами. А по всей стране уже давно забыли о простой колбасе, вводились талоны на масло и молоко, голодное население со всех сторон устремлялось к Москве, надеясь хоть там что-либо

купить на свои несчастные рубли. А чтобы накормить народ хотя бы хлебом тоже иужиы были доллары. И шестой год при всем при том страна вела войиу в Афганистане, где генералы, войдя во вкус, уже давно иаучились зарабатывать доллары, а потому ни за что не хотели эту войиу прекращать. За доллары на этой войне продавалось все: оружие, оперативные планы, военные секреты, золото, лазурит и, коиечно, солдатские жизни. Это была очень интересная война — последняя войиа погибающей империи. И именно в это время Генеральным секретарем ЦК КПСС стал Михаил Сергеевич Горбачев.

Он похоронил трех генсеков, своих предшествеиников: Брежиева, Андропова и Черненко. И если ие считать Черненко, то у остальиых очень многому научился. Ему было совершенно очевидно, что методами Брежиева и Аидропова работать нельзя. Это путь к гибели: метод Брежнева ведет к гибели страны, а метод Андропова — к его собственной гибели.

Партийная номеиклатура иастолько срослась с теневой экономикой, что рассматривает любое посягательство на мафию, как посягательство иа великую партию Ленина, которая всегда сама была мафией и жила по ее законам. Ну, а что, право, плохого в созданной совместно партией и преступным миром, теневой экономике? Это просто способ совместного более или меиее приличного выживания в этой ужасной страие. Вообще, что такое эта «теневая экоиомика», которую почему-то так любил Брежнев и так иеиавидел Аидропов? Это очеиь просто. Параллельио хилой и иеэффективной социалистической экоиомике созданы эффективные и высокопроизводительные структуры рыиочиой, чисто капиталистической экоиомики. Люди там работают, зарабатывают хорошие деиьги, производят товары и услуги, которые иаходят спрос даже на западе, и, естествеино, платят нам за то, что мы вообще позволяем им работать, обеспечиваем их сырьем и оборудоваиием, охраняем их от неизбежного в таких условиях рэкета, служим арбитражем. Это в коице коицов служит и общественному благу, поскольку товары и услуги теиевой экономики так или иначе распространяются и иа внутреинем рыике, создавая так называемый «чериый рыиок», позволяющий безбедио существовать многим категориям населения. Теневые структуры почти не касаются воеино-промышленного комплекса, но позволяют ему делать свое дело. Но ведь эти теиевые структуры высасывают соки из официальной экономики и губят ее? Да кому нужна эта официальиая экономика! Давно известно, что она

представляет из себя ие более, чем оплачиваемую безработицу. Чтобы люди были заняты с утра до вечера, получая за это в 100 раз меньше, чем безработиый иегр в США, живущий иа пособие.
Так может быть мы сделаем всю экоиомику рыиочной и эффективиой?
Как иа этот вопрос товарищи посмотрят?
Легализируем теиевую экоиомику и подключим к ией официальную.
Главиое иачать, углубить и все сформируется — процесс пойдет!
Ну как, товарищи?
Товарищи молчат.
«Главиое, товарищи,— продолжает иовый геисек,— иам поднять экоиомику, ибо это ложит иачало всему!»
Доллары для этого иужиы, миого долларов. Где их взять? Где взять? У империалистов и возьмем.
Не иадут больше. Вы с Аидроповым, Михаил Сергеевич таких дров иаломали, что больше не дадут. Покойиый Леонид Ильич еще умел с иими договариваться, а Андропов все испортил. Не под что просить больше. И так больше 30 миллиардов задолжали, а как гаранты — еще 40. Недаром Леонид Ильич, царствие ему Небесиое, шутить любил: «Если долги будут требовать вернуть, то хоть войиу начинай. Другого выхода иет».
И тем ие меиее есть одиа статья, под которую они дадут. Непонимающие, заинтригованные и настороженные взгляды сфокусировались на молодом геисеке, сидящем во главе длиииого, полироваииого стола под большим портретом Лениив.
Под права человека. Дадут обязательно.
Под гласиость дадут.
Под перестройку всего иашего общества.
Генерал Чебриков с сомиением покачал головой. Нет, он ие сомиевался в том, что дадут. Дадут, коиечио. Но опять подиимать этот проклятый, замусоленный западиой пропагандой вопрос «о правах человека», который, как хорошо известио, иадумаи ЦРУ и которого в Советском Союзе иет. У иашего народа есть все права: право иа труд, право иа отдых, право иа бесплатиое медицинское обслуживаиие. Как в любой казарме или тюрьме. Пить просто иадо меньше. Последиее соображение геиерал высказал вслух.
Егор Лигачев сомиевался еще сильнее, хотя головой не качал. У Горбачева где-то в сейфе лежали какие-то бумаги о его, Лигачева, причастиости к Узбекскому делу. Раз

генсек высказывает подобное мнение, то лучше сразу не перечить. Хотя какой козырь даем в руки империалистам, признавая сам факт нарушения прав человека в нашей стране.

Николай Рыжков широко улыбался. Главное, чтобы деньги дали, а мы их вложим в капитальное строительство. Самое лучшее место для вклада. Ни одна комиссия не разберется сколько украдено. Он, напротив, оценил предложение Горбачева. Под такой неясный вопрос, как права человека, можно из США и Европы сосать займы еще лет двадцать.

Григорий Романов сидит, насупившись. Против него начались какие-то странные игры. В Ленинграде, в имение его сестры пришли какие-то контролеры, то ли из так называемого народного контроля, то ли из обкома, потребовали документы на особняк и землю, что-то мерили, записывали, опрашивали охрану. Точно так поступили в свое время с Екатериной Фурцевой, когда пришло время ее выкинуть из ЦК. Поэтому он молчит.

Гейдар Алиев тоже молчит. С Андроповым хорошо было работать, все было понятно. Опасно, конечно. Но это была игра мужчин. А тут что-то слишком сложно плетет новый генсек. Как бы не запутаться. Надо посмотреть, да и махнуть домой, в Баку. Если американцы начнут давать деньги на права человека — дома будет много работы.

Эдуард Шеварднадзе улыбается доброй, застенчивой улыбкой, и кивает головой. Он согласен. Права человека в СССР — это больной вопрос. Необходимо серьезно им заняться. Рыночная экономика — это тоже очень хорошо. Она оживит всю страну. Никому и в голову уже не приходило, что именно этот человек санкционировал применение пыток в Грузии и грозил прочистить до костей «капиталистический свинарник республики».

Александр Яковлев, зловещий партийный идеолог сталинской выучки, ближайший сотрудник Суслова, сидит добрый и размягший, напоминая добряка-гнома из сказок Андерсена. Он тоже полностью согласен с Горбачевым: если дадут под права человека, надо брать. Западные вливания и политическая оттепель спасут страну. Всколыхнут народ и заставят его наконец работать, а не пить.

«Главное во всем этом деле,— подытоживает мнения товарищей Горбачев,— больше социализма. Наш народ сделал свой исторический выбор в 1917 году, и он с него не свернет!»

Кто за, кто против, кто воздержался? Прошу опустить. Единогласно.

В маленькой квартире ссыльного академика Сахарова, за которой КГБ Горького и постоянно приезжающие из Москвы специалисты, вели круглосуточное наблюдение, телефон не работал уже в течение года. Сам Сахаров совсем недавно был выпущен из «спецпсихушки» — этого гениального совместного изобретения покойного Андропова и вольготно живущей советской психиатрии, где лауреата Нобелевской премии мира и всемирно известного ученого кололи сильнодействующими психотропными препаратами и насильно кормили через зонд, повалив на кровать и зажав нос металлической прищепкой. В советской прессе шла яростная кампания, направленная против Сахарова и его жены Елены Боннер. Международная общественность делала все возможное, чтобы помочь доблестному ученому, осмелившемуся бороться за права человека в рабовладельческой стране. Президент США Рейган даже объявил «день Сахарова» в Соединенных Штатах, чтобы обратить внимание всего мира на его судьбу. В ответ из СССР доносилось только злобное шипение. Коллеги Сахарова по Академии наук СССР опубликовали специальное заявление, где говорилось: «Академия наук СССР возмущена решением президента США Рейгана об официальном проведении «дня Сахарова». Изображать Сахарова в качестве борца за мир и права человека — это надругательство над правдой, подстрекательство к раздуванию «холодной войны», полное игнорирование мнения советских ученых. Акция администрации США расценивается советскими учеными как провокация, направленная на отравление международного политического климата...» «...Сахаров пытается очернить все, что нам дорого, ...он клевещет на собственный народ, выставляя его перед внешним миром эдакой безликой массой, даже не приблизившейся к высотам цивилизованной жизни...» — завывали в печати академики Дородницын, Прохоров, Скрябин и Тихонов, убоявшись, что у них могут отобрать пропуска в спецбуфет... Резкий звонок внезапно ожившего телефона заставил вздрогнуть академика-мученика. Последнее время телефон оживал, чтобы передать Сахарову или его жене серию очередных угроз и оскорблений, из которых самым невинным было: «Так за сколько же долларов ты, жидовская сволочь, продал нашу родину?» Ни Сахаров, ни его жена не были евреями, но советские средства массовой информации постоянно трубили о них как об агентах международного сионизма и даже подсылали к ним с угрозами палестинских террористов...
Сахаров снял трубку:

«Андрей Дмитриевич,— услышал он незнакомый голос,— извините за поздний звонок. Вас беспокоит Горбачев Михаил Сергеевич, генеральный секретарь... Вы можете вернуться в Москву, когда захотите. От имени партии я прошу у вас прощения за все, что с вами произошло.»

Когда Сахаров вышел из дома, стоявший в парадной милиционер впервые отдал ему честь. Не каждого из простых смертных удостаивает звонками лично Генеральный секретарь ЦК КПСС...

Мир захлебнулся от восторга.

«Горбачев освободил академика Сахарова!» — кричали огромные шапки газет на всех языках планеты.

«Этот шаг Москвы бесспорно свидетельствует, что после долгих лет застоя и произвола в СССР снова наступает оттепель, вызванная необходимостью проведения назревших экономических и политических реформ. Продвинутся ли эти реформы дальше, чем это удалось сделать Хрущеву? Многое зависит от того, сколько согласится Запад вложить в больную советскую систему, обессиленную экономическим спадом, хроническими неурожаями, коррупцией, глобальными амбициями и бесконечной войной в Афганистане... Но что бы то ни было, всем уже ясно — Москва ложится на новый курс.» Но громоздкий, огромный и неуправляемый корабль советской империи не в силах был уже развернуться, чтобы лечь на новый курс. Его неудержимо несло на скалы. Время было давно упущено. И это отлично видел стоящий на капитанском мостике Горбачев. Он пытался лишь смягчить неизбежный удар о скалы, чтобы от взрыва, напичканного ядерными боеголовками судна, не погиб весь мир и он сам. Эта задача была чудовищно трудной. Но выполнимой.

Во всех европейских столицах и Вашингтоне по дипломатическим каналам уже зондировалась реакция западных правительств на неожиданно подувший из Москвы теплый ветер перемен. ПЕРЕСТРОЙКА и ГЛАСНОСТЬ — вот отныне два лозунга, которым намерена руководствоваться Москва в своей внутренней и внешней политике. На Западе не очень-то верили. Позднебрежневская и андроповская политика привела к власти на Западе непримиримых и убежденных борцов против коммунизма, таких как президент Рейган в США и Маргарет Тэтчер в Англии. Их невозможно было уже убедить словами и посулами. Нужны были конкретные дела. Для начала — освободить всех политических заключенных и прекратить войну в Афганистане. В принципе, мы готовы к этому, но нужны деньги. Нужны средства на перестройку всей этой семидесятилетней закостенелой адми-

нистративно-бюрократической машины. Совершенно правильно отмечает советская пресса: все зависит от того, сколько денег Запад согласится вложить в нашу перестройку и гласность. Страна разорена прежними правителями и порочностью экономической системы. Перестройка и гласность — это не самоцель, а инструмент плавного перехода страны к рыночной экономике. Но денег нет. Ни на одну программу нет денег. Даже на освобождение из тюрем и лагерей политических заключенных. Тут главное начать и процесс пойдет, ибо он «ложит» начало... Помогите.

В КГБ царил переполох. Освободить политических заключенных и прекратить дела по 70-й и 190-й статьям, на которых кормились целые управления тайной полиции! Так вот взять и освободить? Нет уж, давайте ряд дел пересмотрим, кое-кого освободим в порядке помилования, кое-кому скостим срок (а кое-кому и добавим). Генералы и слушать ничего не хотели об уходе из Афганистана. Война до победного конца! У партизан уже появились американские и английские ракеты класса «земля-воздух», их действия на юге прикрывала пакистанская авиация, на них работала иранская радиолокационная сеть. У всех сторон росли доходы в валюте. Рос и поток цинковых гробов в СССР.

Пока партийные директивы будоражили КГБ и Армию, пока дипломаты выясняли сколько и на каких условиях Запад может предоставить кредитов разоренной администраторами-бюрократами стране, новый генеральный секретарь разбирался в огромном хозяйстве ЦК КПСС. Наконец, ему стали доступны все секреты жизни маленькой прекрасной страны Номенклатурии, некоронованным королем которой он стал. Разорена была большая страна, лежащая в грязи, крови и колючей проволоке на шестой части суши. В маленькой же Номенклатурии все пока, слава Богу, было в порядке, хотя и намечалась некоторая тенденция к снижению уровня жизни. Николай Кручина, управляющий делами ЦК КПСС, представлял генеральному секретарю документы по текущему финансовому и хозяйственному положению в Номенклатурии дважды в неделю: по понедельникам и пятницам. По четвергам собиралось политбюро, определяющее задачи Кручины и его Управления, расположенного в огромном здании на улице Грановского. Генсек лично просматривал и подписывал все финансовые документы, особенно, если речь шла об иностранной валюте. Новый генсек вникает во все до мелочей, придирается к каждому доллару. Кручина попал на свой пост в 1983 году с должности заместителя заведующего отделом сельского хозяйства и

пищевой промышленности ЦК КПСС. Попал, кстати, по рекомендации Горбачева, который, как известно, курировал в политбюро сельское хозяйство. Тогда Андропов, выведенный из себя историей с лицензиями «ослабленного досмотра», погнал на пенсию прежнего управделами Георгия Павлова. На вакантное место пришел Кручина. Ему и пришлось вводить в курс дела нового генсека, которому он был обязан своей карьерой.

Хозяйство КПСС в Москве было огромным, а если брать во всесоюзном масштабе — то просто необъятным. Только в столице КПСС владела 5 тысячами зданий общей площадью 137 тысяч квадратных метров. В 114 издательствах и 80 типографиях, принадлежащих ЦК КПСС трудилось 80 тысяч человек, внося только в столице ежегодно в партийную казну 450 миллионов рублей. В распоряжении ЦК было 19 роскошных санаториев и 40 домов отдыха, сотни поликлиник и больниц. Только в Серебряном бору в Подмосковье ЦК имело 1800 дач и особняков. ЦК принадлежала целая сеть гаражей, столовых, магазинов, специальных цехов на мясокомбинатах, фабриках пищевой промышленности, пекарен, парикмахерских и химчисток, пошивочных ателье и многое, многое другое. Все это требовало огромных расходов, поскольку все оборудование, станки, предметы быта и санитарии — все было иностранного производства, постоянно требуя замены или в связи с изношенностью, или в связи с появлением на западном рынке новых образцов. В масштабе Союза ежегодные расходы только на поддержание всего номенклатурного хозяйства в хорошем рабочем состоянии требовали примерно 5 миллиардов рублей и полтора миллиарда долларов. Кроме того, именно в текущем году появилась тенденция к росту расходов, в связи с резким подорожанием на западе многих видов товаров и услуг, а также в связи с расширением программы строительства новых дач, поскольку многие старые дачи, построенные еще в сталинские времена пришли в совершенную ветхость. В них жить стало совершенно невозможно: нет ни бассейнов, ни саун, ни кортов, не говоря уже о многом другом. Горбачев интересуется, кстати, как идет строительство его новой дачи в Крыму. Дача — это чисто условное наименование. Речь идет о целом комплексе построек с гаражами, службами, домами обслуживающего персонала и охраны, глухим забором с сигнализациями, дорогами и коммуникациями, лифтами, мраморным спуском к морю, волноломами и прочим. Все идет по графику, утвержденному политбюро. Постараемся уложиться в 3 миллиона долларов, как указано в смете.

Постоянно увеличиваются и расходы, связанные с поездками товарищей в заграничные командировки, в отпуск с семьей, на лечение и по другим поводам. Расходы по этой статье ежегодно составляют примерно 500 миллионов долларов. 500 миллионов долларов? Что-то многовато! Этак, знаете!.. Извольте посмотреть ведомости, Михаил Сергеевич. В среднем 50 тысяч человек в год, всего 10 000 долларов на брата. Много не погуляешь за бугром на такие деньги. Цены на западе растут, как на дрожжах. Мы с трудом удерживаемся в этой плановой сумме и товарищи просили войти с ходатайством в Политбюро об ее увеличении. Теперь о международных делах.

Расходы, проходящие по статье «Помощь братским партиям». Речь идет только о партиях капиталистических стран. Там, где партии у власти, деньги перечисляются из госбюджета через Министерство финансов и Госбанк. Традиционно наиболее обширные дела мы ведем с компартией Франции, поскольку именно там наиболее щадящая налоговая система. Помимо 2 миллионов долларов, перечисляемых ФКП ежегодно через Евробанк, мы отдельно переводим деньги на счет газеты «Юманите», которая, к сожалению, хронически убыточна. Вот расходы на нее, начиная с 1978 года:
1978 год — 1 миллион 662 тысячи франков.
1979 год — 1 миллион 751 тысяча франков.
1980 год — 1 миллион 862 тысячи франков.
1981 год — 1 миллион 877 тысяч франков.
1982 год — 1 миллион 878 тысяч франков.
1983 год — 1 миллион 542 тысячи франков.
1984 год — 1 миллион 933 тысячи франков.
1985 год — 1 миллион 974 тысячи франков.
Все это необходимые расходы, поскольку нам жизненно важно поддерживать товарища Марше и его партию. Именно по каналам французской компартии нам удалось проникнуть на внутренний рынок Франции, войти в ряд бирж, торгующих недвижимостью, и основать несколько очень выгодных совместных предприятий. Фактически мы совместно с ФКП в настоящее время владеем всем комплексом современных зданий, где расположены различные учреждения ФКП. Через ФКП нам удалось приобрести около двух десятков прекрасных жилых домов, расположенных в дорогих, буржуазных кварталах Парижа, Лиона, Марселя и ряда других крупных городов Франции. Эти дома дают устойчиво повышающийся доход, часть которого пускается в оборот, а часть поступает на личные лицевые счета членов Политбюро,

секретарей ЦК и прочих товарищей согласно секретному постановлению Политбюро от 20 октября 1965 г. Подобные операции требуют дополнительных расходов, примерно 40 миллионов франков в год. Однако и здесь требуются дополнительные расходы с учетом инфляции и расширения операций. Когда возникает необходимость в экстренной передаче денег товарищам, то, как обычно, используются курьеры. Вот, например, утвержденный Политбюро документ, который вы должны подписать, поскольку без вашей подписи такие документы не имеют силы. Такой порядок ввел еще товарищ Сталин сразу после смерти товарища Ленина, когда выяснилось, что огромные партийные суммы исчезли неизвестно куда, благодаря доверчивости и недостаточной требовательности Владимира Ильича.

«Совершенно секретно. П 219/7 от 20.09.85

О просьбе члена руководства ИКП
т. Коссута

1. Удовлетворить просьбу члена руководства ИКП т. Коссуты и выделать в 1985 году 200 000 долларов на издание журнала «Горизонты».
2. Поручить Госбанку СССР (т. Алхимову) выделить т. Пономареву Б. Н. 200 000 долларов на специальные цели.
3. Передачу средств поручить КГБ.
Генеральный секретарь ЦК КПСС — подпись».

Вот еще:

«Совершенно секретно. П 157/2390 от 28.10.85

О просьбе ЦК Компартии США

1. Удовлетворить просьбу ЦК Компартии США и выделить на партийное строительство 250 000 долларов.
2. Поручить Госбанку СССР (т. Фомину) выделить т. Пономареву Б. Н. 250 000 долларов на специальные цели.
3. Передачу денег поручить КГБ.
Генеральный секретарь ЦК КПСС — подпись».

И еще:

«Совершенно секретно. П 161/2738 от 29.10.85

О просьбе т. Урбани

1. Удовлетворить просьбу члена ЦК КПБ т. Урбани о выделении 2 миллионов 196 тысячи 550 бельгийских франков на приобретение здания для нужд партийной печати...»

Горбачеву нравится Кручина. Открытое русское лицо, импозантная внешность, располагающая улыбка, пышная шевелюра седеющих волос. И объясняет все просто и доходчиво. Кое-что генеральный секретарь уже знает давно, но кое-что узнает впервые. Это что за 500 миллионов?

Кручина объясняет: это как раз та сумма, которая набегает в год по экстренным просьбам наших друзей.
Это ясно. Вот эти 500 миллионов, что означают?
Это товарищу Саддаму Хуссейну на войну с Ираном, поскольку он нейтрализует Тегеран и обеспечивает наши действия в Афганистане.
Позвольте, но ведь мы тратим миллиард рублей ежегодно, поставляя Хуссейну оружие новейших типов, горючее, запасные части, оплачиваем советников, да еще отдельно выделяем компартии Ирака 400 000 долларов в год? Вот тут не надо путать, Михаил Сергеевич. Поставки оружия и прочего оплачиваются из госбюджета. А 500 миллионов самому Хуссейну и 400 тысяч компартии — из фондов КПСС.
Дорого, однако, нам обходится Афганистан!
Дорого, соглашается Кручина, все сейчас очень дорого. Содержание 120 тысячного контингента войск требует ежедневно 50 миллионов. Долларов?! Нет, к частью, пока рублей. Всего же по нынешний 1985 год мы уже израсходовали на содержание армии 80 миллиардов рублей. Кроме того, за наш счет фактически содержится все население Афганистана в городах. Это еще 70 миллионов в год. Но это все идет из госбюджета. У КПСС в Афганистане расходы не очень большие — около полутора миллионов долларов в год.
Для Афганистана сделано исключение. Но вообще все правящие партии, как я уже говорил, снабжаются из госбюджета.
Вот ведомость на оплату деятельности братских партий. Это, так сказать, обязательные платежи. Цифры устойчивые, хотя тоже в последнее время имеют тенденцию к увеличению примерно на 1—1,5 % в год:
«1. Компартия США — 2 000 000 долларов.
2. Компартия Франции — 2 000 000 долларов.
3. КП Финляндии — 1 800 000 долларов.
4. КП Португалии — 1 000 000 долларов.
5. КП Греции — 900 000 долларов.
6. КП Израиля — 800 000 долларов.
7. КП Чили — 700 000 долларов.
8. КП Ливана — 500 000 долларов.
9. КП Венесуэлы — 500 000 долларов.
10. КП Индии — 500 000 долларов.
11. КП Италии — 500 000 долларов.
12. КП Дании — 350 000 долларов.
13. КП Перу — 350 000 долларов.
14. КП Сальвадора — 400 000 долларов.

15. КП Аргентины — 400 000 долларов.
16. КП Бразилии — 330 000 долларов.
17. АКЭП (Кипр) — 300 000 долларов.
18. КП Испании — 300 000 долларов.
19. КП Ирака — 400 000 долларов.
20. КП Австрии — 250 000 долларов.
21. КП Сирии — 250 000 долларов.
22. КП Египта — 230 000 долларов...
23. ...»

Всего примерно 40 миллионов в год, включая сюда и Организацию Освобождения Палестины. Согласитесь, что немного, если сравнить другие траты.

Горбачев слушает внимательно. Подписывает документы, спорит, доказывает, спрашивает, если что не ясно. Банки Амстердама, Цюриха, Лондона, Парижа, Токио и Сингапура. Подставные миллиардеры, вроде Хаммера, Максвелла, Симады. Мафиозные группировки, с удовольствием сотрудничающие на паях. Цифры, цифры и цифры. Миллиарды и миллиарды долларов. Тонны золота и бриллиантов.

Расходы на обучение партаппарата всех стран мира в Институте общественных наук при ЦК КПСС, расходы на пребывание (служебные командировки, отдых, лечение) деятелей зарубежных компартий в СССР, расходы на политэмигрантов временно или постоянно проживающих в СССР... Заказы компартий на размещение советских заказов в их странах при их посредничестве. Совместные предприятия, «фирмы-друзей», «фирмы-призраки»...

А в стране бушует антиалкогольная кампания, которая должна, по замыслу КПСС, поднять производительность труда.

Новорожденная гласность пробивается на страницы газет и на экраны телевизоров с душераздирающими призывами: «Четырехлетняя девочка больна лейкемией. В нашей стране эта болезнь не лечится. Необходимо 3 тысячи долларов, чтобы спасти ей жизнь...»

Молчит огромная страна. У кого есть доллары, кроме КПСС? Но КПСС подобных призывов никогда не слышала, не слышит и сейчас. А если у кого и припрятано пару тысяч в валюте, и рад бы он помочь больной девочке, но боится. А не чекистская ли это провокация? Покажешь доллары и сядешь на 10 лет. Лучше отмолчаться. «Западно-германская фирма... берет лечение девочки на себя и приглашает ее с родителями в Гамбург...» Но пока мама девочки будет оформлять документы на выезд в ФРГ (зачем она едет? Действительно ли девочка больна и ее нельзя вылечить

дома? А не являются ли ее родители носителями государственных секретов? А не собираются ли они порочить наш строй?) девочка уже умрет...

А затем наступил Чернобыль.

Атомная война, которой так не хватало в перечне войн, развязанных коммунистами против народа, началась.

Радиация, превышающая по норме радиацию атомных бомб, взорвавшихся над Хиросимой и Нагасаки, поразила сотни тысяч людей и огромные территории Украины, Белоруссии, Прибалтики и России. Радиоактивное облако прошло по Восточной и Центральной Европе, достигнув Швеции. Американские разведывательные спутники быстро сообщили о размерах катастрофы. Западные страны с ужасом приступили к немедленной эвакуации своих граждан из пораженных районов. На новорожденную гласность тут же наступили сапогом и чуть ее не раздавили в пеленках. Кремль отреагировал на катастрофу в своих лучших традициях.

Крик ужаса и отчаянья, изданный западными средствами массовой информации, был объявлен «провокационной шумихой, имеющей цель вызвать очередную антисоветскую истерию». Пожарные тушили пожар на взорвавшейся АЭС в одних гимнастерках. Никто и не думал приступать к эвакуации жителей хотя бы из эпицентра взрыва. Телевидение с упоением показывало влюбленных, слушающих пение соловьев над Припятью (передача так и называлась «Соловьи над Припятью» и демонстрировалась на третий день после катастрофы) и улыбающихся молодых мамаш с грудными младенцами в колясках и на руках. Бойкие телерепортеры совали им микрофоны, задавая идиотский вопрос:

«Как вы себя чувствуете?»

«Отлично!» — широко улыбаясь, отвечали молодые женщины.

«А что вы скажете о той пропагандистской шумихе, которая поднята на Западе по поводу аварии на атомной станции?»

«Что, это в первый раз? — возмущались женщины.— Они любому поводу рады, чтобы лишний раз вылить свою злобу на наш народ и наш строй». Через полгода их дети начнут умирать один за другим, а общее количество погибших детей засекречено до сих пор...

Пока Москва делала все возможное, чтобы скрыть или преуменьшить размеры катастрофы, на Западе она уже предстала со всей очевидностью своих глобальных последствий. Огромная площадь зараженной территории, потери пахотных земель и поголовья скота, необходимость переселения огромных масс жителей, попавших под атомный удар, про-

мышленные потери — все это складывалось в сотни миллиардов долларов и требовало усилий, которые были явно не по плечу Советскому Союзу. А катастрофы пошли одна за другой. Тонули океанские лайнеры и стратегические подлодки, бились пассажирские и военные самолеты, летели под откос поезда, взрывались нефте- и газопроводы, горели цеха заводов и фабрик. Сурово мстили демоны Кореи. Еще более сурово мстила семидесятилетняя оккупация страны бандой преступников. Но беспощаднее всего мстила порочная экономика рабовладельческого государства, созданного на базе безумных идей. Государства, мрачной иронией истории заброшенного в виде изолированного средневекового анклава в мир XX века.

Чернобыльский взрыв стал катализатором целой серии необратимых событий. Агонизирующая империя стала расползаться на глазах. В гниении и распаде ожила гласность. На погибающую страну грозным водопадом хлынула правда о ее грязной и кровавой семидесятилетней истории. Очнулись общественные силы. Зашумели многотысячные митинги, еще стихийные и хаотические, но уже ясно указывающие на главную причину всех бед — КПСС и созданные ею преступные институты государственной власти. КПСС реагировала вяло, ожидая обещанных Горбачевым кредитов с запада. И Горбачев не подвел их ожиданий. Он метался по странам западной Европы, прилетал в Америку, встречался с президентами, премьер-министрами, королями и королевами, общественными деятелями, предпринимателями и банкирами, очаровывая всех своими идеями «нового мышления», глобальными предложениями по изменению, сидящего на атомной пороховой бочке мира, своей «перестройкой» и «гласностью». В доказательство того, что это не пустые слова, в стране по приказу Горбачева начался новый виток мощной антисталинской кампании. Покойного генералиссимуса проклинали, клеймили и разоблачали чуть ли не круглосуточно в печати, по радио, по телевидению, на киноэкранах, на сценических подмостках. Кампания сразу же вышла из-под контроля, рикошетом ударяя по КПСС.

«Больше демократии! Больше гласности!» — провозглашал Горбачев в Вашингтоне, Париже, Лондоне и Бонне.

«Больше социализма! Больше дисциплины!» — поучал он, вернувшись домой.

И, наконец, объединив эти два призыва, стал и дома, и за границей призывать: «Больше демократии! Больше социализма!» Это не прошло незамеченным. Демократия и социа-

лизм, как две критические массы урана, прн сближении должны были произвести взрыв почнще чернобыльского. Горбачев очень импонировал Западу. Никто нз его предшественников не был настолько открыт и откровенен. Во всех поездках его сопровождала жена. (Сталин ликвиднровал свою жену Надежду задолго до собственного появления на международной арене, жена Хрущева — добрейшая Ннна Петровна — редко появлялась на людях, Брежнев держал свою Викторию Петровну чуть ли не под домашним арестом. Что касается Андропова, то западные журналисты уверялн, что вообще не зналн женат он или нет, пока на похоронах не увидели его вдову). Но Раиса Максимовна не чета своим предшественницам. Она носится по западным столицам с кредитной карточкой «Америкэн-Экспресс», опустошая ювелирные и антнкварные магазины. Она заказывает такие же серьги, как у Маргарет Тэтчер за 70 тысяч фунтов стерлингов, она покупает на аукционе золотое пасхальное яичко Фаберже, посрамив слетевшихся со всего мира толстосумов-коллекционеров. (Вещь уникальная. - Всего несколько таких шедевров сделал прославленный русскнй ювелир по заказу Императорской фамилии. И цена уникальная — 2,5 миллнона долларов). Она заваливает заказами Диора и Кардена. Впервые два знаменитых модельера отказываются назвать корреспондентам общую стоимость заказа, ссылаясь на коммерческую тайну и просьбу клиенткн. Но пронырливые журналисты узнают все через налоговую инспекцию. Семнзначные цифры, набранные красным шрифтом, сенсационно венчают заголовкн европейскнх газет, обеспечивая супругам Горбачевым солндность н повсеместное уважение. (Неумолимая тяга номенклатуры, а за ней и всего населения, к западному «шмотью», оказалась совершенно очевидным, но, увы, единственным подтверждением знаменитого лозунга: «Народ и партия едины!» Тонны западного ширпотреба раздавили и втоптали в грязь все бессмертные идеи Маркса, Ленина, Сталина). И деньги Горбачеву, как он и обещал своей партии, дают, но понемногу и за конкретные дела.

Выпустить всех политическнх заключенных.

«Уже выпустили»,— уверяет Горбачев.

Ему предъявляют списки с точностью до одного человека. Откуда эти списки? Куда смотрел КГБ?

Но в лагерях уже распахиваются ворота, а чернобыльский взрыв вообще срывает их с петель. Мощный поток бывшнх политзаключенных вливается в общественную жнзнь страны, формируясь и перестраиваясь на ходу, предчувствуя откры-

вающуюся возможность свести, наконец, старые счеты с ненавистной системой.

А страна продолжает агонизировать. Страшное землетрясение в Армении, унесшее более 30 тысяч жизней, оставившее без крова около полумиллиона людей, став своего рода природным дополнением к чернобыльской катастрофе, снова продемонстрировало полное безразличие правящей в стране партии к тем бедам, которые водопадом катастроф обрушились на несчастную страну.

Огромные военно-транспортные самолеты США и НАТО — черные «Геркулесы», предназначенные для быстрой переброски американских частей «быстрого реагирования» в зоны распространения советской военной угрозы, набитые одеждой, продовольствием и медикаментами один за другим садятся на аэродромах Москвы, Минска, Еревана и других крупных городов Союза, желая хоть как-то облегчить страдания населения погибающей страны. Если не знать, что везут «Геркулесы», создается впечатление, что американцы проводят одну из тех глобальных операций по высадке десанта вглубь обороны противника, которые они научились столь впечатляюще осуществлять еще во времена второй мировой войны.

Началась третья мировая?

Началась, и по традиции захватила страну врасплох. Начало такого широкомасштабного «вторжения противника» показало, что огромный ядерный потенциал, самая большая в мире армия, имеющая на вооружении больше танков, чем все другие страны вместе взятые, армия, ощетинившаяся тысячами ракет наземного, морского и воздушного базирования, армия, имеющая системы космической связи и лазерного оружия, оказалась совершенно бесполезной и ненужной, найдя себе единственное применение на разгрузке американских самолетов.

Начался завершающий этап выполнения старого плана президента Тафта. Вместо бомб и снарядов разил и убивал доллар, сметая последние остатки сопротивления и завоевывая для себя последний, еще незахваченный рынок.

А что же наша родная партия?

Экраны телевизоров показывают на всю страну изможденные личики чернобыльских детей с обреченными, недетскими глазами. Армянских детей, спасенных из-под развалин рухнувших домов и вывезенных из Баку, где на их глазах убивали их родителей. Русских детей, в разгар зимы живущих в рваных палатках без теплой одежды, отопления

и пищи. Их родителям пришлось спешно бежать из Средией Азии и Закавказья от кровавых погромов и резии. Отчаяиье в глазах врачей: нет лекарств, иет одноразовых шприцев, иет одежды, иет жилья. Спасите детей — будущее страиы!
Дайте 2000 долларов иа шприцы!
Дайте 3000 долларов иа западиые лекарства, которые могут этих детей спасти.
Дайте 5000 долларов, чтобы этих детей отправить на лечеиие в клиники Германии, Голлаидии и Аиглии...
Дайте, дайте, дайте...

Откликаются западные фирмы. Оии переводят деиьги, посылают врачей-добровольцев, мобилизуют частиые благотворительные фонды как светские, так и религиозиые, выделяют средства на доставку в США и Европу больиых и терпящих социальиое бедствие детей. Но вместо детей иа эти деньги приезжают какие-то мордастые деятели с бегающими глазами, в добротиых костюмах и импортиых галстуках. Оии и есть дети Чериобыля?

А в это время в недрах Старой площади рассматриваются следующие докумеиты:

«Совершеиио секретно. П 180/74 от 14.01.87

О просьбе руководства компартии Индии

1. Удовлетворить просьбу руководства компартии Индии и выделить иа нужды партийиого строительства 1 миллиои 258 тысяч 890 рупий.
2. Поручить Госбаику СССР (т. Павлову) выделить т. Загладиуу указаниую сумму иа специальиые цели.
3. Деиьги перевести иа счет компартии Индии в банке Калькутты.

Геиеральиый секретарь ЦК КПСС — Горбачев М. С.
Управляющий делами ЦК КПСС — Кручина Н. Е.»

«Совершеиио секретио. П 159/48 от 30.01.87

О просьбе члена руководства компартии Даиии т. Енсена

1. Удовлетворить просьбу члеиа руководства компартии Даиии т. Еисеиа о выделеиии 357 тысяч 941 датской кроны иа покрытие партийиого бюджета в связи с ифляцией.
2. Поручить Госбанку СССР (т. Павлову) выделить т. Загладиуу указаииую сумму иа специальные цели.
3. Передачу деиег поручить КГБ.

Геиеральиый секретарь ЦК КПСС — Горбачев М. С.
Управляющий делами ЦК КПСС — Кручина Н. Е.»

«Совершенно секретно. П 157/251 от 03.02.87

О просьбе генерального секретаря компартии США т. Холла

1. Удовлетворить просьбу генерального секретаря компартии США т. Холла о выделении ему к предстоящему юбилею компартии США 500 тысяч долларов...»

«Совершенно секретно. П 161/491 от 11.02.87

О просьбе члена руководства ИКП т. Коссута

1. Удовлетворить просьбу об оплате личных расходов члена руководства компартии Италии т. Коссута и выделить ему 633 тысячи 765 лир (85 долларов)...»

«Совершенно секретно. П 166/511 от 13.02.87

О просьбе члена руководства компартии Марокко т. Али Ята

1. Удовлетворить просьбу члена руководства компартии Марокко т. Али Ята и выделить ему 1 миллион 870 тысяч 762 дирхама 85 сантимов на покупку 548 966 милограмм бумаги для нужд партийной печати...»

«Совершенно секретно. П 181/373 от. 18.02.87

О просьбе члена руководства компартии Египта т. Саида

1. Удовлетворить просьбу члена руководства компартии Египта т. Саида и выделить ему 25 тысяч долларов на лечение...»

Эдуард Шеварднадзе, сменивший престарелого Громыко на посту министра иностранных дел, обаятельный, респектабельный, само воплощение «нового мышления» [1], объезжая

[1] Недавно в печать попали показания осужденного и брошенного в лагерь бывшего офицера милиции МВД Грузии Нодари Хунджгуруа. Назначенный в 1978 году начальником ОБХСС одного из районов Грузии, он, представляясь непосредственному начальнику, получил от того такое напутствие: «За место твое хлебное надо, дорогой, платить. Кто не платит — жалеет потом очень.» Хунджгуруа отказался, и тогда ему поступило другое предложение: «Убери в селе Орджоникидзе кладовщика чайной фабрики Кантария, и никаких денег от тебя не надо». Когда Хунджгуруа поинтересовался, что значит «убрать», то получил прямое разъяснение — «убить» («совсем его земля поглотить должна»). Хунджгуруа в ужасе отказался, кладовщик был убит кем-то другим, а слишком щепетильного офицера отстранили от должности. В поисках правды Хунджгуруа добрался до Эдуарда Шеварднадзе, уже перебравшегося с должности министра внутренних дел на пост первого секретаря ЦК. Шеварднадзе выслушал офицера и с доброй улыбкой сказал: «Нодари, надо было сделать то, о чем тебя просили. Тогда отношения у тебя со всеми были бы нормальными». «Волосы встали у меня дыбом,— вспоминает Хунджгуруа,— онемел я. Так молча и ушел...» Как только Хунджгуруа вышел из здания ЦК — его арестовали...

по второму заходу те страны, где уже побывал Горбачев, ненавязчиво, но упорно просит дополнительных кредитов. Голубые глаза канцлера Коля, умная улыбка президента Миттерана, мягкая женственность Маргарет Тэтчер, ковбойская простота президента Буша. Мы согласны помочь России (понятие СССР употребляется редко и неохотно) встать на путь реформ и демократических преобразований. Однако у вас все идет очень медленно, хотя путь к цивилизованному образу жизни является в равной степени простым и прямым. Свобода слова. Многопартийность. Формирование государственных структур власти на основании свободного волеизъявления народа. То есть с помощью свободных выборов. Свобода частного предпринимательства. Говоря проще, свобода торговли. Экономика, подключенная к мировому рынку свободноконвертируемой валютой, эталоном которой в современном мире является доллар. Все так просто. И, кстати, вы просите денег, а тратите миллиарды на содержание так называемых стран «народной демократии». Вот вам реальная помощь — мы берем эти страны на свое содержание, а освободившиеся деньги вы вкладываете в проведение внутренних реформ. А наша армия в Восточной Европе? А кому мешает ваша армия? Пусть сидит в казармах и ни во что не вмешивается. Впрочем, если вы хотите, мы и ее можем взять на содержание. Временно, конечно. И потихоньку американцы и вы будете выводить войска из Европы, провозгласив сотрудничество вместо конфронтации. Но нам некуда выводить армию. Нет казарм для солдат, нет жилья для офицеров, нет школ и детских садов для детей военнослужащих.

Боже правый! Чем же вы занимались 70 лет? Хорошо, это не проблема. Мы построим дома и школы для ваших офицеров и их детей.

Но армию надо выводить еще и из Афганистана. Да побыстрее. Все, что вы говорите — правильно, но все планируемые мероприятия требуют больших расходов. Сколько? Три с половиной миллиарда долларов. На первое время...

За границей Михаил Горбачев однажды даже процитировал Дизраэли, повергнув своей эрудицией в смятение западных журналистов. Ленин получал истинное наслаждение, читая в редкие часы досуга труды Гегеля в подлиннике, Сталин обожал Макиавелли, Андропов любил американские и английские политические детективы, а Михаил Сергеевич по его собственным словам с упоением зачитывался романами Валентина Пикуля. Но, к счастью, цитировал не Пикуля, а все-таки Ленина. Это несколько успокаивало его

коллег по Политбюро. «Больше социализма! — подбадривал своих несколько растерявшихся товарищей генсек.— Сверяем путь по Ленину. Что говорил Ильич, вводя НЭП?»

«Он говорил, товарищи: «Это всерьез и надолго». А что сделал Сталин? Он исказил, деформировал ленинские идеи и стал строить казарменный социализм. Это вот, товарищи, и привело, знаете ли, к тому, что мы с вами сейчас имеем». Вряд ли в СССР найдется два-три человека, которые могли бы без тени вранья заявить, что прочли всего Ленина от корки до корки. Во-первых, потому, что добрая четверть трудов Владимира Ильича засекречена, и доступ к этим материалам имеют только те, кто их читать никогда не будет. Не интересно им. А если уж ты начнешь штудировать хотя бы 50 открыто изданных томов, то не станешь даже парторгом первичной организации, если куда-нибудь и попадешь, то только разве в дурдом. Для профессиональных партработников печатались специальные «Ленинские сборники», в которых содержалась суть ленинских идей, необходимых для данного момента партийной жизни. Иногда по этим сборникам (был такой период и во времена Сталина, и во времена Андропова) даже устраивались знаменитые «ленинские зачеты» для номенклатуры. Вообще, эти сборники рекомендовалось читать не столько для самообразования, сколько для публичных выступлений, которые полагалось начинать и заканчивать ленинскими цитатами. Чем больше цитат, тем лучше считалось выступление. А зачем, спрашивается, номенклатуре читать Ленина и выяснять подробности расхождения Ленина с Каутским или Мартовым, если Ильич был в сердце каждого из них. И каждый знал, что «учение Ленина непобедимо, ибо оно верно!»

Что говорил Ильич? Шире применять расстрелы. И правильно, как всегда, говорил. Перестали применять — вот и докатились. Все перестали работать и только орут на митингах.

И каждый из них знал, о чем постоянно предупреждал Ленин.

Нашу партию и социализм в целом способны погубить и погубят:

1. Многопартийность и буржуазная лжедемократия.
2. Свобода торговли. (Она, как образно высказался Ленин, еще пострашнее, чем все Колчаки и Деникины вместе взятые).
3. Гласность.
4. Свобода слова, печати и собраний.

Горбачев об этом знал очень хорошо. Но еще лучше об этом

зиал главный партийный идеолог Вадим Медведев. В прошлом профессор кафедры Истории КПСС, он по долгу службы читал Ленина, в частности, его основные работы «Как нам организовать соцсоревнование» и «Очередные задачи советской власти». Вообще, можно было все остальные работы Ленина также засекретить. Не нужны они. Только с толку сбивают. Противоречий много. Но основу ленинского учения нужно помнить четко.

Что же собирается делать Горбачев? Погубить партию? Уничтожить советскую власть? Пустить прахом великое дело Ленина?
Что еще за свободные выборы? Что за съезды советов? Но Горбачева на глотку не возьмешь. Это не удается ни робкому Медведеву, ни нахрапистому, но тугоумному Лигачеву. Горбачев в душе своей демократ. Он ни на кого не повышает голоса, не организовывает автомобильных катастроф или преждевременных инфарктов. Он открыт и доступен. Он видит оппозицию в Политбюро и ЦК, но в условиях нового мышления — это обыкновенный плюрализм. Ничего страшного. Товарищи не понимают, что в стране сложилась непонятная система двоевластия. Скажем, секретари обкомов и председатели советов. В сущности двоевластия, конечно, нет — советы стали просто одной из нижестоящих партийных инстанций. Но все равно — нехорошо. Свободные выборы имеют своей целью провести партийных секретарей и на места председателей советов. Это же замечательно — ты и первый секретарь, ты и председатель совета. И никаких кривотолков. Но если первого секретаря как бы назначает ЦК, то в советы надо пройти через выборы. На альтернативной основе. Что так испуганно смотрите, товарищи? В ваших же руках все — власть, средства массовой информации, органы правопорядка. Неужели вы боитесь выборов? Ну, хорошо. В Верховный Совет сто мест для КПСС зарезервируем по списку без всяких альтернатив. Я же для вас лучше хочу сделать. И не надо ссылаться на Ленина. О чем предупреждал Ильич, я знаю не хуже вас. Так что нечего беспокоиться. Главное начать, углубить, все сформируется и процесс пойдет. (К этому времени раннее выражение Горбачева «ибо оно ложит начало» исчезло, давая о себе знать только командами в эмоциональном состоянии на заседаниях Верховного Совета, председателем которого Горбачев стал в 1987 году: «Записки в президиум не ложить, товарищи!»).

Горбачев говорил спокойно и доходчиво.

Катастрофическое поражение КПСС на выборах, которые и свободными-то можно было назвать с большой натяжкой,

вызвало крупный внутрипартийный скандал. Горбачев никаких претензий не принимал. Если вы, первые секретари, не смогли организовать свою победу на выборах, то знаете ли, товарищи — это чревато. Значит у вас с народом не было настоящего контакта. А народ — он ведь очень чуток. Помните, как у Ленина сказано? «Народ — это...» Впрочем тут даже неважно, что говорил Ленин. Важнее, чтобы это послужило вам и всем нам уроком.
Выводом из всех речей генсека было — если вы не смогли организовать собственную победу на выборах в советы, то вы и в первые секретари не годитесь. Маневра у первых секретарей не было, поскольку им в затылок давно и злобно дышали вторые секретари. Одним махом 85 % первых секретарей лишились своих постов, уступив место вторым. «Революция вторых!» — ехидничала обнаглевшая пресса.

Тем временем вызванный в Москву первый секретарь Свердловского обкома Борис Ельцин возглавил Московский горком КПСС, смахнув куда-то в небытие всемогущего Гришина, чего не удалось даже Андропову, и начал его разгром. Номенклатура взбунтовалась и, закатив Горбачеву целую серию истерик, потребовала созыва Всесоюзной партийной конференции, чего КПСС не знала аж с довоенных времен. Горбачев не возражал: хотите партконференцию — давайте соберем партконференцию. Вторые секретари, только что сменившие первых, еще подозрительно оглядываются по сторонам, они и не пикнут против генсека. В Политбюро команда более-менее надежная: Шеварднадзе, Яковлев, Ельцин в качестве кандидата, в ЦК — Разумовский, Вольский, Фалин, Дзасохов — они не подведут, потому что все правильно поняли...

Горбачев как капитан и играющий тренер хоккейной команды, ее диспетчер и главный бомбардир, то съезжаясь с Ельциным и Шеварднадзе, то бросая их, и устремляясь с Крючковым, Язовым и Пуго к чужим воротам, то покидая поле на целый тайм для консультации с Рейганом и Колем, снова съезжаясь и разъезжаясь с Ельциным, имитируя его удаление с поля и возвращая его обратно в новом качестве, был бесподобен.

Великолепный политик и интриган, он то спускал с цепи на своих коллег из ЦК и Политбюро шумную команду Гдляна и Иванова, то снова загонял их в вольер, который в нужный момент обязательно оказывался незапертым. И летели клочья от Лигачева, от Соломенцева, даже от самого Чебрикова, не говоря уже о таких мелких людях, как Гришин, Романов или Зайков. Когда, вышедшая из себя

«большевистская рать» полагающая, что Гдлян и Иванов действуют по собственной ииициативе, пыталась затравить до смерти обоих следователей, Горбачев умело прятал их, как Иван Грозный своих медведей от боярского окаянства.

Маиной небесной иа Красную площадь, а вернее на Горбачева, свалился Матиас Руст — германский пилот, уверявший, что под спор обязался посадить свой спортивный самолет у храма Василия Блаженного. Это дало возможность разогнать всю верхушку Вооруженных Сил страны, предварительно ошельмовав ее в печати, чего не случалось еще со времен 1937 года. А, между тем, антикоммунистическая революция смела марионеточные режимы Восточиой Европы. Трупы супругов Чаушеску, расстрелянных без суда и следствия, лежащие на снегу, выглядели грозным предупреждением тем, кто не желал слушаться самого умиого и хитрого генсека из всех, какие только возглавляли КПСС. Рухнувшая Берлинская стена и объединение Германии. Бледное лицо Эрика Хоннекера, успевшего сбежать на одиу из советских военных баз, спасаясь от народного гнева. Хозяин ГДР был настолько увереи в себе, что забыл (или ие успел) даже перевести деньги, лежащие в Берлинском банке за границу. Спасибо, старый и верный друг Ясир Арафат, посадив свой самолет на той же советской базе, привез Хоннекеру целый чемодан долларов (полученных, кстати, из СССР), наивно полагая, что бывший коммунистический вождь Восточной Германии использует эти деньги для иачала партизанской, освободительиой войны против западиого нашествия. Хоннекер деньги взять ие отказался, ио тут же отправил их своей дочери в Чили. Пусть хоть купит там приличный дом, один из тех шикарных особняков, в которых Хоннекер привык жить последние 30 лет.

Еще вчера сидевший в тюрьме чешский диссидент Гавел, работавший до этого грузчиком, внезапно стал президентом Чехословакии, запретив компартию и ликвидировав органы безопасиости.

Неукротимый Лех Валенса, рабочий-электрик Гданьского Судостроительного завода, основатель и организатор «Солидарности», политический узник главы военной хунты генерала Ярузельского, сменил последнего на посту президента страны, разогнал компартию и лишил коммунистов иммунитета и имущества.

В Болгарии был официально взят под стражу Тодор Живков — лидер компартии и глава государства, обвиненный в коррупции, казнокрадстве и антигосударственной деятельности.

В Будапеште коммунисты разбежались сами еще накануне свободных выборов.

Перед КПСС зримо был поставлен вопрос: какой из вариантов ее устраивает больше — румынский или венгерский?

КПСС никогда не была политической партией. Даже в условиях той поистине детской политической борьбы, которая шла в СССР, партия чувствовала себя, как младенец в джунглях. Становиться парламентской партией ей было страшно. А оставаться у власти — еще страшнее. И ни одного лидера, способного заменить Горбачева, у нее не было. Но ни румынский, ни венгерский, ни чешский вариант развития событий партию не устраивал. Сначала была робкая попытка поставить на Егора Лигачева, от самого появления которого на трибуне веяло ностальгией по старым, добрым временам XXV съезда. Но стоило Егору Кузьмичу публично появиться на трибуне или на экране телевизора, тут же, как черти в детской сказке, с шумом и громом появлялись Гдлян с Ивановым, обвиняя его во взяточничестве и мошенничестве.

В таких условиях, как правильно заметил премьер-министр Николай Рыжков, работать было совершенно невозможно. И был прав. В условиях гласности партия работать не могла, еще раз подтвердив несказанную мудрость вождя мирового пролетариата, который уже предупреждал об этом 70 лет тому назад. Партия, по образному выражению Александра Яковлева, ушла в окопы, в страхе наблюдая за своим генсеком, но еще надеясь на него.

А Горбачев принимает в Москве одного за другим американских, английских, французских и японских бизнесменов. Совещания, конфиденциальные встречи, завтраки, обеды. Атакуемые журналистами бизнесмены отвечают уклончиво, говоря лишь о том, что предложения «советской стороны» были интересными и выгодными. О них следует подумать. Горбачев же со своей стороны уверяет корреспондентов, что речь шла не о кредитах, а о взаимовыгодной совместной деятельности, и снова уезжает на Запад.

А между тем советские войска после десяти лет кровопролитной и никому не нужной войны безоговорочно выводятся из Афганистана. За 10 лет они убили более миллиона афганцев, заставив 3 миллиона человек бежать из страны, но так и не одержав желанной победы. Армия сквозь зубы сообщает о собственных потерях: 15 тысяч убитых и 60 тысяч раненных и искалеченных. Какое-то число офицеров и солдат находится в плену у партизан, но точного количества никто

не знает. И хотя в эти цифры никто не верит, подозревая, что они по меньшей мере втрое выше, они принимаются за основу, как были приняты некогда за основу объявленные Сталиным 7 миллионов убитых в Отечественной войне и выросшие с тех пор до 20 миллионов с ежегодной тенденцией к увеличению примерно миллиона на два. Выход армии обставлен эффектно. На пограничном мосту играют оркестры, на танках и боевых машинах подняты огромные красные знамена. Последний командующий 40-й армией генерал-лейтенант Громов, получивший за преступное проведение операции «Магистраль» звание Героя Советского Союза, вместо отдачи под суд производится в генерал-полковники. Сразу же выясняется, что афганских ветеранов никто на родине не ждет, и они никому не нужны кроме уголовного мира.

В это же время Михаил Сергеевич, вернувшись в очередной раз из зарубежной поездки, объявляет о своем намерении ввести в СССР президентское правление, выдвигая, естественно при этом в качестве единственной кандидатуры на пост президента самого себя. Чтобы все было, как у людей. Везде президенты и у нас президент. Никто не понимает зачем это нужно. Циники острят: почему президентом, а не сразу императором? Ни о каких там всенародных выборах даже не идет речи. Горбачева на съезде выбирают депутаты, и он становится первым (и последним) президентом СССР, оставляя за собой пост генерального секретаря КПСС. Должность председателя Верховного Совета Горбачев передает своему старому (и, казалось бы, верному) университетскому другу Анатолию Лукьянову. Что же произошло? Все было просто — Горбачев сбежал от родной партии в президенты. В недрах ЦК, по коридорам и кабинетам уже давно шипящей коброй ползло «мнение» о том, что нынешний «генсек» не оправдал доверия, и следует срочно созвать пленум, чтобы заменить его. Ну и заменяйте. А попробуйте заменить выборного президента? Руки коротки.

С этого момента партия была обречена.

Не успел Горбачев стать президентом, как по всей стране прокатилась кампания необходимости суда над КПСС и национализации ее имущества. Более того, у партии собирались отнять 6-ю статью конституции СССР, закрепляющую за КПСС политическую монополию в стране.

Горбачев еще не бросил окончательно свою партию. Передав организационные дела в КПСС своему заместителю Ивашко, он все еще имеет почти необъятную власть генерального секретаря.

И верный Кручина продолжает, как и раньше, два раза в неделю приходить к нему с секретными и совершенно секретными партийными документами:

«Совершенно секретно. 04.12.89

О проблемах партийной собственности

Развитие политического процесса в стране, формирование многопартийности во многом по-новому ставят задачу материального обеспечения жизнедеятельности партии, создания стабильных источников финансирования как в советской, так и в иностранной валюте. От этого зависит и материальная основа международных связей КПСС, а также способность ее оказывать в необходимых случаях хотя бы минимальную помощь зарубежным компартиям. Между тем, как свидетельствуют уроки компартии Восточной Европы, непринятие своевременных мер по оформлению партийного имущества применительно к требованиям коммерческой деятельности и включению его в нормальный хозяйственный оборот, особенно в условиях перехода к рынку, неминуемо грозит тяжелыми последствиями для партии. Тревожные для КПСС симптомы отмечаются уже сегодня. Дело это предстоит начинать с нуля и работать придется в непривычных для партии условиях... При этом потребуются соображения разумной конфиденциальности в использовании в ряде случаев анонимных фирм, маскирующих прямые выходы на КПСС. Конечная цель, по-видимому, будет состоять в том, чтобы наряду с «коммерсиализацией» (так в тексте — И. Б.) имеющейся в наличии партийной собственности, планомерно создавать структуры «невидимой» партийной экономики, к работе с которыми будет допущен очень узкий круг лиц, определяемый Генеральным секретарем ЦК КПСС или его заместителем...»

Горбачев поднимает восхищенные глаза на Кручину. Товарищи мыслят по новому и совершенно правильно. Партии нужно входить вместе со всей страной в рынок. Как говорил Ленин? «Надо учиться торговать». Главное начать и процесс пойдет. Сейчас мы определим список допущенных товарищей: Ивашко, Шенин, Фалин, Дзасохов, Лучинский, Манаенков, Веселков, Кручина. Ну и на усмотрение Ивашко можно и нужно привлекать специалистов. В ведомстве товарища Крючкова немало экономистов-международников. Они могут очень помочь. Так, а что это?

Совершенно секретная директива на места, завизированная Ивашко и требующая вашей подписи:

Провести инвентаризацию партийной собственности с

точки зрения определения возможностей ее использования в коммерческих целях; одновременно «проинвентаризировать» все поступившие от партнерских партий деловые предложения и провести консультации с соответствующими партиями. Приступить к формированию сети некрупных, гибкодействующих хозрасчетных хозяйственных организаций на базе существующего партийного имущества в форме совместных предприятий, акционерных обществ с участием фирм «друзей» и партнерских партий...» Все это замечательно. Особенно с фирмами «друзей». Но подобные документы пусть Ивашко подписывает самостоятельно. У меня других дел полно. Что еще? Что касается фирм «друзей», то мы им здорово задолжали последнее время, и товарищ Фалин представил докладную записку:

«Напоминаю, что фирмы «друзей» принадлежат напрямую и через посредников компартиям стран, где они расположены и являются важным каналом международной деятельности КПСС. Помимо всего прочего, эти фирмы поставляют нам западные товары, служа посредниками, а иногда и непосредственными исполнителями различных задач нашей внешнеполитической деятельности... Необходимость срочного решения вопросов в отношении фирм «друзей» предопределяется тем, что осложнившееся их финансовое положение, угроза банкротства нарушает механизм дружественных партий, создает реальную угрозу их дальнейшему существованию... В настоящее время «Внешэкономбанком СССР» оплачено следующим фирмам в миллионах инвалютных рублей:

ИТ — «Коммерсио» (Португалия) — 4,4
«Металким» (Португалия) — 0,3
«Нумерика» (Португалия) — 0,6
«Глобус» (Австрия) — 0,8
«Ланд-оф-Фольк» (Дания) — 0,3
ОПФ (Франция) — 0,3
«Пламбак» (ФРГ) — 0,1

В настоящее время, по сообщению советских внешнеторговых организаций, сумма просроченной задолженности фирмам «друзей» составила (в миллионах инвалютных рублей):

«Интернэшенел Трайдинг» (Япония) —0,5
ОПФ (Франция) —0,4
«Тети Эдитори», «Эдитори Риенити»,
«Амилькара Пицца», «Ксилон» (Италия) —1,9
«Глобус» (Австрия) —2,2
«Пергамон Прессо» (Англия) —0,5
«Друкхауз Норден», «Дастим», «Лохер»,

«Барч Интериэшенел» (ФРГ)	—0,4
«Коопи» (Швейцария)	—0,1
«Аванте» (Португалия)	—0,2
«Лаид-оф-Фольк» (Даиия)	—0,3
«Виг-Трюк» (Швеция)	—0,1
«Пиплз Дейли Уорлд» (США)	—0,1
«Уиита» (Италия)	—0,05
«Моринииг Стар» (Аиглия)	—0,1
«Ризоспастис» (Греция)	—0,1
«Краус» (Австрия)	—24,6
«Папандопулос» (Греция)	—3,7
«Агалиу» (Греция)	—2,0
«Фидас» (Греция)	—1,5...»

У Горбачева уже рябит в глазах. Он быстро просматривает еще две страиицы списка и спрашивает Кручииу: «Сколько всего?» «60 миллиоиов 350 тысяч иивалютных рублей»,— отвечает управделами. В чем проблема? Заплатите! Проблема в том, что эти деиьги должиы платиться из госбюджета, а ие из партийиых средств, а во «Внешэкоиомбаике» денег иет и в Госбаике тоже.

Что зиачит нет деиег?

У иас огромиый дефицит госбюджета и банки отказываются платить.

«Хорошо,— говорит президент,— я поговорю с Геращеико. Разберемся».

А по страие шествует, говоря словами самого Горбачева, «парад сувереиитетов». Пример Горбачева оказался заразительиым. Все бывшие первые секретари республикаиских компартий захотели быть президентами. Более того, президеитами захотели стать и первые секретари автоиомий в составе России. Оии в происходящем в страие процессе увидели прекрасную перспективу. Годами разворовывая свои республики, они были выиуждеиы, чтобы обеспечить себе свободу рук, платить огромиую даиь в Москву, уиижаться в Кремле и иа Старой площади, постояиио ходить в иапряжеиии от возможиости появлеиия «наверху» какого-иибудь психа-фаиатика вроде Андропова, ие говоря уже о новом Сталиие. Сейчас представлялась возможиость стать полностью иезависимым от иеиавистного центра и жить в полиом удовольствии. Из политбюро тихо и незаметио исчез Алиев. Шевардиадзе стал явио тяготиться своей должностью миииcтра иностраниых дел и виимательио поглядывал иа Тбилиси, где, как и повсюду, развериулась аитикоммуиистическая вакхаиалия. Нет, еще, пожалуй, рано. Переход республиканских компартий к «иациональному суверени-

тету» сопровождался, вполне естественно, «хорошо подогреваемой и финансируемой кампанией самого дикого национализма», направленного как против непосредственных соседей, так и против «русских оккупантов». Дикая резня набирала обороты на Кавказе н в Средней Азин. В Молдове гремели первые выстрелы молдаван н русских друг в друга. Даже в цивилизованных республнках Прнбалтикн, правда, еще без стрельбы, уже шла яростная антирусская кампання. Русские беженцы хлынули нз республик в Россию, где они были, разумеется, ннкому не нужны. Они бросили свои дома и имущество, прибыв на «родину» нищими, голодными, иногда полуодетыми. Их некому было кормить. Их детям негде было учиться. Им самнм негде было жить и работать. По всем средствам массовой информации передавалнсь прнзывы к русским людям помочь своим соотечественннкам, попавшим в небывалую беду. Сообщались номера счетов, на которые просили перевести денег «кто сколько может». Денег ни у кого не было. Нужны былн миллноны для строительства домов, школ и детских садов, для создания новых рабочих мест, для спасения своего будущего. В дело подключнлся уже Международный Красный Крест, посылки для беженцев шли даже из экваториального Конго. Колонны грузовиков бундесвера везли продовольствие, палатки, теплую одежду. Американские, англнйские, французские и даже израильские самолеты работалн в режиме «воздушного моста», как-будто снабжали собственную окруженную армию. Еще хорошо, что их при этом не сбивали...

А тем временем идет рассмотрение секретных «просьб»:

«Совершенно секретно. П 145/78 07.01.90

О просьбе члена руководства
КПФ (Финл.) т. Сипсило

1. Удовлетворить просьбу члена руководства ФКП т. Сипсило и выделить ему на нужды партийного строительства 1 миллион 298 тысяч 307 финляндских марок...»

«Совершенно секретно. П 196/31 09.01.90

О просьбе руководства
Компартии Инднн

1. Удовлетворить просьбу руководства компартии Индии н выделить 2 миллнона долларов на проведенне нзбирательной кампании...»

«Совершенно секретно. 12.01.90

О расходах на политэмигрантов

По данным на 1 января с. г. в СССР проживает 6643 политэмигранта и к ним приравненных членов семей, прибывших из-за рубежа... К категории политэмигрантов приравнены некоторые видные зарубежные деятели, которые проживают в СССР на основании решений, принятых по инициативе ЦК КПСС... Им оказывается материальная помощь и содействие в решении социальных проблем (предоставление квартир, дач, обеспечение автотранспортом и обслуживающим персоналом). Общая сумма расходов на эти цели составляет 1,5 миллиона рублей в месяц. Кроме того, в соответствии с решением ЦК КПСС, из партийного бюджета финансируется Ивановская интернациональная школа-интернат им. Е. Д. Стасовой, в которой обучаются дети политэмигрантов и деятелей зарубежного коммунистического движения, и санаторий, предназначенный для отдыха и лечения политэмигрантов и членов их семей, «Дружба»... Расходы на эти цели составили в 1989 году 5,5 миллионов рублей. Указанные средства были выделены из госбюджета...»

Пока в республиках кипели националистические страсти, переплавляя в своем котле деятелей партноменклатуры в лидеров национальной ориентации, Россия снова стала чадить черными клубами антисемитизма. Эта черная дымовая завеса закрыла страну перед катастрофой 1917 года, клубы ее смрадного дыма прикрыли переворот 1953 года и вновь смачно повалили в конце восьмидесятых. Это обстоятельство вызвало всеобщий интерес. Наивные задавали вопрос: неужели партия, напуганная возможной ответственностью за свои преступления, пытается скрыться за еврейскими спинами? Или, может быть, КПСС, получив крупную валютную взятку от Израиля и мирового сионизма, таким образом обеспечивает непрекращающийся поток еврейской эмиграции из СССР? Иначе зачем ей тратить партийные средства на финансирование «черных» группировок и за свой счет в типографиях ЦК и обкомов печатать десятками тысяч экземпляров «Протоколы сионских мудрецов», «Жиды и жидовствующие», «Пострадавшие от жидов», «Ритуальные убийства жидами христианских детей», «Майн Кампф» Адольфа Гитлера и прочее, и прочее, и прочее.
И все были неправы. Партия просто въезжала в рынок и не хотела, чтобы этот процесс привлек большое внимание со стороны ставшего слишком активным населения.

Формирование в республиках Народных фронтов вызвало в КПСС вполне понятную озабоченность и нежелание иметь что-либо подобное в России, где подобный фронт также

создавался. Пустить такой фроит иа стезю антисемитизма было делом очеиь иесложиым, ио позволявшим спустить в уиитаз большую часть иациоиальиой эиергии. По улицам замаршировали отряды, одетые в чериую форму с портупеями или в мешковато сидящие муидиры царских офицеров, иа которых брякали иеизвестио чьи Георгиевские кресты (видимо расстреляиных в 1918 году, хранящиеся в партархивах), казачьи отряды с иагайками и пока бутафорскими шашками. Еще был жив КГБ, ио уже создавались прииципиально новые боевые отряды партии большевиков. Все они несли пламеииые плакаты «Сиоиизм ие пройдет!» и изображение Георгия Победоиосца, протыкающего копьем дракоиа, у которого вместо головы была изображеиа звезда Давида. На вопрос, что такое «сиоиизм», все жидоборцы без запиики отвечали «это — демократия». Ничего более оригииальиого идеологический отдел КПСС придумать ие мог. Наряду с этим плодились моиархические оргаиизации, увешаииые двуглавыми орлами, портретами последиего иесчастиого императора и призывами восстаиовить трои Ромаиовых в лице великого киязя Владимира Кирилловича. Когда прошлое страиы хотят замеиить позапрошлым, это зиачит, что ии у страиы, ии у иарода иет будущего. Нет и ие иадо. Это вполие устраивало стратегов со Старой площади. Отслеживая ситуацию в стране и видя процессы происходящие в иациоиальиых республиках, иеизбежио ведущие к расколу и гибели СССР, КПСС, зараиее готовясь к иеизбежиому, родила, хотя и в муках, Российскую Коммунистическую Партию — РКП. Новая партия имела и своего геиеральиого секретаря, коим стал Иваи Полозков, заиимавший до этого пост первого секретаря Красиодарского крайкома. Партия имела и свое Политбюро, и свое Управлеиие Делами ЦК РКП. Все, как положено. Не все признали новую партию, поскольку ее создаиие было явным, иа первый взгляд, расколом КПСС. Но только на первый взгляд. РКП и была создаиа, чтобы помочь КПСС въехать в рыиок без особых помех. Члеи ЦК и Политбюро новой компартии Виктор Тюлькии прямо с трибуиы съезда заявил: «Против создания РКП может возражать только тот, кто не может произиести букву «р». Цыц, жиды! Присутствовавшего на съезде Николая Рыжкова — члеиа Политбюро ЦК КПСС и премьер-министра СССР — попросили прокоммеитировать по-большевистски прииципиальное заявление Тюлькииа. Премьер горестио развел руками: «Это страшио... Но что поделаешь?»

Действительио, делать было уже иечего.

Правда, где-то на Олимпе еще заседало Политбюро во главе с Горбачевым, решая насущные вопросы страны. 12 марта 1990 года в повестку дня Политбюро входил только один вопрос: О политических итогах митингов 24—25 февраля и необходимых выводах из этих событий. Вопрос представлен тт. Медведевым (член Политбюро, главный идеолог КПСС), Крючковым (член Политбюро, председатель КГБ), Разумовским (член ЦК по идеологии) и Сухаревым (член ЦК, генеральный прокурор СССР). Докладчики: тт. Крючков и Сухарев.

Политбюро вынесло следующий проект решения:

«...Было бы ошибкой недооценивать масштабы и политическую сущность прошедших акций. В нарастании митинговой стихии проявляется недовольство людей нестабильностью в обществе, кризисными явлениями в экономике, тяжелым финансовым положением и разбалансированностью рынка, снижением дисциплины и порядка, распространением спекуляции и разгулом преступности.

Политбюро ЦК КПСС считает необходимым:

...Потребовать от руководителей правоохранительных органов всех уровней решительно пресекать антиконституционные действия, повсеместно принять жесткие меры по укреплению общественного порядка и законности, исходя из необходимости... охраны социалистической собственности... Всеми средствами пропаганды пресекать безответственную кампанию дискредитации Вооруженных сил СССР, органов КГБ, МВД и КПСС. Добиваться, чтобы государственные органы массовой информации (радио, телевидение, печать) проводили в публикациях линию Верховного совета СССР, Советского правительства, других органов Советской власти».

В прениях Рыжков предложил внести в решение выражение «недовольство людей нестабильностью в обществе», а неукротимый Егор Лигачев внес целый абзац: «Добиваться, чтобы коммунисты, работающие в государственных органах массовой информации (радио, телевидение, печать) проводили в публикациях линию партии...»

Голосовали: тт. Горбачев — за с поправками тт. Лигачева и Рыжкова
Воротников — за
Зайков — за
Ивашко — за
Крючков — за
Лигачев — за с поправками
Маслюков — за

Медведев — за с поправками тт. Лигачева и Рыжкова
Рыжков — за с поправками
Слюньков — в отпуске
Шеварднадзе — за
Яковлев — за

Единогласно! Пусть не клевещут западные средства информации, что Политбюро раздирают споры и противоречия, а Горбачев, дескать, даже не разговаривает с Лигачевым, а Крючкова и вовсе не пускает на заседания Политбюро. Партия жива и трудится на благо государства.

А на следующий день, 13 марта 1990 года, была отменена 6-я статья Конституции страны, закрепляющая за КПСС политическую монополию в СССР.

Партия отказалась от своей политической гегемонии. И если не впадать в эйфорию и непростительные политические ошибки, то следует не забывать — это произошло потому, что номенклатуре надоело ее нынешнее состояние. Ей надоел марксизм-ленинизм, возможности которого для приобретения своего могущества и благоденствия уже были практически вычерпаны до дна. И идея начала чадить, не только не давая уже никаких выгод, но становясь весьма небезопасной.

Теперь куда заманчивее было стать буржуазией в приличном демократическом обществе, где опять же власть принадлежит тому, кто имеет деньги, но демократические законы и примат частной собственности дают возможность гораздо более вольготного, богатого и безопасного существования. После начала горбачевской перестройки номенклатура валом повалила на запад, где смогла убедиться, что тот образ жизни, который она обеспечила себе в СССР ценой постоянной войны с собственным народом, значительно ниже, чем у среднего западного буржуа, а иногда и у рабочего. А о магазинах и говорить нечего. Любая сельская лавка, затерянная где-нибудь на шоссе штата Арканзас, содержит более богатый и более качественный выбор товаров, чем в спецраспределителе самого высокого ранга, куда доступ имела отнюдь не вся номенклатура, но для всех этот распределитель служил своего рода эталоном. Наряду с событиями в стране и мире, это обстоятельство весьма озадачивало номенклатуру, заставляя искать оптимальный вариант выхода из создавшегося положения. Румынский вариант развития событий с морем крови и тысячами трупов, возможно бы ее и устроил, если бы в итоге этого сценария Чаушеску не был расстрелян на месте, а

тысячи номеиклатурщиков не попалн за решетку. Чешский варнант тоже ие годился, поскольку в результате вся собственность партии оказалась конфнскованной.
Как н в былые времена, иоменклатура, приияв к сведенню событня в Европе, решнла ндтн собствениым путем. Средн средней и мелкотравчатой номенклатуры велась уснленная н хорошо психологически продуманная пропаганда. Обманывая иарод, мы фактнческн обманулн самих себя. Созданная в стране нскусственная ннщета уже засасывает н нас. Нашн прнвнлегин, еслн разобраться, не стоят ничего. Вот вы, ответствеииый работинк ЦК, горды тем, что заннмаете с семьей шестикомиатиую квартнру с бассейиом и имеете дачу н машниу. А иа Западе самая заурядиая семья живет в такой же, еслн не лучшей квартнре, а тот, кто хоть чуть-чуть повыше заурядиого, нмеет собствеиный дом. На Западе проживание в квартирах вообще счнтается призиаком недостаточной обеспеченностн. Помннте Аркадня Шевченко, бывшего главу советской делегацнн в ООН, который сбежал в Штаты в 1978 году. Посмотрелн бы вы на его особняк. По сравненню с иим горбачевская дача в Форосе похожа на сарай. То, что вы можете всегда, когда хотите (если начальство отпустит), съезднть иа запад, то кого вы там этнм удннвнте. Да любой там хнппн саднтся на мотоцнкл н колеснт по всем страиам. Да, нет. Я вовсе не агнтнрую вас сбежать на Запад. Запад иадо делать здесь. Вндели, что пронзошло с товарнщем Чаушеску? Так это еще полбеды. А появнтся, Боже сохраин, какой-инбудь псних вроде Иоснфа Внссарноновнча илн Аидропова, и посадит всех на зарплату, а за граннцу будет выпускать раз в два года иа иеделю, да и то только по решеиню Секретарната ЦК. Помннте, как вылн все в 83-м, когда прямо со Старой площадн везлн на Лубяику? Где гарантня, что это не повторнтся? Мы создалн в стране систему, прн которой нам же самим жнвется хуже, чем жнлось бы без иее. Нам жнвется хорошо только в сравненнн с иашнм ннщнм иаселеннем. Подумайте, ведь это — патологня — жнть хуже, чем мы могли бы, ради того только, чтобы всем другнм в этой стране было еще хуже. Власть? Власть дадут деиьги. А пока что, нзвнннте, мы теряем власть с каждым днем н с каждым днем множнм чнсло иашнх врагов. Коиечно, некоторые «дубовые» деятели верхнего эшелона иоменклатуры н слушать ннчего подобиого не захотели бы, ио их было мало, н не онн определялн уже политику «зазеркалья».
Партня вовремя отказалась от 6-й статьи коиституцни. Однако, кроме КПСС в стране, несмотря иа «разгул демо-

кратии», не существовало еще ни одной политической партии вообще, как таковой, не говоря уже о возможности противостояния каких-либо политических групп могущественному партийному аппарату, все еще управляющему КГБ и армией, распоряжающемуся национальными богатствами, контролирующему средства связи и массовой информации. В стране не было еще отменено ни одного закона, регламентирующего хозяйственную или финансовую деятельность, что позволяло КПСС легко устранять с дороги конкурентов и входить в рынок с развернутыми партийными знаменами. В самый день отмены 6-й статьи Конституции телетайпы Старой площади отстучали секретную шифрограмму:

«13.02.1990. О необходимости рассмотрения некоторых правовых аспектов жизнедеятельности партии в связи с итогами февральского (1990 г.) пленума ЦК КПСС.

После признания пленумом ЦК КПСС возможности перехода к многопартийной системе в СССР, видимо, уже в ближайшем будущем начнется формирование новых партий... Нужно было бы проинвентаризировать все правоустанавливающие постановления ЦК КПСС и при необходимости для восполнения пробелов в правовом регулировании воспользоваться правом законодательной инициативы или внести соответствующие предложения в Совет Министров СССР... Нельзя исключать и возможности нарастания требований об изъятии у партии ее имущества, прежде всего зданий, предоставленных партийным комитетам, другим организациям и учреждениям КПСС, издательств, типографий, домов отдыха, санаториев и иных объектов социальной сферы, транспортных средств и т. д. В связи с этим необходимо провести незамедлительно комплекс мероприятий, закрепляющих право КПСС на владение указанным имуществом... Представляется, что нужно безотлагательно рассмотреть вопрос об основаниях и порядке пользования специальными средствами связи (в частности, шифросвязью, ВЧ, линиями правительственной связи), которыми располагают ЦК КПСС, ЦК компартий союзных республик, ряд других партийных комитетов... Помимо этого, считали бы необходимым проработать проблемы информационного обеспечения деятельности партии, охраны партийных тайн, руководителей КПСС (не занимающих высших государственных постов), зданий КПСС, ЦК компартий союзных республик, других партийных учреждений, учитывая, что в новых условиях, видимо, будет нецелесообразным привлечение для этих целей органов КГБ СССР».

Но пока КГБ еще в распоряжении родной партии. И его

можно использовать с большой пользой. Полковник КГБ Веселовский неожиданно был вызван к заместителю председателя КГБ генералу Бобкову. Веселовский служил в Первом Главном Управлении КГБ (внешняя разведка), занимаясь весьма уникальной деятельностью. Пребывая в течение долгих лет в странах, где деятельность компартий (и сами компартии) запрещены законом, Веселовский создавал для этих подпольных партий легальные экономические источники существования и разрабатывал различные способы отмывания подпольных партийных фондов, полученных либо из СССР, либо путем обыкновенного разбоя. Если даже легальные компартии никогда не желали считаться с законами своих стран, то для подпольных закон был вообще не писан. Тут торговали и оружием, и наркотиками, и рабами, и ворованными товарами любого происхождения, гребли свое с проституток, игорных домов, уличных торговцев, с фермеров — в общем, с чего угодно. Но и попадаться было крайне опасно. Если, скажем, во Франции «погоревшие» коммунисты могли рассчитывать на защиту суда и закона, то в странах, где коммунисты находились вне закона, с ними и не церемонились. Били тесаком по поджилкам и бросали в садок с крокодилами. В назидание прочим. Поэтому Веселовский, не без основания считавший себя опытным экономистом-международником (с ученой степенью, разумеется), всячески помогал своим товарищам по классу создавать такие подпольные финансово-экономические структуры, чтобы никогда не попадаться. Теперь ему предстояло применить накопленный опыт у себя на родине. Генерал Бобков объявил полковнику, что по просьбе руководства КПСС в лице товарищей Ивашко и Кручины и по согласованию с Крючковым, он, Веселовский, переводится на работу в Управление Делами ЦК КПСС на должность заместителя заведующего сектором по координации экономической деятельности хозяйственных служб. Солдат партии остается ее солдатом на любом доверенном ему посту. Управление Делами ЦК КПСС за годы своего существования великолепно научилось тратить деньги, но зарабатывать их там никто, разумеется, не умел. Поэтому и решились звать на помощь «специалистов» типа Веселовского. Это никого не смущало. Фактически КПСС всю свою историю, будучи даже в зените своей неограниченной власти в стране, по сути своей была подпольной, тщательно законспирированной организацией, считавшей, что уронит свой авторитет, если выпустит любой документ, скажем по количеству абортов в Москве, без грифа «совершенно секретно».

Подобное поведение диктовали и все неписанные (и писанные) законы незаконно созданной страны Номенклатурии. Веселовский быстро понял, чего от него ждут. Используя свой богатый зарубежный опыт, полковник, с обычной непринужденностью игнорируя закон, вскоре представил Кручине аналитическую записку, которая, в лучших традициях партийной фразеологии, была озаглавлена:

«О дополнительных мерах по закреплению и эффективному использованию партийной собственности».

В записке, в частности, говорилось:

«...Денежные ресурсы, отраженные в финансовых документах, открыто могут быть инвестированы только в общественные, социальные или благотворительные фонды, что затруднит их конфискацию в будущем. Средства, поступающие в виде доходов в партийную кассу и не отражаемые в финансовых документах, должны быть использованы для приобретения анонимных акций, фондов отдельных компаний предприятий, банков, что, с одной стороны, обеспечит стабильный доход независимо от дальнейшего положения партии, а с другой, в любой момент эти акции могут быть реализованы на фондовых биржах с последующим размещением капитала в иных сферах с целью обезличивания партийного участия, но с сохранением контроля... Принятие данных мер потребует организовать срочный отбор особо доверенных лиц, которым будет поручено выполнение отдельных пунктов программы, не исключается возможность создания категории негласных членов партии, которые будут обеспечивать ее жизнедеятельность в любых условиях чрезвычайного периода...» Мысли опытного разведчика-нелегала, заброшенного на этот раз в собственный тыл, были настолько просты и вместе с тем гениальны, что восхищенный Кручина тут же приказал типографии ЦК КПСС отпечатать тиражом в 50 тысяч экземпляров расписки следующего содержания:

«Личное обязательство перед КПСС

Я, ____________, член КПСС ____________ года, партийный билет № ____________ настоящим подтверждаю сознательное и добровольное решение стать доверенным лицом партии и выполнять доверенные мне партией задания на любом посту и в любой обстановке, не раскрывая своей принадлежности к институту доверенных лиц. Обязуюсь хранить и бережно использовать в интересах партии доверенные мне финансовые и материальные средства, возврат которых гарантирую по первому же ее требованию. Все заработанные

миою в результате экоиомической деятельиостн на фоиды партнн средства призиаю ее собствениостью, гарантирую их передачу в любое время и в любом месте. Обязуюсь соблюдать строгую конфндеициальиость довереииых мне сведений н выполнять поручеиня партин, передаваемые мне через уполиомоченных на то лиц.

Подпись члена КПСС ______________.

Подпись лица, прииявшего обязательство ___________.

Бланкн обязательств с зелеиой диагональной полосой ие былн одииаковыми. Некоторые были иапечатаиы иа «кнрнллнце», другне на «латииице», а нные таииствеиио маиили к себе паутииой арабской вязн н лабирнитами иероглифов. Николай Кручина лично вноснл в иекоторые из иих имена, фамнлии и номера партбилетов, сверяясь с толстенной киигой, все страиицы которой былн прошиурованы н скреплены сургучной печатью, а названия иевозможио было разобрать из-за целой коллекции сииих, красиых и фиолетовых штампов строгой секретиости, превративших обложку в какое-то подобие абстрактиой живописи. А между тем творческая мысль полковиика-иелегала из КГБ летела дальше:

«Речь идет о создании в одиой из капстраи с щадящим иалоговым законодательством, иапример, в Швейцарии, акциоиериого общества, заиимающегося всемн видами ннформацнонио-посреднической деятельностн: трейдинг, брокераж, посредиичество, представительство. Акциоиеры — довереиные лнца. На начальиом этапе определяется список будущнх акциоиеров. В баиках страны предполагаемого базироваиия АО открываются иа имя акциоиеров счета, и иа эти счета кладутся соответствующие суммы. Затем иемедленно создаются СП на территории Советского Союза. Большая часть прнбыли АО может быть выплачеиа (по решенню правлеиня) в внде днвндендов акцнонерам. Как уже отмечалось выше, акциоиерамн являются лнца — довереиные советской организации-учредителя (КПСС). Таким образом, путн дальнейшего нспользовання днвидеидов определяются советской стороиой. Это также означает полную невозможиость контроля за использованнем этнх средств со стороны любых других оргаиизацй, частиых лиц, кроме партин...» Другими словами, Веселовский предлагал создать целую сеть международных акционерных обществ н заменнть ими иеиадежиые фирмы «друзей», колнчество которых катастрофическн таяло. Передавая Кручнне свой труд, Веселовский, будучн не очень высокого миеиия о понятлнвости партаппаратчнков в сложных вопро-

сах подпольиой экоиомики, прикрепил к своей программе малеиькую записку: «Н. Е.! (Николай Ефимович) Доверительио, в 1 экз., если делать, то только с КГБ». Можио было подумать, что Кручииа собирался проворачивать столь глобальиые аферы с общиной святой Евгеиии! Хотя миогоопытиый полковиик имел все осиоваиия предполагать, что иачииая подобиые игры во всемириом масштабе, своего рода мировую революцию, КПСС иаверияка подключит к этим играм могуществеииых коикуреитов КГБ — америкаиское ЦРУ и израильский «Моссад». Но полковиик Веселовский, как и водится в его ведомстве, зиал только то, что ему было положеио зиать, а об остальиом мог только догадываться. Переходя от общих слов к коикретиому делу, Веселовский предложил создать миогопрофильиую акциоиериую компаиию совместио со швейцарско-каиадской фирмой «Сеабеко групп» и Союзом ветераиов Афгаиистаиа. В ее рамках предполагались: баиковая система, авиакомпаиия, междуиародиый торговый дом, фоид приватизации, сеть холдииговых компаиий в различиых региоиах страиы. Срок этого проекта полковиик определил в 50 лет. Зиачительиая часть прибыли, естествеино, предиазиачалась КПСС. Пока «крестиый отец» иовой партийиой экоиомики переходил от своих извращеииых и кримииальиых теоретических идей к практическим действиям, его «шестое чувство» старого разведчика, заставившее призвать Кручииу «работать только с КГБ», оказалось, как всегда точиым... Радисты роскошиой трехпалубиой яхты «Леди Гислеи», рассекающей своим изящиым форштевием голубую лагуиу одиого из Багамских островов, приияли шифроваииую радиограмму, адресоваииую владельцу яхты Роберту Максвеллу — аиглийскому миллиардеру, владельцу целой кучи газет, издательств и иифомациоииых цеитров.

В самом факте получеиия шифрограммы ие было иичего особеииого. Максвелл или «капитаи Боб», как его изывали близкие друзья и коикурирующие газеты, вел шифропереписку с половииой мира, держа большииство ключей от разиых шифров в собствеииой голове. Радиограмма была короткой: «Обеспечьте тарисферт по плаиу три». Подписи ие было, да оиа была Максвеллу ие иужиа. Выходец из бедиого еврейского местечка в Словакии, Максвелл в годы второй мировой войиы служил в британской разведке, закоичив службу в чиие капитаиа. После окоичаиия войиы «Капитаи Боб» иекоторое время работал в «Фориш офисе» Великобритаиии. В те годы разведывательиые и дипломатические службы Запада очеиь иитересовали подробиости

глобальио-фантастического плана товарнща Сталнна, некоторые детали которого просочнлнсь через Железиый занавес. Иосиф Внссарнонович готовнл коитрудар по возомннвшему о себе доллару. Его светлой мечтой было, накопнв побольше золота, скупить огромное колнчество западиой валюты н обрушить этот вал на протнвннка, прнведя доллар в полное ннчтожество, а западную экоиомику — в состоянне хаоса. Товарный голод в СССР вряд лн бы позволнл Сталнну осуществнть задумаиное — Сталнн всегда ошибался где-то в третьем зиаке, что приводнло лнбо к крушеиню его планов, лнбо делало нх совершенно нереитабельиыми. Тем не менее запад был обеспокоен, н «капнтан Боб» как раз работал в этом направленнн, пытаясь собрать побольше информацнн отиосительно фниаисовых замыслов вождя всех народов. Насколько английская разведка (самая хнтрая в мире) преуспела на этом попрнще, трудио сказать, но в разгар своей деятельностн Роберт Максвелл неожнданно ушел в отставку н всего за 13 тысяч фунтов стерлнигов купнл нздательство «Пергамои пресс» — тот самый «Пергамон пресс», который, согласно секретной справке заведующего междуиародным отделом ЦК КПСС т. Фалниа, представлеииой на нмя геиерального секретаря ЦК КПСС т. Горбачева, чнслнлся в списке фирм «друзей» и предъявлял Советскому Союзу претензни иа 500 тысяч долларов. К 1961 году куплеиное Максвеллом издательство, уже оцеииналось в 10,6 мнллнонов долларов, а к 80-м годам «капитан Боб» владел огромной нздательско-ннформацноиной нмперней с филиаламн на всех пятн коитннеитах, имевшей офнциальиое названне «Максвелл комьюиикейшеи корпорейшен» и щупальца во всех странах мира, включая н Советскнй Союз, где Максвелла ласково называлн «первый секретарь Лоидоиского обкома». В СССР Максвелл добнлся, казалось бы, иевозможного. В полнцейско-террористическом государстве была налажеиа возможиость устойчивой еврейской эмиграцнн в Израиль н США. Причем долгое время право иа выезд нз огромного концлагеря, нмеиуемого Советскнм Союзом, нмели только еврен[1]. По времени это совпало

[1] Еще не напнсанная нсторня еврейской эмиграцин нз СССР имеет много таннственных страниц. Какого-ннбудь несчастного еврея-парнкмахера моглн годамн держать «в отказе» за то, что он 20 лет назад, служа в армнн пнсарем, вндел какой-то секретный документ о необходимостн уменьшення суточного довольствия срочной службы маргарином. Но в начале 70-х годов в Амернку по нзраильской внзе выехала группа ннжеиеров-ракетчнков, половнна которых н не была евреямн. Америкаицы, надеясь на свою палубную авнацию, весьма отстали в разработках

с иачалом издаиия «произведеиий» Брежиева и других советских лидеров в издательствах, прииадлежащих Максвеллу, а также в оживлеиии кредитоваиия СССР западиыми баиками. Но если кредиты были просто платой (и весьма дешевой) за утечку мозгов из СССР, то издаиие «произведеиий» партийиых вождей представляло собой очеиь заиятиую и поучительиую операцию. Не иадо говорить как «лихо» расходились эти произведеиия виутри страиы, ежегодио кубическими километрами тайио списываемые в макулатуру, ио почему-то иикто иикогда ие задавался вопросом, как эти «произведеиия» в условиях рыика расходятся иа Западе? А иисколько ие лучше, чем в СССР. Но это давало возможиость иашим «вождям» иа вопрос, а откуда у иих, собствеиио, имеется иностраииая валюта, отвечать стереотипио в течеиие десятилетий: «За издаиие киих иа Западе». Проворачивалось это дело так. Кремль оплачивал Максвеллу бумагу и полиграфические расходы по цеиам мирового рыика, а сами киихи печатались либо в Москве, либо в ГДР или Чехословакии по безвалютиому расчету. Валюта оседала иа баиковских счетах иомеиклатуры, а 15 процеитов перепадало самому Максвеллу. Спрашивается, за что? За прикрытие официальиого каиала перекачки деиег иа Запад, по которому проходили миллиардиые суммы. Но чтобы «капитаиа Боба» ие поймали на чистом мошеииичестве, оформлялись фиктивиые докумеиты, что весь тираж приобретеи за валюту советскими посольствами во всех страиах земиого шара, где эти посольства есть. И киихи честио туда завозились, постепеиио забивая все чердаки и подсобки огромиых посольских здаиий. В посольствах выли, ио иичего сделать не могли. Им было приказаио эти киихи распростраиять, что было иевероятио тяжелой и, как показала практика, совершеиио иевыполиимой задачей. Одиако, если подиять докумеиты по издаииям киих от «Избраииых речей Н. С. Хрущева» до «Нового мышлеиия» Горбачева, ие говоря уже о миогочислеииых переиздаииях классиков марксизма иа всех языках плаиеты, то получится, что все эти годы зарубежиый читатель просто иичем другим ие заиимался, как бегал по магазииам, скупая эти бестселлеры. И тут же

тактических ракет ближиего и средиего радиуса действия, работающих в так иазываемом «дозвуковом режиме». Буквальио за три года оии в этой области опередили СССР, ие проводя иикаких предварительиых исследоваиий и разработок. На похороиах Максвелла в Иерусалиме, официальиый представитель израильского правительства, перечисляя заслуги покойиого, отметил: «Роберт Максвелл сделал миогое для обеспечеиия безопасиости Израиля». И ие только Израиля!

требовал заказать новые тиражи в СССР. Но многогранная деятельность Максвелла, конечно, не ограничивалась подобными мелочами. Используя свои связи с западными банками и владея акциями многих из них, «капитан Боб», время от времени, помогал номенклатуре первой в мире страны «развитого социализма» зарабатывать валюту с помощью так называемых «трансфертных операций». Суть этих операций сводилась к продаже на западе больших сумм советской наличности за доллары. А поскольку печатный денежный станок находился в номенклатурных руках, то проблем с советской наличностью не возникало. Денег можно было напечатать сколько угодно. Любой советский человек с детства знает, что наш рубль — «деревянный», ничем не обеспечен и существует лишь для внутреннего обращения. Это для рабов. А на уровне номенклатуры этот рубль очень даже обеспечен, так обеспечен, что и доллару не снилось. На купюрах есть надпись, что они «обеспечиваются всем достоянием Союза СССР». Внутри страны это ровным счетом ничего не значит, но для западных банков значит очень много. Что такое достояние СССР — это земля площадью в одну шестую часть суши, это леса, это недра, это и многомиллионное неприхотливое население, это и любой кирпич. И предъявляя огромные суммы к оплате, западные банки всегда имели возможность что-либо отсосать из нашего «достояния» в пределах предъявленной суммы. Это сдерживало беспредел номенклатуры, поскольку при трансферте за рубль давали обычно в хорошие времена 10—15 центов, не говоря уже о том, что от подобных сделок во всех странах запада сильно попахивало уголовщиной и далеко не все банки на эти операции соглашались. Здесь и нужны были личные связи Максвелла, который был, как говорится, «на ты» с большей частью деловых воротил мира и деятелей большой политики. Таким образом как бы осуществлялся план товарища Сталина, но только наоборот. При этом деньги никто не перемещал. Советские деньги оставались в Госбанке СССР и лишь меняли владельца счета. Где-то в недрах европейских банков текли доллары на личные счета номенклатуры. А огромная денежная масса, накапливаемая в советских банках, но уже не принадлежащая СССР, готова была в любой момент взорваться, создав, в лучшем случае, 1000-процентную инфляцию из-за официальной неконвертируемости рубля. Тогда как доллары служили только укреплению западной экономики. Те немногие люди на западе, которые подобно Роберту Максвеллу знали о подобных темных делишках советской номенкла-

туры, теоретически уже представляли возможность скупки вообще всех наличных денег в СССР, что было равносильно безоговорочной капитуляции коммунистического режима, поскольку единственным выходом из подобного положения могло быть только начало третьей мировой войны. Зная некоторую безответственность кремлевских владык и их преклонный возраст, на западе беспокоились, что тарисфертный беспредел может привести к непредсказуемым политическим последствиям. Ведь отреагировал однажды Брежнев на очередной доклад об острой нехватке кормового зерна фразой: «Начнем войну и заберем зерно на западе». Это была шутка, но в ней был намек, выдававший сокровенные чаянья руководства КПСС, навеянные сладкими снами. Когда имеешь дело со страной, где нет никакого общественного мнения и все контролируется преступной организацией, надо быть предельно осторожным. И помимо всего прочего, до начала подобной операции необходимо было привести курс рубля и доллара в соотношение, при котором можно было скупить максимальное количество рублей при минимальной затрате долларов. Последнее время Максвелл лихорадочно скупал валюту, бесстрашно залезая в долги, которые достигли двух миллиардов долларов. Совершенно неожиданно он продал и своего первенца «Пергамон пресс» за 446 миллионов фунтов стерлингов. Кому пошли деньги? Наверное тому, кто когда-то дал отставному капитану английской разведки 13 тысяч фунтов на покупку этого издательства, числившегося в списках фирм «друзей» КПСС. «План три» означал, что время окончательного расчета по старым векселям приближается...[1]

«Совершенно секретно. Шифр ЗЮДИ

Только что получили из первого адреса: непосредственно от русского банка предложение на сумму свыше 100 миллиардов соврублей по цене 6,62 американского доллара за 100 соврублей.

Нет ли у вас возможного покупателя? — тогда можно было бы конкретно обсудить дальнейшие детали».

«Адресат выражает беспокойство по поводу надежности

[1] У Максвелла были очень теплые отношения с Горбачевым. Последний генсек, видимо, не имел никаких комплексов. Он позволил многим фирмам, в частности, японской «Икэгами Цусники», использовать собственное изображение в рекламе. Не бесплатно, конечно. А принадлежащий Максвеллу телеканал новостей «Си-Би-Си» как-то проговорился, что директором их программы является президент СССР. Как говаривал Бабель: «Никто не знает, где кончается Беня и начинается полиция».

вашего партнера и возможного проникновения Интерпола в круг интересов. Нельзя ли изменить процедуру?»

«Нашим партнером является непосредственный уполномоченный русского государственного банка, который будет лично наблюдать и контролировать всю сделку из Цюриха. Отклонения от предусмотренной процедуры очень трудны и повлекут за собой проблемы...»

«Ваши опасения, что «уполномоченные» являются объектами Интерпола, беспочвенны. Колоссальные суммы, предлагаемые ими, соответственно оформленные документы и известные вам девизы не могли быть получены без ведома Госбанка, Министерства финансов и Правительства СССР».

Министром финансов СССР был
член ЦК КПСС Валентин Павлов.
Управляющим Госбанком — Леонид Геращенко,
кандидат в члены ЦК КПСС.
Премьер-министром — член Политбюро
ЦК КПСС Николай Рыжков.
Главой государства — Генеральный
секретарь ЦК КПСС Михаил Горбачев.

«Не подвергая сомнению ваши сведения, мы тем не менее хотели бы послать непосредственно одного из своих людей в Москву, чтобы убедиться, что подобные предложения действительно исходят от правительства страны, а не от структур, способных навлечь на наш финансовый дом катастрофу...»

Пока на самом верху разворачивались столь детективные события и радиостанция «Леди Гослен», подобно охотничьему рогу, поднимала финансовую свору всего мира, готовую разорвать на куски Советский Союз, но еще не до конца верящую, что час настал, КПСС продолжала мероприятия по эвакуации, будучи, как всегда, организатором и вдохновителем.

Классический ленинский лозунг «ГРАБЬ НАГРАБЛЕННОЕ!» трансформировался давно самой жизнью, в новый: «ГРАБЬ ОГРАБЛЕННЫХ!»

«Секретно. Директивно. 23.08.1990 г.

...ЦК Компартии Казахстана, МГК КПСС и Ленинградский обком КПСС выступили соучредителями трех коммерческих банков («Компартбанк» в Алма-Ате, «Главмостстройбанк» в Москве и коммерческий банк «Россия» в Ленинграде)... Партийные организации различных уровней приступили к размещению депозитных ресурсов в коммерческих банках. Однако на уровне центральных органов партии в этом важном деле допускается определенная мед-

лнтельиость...» Определенная медлительность объяснялась тем, что со всех сторон полезли коикурeиты, мешая работать. Различиые общественные группы и частные лица начали организовывать предприятия, кооперативы, баики н даже (о, ужас!) заводнть самостоятельиые связн с заграиицей. И хотя КПСС уже считалась всего лишь одной из общественных организаций страны (кстатн говоря, не зарегнстрнрованной официальио) и как бы уже ии во что ие могла вмешиваться, ее вериый боевой отряд КГБ — мощнейшая государствеиная, а не общественная структура, родную партню в обиду ие давал. Аресты предприиимателей уже началн прнинмать черты иовой волны террора. Дело кооператива «Шепелиха», дело Коробочкнна, дело магадаиского СП «Спарк», дело Альфреда Шопеиберга, обыски, конфискации, натравливание на предприиимателей созданных иа свои деньгн рэкетерских баид, иовая волна коррупцни — все это хотя н иапомииало политический террор, в действительиости являлось устраиеинем коикурентов. КГБ накоиец иашла себя, став официальиым рэкэтиром партии. Но эта роль уже не устраивала КГБ. Всякий рэкетир в душе тоже хочет стать предприиимателем и действовать с шнрокнм купеческим размахом, а ие просто бегать с кастетом по подворотиям, запугивая кооператоров.

Первое Главиое Управлеиие КГБ, иабитое специалистами типа полковиика Веселовского, вовсе ие собиралось только обслужнвать идеями Управделами ЦК КПСС. Оно желало н самостоятельно воплощать в жизнь богатый опыт подпольиой работы в мнровом масштабе. ПГУ создает концерн АНТ, иазиачив его директором своего офицера Ряшеицева, задумав иа самостоятельиой торговле оружием с собствениых секретиых складов заработать десятка два миллнардов долларов. Но КПСС хорошо знает свой родной боевой отряд, и иа что ои способеи. Слава Богу, вместе промучились больше 70 лет в различных классовых и междоусобных битвах. 6-е управлеиие КГБ накрывает в Новороссийске танки 1-го управлеиия, которые с фальшивой иакладиой направлялись за граинцу под видом сельхозоборудования какому-то лихому перекупщику. Разразнлся граидиозиый скандал. Оказалось, что ПГУ успело впутать в свон дела миожество влиятельиых лиц, включая премьер-миинистра Рыжкова. Началась яростиая виутриведомствеиная борьба. 6-е управлеиие даже выпустило иа свет Божий провокатора-судаица, который должен был передать людям из ПГУ взятку в 140 тысяч долларов. Причем в Будапеште. Но в ПГУ тоже были ие мальчики. Судаица разоблачили как

провокатора КГБ, дело вынесли на Верховный совет и повернули его весьма оригинально: во всем виноваты, оказывается, кооператоры. Ведь АНТ был кооперативом. Но сделка сорвалась, поскольку КПСС ие любила самодеятельности. Все иужно согласовывать в соответствии с установками партийиой дисциплииы. Как вот, иапример, товарищи из Ленинграда. Им тоже не легко.

«27.09.1990 Ленинградский обком КПСС

Совершеиио секретно.

27 июия 1990 года в Государствеиином банке СССР зарегистрирован за № 328 коммерческий банк «Россия» с уставиым фоидом 31 миллион рублей. По согласоваиию с ЦК КПСС, основным учредителем банка стало управлеиие делами Лeииигрaдского областного комитета КПСС. Учитывая высокий интеллектуальиый, профессиональный, производствеииый и финаисовый потеициал пайщиков-учредителей, можно предвидеть высокую иравственную и коммерческую отдачу от средств, вложеиных в банковское дело. После получения лицензии баик сможет осуществлять кредитно-расчетные и другие банковские операции в иностраииой валюте. Соответственно доле в уставном фонде банка, основиая часть прибыли, причитающаяся его учредителям, поступит в партийиую кассу. Вместе с тем, в связи с ухудшением экономической обстановки и обострением политической ситуации в страие, считаю возможным перевод на депозит банка «Россия» кредитных ресурсов в размере 500 миллионов рублей из резервного фоида партии из расчета 3-4 процента годовых сроком до трех лет. Это позволит создать устойчивую базу для финансирования мероприятий центральных партийных оргаиов. Секретарь Ленинградского обкома КПСС Б. Гидаспов.»

Гидаспов всегда отличался иеукротимой энергией и жаждой кипучей деятельиости. Не так давно Горбачев личио приезжал в Ленинград, чтобы прогнать с должиости прежиего секретаря обкома Соловьева, ие понимавшего сути перестройки, и иазначить Гидаспова. Тот и возомиил о себе. 500 миллионов рублей под 3-4 % годовых! Горбачев может быть и любил Гидаспова, ио Кручииа его иедолюбливал, считал выскочкой. Не любил он и управляющего делами Ленинградского обкома Крутихина, хотя иеизвестио за что. Не любил и все.

«...Управление делами ЦК КПСС считало бы возможным частичио согласиться с просьбой Леииигрaдского обкома партии и иаправить из страхового фонда КПСС 50 миллиоиов рублей иа депозит коммерческого банка «Россия» сроком

на два года из расчета 6 процентов годовых... Управляющий деламн ЦК КПСС Н. Кручина.»

Охладив чрезмериые аппетнты Леииигрaдского обкома, Кручнна с головой погрузился в более важные дела. С помощью траисферта предполагалось в течеиие ближайшего времени обратить 280 миллнардов рублей в 12 миллиардов долларов. Примерно по 15-18 рублей за доллар. Затягнвать нельзя, поскольку в ближайшем будущем иеобходимо будет резко повысить курс доллара отиосительио рубля, а к этому времеии на счетах в западиых банках должно осесть такое количество валюты, с помощью которой можно было бы не только приватизировать все партийное нмущество, но и прнватизнровать весь Советский Союз, оставив таким образом все в руках партии. Совсем недавно, в июле 1990 года, Кручииа, выступая на XXVIII съезде КПСС и не предполагая еще, что этот съезд последиий, произиес пламеииую речь, отвергая все домыслы клеветников, отиосительио валютиых операций КПСС за граиицей; Кручииа клялся, что партия живет только иа взиосы: «Никакнх вкладов в банках за рубежом и собствеиности за рубежом КПСС не нмеет. Имеется одии источинк валютиых поступлеинй: членские взиосы работающих за рубежом коммуиистов, которые уплачивают члеиские взиосы в валюте с валютной части зарплаты. Этн поступлеиия зачислялнсь в валютиый доход государства. В партийиый бюджет их сумма возмещалась в рублевом эквиваленте, пересчитаниом иа соответствующую валюту по курсу соответствующих валют... Валюта иа иужды партийных оргаиов нам выделялась в общем порядке, как и другнм миинстерствам и ведомствам, с возмещением с иашей стороиы Минфину ее стонмости в советских рублях также по действующему курсу соответствующей валюты...» Короче говоря, если у нас и есть какая-ннбудь привнлегия, так это привилегия первым вставать в атаку иа пулеметы. За 70 лет партня изолгалась иастолько, что с каждым годом лгала все меиее убеднтельио.

«Совершеино секретио. П 286/72 от 30.10.1990

О просьбе геиеральиого секретаря
компартин США т. Гесса Холла

1. Удовлетворить просьбу генерального секретаря компартии США т. Гесса Холла и выделить ему в 1991 году 2 мнллиоиа долларов...»

Горбачев подиял глаза на Кручииу: что-то часто мы переводим Холлу деньгн.

«Это ие ему,— пояснил Кручииа,— это нам. В порядке взаимопомощи».

«Для фирм «друзей»?» — поинтересовался генсек. Он всегда ничего не понимал, когда ему это было выгодно.

Кстати, о фирмах «друзей». Прогорают фирмы. У нас нет денег им платить. Надо брать из госбюджета, а Геращенко с Павловым не дают. Какие-то у них крупные траты. Товарищ Фалин снова памятную записку представил:

«С конца 1989 года фирмы «друзей» (Франция, Португалия, Греция, Кипр, Австрия, Швеция, Уругвай) сталкиваются с нарастающими трудностями из-за неуплаты советскими контрагентами денег за поставленные в нашу страну товары. Несколько раз по этой причине фирмы оказывались на грани банкротства, и только вмешательство М. С. Горбачева в ответ на прямое обращение в ЦК КПСС тт. А. Куньяла, Г. Плисонье, Г. Христофиаса, Д. Зильмермайера, руководства Рабочей партии Греции и Рабочей партии — коммунисты Швеции позволяло на время разрядить критическую обстановку.

В последние недели особенно острый кризис с погашением нашего долга сложился у фирм «друзей» во Франции, Австрии и Швеции... На 10 октября 1990 года положение с нашей задолженностью фирмам «друзей» следующее:

Компартия Франции — компания «Интерагра» (поставляет в СССР зерно, масло, мясо и мясопродукты для спецторговли). К оплате ей предъявлены счета на 138 миллионов долларов, из которых 60-70 миллионов долларов представляют собой просроченную задолженность. Вопрос докладывался 8 октября с. г. М. С. Горбачеву. «Внешэкономбанку» было дано указание принять срочные меры. По данным банка (Ю. С. Московский) 9 миллионов долларов были переведены в Париж 11 октября с. г. и еще 1,5 миллиона долларов будут переведены сегодня. *Остальное имеется в виду погасить из французского кредита, переговоры по которому еще не начались.*

Рабочая партия — коммунисты Швеции — партийная типография «Виг Трюк продукт АБ» не может получить с «Внешторгиздата» платежи в размере 3-х миллионов шведских крон. Совпосол сообщает, что в случае дальнейшей задержки с погашением нашего долга банкротство типографии может наступить через 7-10 дней. В этом случае под угрозу будет поставлено издание печатного органа «Норшенсфламман».

Компартия Австрии — компания «Краус и К°» (поставляет товары широкого потребления для спецторговли). Просроченная задолженность превысила 30 миллионов долларов и 31 миллион австрийских шиллингов.

Компартия Португалии — компания «Коммерсио интер-

национал», «Эспор/Эхосуа» (Испания), «Металиме», «Тагол» (поставки растительных масел, обуви, перчаток, полиэтиленовых мешков и стальной ленты). Задолженность частично была погашена и в настоящее время оценивается в 11 миллионов долларов.

Компартия Греции — фирма «ВЕК» (поставки обуви экспортерами «Агапиу» и «Ректор» для спецторговли) Задолженность частично (до 3 миллионов долларов) была погашена в июле с. г. и в настоящее время оценивается в 8 миллионов долларов.

АКЭЛ — компартия Кипра — фирмы «друзей» «Дельта» и «ЛОЭЛ» (поставляют виноградный сок, джемы и обувь для спецторговли). Задолженность частично была погашена в июле с. г. (4,2 миллиона долларов) и в настоящее время оценивается в 8 миллионов долларов.

Специфика этого аспекта нашей задолженности состоит в том, что речь, как правило, идет о незначительных по государственным масштабам суммам, которые имеют, однако, жизненно важное значение для «друзей». (Помните — Срочно требуется 3000 долларов для детей Чернобыля. Коляски и протезы для афганских ветеранов. Одноразовые шприцы для жертв землетрясения. Всего-то надо тысяч 10 долларов. Но где их взять? Разве что западные фирмы пожертвуют. А если нет? Нет, так нет! Товарищ Фалин не будет об этом ходатайствовать.— И. Б.)

Желательно, чтобы «Внешэкономбанк» согласился на постоянной основе погашать долги фирмам «друзей» во внеочередном порядке. Нельзя же каждый раз обращаться к М. С. Горбачеву с просьбой о вмешательстве в решение этих вопросов. В. Фалин. 12.10.1990».

К записке была приколота маленькая справка следующего содержания:

«17 июня этого года представитель греческой фирмы «ВЕК», поделившись планами об открытии в Москве магазинов и обратившись по этому поводу за помощью к партии, написал: «Пользуясь случаем, мы хотели бы выразить свою готовность сотрудничать в области торговли с ответственным за это отделом КПСС. Мы уверены, что в деле развития взаимовыгодного сотрудничества существует много общих интересов. Товарищи, мы хотели бы выразить сердечную благодарность за помощь со стороны вашей партии, позволившей нашему московскому представительству стать основным источником доходов нашей партии».

Горбачев внимательно прочел записку Фалина: «Она адресована мне или Павлову?»
«Павлов денег не дает»,— ответил Кручина.
«А у меня откуда деньги?» — поинтересовался Горбачев.
«У нас денег нет,— согласился Кручина.— Все эти расходы всегда обеспечивались из госбюджета».

В течение многих лет фирмы «друзей» по дешевке снабжали Номенклатурню товарами и продовольствием. Даже воду присылали в специальных баллонах, поскольку номенклатура совершенно справедливо не хотела пользоваться отечественной отравленной водой. Товары, конечно, были по западным меркам, мягко говоря, второсортными, но по советским — сказочными. Народ их, естественно, в глаза не видел. Только слухи летали о каких-то сказочных австрийских женских сапогах, которые продаются в спецраспределителях по 18 рублей за пару. Теперь же партию, входящую в рынок с триллионным состоянием, организующую собственные акционерные общества, торговые фирмы и банки, фирмы «друзей» устраивать перестали. В открывшихся новых перспективах вчерашние кормильцы стали выглядеть жалко и не рентабельно. Оставшиеся долги им так и не выплатили. В просторечье тех, кто взял товар, а деньги не заплатил, называют «кидалами» (кинул партнера на ржавые гвозди). Обычно такие случаи приводят к крупным разборкам, порой, даже со стрельбой, взрывами и поджогами, с трупами и похищениями детей. Волны мошенничества, накатываясь на волны коррупции и произвола, великим потопом заливали страну. Партия могла быть довольна. Десятилетиями КПСС воспитывала народ, задавая тон. Еще ни одна страна не вступала в рынок с таким дико безнравственным состоянием общества, от ЦК КПСС до последнего кооперативного ларька. Так что фирмы «друзей» просто попали в жернова истории. Один только Валентин Фалин (надеюсь, что бескорыстно) напоминал о них, прося денег то у Кручины, то у Павлова. Надо сказать, что у Павлова деньги были. Но он вовсе не собирался тратить их на международное рабочее движение. Как раз в это время министр финансов Павлов, которому вскоре предстояло стать премьер-министром, его первый заместитель Орлов и председатель правления Госбанка Геращенко принимали в укромном месте прилетевшего из Цюриха некоего Шмида. Шмид работал в Херигисвиле, называемом налоговым оазисом Швейцарии, в не очень известной фирме «Бюрогемайншафт», занимавшейся посредничеством в темных делах во всем диапазоне мирового спектра. Швейцарец

прилетел в Москву, чтобы лично убедиться, что предложенный совершенно фантастический трансферт является не ловушкой умников из Интерпола, а действительно солидным предложением от ответственных людей с финансовыми полномочиями. Предложения превзошли все ожидания. Ему было предложено 280 миллиардов рублей. Шмид полагал, что речь будет идти примерно о 100 миллиардах и такой суммы не ожидал. Это не фантастический, а суперфантастический трансферт, подставляющий СССР под страшный финансовый удар с запада. Шмид был финансистом и кое-что знал о финансовом положении Советского Союза. Знал он, в частности, и то, что в СССР в обращении находится всего 139 миллиардов рублей. «Вы собираетесь изъять эти деньги из обращения?» — осторожно спросил он Павлова. «Частично,— ответил министр финансов, растягивая губы в знаменитой павловской улыбке.— Но вы не думайте, что мы идиоты. Мы богатые. О нас не беспокойтесь». Шмид пожал плечами.

Договорились действовать в четыре этапа.

Первый этап — в декабре 1990 года. 100 миллиардов рублей за 5,5 миллиардов долларов.

Второй этап — в январе 1991 года. 25 миллиардов рублей.

Третий этап — в мае 1991 года. 15 миллиардов рублей. За второй и третий этап — 2 миллиарда долларов.

И, наконец, четвертый этап — в июле 1991 года. 140 миллиардов рублей за 4,5 миллиарда долларов.

Итого за 280 миллиардов рублей 12 миллиардов долларов. «Те, кто вас послал, закончил совещание Павлов,— знают номера счетов. На последнем этапе господин Орлов лично проконтролирует сделку. И не думайте, что это все. Денег у нас еще много». Павлов говорил чистую правду. Денежный печатный станок был в его полном распоряжении, а в случае чего можно было изъять и часть денег у населения. Ничего, не умрут. А умрут, значит такова их судьба. Ошеломленный и восхищенный Шмид улетел домой. Всякое бывало в его жизни. Но такого еще нет. Он только что фактически купил Советский Союз всего за 12 миллиардов долларов!

У Николая Кручины деньги тоже были, но при всяком удобном случае он не упускал возможности запустить руку в госбюджет. Хотя он и недолюбливал деятелей Ленинградского обкома, но выдал им 50 миллионов, вместо просимых 500, вовсе не от жадности. В такой пустячной сумме Павлов ему никогда бы не сумел отказать. Кручина просто знал больше, чем Гидаспов и его управделами Крутихин. Ленинградские товарищи стали учредителями банка «Россия».

С одной стороны это хорошо, но с другой — партийные банки подают нехороший пример, и каждый, кому не лень, пытается учреждать банк. Так дело не пойдет. На политбюро уже обсуждался вопрос о запрещении общественным организациям учреждать банки и заниматься коммерческой деятельностью. Но ведь КПСС тоже общественная организация. КПСС это не коснется. Что-что, а конспирироваться партия умеет лучше, чем все на свете тайные общества! Так что пятьсот просимых миллионов в Ленинград лучше пока не посылать. Конспирация конспирацией, а вдруг засыплются? Такую сумму все-таки жалко. Ленинградские товарищи всегда пытаются быть впереди страны всей. Лучше бы подучились в Москве по методу товарища Веселовского. А творческая мысль экономиста-разведчика, неудержимо летя вперед, стала материализоваться в весьма конкретные дела, вызывая у Кручины неподдельное восхищение. Он даже ходатайствовал о присвоении Веселовскому звания генерал-майора, но Крючков не проявил по этому поводу никакого энтузиазма, сухо сославшись на отсутствие штатных должностей... и денег. Кручина не к месту вспомнил о 50 тоннах золота, которые хранились на балансе КГБ, и даже сделал пометку в календаре, что с этим делом надо разобраться. Веселовский, оставшись полковником, нисколько не расстроился. Генералы, адмиралы... Все это уходит в прошлое. Наступают новые времена. Буквально за час Веселовский создал показательную семью советских миллионеров, убедив Кручину «подарить» этой семье 400 миллионов рублей партийных денег. В результате хороший знакомый Веселовского, бывший главный технолог НПО «Каучук» М. Хотимский стал неожиданно руководителем сразу четырех фирм: малого предприятия «Галактик», общества с ограниченной ответственностью «Джобрус», фирмы «Холдинг ЛТД» и Московской муниципальной ассоциации. Его жена — М. Хотимская стала учредителем «Галактик», а ее брат — В. Кравец — генеральным директором «Джобруса». В свою очередь, жена Кравца, танцовщица по профессии, стала учредителем как той, так и другой фирм. Генеральным директором самой крупной в этой семье фирмы стал подполковник КГБ Гребенщиков, формально уволенный из ведомства, но продолжавший носить пистолет и служебное удостоверение. Его главной задачей было следить, чтобы новые миллионеры вели себя послушно и не выкинули чего-нибудь неожиданного. Фирмы, естественно, ничего не производили, а занимались перепродажей туалетной воды и пива, а поэтому доход был огромным. Веселовский докладывал Кручине: «В ре-

зультате установленных связей с разными зарубежными компаниями у меня появилась возможность решать и более серьезные хозяйственные задачи. В частности, такие, как получение финансовых кредитов от частных финансовых групп (до 100 миллиардов долларов на 10-12 лет)... Частично эти вопросы докладывались мной в устной и письменной форме Павлову, Ситаряну, Знаменскому, Примакову, Геращенко и... в устной форме получали от этих лиц формальное одобрение...» Полностью одобренный метод полковника Веселовского стал внедряться по всей стране. Всего за несколько месяцев по методу разведчика-нелегала КПСС на свои средства организовала 1453 совместных предприятия с иностранными фирмами, акционерных обществ со смешанным капиталом, вложив в коммерческие структуры 14 миллиардов рублей и 5 миллиардов долларов. Но экономист Веселовский никогда не забывал, что он полковник КГБ. А если бы и хотел забыть, то ему бы этого никак не позволили. Обязанности разведчика он выполнял и в недрах ЦК родной партии, которая на его глазах сбрасывала имидж партии рабочего класса, превращаясь в транснациональный картель. Полковник имел задание выведать побольше партийных тайн, но либо конспирация в ЦК была куда выше, чем в любой разведке мира и партия великолепно подбрасывала в КГБ дезинформацию, либо Кручина просто перевербовал Веселовского, поскольку его доклады на имя своего непосредственного начальника генерала Грушко (заменившего Бобкова) выглядят уж совсем жалкими, никак не достойными профессионала такого уровня:

«В ходе работы в ЦК мне стали известны важные... моменты:

1. Собственность КПСС рассредоточена по организациям различного уровня, что не позволяло принимать быстрые решения... В УД ЦК не было полной картины о состоянии дел собственной партии...
2. Финансовые средства также были рассредоточены. УД контролировало лишь центральный бюджет, дефицит которого к середине 1991 года достигал 500 миллионов рублей.
3. По валютным средствам партии не было никакой ясности. Частично их контролировало руководство ЦК, занимавшееся международной деятельностью. Но создалось впечатление, что ни Дзасохов, ни Фалин не имели точной информации по этому вопросу. Многое оставалось закрытым у старых руководителей, среди которых ряд счетов за рубежом, по некоторым данным, контролировал Брутенц (советник Горбачева)».

Особое задание Веселовского заключалось в том, чтобы разнюхать подробности о так называемом Научно-промышленном Союзе и концерне «Симако», к которому руководство ЦК КПСС и лично Кручина относились с самым сердечным расположением. Партия вкладывала в Союз, и в концерн огромные средства, поскольку это был не более, не менее, как знаменитый ВПК — Военно-промышленный Комплекс — та отрасль советской промышленности, которая еще работала эффективно, производя всевозможные виды оружия. Возглавлял НПС и концерн «Симако» член ЦК КПСС Аркадий Вольский. В прошлом мелкий чиновник партаппарата он чем-то приглянулся Андропову, который назначил его своим помощником и передал по наследству Горбачеву. Ныне и Союз, и концерн занимались весьма темными, но широкомасштабными делами. С помощью ставшего премьером Павлова они торговали военными секретами страны, в результате чего им удавалось обменивать рубли на доллары по сказочному курсу — 1,8 рубля за доллар. Они приторговывали крупными партиями оружия и военного снаряжения, участвуя и в других весьма сомнительных операциях. Концерн имел собственную службу безопасности, состоящую из выведенных в резерв офицеров КГБ, сохранивших служебные удостоверения и право ношения оружия. Обо всем этом Веселовский докладывал и Грушко, и самому Крючкову. Оба выслушали его холодно и посоветовали «не увлекаться» глобальными проектами, а работать исключительно по созданию методик. Через несколько дней Вольский, лично прибыв в Управление Делами ЦК КПСС, устроил Кручине скандал и потребовал немедленно убрать «шпиона» Веселовского из святая святых партии. Веселовский понял, что попал между двух огней: его не поддерживает ни руководство КГБ, ни руководство ЦК. Случай для советского разведчика не редкий. Полковник законсервировался, весьма резонно опасаясь за свою жизнь. Но метод Веселовского победно шагал по партийной собственности. Ленинградские товарищи, которым всегда не терпелось быть в авангарде всей страны, оценили метод полковника Веселовского по-достоинству. Коммерческая лихорадка охватила обком, после того, как для пробы были освобождены от налогов коммерческие структуры ВЛКСМ. Чтобы не ударить в грязь лицом перед младшим братом — комсомолом, партаппаратчики стали искать собственные пути в коммерцию. Все было проще простого. КПСС была могущественной, влиятельной организацией, и многие новорожденные фирмы с радостью бросились под ее крыло. С обитателями Смольного заключались

договора на солидные суммы, а те в обмен обеспечивали фирмам «зеленый свет» там, где для всех других непререкаемо горел «красный». Шла ли речь о получении помещений, о хороших заказах, о предоставлении банковских кредитов, о налоговых льготах — везде обком быстро и эффективно решал все вопросы. Платили бы деньги и делились прибылью. Создавая банк «Россия» обком КПСС и привлек в качестве пайщиков своих клиентов вроде ПТО «Русское видео», которому даже выделили помещение в самом Смольном, страхового общества «Русь» и проректора Политехнического института профессора Шлепкова. При создании банка основную долю в уставной фонд — 15 миллионов рублей — внес, естественно ОК КПСС (свои 50 миллионов Кручина еще не прислал). «Русское видео», которое должно было внести 13 миллионов, нужной суммы собрать не смогло и вынуждено было взять в долг у обкома. Естественно, поэтому председателем совета нового банка стал Управляющий делами обкома КПСС Аркадий Крутихин. Казалось бы, все хорошо, но тут подоспел закон о банках, который с такой твердостью пробивал Кручина, хорошо усвоив метод полковника Веселовского. Закон о банках РСФСР требовал вернуть паевой взнос обкому КПСС. Перед тем как возвратить обкому 15 миллионов рублей, из совета банка был выведен председатель совета — управляющий делами обкома Крутихин. Это естественно и понятно: деньги уходят, уходит и их распорядитель. Одновременно в состав ввели и избрали председателем как бы новое лицо — заместителя председателя правления компании «Дайнемик Трансфер» А. А. Крутихина. «Новое лицо» принесло в банк вместо прежних, «партийных» 15 миллионов, новые — «беспартийные» 15 миллионов — пай компании «Дайнемик Трансфер». Мгновенная трансформация председателя совета банка Крутихина из управляющего делами ОК КПСС в бизнесмена из компании «Дайнемик Трансфер» произошла как по-волшебству, равно как и перелицовка 15 партийных миллионов. А тут подоспели и 50 миллионов от Кручины, и дела вообще пошли в гору. Часть средств передали совместному советско-бельгийскому предприятию «Дайнемик Трансфер» с юридическим адресом в Политехническом институте (именно поэтому профессор Шлепков и попал в учредители). СП, в свою очередь, выделило средства на создание страхового общества «Русь», а бизнесмен Крутихин, за счет именно этого общества, стал регулярно наезжать в Бельгию, основывая новые совместные предприятия и вкладывая доходы в разные банки. Душою всей этой компании был идеолог

КПСС Виктор Ефимов, который после неудачной попытки пробиться в народные депутаты, плюнул на политику и решил посвятить себя бизнесу.

Более тонко, но с большим размахом действовал Московский горком КПСС. Понятно, опыта у него было побольше. Какие дела проворачивали еще во времена Гришина. Даже самого Ельцина схарчили, когда тот вздумал навести в горкоме партийную дисциплину. Нынешний первый секретарь МГК Юрий Прокофьев по натуре был человек тихий, но умный и хитрющий. Этим он очень выгодно отличался от своего ленинградского коллеги Бориса Гидаспова, который хотя и был профессором химии, но действовал с нахрапистостью и прямолинейностью строевого фельдфебеля. Прокофьев действовал в паре с первым секретарем Московского обкома КПСС Балашовым [1]. И вот два дальновидных первых секретаря московского горкома и обкома КПСС совершенно справедливо забили тревогу по поводу того, что вскоре все праведно и неправедно нажитое партийное имущество будет национализировано. В этой связи они направили наверх записку, где толково изложили способ быстро и надежно припрятать все, что можно. В верхах к инициативе тт. Прокофьева и Балашова отнеслись с пониманием. Управделами ЦК КПСС Кручина в совершенно секретной директиве одобрил идею создания «акционерного общества с передачей на его баланс основных фондов партийных органов стоимостью 116,6 миллионов рублей. А спустя четыре дня секретариат ЦК принял соответствующее постановление:

«Совершенно секретно.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Секретариата ЦК Коммунистической Партии Советского Союза

О записке тт. Прокофьева Ю. А. и Балашова Б. И.

1. Согласиться (зачеркнуто: «в порядке исключения») с с предложением первых секретарей Московских городского и областного комитетов партии тт. Прокофьева Ю. А. и Балашова Б. И. о передаче основных фондов городской и областной партийных организаций на баланс создаваемого с участием этих партийных комитетов акционерного общества.

[1] По причинам, известным только КПСС, в Ленинграде высшей инстанцией является обком, а низшей горком. В Москве же наоборот — горком выше обкома.

2. Принять к сведению, что 60 процентов акций указанного акционерного общества будет принадлежать КПСС в лице Московского горкома и обкома партии.
3. Возложить ответственность за обеспечение имущественных интересов и прав КПСС при решении вопросов создания и функционирования акционерного общества на тт. Прокофьева Ю. А. и Балашова Б. И.».

Но как бы ни были детективно захватывающими события в обкомах и крайкомах КПСС, они все-таки не шли ни в какое сравнение с тем, что происходило на вершине партийно-государственной пирамиды, где сверху было видно все. Партия вела ожесточенную войну за свою собственность против окончательно обнаглевшей общественности, постоянно призывая на помощь спецчасти КГБ, десантников, внутренние войска, а когда собственность окончательно уплывала из рук, то и танки. Уже гремели выстрелы в Вильнюсе и Риге, где на партийную собственность покушались особенно ретиво. Но еще более скверные вести приходили из южных республик. Там на партийную собственность как бы никто не покушался, но сами партаппаратчики перестали платить дань в Москву, вопили о национальной независимости и клялись при этом не Лениным, а Кораном.

Последние остатки имперских сил, группирующиеся вокруг председателя КГБ Крючкова и кучки военных и партийных ортодоксов, лихорадочно пытались предотвратить уже совершенно очевидный крах коммунизма как идеологии, чтобы сохранить свою власть над огромной империей. В отчаяннии они снова вспомнили о Саддаме Хусейне. После вывода советских войск из Афганистана, война между Ираком и Ираном за ненадобностью затихла сама по себе. Обе стороны потеряли примерно по миллиону человек и очень этим гордились. Хусейн изнывал от безделья, лениво поругивая Израиль. Ему нашли работу. План казался очень перспективным. Хуссейн нападает на соседний Кувейт и оккупирует его. Чисто символическая гвардия кувейтского эмира, естественно, не сможет оказать никакого сопротивления миллионной армии Саддама, вооруженной до зубов новейшей советской техникой и имеющей опыт почти десятилетней войны с Ираном. Хусейну достаются богатейшие нефтяные поля Кувейта, который присоединяется к Ираку в качестве провинции. План основывался на том, что Соединенные Штаты никогда не смирятся с подобным международным разбоем и вынуждены будут начать с Ираком войну, ибо если они этого не сделают, то потеряют полностью свой престиж мировой державы. А если сделают, то завяз-

иут, как и во Вьетиаме, в долгой н кровавой войие. А поскольку СССР связаи с Ираком договором о дружбе, то Соедииеииым Штатам придется отиыие платнть ие за последовательиое проведеиие в СССР «демократнческнх реформ», а за то, что СССР сохраняет нейтралитет. Это сразу же ослабит экоиомическое и фииаисовое давлеиия иа Советскнй Союз со стороиы Запада и позволнт свернуть горбачевские реформы. Хусейи с готовиостью согласился. Он сам уже давио зарился иа иесметиые богатства Кувейта и Саудовской Аравни. Оговорив моральную поддержку со стороны СССР и свой личный гоиорар в 2 миллнарда долларов, Хусейи приказал своей армии оккупировать Кувейт, что н было сделано в течеиие 30 часов без каких-либо потерь. Как и ожндалось, США иемедлеиио началн перекндывать свои войска в Саудовскую Аравню, чей перетрусивший король сам призвал Вашнитгтои иа помощь. Под прикрытием Саддама Хусейиа партня вышла из окопов и попыталась вериуть в страие свою былую власть и велнчие. Одиако это произошло в самый разгар переговоров о иовых кредитах, которые вели в США н Европе Горбачев и Шеварднадзе. Оба иемедлеиио осудили оккупацию Кувейта, поставив Хусейиа в совершенно дурацкое положеиие. Ортодоксы давили иа Горбачева и устраивали ему скаидалы в прессе и Верховиом Совете и даже оргаиизовывали демоистрации с портретами Саддама Хусейиа. Делалось все, чтобы отмежеваться от США и от Запада, и попытаться повериуть неуправляемый советскнй корабль на старый лениниско-сталинскнй курс. Но великий политик Горбачев — уникальнейшее явление в эпоху всеобщего развала и деградации — иа миого голов возвышаясь над безликой толпой вопящих в предчувствии собствеииой гибели партортодоксов, иаучнлся великолепио маневрировать в океаие посредственностн, управляя его штормами н штилями по своему усмотреиию. Смело маиеврируя, ои каждым своим шагом добивал мертворождеииую систему, выводя иомеиклатуру из смертельного тупика, куда ее завели его иезадачливые предшествеиники. И в подавляющем своем большинстве иомеиклатура видела в последием геисеке своего спаснтеля, поддерживая горбачевскую полнтическую эквилибристику и вытесияя ничего ие поиимающих ортодоксов иа свалку истории. В разгар этих событий не выдержал даже Шеварднадзе, эффектно уйдя в отставку прямо с трибуиы съезда. Ои вндел предстоящий развал СССР и пост миииства иностраииых дел гибнущего государства его уже перестал устраивать. Мыслями ои уже был в родиой Грузии. А между тем, американцы разгромили

армию «товарища» Хусейна так быстро и решительно, что никто в Москве сразу не мог понять, что же произошло. Закаленные в боях иракские солдаты тысячами сдавались в плен, Кувейт был освобожден за сутки, американским танкам была открыта дорога на Багдад. Но самое главное было не в этом. А в том, что США продемонстрировали такие системы оружия нового поколения, такие новые способы ведения электронной войны, такую координацию действий различных видов вооруженных сил, которая могла только сниться советским генералам и военно-промышленному комплексу.

Вашингтон явно давал понять, что кроме средств экономического и финансового наступления, он может поддержать доллар и более понятными для советского мышления средствами. Великий план экономического мирового господства вступал в завершающую фазу, демонстрируя свои стальные мускулы. Крушение плана вовлечения Соединенных Штатов в длительную войну привело всю антигорбачевскую оппозицию, сметенную в кучу процессами, происходящими в стране и мире, в состояние шока. Пока оппозиция пребывала в этом состоянии, президентом РСФСР стал Борис Ельцин, добившийся успеха на обещании департизировать все государственные структуры России, и выполнивший это обещание изданием специального Указа о департизации. В это же время Горбачев создал Всеармейский партийный комитет, приказав Кручине перевести на счет нового партийного монстра 600 миллионов рублей. Только будущие историки по-настоящему смогут оценить прозорливость и хладнокровие этого гениального политика, возникшего в СССР наподобие белого гриба среди мухоморов. Кручина уже не справлялся с тем объемом дел, которые ему еще предстояло решить. Из отставки на помощь был вызван его предшественник восьмидесятилетний Георгий Павлов (не путать с премьер-министром Валентином Павловым), чей громадный опыт и огромная, несмотря на возраст, работоспособность позволила более оперативно разгребать груды проблем.

«Совершенно секретно. 28.06.1991
Директивно. УД ЦК КПСС

...Комиссией по экспертной оценке объектов собственности КПСС, находящихся в веденьи управления делами ЦК КПСС, проведен анализ правоустанавливающих документов на 49 крупных административных, лечебно-оздоровительных и производственно-хозяйственных комплексов

Управления делами (включая здравницы, загородные хозяйства, гостиницы, административные здания аппарата ЦК КПСС, транспортную часть, предприятия бытового обслуживания, складские сооружения) общей стоимостью 778 миллионов 749 тысяч 500 рублей, а также на объекты издательства ЦК КПСС «Правда», «Панорама», «Политиздат», типографию «Красный пролетарий» (включая здания, сооружения, машины, оборудование и другие основные фонды) общей стоимостью 393 миллиона 400 тысяч рублей и объекты центральных партийных учреждений — зданий и сооружений и другие основные фонды Академии общественных наук, Института современных общественных проблем, Института истории и теории социализма, Центрального музея В. И. Ленина с государственным историческим заповедником «Горки Ленинские» общей стоимостью 124 миллиона 691 тысяча рублей. Всего экспертной оценке было подвергнуто 60 комплексов общей балансовой стоимостью 1 миллиард 296 миллионов 841 тысяча сто рублей.

...На некоторые объекты, однако, не удалось в полной мере оформить правоустанавливающие документы. Так, отсутствуют решения об отводе земельных участков для дома отдыха «Нагорное» и дачного поселка «Сходня», не выдавались государственные акты на право пользования землей по дому отдыха «Озера», пансионату «Чинара», дачному отделению «Мисхор». Управлением делами ЦК КПСС принимаются дополнительные меры к оформлению недостающих документов, однако местные советы народных депутатов, в компетенцию которых входит решение этих вопросов, не всегда занимают конструктивные позиции.

...В целях создания дополнительных гарантий от возможных притязаний на объекты партийной собственности, а также сокращения средств партийного бюджета на их содержание, полагаем целесообразным осуществить следующие мероприятия. На объектах управления делами ЦК КПСС (в т. ч. на предприятиях, в здравницах, загородных хозяйствах и др.), по которым есть все необходимые документальные подтверждения права собственности КПСС, осуществлять хозяйственную деятельность в соответствии с Законом СССР «О предприятиях в СССР»... На базе некоторых хозяйств организовать общества с ограниченной ответственностью, акционерные общества. Создать совместные предприятия с привлечением советских и иностранных юридических лиц. Отдельные объекты административного, производственно-хозяйственного и лечебно-оздоровительного назначения управления делами ЦК КПСС, на которые отсут-

ствуют необходимые правоустанавливающие документы, в полной мере подтверждающие их принадлежность к собственности КПСС, передавать на длительный срок в аренду надежным советским и зарубежным партнерам... Управделами ЦК КПСС Н. Е. Кручина».

Кроме недвижимости, необходимо было подумать и о деньгах КПСС, вложив их в целую сеть созданных через подставных лиц и фирм банков. КПСС, естественно, рассматривала вообще все деньги страны как свою собственность и вела себя соответственно. Кручина уже привлек к тесному взаимодействию Минфин СССР во главе с новым министром Орловым. С помощью Минфина КПСС фактически стала владельцем крупнейшего «Автобанка», переведя на его счет 1 миллиард рублей. Председателем правления «Автобанка» стала Н. Раевская — жена первого заместителя министра финансов В. Раевского. Опекаемый с двух сторон «Автобанк» буквально купался в сверхприбылях. Начальник главного бюджетного управления Минфина СССР В. Барчук (ныне первый заместитель министра экономики и финансов России) сделал партийному «Автобанку» невероятный для любого государства подарок: ему даровали право взимать долги с государственных предприятий, что составляет голубую мечту каждого банкира. (Ныне тот же В. Барчук является сопредседателем следственной комиссии, пытающейся разобраться, как же такое могло произойти?).

Но «Автобанк» был каплей в море. Кручина внимательно просмотрел секретный список, принадлежащих или зависимых от КПСС банков, куда лихорадочно распихивались партийные деньги:

1. Автобанк — 1 миллиард рублей под 7% годовых.
2. Банк профсоюзов СССР — 500 миллионов рублей под 4,5%.
3. Токобанк — 150 миллионов рублей под 7% + 70 миллионов паевого взноса.
4. Молодежный коммерческий банк — 275 миллионов рублей под 9%.
5. Уникомбанк — 500 миллионов рублей под 10%.
6. Часпромбанк — 30 миллионов рублей под 7%.
7. Станкинбанк — 50 миллионов рублей под 10%.
8. Банк «Россия» (через Лен. ОК КПСС) — 50 миллионов рублей под 6%.
9. Главмостстройбанк — 90 миллионов рублей под 10%.
10. Казкомпартбанк (Через ЦК компартии Казахстана) — 100 миллионов рублей под 10%.

11. Советский фонд развития и поддержки малых предприятий — 40 миллионов рублей под 10%.
12. Экспериментальное объединение «Логос» — 40 миллионов рублей под 15%.
13. Торгово-производственное предприятие «Шива» — 5 миллионов рублей.
14. Всесоюзная ассоциация новых хозяйственных форм и социальных инициатив — 60 миллионов рублей под 10%.
15. Корпорация «Союз-В» — 200 миллионов рублей под 6%.
16. Малое предприятие «Галактик» — 250 миллионов рублей под 12%.
17. Троицкий институт инновационных и термоядерных исследований (через МП «Галактик») — 50 миллионов рублей.
18. Общество с ограниченной ответственностью «Джобрус» — 50 миллионов рублей под 6%.
19. Производственно-коммерческая фирма «Холдинг ЛТД» — 50 миллионов рублей под 6%.
20. Московская муниципальная организация — 50 миллионов рублей под 6%.
21. Российское творческое объединение «Отечество» — 1,125 миллиона рублей (на создание кинофильма) — 25% прибыли от проката.
22. ТО «Очаг» — 10 миллионов рублей (на создание кинофильма) — 25% прибыли.

Итого: 3 миллиарда 634 миллиона 125 тысяч рублей.

Это по первому списку. Далее: реестр № 2, № 2А, № 2А-6, № 3-В...

Голова пухнет от миллиардов и миллионов. Но и это еще не все.

Как уже упоминалось, КПСС на старости лет разродилась незаконнорожденным дитятей — Российской компартией. А дитя, как известно, требует расходов, особенно если оно родилось таким голодным и жадным.

Управделами РКП Игорь Головков, быстро усвоив методику своей хитрой родительницы, еще в феврале 1991 года представил секретный доклад на тему: «О предложениях по основным направлениям производственно-хозяйственной деятельности ЦК Компартии РСФСР». Ссылаясь на Закон «О банках РСФСР», запрещающий общественным организациям учреждать банки, Головков поучал своих коллег: «...необходим поиск учредителей. Таковыми могут быть предприятия и учреждения компартии РСФСР». И пошло, поехало:

«...На местах в последнее время партийные комитеты

стали заключать больше хозяйственных договоров, пополняющих доходную часть бюджета: на аренду зданий, транспорта, другого партийного имущества. Зарегистрирован ряд хозрасчетных организаций, учрежденных и соучрежденных партийными комитетами... В Приморском районе Ленинграда организован хозрасчетный социологический центр, расположенный в здании райкома. Центр проводит социологические исследования в интересах населения района и часть прибыли за счет своей деятельности отчисляет РКП и РК КПСС... Имеется также большое количество предложений, в т. ч. зарубежных фирм, о развертывании совместных производств ЭВМ, одноразовых медицинских шприцев, телепродукции, стройматериалов и других изделий, а также по развитию внешнеторговой деятельности, туризма, строительству гостиниц и т. д... Для решения всех возникающих организационно-технических и экономических вопросов полагали бы в этой связи необходимым учредить при управлении делами ЦК на хозрасчетной основе бюро.., которое могло функционировать как центральная коммерческая биржа...»

Молодая и цветущая РКП быстро стала плодиться, для начала одарив общество своим первенцем — Либерально-Демократической партией Жириновского. В метрике о рождении новой партии говорилось:

«Управление делами ЦК КП РСФСР, действующее на основании положения о производственной и финансово-хозяйственной деятельности, в лице управляющего делами ЦК т. Головкова, с одной стороны, и фирма «Завидия» в лице президента фирмы т. Завидия Андрея Федоровича, именуемая в дальнейшем «Фирма», с другой стороны, заключили договор о нижеследующем: «Управление предоставляет «Фирме» временно свободные средства (беспроцентный кредит) в сумме 3 (три) миллиона рублей».

Не успели просохнуть чернила под этим договором, как на свет появилась партия Жириновского, который тут же выдвинул себя кандидатом в президенты России, а вице-президентом выбрал Андрея Федоровича Завидия, именуемого в договоре «Фирма»...

Так же была создана Российская Национально-Патриотическая Рабочая партия: «Управление делами ЦК КП РСФСР... в лице управляющего Головкова И. М. и Государственный экспериментальный научно-технический производственный центр «Киртель», действующий на основании устава в лице генерального директора Ванковича А. Ю... заключили настоящий договор о нижеследующем:

Управление предоставляет центру временно свободные средства в сумме трех миллионов рублей на цели, изложенные в протоколе... Данный договор действителен лишь при условии соблюдения конфиденциального протокола-соглашения № 2».

Плодя националистические и профашистские группировки, Российская компартия, тем не менее оставалась партией коммунистической номенклатуры, т. е. более всего думала о личном благосостоянии своего руководства. К этому времени страну уже душила талонная система — фактически на все виды продуктов были введены карточки, как в годы войны. Пока кормясь от спецраспределителей своей старой мамы — КПСС, РКП энергично создавала и собственную сеть спецраспределителей, расширяя границы Номенклатуры.

«Управление делами ЦК КП РСФСР, именуемое в дальнейшем Управление, в лице управляющего делами Головкова Игоря Михайловича, действующего на основании положения, с одной стороны, и торгово-промышленная ассоциация «Луч» исполкома Кунцевского райсовета... заключили настоящий договор о нижеследующем: ...Управление предоставляет Ассоциации беспроцентную ссуду в размере 500 тысяч рублей... Ассоциация использует эти средства для ремонта торговых и бытовых помещений, в том числе магазинов, где будет проводиться обслуживание сотрудников управления и аппарата ЦК КП РСФСР. Ассоциация обязуется в течение трех лет проводить еженедельное обслуживание 400 (четырехсот) сотрудников аппарата ЦК КП РСФСР продовольственными товарами, в том числе поставками совместного предприятия «Монгрифлес», а также промышленными товарами один раз в течение трех месяцев...» С удовольствием наблюдая, как быстро мужает ее новорожденное дитя, КПСС не забывала и своих приемных деток — компартии Восточной Европы, которые, лишившись власти и имущества, скрылись за новыми социалистическими и социал-демократическими вывесками, с головой уйдя в коммерцию. И они были не прочь получить от КПСС доллары, чтобы вложить их со взаимной выгодой в собственные совместные предприятия, тайно созданные на западе. В Варшаву поделиться опытом был командирован заместитель Кручины — А. Поспевалов, который, вернувшись, писал в отчете: «Наряду с использованием законодательных положений, позволяющих в некоторых странах иметь собственные партийные предприятия, приоритетное значение отдается созданию структур, формально не связанных с

партией. В этих целях широко используется учреждение на партийные средства частных фирм, основанных на доверии, привлекается иностранный капитал, применяются преимущественно такие формы организации, как акционерное общество, фонд, общество, с ограниченной ответственностью, сужающие возможности отчуждения собственности по политическим соображениям».

Компартии Восточной Европы были не менее хитрыми, чем их московские патроны, но традиционно имели более накатанные связи с разными мелкими фирмами соседних капиталистических стран. И польза от них могла бы быть большая.

Николай Кручина быстро составил документ «О сотрудничестве КПСС с левыми партиями стран Центральной и Восточной Европы по вопросам производственно-хозяйственной деятельности».

Немедленно последовало решение секретариата ЦК КПСС:

«...Разрешить управлению делами ЦК КПСС в установленном порядке участвовать в создании совместных с левыми партиями стран Центральной и Восточной Европы хозяйственных структур за рубежом, имея в виду, что учредителями с советской стороны будут выступать подведомственные управлению делами ЦК КПСС предприятия, являющиеся юридическими лицами... Дать согласие руководству СДРП на создание в Польше совместной советско-польской фирмы, специализирующейся на торгово-посреднических операциях, в том числе приграничной торговле, развитии иностранного туризма, оказании консультативных, маркетинговых и иных услуг... Обеспечить финансирование участия управления делами ЦК КПСС в хозяйственной деятельности за рубежом, в том числе при создании совместных предприятий, за счет реализации через фирмы братских партий товаров и услуг, приобретаемых за рубли.

...Выделить Социал-демократии республики Польша в 1991 году в порядке оказания помощи 30 путевок в санатории и дома отдыха управления делами ЦК КПСС, предоставив им право реализовать их на коммерческой основе среди своих членов или через представительные западные туристические компании...» Туристский бизнес, как известно, самый прибыльный в мире, и КПСС, владея огромным количеством первоклассных гостиниц, отелей, домов отдыха, кемпингов и санаториев в лучших курортных зонах страны, лихорадочно передавала их липовым акционерным обществам по балансовой стоимости, которая была примерно в 10 раз ниже реальной. Начался этот процесс с флагмана

партийиой гостиничной индустрии — величествеиного отеля ЦК КПСС «Октябрьская». Для этой целн 17 апреля 1991 года Управлеиием делами ЦК КПСС и америкаиской фирмой «Кеигуру» (фактически фнктивной оргаиизацией, созданиой компартней США) учреждеио совместиое предприятие «Арбат». От имеии ЦК КПСС учредителем стал гостиничный комплекс «Октябрьский», не имевший статуса юридического лица. Ответствениым за проведеиие операции был заместитель Кручииы — В. Лещниский. При этом стоимость гостиничного комплекса была оцеиеиа по балаисовой стоимости в 3 миллиоиа 450 тысяч 419 рублей и по этой цене передаиа совместиому предприятию «Арбат», хотя реальиая стоимость комплекса (полезная площадь 5700 кв. м) определяется в 25 мнллионов долларов.

Уровием инже иеукротимый управделами Лениниградского обкома КПСС (ои же бельгийский бизнесмен) Аркадий Крутихии, получив директивиые документы Кручины, немедлеиио добнлся регистрации в Леиииграде частиой компаиии с ограиичеиной ответствеииостью «Рейсмередж Лимитед». В иее вошли фирмы «Росбри Интериэшил» и «Атчерли Интернэшнл». Спустя всего десять дией третьим акциоиером нового общества стало Управленне делами ОК КПСС, предложив в качестве паевого взиоса одиу из своих гостиииц — фешеиебельиый «Меркурий» иа Таврнческой улице. Через трн месяца — в июне 1991 года — Леиинградский обком решил вложить в «Рейсмередж Лнмитед» свою вторую гостиннцу «Смольнинская», а также обкомовский гараж и резиденцию на Камеином острове. Общая балаисовая стоимость здаиий, сооружений, оборудоваиня и иивентаря составнла 13,5 миллноиа рублей. Реальиая стоимость была в 10 раз выше и в долларах.

Уровием выше дела шли еще круче. Междуиародиый отдел ЦК КПСС дал указаиие премьер-мниистру Павлову и мииистру иностраиных дел Бессмертиых в предстоящих переговорах с мииистром иностраниых дел Анголы ВаиДунемом предприиять некоторые шаги, чтобы упрочить свое влняние в этом регноне. Суть секретной ннструкцни своднлась к следующему: с тех пор, как в Аиголе и в соседием Мозамбнке к властн пришли коммунисты, обе страиы вели непрерывиые войны с соседями и внутреиней оппозицией, задолжав СССР за поставки оружия соответствеиио 9 и 3,7 миллнарда долларов, ие имея при этом никакой возможиости когда-нибудь расплатиться. Но и в той, н в другой страие еще в колоииальные времена португальцы построили шнкариые отели с видом иа Атлаитический и Иидийский

океаны. Представители правительства получилн указания потребовать указанные отели в счет погашення долга и перевести нх в собственность партии...
Международный отдел ЦК КПСС и Управление деламн ЦК КПСС были самыми могущественнымн преступными организациямн в историн. Онн заннмались всем: от многомиллиардных сделок до тривиальных убийств. Они подделывали банкноты, паспорта, печатн, чековые кннжки, сертификаты, дирижировали террористическими и преступными организацнями за рубежом, разжнгалн войны и этннческне конфлнкты, имея связи со всемн мафиозными организациями мира. Историкам, если они когда-нибудь будут допущены к секретным архнвам этих коммунистическнх структур, понадобится не менее 500 лет, чтобы поведать нзумленному мнру о творившихся на Старой площади делах.
Для осуществления своих дерзновенных планов, МО и УД ЦК КПСС опиралнсь не только на КГБ н ГРУ. былн вещн, которые и тем знать не полагалось. В распоряженнн Управлення делами имелась специальная оперативная группа, не имеющая спецнального названия и пока условно именуемая «спецподразделение «Зет»». Эта группа имела во много раз больше прав и полномочий, чем КГБ. Создал ее в свое время еще Ленин для борьбы с ЧК и аппаратом. Сталин укрепил ее, сделав именно это подразделение инструментом своей личной власти. Именно эта спецгруппа имела право врываться в кабинет любого номенклатурщика и, зажав ему нос пассатижами, требовать чистосердечного рассказа о своих преступлениях. Даже министры безопасности ннкогда не были уверены, что нх в любой момент не выволокут в наручниках во двор и не расстреляют. И, как показала история, были совершенно правы. Сейчас «спецподразделение «Зет»» занималось сравнительно мнрным делом: вывозило из страны золотой запас, что болтунам из КГБ было совершенно невозможно доверить...

Но и КГБ не сидел без дела, несмотря на крайне негативное отношение Крючкова ко всему пронсходящему. Крючков хорошо помнил, как его покойный шеф н благодетель Юрий Андропов, пребывая в муках творчества пытался прндумать новый убийственный ярлык, чтобы заменить несколько устаревшее и скомпрометированное понятне «враг народа». Да так, чтобы н его можно было налепнть на кого угодно от уборщицы до маршала. И прндумал: «агент западного влияния». Немного получнлось дллинновато, поэтому, подумав, решнли слово «западного» выкннуть н оставить просто «агент влияния» или АВ. Эту аббревиатуру

положено было проставлять на учетных карточках и уголовных делах. Получилось гениально. Агент влияния. Жены агентов влияния (ЖАВ), члены семьи агентов влияния (ЧСАВ), дети агентов влияния (ДАВ), способствующие агентам влияния (САВ). (Помните, как у Ленина: способствующие и способные способствовать — и тех, и других расстреливать). Сверяйте жизнь по Ленину и не ошибетесь.

Такими мерами покойный Андропов собирался сражаться с наступающим долларом, но не успел. Крючков же, видя, как вся страна превратилась в гигантского «агента влияния», несколько запоздало пытался внедрить новаторский термин в сознание людей, но не нашел поддержки даже среди своих подчиненных. На самой Лубянке развелось «агентов влияния» больше, чем их было на Нью-йоркской бирже. Не говоря уже о том, что все высшее и среднее руководство КГБ давно уже смотрело на советские рубли с омерзением, получая зарплату в валюте, целые отделы автономно даже не входили, а врывались в рынок, круша конкурентов и не очень заботясь о том, чтобы придать своим действиям хотя бы видимость законности. Любой человек или группа лиц, которые пытались организовать кооператив, малое или, упаси Бог, совместное предприятие, не имеющее партийной крыши, немедленно подвергались преследованию, закрывались, владельцы арестовывались, разорялись, имущество конфисковывалось, экспроприировалось, иные владельцы рэкетировались, просто грабились с тем же немеркнущим революционным задором, что и в 1918 году. Даже попытка премьер-министра России Фильшина совершить законный «трансферт», обменяв 140 миллиардов российских рублей на товары для населения, была сорвана КГБ с шумным скандалом. Для заключения сделки российскому правительству был подсунут англичанин Колин Гиббинс, хорошо известный у себя на родине как советский шпион. В свое время его четыре раза арестовывали за попытку передачи СССР новейшей военной технологии. И хотя это было ясно с самого начала провокации, погасить скандал не удалось. Фильшин — заместитель премьер-министра России вынужден был подать в отставку. Сделка сорвана. А когда примерно то же самое попытался сделать частный предприниматель Артем Атальянц, его без всяких разговоров упрятали в тюрьму. (С 1986 по 1991 год в тюрьму были брошены 172 тысячи предпринимателей, представляющих угрозу для КПСС как конкуренты. Большинство из них находится в заключении до сих пор).

В КГБ уже было создано целое новое управление по

«защите экономики», в рамках которого имелся отдел «Новых экономических структур», возглавляемый генералом Александром Стерлиговым. Работая по старым методикам ГПУ времен сворачивания НЭПа, отдел буквально выбивал душу из каждого предпринимателя, пытавшегося вне партийных структур наладить хоть какое-то дело. Особенно громкие скандалы разгорелись вокруг первого советского легального миллионера Артема Тарасова, заявившего о себе весьма эффектно. Будучи коммунистом, Тарасов как-то заплатил партвзносы в размере 90 тысяч рублей, что означало личный доход в миллион рублей. КГБ охотился на Тарасова как на бешеного волка, невзирая на то, что он имел депутатскую неприкосновенность, как народный депутат СССР. КГБ вламывался в его офисы, проводя гласные и негласные обыски, арестовывал счета, конфисковывал товары, аннулировал сделки. В итоге против Артема Тарасова возбудили уголовное дело за «оскорбление чести и достоинства президента СССР», поскольку он в каком-то интервью обвинил Горбачева в попытке продать японцам часть Курильской гряды за 200 миллиардов долларов. Было ли это клеветой на Горбачева или разглашением государственной тайны, так и осталось неизвестным, но в травлю Артема Тарасова включилась и прокуратура СССР в лице самого генерального прокурора Трубина, потребовавшего лишить Тарасова депутатской неприкосновенности и посадить в тюрьму. В это же время промелькнуло сообщение, что Артем Тарасов передал три миллиона рублей бирже «Алиса», которую возглавлял двадцатитрехлетний Герман Стерлигов — племянник генерала Стерлигова. В недавнем прошлом студент МГУ, Герман Стерлигов находился под следствием за поджог какого-то кооперативного ларька, не пожелавшего платить ему дань. В самый разгар следствия дело было неожиданно прекращено, а незадачливый рэкетир оказался во главе фактически первой советской биржи, которая бурно развиваясь, видимо «на добровольные пожертвования», превратилась в систему бирж и первой перешагнула через границы страны в Европу. После этого Артем Тарасов исчез. Одни говорили, что он в тюрьме, другие — что умирает в больнице после покушения, третьи уверяли, что Артем сбежал за границу. Никто ничего толком не знал, даже прокуратура и милиция, объявившие розыск пропавшего миллионера. Неожиданно на имя президента Ельцина пришло из Франции письмо от Артема Тарасова. Он возвращал президенту России свое депутатское удостоверение, а в письме проклинал Горбачева, который сломал жизнь ему,

а также миллионам других советских людей. Тут же пошел слух, что Тарасов убит, письмо — поддельное, а депутатское удостоверение похищено. Постепенно о приключениях первого советского миллионера стали забывать из-за потрясавших страну более драматических событий. Но внезапно Артем Тарасов объявился в Лондоне в качестве зарубежного представителя биржи... «Алиса». К этому времени система бирж «Алиса» уже ворочала миллиардами. Как не вспомнить снова вопрос Бабеля: «Где кончается Беня и начинается полиция. Или где кончается полиция и начинается Беня?» В данном случае уже не понятно, кто здесь «Беня», а кто — «полиция» [1].

С другой стороны, КГБ сделало попытку, которую нельзя назвать ничем иным, как желанием сорвать партийный трансферт миллиардов советских рублей за доллары. Английский еженедельник «Обсервер» неожиданно поместил статью некоей Дианы Миллер, где она заявляла, что десять крупных американских компаний приобрели колоссальные суммы в рублях и намереваются обрушить их на советскую экономику. Хотя это была чистая правда, в нее никто не поверил, поскольку быстро выяснилось, что Диана Миллер в недавнем прошлом работала редактором в АПН, известном в качестве филиала КГБ, а в настоящее время являлась генеральным директором совместного предприятия «Дайнемик Трансфер», основанного Аркадием Крутихиным — управляющим де-

---

[1] «Полиция» — в данном случае генерал КГБ Александр Николаевич Стерлигов — личность даже для нашего времени прелюбопытнейшая. Во время «путча» он был одним из активнейших защитников Белого Дома и даже лично арестовал своего шефа Крючкова. Затем Стерлигов в многочисленных интервью всячески обвинял Крючкова, особенно напирая на то, что бывший шеф КГБ собрался начать охоту за «агентами влияния», в число которых мог попасть любой хотя бы за ношение финской футболки или германских кроссовок. В дальнейшем Стерлигов стал руководить аппаратом вице-президента Руцкого, подвергаясь нападкам и справа, и слева. Левые не могли простить Стерлигову его «чекистского» прошлого, а правые — неуемную страсть к приватизации. За короткий период генерал Стерлигов, по их уверениям, умудрился приватизировать две государственные дачи и две квартиры (каждая по 80 кв. м). В итоге генерал Стерлигов плюнул на всех и основал собственную «Русскую партию», чья идейная платформа, кроме борьбы с сионизмом до полной победы, содержала еще обещание выдать каждой русской семье после прихода к власти 1 миллион рублей (видимо, из фондов «Алисы»). Всем желающим выдавались (и выдаются до сих пор) соответствующие сертификаты. Давая интервью Невзорову, генерал Стерлигов подтвердил подозрения своего сидящего за решеткой шефа о том, что во всем виноваты «агенты влияния». Говоря морским языком, генерал КГБ Стерлигов, совершив «координант» влево, снова вышел на прежний курс, что и отрадно. Лучше быть богатым и честным, чем бедным, но жуликом.

лами Ленинградского обкома КПСС. Такова извечная трагедия советской разведки. В самые критические моменты истории ей никто никогда не верит... Пока одно управление КГБ организовало статью Дианы Миллер в «Обсервере», а другое управление ее разоблачало как агента КГБ, в пригороде швейцарского города Люцерна появился сам министр финансов СССР Владимир Орлов. Он прилетел, чтобы лично проконтролировать четвертый этап «трансферта» в 140 миллиардов рублей и убедиться, что оговоренная сумма в долларах переведена на соответствующие банковские счета.

Между тем, Михаил Горбачев вернулся из Лондона, где участвуя в совещании стран «семерки», долго и приватно беседовал со своим другом Робертом Максвеллом. С высоты командного мостика Михаил Горбачев увидел, что час настал. И дал команду: «Покинуть корабль!» Корабли под всеми флагами мира шли рядом, принимая на борт людей и грузы, предлагая буксирные концы. Скалы приближались. Горбачев оставался на мостике, внимательно следя за обстановкой. Шел август 1991 года. КПСС уже практически исчезла из жизни страны. Время от времени на экранах телевизоров появлялось то умное лицо товарища Дзасохова, призывающего во имя спасения национальной (!) культуры не сносить памятники Ленину, то искаженное злобой лицо ленинградского обкомовского идеолога Белова, предупреждающего о неизбежной гражданской войне в случае каких-либо посягательств на партийную собственность.

В управлении делами ЦК КПСС лихорадочно распределяли последние деньги: 10 миллионов рублей Академии общественных наук, по миллиону с лишним нескольким музеям Ленина. В политбюро шли еще какие-то обсуждения о назначениях, перемещениях, обмене послами, ратификации договоров, о кандидатах в министры и инструкторы ЦК. Они настолько заработались, что не слышали команды своего капитана: «Оставить корабль!» Огромный корабль все быстрее и быстрее несло на острые скалы. С огромным трудом американским и европейским спасателям удалось перебросить буксирный конец, чтобы хотя бы несколько замедлить скорость гибнущего гиганта и смягчить удар о скалы. В этот момент группа безумцев, выскочившая из трюма, где она собиралась отсидеться, обрубила спасательный конец и вырвала штурвал из рук Горбачева. Они считали, что корабль еще можно спасти. Подняв на мачтах красные флаги с серпом и молотом, они дали «самый полный вперед». На полной скорости корабль размером в шестую часть света врезался в скалы. Огромный корпус заскреже-

тал, разваливаясь на части. Горбачев, еще безучастно стоящий на мостике, был сбит с ног, но быстро поднявшись, бросился за борт и был спасен. Многие обвиняли его, что он, будучи капитаном, первым покинул гибнущий корабль. Это вовсе не так. Как и подобает настоящему капитану, он ушел последним, убедившись, что все его люди и грузы уже находятся в безопасном месте. Это событие получило название «августовского путча».

Через четыре дня после памятных событий 19 августа, деятельность КПСС и РКП была официально запрещена, партийное имущество национализировано, банковские счета — арестованы. 14 человек посажены в тюрьму. Это произошло вовремя. Вся номенклатура почти без остатка успела перетечь в новые структуры власти, еще раз подтвердив свою непотопляемость и вечность.

Николай Кручина вывалился с балкона своей квартиры на пятом этаже номенклатурного дома в Плотниковском переулке.

Вслед за ним то же самое произошло и с его предшественником Георгием Павловым.

Затем с 12-го этажа своей квартиры выбросился ответственный работник международного отдела ЦК Дмитрий Лисоволик.

В каждом деле, а особенно в конце дела, необходим четкий порядок, утвержденный еще на III съезде РСДРП.

На другом конце мира за борт своей шикарной яхты выпал мертвый (или еще живой) Роберт Максвелл. Даже для него игра оказалась слишком крутой. Тело миллиардера нашли в море через три дня и торжественно, в присутствии членов правительства и военного караула, похоронили в Иерусалиме. Меньше знаешь — дольше живешь.

Стряхнув с себя старую коммунистическую шкуру, номенклатура почувствовала прилив новых творческих сил, не затуманенных марксистско-ленинскими заклинаниями.

Государственный банк немедленно объявил новый курс рубля относительно доллара, доведя его до 100 рублей за один доллар.

Накопленные номенклатурой доллары, стирая в порошок национальную валюту, обрушились на погибающую страну. Со всех концов мира к ним присоединялись валютные подкрепления. За бесценок скупались остатки национального достояния погибшей страны. Шла и до сих пор продолжается лихая номенклатурная приватизация, в ходе которой жители «зазеркалья» приватизировали все, чем незаконно владели в течение 73-х лет.

Теперь никакими средствами, кроме, конечно, ленинских, у них этого богатства не отобрать. Неприкосновенность частной собственности — основа рыночной экономики. Так и было задумано. Умело используя свой накопленный почти за век опыт, номенклатура снова блокировала продовольственные склады, направляя товары на валютные биржи, которыми владела единолично. Более 800 бирж (в США их всего семь) в мистическом хороводе продают и перепродают друг другу товары, взвинчивая цены и добивая национальную экономику. Почти половина внутренней торговли перешла на доллары. Доллар, заменив собой мечту коммунистическую, стал мечтой столь же недоступной для многомиллионного нищего населения оккупированной им страны. Огромная ядерная сверхдержава — Союз Советских Социалистических Республик — с треском развалился под натиском доллара и перестал существовать. Самая огромная армия в мире, тысячи стратегических ядерных ракет, десятки тысяч суперсовременных танков и боевых самолетов, гигантские авианосцы и чудовищные подводные ракетоносцы оказались не в состоянии предотвратить катастрофу и бесполезно ржавеют на просторах погибшей страны. Не сделав ни одного выстрела и не потеряв ни одного солдата, Соединенные Штаты, продемонстрировав принципиально новые методы сокрушения, блестяще выиграли третью мировую войну, разгромили, расчленили и стерли с географической карты мира своего главного противника, оставив его лежать ничком в грязи и хаосе и взывать к недавнему смертельному врагу о помощи и милосердии. **Как и было задумано.**

* * *

Соединенные Штаты играли свою игру, номенклатура — свою. Победили и те, и другие. В очередной раз проиграла Россия.

Летом 1991 года в подполье ушла гигантская, хорошо отлаженная, намертво коррумпированная с нынешней властью, «невидимая» партийная страна Номенклатурия и ее экономика. Вчерашний политический и идеологический диктат сменился диктатом экономическим, и против народа был немедленно развязан экономический террор в лучшем духе старых времен. Партия еще соглашалась кое-как кормить своих рабов, но людей, возомнивших себя свободными, она кормить была не намерена. А Номенклатурия по-прежнему будет кормить сама себя и подкармливаться с запада. А народ, отученный думать и работать, пусть вымирает. Он уже ни в каком качестве никому не нужен.

Коммуиисты пришли в иашу страиу в 1917 году как захватчики, более семидесяти лет вели себя как оккупаиты, а, сообразив, что их время ушло, разбежались, как ярмарочиые воры, в очередиой раз ограбив до иитки иарод и уиичтожив государство. Даже географически Россия оказалась отброшеииой к времеиам достопамятиого царя Иоаииа IV Васильевича. То есть, в XVI век. А иа дворе уже XXI.

Мы прошлись только по поверхиости, ие копая слишком глубоко. Но даже и то, что лежит иа поверхиости, иикто ие собирается отбирать у бывшей КПСС.

На послепутчевой эйфории, когда обиаружилось, что в государствеииой казие осталось всего 240 тоии золота, какие-то лихие ребята из парламеитской комиссии России бросились иа Запад в поисках золота партии. Встретили их там холодио. У вас есть решеиие суда о том, что КПСС является преступиой оргаиизацией, и ее золото добыто преступиым путем? Нет? Тогда до свидаиия. Справок иикаких ие даем. Привыкайте к демократии, ребята. Это вам ие 1918 год! Пока оии рыскали по Европе, туда же из СССР «улетело» еще 6 тоии золота. Вот так! На прощаиие посмотрим, что случилось с иекоторыми героями иашей детективиой истории.

Николай Кручииа погиб. (С августа по октябрь 1991 года иа территории СССР произошло 1746 таииствеииых самоубийств иомеиклатуриых чииов. Почти точио по числу, создаииых КПСС, совместиых предприятий. Но обо всех рассказывать иет иикакой возможиости).

Помощиик же Кручииы — В. Лещииский — стал члеиом совета акциоиериого общества «Арбат», приватизировавшего гостииицу «Октябрьская».

Герой иебывалого в истории «траисферта», бывший мииистр фииаисов, В. Орлов — сделался члеиом правлеиия Всероссийского биржевого баика, выпускающего депозитиые сертификаты иа предъявителя, что позволяет перевозить валюту в любую страиу мира без предъявлеиия докумеитов, удостоверяющих личиость, и декларации об источиике доходов, создавая возможиость иекоитролируемого ввоза и вывоза золота из страиы. Не об этом ли всегда мечтала иомеиклатура со времеи Иосифа Виссариоиовича? И иет такой мечты, которую большевики ие смогли бы сделать былью!

Управляющий делами Лeииитрадского обкома КПСС Аркадий Крутихии, в отличие от своего московского шефа, жив и здоров. Правда, его в очередиой раз выгиали из правлеиия его же собствеииого баика «Россия». Баик пережил шок

опечатывания и в состоянии шока забыл, что принимал Крутнхнна председателем совета правления не как управляющего делами обкома, а как вице-президента фирмы «Дайнемик Трансфер». Но шок прошел, и справедливость восторжествовала. Но если банк «Россия» впадал в шоковое состоянне, то сам Крутихин сохранял полное хладнокровие. Прямо в день путча, когда его начальник Гндаспов, срочно собрав на пленум членов бюро обкома, повелел поднять на поддержку ГКЧП многотысячную армию коммунистов, Крутихин передал оздоровительный комплекс «Чайка» и базы отдыха в Солнечном на баланс созданного им сельскохозяйственного товарищества «Вартемяки» (с ограниченной ответственностью). Балансовая стоимость — 22 миллиона рублей. В настоящее время он заннмается их приватизацией.

То же самое делает и Юрий Прокофьев в Москве.

Следователи, затанв дыханне, вскрыли сейф Валентина Фалина в международном отделе ЦК КПСС, но ничего, кроме наполовину выпитой бутылки коньяка, там не нашли.

Товарнщ Дзасохов сказал, что у него своего сейфа вообще не было н подался консультантом в какой-то мощный транснациональный картель.

Горбачев основал «Фонд Горбачева», где пригрел своего друга академика Яковлева. Говорят, тот пишет новую книгу. Последняя его книга, изданная в 1986 году, называлась «Закат капитализма». Сам Горбачев с частными визитами ездит по миру, собирая пожертвования для фонда и почетные титулы. Не завидуйте — он все заслужил. Уннчтожить коммунистическую систему и при этом не только уцелеть, но и остаться на свободе, поверьте, было совсем не простым делом.

А золото партин осталось в надежных руках.

И не нщите его, потому что, если вы его н найдете, вам это ничего не даст. Почему? Да потому что мировая революцня, о которой мечталн Ильич и Парвус, уже совершилась. Доллар оккупировал весь мир. Против него бессильны все средства борьбы с оккупантами, которые мы знаем. Его не раздавнть танками н не затерроризировать партизанскимн отрядамн. Его можно победить только более снльной валютой, которая сотрет доллар в пыль, как он стер наш рубль. Но как создать такую валюту, еслн все свое золото партня фактически переправнла в Соединенные Штаты? Надо работать, но работать никто не умеет н не хочет, а кто хочет, тому не дают. А кому дают, того разоряют. И делают это сознательно.

Над страной под видом гуманнтарной помощи учреж-

дена международная опека, и она фактически потеряла свою независимость.

Кто и где определяет сейчас ее будущее?

Большевики исчезли так же неожиданно, как и появились, растворившись в тех мировых структурах, которые когда-то выплеснули их на Россию.

Нынешнее правительство России — то ли арьергард ушедшей в подполье номенклатуры, то ли авангард новой номенклатуры, выходящей из подполья. Не понять. Одно отрадно — никто больше не строит коммунизм.

И на том спасибо.

Санкт-Петербург. Январь-март 1992 г.

И. БУНИЧ

КЕЙС ПРЕЗИДЕНТА

В весенний день 1991 года у здания ЦК КПСС остановился блестящий черный лимузин. Выскочивший адъютант открыл заднюю дверцу машины. Стоявшая у дверей охрана вытянулась по стойке «смирно». Офицеры взяли под козырек. Резкие звонки призвали к вниманию охрану внутри здания. Массивные двери бесшумно открылись, пропуская в здание, где определялась вся внешняя и внутренняя политика огромной страны, одного из самых высших должностных лиц СССР — Председателя Комитета Государственной Безопасности генерала армии Крючкова. Толстые ковровые дорожки заглушали шаги в широком коридоре, ведущем в комплекс помещений, занимаемых Генеральным Секретарем ЦК КПСС Михаилом Горбачевым. Последнее время, став президентом СССР, Горбачев редко посещал свой кабинет на Старой площади, но Крючков настоял, чтобы встреча произошла именно здесь. Перед президентом страны он испытывал нечто напоминающее комплекс неполноценности. Президент! Что за президент СССР? Такого еще не было. А Генеральный секретарь — это понятнее и ближе, роднее даже. Брежнев, Андропов, Черненко, царство им небесное, были настоящими генсеками, а не лезли в какие-то там непонятные президенты, как на Западе. С генсеком и говорить проще, и понимания больше, особенно если учесть, что сам Крючков член Политбюро ЦК, и приехал доложить Горбачеву сообщение чрезвычайной важности: ближайший сотрудник генсека-президента, такой же член Политбюро как и Крючков — Александр Яковлев — оказался старым и матерым американским шпионом. Новость ошеломила Горбачева. «Колумбийский университет!» — почти воскликнул генсек-президент, сразу догадавшийся, где могло произойти грехопадение Яковлева. Ведь тот учился в Колумбийском Университете Соединенных Штатов Америки. Крючков скорбно кивнул. Да, именно там завербовали одного из главных идеологов КПСС и прорабов перестройки. Горбачев сел на свое место за огромным столом из красного дерева, привезенным в свое время с дачи Орджоникидзе. Ходили слухи, что за этим столом сиживал сам Николай I. Взгляд президента стал строгим: «Доказательства есть?» Лицо Крючкова вытянулось: «Да... То есть какие нужны доказательства, Михаил Сергеевич, когда и так все ясно...» «Что ясно?» «Что шпион». «Вам ясно. Мне нет. Представьте документы. Вынесем на закрытое заседание Политбюро». «Колумбийский университет»,— напомнил Крючков. «Да, Университет,— согласился Горбачев,— вот мы с вами, Владимир Александрович, Колумбийских Университетов не кончали...»

Что-то резануло Крючкова по сердцу. Внимательно взглянул на генсека, но не нашел ответного взгляда. Куда-то вверх смотрел Горбачев, откуда хитро прищуривался Ильич с портрета. А уж его-то где только ни могли завербовать: и в Германии, и в Австрии, и во Франции. «Доказательства есть?» — снова спросил Горбачев, с каким-то непонятным интересом рассматривая шефа КГБ: шутит он или серьезно? Наверное, переутомился, но снимать его с должности нельзя. Именно на реакции Крючкова основан весь план, который уже нельзя изменить. Садясь в машину, шеф КГБ не мог отделаться от мысли, что думает о том, сколько времени провел за границей президент-генсек... В июле 1991 года только что выбранный президент Российской Федерации Борис Ельцин и его верный соратник Руслан Хасбулатов уединились в помещении, которое, как они надеялись, не прослушивалось КГБ. «Они уходят и уничтожают Союз,— сказал Ельцин, протягивая Хасбулатову ксерокопию секретного-секретного совещания на Старой площади. «Да,— согласился тот,— Указ о департизации уже не успеет сработать». «Может быть, еще успеет,— не согласился Ельцин,— если удастся нейтрализовать Крючкова и его команду. Ельцин всегда был идеалистом. Разве можно нейтрализовать монстра, который подчинялся собственным инстинктам, а вовсе не Крючкову. Взгляд Хасбулатова засветился каким-то странным огнем. Так неожиданно светятся заснеженные вершины гор его родины, которая столько лет жила надеждами на свободу. «Мы уже ничего не успеем сделать,— покачал головой Хасбулатов,— нам не сорвать их выступление. Да и нужно ли это?» Президент России взглянул на часы. Приближалось время играть в теннис, а Ельцин еще со времен свердловского обкомства любил жить по строгому распорядку. В августе 1991 года молодой, широкоплечий, подтянутый десантный генерал с Золотой Звездой Героя Советского Союза стоял перед председателем КГБ СССР Крючковым. Генерал нравился Крючкову, с такими парнями не страшно начинать любое дело. «Задачу поняли? Всю эту сволочь арестовать и отвезти на одну из наших баз. А там посмотрим». «Так точно,— ответил генерал,— задача понятна, не в первой нам. Все будет в лучшем виде...» В сейфе у генерала уже лежал приказ: по получении сигнала немедленно изолировать Крючкова. Подпись под приказом не оставляла сомнений в том, что он будет выполнен. Коммунистическая империя агонизировала. Военно-конспиративная по сути, кровожадная по духу, вскормленная на идеологии мирового господства океанами народной крови — она уми-

рала долго и мучительно. Предсмертные судороги и конвульсии издыхающего монстра, продолжающего держать в своих звериных лапах несметный ядерный потенциал, будоражили и тревожили мир. И тем не менее, оставалась надежда, что былой авторитет и ответственность ядерной сверхдержавы даже на смертном одре предотвратят вспышку предсмертного безумия. Мир надеялся, но напрасно. Великая ядерная сверхдержава и экономически, и нравственно стремительно деградировала до уровня «банановой республики»...

Перестройка, задуманная в середине восьмидесятых годов в недрах политбюро и ЦК КПСС, ставила две основных задачи: как заставить рабов лучше работать, ибо были уже безрезультатно перепробованы все возможные методы принуждения вплоть до расстрела, и как получить остро необходимую помощь с Запада, ибо к этому времени фактически ни одна страна свободного мира не желала иметь никаких дел с «империей зла». За семьдесят лет своего существования внутренняя жизнь в СССР приняла все черты классического платоновского социализма. Общество четко разделено: немногочисленная, купающаяся в роскоши партийно-государственная элита, давно уже построившая для себя ежедневно обещаемый народу «коммунизм»; карательная и идеологическая стража, способная на любые преступления против собственного народа во имя права быть допущенной поближе к элитарной кормушке, на которую номенклатурная стража взирала с горящими от жадности глазами; многомиллионный, раздавленный, оболваненный, люмпенизированный народ, чье материальное и духовное обнищание стремительно двигалось к тому же самому беспределу, что и роскошь элиты. Зажатый между колючей проволокой лагерей, где томился цвет нации, и колючей проволокой границ, беспощадно обираемый, сознательно спаиваемый народ, лишенный свободы любого творческого порыва, впал в социальную летаргию и фактически не имел уже никаких желаний кроме инстинктивного желания выжить. Огромная армия, которую режим считал одной из своих главных опор, чьи трубы и барабаны по поводу побед полувековой давности заглушали любое живое слово в стране, преступно втянутая в афганскую авантюру, терпела унизительные поражения, демонстрируя свою полную беспомощность во всем диапазоне современного военного дела. Стагнировала промышленность и ее «святая святых» — военно-промышленный комплекс, безнадежно отставая от мировых стандартов и пожирая сам себя. Резкое понижение мировых цен на нефть — единственный продукт, за который еще можно было получать иностранную валю-

ту — и сокращение объема ее добычи из-за в прах устаревшего оборудования болезненно уменьшили приток твердой валюты в страну, угрожая уже благосостоянию самой элиты, привыкшей купаться в долларах наподобие саудовских принцев. Совершенно секретные сводки ложились на стол перед маразматическими старцами из Политбюро, взывая к действию. Самая высокая в мире детская смертность, самая низкая продолжительность жизни, катастрофически падающая производительность труда. Коррупция, пронизавшая все общество по вертикали и горизонтали. Глобальное воровство всего: от с трудом полученных иностранных займов до тарелок в рабочих столовых. Одни воруют, чтобы выжить, другие уже просто не могут не воровать, закапывая в землю трехлитровые банки, наполненные золотыми монетами и бриллиантами. Вооруженные отряды партии — КГБ и армия — требуют десятикратного увеличения своей численности и ассигнований, грозя выйти из-под контроля. Партийно-чекистскую и военную верхушку раздирают интриги, разлагает коррупция и вседозволенность, делая ее совершенно недееспособной. Один за другим мрут престарелые генсеки. Эта эпоха получила весьма мягкое название «период застоя», хотя ее скорее можно назвать «эпохой самопожирания». Ноги страны подломились под тяжестью ее окаменевшего, заполненного трупным ядом организма, и стало отчетливо видно, что уже невозможно двинуться ни вперед, ни назад, ни вправо, ни влево. Эпоха закончилась с появлением на сцене нового, небывало молодого, умного, хитрого и энергичного Генерального секретаря КПСС Михаила Сергеевича Горбачева.

Начиналась новая эпоха — эпоха Перестройки. Элита, сумевшая понять, что дряхлые и впавшие в прострацию кремлевские старцы своим нежеланием и неумением что-либо предпринимать для оживления режима ставят под угрозу сами условия существования элиты — те самые роскошные условия, которые партия большевиков построила для себя на народных костях и которые менять отнюдь не собиралась, выдвинула нового генсека в затаенной, но твердой надежде, что тот оживит систему, не меняя ее. Горбачев — плоть от плоти партийно-чекистской номенклатуры, выдвиженец знаменитого партгромилы Андропова, сунувшего его в политбюро на освободившееся место убитого заговорщика Кулакова, казалось, отвечал всем требованиям разлагающейся элиты и не мог не оправдать ее доверия. С бесстыдством и безответственностью, свойственным всем коммунистическим лидерам, начиная с Ленина, Горбачев начал новую эпоху

с новых непродуманных авантюр. «Жилище-2000», антиалкогольная компания, грозившая перерасти в новый виток массового террора, всевозможные интенсификации и ускорения окончательно добили больную страну. Но новый генсек полон сил, его энергия подобна энергии вулкана. Стоит лишь обновить партийную и государственную номенклатуру и все проблемы решатся сами по себе. Один за другим выгоняются в отставку первые секретари республиканских компартий, крайкомов, обкомов, горкомов. Идет чистка до уровня секретарей первичек. Отупевшие от роскоши и безделья, они почти не сопротивляются, тем более, что Горбачев заручился поддержкой почти всех членов возглавляемого им всемогущего политбюро. Но на смену выгнанным мерзавцам и казнокрадам приходят новые, со всеми врожденными инстинктами своих предшественников, но более молодые и энергичные. Дорвавшись наконец до настоящей кормушки и не зная отпущенного им срока, они позволяют себе такое, на что не решились даже их разжиревшие предшественники в эпоху «застоя». Генсек не сдается, он гонит и их, но на смену приходят еще худшие негодяи. Партийные инкубаторы уже создали стойкий генетический тип руководителя. Казалось, что уже ничего сделать нельзя, но в молодом генсеке неожиданно просыпается настоящий политик. Вслед за ПЕРЕСТРОЙКОЙ объявляется ГЛАСНОСТЬ. Сообщники по политбюро категорически против, но Горбачев доходчиво им объясняет, что иначе совершенно невозможно получить западные кредиты, без которых, как хорошо известно товарищам, не обойтись. Из лагерей освобождаются со скрипом и неохотой политические заключенные. Гласность выплескивает на страницы книг, журналов и газет, на экраны телевизоров всю страшную правду о семидесятилетнем владычестве банды преступников, именующей себя коммунистами, над раздавленной и изнасилованной страной. КПСС — в панике. Сначала отдают на растерзание Сталина, которого обгладывают до костей и съедают сами кости. В ужасе КПСС пытается укрыться за черной дымовой завесой антисемитизма, отдавая толпе на растерзание не только давно уже съеденного Троцкого, но и Свердлова, чье имя еще носили города, заводы и боевые корабли. Но вместе со «зловещими евреями» из ленинского окружения мгновенно разорвали на куски и самого вождя мирового пролетариата. Далее отступать было некуда. Перепуганная партия, отказавшись от 6-й статьи Конституции, спряталась «в окопы», пытаясь сформулировать какую-то новую идеологию «во спасение» и выдвинув в сторожевое охранение уже совершенно карикатур-

ных деятелей вроде Нины Андреевой и Ивана Полозкова. Армия, униженная Афганистаном и оплеванная при возвращении на Родину, открыто брюзжала, чугунно сопротивляясь каким-либо переменам и гласности. Сенсационный полет немецкого пилота Руста, пролетевшего через все зоны ПВО и посадившего свой самолет прямо на Красной площади в Москве, позволил Горбачеву сменить всю военную верхушку во главе с маршалом Соколовым. Новым министром обороны был назначен генерал Язов, никому ранее неизвестный командующий Дальневосточным округом и чем-то приглянувшийся Горбачеву во время поездки во Владивосток. Вместе с новым назначением Верховный Совет подписал Указ о ликвидации звания маршала Советского Союза в мирное время, дававший понять общественности мира, что былое значение армии в новом перестроечном обществе значительно понижено. Именно поэтому во главе ее и поставлен генерал, не принимавший ранее участия в военно-аппаратных играх и интригах, и «незамазанный афганской авантюрой». Однако и ссориться со старой армейской верхушкой Горбачев не захотел. Оставшийся не у дел бывший начальник Генштаба маршал Ахромеев был назначен на специально созданный пост военного советника при Горбачеве, а рьяный исполнитель откровенных военных авантюр генерал-лейтенант Громов, командующий войсками в Афганистане, вместо отдачи под суд был произведен в генерал-полковники и назначен командовать Киевским военным округом. Но если партия, идеологически уйдя «в окопы», сохранила незыблемой всю свою структуру от ЦК до райкомов, если потрясенная и взбудораженная армия вынуждена была пожертвовать своей верхушкой, но сохранила свои мощные политорганы и прямое подчинение партии, то КГБ — самая зловещая из опор режима — не подвергся даже косметическим преобразованиям. Глава этого заведения генерал армии Чебриков по доброй сталинско-брежневской традиции был членом всемогущего Политбюро, постоянно напоминающего своему генсеку, что с ним будет, если он не оправдает оказанного ему доверия. Пытаясь вырваться из железных объятий своих сообщников, Горбачев, смело маневрируя, придумывает «институт президентства» и становится первым Президентом СССР. Должность выборная и уже никакой чрезвычайный пленум не может его с этой должности снять, если он не оправдает доверия Политбюро. Генерал Чебриков (правая рука покойного Андропова) идет с «повышением» в группу генеральных инспекторов, оставляя пост Председателя КГБ своему заместителю Владимиру Крючкову.

Как и большинство его предшественнников, Крючков прошел закалку в сталинском комсомоле и бериевском МГБ. В 1956 году, во время народного восстания в Венгрии, будучн секретарем (от КГБ) советского посольства в Будапеште, вместе с послом Юрием Андроповым сделал все для кровавого подавления восстания. Особой его заслугой, первенство в которой, разумеется, досталось самому Андропову, было завлечение в советское посольство н арест венгерского премьера Имре Надя-первого, сделавшего попытку порвать с тоталитарной сталинской империей. (Ходилн слухн, что Надь был повешен прямо на территории советского посольства, чему Андропов и обязан своей дальнейшей головокружительной карьерой.) Так это было или иначе, но Андропов не забыл своего сообщника и, став в 1967 году шефом КГБ, немедленно назначил Крючкова сначала начальннком Первого Главного Управления КГБ (внешняя разведка), а затем одним нз своих заместителей. Профессиональная деятельность Крючкова на вверенном ему поприще руководнтеля воспетой дешевыми детективами и телесериалами советской разведки ознаменовалась небывалым колнчеством провалов н повальным бегством огромного числа наших «штирлицев» на Запад. Однако это нисколько не отразнлось на его карьере. Напротив, после организованного им убийства брежневского шурина генерала КГБ Цвигуна, Крючков с Андроповым вторично повязались кровью гнусного антнправительственного заговора. Став (с подачи Горбачева) Председателем КГБ и, естественно, членом Политбюро, пронзведенный в генералы армии, Крючков, казалось, сохранял в общем хаосе полное хладнокровие. Он не устраивал истернк, как многие партаппаратчики, не срывался на рык, как представители вооруженных сил, а молча и целенаправленно продолжал свою деятельность. Осведомительные сводкн ясно говорнлн, что оснований для паники нет. Все партнйные н государственные структуры остались незыблемымн. Демократнческне крикуны слабы и немногочисленны. Это очень даже хорошо, что они проявили себя. Списки наиболее опасных составляются и корректируются, вкладываются в компьютеры и рассылаются во все региональные управлення. К сожаленню, констатируют сводки, старая коммунистическая идеологня и фразеология, так и не обновленная из-за общей деградации идеологических структур ЦК КПСС, действительно перестала действовать на широкие массы, чем и пользуются так называемые «демократы», воспевая совершенно чуждый нашему народу образ жизни. Для спасения режнма необходима новая идеология, которую можно было противопо-

ставить воплям о свободе, демократии и частной собственности. Пока в КГБ ломали голову над новой идеологией, понимая, что на одном антисемитизме далеко не уедешь, события стремительно начинали выходить из-под контроля. Как ветром сдуло марионеточные коммунистические режимы в Восточной Европе. Рухнула Берлинская стена и объединилась Германия. На телевизионных экранах всего мира калейдоскопом пошли кадры: трупы застреленных супругов Чаушеску, гебистские генералы с сорванными погонами, дающие дрожащими голосами показания следователям, плачущие от страха недавно еще всемогущие генеральные секретари и партаппаратчики, арестованные или тайно вывезенные в СССР на военных самолетах. Громом прогремел указ нового президента Польши знаменитого Леха Валенсы о лишении профессиональных партийцев пенсий и конфискации незаконно принадлежащей им недвижимости. Все это показывало парализованному от шока коммунистическому аппарату в нашей стране, что его ждет в самом ближайшем будущем, если он будет продолжать трусливо отсиживаться в «окопах». Но генсек-президент еще в их руках. Обласканный президентом США и западно-европейскими лидерами, он получает, как и обещал, миллиардные кредиты, которые КПСС, молча и сопя от удовольствия, спешно распихивает по своим многочисленным бездонным карманам. В каждом своем выступлении президент-генсек подчеркивает свою приверженность социалистическому выбору и уверяет, что прячущаяся за его спиной партия может быть реформирована на основе обновленного марксизма. Это повергает в шок уже почти весь мир, но дает возможность партаппарату чувствовать себя увереннее. Отчаянные крики демократов, что надо спасать не партию, а страну, президент-генсек не слышит. И это вызывает недоумение, ибо страна действительно гибнет, а партия продолжает процветать. Начиная со страшной Чернобыльской катастрофы, погибающая сверхдержава сотрясается экономическими, политическими и стихийными катастрофами. Взрываются шахты, заводы и поезда, тонут атомные подводные лодки и шикарные океанские лайнеры, бьются самолеты. Страшные землетрясения накрывают Армению, Грузию и Азербайджан. Отовсюду идут сообщения об оползнях, смерчах, наводнениях и эпидемиях. Но и это не самое страшное. Империя начинает рассыпаться. Первыми поднимают голову Прибалтийские республики, объявляя преступным давний сговор Молотова — Риббентропа, лишивший их независимости. Закавказские республики вторят им, напоминая, что они были оккупированы и лишены незави-

симости в 1921 году. То же творится и в Молдавии, и в республиках Средней Азии. Все это дает шанс издыхающему режиму продлить свое существование. На смену затасканным марксистско-ленинским догмам приходят громкие фразы о «тысячелетней русской государственности», о «незыблемости Союза ССР», о «Великой России». Коммунисты быстро перекрашиваются в «державников», и страну потрясает новый поток хотя и плохо продуманных, но хорошо организованных преступлений. В Азербайджане, в страхе перед приходом к власти демократического Народного фронта, партия и КГБ организуют страшную резню армян. Диверсанты из КГБ взрывают телецентр. Под предлогом наведения порядка в Баку врывается армия, убивая всех подряд и приводя к власти члена ЦК КПСС Муталибова. В Тбилиси армия откровенно расстреляла мирную демонстрацию у здания местного ЦК, применив при этом разрывные пули и боевые отравляющие вещества. Резня начинается и в Средней Азии — страшная, азиатская резня друг друга, что помогает старому партаппарату сохранить власть под грубо перелицованными вывесками. Растет напряжение в Прибалтике, куда стягиваются войска специального назначения. Прибалтика — это не Кавказ и Средняя Азия. Она близка к Европе и географически, и по духу. Здесь нельзя действовать методами резни и погромов, но по-другому действовать режим не умеет... Мрачными памятниками сталинской псевдоархитектуры во всех городах страны высятся огромные здания ЦК и обкомов. Зашторенные зеркальные окна, массивные казенные подъезды, охраняемые солдатами КГБ и ОМОНа с автоматами наперевес. Партия ушла в «окопы». Что творится за этими окнами? Какие указания передают телетайпы, какие приказы передаются по незаконно контролируемой правительственной спецсвязи? Куда спешат черные «Зилы», «Чайки» и «Волги»? Чем занимается миллионная армия аппаратчиков, инструкторов, лекторов? Какие сигналы идут через щупальца огромного спрута, парализовавшего всю экономическую жизнь страны? «Я знаю, чем они занимаются! — воскликнула по этому поводу мужественная московская журналистка Татьяна Иванова,— они бастуют!», но была права лишь отчасти. Потерпев сокрушительное поражение на выборах, обанкротившаяся КПСС, вместо того, чтобы публично покаяться и тихо уйти с политической сцены, занялась откровенным саботажем по старому сталинскому сценарию организации всенародного голода. Магазины даже в столицах бесстыдно сверкали абсолютно пустыми прилавками. В провинции выстраивались огромные очереди за хле-

бом. Исчезли и промтовары — от тканей до холодильников и телевизоров. В аптеках исчезли даже анальгин с аспирином. С партийных трибун в этом открыто обвинялись первые робкие кооперативы, затерроризированные налогами и милицией. Пришедшие номинально к власти, советы были бессильны что-либо противопоставить партийному монстру. Мужественные журналисты прорывались на переполненные товарами склады; снимали свалки с выброшенными тоннами продуктов; в советах требовали расследования, нити которого обрывались на порогах обкомов. КПСС ждала, когда отчаявшийся народ позовет ее обратно к власти. Народ голодал, но «родную партию» обратно к власти не звал, и становилось ясно, что и не позовет. Более того, выбранные народом советы стали формировать какие-то хулиганские комиссии, которые вместе с телеоператорами прорывались на роскошные дачи партийных бонз, демонстрируя нищему, ограбленному народу двухэтажные особняки, теннисные корты и плавательные бассейны за высокими непроницаемыми заборами. Депутатов арестовывали, напускали, выгоняли, избивали. Армия развернула на подъездах к дачным комплексам бронетранспортеры и вооруженных солдат. Генерал-историк Филатов напомнил всем заинтересованным лицам, что и дело маршала Тухачевского начиналось с прибытия какой-то комиссии для проверки его дачи. Слушавшие грозно задвигали скулами. А из советов всех уровней, от местных до Верховного, уже неслись требования о департизации, деидеологизации, о национализации и разделе партийного имущества. Не реагировать уже было нельзя. Последовал приказ выйти из «окопов». Надвигались выборы первого Президента России, и партия, ничему не научившись на предыдущих выборах, снова решила проверить свои силы в политической борьбе. Став Президентом, Горбачев совершенно справедливо учредил и пост вице-президента, как это водится во всех цивилизованных странах. По конституции, вице-президент автоматически становится президентом в случае гибели или смерти президента, его болезни или изоляции. «Я хочу,— объявил Горбачев,— чтобы вице-президент стал как бы дополнением к президенту, беря на себя определенную часть работы. Это должен быть умный, деловой и пользующийся большим авторитетом человек». Зал Верховного Совета СССР затаил дыхание, ожидая, кого же Горбачев порекомендует на эту высокую должность. Шум, хохот и даже свист были реакцией зала, когда Горбачев ко всеобщему изумлению предложил утвердить вице-президентом Геннадия Янаева, ибо большего ничтожества было трудно придумать.

Выросший в недрах аппарата ВЛКСМ, Янаев славился повсюду как виртуозный матерщинник, постоянно напевающий песенку «Мимо тещиного дома просто так я не хожу», и умением завалить любую поручаемую ему работу. Он был настолько безнадежно туп, что КГБ, питавший свои кадры комсомольскими аппаратчиками, не решился взять его к себе, но, всегда лояльный к своим осведомителям и отдавая должное его исполнительности, сделал Янаева председателем Комитета молодежных организаций. Однако для этого комитета, который был всего лишь «крышей» для действий КГБ за границей, Янаев из-за своей серости совершенно не годился, а потому был передвинут на совершенно синекурную в СССР должность председателя ВЦСПС, сменив заворовавшегося и отправленного на пенсию Шибаева. Опомнившись от удивления, депутаты, невзирая на свои политические расхождения, дружно прокатили Янаева и предложили Горбачеву подобрать другого кандидата. Каково же было потрясение всех собравшихся в зале высшего законодательного органа страны, когда президент, поразмыслив, вышел на трибуну и... снова порекомендовал Янаева. Наступила гробовая тишина, ибо все пытались сообразить, что бы могло означать подобное нарушение всех процедурных норм со стороны президента-генсека. Простое неуважение к парламенту страны или нечто большее? Какой-то «народный» акын в тюбетейке выскочил на трибуну и стал, завывая в рамках своего жанра, убеждать депутатов не нарушать счастья президента, поскольку президент беззаветно любит Янаева, ибо вторгаться в чужую любовь и опасно, и безнравственно, о чем свидетельствует весь народный эпос Калмыкии. Зал еще не пришел в себя, когда зычный голос Анатолия Лукьянова, назначенного Горбачевым Председателем Верховного Совета страны, предложил голосовать. Однокашник президента по Университету, где они оба, по путевке сталинского МГБ, учились на юридическом факультете, Лукьянов всей своей карьерой был обязан Горбачеву. По мере собственного продвижения к вершинам власти, Горбачев неизменно тащил Лукьянова за собой, сделав его членом ЦК, членом Политбюро и добившись его назначения сперва заместителем Председателя Верховного Совета, когда сам занимал должность президента. Вскормленный и вспоенный аппаратом ЦК, Лукьянов руководил Верховным Советом грубо и произвольно, проводя все решения, нужные партийной номенклатуре и блокируя неугодные. Предложив снова голосовать за Янаева, Горбачев и Лукьянов бросили открытый вызов законодателям, видимо отдавая себе отчет, что почти

половина депутатов пришла в Верховный Совет от КПСС без выборов, фактически по назначению, как представители родовой аристократии в средневековых парламентах Европы. Но и результаты повторных выборов оказались неясными. Горбачев и Лукьянов пошли на подлог выборов, изъяв более 400 бюллетеней «против», чтобы провести это заведомое ничтожество на должность второго лица в государстве. И правые, и левые недоумевали: «Зачем? Неужели именно так Горбачев реализует свое обещание «обновить руководство за счет наиболее авторитетных представителей общества»?» И мало кто знал, что назначить Янаева на этот пост приказал Крючков звонком на Старую площадь. Понимая, что ему самому неэтично становиться при его должности главой государства, всемогущий шеф «государства в государстве» готовил себе будущее подставное правительство. И Горбачев ответил: «Есть!» Он с малого детства боялся КГБ и никогда не забывал, что и охранники, дежурившие ночью у дверей его спальни, подчиняются Крючкову. Но зачем Крючкову понадобился Янаев, президент еще не понимал... Между тем в «подвалах ЧК» родилась новая идеология, имперская по форме, национальная по духу и социалистическая по содержанию. Другими словами — национал-социалистическая. На Старой площади новая идеология была встречена с восторгом. Структуры коммунистов и фашистов всегда были братьями-близнецами, поэтому верхушка партии не очень комплексовала при ничтожном сдвиге — от интернационализма к национализму. Как грибы после дождя, стали появляться всевозможные патриотические издания, громко требовавшие «наведения порядка в стране», который невозможен при нынешнем составе правительства. Им вторили бесчисленные советы ветеранов, состоящие главным образом из отставных офицеров армии и КГБ. Радиостанции с территорий воинских частей нагнетали напряжение в Прибалтике, Армении и Молдове, провоцируя антирусские настроения. Поток русских беженцев хлынул из национальных республик в Россию. Здесь их никто не ждал, и не было никакой возможности в условиях прогрессирующего экономического паралича оказать прибывшим какую-либо помощь. Сенсацией стало выступление по телевизору командующего Приволжским военным округом генерал-полковника Альберта Макашова, открыто призвавшего разогнать советы всех уровней и выразившего готовность немедленно под его личным руководством взять штурмом Верховный Совет РСФСР.

Генерал знал, что говорил. Он только что вернулся из

Багдада, где провел совещание группы советских военных советников при иракском диктаторе Саддаме Хусейне. Активная внешняя политика, которую Горбачев вел с твердой последовательностью, привела к нормализации и значительному потеплению отношений с Соединенными Штатами и НАТО, размыла складывавшийся десятилетиями образ врага. А без врага коммунистическая система не могла существовать и начинала сразу задыхаться, как выброшенная на мелководье акула. Необходимо было что-то предпринять, чтобы резко дестабилизировать международную обстановку. Саддам Хусейн — самый гнусный из оставшихся на земле диктаторов, правивший Ираком с такой жестокостью, которой страна не знала со времен калифов, давно с нарастающей тревогой и без всякого удовольствия следил за переменами в СССР. В течение десятилетий Советский Союз снабжал его современным оружием и обучал огромную армию. Ведя восьмилетнюю войну с соседним Ираном, Саддам Хусейн, хотя и не добился значительных успехов, но надежно обеспечил с юга советскую авантюру в Афганистане. Теперь, все поняв с полуслова, он с готовностью принял план Макашова, который полностью соответствовал его собственным устремлениям. Южный сосед Ирака, Кувейт, обладающий несметными нефтяными богатствами, но фактически беззащитный, должен был стать той естественной целью, удар по которой со стороны Ирака отвлечет внимание Соединенных Штатов и всего мира от событий в СССР. Так и случилось. В течение нескольких часов огромная армия Саддама Хусейна оккупировала Кувейт, объявив его своей провинцией и отказавшись вести какие-либо переговоры относительно законности своего поступка. Поставленный перед совершившимся фактом новой акции международного разбоя, потрясенный мир несколько ослабил внимание к событиям в СССР, чем и воспользовались сообщники генерала Макашова. Реакция грозно поднимала голову. Образованная в Верховном Совете так называемая депутатская группа «Союз», якобы обеспокоенная перспективами целостности страны, обнаглевшая от прямой поддержки аппарата КПСС, армии и КГБ, стала устраивать истерики на съездах и заседаниях Верховного Совета, обвиняя Горбачева и его ближайших сотрудников чуть ли не в государственной измене. Плечом к плечу с ними стояли всевозможные коммунистические фракции, из которых наиболее крикливой и разнузданной оказалась партия коммунистов России, возглавляемая Иваном Полозковым. «Патриотические» газеты громко вопили о неизбежной гибели страны, стонущей «под игом

сионистов и демократов». Уход войск из Восточной Европы рассматривался как национальная катастрофа. Истерика, умело раздуваемая партийными структурами, сопровождается какими-то странными передвижениями войск вокруг Москвы. Танки, бронетранспортеры, десантники в полном боевом снаряжении группируются и сосредотачиваются на подступах к столице. На все официальные запросы Министерство обороны отвечает, что войска подняты для сбора картошки, не собранной по вине демократов на подмосковных полях. Абсурдность этого утверждения понятна всем, но шеф КГБ Крючков на официальный запрос публично отвечает на сессии Верховного Совета: «...по данным военной контрразведки, никаких передвижений войск, которые бы настораживали, не наблюдается». Все ждут реакции Президента. И она последовала: генералу Язову указом Горбачева присваивается звание Маршала Советского Союза, которое Горбачев совсем недавно упразднил для мирного времени также своим специальным указом. Окрыленные поддержкой президента-генсека, боевые отряды партии, сосредоточившиеся в группе «Союз», переходят в решительное наступление на 4-м внеочередном съезде народных депутатов СССР. Выдвинув вперед двух наиболее воинственных и крикливых из своих членов — полковников Алксниса и Петрушенко, они открыто обвиняют представителей демократического движения страны в прямых связях с ЦРУ США. Ледяным холодом тридцатых и сороковых годов повеяло в зале. Полковник Виктор Алкснис, внук расстрелянного Сталиным знаменитого комкора, таинственно закатывая глаза и ссылаясь на имеющийся у него доступ к секретной информации Главного разведывательного управления Генерального штаба, сообщает, что в одной из прочитанных им шифровок говорилось о встрече резидента ЦРУ с руководителями демократических движений Прибалтики, Белоруссии, Украины и России «в одной из восточно-европейских стран». Резидент проводил совещание на тему «Как развалить СССР и образовать Балтийско-Черноморский союз». Получив указание «шефа», демократы-агенты ЦРУ разъехались по своим республикам, чтобы продолжить свое «грязное дело». Насладившись эффектом от своей разоблачительной речи, полковник переходит к открытым угрозам в адрес министра иностранных дел Эдуарда Шеварнадзе, обвиняя его в «капитуляции» перед империализмом, выразившемся в уходе советских войск из Восточной Европы, а затем берется за самого Горбачева. «Президенту пора определиться, с кем он,— рычит с трибуны Алкснис,— иначе мы будем ставить вопрос персонально о

вас, Михаил Сергеевич!» Президент сидит с непроницаемым лицом. Он только что вернулся из-за границы, где, излучая улыбки, уверял западно-европейских лидеров в неизменности своего курса на реформы и преобразования, о необратимости происходящих в СССР процессов демократизации. После возвращения из-за рубежа Горбачеву пришлось выслушать массу нотаций от своих сообщников на Старой площади, куда приехал из своей резиденции на Лубянке сам Крючков. Преобразования и реформы зашли слишком далеко! Пора остановиться, ибо под угрозу уже ставится сам социалистический выбор, о неизменной приверженности которому президент говорит при каждом удобном случае. Серые глаза Крючкова буравят его насквозь. Президент молчит. Он молчит и на съезде, никак не реагируя на злобные нападки заврашегося полковника, на которого с отцовской гордостью благодушно смотрит новоиспеченный маршал Язов. Но тут лопается терпение у Шеварнадзе. Министр иностранных дел поднимается на трибуну и заявляет о своей отставке, открыто предупреждая приникшую к телеэкранам страну о готовящемся военном перевороте и наступлении диктатуры. Шеварнадзе подчеркивает, что воинственные полковники — всего лишь визгливые шавки, за которыми прячутся гораздо более грозные силы. Информационная служба МИДа может соперничать с любой разведструктурой, а сам Шеварнадзе — бывший генерал КГБ и первый секретарь ЦК Компартии Грузии — имеет и личные, абсолютно надежные каналы информации, чтобы непродуманно бросаться словами. Но президент молчит. Отставка Шеварнадзе принимается. Его заменяет Александр Бессмертных — бывший посол СССР в США, известный даже в своем ведомстве под прозвищем «Бесхребетных», более занятый своей третьей молоденькой женой и убранством роскошного особняка, нежели проблемами страны. Такой сделает все, что ему прикажут. Однако этого мало наступающим после выхода из своих комфортабельных окопов коммунистам. Их уже не устраивают ни премьер-министр страны Николай Рыжков, ни министр внутренних дел Вадим Бакатин. Николай Рыжков, хотя и является верным слугой партаппарата, в новых конкретных условиях проявил себя трусливым и нерешительным. Это стало ясно по его поведению во время шахтерских забастовок и в громком скандале с разоблачением опекаемого премьером кооператива АНТ. Подчиняясь приказу, Рыжков, симулируя сердечный приступ, уходит в отставку. Он охвачен более всего страхом за судьбу собственной дачи, которую благодарная партия подарила ему в пожизненное поль-

зование, мелкая возня вокруг дачи вызвала бурю возмущения в демократической печати. На место премьера выдвигается ранее мало кому известный Валентин Павлов, бывший министр финансов, выпускник Московского финансово-экономического института, активный комсомольский работник, он уже тогда обратил на себя внимание жестким прагматизмом и любовью цитировать и к месту, и не к месту живых «классиков» марксизма. КГБ обратил внимание на расцветающего экономиста, но не взял его к себе из-за непомерной самовлюбленности и слишком сильной склонности Павлова к сибаритству. Начальству на Лубянке импонировала фарсовая самонадеянность Павлова, его активные выступления на партсобраниях, где похожий на раздувшегося упыря финансист боевито доказывал, что «в белых перчатках политику не делают», и если ты настоящий коммунист, то главный твой принцип — активное нападение. На кого? Это было ясно, когда в КГБ прочли и одобрили рукопись книги Павлова «О налогах с населения» (вышла в 1990 году). Внедренный в министерство финансов и перемещенный в нужный момент на пост министра, Павлов сделал очень много, чтобы экономически перестройка буксовала на месте или откатывалась вспять. В стране наступил финансовый хаос. Арестовывались и блокировались счета. Сотни невнятных и противоречивых инструкций, поступающих в банки, не давали возможности работать не только зарождающимся малым предприятиям и кооперативам, но, порой, и государственным индустриальным гигантам. Срывалась земельная реформа. Налоги и система их сбора превращали любую экономическую деятельность в бессмысленную мастурбацию. Но это было только начало. Основную свою задачу, оказавшуюся не по силам вялому Рыжкову, предстояло еще выполнить. С ужасом взглянув на нового премьера, Горбачев махнул рукой — делайте, что хотите. Промолчал и утвердил. Министр внутренних дел Вадим Бакатин, несмотря на свое партаппаратное прошлое, вызвал ненависть со стороны своих старых друзей со Старой площади, обвиняющих его в бездействии власти и потакании экстремистам. Лукьянов, уже задавивший своими аппаратными методами и ловкими ротациями Верховный Совет, обвинил Бакатина виновным в параличе исполнительной власти, поскольку министра внутренних дел никак нельзя было подбить на разгон и арест Верховных Советов Прибалтийских и прочих республик, упорно принимающих законы о собственной независимости, что естественно, противоречило законам СССР, принятым еще в славные времена Иосифа Виссарионовича. В своем обраще-

нии к Лукьянову 19 ноября 1990 г. Вадим Бакатин разумно писал: «Зря мы ищем причины паралича власти в недостатках милицейских структур. Это уже следствие. Есть немало причин более высокого порядка, но одна из главных в том, что у нас за 73 года не создан, да и не мог быть создан правовой и исполнительный механизм, пресекающий беззаконие власти...» Если Бакатин и хотел что-либо доказать своим посланием, то доказал только то, что с такими мыслями ему совсем не место на занимаемом посту. Его с треском гонят с занимаемой должности и из Президентского совета. На пост министра внутренних дел назначается Борис Пуго. Начав свою карьеру на комсомольской работе в 60-х годах, Пуго своей почти садистской жестокостью обратил на себя внимание КГБ, куда и перешел в 1976 году, стремительно продвигаясь по скользкой от грязи и крови чекистской служебной лестнице. Всего через четыре года — в 1980 году — он стал уже председателем КГБ Латвии, а в 1984 году — первым секретарем ЦК Компартии Латвии, совмещая, по андроповской задумке, оба поста. Начавшиеся в стране перемены сделали положение Пуго в Риге, где он беспощадно подавлял всякое инакомыслие, распихивая тысячи людей по концлагерям и спецпсихушкам, несколько шатким. Он был отозван в распоряжение ЦК КПСС и вскоре всплыл на Старой площади в качестве председателя Комитета партийного контроля при ЦК КПСС. То, что Старая площадь делегировала своего «старого бойца» на пост министра внутренних дел, говорило о подготовке «последнего и решительного боя», который загнивающая партия считала себя еще в силах дать новорожденному демократическому движению. И чтобы ни у кого не оставалось никаких сомнений, что времена либеральной говорильни заканчиваются, заместителем Пуго был назначен знаменитый «афганский герой» генерал Борис Громов, карьерист самого худшего пошиба, прославившийся холодной беспощадностью как к собственным солдатам, так и к гражданскому населению. Командуя армией в Афганистане, Громов лелеял мечту получить за свое бездарное руководство Золотую Звезду героя. В высоких коридорах министерства обороны ему дали понять, что он может рассчитывать на «звезду», если деблокирует Хост — крупный афганский город, который партизаны держали в осаде уже в течение нескольких лет. Все попытки советских войск прорвать кольцо осады приводили лишь к большим потерям, но не давали никакого результата. И тут выяснилось, что деблокировать Хост не так уж сложно. Командиры партизанских отрядов и старейшины племен, блокирующих Хост,

заявили, что за деньги они готовы увести свои отряды в горы и освободить ведущие в город дороги. Все зависит от суммы. Сумма была названа. Вожди и старейшины, посовещавшись, заявили, что за названную сумму они готовы деблокировать Хост на две недели. Этого было вполне достаточно для получения вожделенной звезды героя. Но, предупредили честно представители партизан, все дороги заминированы итальянскими и американскими минами. Мин тысячи и как их разминировать, знают только инструкторы в Пешеваре. Специалисты в штабе Громова быстро подсчитали, что нужно минимум месяца четыре, чтобы очистить дороги от такого количества мин, устройство которых в советской армии знали считанные профессионалы. «Это ваши дела»,— сказали представители партизан и, забрав деньги удалились. Ни минуты не колеблясь, генерал Громов погнал свои войска на мины. Это была старая традиция, восходящая к временам Великой Отечественной. Вечный дефицит необходимого саперного снаряжения и презрение к человеческой жизни делали подобный способ разминирования оперативно быстрым и тактически наиболее эффективным. Хост был деблокирован, о чем с упоением, под звуки фанфар, сообщила вся Советская пресса. Генерал Громов — уже с Золотой Звездой героя — вскоре был вынужден увести остатки своей измученной и деморализованной бесконечными неудачами армии из Афганистана, что было представлено средствами массовой информации как очередная великая победа. Теперь генералу предстояло применить отработанные в Афганистане методы на собственном народе. (Киевляне еще когда-нибудь оценят, как им крупно повезло, что генерал Громов был убран с поста командующего Киевским военным округом в Москву на полицейское поприще.) Наступление реакции тем временем продолжается. Из президентского совета с шумом и улюлюканием гонят Бакатина, Шаталина, Примакова, Шеварнадзе, Яковлева — всех, с кем Горбачев начинал свои реформы. На их место приходит классическая советская тройка — Крючков, Пуго и Язов — два генерала КГБ и маршал, Зюганов и Дзасохов — от ЦК КПСС, Павлов — выпестованный ими премьер и мало кому известный, предпочитающий пока держаться в тени — Олег Бакланов. Последний, по-своему, особенно интересен. Секретарь ЦК КПСС, в прошлом генеральный директор крупного оборонного завода, а затем министр общего машиностроения, в это время он курирует от ЦК Военно-промышленный комплекс страны — тот самый непосильный груз, который страна уже нести не в состоянии. Задуманный еще Лениным в

мечтах о мировой революции, возведенный Сталиным на крови и костях миллионов человеческих жизней, Военно-промышленный комплекс представлял из себя всю работоспособную промышленность страны. Военная индустрия постоянно модернизировалась и расширялась, продолжала ковать оружие, заваливая им страну и весь мир. Страна в страшном экономическом кризисе. Останавливаются хлебозаводы, мясокомбинаты, текстильные, прядильные и обувные фабрики, фармацевтические предприятия, мукомольные комплексы. Построенные до революции, некоторые еще в царствование Александра III, они ни разу не модернизировались, отремонтировать их невозможно, поскольку уже нигде в мире нет запчастей к французским и немецким машинам начала века. А ВПК продолжает заваливать страну оружием. Новые реактивные истребители и бомбардировщики, продемонстрированные в Бурже, вызывают восхищение всего мира. Советские подводные лодки — самые бесшумные среди существующих. Танков уже столько, что не хватает экипажей, чтобы их обслуживать, но конвейеры, работая круглосуточно, продолжают ежемесячно добавлять в огромный арсенал все новые и новые сотни боевых машин. Положение становится нелепым до предела. В стране нет продовольствия, одежды, лекарств и жилищ. По дорогам Европы идут колонны автомашин с западной продовольственной помощью. В аэропортах садятся камуфлированные военно-транспортные самолеты США и НАТО, набитые ящиками с макаронами и банками с тушенкой. С экранов телевизоров раздаются призывы дать валюту для умирающих детей, чтобы они могли лечиться за границей. Их много — они повсюду. Вымирающее будущее нашей страны. На Родине для них нет ни лекарств, ни больниц, ни врачей. Киевский ЦК КПСС сорвал эвакуацию детей Чернобыля, но поступиться хоть чем-нибудь из своих несметных богатств уже даже не для спасения, а для облегчения их смерти, не хочет, даже не слушает. И в это же самое время, впервые в нашей истории (гласность!) все видят, как со стапелей Николаевского завода спускаются на воду огромные авианосцы, а от стапелей Ленинградских заводов уходят в море атомные крейсеры, превышая по своим размерам былые линкоры, президент с супругой идут по пирсам Полярного вдоль строя чудовищных по размеру подводных лодок. Мир недоумевает. Уже пять лет Горбачев бегает по миру с сумой, вымаливая кредиты для своей нищей страны. Во имя этих кредитов он ввел гласность в тоталитарной стране, пожертвовал сателлитами из Восточной Европы, пообещал (подумать только!) восстановить

дипломатические отношения с Израилем. И при этом продолжает строить авианосцы, атомные лодки и несметное количество другой вполне современной военной техники. «Может быть стоит ее выпускать чуть меньше?» — осторожно советуют деликатные лидеры европейских стран. Есть такое понятие — конверсия, когда военные заводы, отдавая должное обороне, выпускают также и товары широкого потребления. Однако первые же робкие упоминания о конверсии вызывают бурю в Военно-промышленном комплексе. Директора военных заводов, увешанные лауреатскими медалями и учеными степенями, решительно отказываются выпускать какие-то нелепые инвалидные коляски (тысячам афганских инвалидов коляски поступают из ФРГ) и утюги. Их куратор в ЦК КПСС — Бакланов — полностью согласен со своими подопечными. Зачем народу коляски, утюги и разные там кастрюли, когда у него столько танков, самолетов и даже авианосцев! Он устраивает президенту встречу с директорами военных предприятий. Несокрушимым фронтом директора убеждают Горбачева, что страна идет к гибели. Пора кончать с либерализмом и гласностью, а прежде всего — хватит заигрывать с Западом. Те же слова звучат на совещании первых секретарей обкомов и крайкомов. Стая буквально рвет на куски своего вождя. Прежде всего необходимо отменить гнусный закон о печати, распустивший средства массовой информации; пора кончать с реформами и признать, что они провалились. На совещании звучат выспренные завывания по поводу «идеалов социализма», «завоеваний социализма», «исторического выбора нашего народа» и прочие речитативы в жанре партийного плача. Президент уверяет собравшихся, что не только он, но еще и его дед сделали «социалистический выбор», с которого он никогда не свернет. Он не решается отменить закон о печати, хотя и заикается об этом на весь мир, давая понять немногочисленным демократическим газетам и журналам, что они все печатаются в партийных типографиях и на бумаге, выделяемой КПСС. Его ставленник Леонид Кравченко блокирует телевидение и радио, разгоняя журналистов и ведущих, запрещая ненавистные партаппарату программы. В здании ЦК на Старой площади в огромном кабинете генсека проходят секретные совещания Государственного совета обороны. Председательствует Горбачев. Присутствуют его товарищи по партии: секретари ЦК Зюганов, Шенин и Бакланов (официального зама генсека — Ивашко — не допускают. Личность бутафорская). От КГБ: естественно, сам Крючков, его заместитель генерал Грушко. От армии: маршал Язов, начальник гене-

рального штаба Моисеев и начальник ГРУ генерал Михайлов. Обстановка складывается более чем благоприятно. Американцы попались на наживу, которую им товарищ Саддам Хусейн подсунул, захватив Кувейт. Наши прогнозы оправдываются. Соединенные Штаты, снимая корабли и войска с многих направлений, стягивают их в Персидский залив, пытаясь оказать давление на Багдад. Но Саддам Хусейн тверд и смел. Он смеется над американскими угрозами. Его армия огромна и прекрасно оснащена самым современным нашим оружием, обстреляна восьмилетней войной с Ираном и рвется в бой, чтобы окончательно сокрушить империализм и сионизм. Кроме того Ирак имеет большие запасы химического и бактериологического оружия, а также на пути к созданию атомной бомбы. В таких условиях американцы вряд ли решатся на конфликт, а если и решатся, то потерпят сокрушительное поражение. Это означает, что Хусейн захватит и Саудовскую Аравию и будет контролировать более половины мировых запасов нефти. Итак, американцы зажаты между перспективой полной потери лица в случае невмешательства и нового Вьетнама — в случае развязывания войны. Это открывает перед нами широкие возможности. Не следует забывать, что мы связаны с Ираком договором о дружбе и союзе. Во-вторых, американцы, стягивая войска к заливу, ослабили многие направления, что коренным образом изменило обстановку в Центральной Европе и создало предпосылки... «Насколько точны эти сведения?» — интересуется президент. Генералы раскрывают свои секретные номерные папки. Колонки тщательно выверенных цифр, графика, диаграммы. Последние данные и анализы, обработанные на современнейших компьютерах, тайно вывезенных из США и Японии. Расчеты огневой мощи, оперативной насыщенности, пропускной способности дорог, стратегических ресурсов. Разведданные о боевой подготовке армии США, ее моральном состоянии, ее проблемах, связанных с материальным обеспечением, наркоманией, алкоголизмом и расовыми отношениями. Их вывод основан не на пустозвонстве, не на слепом пренебрежении к потенциальному противнику, а на строго научном анализе: в случае конфликта американцев ждет весьма чувствительное поражение. Генералы совершенно искренни. Они далеки от мысли обманывать генсека-президента или как-то вводить его в заблуждение. Как и все сидящие в кабинете на Старой площади, они еще не понимают, что время отсчитывает им последние часы, безвозвратно уходя в историю. Что общая деградация страны очень сильно коснулась и их самих и созданной ими военной

науки. Привязанные собственными мифами ко Второй мировой войне, они во многом думают и планируют по давно устаревшим критериям, не заметив революции в военном деле, сделавшей всю их огромную военную машину совершенно бессмысленной и устаревшей. Генерал Макашов, чей доклад (после возвращения из Ирака) лег в основу этого совещания, не только безответственный политический экстремист, призывающий штурмовать и разгонять советы всех уровней. Он прежде всего генерал, окончивший с золотой медалью две академии, и дело свое, военное дело, знает превосходно. Он все проверил сам, и его план захвата Кувейта, несмотря на несколько упрощенное его выполнение иракским командованием, был блестяще воплощен в жизнь. Несметные богатства Кувейта захвачены за несколько часов и без всяких потерь. Все это хорошо, но президент не давал санкции на проведение подобной акции. «Это, товарищи военные, знаете ли чревато,— пытается на ходу сформулировать свои мысли президент, что у него всегда плохо получается,— это, знаете ли, самодеятельность...» «Почему самодеятельность,— обижаются генералы,— с Ираком действуют двусторонние договоры о дружбе и союзе, секретные протоколы к которым предусматривают и сотрудничество в ситуациях, подобных обсуждаемой... Договор заключен в стародавние брежневские времена, и о нем как-то забыл Горбачев в водовороте своей кипучей деятельности, а о протоколах просто ничего не знал, равно как и о протоколах к пакту Молотова — Риббентропа. Секретарь ЦК КПСС Зюганов берет генералов под защиту. Товарищ Зюганов, отвечающий за международные связи КПСС, напоминает генсеку, что создание в мире режимов наподобие саддамовского осуществлялось в так называемых рамках «радикализации» мирового рабочего движения с целью ускорения ликвидации прогнившей системы империализма, дни которой, как известно, сочтены. Президент обдумывает ситуацию, мысленно прикидывая, сколько удастся «содрать» с президента Буша за нейтральную позицию Советского Союза, ибо валютные поступления — главное, что ныне интересует Горбачева. Именно это он обещал своей партии. Однако такая распущенность военного руководства совсем его не радует. Беспокойство генсека разделяет и Крючков. В армии, благодаря предательской деятельности группы «Щит» и ряда народных депутатов — агентов ЦРУ — падает авторитет политорганов и парторганизаций, а вместе с тем и дисциплина. Безусловно, необходимо создать параллельную структуру вооруженных сил, независимую от министерства обороны и способную нейтрализовать

любые неожиданности, которые может преподнести армия. Крючков предлагает перевести в подчинение КГБ три воздушно-десантные и две танковые дивизии. Подобные мероприятия, наряду с уже находящимися в подчинении КГБ сухопутными, морскими и воздушными частями погранвойск, многочисленными отрядами спецназа и подчиненными Пуго внутренними войсками и милицией, создадут надежный противовес армии. «Может быть, информируем Верховный Совет?» — произносит Горбачев, подписывая необходимые распоряжения. Презрительные усмешки играют на лице Крючкова и его заместителей. Лукьянов еще не до конца выдрессировал депутатов, чтобы им можно было доверять подобную информацию, которая неизбежно тут же попадет к противнику. Кого имел в виду шеф КГБ под словом «противник», он не уточнял. Впрочем, никто уточнения не требовал. Противник был хорошо известен. Более семидесяти лет он вызывал панический страх своей многочисленностью и ненавистью. Именно он заставлял огромную военно-карательную машину действовать в условиях постоянной конспирации, бесстыдно лгать, изрыть все крупные города системами подземных ходов на случай непредвиденного бегства, держать вертолеты на крышах официальных зданий и заграничные паспорта в сейфах. Против этого противника вели все виды войн. Войну на истребление — подвергая его массовому уничтожению, войну электронную, тратя миллиарды на глушилки, войну психологическую, оболванивая его всеми возможными способами, войну биологическую, вызывая мутацию продуманными рецептами «бормотух» и продовольствия, и даже ядерную с химической, как показал опыт Чернобыля и Киришей. А противник все не сдавался. Пять лет уже бурлил огромный концлагерь, занимающий шестую часть суши с 300 миллионами то ли заключенных, то ли военнопленных... Опасения Крючкова были не напрасны. Как ни старался член Политбюро ЦК КПСС Анатолий Лукьянов, протащенный Горбачевым на пост председателя парламента (а именно это слово употреблялось все чаще), в Верховном Совете, пусть редко и слабо, но еще звучали голоса протестующих и требующих разъяснений. Кто санкционировал более чем странные передвижения крупных воинских контингентов в Прибалтику, в Закавказье и в Молдову? Что делал генерал Макашов в Ираке? Почему Витебская десантная дивизия переподчинена КГБ? Почему не расселяются отравленные Чернобылем села Украины и Белоруссии? Слабые голоса тонут в рыке воинственных полковников, визге «народных учительниц» и в завываниях «акынов». Меняется и тон само-

го Горбачева. В его лексикон прочно входит определение «так называемые демократы», которых президент открыто обвиняет в развале страны и в параличе экономики. Верный Лукьянов волком смотрит на депутатов, умело пресекая любые попытки неповиновения. Куда-то исчезли Шеварнадзе, Бакатин, Петраков и Шаталин. Затравлен экономист Явлинский вместе со своей программой выхода из экономического кризиса. На экранах телевизоров все чаще появляются Крючков, Пуго, Язов, Янаев и Зюганов с Дзасоховым. Режут слух уже почти позабытые формулировки: «Пребывание члена Политбюро ЦК КПСС товарища Зюганова в...» В подобной обстановке взоры измученного народа все более и более устремляются к мощной фигуре Бориса Ельцина. Бывший первый секретарь одного из крупнейших обкомов — Свердловского — Ельцин на заре перестройки был вызван Горбачевым в Москву, включен в Политбюро и назначен первым секретарем МГК с фантастической задачей реформировать партию в лице ее боевого авангарда — московского горкома, разжиревшего до полной бесформенности на воровстве и взятках. О бывшем шефе МГК Гришине ходили легенды как об Гарун-аль-Рашиде. Приняв порученное ему дело за чистую монету, Ельцин начал с того, что позакрывал горкомовские спецраспределители, посадил аппаратчиков на зарплату, назначил ряд финансовых расследований и стал преследовать тех, у кого обнаружилось более трех дач и пяти автомобилей. Эти действия совпали по времени с сенсационными разоблачениями следственной группы Гдляна и Иванова, раскрывшей хищения государственной собственности в таких масштабах, что вся страна стала копаться в справочниках, вспоминая, какая цифра идет после миллиарда. Из полуфеодальных среднеазиатских республик следы преступников явно вели в Кремль. В печати замелькали фамилии партийных вельмож вроде Лигачева, Соломенцева и Чебрикова. Следственную группу немедленно разогнали, а московские аппаратчики взбунтовались против своего первого секретаря. На XIX партконференции Ельцина со скандалом выгнали со всех партийных постов и запрятали куда-то на должность замминистра по строительству. Однако даже не подтвержденные слухи о том, что он пытался закрыть спецраспределители и нескрываемая ненависть со стороны партийной верхушки создали ему такую популярность, что на выборах народных депутатов Ельцин набрал огромное количество голосов, а несколько позднее буквально пробился в яростной борьбе с лидером РКП Иваном Полозковым на пост Председателя Верховного Совета России. Ельцин не-

медленно вышел из КПСС, увеличив свою популярность еще больше, хотя со всех сторон был обложен хищными и беспринципными партийными функционерами, пробившимися на посты его заместителей. Все это происходило под аккомпанемент самого грязного шельмования Ельцина всеми партийными газетами от «Правды» до журнала ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Центральная «Правда» поведала читателям, что Ельцин, как и всякий русский человек, является пьяницей, пьет непрерывно с утра до вечера, а во время недавнего визита в США в состоянии смертельного опьянения даже выступал по телевидению. Видимо боясь, что подобное заявление, не дай Бог, еще пуще увеличит популярность Ельцина, журнал «Молодая гвардия», редактору которого Анатолию Иванову позавидовал бы и сам Юлиус Штрейхер, не будь он повешен в Нюрнберге, помещает целое «научное» исследование, доказывая, что фамилия Ельцин не более, чем сознательно измененная еврейская фамилия Эльцер... Как председатель Верховного Совета России Ельцин фактически не имеет реальной власти. Добрую половину депутатов составляет так называемая группа «Коммунисты России» во главе с Иваном Полозковым. К ним примыкает группа «России» — шовинисты, возглавляемые молодым, нахальным авантюристом Сергеем Бабуриным. Демократы весьма настороженно присматриваются к Ельцину, не забывая его обкомовское прошлое. Совсем недавно демократическая Россия проводила в последний путь свое знамя — великого русского гуманиста академика Андрея Сахарова, безвременно умершего от издевательств и пыток в застенках КГБ. Сейчас они разобщены, лишь изредка выступая единым фронтом против полозковцев. Но положительной программы у них нет. Нет и общепризнанного лидера. А между тем обстановка становится все более напряженной. Огненные зигзаги, пройдя через Алма-Ату, Фергану, Душанбе, Ереван, Тбилиси, Баку и Кишинев, перемещаются на север. Прибалтийские республики упорно стремятся к независимости. Все тверже и тверже звучат голоса, требующие роспуска компартий и национализации партийной собственности. На защиту своей собственности партия вызывает войска, которые захватывают типографии, издательства и радиостанции. Десантники, под предлогом поиска дезертиров и уклоняющихся от воинской повинности, врываются в литовские дома, хватают литовских парней прямо с больничных коек. На демонстрации протеста устраиваются контрдемонстрации спешно созданных на партийные деньги «интерфронтов», требующих покончить «с экстремизмом и национализмом». В лексиконе

Горбачева появляется иовое выражеиие «деструктивиые элемеиты», с которыми будет вестнсь самая решительиая борьба. 9 января 1991 года по каиалам советской воеииой разведки и КГБ пришло экстреииое сообщение: правительствеиные и военые структуры США заактивировали боевые средства связи и управления. Аиализ агентурной и спутннковой ииформации убедительно показывал, что в поиедельинк 14 января американцы иамерены иачать боевые действия против Ирака. Несколько месяцев уговоров Саддама Хусейна уйтн из Кувейта не привели ии к чему. Багдадскнй днктатор стаиовился все более воинствениым, грозя Америке страшиым ответиым ударом и обещая на белом коие въехать в Иерусалим. На Лубянке царнло радостное возбужденне: вскоре амернканцы, втяиутые в жестокие кровопролитиые бои, терпя уннзительиые поражения, потеряют свой мировой престиж и не смогут уже давить на СССР, ставя свою фннаисовую помощь в прямую зависимость от проведеиия демократических реформ в коммуиистической империи. Оин будут платить только за то, что мы ие вмешиваемся в конфликт иа стороие Хусейиа. А пока настал час иавести, иаконец, порядок в стране. Начать решено было в Прнбалтнке — в ее двух наиболее горячих точках: Вильиюсе и Риге. Комаидующнй Прибалтийским воеииым округом геиерал-полковиик Кузьмин, получив все указаиия из Миинстерства обороны, отиесся к затее без всякого эитузиазма. Он пытался возражать маршалу Язову, убеждая его «ие подставлять армию». Пусть партия и КГБ разбираются сами. Договорились, что армня «окажет содействне» внутреиним войскам н ОМОНу в наведенни и поддержаиин порядка. Крючкову стаиовилось ясно, что части Прибалтийского округа ие слишком надежиы и вовсе ие горят желаиием закрывать своими теламн загнивающую партню от народиого гиева. Шеф КГБ приннмает решеиие прислать в Вильнюс спецкомаиду КГБ «Альфа» — отряд профессиональиых убнйц, создаиный еще в аидроповские времеиа и подчниенный иаиболее секретному 7 управленню КГБ. Правда, комаидир «Альфы» полковник (поздиее геиерал) Карпухин с некоторой озабочеииостью докладывал Крючкову, что общее «разложение» общества косиулось и его людей. Днстанцнонно управляемые роботы, запрограммнрованые только на «выполиеиие задачи», стали последнее время задавать своему комаидиру вопросы, иаличие которых «программой» ие предусматривалось. В частиости, средн вопросов были н такие позориые, как вопросы «о иизкой зарплате» и «отсутствие жилья». Крючков пропустил мимо ушей слова Карпу-

хина — «Альфа» недавно вернулась с юга, где парни проявили себя прекрасно, убивая всех, кого было приказано убить. Партия, самая трусливая из правящей триады (партия — КГБ — армия), в последний момент испугалась действовать открыто. В Вильнюс и Ригу со Старой площади полетели шифрограммы в адрес местных первых секретарей ЦК Бурокявичюса и Рубикса спешно сформировать «Комитеты национального спасения», которые должны быть анонимными и действовать от лица «трудящихся» с задачей захвата власти в республиках после разгона ненавистных народных фронтов. Напрасно Крючков и начальник Главного Политуправления Вооруженных сил генерал-полковник Николай Шляга, в недавнем прошлом руководящий работник секретариата ЦК, брошенный в ГлавПУР «для усиления кадров», пытались убедить перетрусивших вождей действовать открыто, а не скрываться, подобно террористической организации, под масками анонимных комитетов. ЦК было непреклонным, поскольку обстановка была, мягко говоря, весьма деликатной; с. тех пор как в Прибалтийских республиках к власти пришли Народные фронты, а компартии потеряли практически все влияние, именно этот регион привлекал внимание ЦК, поскольку там было очень трудно организовать беспорядки. Слишком высок был уровень почти европейской цивилизации. В отличие от других союзных республик, где уже во время перестройки почти повсеместно пролилась кровь (Казахстан, Узбекистан, Киргизия, Азербайджан, Армения, Грузия, Белоруссия), где совершались погромы, поджоги, убийства, террористические акции, в Прибалтике за все время существования новой власти не было ни одной жертвы, ни крупных беспорядков, ни погромов. Оснований для силового вмешательства, как ни крути, просто не было. Но и терпеть все эти безобразия дальше не было никакой возможности. Причем, речь уже шла не только о Прибалтике, но и о всей стране. Близость Литвы к Европе позволяла проверить реакцию Запада, глупость и гуманизм которого пока позволял беспрепятственно получать валюту, оседающую на партийных счетах. После падения цен на нефть партия не брезговала никакими средствами для получения валюты, участвуя активно даже в мировом наркобизнесе через товарища Фиделя Кастро. Все богатства огромной страны были «экспроприированы» загребущими лапами КПСС. Правда, и расходы предстояли немалые. Товарищ Саддам Хусейн, например, потребовал за свои услуги три миллиарда долларов. Собрали секретариат, заслушали товарищей Дзасохова и Шенина, постановили: удовлетворить.

На товарища Саддама сейчас миого иадежды. Доверие ему оказаио большое. Могло ли быть такое решение принято без ведома Геиерального секретаря в партии, оргаиизоваииой по образцу ордена «мечеиосцев», зажатой жесточайшими связями железиой дисциплины? Не поддавайтесь на соблази простых ответов... 11 яиваря группа «Альфа», переодетая в форму внутренних войск, прибыла иа военный аэродром под Вильнюсом. Карпухии объявил задачу: иеобходимо захватить телецеитр, а затем здаиие парламента. Надо было, коиечио, обе акции проводить одиовремеиио, ио не хотелось дробить силы. Генерал-полковиик Кузьмии согласился только содействовать, а затем взять «объекты» под охраиу, ио участвовать в вооружениых акциях ои войскам разрешеиия не даст. Кроме того, у иего иет никакого конкретного приказа от мииистра обороиы иа примеиеиие оружия. Ладио, чистюли, содействуйте. Обойдемся без вас. Карпухии предупреждает своих людей, что здаиия телецентра и парламента оцеплеиы вооруженными «боевиками «Саюдиса». Надо их убить как можно больше по бакинскому варианту. Карпухии ие видит иикакого восторга иа лицах вымуштрованных исполиителей. Мало того, происходит совершеиио неслыхаииая вещь: лейтенаит Шацких решительио отказывается принимать участие в акции, связаииой с убийством людей. Такого еще ие бывало за всю историю существоваиия группы «Альфа», хотя мудрые ииструкции предусмотрели возможиость и такого события, естествеиио считая «расстрел иа месте» едииствеииым выходом из подобной ситуации. Что и было иемедлеиио сделаио. В душе Карпухин даже был доволеи: труп лейтеиаита Шацких было решено подкииуть к здаиию телецентра в качестве доказательства существоваиия «вооружеииых боевиков». Завериутый в брезеит труп мужественного офицера грузили в машину. Перепуганый представитель воеииого округа — геиерал ВДВ Сергеев случайио увидел эту картииу и спросил Карпухииа: «У вас груз-200?» Тот иичего ие ответил и сел в машииу... * Ночью

* Кровавые события в Вильнюсе, помимо всего прочего, продемоистрировали весьма иизкий профессионализм участников провокации. Полиостью отсутствовала радиодисциплииа. На каиалах УКВ открыто переговаривались безответствениые и откровеиио пьяные армейские иачальники, даже ие подозревая, что их прослушивают и записывают иа плеику. «Альфу» называли: «полосатенькими, что впереди», «те, что впереди», «те, что штурмовали здание», «те, что из Москвы прилетели». Причем всем тут же растрепали, что оии везут «груз-200», как иа армейском слеиге называется труп. Комаидиры подразделеиий ие понимали друг друга и переспрашивали: «Полосатеиькие? Это чекисты из Москвы?» «Груз-200? Что за груз?» «Ну вспомии Афганистаи. Чериые тюльпаиы. Понял?» «Покой-

13 января группа «Альфа», убив 13 человек и ранив более ста, захватила здание телецентра в Вильнюсе. Их действия поддерживал армейский танк, который стоял вблизи здания, грозно крутя башней с задранным вверх орудием, но активного участия в событиях не принимал, если не считать одного задавленного им человека. Передав охрану телецентра десантникам, «Альфа» кинулась к парламенту, где ее ждал сюрприз и весьма неприятный. Здание парламента по призыву президента Литвы Ландсбергиса окружили десятки тысяч людей. Становилось ясно, что без армии здесь не справиться. Армейские танки и бронетранспортеры шли по ночным улицам литовской столицы, паля для устрашения холостыми из орудий, но никаких других действий предпринимать не желали. Карпухин бросился к коменданту города, прося батальон десантников. Доведенный уже до истерики генерал-полковник Кузьмин просто заорал на коменданта, требуя немедленно убрать боевую технику с улиц города, даже не услышав о просьбе представителя Лубянки. Операция провалилась. В Риге уже не решились на подобные действия. Была спорадическая стрельба на улицах, но не более того. И в довершение всего оскандалилась в очередной раз советская разведка, клюнув на подсунутую американцами дезинформацию: военные действия в Ираке не начались 14 января. Военные действия не начались, но начался грандиозный скандал. На срочно собравшемся Верховном Совете был задан конкретный вопрос: кто дал приказ открыть огонь в Вильнюсе? Растерявшийся маршал Язов мямлил что-то совершенно невнятное об уставе караульной службы. Борис Пуго был более откровенен, заявив, что «Комитет национального спасения» Литвы направил в Верховный Совет республики группу из ста человек с требованием прекратить антисоветские теле- и радиопередачи. Их отказались слушать и даже избили. «Сторонники здоровых сил и народные дружинники,— продолжал вещать Пуго с трибуны Верховного Совета,— пытались у здания радио и телевидения пресечь клеветническую кампанию, но охранники встре-

---

иик что лн? А откуда он у них?» н т. п. Труп лейтенанта Шацкнх был обнаружеи средн убнтых у здания телецентра. Ннкто вначале не знал даже — солдат он нлн офнцер, десантннк илн нз внутреннних войск. И ВДВ, н ВВ хором публнчно клялнсь, что у ннх ннкто не погнбал. Поскольку «Альфа» ходнла на дела не как государственная структура, а как банда террорнстов, ннкакнх документов нлн другнх прнзнаков ндентнфнкацнн на трупе обнаружено не было. Фотографня убнтого была помещена в газетах — н, что значнт гласность, почтн сразу установнлн, что он офнцер КГБ. Труп несчастного лейтенанта был отправлен в Москву, где н похоронен в прнсутствнн чнновннка нз отдела кадров с Лубянкн.

тили их палками и кастетами. Тогда «Комитет национального спасения» обратился за помощью к командиру гарнизона Советской Армии в Вильнюсе, и он отдал приказ направить воинский контингент с танками и бронетранспортерами. Со стороны представителей «Саюдиса» началась стрельба. Был убит один военнослужащий... После этого воинские формирования открыли стрельбу вверх, потом на поражение. В результате убиты 13 человек... 163 человека обратились за медицинской помощью. Внутренние войска взяли под охрану радио- и телецентр... Ни президент СССР, ни кто-либо из центра руководства страны не давал распоряжений о применении армейских подразделений в Вильнюсе. Это инициатива командира гарнизона, выполнившего просьбу «Комитета национального спасения»., «Однако,— закончил свое яркое выступление министр внутренних дел,— вооруженные силы действовали правомерно». Это уже была чистая «подлянка», подставляющая армию. Уже тогда многие из слышавших речь Пуго генералов начали делать правильные выводы, какие планы имеются у «родной партии» относительно самой большой армии в мире. Командующий гарнизоном Вильнюса пригласил журналистов и твердо заявил, что подчиненные ему подразделения не только не открывали огня, но и не имели боевых патронов, ибо на выдачу боевых патронов необходима санкция министра обороны. Никто ему тогда не поверил, но вопросы посыпались один за другим. Что это за анонимные комитеты национального спасения, имеющие право вызывать войска из-за того, что им не нравятся телепередачи? Имеют ли право только коммунисты вызывать армию или армия откликнется на призыв и других политических партий? Что за лица входят в комитет? Вызванный на заседание Верховного Совета президент-генсек Горбачев был на даче и не знал ничего. Тогда вопрос был поставлен так: если президент знал, а значит разрешил, то он преступник, если же не знал, то он не президент, если может позволить вооруженным силам страны откликаться на призыв каких-то анонимных «комитетчиков» и заниматься подобной самодеятельностью. Многие уже забыли, что президент еще и генсек... Пока мировая и наша общественность требовала отчета о случившемся побоище в Вильнюсе, в ночь с 16 на 17 января американская авиация нанесла первый удар по товарищу Саддаму Хусейну. Это немного отвлекло от внутренних скандалов, тем более что прогнозы генералов о неминуемом поражении США уже обошли почти все советские газеты, как правого так и левого толка. Но уже первые дни войны показали, что непобедимый маршал Саддам Хусейн не в со-

стоянии оказать американцам ни малейшего сопротивления. Он был разгромлен вдребезги настолько быстро и с такими ничтожными потерями со стороны сил союзной коалиции, что в СССР наступило тягостное молчание. Все помнили, что иракскую армию готовили советские военные специалисты и что она была вооружена нашим оружием. Воеииая империя оказалась несостоятельиой даже иа своем самом любимом поприще. Встал вопрос, что за оружие кует наш мощный ВПК, если оно в реальиых условиях или вообще не стреляет, или стреляет, но ие попадает. В генеральиом штабе прятали в сейфы совершеиио секретиые сводки, докладывающие с тревогой о том, что когда американцы в далеком Персидском заливе включили на боевой режим свои средства радиопротиводействия, оказались «забитыми» все средства связи, контроля и управления кавказского и причериоморского округов. Но этим уже заниматься было иекогда. События в стране развивались со стремительиостью падающего иа землю самолета с отказавшими двигателями. 19 февраля Ельцин, пробившись после долгих усилий на экраны телевизоров, ие тратя время на выбор выражеиий, открыто называет врагами все центральное руководство, призывая народ подияться на борьбу. Он объявляет о своем полиом недоверии к Горбачеву и призывает его иемедленно уйти в отставку и назначить общенародные выборы нового президента. Реакция ие замедлила. Шесть партийных функционеров, занимавших посты заместителей Ельцина иа посту председателя Верховного Совета, выступают с заявлением, шельмующим Ельцина. Бывший прокурор Светлана Горячева чеканными фразами, составленными в стиле лучших образцов партийных доносов, громогласно требует призвать Ельцина к ответу и объявить ему недоверие как Председателю Верховного совета России. Из семи заместителей Ельцина только Руслаи Хасбулатов ие подписал этого заявления, но и его позиция пока иедостаточно ясна. Но призыв Ельцина был услышан. Демократы, позабыв прежиие подозрения и собственные распри, решили сплотиться вокруг него. Шахтеры Воркуты, Донбасса и Кузбасса грозят иачать политическую забастовку в случае отстраиения Ельцина. По сигналу Крючкова в дело вступает новый премьер Павлов, развязывая против народа финансовый террор, извечный предшественник террора политического. Народ — это быдло — надо поставить на место. Он ни о чем не должен думать, кроме как о куске хлеба. Достигнув полной внезапности, как союзная авиация в Персидском заливе, Павлов объявляет о замене сторублевых и пятидесятирублевых

купюр на новые, давая два дня на обмен. Нищие люди, сжимая свои последние гроши, бросаются к сберкассам. По всей стране образуются длинные, страшные очереди, где люди падают в обморок и умирают от инфарктов. Мотивировка, разработанная в КГБ гласит, что западные банкиры, набрав огромное количество старых сторублевок, готовились скупить весь Советский Союз. До такого не додумался бы и сам Ленин, будь он жив. Западные банки, кормящие уже пять лет Советский Союз, с возмущением требуют объяснений от Горбачева. Улыбающийся президент успокаивает банкиров, говоря, что «слова премьера не следует понимать обобщенно». Между тем Павлов делает следующий шаг, вздувая все цены в среднем в четыре — пять раз. В один миг нищими становятся почти все граждане, поскольку предусмотрительный премьер принимает меры, чтобы заморозить зарплату. Хотя всем ясно, что повышение цен не имеет под собой никакой экономической подоплеки, а используется в качестве средства террора против распоясавшегося народа, премьер, гнусно улыбаясь с телевизионных экранов, объясняет населению, что расчет, произведенный аппаратом минфина, показывает, что вполне можно прожить на 140 рублей. Вводятся новые налоги и таможенные правила, губя на корню малые предприятия и первые ростки частного бизнеса. Партия вышла из окопов. Увы, семидесятилетняя монополия на власть лишила КПСС каких-либо навыков конкурентной политической борьбы. Партии просто нечего сказать народу, а переходить на обычные марксистско-ленинские заклинания и завывания уже нельзя. Остается только то, что партия всегда умела делать прекрасно — наносить неожиданные и страшные удары по народу. В разгаре всех этих событий собирается III внеочередной съезд народных депутатов России, созванный коммунистами с целью свержения Ельцина. Страх перед собственным народом, никогда не покидавший коммунистов, на этот раз их сильно подводит. Перепуганные, они от лица своих депутатов просят ввести в Москву войска, чтобы обеспечить их охрану (от кого?) и не допустить митингов. Колонны БТРов оцепляют парламент. Депутаты проходят в зал между шеренгами солдат в касках и бронежилетах, с автоматами, дубинками и щитами. В ответ на это десятки тысяч людей выходят на улицы Москвы, объявляя о своей солидарности с Ельциным и демократами. Шахтеры начинают политическую забастовку, требуя ухода в отставку союзного правительства во главе с Горбачевым и Павловым. Проведенный правительством референдум «О единстве Союза» объявляется

жульническим и не имеющим силы. В результате на съезде впавшие в панику коммунисты не только не осмеливаются поднять вопрос о недоверии к Ельцину, но по призыву своего перепуганного «вождя» Полозкова послушно голосуют за предоставление Ельцину дополнительных полномочий и о введении президентского правления в России. Выборы президента — первого свободно выбранного президента в тысячелетней истории России — назначаются на 12 июня 1991 года. Экономический паралич страны, политические бои и шахтерские забастовки очень способствуют умело распускаемым слухам о возможном военном перевороте. Недавние события в Вильнюсе и Москве заставляют в эти слухи верить. Армия заблаговременно снова подставляется под удар общественного мнения, совершенно не понимающего истинного положения вооруженных сил, зажатых между особыми и политическими отделами ЧК и КПСС. Провокатор Алкснис, давая интервью чехословацким журналистам, со свойственной ему наглостью, открыто излагает якобы собственную позицию. Путь из кризиса в СССР полковник Алкснис видит в использовании чрезвычайных мер, конкретно — в создании комитета общественного спасения. «В стране есть силы,— утверждает он,— способные объявить чрезвычайное положение: МВД, КГБ и армия. Армия будет играть главную роль, первую скрипку». «Ряд политических партий,— разъясняет Алкснис мечту ЦК КПСС,— уйдет при этом в подполье и начнет нелегальную деятельность, против чего придется применять «законные меры»». Полковник подтверждает журналистам свои ранее сказанные слова о том, что комитеты национального спасения в Прибалтике были созданы по инициативе Горбачева, который, затем трусливо от них отказавшись, потерял право на свой пост... В стране продолжает литься кровь. Война в Закавказье начинает принимать все зловещие формы второго Афганистана. Войска внутренней службы Бориса Пуго и отряды ОМОНа обрушивают на армянские села огонь реактивных минометов, обстреливают их с воздуха, давят танками. Солдаты жгут деревни, убивают и куда-то угоняют жителей. Армянские партизаны совершают ответные налеты, убивая военнослужащих и захватывая их в плен. Распоряжение Ельцина, принятое после событий в Вильнюсе и говорящее о том, что военнослужащие, призванные на территории России, не могут использоваться в межнациональных конфликтах, никто не собирается выполнять. Русские мальчики продолжают проливать свою и чужую кровь во имя кувшинорылых аппаратчиков со Старой площади. В Прибалтике бесчинствует ОМОН.

Горят таможенные посты, безоружные люди лежат лицом вниз на асфальте под дулами автоматов, гибнут журналисты и полицейские. Телерепортер Невзоров, ободренный змеиными улыбками первого секретаря обкома Бориса Гидаспова, прославляет распоясавшихся бандитов, подстрекая их на новые бесчинства. В Москве первый секретарь МГК Прокофьев организует на предприятиях столицы цикл лекций, разъясняющих трудящимся, что слова демократия и сионизм являются синонимами. В это же время не дремлющий Крючков вносит в Верховный Совет СССР проект нового закона о КГБ, предоставляющий его ведомству такие легальные права, о которых тайная политическая полиция не смела мечтать даже во времена незабвенного Лаврентия Павловича. Лукьяновский парламент почти без возражений проштамповывает новый закон. Сам Крючков неожиданно оказывается в эпицентре вспыхнувшего политического скандала. В кабинете Ельцина обнаруживается подслушивающая аппаратура. Привыкший рубить сплеча Ельцин приказывает вскрыть смежные с его кабинетом секретные помещения КГБ и демонстрирует аппаратуру журналистам. Крючков не моргнув глазом объявляет все это «гнусной клеветой» — аппаратура не подслушивания, а «информационной защиты». После этого дело быстро похоронили в какой-то очередной депутатской комиссии. Крючкову некогда заниматься подобными мелочами. Его ведомство охвачено мощным творческим порывом. Неблагодарные скоты, которых вели к светлому будущему, слишком сильно возомнили о себе. Придется их пропустить через еще одну мясорубку массового пролетарского террора, чтобы еще на сто лет отбить охоту вопить на митингах, ставя под сомнение священное право КПСС править ими — рабами по духу, рабами по уровню жизни, рабами по рождению. Однако под такое мероприятие как массовый террор необходимо подвести известную идеологическую базу, понятную всем. Былое определение «враг народа», несмотря на свою гениальную простоту и доходчивость, сегодня уже несколько устарело и потеряло от частого употребления былую остроту. Секретно политический отдел КГБ любовно оттачивает и передает на утверждение Крючкову новый «ярлык» — «агент влияния». Крючков в восторге. Это как раз то, что нужно. Если говорить честно, то это блестящее определение государственных преступников не является совершенно новым. Еще в 1977 году Андропов, вечно страдающий от того, что в стране невозможно установить дисциплину без ясного осознания каждым своей преступной деятельности и вытекающих отсюда последствий, прика-

зал подготовить документ с весьма поучительным заголовком «О планах ЦРУ по приобретению агентуры влияния среди советских граждан». «Агентом влияния», разъяснял документ, мог оказаться каждый советский гражданин, который вольно или невольно своей деятельностью или поведением способствует распространению влияния западной идеологии или образа жизни в Советском Союзе. Другими словами, посадить можно было любого, кто, скажем, ходил в американской футболке, влияя на всех остальных тем, что в СССР такие футболки не выпускаются. Захватив в 1982 году власть, Андропов, втянутый в водоворот смертельных кремлевских игр, сгинул в этом водовороте, так и не успев дать этому документу ход. Теперь он, слегка переработанный, чтобы соответствовать духу времени, лежал на столе Крючкова, готовый к действию. Задуманное мероприятие требовало подготовки, на которую уже не хватало времени, съедаемого митингами и рабочими забастовками. На ряде заводов был спешно размещен заказ на срочное производство 250 тысяч наручников. С большим трудом и путем блестяще произведенной дезинформации необходимый для этого металл удалось получить у Министерства сельского хозяйства. Тысячи тонн бумаги, изъятой в основном из партийных запасов, завезены в ведомственные типографии, где в сотнях тысяч экземпляров печатаются новые ордера на арест, бланки протоколов обысков и допросов, бланки на депортацию, постановления на высылку, распоряжения на создание трибуналов. Тайно вывезенные из Америки компьютерные системы уже начали распечатку списков, подлежащих уничтожению, аресту, интернированию, депортации, высылке, задержанию. Не хватает бумаги и времени для составления поименных списков. Поэтому многие циркулярные и директивные документы имеют общий характер: «Всех выступлений и публикаций, всех членов партий демократическая Россия, демократический Союз, всех депутатов межрегиональной группы, всех, ранее отбывавших наказание по ст. 70 и 190-прим... Всех советских граждан, работающих на западные радиостанции и другие средства массовой информации, всех, дававших интервью западным средствам массовой информации в негативных к существующему строю аспектах, всех членов стачкомов...» ВСЕХ! В лагерные комплексы Мордовии и Перми летит секретное указание подготовиться к приему «контингента». Из всех тюрем и следственных изоляторов затребованы справки о количестве посадочных мест «при максимальном наполнении». Дымятся компьютеры, гнутся от перегрузки линии закрытой связи... Пока

на Лубянке трудятся в поте лица, президент-генсек перестает вообще появляться в Кремле, деля свое время между поездками за границу и пребыванием в своей загородной резиденции на подмосковном курорте в Ново-Огарево. Все крепче Горбачева сжимают щупальца партии, КГБ, военно-промышленного комплекса и армии. Очухавшиеся от шока, вызванного результатами войны в Персидском заливе, генералы требуют денег на новый виток гонки вооружений для достижения утраченного паритета с Америкой. Им вторит Военно-промышленный комплекс. Родная партия близка к истерике из-за отсутствия твердой валюты. Их можно понять — одно хорошее сафари в Кении стоит 50 тысяч долларов, а не очень шикарный особняк на Лазурном побережье тянет почти на миллион. Товарищи Шенин, Дзасохов и Ивашко вкупе с генералами Шлягой и Овчинниковым из ГлавПУРа с тревогой отмечают падение влияния армейских парторганизаций, деморализованных постоянными слухами о департизации, деполитизации государственных структур и прочим вздором, распространяемым безответственными средствами массовой информации. Принимается решение о создании еще невиданного органа — Всеармейского парткома. В присутствии президента-генсека собирается Первая Всеармейская партконференция, единогласно принимающая решение о создании Суперпарткома. Горбачев сидит в огромном зале среди партаппаратчиков, напяливших военную форму, украшенную высшими воинскими знаками и колодками боевых орденов, полученных неизвестно за что. Секретарем Всеармейского парткома назначается (выбирается?) генерал-лейтенант Михаил Суроков — член Политбюро ЦК КПСС. Ему ставится главная задача: во взаимодействии с особыми отделами искоренить всякое инакомыслие в вооруженных силах на основе высокой партийности. Президент одобряет эти «совершенно своевременные меры», но весь занят своей главной задачей — добиться новых кредитов для своего ненасытного трехглавого дракона, чтобы тот не сожрал его самого. По дипломатическим каналам он начинает зондировать почву своего участия в предстоящей встрече глав правительств семи ведущих западных стран. Такого еще не бывало. На Западе реагируют сдержанно и удивленно. Зачем? Всем, впрочем, ясно зачем: будет снова просить денег. Недавно, не поставив в известность ни Верховный Совет, ни руководство России, Горбачев дал команду продать на Запад 300 тонн золотого запаса. На какие нужды? Информация просочилась, но ее объявили клеветнической. Министр Внешних Экономических связей Катушев — старый парт-

аппаратчик, уцелевший еще с раннебрежневских времен — в телеинтервью категорически опровергает «все измышления» по поводу продажи золота. А что он может еще сказать? Сразу после его интервью на экранах светятся буквы бесчисленных отчаянных призывов: «Помогите собрать 10000 долларов, чтобы спасти детей, спасти парней, искалеченных в Афганистане...» и до бесконечности... На таком фоне в России проходит первая в ее истории избирательная кампания по выборам президента. Единым строем против ренегата — Ельцина — выступают все партийные структуры. Целая шеренга партийных кандидатов на этот пост брошена партией в бой с единственной задачей отобрать нужные Ельцину голоса и сорвать выборы. Но Ельцин, одержавший уже несколько крупных побед в Российском Верховном Совете, слыша ободряющий гул рабочих забастовок, держится твердо и с достоинством. В качестве вице-президента он неожиданно предлагает довольно уже известного в стране полковника Александра Руцкого. В прошлом боевой пилот, дважды сбитый в Афганистане (первый раз — партизанским «Стингером», второй — пакистанским истребителем), познавший предсмертный туман реанимационных палат и унижение плена, Руцкой примкнул к полозковской банде. Однако быстро разобравшись, что ему совсем не место среди свиноподобных рыл первых и вторых секретарей комитетов КПСС, составлявших костяк полозковской партии, Руцкой, лихо совершив левый разворот, сколотил собственную депутатскую группу, дав ей совершенно сказочное название «Коммунисты за демократию». Группа «Коммунисты России» оказалась расколотой; перетрусивший Полозков, дав сигнал к отступлению, закончил тем самым свою политическую карьеру. Ельцин не забыл этой услуги, оказанной в трудное время Внеочередного съезда, и предложил Руцкому идти вместе и дальше. Тот согласился. Тандем получился серьезный и боевой. Главным в предвыборной программе был пункт о немедленной департизации всех государственных и военных структур на территории России. На Старой площади понимали, что это отнюдь не шутка, и мобилизовали все силы и средства, чтобы Ельцин президентом не стал. Но, увы, к этому времени изолгавшаяся и заворовавшаяся партия не имела ни одного кандидата, который мог бы серьезно противостоять Ельцину. В бой против Ельцина был брошен Рыжков — бывший премьер, уже показавший свою полную несостоятельность в качестве руководителя. «Забыв» о недавнем инфаркте, он выдвинул свою кандидатуру, а пост будущего вице-президента предложил генералу Борису

Громову, восседавшему на должности заместителя Пуго. Вторым противником Ельцина, неожиданно для многих, оказался генерал Макашов, собиравшийся совсем недавно разгонять советы всех уровней. Не поскупившись на затраты, КПСС создала впопыхах бутафорскую команду, назвав ее «Либерально-демократической» партией. Численность новой «партии» не знал никто, но ее лидер Владимир Жириновский сразу привлек к себе внимание талантом незаурядного клоуна. Собирая митинги по всей стране, он обещает отобрать у турок Дарданеллы, вернуть Финляндию в лоно России, учредить губернии и ликвидировать само понятие «Прибалтийские республики». А равно резко понизить цены на водку. Весь этот бред, по крайней мере, излагал с жаром по всем правилам жанра клоунады. Слушатели хохочут до слез, задают вопросы, аплодируют. А что может сказать слушателям Рыжков? Он что-то мямлит о «немеркнущих ценностях социализма», путается в показаниях относительно собственной дачи. На вопросы о здоровье (все помнят инфаркт) отвечает уклончиво, мол, сейчас ничего, а там посмотрим. Сразу же проигрывается ситуация: став президентом, Рыжков немедленно уйдет в отставку «по состоянию здоровья» и президентом станет генерал Громов. Это уже страшно. Громов говорить не горазд. Он волком смотрит на избирателей, прищурившись, как через прицел. Рубленые фразы о порядке, дисциплине и повышении производительности труда уже только пугают. Настораживает и то, что вся номенклатура высшего уровня от Горбачева до председателя комиссии по парламентской этике профессора Денисова, усиленно агитируют за Рыжкова. Оторванные от жизни, они не понимают, что своей поддержкой отнимают у бывшего премьера последние шансы. А программа генерала Макашова с превращением России в огромный танкодром, где демократы и космополиты будут копать окопы, вызывает хохот. Нежность Невзорова, сообщившего о том, что Макашов горел в танке, заставила журналистов внимательно вглядеться в лицо генерала, но они не обнаружили ничего, кроме сходства Макашова с Гитлером. «Нынешнее поколение,— передавал в те дни из Москвы корреспондент радио «Свобода» Дмитрий Волчек,— поставленное перед выбором между казармой и бардаком, безоговорочно выбирает бардак»... 12 июня Ельцин уверенно побеждает в первом же туре выборов и становится первым в истории Президентом России. В тот же день проводились выборы мэров Москвы и Ленинграда. К руководству столицами пришли соратники Ельцина: Гавриил Попов и Анатолий Собчак. КПСС потер-

пела иовое сокрушительное поражение, но не сдается. На экранах телевизоров возиикает нскажеииое иеиавистью лицо ленинградского обкомовского идеолога Белова. Куря сигарету за сигаретой, срывающимся от злости голосом он предупреждает, что любая попытка протянуть руку к партийиой собственности приведет к гражданской войие. Оии еще увереиы, что кто-то пойдет воевать за то, чтобы оии спокойио продолжали пьяиствовать за глухими заборами своих особняков... «Свободиые выборы победили социалистический выбор!» — ликует демократнческая пресса и совершеиио иапрасио. Ничего не изменилось. 13 июия газеты публикуют заключеиие Прокуратуры СССР по поводу кровавых январскнх событий в Вильнюсе. Генеральиый прокурор СССР Трубии, подводя итог событиям 13 января, приходит к тому же выводу, к которому его высокое правоохраиительное учреждеиие приходило и ранее, разбирая обстоятельства трагедии в Новочеркасске в июие 1962 и бойни в Тбнлиси в апреле 1989 года. Прокуратура считает, что «прнменение оружия протнв населения в Внльнюсе оправдаио». Вниоваты сами погибшие. Сами пострадавшие. Не надо было бунтовать, сопротнвляться, толкать друг друга под танки... 14 нюия на трнбуну Верховного Совета СССР прорывается Элла Панфилова — секретарь Комнссии Верховного Совета по вопросам привилегий и льгот. «Мы ие первый раз рассматрнваем недостатки и злоупотребления в Министерстве обороны,— заявляет оиа,— Первое слушание было посвящено дачам н заповединкам этого ведомства. Наша комиссия прияла постановлеине о нарушениях, допущенных Мнннстерством обороиы в их использоваиии, а Мииистерство фииаисов провело ревизию, которая подтверднла иаши выводы. На последиих слушаииях о злоупотреблениях транспортной авиацией фигурируют в основиом уже знакомые иам по «дачиым делам» имеиа маршалов и генералов. Это те же люди, что раскупали по дешевке мебель с освобождаемых дач. Барство пышио расцвело среди генералитета. Оио и подрывает армию изнутри». Сидящие в зале миогочнслеииые маршалы и генералы гневно сверкают глазами, возмущеино переговариваясь. Последнее время их просто травят. Почему все комиссии прорываются именно к нх дачам?! Почему телевидеиие еще ие показало ни одиого сюжета, а Комиссия по привилегиям даже ие заикалась о партийиых дачах — гораздо более шикариых и дорогих? Почему Павлов, на которого они возлагали столько иадежд, иатравливает на них ревизоров из своей бывшей вотчииы — Мнннстерства финансов. Им иевдомек, что родная партия, отведя ар-

мии роль сторожевого пса, дрессирует их по методике, разработанной для сторожевых собак. На иогн вскакивают представители группы «Союз» с воплями: «Не трогайте армию!», «Не будоражьте иарод!», «Прекратите очериительство!»... Под шумок иачавшегося скаидала иа трибуиу поднимается премьер-министр Павлов. Спокойно и иеиавязчиво он просит у Верховного Совета дополнительиых полиомочий и законодательиых прав. Его дружно поддерживают Лукьяиов и выпестованная им группа «Союз». Просиувшиеся депутаты иедоумевают: зачем премьеру полиомочия, которые уже имеет Президент? «Для введеиия чрезвычайиых мер,— докладывает Павлов,— в промышленности мало кто возражает, ио миогие не понимают — почему это должеи делать Павлов, а не Горбачев? Аиатолий Лукьяиов прекращает полемику и объявляет, что в понедельник, 17 июня, будет проведено закрытое заседание в Верховном Совете. Перед депутатамн выступят Язов, Крючков н Пуго с докладами «О положении в стране»... 15 июня в продажу поступает отдельный оттиск статьи маршала Сергея Ахромеева «Быть или ие быть Советскому Союзу», ранее опубликоваииый газетой «Советская Россия» — рупором национал-большевизма. (В ходе предвыборной кампаиии «Советская Россия», ничего ие говоря о программе Ельцина, требовала от будущего Президента России отчета: почему у его жеиы такое странное отчество — «Иосифовна».) Маршал Ахромеев, в прошлом начальник Генерального штаба, однн из тех, кто подбил больного н впавшего в детство Брежиева иа афгаискую аваитюру, уверяя, что она ие продлится более двух иедель, иыне занимает пост военного советника президеита Горбачева. Отмечая в своей статье, что мы жилн и живем при самом прогрессивном строе и в самой справедливой политической системе, маршал уверяет, что все стоящие перед страиой проблемы могли быть успешио преодолеиы, если бы не злокозиениое вмешательство и подрывиая работа империалистов, продажиых демократов... Сейчас они сосредоточили огонь против последией опоры государствеиности и социализма — армии. Добейся они успеха — н государство развалится, страна окажется в империалистической кабале, иарод в капиталистическом рабстве. Маршал, по его словам, обнаружил заговор, источающий смертельную угрозу Отечеству н, со свойствеиной ему солдатской прямотой, иазывает злейших врагов государства по именам: Ельцин, Попов, Собчак, Афанасьев. Сферы деятельиости врагов четко разделены. Ельцин сеет хаос в стране. Попов расчлеияет Советский Союз. Собчак громит КПСС. В заклю-

чение Ахромеев, с той же прямотой, призывает: защитить армию от нападок и очернительства, бюджетных сокращений, разрушительной конверсии, легкомысленных договоров о выводе войск с зарубежных плацдармов, потери классовых ориентиров в определении стратегического противника. И, наконец, открытым текстом звучит уже не призыв, а почти приказ: опираясь на армию и другие здоровые силы общества, восстановить в стране старый порядок. Президент Горбачев никак не прокомментировал слова своего ближайшего советника, которого он совсем недавно делегировал в США как человека, имеющего полномочия говорить от имени Президента. 17 июня на трибуне Верховного Совета перед притихшими депутатами появляется сам Крючков. Идет закрытое заседание. Голос шефа КГБ звучит зловеще-спокойно: «ЦРУ США разрабатывает планы по активизации враждебной деятельности, направленной на разложение советского общества и дезорганизацию социалистической экономики. В этих целях американская разведка ставит задачу осуществлять вербовку агентов влияния из числа советских граждан, проводить их обучение и в дальнейшем продвигать в сферу управления политикой, экономикой и наукой Советского Союза... Одним из важнейших аспектов подготовки такой агентуры является преподавание методов управления в руководящем звене народного хозяйства. Руководство американской разведки планирует целенаправленно и настойчиво, не считаясь с затратами, вести поиск лиц, способных по своим личным и деловым качествам в перспективе занять административные должности в аппарате управления и выполнять сформулированные противником задачи...» В зале гробовая тишина. Крючков открывает страшные вещи. Раньше за кадровую политику в стране отвечала КПСС — и все было в порядке. А сейчас, оказывается, ЦРУ (не считаясь с затратами!), и огромная созидательная работа нашего народа, шедшего под предводительством партии от успеха к успеху, пошла насмарку. Куда же смотрит президент? «Мы пишем обо всем в наших документах Президенту»,— подчеркивает Крючков, пожимая плечами и давая понять, что тот палец о палец не ударяет. «Полвека назад,— трагическим голосом продолжает Крючков,— началась война против Советского Союза — самая тяжелая война в истории наших народов. Вы, наверное, сейчас читаете в газетах о том, как разведчики информировали наше руководство о том, что делает противник, какая идет подготовка и что нашей стране грозит война. Как вы знаете, тогда к этому не прислушались. Очень боюсь, что пройдет какое-то время

и историки будут копаться в сообщениях не только Комитета госбезопасности, а и других наших ведомств и будут поражаться тому, что мы многим вещам, очень серьезным, не придавали должного значения... Скажу больше — есть прямые данные о разработке планов умиротворения и даже оккупации Советского Союза...» Притихшие парламентарии слушают шефа КГБ с разными чувствами. Многие еще помнят, как совсем недавно «всеведающий и всевидящий» Крючков «разоблачил» западных хлеботорговцев, уже много лет в счет кредитов кормящих Советский Союз. По уверению шефа КГБ «они» продают нам за золото зараженное, отравленное зерно. Разразился скандал, от Советской стороны требовали подтвердить или опровергнуть обвинение. В ответ Советский Союз хранил суровое молчание. Мы бедные, но гордые... Выступившие следом за Крючковым маршал Язов и министр Пуго, подчеркивали правильность выводов Крючкова, предрекали национальную катастрофу и призывали к чрезвычайным мерам, проводя аналогии с беспечностью общества накануне 22 июня 1941 года. Становилось ясно, что конец партийного всевластия оказался для них даже страшнее кровавой грозы Великой Отечественной. То очевидное обстоятельство, что их система давно обанкротилась, обрекши великий народ на унижение и нищету, их нисколько не волновало. Все беды от саботажников и ЦРУ, а также от порочной политики Президента. Речь Крючкова считалась секретной, но КГБ сам же организовал «утечку» информации, передав кассету с речью своего шефа сначала своему прямому агенту Невзорову, а затем и редакторам некоторых, финансируемых их ведомством газет вроде «Пульса Тушино», «Народного слова» и «Русского Клича». Неизвестно, какую цель ставил Крючков, организовывая «утечку» своей секретной речи, но политические обозреватели как в СССР, так и заграницей увидели в ней прежде всего попытку компрометации курса Горбачева, что было весьма странно, если учесть, что и Крючков, и Язов, и Пуго были членами президентского совета безопасности. Главный редактор еженедельника «Новое Время» Александр Пумпянский в статье «Все ЦУ дает ЦРУ» высказал свое мнение весьма резко и открыто. «Глава такого сугубо государственного ведомства, как КГБ,— подчеркивал Пумпянский,— не может бросать тень на главу государства... Во всем мире достоинства секретных служб лежат совсем в иной области. Там ценится умение добывать информацию и держать язык за зубами. И, конечно, абсолютная лояльность. Госбезопасность — дело не политическое и не идеологическое, а профессиональное. Еще в 60-е,

70-е годы мы слышали об анализах и прогнозах ЦРУ. Тогда КГБ помогал разоблачать злобные выдумки классового врага о якобы наступающем на нас кризисе. Сейчас, когда кризис превзошел все худшие предсказания, выяснилось, что виновато именно ЦРУ. Вот что происходит, когда в профессиональном деле занимаются идеологизированием. Нарушив законы собственной службы и бросив вызов президенту, В. А. Крючков не оставил выбора. Теперь он должен подать в отставку. Либо президент должен его уволить...» Но не происходит ни того, ни другого. Президент молчит, вообще никак не реагируя на «бунт» трех ведущих министров. Напротив, в газете «Правда» в защиту Крючкова выступает ближайший помощник Горбачева по партии Олег Шенин — член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК по идеологии. Статья члена Политбюро называется «Мнение по поводу» и содержит грубый окрик в адрес зарвавшегося еженедельника. «Главный редактор еженедельника,— раздраженно отмечает секретарь ЦК,— по-видимому решил, что Президент страны М. С. Горбачев не сможет без его помощи определить, кто из членов Совета Безопасности СССР и в какой степени соответствует занимаемой ими должности, о чем и поведал в достаточно бестактной форме союзной и мировой общественности». Напротив, считает вельможа со Старой площади,— речь Крючкова была мудрой, взвешенной и совершенно не оскорбительной по отношению к президенту. И вообще, советует Шенин, не лезьте не в свое дело... Президент молчит, но введенный Крючковым новый термин «агент влияния» неожиданно берется прокомментировать полковник Алкснис. Агент-провокатор с удовольствием разъясняет, что если кто-то «агент влияния», это не значит, что человек является агентом ЦРУ, шпионом, который под одеялом ночью фотографирует секретные документы. Нет, агент влияния — это просто ч е л о в е к, с которым налаживаются добрососедские отношения и ему советуется, рекомендуется — не за деньги конечно,— поступать тем или иным образом. Знал ли «всезнающий» Алкснис, имеющий, по его собственным словам, доступ к секретной информации, что компьютеры КГБ уже ведут распечатку сотен тысяч «агентов влияния» на бланках «Депортация», «Интернирование», «Профилактика» и даже «Нейтрализация», что может означать все — вплоть до ликвидации? А Горбачев молчит. На экранах телевизоров вместо него все чаще мелькает пьяная физиономия вице-президента Янаева. Горбачев явно сторонится своего вульгарного, вечно в подпитии, комсомольца-вице-президента. Они никогда не появляются вместе, даже когда этого требует прото-

кол. Не так давно Янаев, принимая делегацию бастующих шахтеров, видимо, по-пьянке, но с комсомольской искренностью воскликнул: «Ребята, если я не решу ваших проблем до 25 мая, назовите меня козлом!» И, естественно, ничего не решил. В шахтерских городах и поселках выходят газеты и листовки с огромными заголовками «Янаев — КОЗЕЛ!» Рабочий класс уже давно перестал уважать свой «боевой авангард». Шахтерские забастовки грозят парализовать весь энергетический комплекс страны. На грани остановки металлургические заводы и транспорт. Но Янаев, преисполненный государственной мудрости, заявляет корреспондентам: «Если они (шахтеры) считают меня козлом, то я с ними вообще больше разговаривать не буду!» Он продолжает принимать какие-то делегации, вручать какие-то награды, улыбаться послам из стран третьего мира... 21 июня Горбачев неожиданно появляется на сессии Верховного Совета СССР. Впервые с момента пребывания на посту президента он гневно обрушивается на депутатскую группу «Союз», обвиняя ее в попытках «дестабилизации» как всего общества, так и сотрудничества республик и президента. Он с гневом и яростной жестикуляцией называет фамилии Алксниса, Петрушко и Блохина. Он высмеивает поползновения Павлова на дополнительные полномочия. Премьер сидит, как побитый щенок. На осторожные вопросы, что думает президент о недавней речи трех его ведущих министров на закрытом заседании Верховного Совета, Горбачев отвечает: «Мы побеседовали с товарищами. Все в порядке... и с Павловым у нас никаких разногласий нет». Все понимают — впереди Лондон, встреча с европейской семеркой — президент снова перешел на крутое маневрирование. Западная пресса отмечает, однако, что рассказы «вооруженных» министров о заговоре ЦРУ и угрозе нападения звучат все напористее и чаще... Тревогу заглушает торжественное вступление Ельцина в должность президента России. Его приветствует народ и благословляет патриарх. Давно уже разочарованный, запутанный Горбачевым народ ждет от Ельцина быстрых и решительных действий. Остановив шахтерские забастовки и договорившись с Горбачевым о новой форме союзного договора по схеме «9 + 1», объявляет свой Указ о департизации. Все партийные структуры ждали этого указа, но его объявление вызвало шок в КПСС, которая солидно, как и в старые времена, готовилась к пленуму своего ЦК, убеждая себя в том, что она — правящая партия, рассуждая о том, как править и куда, а тут оказалось, что с ней просто управились указом. Управились грубо и по-хозяйски — без обсуждения в Верхов-

ном Совете, без изнуряющих голосований, без аппаратных утрясок и согласований, не оставляя никаких иллюзий, кто действительно правит. В принципе указ Ельцина не содержал в себе ничего страшного для КПСС. Он не касался ни ее структур, ни ее собственности, а лишь запрещал — только на территории РСФСР — иметь парторганизации в системе промышленных предприятий, государственных организаций и вооруженных силах. Но у КПСС аж дух захватило от обиды и возмущения. Посыпались ссылки на статьи Конституции, апелляции к международным пактам о правах человека, обращение в Комитет конституционного надзора. «Удар по миллионам коммунистов, которые не мыслят себя вне трудовых коллективов!» — истерично вопила партийная пресса, сознательно передергивая факты, тогда как на самом деле это был удар по параллельной государственной структуре. Удар по неконституционной структуре, подмявшей законную власть и явочным порядком захватившей право управлять и решать. Огромным мешком мокрого песка висела КПСС на парализованной стране, не давая ни шелохнуться, ни вздохнуть. И уступать не собиралась, грозно намекая, что собирается отстаивать свои права и свое имущество танками. Имущество партии: дворцы и небоскребы обкомов, горкомов и райкомов по всей стране, типографии, санатории и больницы, специальные обкомовские цеха на мясокомбинатах, кондитерских фабриках и хлебозаводах. Обкомовская колбаса, обкомовские конфеты, обкомовское молоко. Партия создала отделенный от страны материальный мир, этакое зазеркалье внутри СССР, роскошный оазис посреди нищеты, где иначе едят и пьют, иначе летают и ездят, иначе отдыхают и лечатся, иначе умирают и иначе сходят в могилу. Можно было еще выбить себе визу куда-нибудь в Париж, но в это Зазеркалье — никогда. Оно охраняется тщательнее государственных границ и никто кроме избранных не имеет туда доступа. Однако все это — лишь небольшая часть принадлежащего партии. Главная же собственность партии — все, что есть в нашей стране, вся промышленность, весь транспорт, все колхозы и совхозы, все учреждения культуры — практически все, что есть на одной шестой планеты, включая, естественно, и население. Именно в ЦК КПСС, а не где-нибудь утверждались все главные руководители, не только партийные, но и хозяйственные, и даже выборные советские. Над каждым министром дамокловым мечом висел соответствующий завотделом из ЦК. Его имени не знал никто в стране, но его власть была безгранична. Огромные суммы перечислялись, переводились, тратились с таинственной ссылкой:

«По указанию директивных органов». Директивные органы — одна из подпольных кличек КПСС. И теперь это все отдать вот так — по Указу какого-то там президента?! Извините. Никто всерьез не собирается выполнять приказ Ельцина, понимая, что выполнение будет началом конца. Партия апеллирует к своей последней надежде — к своему генсеку. Но тот собирается в Лондон на встречу с семеркой. Ему не до партийных интриг. Впрочем, на спешно собравшемся пленуме, Горбачев выражает готовность сложить с себя должность генсека, «если товарищи так настаивают». «Товарищей» охватывает паника. Президент соглашается и улетает в Лондон. Давно уже президент чувствует на западе гораздо спокойнее, чем дома. Сколотилась уже своя компания: президент Буш, Джон Мэйджер, Миттеран, канцлер Коль. Все уже давно на «ты». «Как твои дела, Майк?» Сочувствующие взгляды, сердечные улыбки, крепкие рукопожатия. Но денег не дают. Под обещания больше ни цента. Под конкретные программы дадим. Но конкретных программ нет. «Я не понимаю, Майк,— спрашивает президент США,— почему ты так цепляешься за устаревшие структуры? Они же прогнили насквозь. Дунь — и они рассыпятся». Последние аналитические выводы ЦРУ объемно дали ситуацию в СССР и Буш внимательно их прочел перед отлетом в Лондон. Горбачев бледнеет, красное родимое пятно на его лбу становится ярким, как пятно крови. За его спиной стоит начальник его личной охраны генерал КГБ Медведев, его личные переводчики — офицеры КГБ. Он нигде не может позволить себе ни одного лишнего слова. «Дунуть некому»,— улыбается он в ответ, хотя ему совсем не до смеха. Впервые за шесть лет Горбачев возвращается в СССР с пустыми руками. И товарищи из Политбюро могут правильно поставить вопрос, что кредит доверия к нему исчерпан. Буш пытается подбодрить его. На конец июля назначен визит американского президента в Москву на подписание договора о сокращении стратегических вооружений. «Все будет О'Кей. Только не прячьте ракеты за Урал, как вы уже это сделали с танками»... В здании ЦК КПСС идет совещание. Присутствуют члены Политбюро товарищи Шенин и Дзасохов и, конечно, Крючков. На этот раз один. Крючков уже знает результаты переговоров Горбачева с семеркой. Впрочем, эти результаты можно было предвидеть заранее. Но была некоторая надежда на личное обаяние президента — генсека. С сообщением выступает шеф КГБ. Положение критическое. Есть информация, что Горбачев дал обязательства Западу покончить с КПСС и социализмом в нашей стране. Пока он эксперимен-

тирует руками Ельциииа, ио вскоре подключится и сам. Ои предал партию. Необходимы решительиые меры. Горбачев должен быть устраиеи от руководства страиой, передав, как и положеио по коиституции, президеитскую власть Яиаеву. Коиечио, Яиаев ие годится даже для простого представительства. Это поиятио. Но ои объявит о введеиии в страие чрезвычайиого положеиия и, сославшись иа иедостаток опыта или иа здоровье попросит об отставке, и опять же — по коиституции — передаст президеитскую власть Аиатолию Лукьянову. Члеиы Политбюро согласио кивают. Имеиио так. На ближайшем плеиуме Лукьяиов будет выбраи геисеком и, сохраиив за собой должиость Председателя Президиума Верховиого Совета, вериет страиу иа провереииый путь, существовавший до 1988 года. Олег Шеиии иапомииает, что иужно покоичить вообще с ииститутом президеитства, как с чуждым иашему обществу. Товарищ Дзасохов иапомииает, что иа первом этапе иеобходимо действовать строго в коиституциоииых рамках. Собрать Верховиый Совет. Никаких сбоев ие предвидится — Аиатолий Иваиович ие зря трудился все эти годы. Что делать с Ельциием? Крючков склоиеи его арестовать еще до иачала активиых действий и пристрелить при попытке к бегству, объясиив затем его скоичавшимся от какой-иибудь болезии, тем более, что у иего их полио. Члеиы Политбюро категорически против. Ни в коем случае! Из первого списка в 176 человек, подлежащих ликвидации, в первые дии ие трогать иикого. Не забывайте, что иам придется дальше жить в мировом сообществе. И кредиты получать тоже. Ельциину будет оказаио иедоверие иа российском съезде, где преобладают иаши товарищи, а разиые там мэрии и префектуры — можио просто запретить. А убирать их всех потом — быстро, ио без шума: болезии, самоубийства и все такое прочее. Хорошо. А что делать с Горбачевым. Как заставить его передать власть доброволь-ио? Тут в прииципе, поясияет Крючков, проблемы вряд ли возиикиут. В иачале августа Горбачев собирается в отпуск иа свою дачу в Форосе. Место легко блокируется. В охраие мои люди. Предполагается, что его удастся убедить объявить чрезвычайиое положеиие в страие даже от своего имеии, благо ои иабрал себе достаточио полиомочий. Затем ои заболеет, иу, а дальше видио будет. Рейтииг у иего сейчас в страие иулевой, плакать иикто ие будет. Крючков имел время изучить Горбачева и зиает, как легко убедить президеита в самой иелепой ииформации, если оиа проходит по каиалам его ведомства. 28 марта, когда коммуиисты лелеяли иадежду согиать «закоииым» путем Ельциия с поста пред-

седателя Верховного Совета РСФСР, Крючков, убеждая Горбачева дать разрешение на ввод войск в столицу, сообщил президенту страшную информацию: демократы запаслись канатами с абордажными крючьями, чтобы штурмовать Кремль. Вид тысяч людей, взбирающихся по канатам на кремлевскую стену, ужаснул Горбачева и он дал просимое разрешение... Больше проблем вызывал народ, которого по устоявшейся партийной фразеологии называли «населением». Анализ стекающейся со всей страны информации, обработанный по всем правилам современной науки, показывал, что народ, т. е. население доведено продуманными и эффективно проведенными мероприятиями до такого уровня нищеты и бедствия, что одним инстинктом выживания обрадуется любым переменам, откуда бы они ни исходили. Немедленно надо будет объявить о повышении зарплат и понижении цен (особенно водку). Товарищ Стародубцев — председатель созданного месяц назад Крестьянского Союза СССР, состоящего из секретарей сельских райкомов и работающего под строгим теневым надзором знаменитого Егора Лигачева, получит указание наконец открыть ломящиеся от продовольствия склады и слегка подкормить изголодавшееся население. Товарищ Стародубцев — колхозный «бунтарь» 70-х годов, неожиданно показал себя решительным и инициативным товарищем, которому можно оказать достаточно большое (не любое, конечно) доверие. Все эти годы шли бесконечные разговоры о формах собственности на землю, сопровождаемые воплями демократов о полной несостоятельности изжившей себя рабовладельческой колхозной системы. Был проведен даже закон о земле и с опасной быстротой, разрушая колхозную систему, стали плодиться разные арендаторы и фермеры. Смотря на этих новых «кулаков» и другие сельские жители начали копить деньги, мечтая в будущем работать на земле самостоятельно и свободно. Повышение закупочных цен на сельскохозяйственные продукты и подскочившие рыночные цены позволили вчерашним рабам увериться в том, что их мечты не так уж беспочвенны. Вот тут-то товарищ Стародубцев и совершил свой подвиг, восхитивший всех на Старой площади. Дело в том, что в отличие от городского населения, сельские жители не хранили деньги в сберкассах, которых в сельских районах было мало, да и добираться до них было мытарно, а то и просто невозможно. Стародубцев и подал Павлову идею замены крупных денежных купюр новыми, обрушив страшный новый удар на робко поднимавшее голову после десятилетий геноцида русское крестьянство. Кампания по раскулачиванию прошла быстро

и эффективио, а главиое — почтн совершеиио иезамечеииой для страны, поскольку у крестьяи ие было другого рупора кроме самого товарнща Стародубцева и стоящего за его спиной Егора Лигачева. Доказав, что с иим можио работать, Стародубцев должен был держать под коитролем колхозносовхозиую систему н быстро ликвидировать разиые арендные н фермерские глупости. Коиечно, иеобходимо было предусмотреть, что какая-то часть антисоцнальных и уголовных элементов (только в одной Москве, по докладу Пуго, более 200 тысяч лиц категорнн БОМЖ и З) попытаются организоваться в какой-то форме протеста. Вероятнее всего, в внде стихийных демоистрацнй н мнтнигов, которые быстро смогут перерастн в массовые беспорядки. Чтобы этого ие случнлось, во все крупиые города страны необходимо сразу же ввести войска с вндимыми атрибутамн снлы: танкамн и БТРамн. Это даст поиять, что мы не шутим. В случае иеобходимости ввести в городах режим комеидаитского часа. Огоиь по толпе открывать в случае крайией иеобходимости, помия одиако зиаменитые слова Мнкояна, сказаиные нм после расстрела рабочих в Новочеркасске: «Необходимо было пронзвестн иебольшое кровопускание, чтобы успоконть народ и избежать большой крови». Насколько надежна армия? В ушах товарища Шеннна еще звучнт иабатная медь воеииых оркестров. Несколько дией назад Шеиии с Баклаиовым в сопровождеинн генералов Шлягн, Овчнииикова н Варениикова ниспектнровалн Тамаискую и Кантемнровскую днвнзни, а также подчиненную Крючкову знаменитую днвизию нм. Дзержииского, переросшую по своему численному составу и иасыщеииостн техинкой общевойсковую армню. От КГБ прнсутствовали: первый заместитель Крючкова генерал Шебаршни и начальннк управлеиня особых отделов КГБ геиерал Каземир. По случаю пятидесятнлетня со дня иачала Велнкой Отечествениой войны в частях проводнлнсь бескоиечные парады и смотры. Части проходилн церемоннальным маршем перед трнбуной с геиераламн и партийными вождями, послушно крнчалн «Ура». Генерал-полковинк Овчинников неожидаиио прокрнчал в микрофои: «Да здравствует наша родная коммуиистнческая партия — оргаиизатор и вдохиовитель всех нашнх побед!» В ответ последовало громкое «Ура!». Оркестр, игравший маршн, грянул гнмн Советского Союза: «Партия Леинна — снла народиая — иас к торжеству коммуинзма ведет». Геиералы н полковники еще ие забылн и старые слова гимиа: «Нас вырастил Сталин на верность иароду, на труд и иа подвнгн нас вдохновнл!» Веяли красные флаги, гремела медь оркестров, заглушая салют.

Громкое «Ура» служило гарантией выполнимости задуманного. Вид у солдат и офицеров был бодрый, в глазах восторг и никаких сомнений. Позднее Шенин и Бакланов разговаривали в Министерстве Обороны с руководителями вооруженных сил страны. Присутствовали: сам маршал Язов, начальник генерального штаба генерал армии Моисеев, главком сухопутных сил генерал армии Варенников, начальник оперативного управления генштаба генерал-полковник Денисов, начальник штаба войск ПВО генерал-полковник Мальцев и бывший командующий воздушно-десантными войсками, ныне заместитель министра обороны по экстремальным ситуациям генерал-полковник Очалов. Хотели пригласить и начальника ГРУ генерала Владлена Михайлова, но КГБ был категорически против. В КГБ и ГРУ давно уже культивировалась, мастерски подогреваемая десятилетиями (из страха перед возможным объединением двух могущественных контор) взаимонеприязнь, переросшая в ненависть. Крючков не без оснований опасался, что Михайлов сорвет все дело, только чтобы напакостить КГБ. Генералы молча слушали Шенина и Бакланова. Это были не партаппаратчики в военных мундирах, а боевые генералы. Большинство из них мальчишками, со школьной скамьи, были брошены в огонь второй мировой войны. Учеба в училищах и в академиях, долгий путь по крутым служебным лестницам, возрастающая ответственность не давали им не только возможности, но и времени усомниться в том, что им с детства вдалбливали в голову политруки, замполиты, особисты и партийные секретари. Привыкшие к суровой дисциплине, поклонники совершенно необходимого в армии строгого порядка, они меньше всех понимали происходящее в стране. Для них давно срослись понятия «партия» и «государство», которому они присягали и которое клялись защищать. Они свято верили в миф о капиталистическом окружении, об американских поджигателях войны, стремящихся уничтожить страну, которую им доверили защищать. Недавние поездки самого Язова, Моисеева и Ахромеева в Соединенные Штаты и Европу только убедили военных в собственной правоте: Америка и НАТО вооружены до зубов. Молниеносный разгром огромной армии Хусейна встревожил их не на шутку. А что же творится в стране? Варшавский пакт прекратил свое существование, но НАТО существует. Гордость армии — Западная группа войск, дислоцированная на территории Германии, фактически разгромлена и разложена. Южная группа, грозно нависавшая над первым флангом НАТО, уже выведена в Союз. Ее негде размещать. Летчики-перехватчики — высочайшие профес-

сионалы своего дела — живут с семьями в бараках, неотапливаемых и грязных. Их детям негде учиться, женам — работать. Остальных разместили где попало: в палатках и землянках. В национальных республиках солдат открыто называют оккупантами. Задергали и их самих назойливыми проверками дач, автомашин и садовых участков. Маршал Соколов купил старый холодильник не по той цене — вся пресса подняла вой, как будто он сдал противнику целую армию. После стольких лет мытарства по частям и гарнизонам неужели они не заслужили право на дачу или свое охотничье хозяйство. Никто не может измерить тяжесть их ответственности, бессонные ночи и бесконечные рабочие дни. Никто не имеет права попрекать их возможностью поохотиться или поудить рыбу в тишине и покое. Что у них было в жизни: служба, спорт, охота и рыбалка. Все. И было, и осталось. Они согласны с Шениным и Баклановым. Консервативные, как и все пожилые военные, они согласны: страна гибнет и их долг страну спасти. Сделать ее такой, какой она была до Афганистана: могучей и уважаемой миром атомной сверхдержавой, руководимой коммунистической партией страны. И судить именно их строго нельзя... Гораздо больше тревог вызывала возможная реакция мира. Товарищ Дзасохов пояснил, что реакция, конечно, будет неоднозначной, но все постепенно наладится. Примером может служить Китай. Когда танки в Пекине утопили в крови студенческие демонстрации, а затем начались массовые аресты и расстрелы активистов демократического движения, Запад сначала поднял крик («А разве мы с вами, товарищи, позволим вмешиваться в свои внутренние дела?»), затем успокоился, а отношения США с КНР, в принципе, никак не изменились. Помните, как гениально сказал Ильич: «За деньги они продадут нам даже веревку, на которой мы их же и повесим». В конце совещания встал вопрос о публикации какого-либо заявления обращенного к здоровым, патриотическим силам общества. Крючков сомневался в целесообразности этого. Настанет час — тогда и опубликуем. Однако товарищи Шенин и Дзасохов, поддержанные генералами из главпура, не согласились с мнением товарища Крючкова, еще раз продемонстрировав наличие демократического централизма в партии. Обращение нужно. Здоровые силы обществ должны быть предупреждены. Крючков согласился, но предупредил, что никто от его ведомства обращение подписывать не будет. Не будет — и не надо,— подпишет кто-нибудь от Пуго... Генерал Шляга немедленно соединился по телефону с главным редактором совместно финансируемой армией и КГБ газе-

ты «День» Прохановым, который еще во время афганской войны получил кличку «Соловей генштаба» и приказал составить «Слово к народу». Писать сам Проханов не умел и позвонил своему другу Бондареву, достаточно владеющему пером для выполнения поставленной задачи. Но работа не клеилась. Тогда к ней привлекли Распутина — талантливого писателя, непонятно как попавшего в эту компанию графоманов и проходимцев... 23 июля «Слово к народу» появилось в «Советской России», «Московской правде» и в гидасповской «Ленинградской правде». На следующий день «Слово» перепечатали региональные партийные и военные газеты, а также финансируемые ими, газеты «патриотов». «Слово» подписали двенадцать человек. Никого не удивили подписи Проханова, Бондарева и Распутина. Удивляло скорее то, что из их группы примерно в 50 человек подписалось всего трое. Где Василий Белов? Где Станислав Куняев? Видимо, за них подписались Клыков и Володин. Стояла подпись и известной певицы Зыкиной. Что случилось в рядах патриотов, которые обычно труся и страхуя друг друга, подписывают свои истерические письма количеством не менее пятидесяти человек? Почему они испугались на этот раз? Наибольшее удивление вызвало то, что под «Словом» к народу стояли подписи: заместителя министра обороны, главкома сухопутных войск генерала армии Варенникова, заместителя министра внутренних дел, неудавшегося рыжковского вице-президента генерал-полковника Громова, ближайшего сотрудника Бакланова по ВПК Тизякова (которого, кстати, почти никто не знал), председателя Крестьянского союза Стародубцева и члена Политбюро РКП Зюганова. «Слово к народу» по содержанию было прямым призывом к свержению законно избранной демократической власти в России. По форме — это было нечто эпическое, метко названное журналистами «большевистско-аппаратным плачем». «Дорогие россияне! Граждане СССР! Соотечественники! — взывало «Слово».— Случилось огромное небывалое горе. Родина, страна наша, государство великое гибнут, ломаются, погружаются во тьму и небытие». (Термин «небывалое горе» последний раз употреблялся газетами, когда умер Андропов. Даже Чернобыльская катастрофа не возродила этот термин, скромно называясь «аварией». Что же случилось сейчас? Догадаться было нетрудно — указ Ельцина о департизации и предстоящее подписание нового союзного договора, ликвидирующего гигантские бюрократические структуры центральной власти.) «Братья,— взывает «Слово»,— поздно мы просыпаемся, поздно замечаем беду, когда дом наш уже горит

с четырех углов, когда тушить его приходится не водой, а своими слезами и кровью». Власть в России попала в руки «лукавых и волеречивых властителей», «умных и хитрых отступников», «жадных и богатых стяжателей», «губителей и захватчиков», «фарисеев», «безответственных политиканов», «безнравственных лукавцев», «губителей Родины», «алчущих нуворишей». Армия и народ призывались подняться на борьбу с захватчиками, используя все средства вплоть до топора. Русь призывалась к топору! И хотя практически никакого общественного резонанса «Слово» не вызвало — народ уже не реагировал на партийные плачи — сам факт, что под прямым призывом к мятежу стояли подписи заместителей министров обороны и внутренних дел и члена Политбюро компартии, не остался незамеченным. Все ждали реакции Президента, но тот не проронил ни слова. В конце июля в Москву с официальным визитом прибыл президент США Джордж Буш. Он провел с Горбачевым очередные переговоры по сокращению стратегических вооружений. На совместной пресскоиференции Буш заметил, что его очень беспокоят акты насилия в Прибалтике и он надеется на мудрость президента Горбачева и на его умение находить компромиссы. Горбачев заверил гостя, что полностью контролирует обстановку и работает в нужном направлении. Через несколько часов после пресс-конференции, 31 июля, весь мир облетела страшная новость: на одном из литовских таможенных пунктов вблизи белорусской границы расстреляны в упор из автоматов семь сотрудников таможни и полицейских. Их разоружили, поставили на колени и убили выстрелами в голову. Добивали ножами. Убийцы скрылись. Потрясенный Буш, скомкав свой визит, улетел домой, сказав на прощание: «Так кто же, черт возьми, правит в этой стране?» Горбачев заверил, что лично возьмет следствие под контроль, но на следующий день уехал в отпуск на свою дачу в Форосе. 4 августа вступил в силу Указ Ельцина о департизации, который никто не собирался выполнять. За нарушение Указа полагался штраф. В райкомах посмеивались: «Заплатим, если надо. Даже больше заплатим». Верховные советы разъехались на каникулы. Вслед за Горбачевым уехал в отпуск министр иностранных дел Бессмертных. Вместе со своей молодой женой и восьмимесячным сыном глава дипломатической службы решил отдохнуть в белорусских лесах у озера Нарочь. ЦК КПСС исключил из партии бывшего члена Политбюро и советника президента Александра Яковлева, а член Политбюро товарищ Дзасохов «пребывал» в Донецке, ожидая сигнала к выступлению. Заместитель генерального

секретаря ЦК КПСС (заместитель Горбачева по партии) товарищ Ивашко, благодаря болтливости своих подчииеиных и шестому чувству старого аппаратчика, поиял, что творится что-то иеладиое и лег в больиицу, оставив за себя товарища Шениийа. Выгиаииый с поста первого секретаря ЦК РКП Иваи Полозков осваивался иа посту заммииистра сельского хозяйства, а его преемиик Валеитии Купцов уже успел продемоистрировать свои бойцовские качества Крючкову: коммуиисты России иасмерть заблокировали избраиие иового председателя Верховиого совета РСФСР. Руслаи Хасбулатов их ие устраивал в связи «с иерусским происхождеиием», а своего каидидата Бабуриииа провести ие удавалось. Купцов демоистрировал Крючкову возможиость «закоииого» устраиеиия Ельциииа. Разгорелась войиа в Закавказье. Следствие по убийству литовских таможеиииков, как и ожидалось, момеитальио зашло в тупик, как и во всех предыдущих случаях. Президеит США Буш отдыхал в своей резидеиции в штате Мэи. Председатель Верховиого Совета СССР Аиатолий Лукьяиов изучал иовый союзиый договор, иаходя его «иедоработаииым». Ои ждал своего часа. Сорок лет Горбачев считал его своим другом, таща за собой по смертельно опасиым гориым тропам высшей партийиой иерархии. Ои был обязаи президеиту всем: и члеиством в Политбюро, и должиостью председателя. И сорок лет он завидовал «ставропольскому выскочке», считая себя умиее и талаитливее очеиь провиициальиого президеита. Крючков зиал это и ие ошибся. Лукьяиов должеи был повериуть страиу иа обратиый курс, став одиовремеиио геисеком и председателем президиума ВС, как были Брежиев, Аидропов и Чериеико. Ои должеи был вериуть всю полиоту власти КПСС и КГБ, загиав иарод обратио в стойло, а иедовольиых — по лагерям и психушкам. Такова была иезатейливая идеология заговора, главиым идеологом которого был даже ие столько сам Лукьяиов, сколько сама умирающая система. Это была утопия, ио иикто из иих ие понимал этого, как ие поиимает умирающий зиачеиия своих предсмертиых коивульсий... В огромиое здаиие иа Лубяике стекается ииформация со всей страиы. В Москве сосредотачиваются боевики, вооружеииые автоматами и даже ракетами «Стиигер». По каким-то, известиым только ему каиалам, Израиль засылает в СССР огромиое количество автоматов «Узи», производство которых в самом Израиле подскочило в пять раз. В Нагориом Карабахе с армяиской стороиы иачали действовать аиглийские броиемашииы «Салладии». Афгаиские партизаиы переправляют в СССР часть своих огромиых арсеиалов, включая

тяжелые пулеметы и ракеты. Недавияя бомбежка афганскими самолетами советской территории совсем ие трагическая ошибка, как пытается всех уверить Наджибулла. В мусульмаиских республиках резко увеличилась активность духовеиства, призывающего правоверных сплотиться под зеленым зиамеием пророка. Мечети иабиты коммунистами, поющими хором, что иет Бога кроме Аллаха... На полях страиы гибнет урожай. Никто не работает и не желает нх заставить работать. Сорваи призыв в армию. Вспыхивают страииые пожары иа боевых кораблях. Сгорел дотла ракетный крейсер «Севастополь», с трудом удалось погасить пожар иа авианосце «Киев». Эсмииец «Безбоязиенный», идя с визитом дружбы в Аитверпеи, врезался в причал. Оказалось, что иа вахте все пьяиы, включая командира. Под шумок одни из члеиов экипажа — секретчик — сбежал с корабля, прихватив всю имеющуюся иа борту валюту... Ельцин и Силаев прибыли в Алма-Ату. Просочнлась информация, что туда съедутся все президенты республик, кроме Горбачева, и будут подписывать какой-то свой «договор» вообще без какой-либо власти центра. На прямой вопрос журналистов мнинстр иностраиных дел России Козырев улыбнувшнсь, ответил: «Можете считать, что здесь очень шумно, н я не слышу о чем вы спрашиваете». На граии забастовки «Аэрофлот» н железиодорожиики, угроза траиспортного паралича. Грозят забастовкой металлургическне заводы, снова детонируя угольиые шахты... Обо всем этом Крючков постояино докладывает президеиту в Форос. «Что вы предлагаете?» — неизмеиио спрашивает президент. «В стране необходимо ввести чрезвычайиое положение»,— неизмеино отвечает шеф КГБ. Президеит, в прииципе, не возражает. Он вернется из отпуска и можио поставить вопрос на Верховиом Совете. Но зачем вводить по всей страие? Можио ограничиться рядом райоиов и иекоторыми отраслями промышлеиности. Крючков иачииает выходить из себя. Президент либо ие поиимает обстановки, либо делает вид, что ие поиимает. Разве речь идет о промышлеиности? Необходимо вернуть полную власть партии, вернуть шестую статью конституции, отменить закои о печати. «Хорошо, разберемся» — добродушио отвечает президент всякий раз и вешает трубку. Через иесколько часов Крючков сиова вызывает Форос. Обкомы и горкомы бездействуют. 18 миллионов коммунистов ждут каких-то указаиий, ио ЦК ие может принять решений без своего Генеральиого секретаря. «Безобразие,— соглашается президент, товарищи просто самоустранились от политической жизни. Это, зиаете ли, чревато. От иарода отрываться иельзя. Это

еще Ильич предупреждал. Где Ивашко? В больиице? Нашел время». Президеит обещает, вериувшись из отпуска, радикальио измеиить иастроеиия в партии. Возьмите, иапример, Купцова. Какой эиергичиый товарищ. Стоило только смеиить Полозкова — и видите! Прав был Ильич: главиое — подбор кадров. Вы ие согласиы? В голосе президеита сквозит раздражеиие. Товарищ Крючков, если у вас по Садовому кольцу бродят боевики с америкаискими ракетами, то зачем вам чрезвычайиое положение? Вы председатель Комитета Государствеииой Безопасиости. Вот и действуйте. Свяжитесь с Пуго, посоветуйтесь с воеииыми. У вас достаточио власти и так. Если же вы ие можете даже устаиовить, по каким каиалам Израиль засылает к иам оружие, то ведь можио поставить вопрос о вашем соответствии? Обеспечьте порядок в столице. Это ваша обязаииость. Свяжитесь с Шеиииым и Дзасоховым. Дзасохова иет в Москве? А где ои? В Доиецке? Зачем ои туда поехал? Не зиаете? Как это вы ие зиаете, зачем члеи Полютбюро выехал из Москвы? Это, зиаете ли... Указ Ельциаа о департизации взбудоражил всю страиу? Да, да. Мы говорили с Борисом Николаевичем. Коиечио, указ иедостаточио продумаи. Ну вы же зиаете Ельциаа. Он всегда сплеча рубит, а потом уже думает. Что? Отмеиить указ? Как же я могу отмеиить указ? Я могу поправить, посоветовать, поставить вопрос иа съезде. Да, иичего, все образуется. Подпишем иовый союзиый договор... У президеита легкий приступ радикулита. Ои просит Крючкова не беспокоить его по мелочам. Ои работает иад большой статьей о будущем Советского Союза и должеи сосредоточиться. Вериется из отпуска и во всем разберется. Крючков вешает трубку. Его заместители Грушко и Шебаршии скорбио покачивают головами. И это Горбачев? Тот самый молодой первый секретарь Ставропольского крайкома, которого им представлял сам Аидропов, рекомеидуя будущего Президеита в Политбюро, как совершеиио иадежиого и своего человека. Ои, что действительио возомиил себя Президеитом? У миогих уже готово сорваться с языка страшиое слово: «Предатель!» Но старые чекисты зиают цеиу словам и молчат, сжав зубы. За иих говорит Нииа Аидреева, спешио собравшая съезд осиоваииой ею партии большевиков-леиииицев. Скромиая преподавательиица химии одиого из леиииградских ВУЗов, известиая раиее только склоками и аиоиимками, ие выходящими за пределы иистиута, Нииа Аидреева с иачала перестройки получила почти всемириую известиость своей статьей, опубликоваииой, коиечио, «Советской Россией», с громким заголовком «Не

могу поступиться принципами». Анализ статьи мгновенно показал, что Андреева — запрограммированная кукла, через которую, как через громкоговоритель, вещают пока желающие остаться анонимными мощные силы партийного и чекистского аппаратов. Любые робкие шаги Горбачева по пути демократизации страны вызывали буйную «пролетарскую ярость» Андреевой и предвидимых ею большевиков-ленинцев. «Самый яростный оппонент Горбачева» констатировала западная пресса. После указа Ельцина о департизации Андреева собрала чрезвычайный съезд своей партии в Минске — заповеднике марксизма, как его стали называть, поскольку Москва и Ленинград (уже почти переименованный в Петербург) запретил съезд на своей территории. Игнорируя все законы о защите чести и достоинстве президента, Нина Андреева в истерике ревела в микрофон: «Горбачев сорвал с себя маску. Это классовый враг! Это предатель! Это агент ЦРУ!» Президент всесоюзной телекомпании Кравченко, уверявший, что он личный друг президента, а первая программа ЦТ — это президентский канал, с удовольствием транслировал речь Нины Андреевой на всю страну через программу «Время». Плюрализм мнений... Оставшийся за генсека КПСС Шенин уже не тратил времени на разговоры со своим генсеком в Форосе. На все вопросы Горбачев отвечал трафаретно: «Осенью соберем съезд и обсудим». Получая информацию от Крючкова и имея собственную, Олег Шенин понимал, что КПСС загнана в угол. Все предыдущие попытки «выхода из окопов» кончались поражениями и сдачей новых позиций. Сейчас, при действующем законе о департизации, КПСС боялась проронить слово, понимая, что уже любое слово может ее окончательно погубить. Надеясь еще на КГБ и армию, Шенин не разделял оптимизма Лукьянова, что все пройдет гладко, как в 1964 и 1982 гг. Кроме того, его совсем не радовала перспектива иметь упрямого, капризного и амбициозного Лукьянова генсеком партии. А то, что тот пишет стихи (и даже публикует их под псевдонимом Осенев), даже пугало: Сталин, Мао и Андропов тоже баловались стихами. Поэтому Шенин дал команду в обкомы уничтожить наиболее секретные документы. В течение уже нескольких месяцев шла гигантская работа по приватизации партийной собственности. Маскировались с помощью Павлова партийные счета, валюта переводилась на личные вклады в зарубежные банки. Между Европой и Москвой сновали «золотые» курьеры, как в последние дни Третьего Рейха. Все было настолько сложно и запутанно, что сам Шенин и его коллеги по Полит-

бюро перестали уже четко соображать, что и куда удалось распихать. На это существовал Управляющий делами ЦК КПСС Николай Кручииа — все зиающий и все фиксирующий, помиящий иаизусть иомера и шифры счетов даже в баиках Кейптауиа... На душе у Крючкова было иеспокойио. Казалось, все было оргаиизоваио и пора иачииать. Но оставались вопросы, вызывающие беспокойство. Во-первых, Горбачев перед отлетом в Форос о чем-то в течеиие двух часов беседовал с Ельциииым, прогуливаясь с иим по парку в Ново-Огарево. Разговор пытались прослушать, ио аппаратура оказалась «забитой» какой-то штукой, иаходящейся то ли у Ельцииа, то ли у Президеита. Было известио, что америкаицы передали охраие Ельцииа, иасчитывавшей 300 человек, какие-то иовые средства защиты иифрмации. Часть аппаратуры удалось перехватить, ио специалисты еще в ией ие разобрались. Кроме того, появилась ииформация от руководителя аппарата президеита — Болдииа, что у Горбачева есть какие-то средства связи, ие коитролируемые КГБ. Сведеиия пришли из аппарата президеита, руководитель которого Болдии, подчииеииый Крючкова, проделал очеиь большую работу, специальио отбирая ииформацию для президеита и дозируя по прямым указаииям с Лубяики... Выводит из себя и поведеиие Яиаева. Несмотря иа приказ, с Горбачевым ои связи ие держит — ие любит с иим разговаривать. Ждет, когда тот позвоиит сам, а тот ие звоиит — Горбачеву тоже ие о чем разговаривать с Яиаевым. В субботу, 17 августа, вице-президеит просто пропал. К телефоиам везде подходили помощиики, уверяя, что им иичего иеизвестио. Пришлось искать как следует. Нашли иа одиой закрытой точке ЦК ВЛКСМ, где вице-президеит плескался в бассейне с какими-то голыми девками и был по обыкиовеиию пьяи. На вопрос о здоровье стереотипио ответил: «Жеиа ие обижается» и, подмигиув девкам, пьяио засмеялся. Увезли иа Лубяику, девок забрали. Проверили: девки оказались случайиыми — подарок благодариых московских фарцовщиков, которых Яиаев опекал еще в годы буриой комсомольской молодости. Девок допросили. Оказывается, Яиаев хвастался, что скоро будет президеитом. Удручало то, что девок, как выясиилось, было четыре, а взяли троих. Одиа тихо исчезла. Может быть, случайиость, ио приходилось считаться, что за Яиаевым следит и чья-то другая служба. Но кто? ГРУ или ЦРУ? Или Ельцин успел создать что-то свое? Доложили Крючкову. Тот только вздохиул, ио Яиаеву ие сказал иичего, кроме главиой иовости: «Завтра иачииаем». У Яиаева задрожали руки. Попросил стакаи

коньяка. Выпил, кляцкая зубами о стекло. Сделали укол, чтобы поспал... Утром 18 августа вице-президент Янаев позвонил в Форос. Поинтересовался у Горбачева, когда тот собирается вернуться в Москву. Президент ответил не сразу, подумал и сказал, что вернется во второй половине дня 19 августа, т. е. завтра, и приказал Янаеву оповестить через Павлова кабинет. Кроме того, заметил президент, он не может дозвониться до Болдина. Необходимо его разыскать, чтобы связался с республиками и вызвал в Москву их президентов или председателей Верховных Советов для подписания Союзного договора. Янаев звонил из Кремля, где в этот момент шло бурное совещание. За огромным столом сидели, стояли, нервно ходили высшие должностные лица огромного государства: вице-президент Янаев, председатель КГБ Крючков, министр обороны маршал Советского Союза Язов, его заместитель генерал армии Варенников, заместители Крючкова генерал-полковники Грушко и Шебаршин, министр внутренних дел генерал-полковник Пуго, премьер-министр и глава кабинета Павлов, член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС по идеологии Шенин, руководитель аппарата президента Болдин, начальники управления охраны КГБ (бывшего 9-го управления) генерал-лейтенант Плеханов и его заместитель Генералов. Неизвестно, председательствовал ли по привычке Лукьянов на этом совещании, но сидел он во главе стола рядом с Крючковым. Не было министра иностранных дел, отдыхавшего в Белоруссии, но за ним уже послали самолет. Обсуждался старый российский вопрос: «Что делать?» Мнения разделились. Многие считали, что лучше попытаться действовать через самого Горбачева. Пусть объявит о введении в стране чрезвычайного положения и о создании Государственного Комитета по Чрезвычайному положению. Кого включить в новый комитет персонально: Янаева, Язова, Пуго, Крючкова, Павлова, Бессмертных, конечно, Лукьянова и Шенина. «С ума сошли,— грубо отреагировал Лукьянов,— я же председатель Верховного Совета. Мне же придется утверждать и ваш комитет и режим чрезвычайного положения. Вспомнили о генеральном прокуроре Трубине, который находился на Кубе. Решили не включать, но информировать через первого заместителя Васильева. Шенин тоже взял отвод, заметив, что партии не следует прямо участвовать в этом деле и вообще, по возможности в заявлениях и постановлениях избегать упоминаний о КПСС и коммунизме. В этот момент на совещании появился еще один член Политбюро ЦК КПСС Бакланов. Он не только согласился

быть вписаииым, ио и попросил вписать и своего заместителя Тизякова — председателя созданиой в июне 1990 года Ассоциации директоров предприятий, устроившей поздиее громкий скаидал Горбачеву. По аиалогии вспомиили Стародубцева, который куда-то исчез. Вписали его заочио. В спешке составлялись тексты «Обращеиия к иароду» и «Постановлеиия ГКЧП». Еще было ие совсем ясио, иа каком осиоваиии президеит передает власть Яиаеву. Шенин исправлял и редактировал тексты, пуская их по кругу. Лукьяиов делал замечания, по которым спорили, ио в коице коицов принимали. Язова вызвали к телефоиу. На проводе был иачальиик генерального штаба генерал армии Моисеев. Из Крыма докладывали генерал армии Мальцев и геиерал-полковник Деиисов. Взлетиая полоса, с которой мог бы взлететь самолет президеита, блокироваиа тягачами. Севастопольский полк КГБ поднят по тревоге и оцепляет райои президентской дачи. Морские части пограиичиых войск КГБ иаправляют в район дачи четыре дополиительиых сторожевика. Геиерал Мальцев просил Моисеева быстрее «решить вопрос», пока ииформация ие просочилась. После возвращеиия Язова стали думать, кого послать в Форос. Решили иа удивлеиие быстро. Полетят Болдии, Шеиии, Баклаиов и главком Сухопутиых войск Вареиииков. Последиий иапросился сам, уже, видимо, видя себя миииcтром обороиы. С иими полетели Плехаиов и Геиералов со своими людьми. Геиерал Плехаиов отвечал за охраиу всех государствеиных и партийиых деятелей, а также за охрану объектов государствеииой важности. Без него всю делегацию могли просто не пропустить на дачу Горбачева, а Плехаиов имел право входить куда угодио и с кем угодио. Начальник личиой охраиы президеита подчиииялся непосредствеиио ему... После отъезда делегации, иаправлениой к президеиту, оставшиеся в Кремле продолжали обсуждать тактику действий. Быстрый ввод войск в крупиые города. Мобилизация коммуиистов и возвращеиие к власти партийиых структур. Наведеиие порядка иа предприятиях. Мобилизация иарода иа общественные работы и уборку урожая. Возвращение республикам старых иазваний. Восстаиовлеиие Союза Социалистических Республик. Приостаиовка, а затем и отмена закона о печати. Закрытие ряда газет. Полиое взятие под коитроль радио и телевидения. Восстаиовлеиие через Верховиый Совет шестой статьи коиституции. Прекращение заигрываиия с Западом, восстаиовление утраченных позиций в Восточиой Европе. В этот момент пришло сообщеиие, что в Москву из Казахстана прилетел Ельции вместе со всей своей коман-

дой и последовал в Архангельское, где находилась его резиденция. Начался спор, а не арестовать ли всю эту банду прямо сегодня ночью. Там, кстати, и Собчак — новоиспеченный мэр Ленинграда. Крючков был склонен поступить именно так, но Шенин и Лукьянов с сомнением покачивали головами. Нет, нет, нет. Это никогда непоздно сделать, но начинать с этого не следует... Язов сидел размякший и какой-то добродушный, совсем не напоминая ни маршала Жукова, оказавшегося примерно в такой же ситуации в 1954 году, ни тем более Пиночета... На своей даче в Форосе президент Горбачев работал в кабинете на втором этаже. С ним находился его ближайший помощник Черняев. Из окон кабинета открывался вид на искрящуюся под солнцем рябь Черного моря. Черняев обратил внимание, что вместо одного сторожевика пограничной охраны стоит уже шесть — целая эскадра. Он не решился отвлекать внимание Горбачева подобными мелочами. Анализируя возможности выхода страны из кризиса, Горбачев гипотетически описывал ситуацию, способную привести к военному перевороту, и ее последствия. Отпуск с президентом проводили: его жена, раздражавшая всю страну Раиса Максимовна, дочь Ирина, зять Андрей и внучка Настя. В отдельном домике жила охрана под командованием неотлучного Медведева, личный враг президента Игорь Борисов, повар и водители. В соседнем санатории жили: советник президента Шахназаров, стенографистка Ланина и несколько референтов. Президент приказал подготовить на завтра свой самолет ВВС 1. Его отпуск завершался, и он предполагал вернуться в Москву. Около половины шестого вечера в кабинете раздался звонок телефона внутренней связи. Докладывал заместитель Медведева полковник Голенцов. Из Москвы приехала группа товарищей и просит их принять. Президент удивился: он никого не вызывал. Кто такие? Голенцов назвал: Шенин, Бакланов, Болдин и Варенников. Горбачев и Черняев переглянулись. Что же могло случиться, чтобы так бесцеремонно, нарушая строгую этику общения с главой государства, на Форос прибыла такая странная компания? Президент схватил трубку телефона прямой связи с Москвой. Телефон не работал. Напрасно Горбачев поднимал трубки многочисленных аппаратов прямой и экстренной правительственной связи. Вся связь была отключена. Сопровождаемый Черняевым, он вышел из кабинета, но прибывшая из Москвы делегация уже поднималась по лестнице. Ни Голенцов, ни выскочивший к воротам Медведев не могли не пропустить на территорию дачи своего начальника Плеханова. Увидев

Плехаиова и Генералова, Горбачев побледиел. «В чем дело, Олег Семеиович? — встревожеино спросил ои Шеиииа,— что случилось?» «Случилось, Михаил Сергеевич, случилось,— иервио ответил главиый идеолог ЦК КПСС,— пройдемте в кабинет». Шипя и разбрасывая искры, загорелся бикфордов шиур, подсоедниеииый ие зиающими обстаиовки авантюристами к такому детонатору, которому вскоре суждеио будет взорвать тысячелетиюю империю... Разговор в кабииете президента получился иервиый. Начал Шенин. Обстановка критическая. Надо спасать страиу и партию, а для этого иемедлеиио объявить чрезвычайиое положеиие. Немедлеиио. Горбачев взгляиул иа Бакланова. Тот кивиул головой: «Другого выхода иет». «Если Верховиый Совет...» — начал было Горбачев, ио Болдин — руководнтель его собствеииого аппарата перебил Презндента: «Ждать созыва Верховиого Совета уже нет времени. Москва набита вооруженными боевикамн. Готовится захват власти. Надо действовать иезамедлительно». Шеиин поддержал сообщиика: «Верховный Совет дал все иеобходимые полномочия Горбачеву, чтобы тот мог сам ввести в страие режим чрезвычайиого положеиия. Вот текст — его иадо только подписать». Презндент пробежал текст глазами. «Нет,— сказал ои,— я этого не сделаю». «Вы — Презндент, вы — Генеральный секретарь партии,— жестко пронзиес Баклаиов,— и вы должны спастн страну иа краю гнбели». «Поймите,— ответнл Горбачев,— так делать иельзя. Вы все погубите». «Что погубим? — зло спросил Шеинн,— и так уже все погублеио. И если еще что-то можно спасти, то только с помощью мер, которые мы предлагаем». «Как хотнте,— твердо ответил Горбачев,— ио я этого делать не буду». «Тогда уходн в отставку! — неожндаиио заревел генерал Вареииников,— погубил страиу н еще сндит здесь, поучает!» Главком сухопутных сил громко, по-солдатски, выругался матом. Презндента взорвало. «Вы — мудаки! — по-русски заявил ои прнсутствующим,— н я с вамн больше говорнть ие иамерен. Завтра я вериусь в Москву и поставлю вопрос о...» «Никуда ты ие вернешься! — продолжал орать Вареииников,— нли ты сейчас уйдешь в отставку илн...» «Успокойтесь, геиерал,— раздраженно сказал Баклаиов н обратился к Горбачеву: — Михаил Сергеевич, вы должиы передать полиомочия вицепрезидеиту н подписать заявлеиие об отставке». «Это кто же решил?» — поинтересовался Горбачев, стараясь выглядеть спокойиым. Никто не ответил, не желая брать ответствеииостн. Все отчаяиио трусили. «Где Лукьяиов? Где Крючков? Где Язов? — быстро стал задавать вопросы Гор-

бачев, надеясь перехватить инициативу,— почему прилетели сюда вы, а не они?» «Вы подпишете Указ?» — вместо ответа спросил Бакланов. «Что с ним разговаривать! — снова заорал Варенников,— только время теряем. Пусть сидит здесь, если такой трус...» «Товарищ Варенников,— поморщился Шенин,— подождите. Дайте поговорить спокойно...» «Вы — авантюристы,— повысил голос президент,— если вы решили погубить себя, то и... с вами — это ваше дело. Но вы погубите страну и много людей. Все надо было делать на съезде...» «Нет, он не слышит, что ему говорят.— Так вы подпишете Указ?» — снова спросил Бакланов. «Если вы не согласны с моим мнением,— продолжал президент,— то должны были потребовать срочного созыва съезда и...» «Он над вами издевается,— вставил слово Болдин, хорошо знавший привычки своего шефа,— он вас сейчас заговорит так, что вы забудете, ради чего приехали». «Так подпишешь ты Указ или нет? — снова рыкнул генеральский бас Варенникова,— или подписывай или пиши заявление об отставке!» «Нет, как хотите, но я вам ничего не подпишу,— твердо сказал Горбачев и добавил,— у вас Янаев — к нему и приставайте!» «Значит вы передаете свои полномочия Янаеву? — поинтересовался Бакланов.— Тогда подтвердите это письменно». «Все,— отрезал Горбачев,— я с вами больше разговаривать не намерен. Соедините меня по конференцсвязи с Лукьяновым, Язовым и Крючковым». Президент встал. Встали и все прибывшие, направляясь к выходу с красными от злости и возбуждения лицами. Президент выходил за ними, но путь ему преградил генерал Плеханов: «Посидите пока здесь». Люди Плеханова собрали все средства президентской связи и погрузили их в машину. Туда же посадили и начальника охраны Медведева. Плеханов с завидной непринужденностью подошел к полковнику КГБ Быстрову, у которого находился кодовый чемодан президента, и, жестом предложив полковнику сесть в машину, взял чемодан из его рук. Этот чемодан или, как его называют на американский манер, «КЕЙС ПРЕЗИДЕНТА», содержал специальную аппаратуру для активации и постановки на боевой взвод ядерного оружия и программу шифрованных команд в ракетные части стратегического назначения, включая и подводные лодки. Сигнал, передаваемый этой аппаратурой, означал войну, а перехваченный противником, немедленно подставлял страну под ответный или упреждающий удар. После начала работы «КЕЙСА» время до атомной катастрофы начинало измеряться минутами. Где бы ни находился глава государства Горбачев, «КЕЙС» постоянно

находился при нем. На всей территории СССР не было более важного и тщательнее охраняемого объекта. Полковник Быстров по уставу должен был умереть, но не передавать «КЕЙС» в чужие руки. Но порядки в бывшем управлении КГБ были таковы, что генерал Плеханов отобрал у своего подчиненного «КЕЙС», как будто в этом чемодане лежали термос с чаем и бутерброды. (Такие же «КЕЙСЫ» имелись у министра обороны маршала Язова и начальника генерального штаба генерала армии Моисеева. Их чемоданы охраняли полковники из ГРУ.) После отъезда незваных гостей помощник Горбачева Черняев и полковник Голенцов, подойдя к воротам дачи, обнаружили там караул из незнакомых офицеров, получивших приказ никого с территории дачи не выпускать. Плеханов перед отъездом предупредил Голенцова, что район дачи оцеплен спецназом КГБ из Севастополя. Внутренние телефоны дачи также оказались отключенными. Но на даче оставался полковник Голенцов и 32 офицера охраны, вооруженные автоматами и пистолетами. Личный врач президента в домике обслуживающего персонала имел беседу с заместителем Плеханова — Генераловым, который убеждал Борисова составить медицинское заключение, свидетельствующее о недееспособности Горбачева. «Посильнее составьте,— советовал генерал,— Горбачев, видимо, скоро будет арестован. Медицинская справка ему пригодится...» Врач отказался, но в свою очередь спросил Генералова, что ему делать если кому-нибудь из оставшихся на даче понадобятся лекарства, которых нет в наличии. Может ли он съездить в Севастополь или хотя бы до ближайшего телефона, чтобы их заказать. «Нет,— твердо ответил Генералов,— отсюда никто не выйдет!» По дороге на аэродром Плеханов передал «КЕЙС» именно Генералову, а тот одному из своих подчиненных, даже не сообщив, что это за чемодан. Чемодан был слишком тяжелым, чтобы доставлять удовольствие, и офицер, зайдя в самолет, сунул его в отсек между туалетом и салонами. Между тем в Москве события развивались своим чередом. В Кремле продолжалось совещание. Генеральный штаб передал оперативным дежурным в округа короткий сигнал, предупреждавший, что в ближайшие несколько часов возможно повышение степени готовности вооруженных сил. В принципе, в этом сигнале не было ничего особенного, если бы не договор с американцами, предусматривавший информирование друг друга о подобных мероприятиях. Сигнал был перехвачен разведкой США, о чем было немедленно доложено президенту. Президент Буш играл в гольф

на лужайке своего дома в штате Мэн. Выслушав сообщение, что русские повышают готовность вооруженных сил, президент отреагировал вяло. «О'Кей,— сказал он,— держите меня в курсе, но ничего не предпринимайте». Возвращающиеся с дач москвичи были удивлены невиданно большим количеством патрулей ГАИ на дорогах, ведущих к столице. Вопреки обычной практике гаишники были вооружены автоматами. Буквально на каждом километре машины останавливались и осматривались. На удивленные вопросы следовал стереотипный ответ: «Разыскиваем машины в угоне»... Около 10 часов вечера в Кремль вернулись посланные на горбачевскую дачу в Форосе. «Он отказался с нами разговаривать»,— доложил Шенин. «Вот как? — удивился Крючков.— А с кем он будет разговаривать?» «С Вами, Язовым и Лукьяновым»,— сообщил член Политбюро ЦК. Крючков поинтересовался — привезли ли они какие-нибудь документы, подписанные президентом? Нет, не привезли. Кто-то высказал мнение: не слетать ли к Горбачеву тем составом, о котором шла речь. «Слетаем,— согласился Крючков, но позднее. Сейчас уже поздно». Опять встал вопрос, что делать? Умный Лукьянов придумал замечательно: пока объявить Горбачева больным. Это даст возможность для маневрирования в любую сторону. «Даже в Кремлевскую стену»,— сострил злой Варенников. Никто не смеялся: все хорошо знали правила подобных игр. Плеханов отвел своего шефа в сторону и доложил ему об обстановке в Форосе. Крючков слушал и кивал головой. За делами и волнениями Плеханов как-то забыл о «КЕЙСЕ» президента, а Крючков не вспомнил. Зато вспомнили, что в Москве остался пресс-атташе Горбачева Игнатенко и неплохо было бы установить за ним наблюдение... Около полуночи доставили Бессмертных, вынутого прямо из леса, где министр иностранных дел собирал чернику. Своей быстрой карьерой Бессмертных был во многом обязан Крючкову. Впрочем, весь МИД был отчасти филиалом КГБ, отчасти — ГРУ. Бессмертных был из крючковского филиала. Осмотрев встревоженным взглядом присутствующих, Бессмертных спросил, что случилось. Серьезно заболел Горбачев, сказали ему. Где он? На даче в Форосе. Инсульт или инфаркт — точно неизвестно. Медицинское заключение будет позднее — тогда узнаем точно. Туда уже летали Бакланов и Шенин. Раиса Максимовна в полуобморочном состоянии. Даже Володе Медведеву стало плохо — пришлось привезти его в Москву. Крючков отвел Бессмертных в другую комнату и сообщил о планах введения в стране чрезвычайного положения. Он показал ми-

нистру спнсок комитета, где уже стояла его фамилия, н попроснл распнсаться. У Бессмертных потемнело в глазах. «Это необходимо,— пояснннл Крючков.— Известные снлы ждут только известня о болезни нлн смертн Горбачева, чтобы наснльственным путем захватнть власть». Бессмертных стал проснть вычеркнуть его фамнлню. Ему нужно руководить днпломатической службой, а не заседать в комнтетах. Крючков пристально на него посмотрел, подумал и вычеркнул. Бессмертных поехал к себе в Мнннстерство. Еще по дороге почувствовал себя плохо. В кабннете лег на жесткнй кожаный диван, стоявшнй там еще со времен Громыко. Началнсь печеночные колнкн. Прнехал врач нз лечебно-оздоровнтельного объединення при кабннете миннстров СССР. Сделал укол, предложнл госпнталнзнровать. От госпитализации Бессмертных отказался, но попросил больничный... Бнкфордов шнур продолжал гореть, приближая огонь к мощному детонатору. Около часа ночн уехалн Лукьянов н Язов. Затем Шеннн, Бакланов н Павлов. Янаев н Крючков осталнсь в Кремле. Самонадеянные, прнвыкшне к безграничной власти, деграднровавшие до полного ннчтожества, онн не подозревали, что взрывчатка, которой онн хотелн взорвать страну, подложена под ннх самнх. Их время давно ушло, но они не понималн этого. Онн не понималн н того, что более молодые н энергнчные общественные силы страны могут оказаться н умнее, и хитрее их, что они, желая поймать свонх протнвннков врасплох, самн идут в подготовленный для ннх капкан. Онн не поннмалн, что нх мотнвы н реакцни понятны и легко прогнозируемы, как реакция пса, которому наступают на хвост, чтобы получить повод его прнстрелнть. Отрезанные дубовыми стенами своих кабннетов от жизнн и нстинной ннформации, не зная ни фактического соотношення сил в стране, нн настроеннй народа, не зная даже толком собственных снл, они были обречены... Ровно в час ночн заработалн телетайпы ЦК КПСС, КГБ н Мнннстерства Обороны.

«Совершенно секретно. Копнй не сннмать. № 36/3. 19 августа 1991 года. Всем секретарям республнканскнх ЦК, первым секретарям областных н краевых комитетов КПСС. В связи с введеннем в стране чрезвычайного положения и образованием Государственного Комитета по Чрезвычайному положению (ГКЧП) важнейшей задачей партнйных комнтетов всех уровней является обеспеченне содействия претворению в жизнь решеннй ГКЧП, созданню на местах комнсснй по чрезвычайному положенню, срыву мнтннгов н демонстраций, направленных против мероприятнй ГКЧП, разъясненню трудящнмся необходнмостн принятых мер и

мобнлнзацин их на созндательный труд. Всем коммунистам выявлять н передавать в рукн правоохраннтельиых оргаиов лиц, зарекомендовавшнх себя антнсоцналнстнческой н деструктивной деятельиостью, а также оказывать содействне органам МВД, КГБ н Прокуратуры СССР по розыску антнсоциальных н уголовных элемеитов. Оргаинзовать для этой цели рабочне дружнны.

Член Полнтбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС О. С. Шеннн.

Секретарнат ЦК КПСС».

«Секретно. Генеральный Штаб Вооруженных Снл СССР. Шнфротелеграмма № 8825. Заместнтелям мииистра обороны СССР (всем); Главнокомандующнм войсками направленнй и Дальнего Востока (всем); Командующему Воздушно-десаитиымн войсками; Комаидующнм группами войск, войскамн округов н флотов (всем); Начальиикам Главных н Центральных управленнй Мнинстерства обороны СССР.

В связн с обострнвшейся внутриполитической обстановкой в стране ПРИКАЗЫВАЮ:

Объедннення, соедниеиня, части и учреждеиня всех видов Вооруженных Сил СССР на территорин СССР привести в боевую готовность повышенную. Руководящнй состав округов, флотов, армнй, флотилнй, корпусов, эскадр, соедииений н учрежденнй из отпусков отозвать... Постоянно отслежнвать обстаиовку в районах ответственностн н прннимать безотлагательиые меры по иаведенню должиого порядка. Органнзовать взаимодействне со здоровымн снлами местных органов властн, с органамн КГБ СССР н МВД СССР. О всех случаях изменення общественного порядка н протнвоправных действнй немедлениo докладывать по командной линнн штабов н лнннн оператнвных дежурных. В городах МОСКВА и ЛЕНИНГРАД комендантамн гарннзоиов иазначнть командующнх войскамн военных округов, в остальных гарннзонах — начальинков гарннзоиов.

Мнннстр обороны СССР маршал Советского Союза Д. Язов».

«Секретно. Снятне копнй запрещается. Подлежнт возврату в 4-й отдел 1-го Управлеиия ГШ ВС. Исходящая шнфротелеграмма № 8826. Заместнтелям мнннстра обороны СССР; Главнокомаидующнм войсками направленнй н Дальнего Востока; Командующнм войскамн воеииых округов, флотами; Командующему ВДВ. В целях консолндацнн всех здоровых сил общества по сохраненню Союза Мнннстр обороны СССР ПРИКАЗАЛ:

Резко актнвизировать работу по разъяснению военно-

служащим, служащим Советской Армии и местному населению истинных замыслов оппозиции, направленных на дезинформацию и раскол общества, дестабилизацию обстановки в стране, на компрометацию и развал армии. Принять решительные меры по пресечению агитации среди военнослужащих, не допускать проникновения агитаторов и подстрекателей на территории воинских частей, учреждений и на корабли. В целях перекрытия каналов поступления информации и агитации, направленных против мер, принимаемых ГКЧП, учесть и при необходимости взять под охрану все объекты технических средств передачи информации независимо от их ведомственной принадлежности (телевидение, радио, звуковещательные станции, средства связи МПС, гидрометеослужбы, диспетчерские пункты метрополитена, таксопарков и другие). Максимально использовать все средства и методы работы по разъяснению правильности проводимых ГКЧП мер по стабилизации обстановки в стране, а также воспитания личного состава частей, подразделений и учреждений в духе патриотизма и их ответственности за судьбу Советского Союза. Постоянно поддерживать высокую степень готовности соединений, частей и подразделений к решению задач в условиях чрезвычайного положения и экстремальных ситуациях. № 312/27.

Начальник Генерального Штаба Вооруженных Сил СССР
Генерал армии М. Моисеев

«Совершенно секретно. Копий не снимать. Председателям республиканских комитетов государственной безопасности, Начальникам областных и краевых управлений КГБ, Начальникам УКГБ Москвы и Ленинграда... В связи с введением в стране режима чрезвычайного положения вскрыть секретные пакеты с пометкой ЧП и, взаимодействуя с органами МВД СССР, партийными комитетами и здоровыми силами общества, принять меры по интернированию лиц, указанных в списках. Оперативно и четко реагировать на сигналы трудящихся по выявлению и изъятию лиц, замеченных в антисоциалистических настроениях, лиц, ранее отбывавших наказания по ст. 70 и 190-прим. УК РСФСР или по соответствующим статьям союзных республик... Находиться в готовности к принятию аналогичных мер к лицам, списки которых будут направлены к вам по каналам телесвязи... Личный состав управления и служб до особого распоряжения перевести на круглосуточный режим работы... объявить всему личному составу о повышении зарплаты в четыре раза... Крючков, Грушко».

В начале второго часа ночи президент Всесоюзной теле-

радио компании Леонид Кравченко был разбужен длинным и властным звонком в дверь. В подъезде дома всегда сидел дежурный милиционер и обычно о всех визитах предупреждал Кравченко по внутреннему телефону. Последнее время Кравченко подвергался яростной критике и даже угрозам за свою слишком «верноподданическую» политику на телевидении. В передвижениях по городу его даже сопровождала охрана, выделенная генералом Плехановым. Холодея от страха, Кравченко открыл дверь. Его срочно вызывали в Кремль. Машина у подъезда. В Кремле его приняли Крючков и Янаев. Кравченко обратил внимание, что вице-президент сидит в дымчатых очках, а Крючков очень бледен. В двух словах ему объяснили обстановку. Президент тяжело заболел. Антигосударственные и антисоветские силы хотят воспользоваться этим, чтобы свергнуть существующий строй. Поэтому в стране вводится режим чрезвычайного положения, главным образом, для спасения Союза. Вот пакет документов, которые Кравченко с шести утра должен объявить по всем каналам телевидения и радио. Все каналы перекрыть. Передавать только текст этих документов и классическую музыку, ожидая распоряжений. В студию ехать немедленно. По дороге один комплект документов просьба закинуть в ТАСС. Крючков отдал приказ с шести часов утра начать глушение западных станций. Его начали отговаривать, убеждая, что сразу это делать нецелесообразно. Надо подождать реакции Запада и не бросать ему с первых же минут столь недвусмысленный вызов. Пока шла дискуссия на эту тему, выяснилось, что станции глушения, по крайней мере в Москве, выведены из строя, все оборудование разворовано. Это конечно, -не беда — можно использовать армейские средства РПД... На другом конце Земли президент США Буш, закончив свою традиционную прогулку верхом, принимал душ, когда его вызвали к телефону. Накинув халат, президент взял трубку и услышал голос генерала Пауэлла — председателя Объединенного Комитета Начальников Штабов Вооруженных Сил США: «Похоже, что в России что-то происходит, сэр. Такое впечатление, что там заработали сразу все телетайпы закрытой связи и резко возрос уровень радиообмена. Может быть, ткнуть моих ребят в бок, чтобы они не так крепко спали?» Президент пообещал связаться с госсекретарем Бейкером, прояснить обстановку по дипломатическим каналам, а затем дать указания. Однако не сделал ни того, ни другого. Настоящие президенты всегда знают гораздо больше своих генералов... В два часа ночи Кантемировская и Таманская дивизии были подняты по

тревоге. В слепящем свете прожекторов и фар открывались тяжелые ворота ангаров и гаражей, ревели моторы танков и бронетранспортеров. Никто ничего не знал толком. Поступил приказ идти на Москву. Задача, не раз проработанная на штабных и командных учениях и достаточно часто выполняемая на практике в послевоенной истории прославленных дивизий. На этот раз неразбериха началась сразу. Грузить или нет боезапас. Поступил приказ — наоборот — выгрузить, если он есть. Выдавать ли боевые патроны к табельному оружию? Брать ли с собой части химзащиты и санитарные подразделения? Выяснилось, что Генеральный штаб эти вопросы не проработал. Подразделениям в страшной спешке ставилась задача «по оседланию» московских улиц. Тверская. Что за Тверская? Бывшая ул. Горького. Калининский проспект, Арбат, Краснопресненский мост. Конечно, Кремль. Красная и Манежная площади. Что случилось? Слухи летели по ротам и батальонам: убит президент, в столице антисоветское восстание, сброшен американский десант. Тогда почему идем без боезапаса? Боезапас подвезут в Москву. Главное сейчас взять под контроль Кремль и другие правительственные здания. Штаб дивизии знал немногим больше. «Оседлать магистрали» и «противостоять действиям». Через 20 минут (вместо положенных восьми) танки и бронетранспортеры выехали на шоссе. Короткие команды, заглушенные грохотом двигателей, и две гвардейские танковые дивизии устремились к Москве. Сигнал боевой тревоги сорвал с коек солдат и офицеров Тульской воздушно-десантной дивизии. Огромные транспортные самолеты, прогревая моторы, раскрыли свои гигантские грузовые люки, поглощая поток людей в полном боевом снаряжении и технику. Приказ гласил: высадиться на подмосковном аэродроме Кубинка и ждать дальнейших приказаний. Генерал-майор Лебедь успокаивал офицеров своего штаба — обычные учения. Такое бывало уже не раз. Рязанская дивизия ВДВ, Псковская дивизия ВДВ, Витебская дивизия ВДВ, подчиненная КГБ, ОМОНы, спецназы, боевые группы по борьбе с терроризмом, голубые, черные, краповые и зеленые береты разбегались на боевые посты, перекрывая, оседлывая, охватывая, блокируя, контролируя... Начальники пограничных секторов и отрядов вскрывали секретные пакеты. В пограничных районах вводился особый режим, означающий закрытие границ. В пакетах оказались и списки лиц, подлежащих немедленному задержанию в силу особого статуса пограничных зон. Пограничные зоны СССР своей общей площадью превышают территорию всей Европы. Для управления этой территорией

прн КГБ существовала почтн мнллнонная армня пограничннков, вымуштрованных столь же тщательно, как н нх свнрепые овчаркн. Зазвенели телефоны, заработала связь. Под лай овчарок заставы поднимались «в ружье!»... Спавший в своем служебном кабинете командующнй войскамн Московского Военного округа генерал-полковннк Калиннн был разбужен порученцем. Из КГБ прнбылн бланкн, он должен расписаться в получении. «Что за бланки?» — не сразу понял генерал-полковннк. Одна пачка лежала уже на его столе. Калннин вскрыл ее и вынул лист бумагн:

Распоряженне коменданта г. Москвы
об адмннистративном аресте

В соответствнн со ст. 9 Закона Союза Советских Соцналнстнческнх Республнк «О правовом режиме чрезвычайного положення» санкцноннруется адмннмстратнвный арест гражданнна __________ сроком на трндцать суток. Комендант г. Москвы генерал-полковннк Н. Калнннн. 19 августа 1991 года.

Генерала уднвнло, что на бланках уже стонт его подпись н печать... Начальннк Управлення КГБ по Москве н Московской областн генерал Прнлуков с радостью потирал рукн. Все секретные пакеты былн уже вскрыты, спнскн распечатаны, райотделы оповещены. Собрав своих заместителей н начальннков отделов, Прнлуков обратнлся к ннм с краткой, но проннкновенной речью. Перестройка, слава Богу, закончнлась. Впрочем, пояснил он, перестройка закончилась еще в 1987 году, а затем началась махровая контрреволюцня. Поздравнв своих подчнненных с повышеннем окладов, генерал выразнл надежду, что онн будут действовать с той же решнтельностью н беспощадностью, что и в былые времена. Феликс Эдмундовнч с гордостью смотрел со стены на продолжателей своего великого дела...

В Ленннграде первый секретарь обкома Борис Гидаспов уже несколько суток не покндал своего кабннета в штабе революцни — Смольном, выполняя днректнвы Шенина по сортнровке н уннчтоженню секретных документов. Около четырех часов ночн Гндаспову доложили расшнфрованную телеграмму нз ЦК КПСС. Гндаспов ждал этого часа давно, нагнетая обстановку в городе всеми средствамн: через контролнруемую нм программу «600 секунд», через свой офнцноз «Ленинградскую правду», через финансируемую обкомом антнсемнтскую газету «Народное слово». Чтобы подготовнть народ к этому светлому дню, он лично дал распоряженне опублнковать «Слово к народу» в «Ленннградской правде» н приказал создать новую «Народную правду»,

поскольку газета «Народное слово», погрязшее в жндоборстве, уже не отвечала нуждам момента... Вместе с цнркулярнымн документами из Москвы прнслали и список лиц, из которых необходнмо сформировать в Ленинграде комиссню по чрезвычайному положению. Кроме самого себя и командующего округом Гидаспов с удивлением увидел в списке фамилии внце-мэра города Щербакова и председателя облсовета Ярова. Однако вспомннв, что первый является до сих пор контр-адмиралом действительной службы, а второй до недавнего времени был членом бюро обкома, подавил в душе сомнения. (Списки в Москве составлялись в страшной спешке с включением туда порой, совершенно случайных сомнительных личностей, которых удавалось вспомнить по ходу дела.) Вместе с директивой от Шенина пришла директива от ЦК РКП «всячески оказывать содействне всем мероприятиям ГКЧП». Однако у Купцова и Зюганова хватило ума или не хватило храбрости, но подписей своих под директивой они не поставили. В конце документа стояло: Секретариат ЦК РКП. Несколько минут Гидаспов обдумывал ситуацию. Мэр города Собчак в Москве. Контр-адмирал Щербаков — вице-мэр — отдыхает на юге. Это хорошо. Приказав своему идеологу Белову собрать на 11 утра бюро обкома, Гидаспов снял трубку и позвонил в штаб Ленннградского военного округа. Командующий округом генерал-полковник Самсонов был немногословен. Да, округ приведен в повышенную боевую готовность. Больше он пока ннчего не знает. Связь работает. Он ждет приказов нз Москвы. Секретарь обкома позвонил начальнику управления КГБ города генералу Куркову. Ему ответилн, что генерала нет на месте — он дома. Гидаспов набрал домашний телефон. Молодой женский голос сообщил, что товарищ Курков на даче, откуда отправится прямо на службу. Кипучая энергия Гидаспова не находнла выхода. Он не понимал, почему в такую ночь — ночь великой реставрацнн — кого-то нет на месте, а кто-то так вяло реагирует. Неужели нельзя было все подготовнть более организованно?

В Киеве первый секретарь ЦК Компартни Украины Гуренко также находнлся на своем боевом посту. Получнв шнфрограмму Шеннна, Гуренко облегченно вздохнул. Последнее время все работники аппарата ЦК ходили встревоженные и нервные, как собаки перед землетрясением — чуяли беду, а откуда она придет, не знали. Гуренко сразу стал звоннть председателю Верховного Совета Украины Кравчуку. Тот спал, а дежурный референт отказался его будить. Авторитет ЦК уже слншком пал. Гуренко пытался объяснить

ему ситуацию, но референт не понимал ничего. Кравчук любил поспать и все его подчиненные знали это. Никто не умрет, если подождем до утра. Гуренко стал звонить командующему округом генерал-полковнику Чичеватову. Ответил какой-то полковник — заместитель оперативного дежурного. Оказалось, что командующий на рыбалке вместе со своим начальником штаба. Кто остался за него? Командующий воздушной армией генерал Морозов, но он на учениях, оперативная связь занята. Генерал Чичеватов — преемник Громова — на рыбалке не был. Получив шифротелеграммы от Язова и Моисеева, он приказал ни с кем себя не соединять и, запершись в кабинете, обдумывал со своим начальником штаба ситуацию. Решили выполнить букву приказа и ввести в округе повышенную готовность. Пока не предпринимать ничего. На 8 утра командующий приказал собрать Военный совет... В шесть часов утра по Московскому времени, как обычно, заработали радио и телестанции Советского Союза. Одновременно с этим, пугая спешащих на работу людей и создавая мертвые транспортные пробки, в Москву ворвались танки Таманской и Кантемировской дивизии. С миллионов телеэкранов, из динамиков приемников и трансляционных точек, из громкоговорителей на площадях и улицах гигантского города в непрерывной записи лился поток сообщений, обрушиваясь на людей как водопад. «Обращение советского руководства. В связи с невозможностью по состоянию здоровья исполнения Горбачевым Михаилом Сергеевичем своих обязанностей Президента СССР и переходом в соответствии со статьей 127, пункт 7 Конституции СССР полномочий Президента Союза СССР вице-президенту СССР Янаеву Геннадию Ивановичу, в целях преодоления глубокого и всестороннего кризиса, политической, межнациональной гражданской конфронтации, хаоса и анархии, которые угрожают жизни и безопасности граждан Советского Союза, суверенитета, территориальной целостности, свободе и независимости нашего Отечества, исходя из результатов всенародного референдума о сохранении Союза Советских Социалистических Республик, руководствуясь жизненноважными интересами народов нашей Родины, всех советских людей, заявляем:

1. В соответствии со статьей 127, пункта 3 Конституции СССР и статьей 2 Закона СССР «О правовом режиме чрезвычайного положения», и идя навстречу требованиям широких слоев населения о необходимости принятия самых решительных мер по предотвращению сползания общества к общенациональной катастрофе, обеспечению законности и

порядка, ввести чрезвычайное положение в отдельных местностях СССР на срок шесть месяцев с 4 часов по Московскому времени 19 августа 1991 года.

2. Установить, что на всей территории СССР безусловное верховенство имеют Конституция СССР и законы Союза ССР.

3. Для управления страной и эффективного осуществления режима чрезвычайного положения образовать Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР (ГКЧП СССР) в следующем составе:

БАКЛАНОВ, первый заместитель председателя Совета обороны СССР.

КРЮЧКОВ, председатель КГБ СССР.

ПАВЛОВ, премьер-министр СССР.

ПУГО, министр внутренних дел СССР.

СТАРОДУБЦЕВ, председатель Крестьянского союза СССР.

ТИЗЯКОВ, президент Ассоциации государственных предприятий и объектов промышленности, строительства, транспорта и связи СССР.

ЯЗОВ, министр обороны СССР.

ЯНАЕВ, исполняющий обязанности Президента СССР.

4. Установить, что решения ГКЧП СССР обязательны для неукоснительного исполнения всеми органами власти и управления, должностными лицами и гражданами на всей территории СССР.

Москва, 18 августа 1991 года». Люди собирались толпами у громкоговорителей, у автомобильных приемников, возле случайных прохожих, имевших с собой транзисторы. Мимо потоком шли танки и БТРы. Стволы орудий и пулеметов грозно смотрели в окна домов. Покрытые камуфляжными пятнами боевые машины, черные шлемы танкистов, пятнистые масхалаты и комбинезоны, рев моторов, белые дымки выхлопов — все это какой-то страшной фантастикой выглядело на солнечных улицах города. А громкоговорители продолжали надрываться: «Обращение к советскому народу». Все читающие до этого «Слово к народу» уловили знакомые фразы: «Соотечественники, граждане Советского Союза! В тяжкий критический для судеб Отечества и наших народов час обращаемся к вам. Над нашей великой Родиной нависла смертельная опасность. Начатая по инициативе Михаила Сергеевича Горбачева политика реформ... в силу ряда причин зашла в тупик... Власть на всех уровнях потеряла доверие населения... Насаждается злобное глумление над всеми институтами государства, страна по существу

стаиовится неуправляемой... Визг гусеииц на поворотах, перепахаииый асфальт, стоящие без движения трамваи, троллейбусы и автобусы. Танки быстро заиимают указанные позиции. Также быстро и четко они действовали в 1968 в Праге и в 1989 в Кабуле. Теперь оии оккуппируют собственную столицу. Толпы у громкоговорителей растут. Миогие даже забыли думать о работе. Что с Горбачевым? Где Президеит? Толпу проиизывает слух: убили. Кто-то уже слушал Би-Би-Си: иет ие убили, умер сам от инфаркта. А что за ГКЧП? Многие не могут выговорить, плюются. Помои продолжают литься грязиым потоком в уши людей: «Постаиовление № 1 Государствениого Комитета по Чрезвычайному положению в СССР...

1. Всем оргаиам власти и управления Союза ССР, союзных и автоиомиых республик, краев, областей, городов, районов, поселков и сел обеспечить неукосительное соблюдеиие режима чрезвычайиого положеиия в соответствии с ... постаиовлеииями ГКЧП. В случаях неспособности обеспечить выполнеиие этого режима полномочия соответствующих органов власти и управлеиия приостаиавливаются, а осуществлеиие их функции возлагается иа лиц, специальио уполиомочеииых ГКЧП...» Огромные толпы уже запрудили улицы. Люди лезут на танки, спрашивают солдат и офицеров, что случилось. Никто из иих иичего ие зиает. Где Горбачев, что с иим? Никто иичего ие знает. Приказаио было войти в Москву и встать вот на этом месте, где стоим. Командиры танковых батальонов даже ие зиают, где их дивизиоииые штабы, которые заблудились где-то в лабиринте московских улиц. Связь в городе работает плохо. Зажатые бастионами домов танки чувствуют себя неуютио. Из любого окна в любой момент может вылететь бутылка с горючей смесью, а то и граиата. Их предупреждали о боевиках с гранатометами и «Стиигерами» и бросили в Москву без боезапаса. Сквозь шум толпы, урчаиие работающих на холостом ходу таиковых двигателей, продолжает что-то капать и литься из громкоговорителей:

«...4. Приостановить деятельность политических партий, общественииых оргаиизаций и массовых движений... Проведеиие митиигов, уличных шествий, демоистраций, а также забастовок ие допускается. В необходимых случаях вводить комеидаитский час, патрулироваиие территории, осуществлять досмотр, принимать меры по усилеиию пограничного и таможениого режимов... Решительно пресекать распространеиие подстрекательских слухов, действий, провоцирующих иарушеиие правопорядка, иеповииовение должност-

ным лицам, обеспечивающим соблюдение режима чрезвычайного положения...»

На заводах и в учреждениях закончилась ночная смена. Люди хлынули на улицы. Где президент? Убит, арестован, умер, убежал в Штаты, погиб при катастрофе. Появляются портреты Горбачева. Горбачев — разочаровавший всех, предмет насмешек и анекдотов, политик с нулевым рейтингом, которому давно уже никто не верил и не доверял, вдруг сплотил своим именем народ. «Горбачев! Горбачев!» — скандирует толпа в стихийном протесте против случившегося. Люди еще толком не поняли, что произошло, но мерзкое звучание фраз из репродукторов напомнило всем о временах, возвращения которых не желает никто. Горбачева убили за то, что он хотел уничтожить эту гнусную систему. Верните нам нашего президента!

«... 8. Установить контроль над средствами массовой информации, возложив его осуществление на специально создаваемый орган при ГКЧП...»

В Архангельском — резиденции президента России — Борис Ельцин и группа его сотрудников слушали поток сообщений по радио. Среди них были и мэры Москвы и Ленинграда — Попов и Собчак. «Все ясно,— сказал Ельцин со своей странной улыбкой.— Началось...» Попытки связаться с Горбачевым ни к чему не привели. Линия правительственной связи не работала. Было решено пробиваться в здание правительства России на Краснопресненской набережной и действовать по обстановке. Охрана проверяла оружие. Она не собиралась сдавать своего президента, как сдали своего мордастые гебисты генерала Медведева. Около 8 часов утра машина Ельцина выехала в Москву. Впереди и сзади, включив сирены, неслись машины с охраной, откровенно выставив автоматы наружу. Лавируя между танками — на Москву лавиной продолжала двигаться бронетехника — кавалькада въехала в Москву и под вой сирен, мимо молчаливо стоящих танков и безразличных солдат, направилась к «Белому Дому» России, которому вскоре суждено будет стать самым знаменитым зданием в мире.

В Ленинграде первый секретарь обкома Борис Гидаспов, слушая сообщения по радио, даже закрыл глаза от удовольствия, как будто из репродукторов лилась райская музыка. Взглянув на часы и увидев, что уже 8 часов утра, он понял, что больше не вправе сидеть вот так в Смольном, ничего не предпринимая. Машина первого секретаря выскочила из ворот Смольного и помчалась в штаб военного округа. Генерал-полковник Самсонов встретил его без всякого восторга.

Да, он иачиет действовать, если в городе начнутся беспорядки и акты иасилия. В его распоряжении есть достаточио сил и средств. А зачем ои сейчас будет иагиетать обстаиовку, если все спокойио. В получеииых им приказах иет ии слова о том, что ои должен пугать армией народ. Но в страие объявлеио чрезвычайиое положеиие! — иастаивал Гидаспов,— о ием иадо хотя бы объявить!» Зачем? Москва уже два часа ничем другим ие занимается, как объявляет. И вообще иеизвестио, на чрезвычайиом положеиии город или нет. В указе сказаио: в ряде местиостей СССР. А о Лениииграде ии слова. В этот момеит к ним присоедииился начальиик управлеиия КГБ Курков. К великому удивлению Гидаспова чекист поддержал Самсоиова. «Вы с ума что ли посходили оба? — зло спросил Гидаспов.— На этот счет есть специальное постаиовлеиие ЦК КПСС, а вы ие объявляете в городе чрезвычайное положение?» «А почему собственно это должеи делать я,— ие сдавался генерал-полковиик,— вы секретарь обкома, вы и объявляйте!» «Товарищ Самсоиов,— играя своими змеииыми улыбками, произиес Гидаспов,— вы члеи бюро обкома. Я не поиимаю вашей позиции. Вы иазиачеиы комендаитом города, вы и должиы объявить иаселеиию о чрезвычайиом положении». Гидаспов совал Самсонову уже готовый текст, грозил позвонить самому Шляге, ио комаидующий округом и его заместитель генерал-майор Миронов держались твердо. Курков сидел молча, дав только короткую справку, что он подчиияется председателю КГБ РСФСР геиералу Иваиенко, а тот пока никаких распоряжеиий ие давал. Подъехал и Крамарев — начальник УВД Лениинграда. Тот также заявил, что ои подчииен министру внутреиних дел России Бараииикову и иичьих других приказов выполиять ие будет. Налицо был явиый саботаж. Взбешенный секретарь, пообещав с одиой из своих зловещих улыбок, сделать «оргвыводы», уехал в Смольный. Все поиимали, что сейчас Гидаспов будет названивать в Москву, и не ошиблись. Примерио в половиие десятого Самсонову позвоиил заместитель миинстра обороиы Говоров и приказал зачитать гидасповский текст. Геиерал-полковник побагровел. Сейчас ои зачитает текст и будет отвечать за все, что произойдет в городе после этого. Ои уже иеиавидел этих хитрожопых партаппаратчиков. Гидаспов, коиечно, выкрутится, как выкручивался до сих пор, и все шишки полетят на армию, которая, естествеино, будет одиа во всем виновата. В 10 часов утра звеиящим от волиеиия голосом генерал-полковник Самсонов зачитал по городской радиотрансляциоиной сети гидасповский текст, слегка его изменив. С самого начала

в словах командующего звучали какие-то оправдательные нотки: «Товарищи! В связи с введением на территории Советского Союза чрезвычайного положения на меня, как на командующего войсками Ленинградского военного округа, возложены обязанности военного коменданта города Ленинграда». Пересказав далее своими словами заявление ГКЧП, где чисто гидасповским нововведением было запрещение увольняться с работы по собственному желанию, генерал перечислил созданную для управления городом комиссию по чрезвычайному положению: Самсонов, Щербаков, Храмцов, Яров, Гидаспов, Викторов, Курков, Саввин. Анатолия Собчака в комиссии не было, но был его ближайший заместитель Щербаков. Это удивляло, но вместе с тем и успокаивало возбужденных ленинградцев, которые, бросая работу, стали толпами собираться на улицах, стихийно формируясь в колонны и направляясь к Мариинскому дворцу — резиденции Ленсовета и мэрии. Гидаспов снова стал звонить Самсонову, требуя ввода войск на улицы города. Самсонов потребовал письменного распоряжения. Гидаспов бросил трубку и стал звонить морскому начальнику ВМБ Ленинграда вице-адмиралу Селиванову. Адмирал сообщил Гидаспову, что вообще не в курсе дела — у него нет никаких распоряжений. Надо обращаться к командующему флотом адмиралу Иванову в Калининграде. Гидаспов пробовал уговорить адмирала вывести на улицы хотя бы морские училища города и учебные отряды Кронштадта, как в 1917 году. Адмирал заверил секретаря обкома, что просто не имеет права этого делать — он так, администратор, вроде завхоза. Гидаспов снова позвонил Куркову, но оказалось, что генерал на совещании и подойти не может. Потеряв терпение, шеф боевого питерского обкома связался по спецсвязи с Шениным и сообщил, что город саботирует все указания из Москвы. Шенин пообещал принять срочные меры... Но если в Ленинграде дела шли на удивление вяло из-за явного нежелания должностных лиц брать на себя какую-то ответственность в столь непонятной обстановке, то подобным образом события развивались далеко не везде. В недалеком Пскове ни у кого сомнений не было. Местные обком и горком партии, дружно взаимодействуя с командованием гарнизона, быстро задавили слабые советы, провели аресты, разогнав хилую демонстрацию, и даже предложили в верноподданическом порыве к ГКЧП послать знаменитую Псковскую дивизию в поход на Ленинград, чтобы расшевелить нерешительного генерала Самсонова... Еще круче события развивались в Самаре. Командующий Приволжско-

Уральским военным округом знаменитый генерал-полковник Макашов — друг Саддама Хусейна и оскандалившийся кандидат в российские президенты — понял, что его час настал. Территория округа была огромной, охватывая пространство от Свердловска до Нижнего Новгорода. Не тратя времени на консультации с обкомами — Макашов хорошо знал цену этим разжиревшим трусам — командующий округом стал действовать с той быстротой и решительностью, которые неоднократно подчеркивались в его служебных характеристиках. В Самару сходу ворвались танки и боевые машины пехоты, имевшие на борту полный боезапас. Пилоты бомбардировщиков и истребителей заняли места в кабинах в пятнадцатиминутной готовности к взлету. Игнорируя КГБ и МВД, Макашов сам распорядился о необходимых арестах и интернированиях. Камуфлированные десантные «джипы», набитые спецназом, ринулись по улицам Самары по указанным адресам. Облачившись в пятнистый комбинезон, сопя от нетерпения и возбуждения, Макашов, не доверяя столь важного дела штабным, лично продиктовал свой приказ № 337, который, растиражированный в тысячах экземпляров, полетел во все города огромного округа. Приказ гласил:

«1. Всеми формами работы среди военнослужащих разъяснять политику ГКЧП по спасению страны.

2. Эмиссаров, космополитов, предателей Родины, Союза задерживать, проводить допрос, сдавать правоохранительным органам.

3. Усилить патриотическую работу среди солдат, офицеров. Основная теоретическая база для работы «Слово к народу» в «Советской России».

4. Продолжать поддерживать высокую боевую готовность, подготовить технику и вооружение к боевым действиям».

Кризисы всегда рождают Наполеонов... В Киеве первый секретарь ЦК КПУ Гуренко, возбужденный влетел в кабинет председателя Верховного Совета Украины Кравчука. На номенклатурном лице Кравчука — в недавнем прошлом крупного партийного функционера — появилось надменное выражение гетмана Скоропадского, на губах заиграла улыбка Петлюры, в глазах зажегся огонь Степана Бандеры. «Москва пусть там делает, что хочет. Нас это не касаемо». Гуренко взорвался: «Как это не касается?! Как это не касается, если есть постановление ЦК КПСС!» «Кто подписал?» — поинтересовался Кравчук. Помявшись, Гуренко продал Шенина, назвав его фамилию. «Кто такой?» — спросил Кравчук, хотя отлично знал. Гуренко стал сбивчиво

объяснять. «Не-е,— протянул Кравчук,— такие документы должен подписывать Генеральный секретарь, а не какая-то шпана». Гуренко помчался в ЦК и стал звонить в республнканское КГБ. Его бодро заверннли, что все касающееся поддержания строгого порядка будет сделано. Командующий округом генерал-полковннк Чичеватов долго не мог понять, что от него хочет партийный босс Украины. Он не получал никаких указаннй из Мнннстерства обороны о введенни войск в Киев нлн какне-либо другие города республики. У него есть приказ повыснть боевую готовность войск. Она повышена. Вот и все. В отчаяньи Гуренко позвоннл в Москву Шенину. Тот заверил его, что меры будут прнняты...

В Риге командующий Прнбалтийским военным округом генерал-полковник Кузьмин, закончнв изученне прибывших ночью документов, выругался н выпнл стакан коньяка. Ему предписывалось взять на себя всю исполннтельную власть членов правнтельства. Затем он должен был восстановить прежние структуры властн во главе с центральными комитетамн компартни на платформе КПСС. После январских событнй, когда его сделали козлом отпущения за действия, в которых его подчнненные практически не участвовали, он стал и умнее, и хнтрее. Штурмовать парламенты, окруженные тысячамн вооруженных людей и бетонными загражденнями — это значнт развернуть в центрах Риги, Таллинна и Вильнюса настоящее сражение с тысячами жертв и огромными разрушеннямн. Что в конце концов, с ннм сделают? Снимут с должности? Пусть снимают, но он не намерен ннчего предпринимать. Связавшись по телефону с презндентамн Эстонни и Лнтвы, а также с Председателем Верховного Совета Латвии, генерал уведомил их, что он получил приказ взять на себя всю полноту исполнительной власти в республнках. Со свойственной прибалтам сдержанностью генералу ответилн, что это решенне незаконно и они будут протестовать. Кузьмнн вздохнул н повесил трубку. Затем командующий дал приказ по всем частям округа: не выпускать ни одного военнослужащего за пределы гарнизона без его личного разрешения...

В Соединенных Штатах президент был поднят с постели. «В Москве переворот. Презндент Горбачев лнбо убнт, либо отстранен от властн». Вертолет быстро совершнл посадку на лужайке перед Белым Домом. Президент вышел из него прямо на жерла телекамер н мнкрофонов целой толпы журналистов. «Как вы относнтесь к произошедшему в СССР, г-н Презндент?» «Я удручен»,— последовал ответ. «Как вы оцениваете это событие?» Идя своим быстрым, упругим

шагом через толпу корреспондентов, Буш неожиданно остановился. «Это переворот,— твердо сказал он и, помолчав секунду, добавил со своей знаменитой улыбкой,— но не все перевороты бывают удачными». То, что обычно осторожный в выражениях Буш сделал сразу столь резкое заявление, удивило многих, хорошо знавших президента Соединенных Штатов...

В Москве Председатель КГБ СССР Крючков мучился от чувства какой-то неосознанной неудовлетворенности. Конечно, нужно было дать приказ об аресте Ельцина и всей его компании. И он этот приказ отдал, но оказалось, что это легче сказать, чем сделать. Дело в том, что за последние десятилетия славные чекисты деградировали, как и все общество, а пожалуй даже и сильнее. Имея постоянно дело с диссидентами, евреями-отказниками, валютчиками и контрабандитами, чекисты приобрели невероятный апломб, цинизм и нахальство, но совершенно растеряли бойцовские качества. Одно дело идти вшестером обыскивать и арестовывать какого-нибудь бородатого очкарика за чтение Солженицына, а потом год кормиться на его следственном деле, другое — идти арестовывать человека, которого охраняют три сотни обученных головорезов, вооруженных, по уверениям самого Крючкова, гранатометами и «Стингерами». Никому не хотелось, да и было некому. Для подобной операции нужно было человек 500 минимум, обученных и вооруженных до зубов. Бой должен был стать ожесточенным и с совершенно непрогнозируемыми результатами. Тут бы «Альфа» не справилась из-за своей малочисленности. Кроме того, «Альфа» сидела на всякий случай прямо на Лубянке, поскольку Крючков не без оснований опасался, что какой-нибудь лихой комбат, войдя в Москву, тут же поведет свои танки на штурм именно Лубянки. Поэтому он и просил Язова, чтобы танки были без боезапаса. Что-что, а любовь армии к своему ведомству он знал хорошо. Крючков обратился к Пуго, но все ОМОНы в мыле ездили по Москве, отключая радиостанции и опечатывая газеты по «Постановлению № 2 ГКЧП», которое еще не было опубликовано. В этот момент из Архангельской сообщили, что какие-то три БТРа без опознавательных знаков подъезжали к резиденции Ельцина минут через двадцать после отъезда президента России в Москву. Оттуда выскочили какие-то люди в комбинезонах, ворвались в помещение, но тут же выскочили обратно и уехали в сторону Москвы. Хотелось бы думать, что они приезжали арестовать Ельцина, хотя уверенности в этом не было никакой. Но главным из утренних

сюрпризов Крючкова было открытие, что в Москве существует параллельная радиовещательная слаботочная сеть, имеющая возможность отключать официальную трансляцию. Где находятся ее передатчики, было неизвестно. Крючков вызвал Прилукова и спросил шефа московского управления, что это значит? Из радиоточки в кабинете Крючкова отмодулированный бархатный голос диктора вещал: «Сограждане! В стране произошел военный переворот. Никакого подчинения незаконной хуите, имеющей себя ГКЧП. Через несколько минут мы передадим обращение президента России Ельцина к народу! Сограждане, группа аппаратчиков свергла законного президента...» Затем в эфире снова появилась радиостанция «Эхо Москвы», уже трижды разгоняемая с раннего утра, когда одновременно с «Заявлением» ГКЧП объявила, что в стране произошел антиконституционный переворот, а президент Горбачев сидит под арестом в Форосе. За станцией гонялись три спецназа разного подчинения, арестовывали дикторов, крушили аппаратуру, отключали ток. Но станция снова оживала и сейчас выяснилось, что она вещает уже из Белого Дома России. Крючков вдруг понял, что внезапность не удалась. Какие-то силы и структуры, о которых даже он не знал, оказались прекрасно подготовленными к событиям. Содержание передач радиостанций говорило об их прекрасной осведомленности, заставляло предполагать, что источники информации находятся где-то в недрах его собственного ведомства и генштаба... Между тем, танки и транспортеры двух бронетанковых дивизий, брошенные на улицах столицы, продолжали стоять без действия и без всякой пользы. Не евшие со вчерашнего дня солдаты нервничали. Обещанные кухни, конечно, не прибыли. Даже если кто-нибудь о них вспомнил, то пробиться к Москве уже не было никакой возможности. Все дороги, ведущие в столицу со всех направлений, были забиты войсками. Танки, бронетранспортеры, боевые машины пехоты, десантные танкетки, противотанковые джипы, подвижные радиолокационные станции, мобильные пункты связи, грузовики с патронами — все это грохотало и двигалось на столицу. Никто уже не мог разобраться в том, кто их вызвал, кто дал приказ, кто уточнял маршруты. Части перемешивались между собой, становясь огромным, неуправляемым брониевым стадом. Окружная дорога мгновенно оказалась забитой, а войска все напирали и напирали... При этом продолжали по расписанию ходить пригородные электрички, отходили и подходили поезда дальнего следования, летали самолеты «Аэрофлота». В аэропорту Шереметьево в зале

депутатов Верховного Совета ждал вылета на Ленинград мэр города на Неве профессор Собчак — один из ближайших сотрудников Ельцина. Его немногочисленная охрана нервничала, ожидая «гостей» с Лубянки. Но вместо ожидаемых гостей к Собчаку пробился корреспондент радио «Свобода» Максим Соколов. Собчак — блестящий оратор и правовед — всегда с готовностью давал интервью западным радиостанциям. Не отказался он этого сделать и на этот раз. Еще никогда радио «Свобода», чье «грязное, бандитское гнездо» находилось в Мюнхене, не имело столько слушателей в СССР. Во всех домах необъятной страны радиоприемники были настроены на волну «Свободы». Она вещала в Белом Доме России, развернув свой корпункт на 11-м этаже, ее слушал Крючков в своем кабинете, и президент Горбачев на своей даче в Форосе. «Это антиконституционный переворот,— звучным голосом университетского профессора разъяснил Собчак,— режим Чрезвычайного положения в нашей стране может быть объявлен только Верховным Советом при наличии объективных данных. Как-то...» Аудиторией профессора Собчака был весь мир... На вопрос, что ему известно о судьбе Горбачева, Собчак, без тени колебаний, отвечает: «Разговоры о болезни Горбачева — ложь. Президента пытались заставить отказаться от своего поста. После его отказа была использована версия о его болезни». Корреспондент не стал интересоваться у мэра Ленинграда источниками его информации. Собчак никогда не кидает слов на ветер и не пользуется слухами. Если он говорит, то значит так оно и есть...

Голодные солдаты начинают бродить по московским улицам в поисках пищи. Некоторые суются в магазины, которые, как правило, закрыты. Открытые — зияют уже привычными пустыми прилавками. Танки, БТРы и БМП окружены толпами людей. На танках гирляндами висят дети. Девушки обнимают солдат и офицеров. Сердобольные бабушки и домохозяйки суют в танки батоны и всякую снедь. В жерлах орудий букеты цветов. Некоторые матери находят среди экипажей танков своих призванных в армию сыновей. Слезы, объятия. Прижавшись к своим мамам, плачут несчастные мальчики, почти дети, оторванные от них той же силой, которая сейчас бросила их убивать собственных матерей. Офицеры отводят глаза. Почти весь офицерский корпус армии славянский: русские и украинцы. То, что получалось в Средней Азии, в Закавказье и даже в Прибалтике, начинает буксовать в Москве. Ведь все русские! Что же творится? На танках поднимаются русские трехцветные

флаги, танки медленно ползут по улицам столицы, древней столнцы Руси н Россин. Начннает твориться что-то невообразимое. Люди кричат, обнимаются, целуются, бегут вслед за танками, направляющимися к Белому Дому. Многие плачут, не стыдясь слез. И хотя танков всего десять, хотя остальные еще мрачно и безучастно стоят вдоль улиц, но уже что-то произошло. Лица! Изменяются лнца людей, превращенные семидесятнлетней тиранией в нечто тупое и безликое. Какне прекрасные русские лнца. Такие можно встретнть наверное только во время катаклизмов и только в Москве. Уже никто не слышит н не слушает, что вещают громкоговорители, но они продолжают работать:

«Постановление № 2 ГКЧП СССР. О выпуске центральных, московских н областных газет...

1. Временно ограничить перечень выпускаемых центральных, московских городских и областных общественно-политических изданий следующимн газетамн: «Труд», «Рабочая трибуна», «Известия», «Правда», «Красная звезда», «Советская Россия», «Московская правда», «Ленинское знамя», «Сельская жизнь».

2. Возобновление выпуска других центральных газет и общественно-политических изданнй будет решаться специально созданным органом ГКЧП СССР. Москва, 19 августа 1991 года...»

Танки с поднятыми на башнях трехцветными флагами вползают на площадь перед Белым Домом России, окруженном несметнымн толпамн людей. Из Дома выходят Ельцин, его вице-президент Руцкой, Руслан Хасбулатов и Иван Силаев. Кругом вооруженная охрана. Высоко на крыше снайперы зорко следят за крышами соседних домов. Народ ревет: «Ельцин! Ельцин!»

Президент России залезает на башню танка Таманской дивизии. И хотя по аналогии это напоминает легенду о Ленине на броневике, поведение Ельцина больше (до мелочей похоже) на действия Генриха IV Бурбона в период борьбы с легнстами, а Москва — это уже Париж то ли до, то ли после Варфаломеевской ночи. Вот так, окруженный только кучкой преданных сторонников с благородными сердцами н длнннными шпагами, мужественный король-гугенот бросил вызов всему европейскому католицизму н победил...

С башни танка Ельцин зачитывает обращение к народу:

«К гражданам России. В ночь с 18 на 19 августа 1991 года отстранен от властн законно нзбранный Президент страны. Какими бы причинамн ни оправдывалось это отстранение,

мы имеем дело с правым, реакционным, антиконституционным переворотом... Все это заставляет нас объявить незаконным пришедший к власти, так называемый, комитет. Соответственно, объявляем незаконными все решения и распоряжения этого комитета...

Призываем граждан России дать достойный ответ путчистам... Уверены, органы местной власти будут неукоснительно следовать конституционным законам и Указам Президента России... Мы абсолютно уверены, что наши соотечественники не дадут утвердиться произволу и беззаконию потерявших всякий стыд и совесть путчистов. Обращаемся к военнослужащим с призывом проявить высокую гражданственность и не принимать участие в реакционном перевороте...»

Крючков выключил радио. Неизвестная станция продолжала транслировать речь президента России и обнаружить ее не удавалось. Результаты уже начинали сказываться. Генерал Прилуков, идя после крючковской головомойки по коридорам своего управления, обнаружил, что все его оперы, изнывая от безделья, пьют чай по кабинетам, хотя им было приказано начать работу по спискам. Оказалось, что приказ Прилукова отменил председатель КГБ РСФСР Иваненко, сославшись на распоряжение Ельцина. Московское управление КГБ подчиняется РСФСР, а не СССР. Это уже было что-то новое. А где сам Иваненко, никто не знал. Ходил слух, что где-то около Ельцина. Кроме того, проводить оперативные мероприятия, когда улицы забиты военной техникой и толпами народа, просто невозможно. Вероятны всякие эксцессы. Прежде всего надо убрать народ с улиц, разгромить это осиное гнездо в Белом Доме, а затем начинать спокойно работать. А для этого надо объявить Москву на чрезвычайном положении, ввести комендантский час и интернировать ельцинскую банду. Он призывает население к бессрочной забастовке. Бывший секретарь обкома! Какой позор! Пока Крючков обдумывал свои дальнейшие шаги, Янаев, Пуго, Бакланов, Тизяков и Стародубцев, опять же по идее Крючкова и при согласии Лукьянова, давали в пресс-центре МИД СССР пресс-конференцию для «советских и иностранных журналистов». На удивление пропускали всех журналистов, кто был аккредитован в Москве, да и своих не обижали — пропускали даже тех, чьи газеты уже были официально закрыты постановлением ГКЧП. Сразу же бросилось в глаза, что отсутствуют Язов и Крючков, а остальные очень сильно нервничают. Даже железный Пуго все время то снимал, то одевал очки, то протирал их, то клал на стол.

У Яиаева так дрожали руки, как будто ои давал пресс-коиференцию иакануне смертиой казни. Бакланов и Тизяков также выглядели удрученными. Расплывался в улыбке только один Стародубцев, имея на общем фоне весьма дурацкий вид. Открывший пресс-конференцию Янаев говорил сбивчиво, да и никто его толком не слушал, предоставив это магнитофонам. Когда и. о. президента закончил, посыпались вопросы, где Горбачев и что с ним? Янаев, то снимая, то одевая свои дымчатые очки, участливым голосом стал объяснять, что Михаил Сергеевич Горбачев находится на отдыхе в Крыму. За эти годы он очень устал, и требуется какое-то время, чтобы он поправил здоровье. «Полагаю,— пообещал Янаев,— в свое время медицинское заключение о состоянии здоровья Михаила Сергеевича Горбачева будет опубликовано». «Почему, полагаю?» — посыпались вопросы. «А как ваше здоровье?» — спросил итальянский корреспондент. Все затихли, ожидая стереотипного янаевского ответа: «Жена не жалуется», но вице-президент ответил иначе: «Вот, посмотрите, двое суток неспамши». Но выглядел Янаев неважно. На вопрос, почему нет Язова и Крючкова, ответил уклончиво. В прямой эфир пресс-конференцию не пустили. Телевидение Кравченко по всем программам передавало классическую музыку, прерывая ее только для оглашения постановлений ГКЧП. Крючков, как мы знаем, не появился на пресс-конференции, поскольку был занят подготовкой к введению в Москве чрезвычайного положения, которое бы облегчило работу его людям по наведению в столице революционного порядка. Но Язов отсутствовал по совсем другой причине.

В шесть часов утра Язов собрал на совещание главкомов видов вооруженных сил. Поднятые в половине пятого главкомы выглядели сумрачно, а по мере того, как говорил министр обороны, становились все мрачнее. Маршал был краток. Он сообщил, что президент Горбачев болен и Янаев выполняет его обязанности. Что нужны чрезвычайные меры по наведению порядка. Главком ВМФ адмирал флота Чернавин спросил, что случилось с Горбачевым. Язов ответил, что что-то серьезное, но он сам толком ничего не знает — медицинское заключение будет позднее. Главком ВВС генерал-полковник Шапошников и главком ракетных войск стратегического назначения генерал армии Максимов выразили Язову недоумение по поводу танков на улицах. Танки на улицах, пояснил министр, нужны для обеспечения порядка. Есть данные, что в Москве готовились крупные вооруженные провокации. Радости по поводу случившегося

не скрывал только главком войск ПВО генерал армии Третьяк. ПВО имело личные счеты с Горбачевым, когда после полета Руста этот вид Вооруженных Сил был публично опозорен на всю страну. В штабе ПВО искренне считали, что весь полет Руста является провокацией президента для расправы с руководством армии, а секретное расследование, проведенное по приказу Третьяка, только подтвердило эти подозрения.

Вернувшись к себе, главком ВМФ Чернавин и его заместитель адмирал флота Капитанец отдали приказ командующему Балтийским флотом адмиралу Иванову блокировать порты Прибалтийских республик. Так было приказано Язовым. Затем Чернавин снял трубку и позвонил в Севастополь командующему Черноморским флотом адмиралу Хронопуло. «Что у тебя там случилось с Горбачевым, Хронопуло?» — поинтересовался Чернавин. Командующий флотом доложил, что с Форосом почему-то нет связи. Командир Балаклавской бригады сторожевых кораблей капитан 1-го ранга Алферьев доложил ему, что связь пропала вечером 18 августа. Отключилось электропитание, прекратила работу аппаратура обнаружения. Но поскольку эти вопросы в компетенции органов, он не вмешивался. В Крыму находятся генерал Мальцев из ПВО и генерал Денисов из генштаба. Они устанавливают новый режим подъезда, подлета и подплыва к даче президента. Он связался с ними и получил информацию, что президент тяжело болен. У него инсульт в очень тяжелой форме. Однако со сторожевых катеров видели Горбачева на пляже с семьей. Он купался в море. Так что непонятно, что происходит.

В Варне стоит американский ракетный крейсер «Белкнэп», пришедший туда 17 августа. С него потоком идет какая-то информация через канал спутниковой связи. Вся электроника американца включена на боевой режим. Чернавин повесил трубку и сказал Капитанцу: «Что-то не нравится мне вся эта история, Иван Матвеевич». Посовещавшись, приняли решение: флоту никакие приказы ГКЧП не выполнять без санкции главкома. Кораблям оставаться на базах по дислокации. Блокаду Прибалтийских портов отменить. Морякам и частям, подчиненным флоту, ни в каких действиях не участвовать. Кораблям, находящимся в открытом море, продолжать выполнение задач. Флот объявил нейтралитет. Адмирал флота Чернавин — в прошлом командир атомной подводной лодки, облучившийся и страдавший от приступов лучевой болезни, сделал все, что мог...

Главком ВВС генерал-полковник Шапошников, вернувшись в свой штаб, немедленно дал команду не поднимать в воздух ни одного самолета без его приказа. Самолетам стратегической авиации, находящимся на круглосуточном боевом дежурстве, продолжать выполнение задачи. Карьера Шапошникова была стремительной. В прошлом отчаянный летчик-истребитель, он в 37 лет был уже генералом, а в 1990 году сменил на посту главкома ВВС престарелого маршала Ефимова. Военно-Воздушные Силы страны имели собственные традиции. В частях почти не было дедовщины. Поддерживалась строгая, но разумная дисциплина, которая сама образуется в коллективах, где от действий каждого зависит жизнь всех. Возвращаясь от министра Шапошников был потрясен количеством танков и солдат на улицах. Казалось, что столица была оккупирована не своими войсками, а каким-то неведомым противником. Остановив машину у одной колонны, главком ВВС приказал порученцу найти командира и привести к нему. Через несколько минут порученец вернулся в сопровождении молодого капитана в лихо сдвинутом на затылок танковом шлеме. Увидев генерал-полковника, капитан отрапортовал, что является заместителем командира танкового батальона какого-то полка Кантемировской гвардейской дивизии. На вопрос, кто приказал им войти в город, капитан ответил, что не знает. Командир батальона поехал разыскивать штаб полка и пропал. Что происходит в стране, он тоже не знает. Говорят, умер президент и американцы могут сбросить десант на Москву. Шапошников понимал, что происходит что-то невиданное еще в истории страны, когда рушатся все стереотипы выработанных годами правил поведения и ориентиров. Из задумчивости главкома вывел резкий телефонный звонок. Шапошников взял трубку и услышал взволнованный голос своего заместителя, командующего стратегической авиацией дальнего действия генерал-полковника Петра Дейникена. «Евгений Иванович! Товарищ командующий! — захлебываясь от волнения, почти кричал всегда спокойный почти до флегмы генерал,— у нас пропал сигнал с «первого!» «Что?!» — считая, что он что-то не понял, в ужасе переспросил главком ВВС. «Пропал сигнал с «первого»,— подтвердил командующий АДД,— его нет уже несколько минут!» «Первым» на сленге высшего военного руководства назывался «КЕЙС» президента. Специальные, круглосуточные, особо секретные посты постоянно следили за связью стратегических систем с «КЕЙСОМ». «Петр, ты меня слышишь? — мгновенно среагировал главком,— немедленно всех, у кого

на борту «дыни» — на посадку. Освободи все полосы. Все КДП на аварийный режим! Отключить все РЛС дальнего наведения!» Ни одного из перечисленных приказов Шапошников не имел права отдавать самостоятельно. Вся ситуация стала ему совершенно ясной. Президент свергнут, а возможно и убит. Власть в руках авантюристов, безответственных настолько, что в погоне за своими политическими выгодами, они не постеснялись поставить и свою страну, и весь мир на грань ядерной катастрофы. Обливаясь холодным пóтом, Шапошников схватился за трубку прямой связи с Язовым. Линия была занята. В этот момент зазвонил другой телефон, и Шапошников услышал в трубке густой бас генерала армии Максимова — командующего ракетными частями стратегического назначения. «Шапошников,— спокойно сказал Максимов,— у меня пропал сигнал с «первого» и у тебя, наверное, тоже. Я уже доложил Язову. Тот растерян и ничего не может сказать толком. Я убираю мобильные ракеты с позиций и разъединяю цепи на шахты. Звоню тебе вот по какому вопросу. Что происходит, Евгений Иванович? Позвони Язову, ты его лучше знаешь. Вразуми его, что его втравили в очень пакостное дело. Мы же ядерная держава!» Вместо Язова, линия которого была по-прежнему занята, Шапошников позвонил Янаеву. В таких ситуациях главкомы имеют право обращаться непосредственно к главе государства. Его долго соединяли, наконец в трубке зазвучал звонкий, комсомольский голос вице-президента. «Где «КЕЙС» Горбачева?» — не тратя времени на какие-либо вступления, спросил Шапошников. Янаев растерялся: «Что за «КЕЙС»? — и, видимо, не поняв в чем дело раздраженно ответил,— не знаю, генерал. Сейчас есть дела поважнее!» Он хотел еще что-то сказать, но Шапошников повесил трубку и снова стал звонить Язову. Министр был на месте. «Где «КЕЙС» президента?» — повторил вопрос Шапошников. «У Крючкова»,— немного помолчав, ответил Язов. «Как так у Крючкова? — не понял Шапошников, как он попал к Крючкову? Разве Крючков глава государства? Почему он отключил сигнал? Они перешифровывают схему, не предупредив вас? Что происходит, Дмитрий Тимофеевич?» «Не знаю,— устало ответил Язов,— я уже ничего не знаю. Я знаю, что мой «КЕЙС» («второй») еще при мне. Я понимаю тебя, Евгений Иванович. Действуй, но будь бдительным». Маршал повесил трубку и приказал соединить себя с генералом Моисеевым. Он сообщил начальнику генштаба, что очень плохо себя чувствует и немного отдохнет, и уехал на дачу. У него только что был разговор с Крючковым. Получив

доклад генерала Максимова, Язов немедленно соединился с шефом КГБ. «Где «КЕЙС» Горбачева?» — спросил министр обороны. «У меня,— ответил Крючков,— а в чем дело?» «С него перестал поступать сигнал на наши системы»,— объяснил Язов. «Вот как? — удивился Крючков,— любопытно». Голова Председателя КГБ была занята совсем другими делами и он туго соображал, что от него хочет Язов и пообещал разобраться. Язову стало ясно, что и Крючков не знает, где «КЕЙС». Тем более, что Крючков тут же перевел разговор на другую тему: все ли готово для введения в Москве режима комендантского часа? Язов, вздохнув, сказал, что дал все указания коменданту Москвы генералу Калинину. После того, как министр обороны повесил трубку, до Крючкова стал доходить смысл сказанного. Он вызвал Плеханова. В первый момент начальник всесоюзной охраны не мог ничего вспомнить, но когда Крючков на него заорал, грозя немедленно пристрелить в подвале, вспомнил сразу. Вызвали полковника, которому Плеханов передал чемодан. Тот побледнел, потому что забыл чемодан своего начальника (как он думал) в самолете. Что это «КЕЙС» президента, полковнику было знать не положено. Помчались во Внуково. «КЕЙСА» в багажном отсеке не было. Плеханов приказал полковника немедленно арестовать. Тот покорно подставил руки под наручники — у Плеханова, наверное, были какие-то ценные вещи в этом проклятом чемодане, раз он так осерчал. Надо было предупредить. Крючков уже начал понимать, что сделал крупную ошибку, не арестовав Ельцина. Из Белого Дома потоком сыпались постановления и угрозы, начинавшие уже раздражать. Посовещались и все-таки решили послать сегодня ночью «Альфу» захватить этот рассадник. Ельцина, Хасбулатова, Руцкого и Силаева — либо захватить, либо убить — как получится. Хватит миндальничать. Итак уже доминдальничались до ручки. Карпухин осмелился напомнить, что вокруг Белого Дома «тусуется» огромная толпа народа. «Толпу разметать!» — приказал Крючков. У «Альфы» было достаточно средств. Прикинули план. Одна группа высаживается с вертолетов на крыше, вторая начинает огонь из гранатометов по окнам первого и второго этажей, используя осколочные гранаты и гранаты с нервно-паралитическим газом. Где находится сам Ельцин, уточним по ходу дела — в здании достаточно наших людей. Но проклятый горбачевский «КЕЙС» уже не уходил из головы Крючкова. Еще не хватает, чтобы на Москву стали падать водородные бомбы. Самое время. Он вызвал начальника 15-го (бункерного)

управления и приказал привезти подземный бронированно-бетонный бункер, где вожди надеялись отсидеться в случае ядерной войны, в боевую готовность. Хотя приказ был секретный, он немедленно стал известен всей Лубянке. Началась паника. Все руководство уходит в подземный бункер. Тут же распространился слух, что взбунтовались ракетные части стратегического назначения, грозя обстрелять Москву атомными ракетами, если немедленно не вернут Горбачева. Личный состав столичных управлений КГБ (как, впрочем, и везде) состоял из блатников, попавших в «контору» по путевкам партии и комсомола, из МИМО и прочих элитарных заведений. У них не было никакого желания даже рисковать карьерой, а уж тем более погибать за честолюбивые планы своего начальства. Многие стали потихоньку покидать здания, ссылаясь на оперативные дела. Весь день на Лубянке непрерывно звонили телефоны. Огромная армия «стукачей» непрерывно сообщала об обнаружении все новых и новых «агентов влияния», которых необходимо было фиксировать. Напрасно сам Крючков выступал по внутреннему телеканалу, успокаивая сотрудников. Никто ему не верил. У рядовых чекистов не было своих бункеров. Те, кто был поумнее, понимали, что случилось что-то неожиданное, если Крючков вспомнил о бункере, и тоже нервничали. Тут с Крючковым со Старой площади связался Шенин и стал сообщать очень неприятные новости. Главный идеолог был подавлен. Партийные директивы, переданные ночью, спустились до райкомов, а дальше идти уже было некуда. Мобилизовать коммунистов не удалось. Первички либо уже были разогнаны на предприятиях, либо сидели тише мыши, парализованные страхом. На требование первого секретаря МГК Прокофьева к Моссовету и мэрии явиться, как в старые, добрые времена в горком для получения инструкций, ответили матом. Пуго — изменник. Подчиненный ему ОМОН охраняет Моссовет, имея приказ здание захватить, но это еще были цветочки. В Ленинграде прилетевший из Москвы Собчак просто разогнал местную комиссию по чрезвычайному положению, сформированную первым секретарем Гидасповым. Неожиданно явившись на заседание комиссии, Собчак напомнил всем присутствующим, что они государственные преступники и их ждет суд похуже Нюрнбергского, перечислив при этом все соответствующие статьи и сроки. Его поддержали не только Самсонов, но и Курков с Крамаревым. Более того, во главе омоновцев и «чекистов-предателей» Собчак явился на ленинградское телевидение, отстранил в очередной раз от должности местного начальника,

подлого труса Петрова (бывшего работника обкома) и объявил всему городу, что в ГКЧП сидят преступники, чьи приказы нельзя выполнять, а тот, кто это собирается делать, сам автоматически становится преступником. Обком просит прислать откуда-нибудь войска, чтобы навести порядок.

Из Риги звонил Рубикс. Он уже провел пресс-конференцию, объяснив, что отныне будет существовать только КПСС, а остальные партии запрещены. Не очень умно, конечно. Но дело в другом. Генерал Кузьмин ничего не предпринимает. Флот исчез. В других республиках все то же самое.

Из Киева звонил Гуренко. Кравчук — изменник и сепаратист. Генерал Чичеватов ничего не предпринимает. В городе идут митинги. Снова готовятся встать все шахты в стране и не только шахты. Крючков выслушал Шенина спокойно и позвонил Язову. Подошел Моисеев. Выслушал. Взглянул на карту — электронную карту обстановки — гордость Генерального штаба. Подумал. Из Пскова на Ленинград можно двинуть примерно 150 танков и 50 БТР Псковской дивизии. Остальные пойдут на Таллинн. Неплохо бы сейчас переподчинить Витебскую дивизию снова Министерству обороны. Она составит второй эшелон в действиях на Ленинградском и Прибалтийском направлениях. Позвонил Кузьмину в Ригу. Командующий Прибалтийским округом стал объяснять, что нет достаточных сил, чтобы выполнить возложенную задачу. Подойдут танки из Пскова и Витебска — начнем действовать. Необходима будет поддержка флота, а с моряками весь день не установить связи. Никто не знает, куда девались адмиралы. Похоже, что все вызваны в Москву к Чернавину.

В Киеве Чичеватов стал объяснять, что не понимает задачи. В Киеве все спокойно. Зачем ему туда вводить свои части. К тому же против все руководство республики. Нет, он не возьмет на себя такой ответственности. Присылайте кого-нибудь из Москвы — пусть распоряжается. В Киев вылетел главком Сухопутных войск Варенников.

Ожидая результатов переворота, в Кремле сидел будущий генсек и Председатель Президиума Верховного Совета Лукьянов. Немногочисленные депутаты Верховного Совета, сумевший пробиться к нему, ничего толком не могли понять, кроме того, что сессия Верховного Совета назначена на 26 августа. На вопросы о Горбачеве Лукьянов одним отвечал, что президент тяжело болен — у него инфаркт, обширный инфаркт, Раиса Максимовна в обмороке. Другим — что

президент здоров, он в курсе дела и ожидает развития событий на даче. Вы же знаете Горбачева...

Сам президент в Форосе слушал радио «Свобода». В кладовке «нашли» старый приемник, сменили батарейки. Узнав, что объявлено о его тяжелой болезни, Горбачев все понял. Он тяжело болен, а завтра объявят о его кончине. Быстро приняли решение не принимать извне никаких продуктов — могут отравить. (О, наше средневековье!) Справились у повара — продуктов оказалось на три дня. Решили продержаться. У зятя нашлась (?) телекамера. Записали на пленку заявление о случившемся на даче и стали думать, как передать пленки «на волю»...

Радио «Свобода» слушал с неменьшим удивлением и майор Владимир Дегтярев — замполит спецподразделения пограничников, охраняющих дачу Горбачева по периметру колючей проволоки, опоясывающей несколько квадратных километров дачной территории. Ссылаясь на какие-то источники в Москве, «Свобода» сообщала о двух полках КГБ, оцепивших дачу президента. Личный состав этих полков — настоящие «зомби» — убивают каждого, кого прикажут. Это было странно. Никаких дополнительных команд спецподразделение, вооруженное только штык-ножами, не получало. Не получало и подкреплений. Режим охраны оставался прежним. На трассе Севастополь — Ялта тоже все было спокойно. Два милицейских поста, как обычно. Никаких войск. Дегтярев позвонил начальнику пограничной заставы Форос майору Виктору Алымову, чтобы узнать обстановку. Видимо, Алымов тоже слушал радио, поскольку спросил Дегтярева: «Что это за «Севастопольские полки КГБ»? Никто о них ничего не знал, но КГБ — есть КГБ — может быть и существуют какие-то спецчасти. Но в районе дачи их нет. Это точно. Дегтярев спросил Алымова, что с Горбачевым? Он болен или арестован? Если арестован, то собственной охраной. Но не похоже. Не похоже, что и болен. Люди Алымова, расположившись на высотах, наблюдали дачу и подходы к ней в мощные бинокуляры. Президент гуляет по территории и выходил даже на пляж. Как люди военные, однако оба майора понимали, что не всегда нужно где-то ставить мины, чтобы блокировать дорогу или пролив. Достаточно объявить, что они поставлены. Мало найдется охотников проверить это на себе... Не меньшее удивление царило и в Москве на Ходынке в огромном «Аквариуме» Главного разведывательного управления. Сообщения сыпались на стол генерала Михайлова одно за другим: стратегические бомбардировщики с ядерным оружием на борту покидают зоны

боевого дежурства и один за другим следуют на посадку. Мобильные стратегические ракеты уходят с позиции в парки, ракетные лодки уходят из зон боевого патрулирования, держа курс на базы. СССР можно брать голыми руками. Что случилось? «Похоже, что эти «педерасты» потеряли «КЕЙС» президента или захватили его». «Педерасты» — это КГБ. «Мы предупреждали, что им нельзя доверять ни одного «КЕЙСА» из трех!» Михайлов долго говорил по телефону с Шапошниковым и Максимовым. В его подчинении были небольшие, но прекрасно обученные группы знаменитого спецназа ГРУ, подготовленные для действий в глубоком тылу противника в случае войны. «Надо все это вырубать! — приказал Михайлов,— ребята, найдите «КЕЙС» президента, а то будет страшный скандал. Нам никогда уже не удастся отмыться как ядерной державе. А по дороге скажите Крючкову, что он придурок». (Ядерный код Горбачева — президентский «КЕЙС» был найден на следующий день в автоматической камере хранения аэровокзала. «КЕЙС» был открыт — точнее взломан. Открывавшие не знали шифра замков. Такой вариант был предусмотрен создателями «КЕЙСА» — сработало ликвидационное устройство, уничтожившее схему.) После разговора с Язовым генерал Шапошников не терял времени. Он послал одного из адъютантов, на которого мог положиться, в Белый Дом с приказом во что бы то ни стало разыскать там вице-президента России Александра Руцкого и попросить его, если это возможно, прибыть к нему, сказав, что едет, скажем, в Кремль или куда-нибудь в другое место. Он хорошо знал Руцкого по прежней службе в авиации и был рад, что именно такой человек сейчас находится около Ельцина. Пока искали Руцкого, Шапошников связался с командующим воздушно-десантными войсками генералом Грачевым. Не тратя времени на зондирование настроения главкома ВДВ, Шапошников прямиком спросил Грачева: «Как тебе все это нравится, Павел?» Они хорошо знали друг друга, и Грачев административно подчинялся главкому ВВС. «Совсем не нравится»,— сознался Грачев. Приехав в штаб ВВС, Грачев застал у Шапошникова Руцкого. Через двадцать минут Руцкой уехал обратно в Белый Дом, а оба командующих быстро, как на войне, стали принимать решения. В Кубинке находится воздушно-десантная бригада генерала Лебедя. Сейчас наиболее важная задача — обеспечить безопасность правительства России и захватить еще пару аэродромов, куда вызвать все имеющиеся в наличии части десанта. Нейтрализовать штабы находящихся в Москве

подразделений, а если понадобится — и сам генштаб. Вернуть запрудившие Москву войска в казармы и освободить Президента. Пальцы генералов чертят по карте Москвы и Московской области одни им понятные кривые линии и кружки. Офицеры штаба кивают головами, иногда вставляя замечания. Быстрый просчет времени с вводом возможных случайностей и накладок — 27 часов. Прямо из кабинета Шапошникова Грачев соединяется со своим сослуживцем по Афганистану и бывшим начальником генералом Громовым — заместителем Пуго, ведающим Внутренними войсками и ОМОНом. «Боря,— говорит Грачев,— сиди тихо. Понял?» «Понял»,— глухим голосом отвечает несостоявшийся вице-президент России. Он уже много понял. ОМОНы, столь свирепые в Закавказье и Прибалтике, ничего не хотят делать в Москве и заливаются слезами при виде русского трехцветного флага. Это был просчет. Столько твердили через все патриотические газеты: русские, русские, русские. Вот дотвердились, что все и вспомнили — они русские и вокруг русские. Хорошо было в Афганистане. Там были интернационалисты... Вернувшись в Белый Дом, Руцкой немедленно отозвал Ельцина и они заперлись в кабинете Президента. Вскоре туда были вызваны Хасбулатов и юридический советник президента России — Шахрай. Через полчаса был обнародован Указ Президента РСФСР № 63. Он гласил:

«Совершив государственный переворот и отстранив насильственным путем от должности Президента СССР — Верховного Главнокомандующего Вооруженных Сил СССР,

Вице-президент СССР — Янаев Г. И.,

Премьер-министр СССР — Павлов В. С.,

Председатель КГБ СССР — Крючков В. А.,

Министр внутренних дел СССР — Пуго Б. К.,

Министр обороны СССР — Язов Д. Т.,

Председатель Крестьянского Союза — Стародубцев В. А.,

Первый заместитель председателя Государственного комитета по обороне — Бакланов О. Д.,

Президент Ассоциации промышленности, строительства и связи — Тизяков А. И. и их сообщники совершили тягчайшее государственное преступление, нарушив статью 62 Конституции СССР, статьи 64, 69, 70, 70-1 и 70-2 Уголовного кодекса СССР и соответствующие статьи Основ уголовного законодательства Союза СССР и союзных республик.

Изменив народу, отчизне и Конституции, они поставили себя вне Закона. На основании вышеизложенного ПОСТАНОВЛЯЮ:

Сотрудникам органов прокуратуры, государственной безопасности, внутренних дел СССР и РСФСР, военнослужащим, осознающим ответственность за судьбы народа и государства, не желающим наступления диктатуры, гражданской войны, кровопролития, дается право действовать на основании Конституции и закона СССР и РСФСР. Как президент России от имени избравшего меня народа гарантнрую вам правовую защиту н моральную поддержку. Судьба России и Союза в ваших руках. Президент РСФСР Борис Ельцин. Москва, Кремль, 19 августа».

Проклятая радиостанция, изводившая Крючкова весь день, кажется, была наконец обнаружена, поскольку уже два часа молчала. Голова у шефа КГБ шла кругом. Это проклятый «КЕЙС» президента. Отправившийся на его поиски Плеханов куда-то пропал. Пропал и Язов. Моисеев явно утратил управление войсками, хотя и не признается, продолжая уверять, что все в порядке. Но более всего удручало то, что во всех городах и весях бездействуют комитеты госбезопасности, на которые возлагалась основная надежда. Ссылаются на приказы Иваненко и его заместителя Поделякина. Копия одного из приказов была доставлена Крючкову. Это была шифрограмма генерала Иваненко, разосланная во все территориальные управления КГБ РСФСР с требованием не оказывать никакой поддержки самозваному ГКЧП. Самих этих предателей нигде не найти. Мелькнули в Белом Доме и куда-то пропали. Службу знают. За весь день пришли донесения только об аресте Гдляна, Уражцева, Комчатова и Проселкова. Последний, бывший полковник авиации, забаррикадировался в квартире, огрел одного из оперов топором. Избитого, в наручниках привезли в Балашиху. Народный депутат топором от чекистов отмахивается. Дожили!

Таинственная радиостанция неожиданно ожила. Диктор, точно понимая, что его слушает Крючков, с каким-то садистским смаком стал зачитывать Указ Ельцина № 63 об объявлении ГКЧП, включая Крючкова, вне закона. Перечислять статьи Уголовного кодекса, по которым полагался расстрел. Да, это была громадная ошибка, что сразу не уничтожили Ельцина. А почему? Надо честно признаться, что он сам никогда к Ельцину серьезно не относился и был уверен, что попав в подобную ситуацию, президент РСФСР покорится судьбе и вспомнит, что он не более, как бывший секретарь обкома. Надо с этим делом кончать. Крючков вызвал Карпухина. Ночью захватить Белый Дом. Захватим, пообещал Карпухин. Зачем сто раз повторять одно и то же? Задача

поставлена — выполним. Позвонил из машины Плеханов: «Не нашли». «Ищите,— приказал Крючков,— и на глаза мне не показывайся, пока не найдете». В этот момент появился Грушко с бланком шифрограммы, пришедшей из Киева от генерала Варенникова. Крючков пробежал глазами: «Промедление смерти подобно тчк Немедленно берите Ельцина тчк Обстановка выходит из-под контроля тчк Варенников». Что-то у него там в Киеве не клеится, наверное. У Грушко тоже были новости нерадостные. Радиостанция «Голос России», которую Крючков приказал запустить в эфир для дезинформации общественности, обнаружила, что ее частота заглушается. Судя по почерку работает военная глушилка из района Кубинки. Там крупный аэродром и центр сосредоточения Воздушно-десантных войск. Затем пошли рапорты, что по всей Москве солдатам раздают Указ Ельцина. Позвонили Моисееву. Начальник Генштаба явно нервничал. У него пропала связь со штабом Таманской дивизии...

Темнело. Продолжали поступать сведения, что огромные толпы запрудили улицы, перегораживая их баррикадами. Для этого используются, главным образом, автобусы и троллейбусы. Армия бездействует. Обнаружено несколько брошенных экипажами танков, БТР. В них сидят какие-то длинноволосые «панки» и нюхают бензин, бренча на гитарах. Попутно выяснилась весьма интересная новость: постовые милиционеры сознательно направляли танковые колонны в ложном направлении не на те улицы. В итоге никто не знает, где какая часть. Выходит и Пуго — предатель? Пуго ответил, что он вынужден заниматься Прибалтикой из-за преступного бездействия армии. В Прибалтийских столицах действует только его ОМОН, но одному ОМОНу явно не справиться с обстановкой. Кузьмин все ждет каких-то танков из Пскова. Московскими милиционерами командует генерал Миркин. Пуго знал о пропаже «КЕЙСА» и позволял себе с укоризной глядеть на Крючкова, покачивая головой.

Только к полуночи пришли более-менее радостные новости. Со стороны проспекта Калинина к Белому Дому, прорывая баррикады и стреляя в воздух боевыми патронами, движется колонна БМД (боевых машин десанта). На бортах машин парашюты и крылья — опознавательные знаки ВДВ. Их около двадцати. Наконец армия зашевелилась. Крючков взглянул на часы. Было 00-25, 20 августа 1991 года...

Машина генерала Плеханова с притушенными фарами мчалась из Внукова в Москву. Поиски ничего не дали, но удалось выяснить всех, кто имел доступ к самолету. С их

адресами Плеханов мчался в Москву, позвонив из машины Крючкову, чтобы тот подготовил группу из десяти толковых оперативников. С самим генералом, не считая арестованного полковника и шофера, было трое. Неожиданно машина резко затормозила. Поперек дороги стоял БТР. Его башня была направлена на машину Плеханова. Выросшие из-под земли люди в пятнистых комбинезонах окружили плехановский «Мерседес». Всем выйти из машины! Руки на затылок!» — последовала резкая команда, которую, понятно, не мог выполнить только полковник в наручниках. «Что это все значит?» — спросил упавшим голосом Плеханов, считая, что арестован по приказу потерявшего терпение Крючкова. «Следуйте за мной!» — прозвучал голос какого-то человека в комбинезоне без знаков различия, в голубом берете десантника. Всю компанию не очень вежливо затолкали в БТР, который, взвыв дизелем, помчался куда-то в ночь...

Генерал Карпухин перестал что-либо понимать. Ровно в два часа ночи группа «Альфа», выйдя на исходные позиции и начав охват Белого Дома со всех сторон, неожиданно дала сигнал, означающий резкую негативную перемену обстановки. Карпухин примчался лично. Спрашивать, что случилось, не было нужды. Вокруг дома Российского парламента, ощетинившись пушками и тяжелыми пулеметами, стояли десантные бронемашины. На их башнях были подняты трехцветные флаги России. Под их защитой бушевала ликующая толпа. Карпухин решил подождать подлета вертолетов, которые должны были обстрелять здание неуправляемыми реактивными снарядами и высадить десант на крышу, а затем действовать по обстановке. Неожиданный удар из гранатометов по БТРам мог быть эффективным. Да, но ему напомнили, что за машинами, кроме вооруженной до зубов ельцинской охраны, может быть и батальон десантников. «Альфе» совершенно не хотелось лезть в атаку на пушки и пулеметы. Лазутчики в здании прояснили Карпухину обстановку: это батальон Тульской Воздушно-десантной дивизии, приведенный лично командиром дивизии генерал-майором Лебедем. По чьему приказу действовал Лебедь, пока было не совсем ясно. Не исключено, что просто по собственной инициативе. И в довершение всего не прилетели вертолеты. Оказалось, что прекратили внезапно работу наведения и радиомаяки, подчиненные ВВС. Перестал работать и радиомаяк наведения, размещенный предварительно в самом здании. Чувствовалась рука предателей... «Да что за бардак творится в нашей армии?» — совершенно справедливо воскликнул Крючков, звоня в 4 часа ночи Моисееву. Язов

еще отдыхал. Отдыхал уже подозрительио долго. Моисеев, как и подобает настоящему генералу, был спокоен. У него уже была потеряна связь с Кантемировской дивизией, но Крючкову это было знать не обязательио. На вопрос, почему десантиики вместо того, чтобы захватить Белый Дом, его охраняют, Моисеев ответил, что его это удивляет так же, как и Крючкова. Десантники не получали иикаких приказов входить в Москву вообще. Утром разберемся. Моисеев знал, что в Кубинке один за другим садятся воеино-транспортные самолеты, набитые десаитииками, но почему — ие зиал. Это была очень интересная ситуация — иачальиик геиерального штаба Вооруженных Сил страиы не знал, чьим приказом перемещаются такие крупные армейские коитиигенты.

Радиомаяк, установленный в машиие Плеханова, показывал, что генерал тоже поехал куда-то в Кубиику. Крючков позвонил ему по телефону в машину, ио никто не ответил. В машиие было и радио. Пытались связаться. Снова без результата. Одиако и сигнала тревоги из машины не было. Крючков понимал, что введеииые в Москву лучшие правительственные, «придворные», как их иазывали, армейские части, распропагандированы и толку от иих не будет. Их надо выводить из столицы и вводить спецназы КГБ. Но вывести такое количество войск из Москвы было еще сложнее, чем ввести. Он позвоиил в Балашиху, где квартировалась целая бригада спецназа и приказал быть готовыми к походу на Москву. Там все поняли и ответили «есть». Спросили, что делать с арестованными Гдляном и прочими. Пока пусть сидят, ответил Крючков, понимая, что этой бригады будет совершеиио недостаточно.

Серое, дождливое утро, встававшее иад Москвой, блеклым светом проявляло оккупированный город. На мокром асфальте чернели таики, улицы были загорожеиы опрокинутыми троллейбусами и строительным мусором. Через громкоговорители передавался Указ за подписью Яиаева, объявлявший Москву на чрезвычайном положении: «В связи с обострением обстановки в г. Москве — столице Союза Советских Социалистических Республик, вызванным иевыполнением постановления ГКЧП по чрезвычайному положению в СССР № 1 от 19 августа 1991 года, попытками организовать митинги, уличные шествия и манифестации, фактами подстрекательства к беспорядкам, в интересах защиты и безопасности граждаи... ПОСТАНОВЛЯЮ:

1. Объявить с 19 августа 1991 года чрезвычайное положение в г. Москве...» Геиерал Калинин ввел в Москве комендантский час с 23-00. Обстановка была напряженной до

предела и мало кто понимал тогда, что все уже было кончено. Путч провалился.

Уже взорвался возмущенный мир. Приостанавливались программы помощи, обрубались кредиты, отзывались послы. Уже снимали со стен портреты Горбачева, уже трусливый павловский кабинет полностью одобрил переворот, как это сделали почти все советские послы за границей; уже на имя Янаева пришли три поздравительные телеграммы — от Саддама Хусейна, Муамара Каддафи и Неира Арафата; уже Станислав Кунаев в порыве вдохновения читал свои стихи:

«От объятий швейцарского банка,
Что простерся до наших широт,
Защити нас ЦК и Лубянка,
А иначе никто не спасет!»;

уже, как клопы из щелей, во всех газетах и издательствах снова появились цензоры... но все уже было кончено. Четыре дня оставалось генералу Шапошникову до назначения на пост Министра Обороны СССР, но он уже доказал, что вполне соответствует этой должности. Десантники окружили Москву, захватив все ключевые объекты жизнеобеспечения столицы. Захват генерала Плеханова открыл без выстрелов неоткрываемые двери многих узлов связи и управления. Совсем без шума повязали штабы Таманской и Кантемировской. Отключили знаменитую электронную карту генерала Моисеева. Уже утром 20 августа растерявшийся Язов был готов дать приказ об отводе войск в места постоянной дислокации. На подступах к Ленинграду были остановлены войска. Куда не доставали приказы министра, там действовали указы Ельцина.

Командиру танковой колонны, входящей в Таллинн, был предъявлен Указ президента России и он послушно увел танки из города. Еще по инерции хулиганили прибалтийские ОМОНы, еще бушевал генерал Макашов, еще президент Акаев раздавал населению автоматы, призывая к восстанию, но это уже была инерция.

Генерал Шапошников вовсе не желал делать из себя спасителя Отечества. Он не собирался делать из себя ни Вашингтона, ни Бонапарта и, видимо, посоветовавшись с Ельциным и Руцким, дал возможность народу самому почувствовать себя победителем.

Конечно, были совершены ошибки, неизбежные в таких ситуациях. Попытки вывести войска из столицы приводили к совершенно обратным результатам. Стоило танкам начинать движение, как наэлектризованные толпы преграждали

им движеиие, ложась под гусеиицы, блокируя траки, а то и пуская в ход бутылки с горючей смесью. Солдаты зверели, офицеры психовали. Ничего ие помогало. Слухи степиым пожаром распростраиялись по столице, достигая пика у Белого Дома. Рокот таиковых моторов, доиосящийся с ближайших улиц, приводил огромиую толпу, окружившую Российский парламеит, в иеистовство. Таики идут, чтобы раздавить их свободу. Перед микрофоиами и видеокамерами возиикали встревожеииые лица и звучали тревожные голоса геиерала Кобеца и Бэллы Курковой, радио «Свобода» иа весь мир передавало предсмертиую, можио сказать, исповедь своих мужествеииых корреспоидеитов Аидрея Бабицкого и Михаила Соколова. Есть точные даииые, что сегодия иочью будет штурм Белого Дома. Охраиа следила за веитиляциоииыми отдушииами и каиализациоииыми люками — ходил слух, что зиамеиитая «Альфа» прошла подготовку по программе япоиских «ииидзя» — людей-призраков, умеющих материализоваться где угодио. Разворачивались медициискне пуикты первой помощи. Свящеииики причащали молодых ребят с автоматами и в броиежилетах, готовых драться до коица. С площади просили удалиться жеищии. Плечом к плечу стояли вооружеииые пеисиоиеры, афгаиские ветераиы, рабочие, студеиты, сбежавшие из частей офицеры и солдаты. Работали видеокамеры всех крупиейших телекампаиий мира. Вздымались русские флаги, вздымались руки с автоматами. Так делается история, так рождается иация, символизируя, что раздавлеииый иарод встал с колеи. «Оии ие пройдут — Но пасараи!» С балкоиов читались указы Ельциеа, объявившего себя до возвращеиия Горбачева Верховиым главиокомаидующим Вооружеииыми Силами. К Красиопресиеискому мосту время от времеии подъезжали таики и уезжали обратио, простояв иекоторое время под прицелом телекамер. Посты иа крышах с тревогой поглядывали иа иебо, давая на ходу иитервью журиалистам, что в случае появлеиия вертолетов, оии ие продержатся и 10 мииут. В такие момеиты с балкоиа звучали комаидиый голос вице-президеита Руцкого: «Виимаиие, охраиа! Огоиь открывать без предупреждеиия!» Вдали продолжали рокотать таиковые моторы — таикисты-гвардейцы выполияли утреииий приказ о возвращеиии в места постояииой дислокации. Обстаиовка у Белого Дома, иакалеииая до предела, иакалялась еще более. Штурм иачиется через полчаса, через 10 мииут, ои уже иачался. А в самом здаиии собрался цвет столицы: мэр Попов, Эдуард Шевариадзе, Алексаидр Яковлев, Елеиа Боииер... Ельциеа постояиио звали к теле-

фону. Звонили: президенты Буш и Миттеран, премьер-министр Мэйджер и канцлер Коль. Звонила и Маргарет Тэтчер. Разговоры были длинными и, выражаясь дипломатическим языком, «полезными и конструктивными». (Давая через несколько дней интервью, Борис Ельцин, на вопрос, какой из зарубежных лидеров вызывает у него наибольшее восхищение, без колебаний ответил: «Президент Буш».)...

Трагическое биополе, нагнетаемое у Белого Дома, становилось уже осязаемым. Тысячи людей готовились к неизбежной гибели. Депутаты Верховного Совета СССР, находившиеся в здании, звонили Лукьянову, прося его использовать свое влияние, чтобы предотвратить кровопролитие. Лукьянов ответил, что и подобает истинному партийцу: «Ельцин сам спровоцировал эту ситуацию... Еще надо разобраться, откуда у его людей столько оружия!» Не понимал обстановки умнейший Анатолий Иванович. Но не все были такими дураками.

Премьер-министр Павлов понял все гораздо лучше. Беседуя с Янаевым, он печально сказал: «Влипли мы с тобой как два дурака». «Не бзди! — сказал исполняющий обязанности президента СССР,— прорвемся!» Янаев был полон оптимизма. Несколько часов назад он встречался с лидерами автономных республик, призывая их поддержать ГКЧП. Представители автономий потребовали объяснений и прежде всего: где Горбачев и что с ним? Суть случившегося Янаев изложил так: группа руководителей попросила Горбачева навести порядок в стране. На что тот ответил: «У меня есть заместитель Янаев, пусть он и наводит порядок». Но Павлов больше не хотел участвовать в наведении порядка. Теряя сознание от страха, он поехал в больницу. Диагноз врачей был однозначным: острый гипертонический криз. Переволновался за судьбу страны. Заместитель Павлова — Щербаков — в ужасе и в полном бездействии сидел у себя в кабинете, слушая сыпавшиеся со всех концов мира сообщения о приостановке помощи и кредитов СССР. Он то знал самое страшное, чего не знали другие участники событий: 40% потребностей страны в самом необходимом удовлетворялось до сегодняшнего дня импортом. Это конец! С огромным трудом в Москве удалось собрать банкиров, доказывая им, что страна изменилась, положение стабильное и вполне благоприятное для инвестиций. Банкиры, блокированные в гостиницах, со страхом смотрели в окна: стабильность была налицо! Собравшийся в Москве в эти дни «Конгресс соотечественников» из потомков родовой российской знати тоже оказался в центре событий. Долгие годы эти люди — Голи-

цины, Шереметьевы, Воронцов, Толстые — боялись возвращаться на Родину. Их уговаривали, убеждали, стыдили — демократия необратима. Сейчас, шарахаясь от танков, вздрагивая от визга гусениц и рева моторов, они поняли, что приехали вовремя. Милая Родина преподнесла им очередное чудо. Умом Россию не понять...

В Белом Доме появился Гдлян и другие ранее арестованные депутаты. Гдлян доложил Ельцину, что спецназ КГБ в Балашихе блокирован, сидит без связи и не собирается ничего предпринимать. Ельцин уже знал это лучше Гдляна. В этот момент произошла сенсация — в Белом Доме появился сам Мстислав Растропович — великий музыкант, изгнанный в свое время из СССР. Растропович давно приобрел всемирную известность и как первая виолончель мира, и как несгибаемый борец за права человека. Он и его жена — певица Галина Вишневская — давно уже были гражданами США, гордостью Америки. Неоднократно их принимали в Белом Доме президенты Соединенных Штатов. Будучи на гастролях в Берлине, Растропович узнал, что делается в Москве и бросился в аэропорт. Он прилетел в Москву и, оформляя визу, заявил, что прибыл на «конгресс соотечественников». «Вас на конгресс?» — спросил шофер заказанной машины. «... я этот конгресс!» — ответил Растропович, направляясь в Белый Дом, на этот раз Российский. К нему была приставлена специальная охрана, поклявшаяся погибнуть, но защитить великого соотечественника... Получив сообщение, что в Белом Доме появился Растропович, Крючков побледнел, наверняка — это личный посланник президента Буша. Посол США в Москве Метлок как раз накануне путча уехал в Вашингтон, завершив выполнение своих обязанностей. Новый посол — Страус еще находился в Вашингтоне, заявив, что не собирается вручать верительные грамоты «хунте». Что привез Растропович Ельцину? Какие инструкции? А может быть и не инструкции, а что-нибудь почище? Из сообщений и по радио, и из собственных источников Крючков знал, что вокруг Белого Дома и в самом здании нагнетается истерия неизбежного нападения на резиденцию Ельцина. Революции нужна кровь, нужны мученики. Циничный ум председателя КГБ уже предвидел, чем это кончится. Где-нибудь «случайно» взорвется граната или прозвучит из темноты автоматная очередь. Погибнет человек десять, а остальные разнесут Москву по кирпичику. Нападать Крючкову на Белый Дом было уже нечем. «Альфа» после событий прошедшей ночи взбунтовалась. Зомби-роботы оказались людьми. Часть исчезла, а остальные, собравшись

в спортзале на своей базе, иаотрез отказались больше участвовать «в этих играх». В ннх хватило воспоминаний о Вильиюсе. У инх сложилось впечатлеиие, что вчерашняя операция (иеожидаииое появлеиие десаитииков у Белого Дома и иеприбытне вертолетов) была задумаиа спецнальио, чтобы уиичтожить их всех как опасиых свидетелей. На секретиых частотах их передатчиков звучали угрозы и призывы сложить оружие. Связь со специазами в Балашихе и других подмосковиых базах была прерваиа. Что там случнлось, Крючков еще ие зиал, ио виезапиое появлеиие Гдляиа и Уражцева в Белом Доме говорило о том, что в лучшем случае специазы объявили иейтралитет. Пропал Плехаиов. Три оперативные группы, посланные иа его поиски, еще не вериулнсь. Сама собой выстраивалась логическая цепь: Плеханов иашел «КЕЙС» Прездента и был захвачен противииком. Прошибал холодиый пот. Если же его захватили людн Ельцнна, то это, пожалуй, еще хуже. Крючков поннмал, что попал в ловушку. Ои дозвоинлся до Язова. Маршал был подавлен: он отдал приказ отводнть войска в места постояниой дислокацин. Он постеснялся сказать Крючкову, почему ои так поступнл. Все центры связн мнннстерства обороны уже коитролнровалнсь Шапошииковым. Имеиио этому иа бескоиечных учениях обучались десантиики геиерала Грачева и спецназ генерала Михайлова. Быстро, без шума захватить все средства коитроля, управлеиия н связн потенциального протнвника. Главкомы вндов вооруженных сил и комаидующне направлеииями звонили Язову, врывались в его кабиисет, убеждая маршала порвать с «хуитой». Это испаиское слово было у всех на языке. «Но я же не мальчик,— не поднимая глаз, отвечал Язов,— чтобы бегать туда-сюда. Буду отвечать.»... Кровь у здания Белого Дома, как и предполагал Крючков, уже не могла ин пролиться н она пролилась. Откуда-то из темноты появнлись иесколько БТР. Воднтели были пьяиы. Часть нз инх успела остаиовнться, ио один с бортовым иомером 306 врезался в баррнкаду. Когда он дал задинй ход, на него впрыгнулн добровольцы, пытаясь ослепнть обезумевшую броиемашниу брезентом. В суматохе солдаты открылн стрельбу (двое суток онн ждалн нападення боевнков со «Стннгерами»). В нтоге от пуль н под гусеннцами погиблн трн человека, обессмертнв иавсегда свон нмена... Воеиные патрули, поддержнвающие режим комендантского часа, испуганио жались к стенам домов. На неосвещенных улицах горелн таики. Слышалась стрельба. Потерявший голову генерал-полковинк Калнннн поимал, что его песеика спета. Связь с войсками округа

и комендантами районов пропала (десантннкн перестарались). Понимая, что именно его сделают ответственным за происходящее на улицах Москвы, Калиннн сел писать рапорт, обвиняя в случившемся «хулиганские элементы, находящнеся в нетрезвом состоянии». В этот момент к нему прибыл порученец от Язова. «Комендантский час отменить, войска с улиц убрать». «У меня нет связи»,— сказал Калинин. Связь обещали наладнть. В кабинете Крючкова мигнул и погас свет. Он сразу же включился снова, но красная лампочка на табло обстановкн показала, что заработала внутренняя электростанция Лубянки. Электроэнергия, идущая из города, была вырублена. Селекторная связь с запасным КП пропала, по каналу связи с райотделами доноснлнсь чьи-то крикн и матерная ругань. Крючков стал понимать, что все кончено. Точнее все кончено на этот раз. Кому-то удалось паралнзовать КГБ. Но он еще в этом разберется. Может быть, были использованы какне-нибудь новые н неизвестные ему психотропные средства? Недаром ближайший советник Ельцина — генерал-полковннк Кобец до недавнего временн заннмал пост командующего войсками химзащнты. Он отбросил эту идиотскую мысль и постарался успокоиться. Пока нет оснований для паники. Не получилось на этот раз — получится позднее. Есть снстемы связн и базы, о которых не знает и Плеханов. На секретных вкладах в СССР и за границей лежат сотни миллнардов рублей и десятки миллиардов долларов. Экономнка страны приведена в хаос. И наш час еще настанет. Конечно, нужно ликвидировать несколько ненадежных людей из партаппарата и армин. В первую очередь Николая Кручнну — тот знает все счета на Западе. Впрочем, зачем впадать в панику. Все что он хотел сделать — это спастн страну и партию, стабилизировать экономику. Кто может поставить ему подобные действия в вину? Надо срочно всем собраться н обсудить ситуацию. Он позвонил Пуго. Оказалось, что министр внутренних дел почувствовал себя плохо и уехал домой. Но дома ннкто к телефону не подходил, н в машнне — тоже. Бакланов и Стародубцев тоже куда-то исчезли. Позвонил Павлову в больницу. Премьер спросил слабым голосом: «Владнмир Александрович, скажите, кто дал прнказ о вводе войск в Москву?» «А зачем тебе?» — насторожнлся Крючков. «А потому что это все н погубнло». И премьер осмелился первым повесить трубку. Действнтельно, кто же отдал этот прнказ? Конечно, он обсуждался, но ни в одной директиве Язова н Моисеева не было нн слова об этом. Лнбо кто-то перестарался, либо... Крючков снова позвонил Язову.

«Ну, что еще?» — не очень вежливо поинтересовался маршал. «Надо искать достойный выход из положения!» — сказал Крючков. «Вы считаете, что его можно найти?» — спросил Язов. «Думаю, что еще можно»,— пообещал Крючков. А вот Янаев, молодец, не унывал. «Чем занимаешься?» — поинтересовался Крючков. «Указы пишу,— бодро отозвался вице-президент.— О понижении цен». Ну, пусть себе пишет. Не будем его беспокоить. Шенин был на месте. У него все спокойно, но здание оцеплено какими-то людьми. Кажется, ОМОНом. Почему «кажется»? Они отказались разговаривать с внутренней охраной. «Интересно,— сказал Крючков,— а я-то почему об этом не знаю? Приходи в зеленую гостиную,— сказал он Шенину. Подумаем, что делать дальше». А потом взял и позвонил Ельцину в Белый Дом. «Борис Николаевнч, что у вас там происходит? Ничего понять не могу. Что за митинг?» «Где Горбачев» — спросил Ельцин. «Господи,— сказал Крючков,— у себя на даче Горбачев. Хотите, вместе со мной полетели к нему, хоть сейчас». «Немедленно дайте возможность президенту обратнться к народу»,— потребовал Ельцин. «Вы, что, считаете меня внноватым в том, что вышла из строя президентская система связи?» — процедил Крючков. «Я считаю вас преступником, которого ждет суд»,— со свойственной ему прямолннейностью ответил президент России. Крючков повесил трубку. Ельцин ннкогда не понимал хорошего к себе отношення... 21 августа в 4 часа 30 минут утра Крючков, Шенин и Язов собрались в так называемой «зеленой гостиной» — гостинице ЦК КПСС «Октябрьская». Крючков и Шенин, не желая рнсковать, пробрались туда системами подземных ходов. Язов приехал на своей служебной бронированной машине, превосходящей по размеру президентский «ЗИЛ». Вместе с ним был полковннк ГРУ — хранитель ядерного «КЕЙСА» мнннстра обороны. Совещание началось со взаимных упреков, переходящнх в оскорбления. В комнате внсел тяжелый мат. Навел порядок Крючков. Выяснять, кто виноват, будем потом. Сейчас нужно действовать, чтобы хотя бы спастнсь. Сегодня Ельцин собнрает сессию Верховного Совета РСФСР. Есть точные данные, что на этой сессни будет запрещена деятельность КПСС и РКП, а партийная собственность — националнзирована. Это вам уже не указ о департизации. Это конец социализма в стране! Шенин сидел бледный как смерть. Что же делать? Выход один: надо лететь к Горбачеву. Скажем, погорячились. Но он же Генеральный секретарь ЦК КПСС. Он должен спасти партию и сплотить ее вокруг себя, объявив указы Ельцина недействи-

тельными, как делал уже неоднократно. «Я знаю Горбачева,— сказал Крючков,— он хорошо понимает, что без партии он — никто». Поэтому нужно немедленно лететь в Форос, пока Ельцин не послал туда своих людей, а нас здесь не арестовал. Все согласились, что другого выхода нет. Но предварительно нужно включить президентскую связь. Мы появимся там, как его освободители и постараемся запутать обстановку так, что он ни в чем не разберется. В любом случае он должен понять, что интересы партии важнее сведения личных счетов. Они все еще ничего не понимали. Желая запутать обстановку, они сами уже запутались в ней настолько, что потеряли всякую связь с реальностью. В этот момент Крючкова позвали к телефону. Вернулся он повышенно нервным. Арестован Янаев. За Пуго поехали на квартиру. К Павлову в больнице приставлен караул. Нельзя терять времени. Быстро нужно лететь в Форос. Самолет готов. На машине Язова помчались во Внуково. Опытный шофер затормозил прямо у трапа. Двигатели уже были запущены, и самолет сразу же стал выруливать на старт. Все произошло так быстро, что Язов забыл в машине своего полковника с «КЕЙСОМ» ядерного кода, чего он ни при каких обстоятельствах не имел права делать и только за одно это мог быть отдан под суд. Когда самолет оторвался от земли, по рулеткам с воем понеслись машины российской прокуратуры, не успевшие перехватить «путчистов» по дороге. Полковник — абонент кода был арестован. Он также не собирался гибнуть за свой чемодан. «КЕЙС» у него отобрали с такой легкостью, которая и не снилась составителям инструкций. Все и думать забыли о судьбе страны, а уж тем более о судьбе мира. Вот такая мы оказались ядерная держава. Даже в Уругвае или в Чили генералы были ответственнее в подобных ситуациях, хотя у них и нет ядерного оружия, способного 100 раз уничтожить всю планету. Нельзя говорить о какой-то ответственности в разлагающей обстановке тотальной безответственности...

НО БОГ УБЕРЕГ НА ЭТОТ РАЗ

А ведь можно было осуществить слова Ленина: «Если нам придется уйти, мы так хлопнем дверью, что вздрогнет весь мир!» Да так бы вздрогнул, как Ильич и не мечтал! Но ушли, позабыв про заветы вождя мирового пролетариата, хотя мир и вздрогнул от шока, пусть кратковременного...

Десантники генерала Грачева «освободили» президента еще до прилета Крючкова с компанией. Хотя они уверяли,

что Горбачев сам просил их приехать 18 августа, у президента хватило ума их не принимать, а распорядиться об аресте заговорщиков. Александр Руцкой, срочно вылетевший в Форос, привез в Москву растерянного и перепуганного Горбачева. Он еще что-то говорил о социалистическом выборе, о возможности реформировать партию, где есть такие прекрасные люди, как первый секретарь РКП Валентин Купцов. Но его уже никто не слушал. На всех флагштоках столицы уже развевались трехцветные флаги, объявленные Ельциным национальными флагами России. Компартия была запрещена, а ее собственность национализирована. Все руководители заговора были арестованы, включая Лукьянова, не сумевшего, несмотря на всю свою хитрость, доказать, что он более всего ценил сорокалетнюю дружбу с Горбачевым. Генерал Шапошников стал министром обороны, генерал Грачев — его первым заместителем. За четыре года Отечественной войны мы не потеряли ни одного маршала, а тут за три дня потеряли двоих: Язов был арестован, Ахромеев — повесился у себя в кабинете. (Это, видимо, первый случай когда крупный военноначальник повесился. Обычно военные стреляются. Поэтому самоубийство маршала Ахромеева выглядит весьма странно.) Пуго — застрелился или, что более вероятно, был убит женой по чьему-то приказу. И, конечно, Николай Кручина — управделами ЦК КПСС — выпал из окна собственной квартиры. Золото партии должно быть неприкосновенным. Арестованный Крючков, садясь в машину, сказал, усмехаясь: «Я скоро выйду на свободу, не радуйтесь». Арестованный маршал Язов, швырнув фуражку на сиденье, зло произнес: «Жалко, что не успел...» Что не успел? Возможно, нажать кнопку своего забытого в аэропорту «КЕЙСА». Шенин при аресте плакал и просил встречи с Горбачевым, а генерал Варенников, напротив, бушевал и громко сожалел, что не пристрелили на месте «этого труса и предателя». Янаева арестовали в Кремле. Он очень удивился: «За что, ребята? Я же хотел только стабилизировать экономику и понизить цены».

Все. Остановимся и переведем дух. Что же произошло? «Инсценировка!» — со свойственной ему безапелляционностью заявил полковник Алкснис, убедившись, что никто не собирается вздергивать его на «первом попавшемся фонаре». Заявление полковника-провокатора было подхвачено и повторялось неоднократно теми, кто якобы потерпел поражение. Инсценировка предполагает сценарий и режиссера. Многим бы очень хотелось, чтобы режиссером и

автором сценария был Горбачев. А многие в этом просто уверены и переубедить их невозможно. Так и видишь, как в тиши своего кабинета Горбачев и Крючков пишут сценарий. Этого — в Матросскую тишину, этого — в окно, этот пусть застрелится, а этот — повесится. «Меня, что ли, тоже в тюрьму?» — удивленно спрашивает Крючков. «Так надо,— мягко говорит генсек.— В этом суть всего сценария». Крючков вздыхает, но подчиняется и тут же звонит в Матросскую тишину, чтобы в одной из камер сделали ремонт. «Михаил Сергеевич,— говорит верный Лукьянов, ознакомившись со сценарием,— меня, пожалуй, тоже надо в тюрьму». «Спасибо, Анатолий Иванович,— со слезами на глазах обнимает старого друга Горбачев,— ты настоящий друг»,— и вносит в сценарий необходимые дополнения, шлифуя его окончательно, как и подобает настоящему режиссеру.

Ну, а какую же роль в сценарии умный, хитрый властолюбивый и очень дальновидный Горбачев оставил себе? Неужели он не понимал, что президент, позволивший себя арестовать и изолировать даже в рамках собственного сценария, это уже не президент, тем более такой страны как Советский Союз. Значит, нам нужно делать вывод, что Горбачев сознательно пошел на политическое самоубийство самого себя и страны. Ибо, увидев на экранах телевизоров жалкого и растерянного Горбачева, привезенного спецназовцами из Фороса, лидеры союзных республик поняли, как ослабла Москва и прочли в бледном лице и лихорадочно блестевших глазах своего, идущего в сопровождении автоматчиков, генсека, сигнал разбегаться. Чтобы Горбачев сам, по собственной воле такое с собой сотворил, может считать только тот, кто хочет принимать желаемое за действительное, не зная простейших критериев, по которым КПСС ковала своих лидеров.

Может быть, режиссер — Ельцин? Не его методика. Ему бы просто таланта не хватило на все эти мудрености. Это человек прямых (даже слишком прямых) ходов.

Ответ лежит в следующем. Семьдесят с лишним лет нас приучали к мысли, что столицей КПСС является Москва. Но это вовсе не так. Столица КПСС была совсем в другом месте, а Москва была чем-то вроде полевого штаба огромного полигона, где отрабатывались на практике бредовые идеи Владимира Ильича. Кто со мной не согласен, пусть читает Ленина. Но вечно ничто продолжаться не может. Ибо вовремя смыться — основа основ таких организаций, к которым принадлежала КПСС. Операция по трансформации КПСС в новое качество принадлежала КПСС. Операция

по трансформации КПСС в новое качество и получила название «Перестройка». Горбачев осуществил ее блестяще. Он увел свою партию, как горьковский Данко, в то самое светлое будущее, которым нам так долго морочили голову. С той лишь разницей, что сердце для освещения дороги он вырвал не у себя, а у страны. Но страна — это было последнее, что всегда интересовало большевиков. «У большевиков нет отечества»,— раз сто отмечал Ленин, но почему-то этого самого главного в его учении, никто так и не запомнил. Сделав свое дело, превратив КПСС в нового, респектабельного члена мирового бизнес-клуба, Горбачев, естественно, счел свою миссию оконченной и уехал в Форос, чтобы привести собственные дела в порядок. При этом он передал управление всеми делами в ликвидируемой стране своему единственному надежному партнеру — Борису Ельцину. Не потому, что больше было некому, а потому, что команда Горбачев — Ельцин — тандем старый и великолепно сыгранный. Когда Горбачев завяз в непроходимом болоте московских партийных интриг — в этих поистине Авгиевых конюшнях КПСС — роль Геракла, расчистившего эти конюшни выполнил Ельцин. Выполнил и эффектно ушел, оставив после себя громкий кухонный скандал на XIX партконференции. Когда пришла пора уходить Горбачеву, его сменил Ельцин. И поверьте моему прогнозу: если президент России столкнется с ситуацией, в которой ему придется уйти, его сменит Горбачев. Почему, спросите вы? А вот сейчас именно потому, что больше некому. Поперечисляйте, не обманывая себя, всех наших политиков и выберите сами кого-нибудь на роль главы государства. Желаю вам успеха, поскольку я никого выбрать не смог.

Все было бы хорошо, но тогда, в августе 1991 года, собралась группа людей, вскоре получившая известность как ГКЧП, которая почему-то решила, что ее обделили и политически, и материально, разумеется. Группа не протестовала против главного, что пора уходить с политической сцены, просто эти люди сами не хотели далеко уходить от столь сладкой кормушки. Они считали себя силой, забыв, что все уже решено без них. Они не знали даже того, что их и подбирали долго и тщательно с одной только целью, чтобы было не жалко в случае необходимости всех вместе посадить в тюрьму, используя их болезненное тщеславие в собственных интересах. Вспомните, как бился в свое время Горбачев, чтобы протащить Янаева в вице-президенты на потеху всей стране. Как вытащил он Язова из небытия и туда же его и вернул. Как вовремя он убрал из-под удара своего друга

Бакатина и подставил беднягу Пуго. Как, невзирая на все провалы, держал на посту Крючкова. Вспомните знаменитую улыбку Горбачева, когда друг — Лукьянов примерял на себя кресло генсека. Вспомните, и вы поймете, наконец, что знаменитый Августовский путч был по сути своей очередным внутрипартийным мероприятием. Антипартийная группа Янаева, Крючкова и К° почему-то посчитала себя вправе не подчиниться решению Партии. И была за это наказана. Ибо партийная дисциплина, как неоднократно указывал еще Ильич, это основа основ всего партийного строительства. А партийное строительство идет не только вверх, но и в глубину. Об этом антипартийная группа почему-то забыла. Но нам бы этого не следовало забывать. Ибо ПЕРЕСТРОЙКА продолжается.

СПб, август—сентябрь 1991 года

Содержание

Золото партии 3
Часть 1 «Нашествие» 3
Часть 2 «Оккупация» 97
Часть 3 «Бегство с добычей» 235
Кейс Президента 315

Б-31

Бунич Игорь Львович
ЗОЛОТО ПАРТИИ. КЕЙС ПРЕЗИДЕНТА: Исторические хроники. — С.-Пб.: Фирма «Шанс», 1994. — 432 с.

ISBN 5-900740-02-1

Книги подполковника военно-морской авиации в отставке — Игоря Бунича «Золото партии» и «Кейс Президента», написанные им в жанре детектива, представляют собой историко-художественные произведения, в основе которых лежат малоизвестные архивные и секретные материалы.

В повести «Золото партии» автор, анализируя ранее не публиковавшиеся документы, дает панорамную картину расхищения коммунистами национального достояния России с 1917 года и до наших дней.

«Кейс Президента» — это остросюжетный рассказ бывшего офицера ВВС, у которого, как и у М.С. Горбачева, в первый день путча (19 августа 1992 г.) отключили телефон и отобрали, находящийся под его охраной «кейс Президента», который содержал специальную аппаратуру для подачи сигнала, означавшего для человечества ядерную войну.

Обе книги раскрывают преступную деятельность организации, именующей себя партией большевиков.

Предыдущие издания этих книг получили широкий отклик читателей, что позволяет поставить их в ряд современных общественно-политических бестселлеров.

Б 4702010000 ББК 63.3(2) 712

Бунич Игорь Львович
«ЗОЛОТО ПАРТИИ»
«КЕЙС ПРЕЗИДЕНТА»
Исторические хроники

Ответственный за выпуск — *А. Сердобольский*
Редактор — *О. Краславская*
Технические редакторы — *А. Клепникова, О. Белова*
Корректор — З. *Алексеева*
Художник — *В. Мастеров*

Подписано в печать 23.05.94.
Формат $84 \times 108^1/_{32}$. Гарнитура литературная.
Бумага офсетная. Тираж 50 000 экз.
Усл. печ. л. 22,68. Усл. кр.-отт. 22,80.
Уч.-изд. л. 26,0. Лицензия ЛР № 062785

Печать офсетная. Заказ № 500, фирма «Алкиона»,
типография «Белорусский Дом печати».
220041, г. Минск, пр. Ф. Скарины, 79.

ББК 63.3.(2) 712
Б 31

ISBN 5-900740-02-1

И. БУНИЧ

ЗОЛОТО ПАРТИИ
КЕЙС ПРЕЗИДЕНТА

ИСТОРИЧЕСКИЕ ХРОНИКИ